

ЛИЦЕЙ
813254
Э 365
УрГУ

813254

ВЕЛИКІЕ И УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ
СѢВЕРНОЙ РУСИ
ВЪ ТАТАРСКІЙ ПЕРІОДЪ,
съ 1238 по 1505 г.

БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ И ГЛАВНѢЙШИМЪ ПОСОБІЯМЪ

А. В. Экземплярскаго.

Господа отци и братьꙗ! оже сꙗ гдѣ коудоу описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливаꙗ Бога дѣлꙗ, а не клените, занеже книгы ветшаны, а оумъ молодъ не дошелъ.

Лаврентьевская лѣтопись.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ВЕЛИКІЕ КНЯЗЬЯ ВЛАДИМІРСКІЕ И ВЛАДИМІРО-МОСКОВСКІЕ
съ приложеніемъ хронологіи событій, касающихся Новгорода и Пскова, біографій великокняжескихъ сыновей, не занимавшихъ удѣловъ, и родословной таблицы.

Изданіе графа И. И. Толстого.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ 1889.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль настоящаго труда — дать занимающимся русской исторіей справочную книгу для одного изъ самыхъ важныхъ и любопытныхъ, но едва ли, можно сказать, вполнѣ изслѣдованныхъ и обработанныхъ періодовъ русской исторіи, періода татарскаго.

Старая жизнь южной удѣльно-вѣчевой Руси перенесена на сѣверъ, такъ сказать, только въ обломкахъ, въ хиломъ состояніи, а потому и не могла держаться тамъ крѣпко. На сѣверѣ явился новый типъ князя, который сознательно началъ стремиться къ единовластію; народное вѣче здѣсь имѣетъ уже случайный характеръ простой народной сходки, а удѣлы развиваются до самостоятельныхъ княжествъ съ преемственной властью въ одной семьѣ. Междукняжескія отношенія на сѣверѣ хотя и становятся болѣе опредѣленными и устойчивыми, но такъ какъ прежнія, южнорусскія понятія о великокняжеской власти и правахъ на великокняжескій столъ здѣсь сильно измѣняются: утверждается престолонаслѣдіе по праву первородства въ нисходящей линіи,—то отношенія между князьями сильно перепутываются, столкновеніе новыхъ

понятій со старыми, а слѣдовательно однихъ княжескихъ родовъ съ другими, становится неизбѣжнымъ. Ко всему этому является новый дѣятель въ исторіи Руси въ лицѣ татаръ, имѣвшій громадное вліяніе какъ вообще на жизнь русскаго народа, такъ и на междукняжескія отношенія въ частности. При скудости лѣтописныхъ извѣстій, при ихъ краткости и только, такъ сказать, намекахъ на то, что было ясно для современниковъ и что теперь представляется темнымъ для насъ, здѣсь представляется обширное поле для самыхъ мелкихъ изслѣдованій по всѣмъ вспомогательнымъ для исторіи наукамъ: хронологіи, генеалогіи, географіи и пр. Въ самомъ дѣлѣ, для уясненія себѣ событій той эпохи необходимо разобраться, между прочимъ, какъ въ отношеніяхъ князей другъ къ другу, такъ и въ отношеніяхъ ихъ къ народу и, наконецъ, къ татарамъ. Здѣсь на каждомъ шагу приходится встрѣчаться съ такими пробѣлами въ хронологіи, генеалогіи и пр., которыя требуютъ отдѣльныхъ, хотя часто и мелкихъ изслѣдованій. Количество этихъ послѣднихъ для занимающей насъ эпохи— весьма ограниченное, и большая часть ихъ касается общихъ вопросовъ. Но для того, чтобы ближе ознакомиться съ извѣстной эпохой, чтобы хоть до нѣкоторой степени влѣзть, такъ сказать, въ шкуру человѣка той эпохи — да простятъ мнѣ такое выраженіе! — и смотрѣть на событія его глазами, оцѣнивать факты его мѣркой, а потомъ уже прилаживать къ нимъ мѣрку XIX ст.,— для этого требуется рядъ мелкихъ и крупныхъ изслѣдованій по всѣмъ вспомогательнымъ для исторіи наукамъ, какъ хронологія, географія и пр. Эпоха, которой касается нашъ трудъ, требуетъ именно такихъ мелкихъ, кропотливыхъ изслѣдованій. Всякое, поэтому, пособіе, мало-мальски удовлетворяющее своему назначенію, должно быть желательнымъ и считаться полезнымъ.

Настоящій трудъ даетъ справочную книгу только для татарскаго періода русской исторіи. Въ русской исторической литературѣ уже давно высказывалась необходимость въ подобной справочной книгѣ: еще въ началѣ настоящаго столѣтія П. Строевъ въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ историческихъ статей (если

не измѣняетъ память, въ „Сынѣ Отеч.“ за 1815 г. въ статьѣ: „Родословный чертежъ“ и пр.) заявлялъ, что онъ намѣренъ издать словарь владѣтельныхъ русскихъ князей, но это намѣреніе его не осуществилось; покойный Погодинъ далъ справочную статью (въ „Изслѣд., замѣч. и лекціяхъ по Русск. ист.“), касающуюся удѣльныхъ князей до-татарскаго періода. Затѣмъ, подобныхъ попытокъ мы не встрѣчаемъ уже до послѣдняго времени. Въ 1870 г. покойный М. Д. Хмыровъ напечаталъ въ „Календарѣ для всѣхъ“ „Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови“, а въ слѣдующемъ 1871 г. въ томъ же календарѣ помѣстилъ перечень „удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ“ (половина 1-ая, на буквы А — И). Эти перечни тогда же вышли и отдѣльными оттисками. Трудъ М. П. Погодина представляетъ дословныя погодныя выписки изъ лѣтописей, касающіяся того или другаго князя; что же касается труда М. Д. Хмырова, то и онъ въ общихъ чертахъ схожъ съ трудомъ Погодина: въ хронологическомъ порядкѣ, кратко передаются факты о каждомъ князѣ со дня его рожденія до смерти. Трудъ Хмырова — трудъ, безъ сомнѣнія, почтенный, но далеко неудовлетворительный въ смыслѣ научномъ: при краткой хронологической передачѣ фактовъ, какъ отдѣльныхъ, ни съ чѣмъ не связанныхъ явленій изъ жизни того или другаго князя, лицо становится предъ читателемъ безъ всякой исторической обстановки, и потому представляется какъ бы не имѣющимъ подъ собой почвы; затѣмъ, отсутствіе указаній на источники лишаетъ его научной цѣнности; наконецъ, перечень переполненъ ошибками, противорѣчіями и недосмотрами, которыхъ часто съ перваго раза не возможно замѣтить. Приведемъ, для примѣра, нѣсколько ошибокъ изъ этого перечня. Въ Воскресенской лѣтописи подъ 1364 г. сказано, что умерла княгиня Александра „*Иванова* Ивановича“ (в. кн. Ивана II), т. е. Александра, *жена Ивана* Ивановича. Вѣроятно, у Хмырова жена вел. кн. Ивана Ивановича Александра (№ 8), извѣстная намъ только по имени, и названа *Ивановной* на основаніи этого невѣрно понятаго извѣстія

лѣтописи. Какъ въ разныхъ лѣтописихъ одно и то же событіе имѣетъ разныя даты, такъ и у Хмырова въ разныхъ мѣстахъ оно имѣетъ также разныя даты. Такихъ и тому подобныхъ ошибокъ и недосмотровъ въ „Перечнѣ“ чрезвычайно много, почему мы и не будемъ указывать на нихъ тѣмъ болѣе, что такія указанія будутъ встрѣчаться въ примѣчаніяхъ къ настоящему труду; но не можемъ не привести одного, болѣе разительнаго промаха. Женой Глѣба Васильковича, перваго удѣльнаго князя бѣлозерскаго, въ одномъ мѣстѣ (№ 605) Хмыровъ считаетъ Ѳедору, дочь Сартака; въ другомъ мѣстѣ (№ 165) женой Глѣба онъ считаетъ Ѳедору же, но дочь Романа Мстиславича галицкаго, и эту же послѣднюю, въ третьемъ мѣстѣ (№ 562), считаетъ (какъ и слѣдуетъ) женой старшаго изъ двухъ сыновей Владиміра Ярославича галицкаго (сына Ярослава Осмомысла). Ошибки, подобныя приведеннымъ, встрѣчаются и въ болѣе серьезныхъ трудахъ, — но о нихъ будутъ встрѣчаться замѣтки въ нашихъ примѣчаніяхъ.

Мы указываемъ на приведенныя ошибки никакъ не для того, чтобы выставить въ болѣе выгодномъ свѣтѣ свой трудъ, — напротивъ, нисколько не обольщаясь на счетъ своихъ силъ и знаній, мы намѣренно указывали на приведенныя ошибки, чтобы показать, какъ легко можно дѣлать промахи такіе въ подобныхъ нашей кропотливыхъ работахъ даже людямъ, продолжительное время трудившимся на поприцѣ отечественной исторіи. Такимъ образомъ — сознаемся откровенно — указаніями на промахи мы скорѣе косвенно извиняемъ себя за могущія встрѣтиться и въ нашемъ трудѣ подобные же промахи и ошибки.

Настоящій трудъ раздѣленъ нами на двѣ части и потому разбитъ на два тома: въ этомъ первомъ томѣ, выходящемъ теперь въ свѣтъ, помѣщены біографіи великихъ князей владимірскихъ и владиміро-московскихъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ татарскій періодъ русской исторіи, — а въ печатающемся второмъ томѣ будутъ размѣщены по княжествамъ біографіи удѣльныхъ владѣтельныхъ князей владимірскихъ и московскихъ удѣловъ и

великихъ князей тверскихъ, суздальско-нижегородскихъ и рязанскихъ.

Предоставляя судить о достоинствахъ и недостаткахъ нашего труда компетентнымъ людямъ, въ заключеніе считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о внѣшней, технической сторонѣ нашего труда.

Мы придерживались при передачѣ фактовъ изъ жизни того или другаго князя хронологическаго порядка, какъ болѣе удобнаго для справочной книги, и этимъ обстоятельствомъ объясняется не рѣдко повторяющееся въ настоящемъ трудѣ явленіе — искусственные переходы отъ однихъ событій къ другимъ; годы мы не переводили изъ одного лѣтосчисленія въ другое, изъ мартовскаго въ сентябрьское, что, по нашему мнѣнію, пока еще невозможно дѣлать: въ разныхъ лѣтописяхъ одни и тѣ же факты одного и того же года слѣдуютъ одинъ за другимъ часто не въ одинаковомъ порядкѣ и при томъ одни съ мѣсячными датами, другіе безъ этихъ послѣднихъ; такимъ образомъ, не установивши правильно порядка, въ какомъ слѣдовали факты одинъ за другимъ, мы рисковали бы поставить ихъ въ неправильныя отношенія одинъ къ другому. Нѣкоторые источники и пособія цитировались нами съ сокращеніями ихъ оглавленій; сокращенія эти, впрочемъ, понятны, исключая развѣ тѣхъ, которыя представляютъ изъ себя одни инициалы; но сюда относятся только два источника: Полное собраніе русскихъ лѣтописей и Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ (въ сокращеніи: П. С. Р. Л. и С. г. г. и д.); исторія С. М. Соловьева цитировалась по второму изданію, а Карамзина — по изданію Эйнерлинга; „Алфавитно-справочный перечень“ М. Д. Хмырова цитировался большею частію только посредствомъ указанія на №, подъ которымъ находится то или другое лицо.

Еще разъ въ заключеніе повторимъ, что кропотливые труды, подобные настоящему, рѣдко обходятся безъ промаховъ и ошибокъ. Не сомнѣваясь, что и въ нашемъ трудѣ найдутся промахи,

мы, сознавая неизбѣжность ихъ, тѣмъ не менѣе ничего не будемъ говорить въ свое оправданіе; повторимъ только слова, поставленныя эпиграфомъ къ настоящему труду: «Господа отци и братьѧ! оже сѧ гдѣ боудоу описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите, исправливаѧ Бога дѣлѧ, а не клените, занеже книгы ветшаны, а оумъ молодъ не дошелъ».

Андрей Экземплярскій.

С.-Петербургъ 1889 г.
Августъ.

I.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМІРСКОЕ.

Въ русской исторической литературѣ уже давно установилось мнѣніе о томъ, что города сѣверо-восточной Руси обязаны своимъ возникновеніемъ по преимуществу Юрію Долгорукому; этимъ, хотя и косвенно, сынъ Мономаха становился главнымъ виновникомъ заселенія края. Дѣйствительно, лѣтописи указываютъ на многіе города, поставленные Юріемъ. Но почти исключительно Юрію Долгорукому приписывать возникновеніе городовъ въ сѣверо-восточной Руси не совсѣмъ справедливо. Мы знаемъ, что еще до Юрія въ сѣверо-восточной Руси были уже города со славянскими названіями и славянскими обитателями. Таковы Суздаль и древнѣйшій изъ городовъ Ростовъ. Бѣлозерска до призванія князей и при первыхъ князьяхъ, можетъ быть, и не было, но славянское населеніе на Бѣлоозерѣ было, на что указываетъ самое названіе озера. Такимъ образомъ, дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси было дѣломъ не князей, а самого народа; князья были только продолжателями этой колонизаціи. Но и при князьяхъ, даже въ позднѣйшій періодъ, при царяхъ, народъ продолжалъ свое дѣло: стоитъ только припомнить исторію присоединенія Сибири, чтобы убѣдиться въ этомъ. Когда князья пришли въ верховья Волжскаго бассейна, они нашли здѣсь уже крѣпко осѣвшее славянское населеніе. Но это населеніе, сравнительно съ окружавшими его со всѣхъ сторонъ финскими племенами, представляло, такъ сказать, небольшіе островки въ громадномъ морѣ. Не надобно далеко ходить, чтобы убѣдиться въ этомъ послѣднемъ: достаточно одного бѣглаго взгляда на этнографическую карту древней Руси... Благодаря духовному превосходству своей природы, сравнительно

весьма малочисленное населеніе помянутыхъ островковъ не только не было затоплено волнами финскаго моря, но и утишило и покорило эти волны, шагъ за шагомъ дѣлая приращенія къ своимъ островкамъ. Славянскіе колонизаторы до того успѣли освоить инородцевъ съ своими интересами, что эти послѣдніе принимаютъ участіе въ призваніи князей. Существуетъ мнѣніе, что подъ финскими племенами, участвовавшими въ этомъ важномъ актѣ жизни русскихъ славянъ, надобно разумѣть славянскихъ колонистовъ, жившихъ среди инородцевъ. Едва-ли это мнѣніе вполнѣ справедливо. Не говоря уже о томъ, что лѣтописецъ опредѣленно и положительно говоритъ объ этомъ предметѣ, нѣкоторыя соображенія, логически вытекающія изъ внимательнаго разсмотрѣнія обстоятельствъ этого важнаго дѣла, заставляютъ признать участіе финскаго элемента въ призваніи князей не подлежащимъ сомнѣнію. Сравнительно ничтожное количество славянскихъ поселенцевъ крѣпко осѣдаетъ среди многочисленнаго финскаго племени. Будь послѣднее выше по культурному развитію, славянскіе поселенцы, несомнѣнно, были бы поглощены имъ. А между тѣмъ мы видимъ совершенно обратное явленіе, которое становится болѣе очевиднымъ для насъ тогда, когда славянъ, въ ихъ поступательномъ движеніи, застаетъ исторія, другими словами—когда явились князья, а потомъ—лѣтописцы, обращавшіе большее вниманіе на дѣянія князей, чѣмъ народа. Вотъ почему дѣло колонизаціи сѣверо-восточной Руси несправедливо приписывается иногда исключительно первымъ князьямъ. Дѣятельность этихъ послѣднихъ направлена была по преимуществу къ сплоченію, къ объединенію славянскихъ племенъ. А если ближайшіе преемники первыхъ князей, начиная съ IX вѣка, заходили далеко и занимали земли за границей поселеній главной массы славянства съ необыкновенной легкостью, то легкость этихъ пріобрѣтеній, особенно на сѣверо-востокѣ, нужно объяснять исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что князья являлись въ мѣста, уже колонизированныя славянскимъ племенемъ, въ мѣста, такъ сказать, уже насиженныя послѣднимъ. Мы знаемъ по лѣтописямъ, что еще при Вѣщемъ Олегѣ многочисленное финское племя Мери было извѣстно подъ своимъ собственнымъ именемъ; подъ этимъ именемъ оно принимало участіе въ походѣ Олега на Константинополь въ 907 году. Но послѣ этого похода мы уже не встрѣчаемъ извѣстій о мерянахъ, какъ особомъ народѣ. Неужели, какъ нѣкоторые думаютъ, Меря куда-то ушла, столько времени жившии на одномъ мѣстѣ, или, какъ полагаетъ Ходаковскій, племя это—было племя славянское, легко утратившее свою частную кличку въ общей массѣ русскихъ славянъ? Съ мнѣніемъ первыхъ излишне, кажется, спорить: исчезновеніе многочисленнаго племени посредствомъ темнаго переселенія въ темные края, такъ сказать,

на глазахъ исторіи не могло кануть въ область неизвѣстности; думать же о томъ, что Меря было племя славянское, значитъ совсѣмъ отвергать тѣ источники, въ которыхъ сохранились этнографическія извѣстія о первобытныхъ обитателяхъ сѣверо-восточной Европы, а на основаніи этихъ источниковъ только и возможно опираться при всевозможныхъ сужденіяхъ и мнѣніяхъ о древнѣйшей исторіи Руси. Кромѣ этого, не надобно терять изъ виду и того обстоятельства, что названія рѣкъ и многихъ урочищъ сѣверо-восточной Руси носятъ исключительно финскія названія,— а обозначеніе такихъ предметовъ, какъ рѣки и урочища, подъ тѣми или другими частными названіями, всего скорѣе должно принадлежать первымъ насельникамъ края. Ближе къ истинѣ будетъ предположеніе, что Мерянское племя отъ болѣе или менѣе продолжительнаго сожитія съ славянскими колонистами, благодаря духовному превосходству послѣднихъ, подчинилось имъ и духовно и матеріально, а потомъ, вслѣдствіе скрестныхъ браковъ и другихъ обстоятельствъ, и ассимилировалось имъ. Антропологія, въ частности, и вообще археологія, сдѣлавшія въ послѣднее время значительные успѣхи въ своемъ развитіи, хотя и не вполнѣ обстоятельно, но тѣмъ не менѣе вѣрно указываютъ на племенную смѣшанность населенія сѣверной Руси, основываясь на раскопкахъ могилъ или кургановъ, на находимыхъ въ нихъ предметахъ: черепахъ, утвари и т. п.... Въ этомъ смыслѣ можно, пожалуй, признать и взглядъ извѣстнаго Духинскаго на этнографію сѣверной Россіи, или Великороссіи. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ только въ сказкахъ можно встрѣтить такія быстрыя превращенія, какъ ассимиляція однихъ племенъ другимъ. Какъ могло совершиться такъ легко занятіе сѣверно-русскихъ земель кіевскими князьями въ самый ранній періодъ существованія княжеской Руси? Очевидно, почва подготовлена была еще до князей самимъ народомъ, который и при князьяхъ продолжалъ дѣло колонизаціи. Князья, и то не самые первые, были только продолжателями этого народнаго стремленія: они являлись, какъ выше замѣчено, на мѣста уже насиженныя, ставили города, заводили поселенія, а существовавшія до нихъ поселенія расширяли и обращали въ города.

До возвышенія Владиміра и до образованія Владимірскаго Великаго Княжества, въ земляхъ сѣверной части Волжскаго бассейна сидѣли первоначально княжіе мужи. Но съ конца X вѣка въ качествѣ представителей великокняжеской власти мы видимъ тамъ уже князей, большею частію великокняжескихъ сыновей. Въ 988 г. Владиміръ святой посадилъ въ Ростовѣ старшаго сына своего, Ярослава, а съ переходомъ этого послѣдняго въ Новгородъ, тамъ сѣлъ другой сынъ Владиміра, Борисъ. Затѣмъ Ростовъ вмѣстѣ съ Суздалемъ и Бѣлоозеромъ перешли въ руки Всеволода Яросла-

вича и сдѣлались наслѣдственными въ его родѣ. Доставшись Юрію Владиміровичу Долгорукому, Ростовско-Суздальская область сдѣлалась самостоятельнымъ княжествомъ, получившимъ названіе Суздальскаго по исключительному пребыванію въ Суздалѣ перваго самостоятельнаго князя этой области. Но Юрій Долгорукій хотя и много положилъ труда для развитія гражданской жизни въ краѣ, тѣмъ не менѣе взоры его постоянно устремлены были на южную, Кіевскую Русь. Въ 1149 г. онъ занялъ Кіевъ, но не надолго. Наконецъ, по смерти Изяслава Мстиславича въ 1155 г. онъ окончательно занялъ великокняжескій столъ и роздалъ удѣлы сыновьямъ своимъ. Андрей Юрьевичъ (Боголюбскій), получившій въ удѣлъ Вышгородъ, въ томъ же 1155 г. тайно отъ отца ушелъ въ Суздальскую землю, гдѣ, по смерти Юрія († 1157 г.), ростовцы и суздальцы выбрали его въ князья «и посадиша й въ Ростовѣ на отни столѣ и Суждали» [1]). Спустя лѣтъ пять послѣ этого (въ 1162 г.), выгнавши изъ Ростовско-Суздальской области братьевъ своихъ и двоихъ племянниковъ, дѣтей умершаго Ростислава Юрьевича, Андрей сдѣлался единовластителемъ области, — а въ 1169 г., по взятіи его войсками Кіева, онъ посадилъ въ послѣднемъ брата своего Глѣба въ качествѣ удѣльнаго князя. Но Глѣбъ, какъ и преемники его, во многомъ зависѣли отъ Андрея, который, такимъ образомъ, становится истиннымъ великимъ княземъ Руси.

Съ Андрея Боголюбскаго столицей Ростовско-Суздальской области становится едва замѣтный до того времени Владиміръ, которому это первенство досталось, конечно, не безъ борьбы: Ростовъ не хотѣлъ уступить первенства своему пригороду и взялъ временный перевѣсъ, посадивши у себя и въ Суздалѣ племянниковъ Андрея, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, которые потомъ должны были уступить первенство дядьямъ своимъ, Михалкѣ и Всеволоду Юрьевичамъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и Ростовъ уступилъ Владиміру. Такимъ образомъ князья Ростовско-Суздальской области получаютъ названіе вмѣсто суздальскихъ князей — великихъ князей владимірскихъ.

Относительно основателя, а слѣдовательно и времени основанія г. Владиміра, лѣтописи разнорѣчатъ, — а за ними почти до послѣдняго времени разнорѣчили и наши историки. Замѣтимъ, что извѣстія о времени основанія Владиміра мы встрѣчаемъ преимущественно въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ. Однѣ изъ этихъ лѣтописей считаютъ основателемъ новой столицы Ростовско-Суздальской земли Владиміра святаго, а другія — Владиміра Мономаха. Никоновская лѣтопись [2]) подъ 992 г. говоритъ, что Владиміръ святой съ

1) П. С. Р. Л. I, 148—149; II, 78, 81; VII, 64, 66.
2) Никон. лѣт. I, 104.

двумя епископами константинопольскаго патріарха Фотія (при Владимірѣ такого не было) ходилъ въ Суздальскую землю, крестилъ тамъ народъ, поставилъ городъ «въ свое имя Володимеръ» на р. Клязьмѣ и въ немъ церковь во имя пресв. Богородицы. То же находимъ и въ Степенной книгѣ,— а авторъ Синопсиса, «сей невѣжда», какъ совершенно справедливо называетъ его нашъ историографъ [3]), прибавляетъ къ этому, основываясь на Стриковскомъ, что Владиміръ съ того времени сдѣлался столицей великихъ князей. Въ Патерикѣ, въ житіи Стефана, игумена Печерскаго, положительно сказано, что г. Владиміръ поставленъ именно Владиміромъ святымъ, а Татищевъ указываетъ и годъ построенія — 992-й, чего не находимъ въ лѣтописяхъ [4]). Подъ 1160 годомъ въ Никоновской лѣтописи говорится, что Андрей Боголюбскій, созвавъ князей (?) и бояръ, держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой выражалъ желаніе сдѣлать Владиміръ столицею княжества, причемъ объ этой будущей столицѣ выразился такъ: «Градъ сей Владиміръ созда святый и блаженный великій князь, просвѣтивый всю Русскую землю святымъ крещеніемъ». По Ипатьевской лѣтописи [5]) основаніе Владиміра относится къ болѣе раннему времени — къ 990 году, а по Софійской первой [6]) — къ еще болѣе раннему времени, къ 987 г. Въ Лаврентьевской лѣтописи [7]) подъ 1176 г., гдѣ говорится о распрѣ владимірцевъ съ ростовцами изъ-за первенства, о городѣ Владимірѣ замѣчено: «Постави бо преже градъ ось великій Володимеръ и потомъ князь Андрей». Здѣсь, однако, подъ Владиміромъ *Великимъ*, по вѣрному замѣчанію Карамзина [8]), надобно разумѣть Владиміра Всеволодовича, т. е. Мономаха, а не Святославича, который въ лѣтописяхъ называется обыкновенно не великимъ, а святымъ. Но въ болѣе позднѣйшихъ лѣтописяхъ основаніе Владиміра опредѣленно приписывается Мономаху. Такъ, въ Синодальной лѣтописи временъ Василія Темнаго [9]) и многихъ другихъ новѣйшихъ сказано: «Мономахъ, правнукъ вел. кн. Владиміра, поставилъ градъ Володимерь Залѣшьскый въ Суждальской земли и осыпа его спомъ (насыпью, валомъ) и създа первую церковь св. Спаса за 50 лѣтъ до Богородичина ставленія», т. е. до закладки или построенія Успенскаго собора. Далѣе замѣчено, что Златоверхая (такъ названа по вызолоченнымъ куполамъ) церковь Богоматери совершена въ

3) Карамз. I, прим. 463. Цитируемъ Карамзина по изданію Эйнерлинга.
4) Ibid. прим. 466.
5) П. С. Р. Л. II, 258.
6) Ibid. V, 118. Здѣсь по ошибкѣ названа Смоленская земля вмѣсто Суздальской.
7) Ibid. I, 160.
8) Карамз. I, прим. 463.
9) Ibid. II, прим. 238.

1166 г.[10]). Но въ харатейныхъ и другихъ лѣтописяхъ построеніе Успенской церкви относится къ 1160 г.; въ 1161 г. она была расписана, а въ 1164 г. Андрей Боголюбскій внесъ въ нее чудотворную икону Богоматери. Такимъ образомъ, если Мономахъ поставилъ городъ и въ немъ церковь Спаса за 50 лѣтъ до основанія Успенской церкви, то основаніе Владиміра надобно будетъ отнести или къ 1110, или къ 1114, или — наконецъ — къ 1116 г. Во всякомъ случаѣ, по указаннымъ извѣстіямъ, основаніе Владиміра надобно относить къ періоду времени отъ 1110 до 1116 г. Несомнѣнно, Владиміръ основанъ не въ X в., какъ то утверждали въ свое время Татищевъ, Щербатовъ и другіе, а въ XII в. Если бы Владиміръ основанъ былъ въ X в., то лѣтописцы, при описаніи совершавшихся въ области р. Клязьмы событій до XII в., непремѣнно упомянули бы объ этомъ городѣ. Такъ, въ Воскресенской лѣтописи[11]) подъ 1096 г. говорится, что Олегъ Святославичъ изъ Мурома, который онъ отнялъ у Мономахова сына Изяслава, хотѣлъ напасть на брата Изяславова, Мстислава новгородскаго, который былъ тогда въ Суздалѣ и готовился идти къ Мурому на Олега. Послѣдній, между тѣмъ, успѣлъ добраться до р. Колокши, впадающей въ Клязьму немного выше Владиміра. Здѣсь и произошелъ бой Мстислава съ его крестнымъ отцемъ, Олегомъ. Намъ кажется, что здѣсь непремѣнно былъ бы упомянутъ лѣтописцемъ, по чему бы то ни было, г. Владиміръ, если бы онъ тогда существовалъ, — а между тѣмъ этого не сдѣлалъ лѣтописецъ.

И такъ, съ Андрея Боголюбскаго Владиміръ становится стольнымъ городомъ Великаго Княжества Владимірскаго. Но съ первой половины XIV в., когда великокняжеское достоинство навсегда утвердилось за князьями московскими, за родомъ Ивана Даниловича Калиты, Владиміръ начинаетъ уступать свое первенство Москвѣ: онъ считается столицей Великаго Княжества только de jure, но de facto столицей становится уже Москва. До Василія Темнаго Владиміръ, можно сказать, былъ въ такомъ же отношеніи къ Москвѣ, въ какомъ съ Петра Великаго и до послѣдняго времени находится Москва по отношенію къ Петербургу. Великіе князья изъ рода Ивана Даниловича Калиты по-прежнему назывались Великими Князьями Владимірскими и возводились на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Но уже при Калитѣ каѳедра митрополита — одно изъ самыхъ важныхъ преимуществъ столицы — была перенесена въ Москву, а въ 1432 г. Влади-

10) Карамзинъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, выводитъ отсюда неожиданное слѣдствіе, что Мономахъ построилъ Владиміръ въ 1166 г. Впрочемъ, здѣсь, вѣроятно, опечатка, и вм. 1166 надобно читать 1116 г.

11) П. С. Р. Л. VII, 11.

міръ потерялъ и то остававшееся за нимъ преимущество, которое напоминало о немъ, какъ о столицѣ: выигравши въ помянутомъ году свое дѣло въ ордѣ въ спорѣ съ дядей своимъ, Юріемъ галицкимъ, Василій прибылъ въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который посадилъ его на великокняжескій столъ въ Москвѣ же, въ храмѣ Богоматери у Златыхъ вратъ.

По убіеніи Андрея Боголюбскаго, въ спорѣ Ростова съ Владиміромъ о первенствѣ[12]) и Ростиславичей, внуковъ Долгорукаго, съ дядьями ихъ, Михалкомъ и Всеволодомъ Юрьевичами, верхъ взяли послѣдніе и г. Владиміръ. Михалко княжилъ только годъ († 1176 г.). По смерти его Владиміръ занялъ братъ его Всеволодъ (Большое гнѣздо), и опять началась борьба старшаго Ростова съ младшимъ Владиміромъ, окончившаяся въ пользу послѣдняго. По смерти Всеволода борьба его сыновей, Константина и Юрія[13]), окончилась въ пользу перваго, умершаго въ 1218 г. Послѣ Константина Юрій становился уже безспорнымъ обладателемъ великокняжескаго достоинства. Въ 1238 г. онъ палъ въ битвѣ съ татарами на берегу р. Сити, и великокняжескій столъ перешелъ къ слѣдующему брату, Ярославу Всеволодовичу, съ котораго мы и начнемъ біографическіе очерки великихъ князей за татарскій періодъ нашей исторіи.

Ярославъ Всеволодовичъ.

р. 1191 † 1246.

Ярославъ II Всеволодовичъ, четвертый изъ осьми сыновей Всеволода III Юрьевича, правнукъ Владиміра Мономаха, родился во Владимірѣ 8 февраля **1191 г.**[14]). Въ **1194 г.** апрѣля 27 надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ постриговъ (сажаніе на коня), обрядъ до нѣкоторой степени рыцарскій[15]).

Въ древней Руси, за отсутствіемъ теоретическаго воспитанія, княжичей весьма рано старались направить на путь практической дѣятельности.

---

12) См. подробности въ началѣ главы о князьяхъ Ростовскихъ, во II-й ч.

13) Ibid.

14) П. С. Р. Л. I, 172; VII, 101. Въ Лавр. лѣт. о рожденіи Ярослава—Өедора говорится подъ 8 февраля 1190 года, причемъ замѣчено объ отцѣ его: «тогда сущю князю великому въ Переяславли на полюдьи». Въ Воскресенской же лѣтописи сказано, что Ярославъ родился въ Переяславлѣ. Всего вѣрнѣе, онъ родился во Владимірѣ.

15) Ibid. I, 173.

На это указываетъ, между прочимъ, и только что помянутый обрядъ постригъ, послѣ котораго княжичъ считался какъ бы уже принадлежащимъ къ семьѣ ратныхъ людей. Княжичей, когда они были еще отроками, посылали на княженіе, брали въ походы и т. д., но въ такихъ случаяхъ къ нимъ назначались руководители изъ бояръ. Такъ было и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Въ **1201 г.** августа 3-го (по другимъ—10-го), когда Ярославу было лѣтъ 7-мь, Всеволодъ Юрьевичъ назначилъ его княземъ въ южный Переяславль[16]). Здѣсь онъ сидѣлъ до 1206 г. Въ **1203 г.**, зимой, онъ ходилъ на половцевъ вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Рюрикомъ и Романомъ галицкимъ, а въ 1206 г. принималъ участіе въ дѣлахъ Галича Червенскаго[17]). Въ **1205 г.** скончался (убитъ въ сраженіи съ поляками) Романъ Мстиславичъ галицкій, и галичане, хотя и неохотно, присягнули пятилѣтнему сыну его Даніилу. Рюрикъ Ростиславичъ, насильно постриженный отцемъ Даніила въ монахи, вышелъ изъ монастыря, занялъ кіевскій столъ и, соединившись съ князьями черниговскими, пошелъ на Галичъ. Но, благодаря королю венгерскому Андрею, союзныя войска были прогнаны. Въ **1206 г.** Рюрикъ, Всеволодъ Святославичъ Чермный, кн. черниговскій, Мстиславъ смоленскій, съ поляками, берендеями и половцами, возобновили походъ на Галичъ. Андрей венгерскій успѣлъ-было уговорить гражданъ взять къ себѣ княземъ Ярослава Всеволодовича, который и «гналъ» изъ Переяславля въ Галичъ,—но союзные князья, занявши городъ, изъ котораго вдова Романа бѣжала въ наслѣдственный свой Владиміро-Волынскій удѣлъ, на общемъ совѣтѣ положили отдать Галичъ Владиміру Игоревичу, князю Сѣверскому. Ярославъ ни съ чѣмъ возвратился съ дороги въ свой Переяславль, но и отсюда вскорѣ выгнанъ былъ Всеволодомъ Чермнымъ[18]).

Въ южной Руси продолжались смуты; этими смутами пользовались половцы, безнаказанно опустошая земли. Не видя защиты въ своихъ князьяхъ, южно-русскій народъ возлагалъ надежды только на вел. кн. владимірскаго. Дѣйствительно, въ **1207 г.** великій князь выступилъ въ походъ; на берегу Оки къ нему пристали князья муромскіе и рязанскіе. Всѣ, конечно, увѣрены были, что походъ предпринимается къ Кіеву, — но вышло совершенно другое. Всеволоду донесли, что рязанскіе князья дружатъ

---

16) Ibid. I, 175; II, 327; VII, 107; XV, 290. Едва ли вѣрно Ипат. лѣт. говоритъ, что Всеволодъ былъ тогда съ старшими сыновьями, Константиномъ и Юріемъ, въ Переяславлѣ, что переяславцы рады были назначенію Ярослава. Можетъ быть, не были ли всѣ они дѣйствительно въ Переяславлѣ, но только не Кіевскомъ, какъ выходитъ по Ипатьевской лѣтописи, а Залѣсскомъ?

17) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303.

18) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303; Карамз. III, 71—72.

съ Ольговичами черниговскими и вмѣстѣ съ ними что-то замышляютъ противъ него. Неизвѣстно, насколько справедливъ былъ доносъ, но Всеволодъ повѣрилъ ему и двинулся къ Рязани. Рязанскихъ князей, довѣрчиво явившихся къ нему въ ставку, онъ въ оковахъ отправилъ во Владиміръ и подступилъ къ Пронску, жители котораго сдались (22 сентября) только вслѣдствіе сильнаго голода; Рязань также покорилась и выдала Всеволоду остальныхъ князей съ женами и дѣтьми. Удаляясь во Владиміръ, великій князь оставилъ въ Рязанскомъ княжествѣ своихъ намѣстниковъ и тіуновъ, но въ **1208 г.** прислалъ туда на княженіе сына своего Ярослава, который находился при отцѣ въ походѣ 1207 года. Рязанцы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ приняли князя, а потомъ произвели даже возмущеніе: коварно перехватали людей Ярослава и поковали ихъ въ цѣпи, многихъ живьемъ засыпали въ погребахъ. Явился Всеволодъ, сжегъ Рязань и Бѣлгородъ, и вмѣстѣ съ сыномъ Ярославомъ пошелъ во Владиміръ, захвативши рязанскаго владыку Арсенія и множество рязанцевъ, которыхъ поселилъ въ своемъ княжествѣ[19]).

Въ походѣ на Рязань участвовали и новгородцы, которыхъ Всеволодъ, послѣ похода, одарилъ и отпустилъ изъ Коломны домой, обнадеживъ ихъ относительно ихъ старинныхъ вольностей, «да имъ уставъ старыхъ князь, его же хотяху новгородцы». Но при этомъ, въ залогъ вѣрности, онъ оставилъ семь человѣкъ изъ знатныхъ новгородцевъ и посадника Дмитра, тяжело раненнаго въ походѣ. На прощаньи великій князь сказалъ новгородцамъ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Новгородцы, узнавши о милости великаго князя, составили вѣче на Дмитра, кричали, что онъ бралъ на новгородцахъ серебро, повозы и пр., разграбили все имущество посадника, «а что ся на дьскахъ остало въ письмѣ (записи за должниками), а то все князю». Отпуская новгородцевъ, великій князь сына своего Константина оставилъ при себѣ, давъ ему Ростовъ, а въ Новгородъ послалъ другаго сына, Святослава, послѣ того, какъ состоялось вѣче на посадника, который между тѣмъ умеръ, еще будучи во Владимірѣ. По пріѣздѣ Святославъ получилъ «дьскы», по которымъ собралъ громадныя деньги, затѣмъ цѣловалъ крестъ Новгороду, совмѣстно съ которымъ дѣтей и внуковъ («племенникъ») Дмитра отправилъ къ отцу во Владиміръ. Вскорѣ послѣ похода на Рязань (въ **1209 г.**) Мстиславъ Мстиславичъ захватилъ Торжокъ и предложилъ себя въ князья Новгороду. Всеволоду

---

19) Ibid. I, 182, 210, 211; II, 330; III, 30—31; VII, 114—116, 235; XV, 305, 307. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лѣтописей эти событія группируютъ только подъ 1208—1209 г., а Ипатьевская и Новгор. III послѣдній актъ этой драмы относятъ къ 1210 году. — Бѣлгородъ находился близъ Ст. Рязани. См. Карамз. III, прим. 130.

это сильно не понравилось, и онъ въ томъ же 1209 г. выслалъ къ Торжку противъ Мстислава старшихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава, — но дѣло это кончилось примиреніемъ сторонъ [20]).

Въ **1212 г.** Всеволодъ Юрьевичъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ не старшаго сына (Константина), не хотѣвшаго брать Владиміра безъ Ростова, а слѣдующаго за нимъ Юрія, и между братьями возгорѣлась борьба. Юрій два раза ходилъ къ Ростову на Константина, въ 1212 г. и **1213**, когда заключенъ былъ между ними непрочный миръ послѣ боя на р. Ишнѣ подъ Ростовомъ. Ярославъ въ этой борьбѣ держалъ сторону Юрія и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на старшаго брата [21]).

Въ **1214 г.** новгородцы, у которыхъ не было тогда князя, отправили въ Переяславль пословъ просить Ярослава въ Новгородъ на княженіе. Передъ тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ кн. Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ по своей волѣ вышелъ изъ Новгорода въ южную Русь, сказавъ на прощаньи новгородцамъ, что они «вольни въ князѣхъ». Въ **1215 г.** Ярославъ пришелъ въ Новгородъ, гдѣ торжественно встрѣченъ былъ архіепископомъ Антоніемъ и новгородцами. Вскорѣ по прибытіи онъ приказалъ схватить новгородскаго тысяцкаго Якуна Зуболомича и новоторжскаго посадника Ѳому Доброщинича, по навѣтамъ враговъ ихъ, и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь (20 мая), а самъ со многими знатными новгородцами ушелъ въ Торжокъ; одаривши новгородцевъ, онъ отпустилъ ихъ и — засѣвши въ Торжкѣ — прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. Голодъ сильно давалъ себя чувствовать, почему новгородцы два раза отправляли къ Ярославу пословъ, приглашая его или идти въ Новгородъ, или очистить Торжокъ. Но Ярославъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему. Наконецъ, 11 февраля въ Новгородъ явился Мстиславъ Удалой, перехваталъ бояръ, приверженцевъ Ярослава, схватилъ Ярославова намѣстника и всѣхъ ихъ заковалъ, а затѣмъ потребовалъ отъ Ярослава, чтобы онъ очистилъ Торжокъ. Ярославъ въ отвѣтъ на это требованіе ловилъ новгородцевъ и отправлялъ ихъ въ свои города. «Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ», сказалъ Мстиславъ новгородцамъ и рѣшился выступить противъ Ярослава. Къ послѣднему пришелъ на помощь вел. кн. Юрій, а Константина привлекъ на

---

20) Ibid. I, 183—184; VII, 116 (подъ 1208 годомъ). См. начало біографіи Святослава Всеволодовича.

21) Ibid. I, 185; VII, 118, 119. — По Воскр. лѣтописи бой 1213 г. произошелъ на р. Идшѣ. Но такой рѣки мы не знаемъ, а знаемъ Ишню, какъ эта рѣчка и названа въ Никон. лѣтописи (т. II, 316). Объ этой рѣчкѣ см. статью г. Лѣствицына въ Яросл. губ. вѣд. 1871 г. № 50: «Рѣчка Ишня подъ Ростовомъ.»

свою сторону Мстиславъ, обѣщавъ доставить ему великое княжество. Въ битвѣ на берегахъ р. Липицы, близъ Юрьева, происшедшей 21 апрѣля **1216 г.**, верхъ взяли Мстиславъ и Константинъ, который и занялъ великокняжескій столъ, Юрію же далъ сначала Городецъ на Волгѣ, а потомъ — Суздаль[22]).

Въ **1219 г.** болгаре напали на Устюгъ и взяли его. Въ слѣдующемъ **1220 г.** вел. кн. Юрій Всеволодовичъ послалъ на этихъ хищниковъ брата Святослава съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, къ которымъ присоединилъ свои полки и Ярославъ Всеволодовичъ[23]). Года черезъ два послѣ этого похода мы видимъ Ярослава въ Новгородѣ. Въ **1221 г.** сынъ вел. князя Всеволодъ Юрьевичъ, не ужившись съ новгородцами, тайно уѣхалъ отъ нихъ; тогда новгородцы выпросили у Юрія брата его Ярослава. Этотъ послѣдній прибылъ въ Новгородъ въ **1222 г.** и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Колывань (Ревель), повоевалъ всю Чудскую землю, забралъ большой полонъ и множество золота, но города взять не могъ[24])... Неизвѣстно, когда Ярославъ выѣхалъ изъ Новгорода, но — до **1224 г.** Подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о томъ, что Всеволодъ, сынъ Юрія Всеволодовича, во второй разъ тайно выѣхалъ изъ Новгорода съ дворомъ своимъ въ Торжокъ. На этотъ разъ великій князь, съ намѣреніемъ наказать новгородцевъ, вмѣстѣ съ братьями прибылъ въ Торжокъ и требовалъ выдачи нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ бояръ, которыми былъ недоволенъ. Новгородцы, однако, съ твердостью заявили великому князю, что братьевъ своихъ они не выдадутъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, по предложенію великаго князя, они согласились принять къ себѣ Юріева шурина Михаила Всеволодовича, князя черниговскаго, который прибылъ въ Новгородъ въ **1225 г.**, но вскорѣ уѣхалъ опять въ свой Черниговъ. Между тѣмъ въ томъ же году на Новгородскую землю сдѣлала набѣгъ Литва, пустошила селенія около Новгорода, Торопца и ниже, по направленію къ Полотску. Ярославъ Всеволодовичъ, какъ говорятъ лѣтописи, сжалився о томъ, выступилъ изъ Переяславля въ погоню

---

22) Ibid. I, 186, 211; III, 32—35; IV, 20—26; VII, 119—123. Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей сказано, что Ярославъ сталъ (на мѣстѣ битвы) съ своими полками, *муромцами, городчанами* и бродниками. — Однѣ изъ лѣтописей относятъ битву къ 1215 г., а другія — къ 1216; очевидно, однѣ принимаютъ годъ, въ который началась распря у Ярослава съ новгородцами, доведшая дѣло до Липицкой битвы, а другія — годъ самой битвы.

23) Ibid. VII, 126 и сл. — Въ 1219 г. сентября 7 Ярославъ присутствовалъ вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ при освященіи епископомъ Симономъ Рождество-Богородицкой церкви во Владимірѣ.

24) Ibid. I, 216; III, 38; IV, 27; VII, 128. По I, 189 и IV, 177 это было въ 1223 г. Ср. соотвѣтственное мѣсто въ біографіи Святослава.

за литовцами; съ нимъ были князья — братья, Владиміръ Мстиславичъ съ новоторжцами и Давидъ съ торопчанами; князья послали и за новогородцами, которые, впрочемъ, отъ Русы возвратились назадъ, можетъ быть, потому, что литовцы угнаны были далеко. Соединенные князья догнали бѣглецовъ близъ Усвята, побили ихъ, взяли у нихъ весь полонъ и захватили съ собой не только многихъ простыхъ воиновъ, но и князей. Новгородцы послѣ того обратились къ Ярославу и усиленно просили его къ себѣ. Тотъ явился въ Новгородъ, но не изъявилъ никакого неудовольствія на то, что новгородцы не преслѣдовали литовцевъ до конца [25]).

Зимой **1226 г.** Ярославъ Всеволодовичъ ходилъ въ южную часть Финляндіи на Емь или Ямь, «гдѣ — по замѣчанію лѣтописи — ни единъ отъ князь рускыхъ не взможе бывати, и всю землю ихъ плѣни». Ему приходилось возвращаться съ такимъ громаднымъ полономъ, что онъ вынужденъ былъ многихъ плѣнныхъ освободить, а иныхъ убивать. Въ слѣдующемъ **1227 г.** онъ, безъ всякаго насилія съ своей стороны, крестилъ едва не всѣхъ кореляиъ, сосѣдей Еми [26]).

Въ **1228 г.** Емь, желая отмстить новгородцамъ, вошла въ Ладожское озеро. Ярославъ выступилъ противъ нея съ новгородцами. Ладожане, съ своимъ посадникомъ во главѣ, не дождавшись новгородцевъ, побили Емь, которая, не получивъ просимаго ею мира, избила весь полонъ, бросила лодки и бѣжала въ лѣса. Между тѣмъ новгородцы стояли въ Невѣ. Здѣсь по какому-то случаю они собрали вѣче, на которомъ хотѣли убить какого-то Судиміра, но князь скрылъ его въ своемъ насадѣ. Послѣ этого новгородцы, не дожидаясь ладожанъ, возвратились въ Новгородъ. Къ тому же времени относится распря новгородцевъ съ княземъ. Ярославъ, желая прибрать къ своимъ рукамъ не хотѣвшихъ поддаваться ему псковичей, требовалъ, чтобъ новгородцы шли съ нимъ на Псковъ, но тѣ отказались. Тогда Ярославъ вызвалъ изъ Переяславля свои полки, съ которыми хотѣлъ будьто бы идти на Ригу. Псковичи воспротивились этому, такъ какъ находились въ мирѣ съ нѣмцами; они говорили, что Ярославъ ходилъ къ Колывани, взялъ тамъ много серебра, а правды не учинилъ; то же было и съ Кесью (Венденъ); этимъ онъ только раздражилъ нѣмцевъ, которые обратились на нихъ, псковичей, и побили ихъ; въ заключеніе псковичи сказали Ярославу и новгородцамъ, что если они пойдутъ на Ригу, то псковичи

---

25) Ibid. I, 190, 219; III, 39 (подъ 1223 г.), 41, 42; IV, 27—28; VII, 133 (Литва побита въ недѣлю сыропустную).

26) Ibid. I, 190, 219; III, 42; IV, 29; VII, 133. Вѣроятно, Ярославъ за одинъ походъ повоевалъ Емь и крестилъ Корелу, и по тому-то, можетъ быть, большинство указанныхъ лѣтописей походъ на Емь, начавшійся по Лавр. лѣтописи въ 1226 г., относитъ къ 1227 г.

пойдутъ противъ нихъ. Новгородцы заявили, что безъ псковичей и они не пойдутъ. Вслѣдствіе этой неудачи Ярославъ съ женой своей уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Ѳедора и Александра[27]).

Въ то время, какъ все это происходило въ Новгородско-Псковской области, вел. кн. Юрій Всеволодовичъ собиралъ свои и ростовскіе полки въ походъ на Мордву; въ сентябрѣ 1228 г. войска его были уже за Нижнимъ-Новгородомъ, — но проливные дожди заставили его воротить эти войска. Въ томъ же году 14 января Юрій самъ выступилъ на Мордву; съ нимъ были его племянники, Василько и Всеволодъ Константиновичи (ростовскій и ярославскій), а также братъ его Ярославъ. Этотъ походъ былъ успѣшнѣе предъидущаго[28]).

Вскорѣ послѣ этого похода Ярославъ захватилъ новгородскую волость Волокъ. Въ **1229 г.** въ Новгородъ пришелъ изъ Чернигова кн. Михаилъ Всеволодовичъ, но вскорѣ уѣхалъ домой, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы отправили къ Ярославу пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ имъ Волокъ; но Ярославъ не только не исполнилъ этого требованія, но и пословъ не отпустилъ и держалъ ихъ все лѣто. Ссорясь съ новгородцами, Ярославъ разссорился и съ старшимъ братомъ своимъ, вел. кн. Юріемъ, противъ котораго успѣлъ возстановить и племянниковъ, Константиновичей. Причина ссоры передается лѣтописями не ясно: «Ярославъ Всеволодовичъ, слушая нѣкыхъ льсти... мысляшеть противитися Юрью брату своему». Но явившись въ Суздаль «на снемъ» (сеймъ), князья примирились: братъ великаго князя и племянники ихъ «поклонишася Юрью вси...» Сентября 7-го они цѣловали крестъ другъ къ другу, а 8-го, въ день Рождества Богородицы, праздновали и веселились у епископа Митрофана[29]).

Между тѣмъ Новгородъ страдалъ отъ голода и мора. Народъ ждалъ кн. Михаила Всеволодовича, но онъ не являлся, потому что хотѣлъ прежде примириться съ Ярославомъ, который, по новгородскимъ дѣламъ, относился къ нему враждебно и грозилъ войной. При посредствѣ кіевскаго князя Владиміра Рюриковича враждующіе примирились въ **1230 г.** Но Михаилъ черниговскій явно нарушалъ миръ. Вскорѣ по примиреніи онъ былъ на постригахъ сына въ Новгородѣ, гдѣ, по его отъѣздѣ, началось возмущеніе

---

27) Ibid. I, 219; III, 43; IV, 178, VII, 134.

28) Ibid. I, 191; VII, 134; Ник. II, 358. По Воскресенской лѣтописи 4 января князья уже побивали Мордву. — Подробности этого эпизода см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ біографіи Всеволода К-ча, кн. ростовскаго, во II-ой ч.

29) Ibid. I, 192—193, 220; III, 42—45; IV, 29; VII, 134—136.

вслѣдствіе вражды посадника Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника Твердислава; пожары и убійства были весьма часты; многіе бѣжали отъ свирѣпаго Водовика къ Ярославу Всеволодовичу. Наконецъ, самъ Водовикъ вмѣстѣ съ сыномъ Михаила Ростиславомъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ, вѣроятно, по тому, что прежде другихъ узналъ о примиреніи Михаила съ Ярославомъ. Скоро и новгородцы узнали объ этомъ примиреніи и вознегодовали на Михаила Всеволодовича: они называли его измѣнникомъ, а «Ростиславу путь показаша съ Торжьку къ отцеви въ Цьрниговъ», и отправили пословъ въ Переяславль просить къ себѣ Ярослава. Водовикъ уѣхалъ съ княжичемъ въ Черниговъ, куда стали перебираться многіе новгородцы, враги Ярослава, которыхъ Михаилъ, вопреки условіямъ примиренія съ Ярославомъ, принималъ свободно. Это обстоятельство возмутило не только Ярослава, но и вел. кн. Юрія. Братья, вмѣстѣ съ племянниками Константиновичами, выступили въ походъ на Михаила. Юрій, впрочемъ, съ дороги воротился, а Ярославъ и Константиновичи выжгли Серенскъ, осаждали Масальскъ и много зла причинили тамошнимъ жителямъ. Между тѣмъ изъ Чернигова новгородскіе враги Ярослава начали перебираться на родину; съ ними пошелъ и трубчевскій князь Святославъ, который, впрочемъ, съ дороги воротился домой, узнавъ, что въ Новгородѣ дѣла идутъ совершенно не въ пользу новгородскихъ выходцевъ и не такъ, какъ о томъ они говорили. Въ Псковѣ новгородцы схватили Вячеслава, Ярославова сторонника и, кажется, бывшаго новгородскаго посадника, били его и заковали. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ продолжался мятежъ, потому что еще не было князя. Но вотъ явился Ярославъ, перехваталъ находившихся въ Новгородѣ псковичей и отправилъ ихъ на Городище, а въ Псковъ послалъ требованіе о выдачѣ его мужа. Псковичи, съ своей стороны, требовали выдачи ихъ товаровъ и пр., и только тогда хотѣли освободить Вячеслава. Ярославъ прибѣгъ къ обычной мѣрѣ: не пускалъ во Псковъ гостей, вслѣдствіе чего наступила во всемъ дороговизна, и по этому, вѣроятно, псковичи освободили Вячеслава. И князь отчасти выполнилъ требованія псковичей, но мира съ ними не взялъ. Псковичи кланялись, какъ передаютъ лѣтописи, князю, просили у него сына Өедора; но Ярославъ далъ имъ шурина своего Юрія (Мстиславича), который и сѣлъ въ Псковѣ [30]).

Въ **1233 г.** нѣмцы начали безпокоить Новгородско-Псковскія волости. Въ **1234 г.** Ярославъ выступилъ въ походъ; не доходя до Юрьева (Дерптъ), цѣли похода, онъ остановился. Нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжьей Головы (Оденпе) выступили противъ русскихъ, но потерпѣли пораженіе и прими-

30) Ibid. 191, 194, 220; III, 47—48; VII, 137; М. П. Погодина: «Изсл., замѣч.» и пр. VI, 328; Карамз. III, 158. Серенскъ на р. Серенѣ — нынѣ село Калужской губ.

рились съ Ярославомъ. Въ томъ же году литовцы напали на Русу, но отбиты были и стали отступать. Ярославъ настигъ ихъ на Дубровнѣ въ Торопецкой волости, отнялъ у нихъ 300 коней и товаръ. Литовцы, бросая оружіе и щиты, бѣжали въ лѣсъ [31]).

Въ южной Руси около того времени шла борьба между князьями изъ-за Кіева и Галича. Въ 1234 г. Владиміръ Рюриковичъ кіевскій велъ войну съ Михаиломъ черниговскимъ, но при Торческѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Кіевскій столъ занялъ родственникъ и союзникъ Михаила, Изяславъ Владиміровичъ, кн. сѣверскій. Но въ **1236 г.**, освободившись изъ плѣна за большой выкупъ, Владиміръ выгналъ Изяслава изъ Кіева, но не могъ удержать кіевскаго стола за собой: по настоянію Даніила галицкаго и вел. кн. владимірскаго онъ долженъ былъ уступить его Ярославу Всеволодовичу. Ярославъ, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Александра, отправился въ Кіевъ съ лучшими новгородскими мужами, которыхъ, продержавъ тамъ недѣлю и одаривъ, отпустилъ обратно въ Новгородъ [32]).

Ярославу не долго пришлось сидѣть въ Кіевѣ. 4 марта **1238 г.**, на берегу рѣки Сити, произошла извѣстная битва вел. кн. владимірскаго, Юрія Всеволодовича, съ татарами, въ которой онъ палъ [33]). На свободный великокняжескій столъ, по старшинству, долженъ былъ сѣсть братъ Юрія, Ярославъ, который и поспѣшилъ теперь изъ Кіева (или изъ Новгорода) во Владиміръ, представлявшій изъ себя груды развалинъ и человѣческихъ труповъ—слѣды татарскаго меча и огня. Первою заботой князя было очищеніе стольнаго города отъ труповъ, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и самые храмы; нужно было собрать и ободрить разбѣжавшихся отъ татарскаго нашествія жителей. Заботясь о приведеніи въ порядокъ столицы, Ярославъ—въ то же время—позаботился и о своихъ братьяхъ: Святославу онъ далъ Судаль, а младшему, Ивану—Стародубъ [34]); наконецъ, въ слѣдующемъ **1239 г.** распорядился перенесеніемъ изъ Ростова во Владиміръ тѣла Юріева, которое встрѣчено было духовенствомъ и народомъ и—послѣ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣній—положено въ храмѣ (Успенскомъ) Богоматери, гдѣ лежалъ и прахъ отца его, Всеволода. — Въ томъ же году литовцы, вѣроятно, пользуясь сумя-

31) Ibid. I, 220—221; III, 49—50; IV, 29—30, 178; VII, 138.

32) Ibid. I, 221; III, 50; IV, 30; VII, 138. Ср. прим. 35.

33) Юрій, между прочимъ, поджидалъ здѣсь братьевъ, Ярослава и Святослава. Послѣдній, по Твер. лѣт. 368, 370, участвовалъ въ этой битвѣ.

34) П. С. Р. Л. I, 199, 225; IV, 33—34; VII, 143—144; XV, 370 и сл.; Ник. III, 4. Стародубъ, по книгѣ Большаго чертежа, на Клязьмѣ, ниже Владиміра въ 60 в. и соотвѣтствуетъ селенію Клязеемскій городокъ, въ 14 верст. отъ г. Коврова. Солов. III, пр. 285. — Никон., вопреки другимъ лѣтописямъ, говоритъ, что Ярославъ пришелъ на владимірскій столъ изъ Новгорода Вел. Впрочемъ ср. слѣдующее примѣчаніе.

тицей, происходившей въ сѣверо-восточной Руси, начинаютъ тѣснить Смоленскъ. Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ противъ нихъ походъ: побѣдилъ ихъ, плѣнилъ ихъ князя и посадилъ въ Смоленскѣ Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича, бывшаго вел. кн. кіевскаго[35]).

---

35) Ibid. I, 199—200, 225; VII, 144; XV, 373; Ник. III, 5. — Отецъ посаженнаго въ Смоленскѣ Всеволода имѣлъ другое имя — Борисъ (см. «Указ. къ 8 томамъ П. С. Р. Л. подъ «Всеволодомъ Мстислав.» и Русско-Лив. акты, 450). Между тѣмъ Родословная, помѣщенная во «Временникѣ» (кн. 15, стр. 35 и 37), въ одномъ перечнѣ смоленскихъ князей опускаетъ его, въ другомъ — упоминаетъ его безъ отчества, помѣщая *послѣ Ростислава* Мстиславича, который въ крещеніи назывался *Борисомъ*, а Всеволодъ — Андреемъ.—Въ «Исторіи города Смоленска», соч. П. Никитина (М. 1848), нѣтъ даже генеалогіи смоленскихъ князей, не говоря уже о томъ, что, кромѣ Карамзина, авторъ часто пользуется такими пособіями, какъ Энц. лекс., Исторія Глинки и т. п. Въ 1239 г. марта 3 — какъ догадываются составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. — умеръ Владиміръ Рюриковичъ смоленскій, хотя это извѣстіе и безъ догадокъ находится въ одной лѣтописи подъ 1230 годомъ (IV, 178); при томъ здѣсь сказано, что 3 марта взятъ Русскій Переяславль, — а потомъ уже говорится о смерти Владиміра: «Того же лѣта Володимеръ умре Кіевскій Рюриковичъ». Годъ, дѣйствительно, по сравненію съ другими списками, долженъ быть 1239. Вообще надобно замѣтить, что лѣтописныя извѣстія 1235—38 годовъ — темны, противорѣчивы и сбивчивы: такъ, Ипат. Лѣтопись (II, 175) подъ 1235 г. говоритъ, что Ярославъ Всеволодовичъ взялъ Кіевъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ; а по Густинской лѣт. (ibid. 338), въ 1236 г. Ярославъ Всев. съ большою ратью пришелъ къ Кіеву, выгналъ оттуда Изяслава Мстиславича и самъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, — но въ томъ же году выгнанъ оттуда Владиміромъ Рюриковичемъ. Если это такъ, то можно предположить, что Ярославъ могъ удалиться въ Новгородъ, и въ такомъ случаѣ извѣстіе Никон. лѣтописи (см. примѣч. 34) о томъ, что въ 1238 г. Ярославъ пришелъ во Владиміръ изъ Новгорода, надобно считать правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что одна только Воскр. лѣт. говоритъ, что Ярославъ пришелъ во Владиміръ именно изъ Кіева (VII, 144). а послѣ него въ Кіевѣ сѣлъ Михаилъ Черниговскій. Въ Ипат. лѣт. (II, 175) подъ 1235 г. говорится, что Ярославъ взялъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ, Кіевъ, но «не мога его держати иде пакы Суждалю». Татищевъ (III, 464) подъ 1235 г. говоритъ, что Ярославъ, «пришедъ къ Кіеву, самъ сѣлъ на Кіевѣ.....; но недолго державъ, учинилъ со Изяславомъ договоръ, что ему за Владимира окупъ заплатить, и Смоленскъ ему отдать, самъ возвратился». Далѣе, подъ 1236 г. у Татищева говорится, что Изяславъ послалъ къ в. кн. Юрію пословъ съ просьбой о любви и дружбѣ. — Упоминаемый здѣсь Изяславъ — лицо неопредѣленное: С. М. Соловьевъ (III, 162, пр. 264) и составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. примыкаютъ къ мнѣнію Карамзина и Арцыбашева, считающихъ этого Изяслава сыномъ Владиміра Игоревича сѣверскаго; Троицкая и Густинская лѣт. называютъ его просто Мстиславичемъ, а Рост., Воскр. и Никон. и въ-слѣдъ за ними Татищевъ считаютъ его сыномъ Мстислава Ростиславича смоленскаго. Надобно замѣтить, что Михаилъ и Изяславъ, требуя у Даніила выдачи плѣненныхъ его боярами у Каменца князей Болоховскихъ, такъ выражались: «отдай *нашу братью....*» С. М. Соловьевъ (III, пр. 268) указываетъ на это обстоятельство, какъ на «единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ» (т. е. сыномъ Владиміра Игоревича). Но отсюда косвенно можетъ вытекать и то заключеніе, что князья Болоховскіе были Ольговичи. Между тѣмъ вопросъ о происхожденіи Болоховскихъ князей далеко еще нельзя назвать рѣшеннымъ: г. Дашкевичъ (въ своемъ рефератѣ: «Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи. Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV ст.» Кіевъ 1876), совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, доказывая, что здѣсь слово *братья* нельзя принимать въ буквальномъ смыслѣ, дѣлаетъ остроумную и, по приводимымъ имъ основаніямъ, кажется, вѣрную догадку, что князья Болоховскіе стоятъ особнякомъ, что это — князья общинные или, примѣрно, такіе же, какіе были въ Древлянской землѣ при Игорѣ и Ольгѣ (стр. 29 и слѣд.).

Мирная дѣятельность князя потревожена была набѣгомъ на Суздальскую землю татаръ, которые, повоевавъ Мордовскую землю, пронесли огонь и мечь по рр. Окѣ и Клязьмѣ, сожгли Муромъ и городъ св. Богородицы-Гороховецъ, и съ большимъ полономъ ушли домой. Это было зимой въ томъ же **1239** году[36]).

Въ **1240 г.** сынъ Ярослава Александръ, не извѣстно изъ-за чего, поссорился съ новгородцами и ушелъ изъ Новгорода въ Переяславль. Но, тѣснимые нѣмцами, новгородцы просили себѣ у Ярослава князя, и онъ послалъ къ нимъ сына Андрея, который, впрочемъ, не угодилъ новгородцамъ; другое новгородское посольство просило Александра, который и отправился опять въ Новгородъ[37]).

Батый, между тѣмъ, опустошалъ южно-русскія земли и при-Карпатье, откуда повернулъ съ своими полчищами назадъ и избралъ своимъ мѣстопребываніемъ низовья Волги, основавъ здѣсь г. Сарай (Астраханской губ.). Сюда-то должны теперь являться русскіе князья на поклонъ къ грозному завоевателю. Батый потребовалъ къ себѣ Ярослава, и послѣдній, въ **1243 г.**, отправился въ Сарай, пославъ сына своего Константина въ Татарію къ великому хану. Батый принялъ и отпустилъ Ярослава съ честію и далъ ему старѣйшинство во всей Руси[38]). Года черезъ два (**1245**) возвратился и Константинъ также съ честію[39]).

---

36) Есть въ лѣтописяхъ темное извѣстіе подъ 1239 г., приведшее въ недоумѣніе Карамзина: подъ помянутымъ годомъ (П. С. Р. Л. I, 200; II, 177; VII, 144; Ник. III, 5) говорится, что Ярославъ, названный по отчеству только въ Никон. лѣт., ходилъ къ гор. Каменцу, взялъ его, плѣнилъ жену Михаила (разумѣется, черниговскаго) и множество людей и возвратился во-свояси. Карамзинъ (IV, прим. 20) удивляется, «какъ могъ вел. князь въ такое бурное время итти изъ Владиміра Суздальскаго въ нынѣшнюю Подольскую губ.! Мы упоминали въ 1229 году, продолжаетъ онъ, о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даніила въ удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Суздальскій или Пушкинскій лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о вел. кн. Ярославѣ». Ипат. лѣт. (II, 177) такъ изображаетъ это событіе: «Михаилъ бѣжа по сыну своемъ передъ татары во Угры» .... (Ростиславъ Мстиславичъ занимаетъ Кіевъ, Даніилъ выгоняетъ его и оставляетъ тамъ намѣстникомъ Димитрія). «Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ ѣхавъ я̂ княгиню его и бояръ его поима, и городъ Каменецъ взя». По правдоподобному замѣчанію С. М. Соловьева (III, пр. 277), изъ этого разсказа видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаиловыхъ,— такъ что, очевидно, здѣсь должно разумѣть именно Ярослава Ингваревича. Что же касается того, что Ник. лѣт. называетъ этого Ярослава Всеволодовичемъ, то, естественно, составитель этого свода, встрѣтивъ въ болѣе старыхъ спискахъ лѣтописей Ярослава безъ отчества, хотѣлъ, но неудачно, сдѣлать это лице болѣе опредѣленнымъ и поставилъ при немъ отчество *Всеволодовичъ*, такъ какъ изъ Ярославовъ того времени *Всеволодовичъ* былъ, такъ сказать, виднѣе.

37) П. С. Р. Л. I, 201; III, 53; V, 179—180 (подъ 1240 годомъ); VII, 149; XV, 381; Ник. III, 13—14.

38) Ibid. I, 201, 225; III, 54; V, 181; XV, 385; Ник. III, 18.

39) Ibid. I, 201; Ник. III, 18.

Въ **1245 г.** Ярославъ вмѣстѣ съ братьями и племянниками вторично отправился въ орду. Святославъ и Иванъ Всеволодовичи съ племянниками воротились въ свои отчины, а Ярослава Батый послалъ на берега Амура къ великому хану. Здѣсь онъ принялъ, по замѣчанію лѣтописца, «много томленія», такъ какъ противъ него велась, — судя по нѣкоторымъ сказаніямъ, хотя и не совсѣмъ яснымъ,—какая-то интрига, въ которой дѣйствующими лицами являются бояринъ Ѳедоръ Яруновичъ и сама ханша, которая, подъ видомъ угощенія, поднесла Ярославу яду. Великій князь поѣхалъ отъ хана уже будучи больнымъ; чрезъ семь дней, а именно 30 сентября **1246 г.**, въ дорогѣ онъ скончался, причемъ тѣло его сильно посинѣло, что еще болѣе убѣждало современниковъ въ томъ, что онъ отравленъ. Сопровождавшіе его бояре привезли тѣло его во Владиміръ, гдѣ, въ Успенскомъ соборѣ, онъ и былъ похороненъ [40]).

Ярославъ Всеволодовичъ, въ св. крещеніи Ѳедоръ, былъ женатъ дважды: 1) на дочери [41]) Юрія Кончаковича, кн. половецкаго, неизвѣстной по имени; 2) на Ѳедосьи (въ иночествѣ Евфросиніи), дочери Мстислава Удалого [42]). Отъ перваго брака мы не видимъ у него дѣтей; отъ втораго же у

---

40) Ibid. I, 201, 226; V, 186; VII, 152, 156; XV, 386, 393, 400; Ник. III, 19, 26. Твер. о смерти Ярослава говоритъ подъ 1247, а Троицк. — подъ 1248. По поводу поднесеннаго Ярославу яда Карамзинъ (IV, 22) замѣчаетъ, что монголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Плано-Карпини (кн. 1, гл. 14) замѣчаетъ, что Ярославъ отравленъ татарами съ тою цѣлію, чтобъ имъ свободно было владѣть Русью. Но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьева (III, 185), татарамъ въ такомъ случаѣ нужно было бы истребить всѣхъ князей. Соловьевъ предполагаетъ, что интрига противъ Ярослава велась, вѣроятно, Константиновичами Ростовскими (изъ собственно Константиновичей, замѣтимъ, въ живыхъ оставался только Владиміръ углицкій, который принималъ участіе въ послѣдней поѣздкѣ Ярослава въ орду). Когда не удалось оклеветать Ярослава передъ ханомъ, прибѣгли къ ханшѣ, о чемъ ханъ и не зналъ. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, трудно согласить всеобщее свидѣтельство и своихъ и иностранныхъ источниковъ о «нужной» (насильственной) смерти вел. князя («Исторія отн. между русск. кн. Рюр. дома, 262—263). — Лѣтописи вообще скупы на похвалы этому князю; но одна изъ нихъ (VII, 156) говоритъ, что онъ «положи душу свою за други своя и за землю Русскую», а рукописныя святцы причисляютъ его къ лику святыхъ. См. Карамз. IV, прим. 38.

41) Ibid. I, 180; VII, 112.

42) Ibid. III, 54; V, 182; VII, 152 (тамъ же, на стр. 146, въ житіи Александра Невскаго названа святою); XV, 385; Ник. III, 18. Почти всѣ лѣтописи одинаково о ней говорятъ: «преставися княгыни Ярославляя, постригшися у святого Георгія въ монастыри; ту же и положена бысть, сторонь сына своего Ѳедора, мѣсяца маія въ 5 (по инымъ 4), на память святыя Ирины; нарѣчено бысть имя ей Ефросинья». Въ новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, въ надгробной надписи значится: «Лѣта 6749 (вмѣсто 6752) маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи... Ѳеодосія... супружница вел. кн. Ярослава Всеволодовича...». Между тѣмъ Карамзину было доставлено владимірскимъ губернаторомъ описаніе владимірскихъ княжескихъ гробовъ, по которому Ѳедосья съ сыномъ Ѳедоромъ покоятся во Владимірской Георгіевской церкви (IV, прим. 39). Дѣйствительно, въ Георгіевской церкви во Владимірѣ, построенной Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г. (съ 1153 г. при этой церкви былъ женскій монастырь, неизвѣстно когда упраздненный), есть двѣ гробницы: одна на правой сторонѣ,

него были сыновья: Ѳедоръ, Александръ, Андрей, Михаилъ Храбрый, Даніилъ, Ярославъ-Аѳанасій, Василій, Константинъ, и двѣ дочери: Марія и другая, неизвѣстная по имени[43]).

другая — на лѣвой. На первой гробницѣ надпись: «На семъ мѣстѣ положены мощи Благовѣрнаго Великаго князя Ѳеодора Ярославича, сына Великія княгини Ѳеодосіи, и брата св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго». На второй гробницѣ: «Сія Боголюбивая Великая княгиня Ѳеодосія, дщерь Галическаго князя Мстислава Мстиславича, честнѣйшая супружница Благовѣрнаго Великаго князя Ярослава Всеволодовича Владимірскаго, съ нимъ же благоговѣйно и благоугодно поживе и девять сыновъ породи: Ѳеодора, Александра, Андрея, Константина, Афанасія, Даніила, Михаила, Ярослава, Василія да дщери двѣ: Евдокію и Іуліанію, на конецъ житія своего монашескій образъ на ся воспрія, въ немъ же и преименовася Евфросинія; преставися въ Великомъ Новѣградѣ; честное же тѣло ея положено въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ пресловущей обители святаго Великомученика Георгія объ едину сторону сына ея, Благовѣрнаго Великаго князя Ѳеодора на семъ мѣстѣ; супругъ же ея Благовѣрный Великій князь Ярославъ Всеволодовичъ Владимірскій нуждно преставися въ иноплеменныхъ земляхъ въ Хановой Ордѣ въ 6754 (1246) году мѣсяца сентября въ 30 день; честное же тѣло его положено бысть въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Владимірскія Златоверхія на южной сторонѣ въ придѣлѣ св. Великомученика Георгія. Обитель сія создана въ лѣто 6661 (1153) Великимъ княземъ Долгоруковымъ». Лѣтописи не говорятъ, гдѣ она умерла, — исключая Ник., по которой она умерла въ Новгородѣ, — а говорятъ только, что постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ, и всего вѣроятнѣе она погребена во Владимірскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, хотя умерла и въ Новгородѣ. Что же касается того, что какъ въ Новгородскомъ, такъ и во Владимірскомъ Георгіевскихъ храмахъ есть гробницы однихъ и тѣхъ же лицъ, то это, кажется, естественное желаніе какъ новгородцевъ, такъ и владимірцевъ — считать принадлежащимъ тому или другому городу прахъ такихъ лицъ, какъ мать и братъ Александра Невскаго; притомъ же позднѣйшіе составители вышеприведенныхъ надписей могли невѣрно понять и объяснить лѣтописныя извѣстія: они знаютъ, что Ѳеодосія умерла въ Новгородѣ и похоронена у св. Георгія, а Георгіевскихъ церквей въ Новгородѣ не одна и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ болѣе извѣстны, чѣмъ владимірская, почему и рѣшили, что Ѳеодосія погребена въ Новгородѣ. (Надписи владимірскія приведены въ «Церковно-истор. описаніи владим. достопамятностей». Соч. Магистра Іеромонаха Іоасафа. Влад. 1857). — Нѣкоторыя родословныя (напр. Головина) называютъ вторую жену Ярослава Ростиславой — Ѳеодосіей. Мальгинъ («Зерцало Госс. Госуд.» изд. 1794 года, стр. 265, прим.) считаетъ Ѳеодосію кн. новгородской, дочерью Мстислава Мстиславича Храбраго и также второй женой Ярослава. Но первой женой онъ считаетъ, вопреки лѣтописямъ (I, 180; VII, 112), не дочь Юрія Кончаковича, а неизвѣстную по имени дочь Бориса Всеславича полоцкаго; дочь же Юрія Кончаковича онъ считаетъ женой брата Ярославова, Святослава, голословно утверждая, что лѣтописцы по ошибкѣ измѣнили въ имени Святослава начальныя 4 буквы и изъ него сдѣлали Ярослава. Если Ѳеодосія была второй женой, а дочь Бориса Всеславича первой, то выйдетъ слѣдующая нелѣпость: положимъ, что первая жена Ярослава, т. е., по Мальгину, дочь Бориса полоцкаго, родилась въ годъ смерти отца, т. е. въ 1128 году; первый сынъ отъ Ѳеодосіи, Ѳедоръ, родился въ 1219 г., — значитъ, Ярославова первая жена умерла ранѣе этого года. Предположимъ, что Ярославъ вступилъ въ первый бракъ лѣтъ 17-ти, т. е. въ 1208 г., и въ такомъ случаѣ дочери Бориса полоцкаго было бы 80 лѣтъ въ этомъ году! Кромѣ того Мальгинъ даетъ Ярославу еще третью жену, неизвѣстную по имени дочь рязанскаго князя, Игоря Рюриковича. Но мы не знаемъ такого рязанскаго князя.

43) Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напр. Ник. III, 3, даютъ Ярославу девятерыхъ сыновей, другія — осьмерыхъ, третьи — семерыхъ. Послѣднія не считаютъ рано умершаго Ѳедора, а первыя грѣшатъ тѣмъ, что изъ Ярослава — Аѳанасія сдѣлали двоихъ сыновей.

Святославъ Всеволодовичъ.

р. 1196 † 1253.

По смерти Ярослава Всеволодовича, по праву старшинства, великокняжескій столъ занялъ слѣдующій за Ярославомъ братъ, Святославъ Всеволодовичъ.

Святославъ, въ св. крещеніи Гавріилъ, родился 27 марта **1196 г.** [44])... Мы уже говорили, что въ древней Руси княжичи часто съ самыхъ раннихъ лѣтъ выступали на путь практической жизни. Такъ было и съ Святославомъ. Вел. кн. Всеволодъ Юрьевичъ, господствуя не только въ сѣверо-восточной Руси, но отчасти и въ южной, хотѣлъ господствовать и на сѣверовостокѣ, въ Новгородѣ, а потому придумывалъ средства прибрать послѣдній къ своимъ рукамъ. Ему, наконецъ, удалось такъ поставить дѣло, что новгородцы сами обратились къ нему за княземъ. Въ **1199 г.** съ великой честью онъ принялъ у себя новгородскихъ пословъ, а въ **1200 г.** послалъ въ Новгородъ сына Святослава, «еще млада суща», конечно, окруживъ его опытными боярами. Святославъ отправился въ Новгородъ 12 декабря, а прибылъ туда 1-го января; за нѣсколько верстъ отъ Владиміра его провожали братья: Константинъ, Юрій, Ярославъ и Владиміръ [45]). Вскорѣ возникли какія-то неудовольствія между княземъ и новгородцами, но дѣло окончилось только тѣмъ, что Всеволодъ послалъ на мѣсто Святослава старшаго сына, Константина, который сидѣлъ тамъ до **1207 г.** Въ этомъ послѣднемъ году Всеволодъ вызвалъ его съ новгородцами въ походъ

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Твер. 373, опускаетъ Ярослава, а считаетъ Аѳанасія, очевидно, принимая только имя данное при крещеніи (ср. Карамз. IV, прим. 78). С. М. Соловьевъ также считаетъ Аѳанасія и Ярослава отдѣльными лицами («Ист. отнош. между русск. кн...», 264, пр. 1).—До сихъ поръ не всѣ согласны въ томъ, кто старше: Александръ или Андрей. Намъ кажется несомнѣннымъ, что первый былъ старше: мы видимъ его въ Переяславлѣ, когда отецъ его занялъ великокняжескій столъ, а Переяславль обыкновенно давался старшему между наличными великокняжескими сыновьями. — Что касается дочерей Ярослава, то мы знаемъ двухъ, изъ которыхъ лѣтописи одну называютъ Маріей; одна изъ приведенныхъ въ 42 прим. надписей на гробницѣ Ѳедосьи даетъ двухъ дочерей Ярославу: Евдокію и Іуліанію; вѣроятно, Головинъ въ свою родословную кромѣ лѣтописной Маріи внесъ Іуліанію изъ помянутой надписи; Мальгинъ («Зерцало...», 261) отмѣчаетъ также двухъ дочерей: Гремиславу — Евдокію, бывшую за польскимъ королемъ Лѣшкомъ Бѣлымъ, что принимаютъ и польскіе историки (Лелевель), и Іуліанію, скончавшуюся дѣвицею — инокинею подъ именемъ Маріи.

44) П. С. Р. Л. I, 173—174; VII, 102.

45) Ibid. I, 175; III, 25, 31; IV, 18—19; V, 171; VII, 107 (Всеволодъ отпускалъ Святослава въ Новгородъ, «сдумавъ съ дружиною своею»); XV, 289.

на Рязань. Послѣ похода великій князь, хорошо видѣвшій, что неудовольствіе на него новгородцевъ еще не совсѣмъ остыло, одарилъ ихъ, обнадежилъ въ ихъ древнихъ вольностяхъ и отпустилъ домой, но Константина оставилъ въ землѣ Суздальской, давъ ему Ростовъ съ другими пятью городами, а въ **1208 г.** къ новгородцамъ опять отпустилъ Святослава [46]).

Въ **1209 г.** въ Новгородскую землю прибылъ Мстиславъ Мстиславичъ Храбрый, занялъ Торжокъ и предложилъ себя въ князья Новгороду; новгородцы обрадовались этому князю, оберегателю старыхъ порядковъ, выработанныхъ въ южной Руси, и заключили Святослава на владычнемъ дворѣ. Всеволодъ Юрьевичъ отправилъ къ Торжку противъ Мстислава старшихъ сыновей своихъ, Константина и Ярослава. До кровопролитія, однако, дѣло не дошло: князья примирились, Святославъ отпущенъ былъ новгородцами, и старшіе Всеволодовичи изъ Твери, куда прибылъ и младшій братъ ихъ изъ Новгорода, возвратились во Владиміръ [47]).

Въ **1212 г.** скончался Всеволодъ Юрьевичъ, и между старшими братьями, Константиномъ и Юріемъ, какъ мы уже видѣли, возгорѣлась борьба за обладаніе великокняжескимъ столомъ. Святославъ, бывшій сначала на сторонѣ Юрія, перешелъ потомъ на сторону Константина, но вскорѣ опять присталъ къ Юрію, отъ котораго получилъ Юрьевъ-Польскій въ томъ же 1212 г., а въ слѣдующемъ **1213 г.** ходилъ съ Юріемъ къ Ростову на старшаго брата [48]). Въ борьбѣ старшихъ братьевъ своихъ съ Мстиславомъ Удалымъ изъ-за Новгорода (**1216 г.**), борьбѣ, окончившейся послѣ Липицкой битвы переходомъ великокняжескаго стола отъ Юрія къ Константину, Святославъ также принималъ участіе, держа сторону Юрія: онъ осаждалъ Ржевку, но былъ отбитъ отъ нея малочисленнымъ отрядомъ Мстислава [49]).

Въ **1219 г.**, какъ уже говорено было въ біографіи Ярослава Всеволодовича, болгары напали на Устюгъ и взяли его. Великій князь не хотѣлъ оставить безнаказанною дерзость этихъ хищниковъ, и въ **1220 г.** послалъ на нихъ Святослава съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, къ которымъ присоединились переяславльскіе полки Ярослава Всеволодовича и ростовскіе—Василька Константиновича. Святославъ сжегъ, пониже устья Камы, болгарскій городъ Ошелъ и такъ устрашилъ болгаръ, что отъ нихъ было три посольства къ великому князю, который, послѣ похода Святослава, хо-

---

46) Ibid. I, 183; VII, 115—116 (подъ 1207 г.); I, 210—211; III, 30—31; IV, 19; V, 172 (подъ 1209 г.); Карамз. III, 75. См. соотвѣтственное мѣсто въ біографіи Ярослава.

47) Ibid. I, 183—184.

48) Ibid. I, 183—185; II, 133; VII, 117—118.

49) Ibid. VII, 126—128.

тѣлъ лично предпринять на нихъ еще походъ. Юрій Всеволодовичъ такъ доволенъ былъ успѣхами брата въ Болгарской землѣ, что вышелъ и встрѣтилъ побѣдителя близъ Боголюбова на р. Сурамлѣ, а во Владимірѣ для него и его сподвижниковъ, которые щедро были одарены, устроилъ «учрежденіе веліе» (пиръ), продолжавшееся три дня. Чрезъ годъ послѣ этого похода (въ **1222 г.**), Юрій Всеволодовичъ послалъ Святослава на помощь новгородцамъ, бывшимъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ ливонскими рыцарями. Новгородцы съ княземъ пустошили Ливонскую землю по берегамъ р. Аа, осаждали г. Кесь (Венденъ), но взять его не могли[50]).

Года черезъ три съ небольшимъ послѣ этого похода (въ **1226 г.**) видимъ Святослава въ противоположномъ концѣ сѣверной Руси: вел. кн. Юрій посылалъ его и другаго брата Ивана (впослѣдствіи князь стародубскій) на Мордву, «и возвратистася съ побѣдою»[51]).

За тѣмъ, до занятія Святославомъ великокняжескаго стола, мы встрѣчаемся съ нимъ въ лѣтописяхъ только три раза. Въ **1227 г.** Юрій Всеволодовичъ послалъ въ русскій (южный) Переяславль на княженіе племянника своего, Всеволода Константиновича, кн. ярославскаго; но Всеволодъ по чему-то въ слѣдующемъ году опять перешелъ въ свой удѣлъ, а въ Переяславль, на его мѣсто, въ томъ же **1228 г.** (по другимъ—1229 г.) посланъ былъ Святославъ Всеволодовичъ[52]); далѣе, подъ **1234 г.** лѣтопись[53]) отмѣчаетъ, что онъ окончилъ постройку Георгіевской церкви въ Юрьевѣ-Польскомъ, и, наконецъ, онъ упоминается въ числѣ князей, которыхъ Господь спасъ отъ меча Батыева въ **1238 г.** Есть извѣстія, что Святославъ Всеволодовичъ даже участвовалъ въ битвѣ на р. Сити, но извѣстія эти какъ-то неопредѣленны и туманны, хотя и принадлежатъ лѣтописямъ[54]).

---

50) Ibid. I, 216. Здѣсь говорится, что новгородцы выгнали изъ Новгорода Всеволода Мстиславича, присланнаго туда отцемъ изъ Кіева въ 1219 году, и отправили къ Юрію Всеволодовичу архіеп. Митрофана и посадника Иванка просить князя; Юрій далъ имъ сына своего Всеволода. Затѣмъ уже говорится, что «Юрьи присла *сынъ свой* князя Святослава», который ходилъ къ Кеси. Тверская лѣт. (XV, 354) говоритъ опредѣленнѣе, что Юрій послалъ *брата своего* Святослава и пр. Тоже находимъ въ Новгор. лѣт. (III, 38; IV, 27). Въ Воскр. (VII, 129) подъ 1222 г. говорится объ уходѣ Всеволода Юрьевича изъ Новгорода и приходѣ на его мѣсто Ярослава Всеволодовича, который вм. съ новгородцами ходилъ къ Колывани, повоевалъ всю Чудскую землю, взялъ много серебра, но города не взялъ. Что касается Никон. лѣт. (II, 346), то по ней къ Кеси ходилъ не Святославъ, а Всеволодъ Юрьевичъ.

51) Ibid. I, 192; VII, 134.

52) Ibid. I, 192; VII, 134.

53) Ibid. I, 196, Ср. прим. 57.

54) Ibid. I, 198, 200, 223, 225; II, 176, 338; III, 51—52; IV, 32—33; VII, 141—142. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ битву на Сити къ 1237, а другія — къ 1238; послѣднее, конечно, вѣрнѣе. См. слѣд. прим.

И такъ, наступилъ злопамятный для Руси 1238 г. Въ этомъ году Ярославъ Всеволодовичъ, занявшій, послѣ брата своего Юрія, Владимірскій великокняжескій столъ, надѣлилъ младшихъ братьевъ своихъ, Святослава и Ивана, удѣлами: первому онъ далъ Суздаль, а второму — Стародубъ[55]).

Во второе путешествіе (въ **1246 г.**) Ярослава въ орду къ Батыю, а отсюда на берега Амура къ великому хану Гаюку, только что вступавшему на велико-ханскій тронъ, Святославъ, братъ его Иванъ и ихъ племянники кн. ростовскіе также ѣздили въ орду. Послѣдніе всѣ въ томъ же году возвратились въ свои отчины, а Ярославъ, на возвратномъ пути изъ Татаріи, скончался 30 сентября того же года[56]).

По старшинству послѣ Ярослава Всеволодовича долженъ былъ занять и занялъ великокняжескій столъ братъ его Святославъ, который въ то же время разсажалъ по городамъ и племянниковъ своихъ, «яко же и братъ уряди, Ярославъ». Но ему не долго пришлось занимать великокняжескій столъ: въ **1248 г.** его согналъ съ Владимірскаго стола племянникъ его, московскій князь Михаилъ Ярославичъ Хоробритъ (Храбрый), который въ томъ же году палъ въ битвѣ съ литовцами на берегу р. Протвы. Владимірскій столъ занялъ другой племянникъ Святослава, Андрей Ярославичъ. Святославъ, вмѣстѣ съ сыномъ Димитріемъ, въ **1250 г.** отправился къ хану, который принялъ его съ честію. Конечно, Святославъ ходилъ въ орду хлопотать о возвращеніи великокняжескаго стола, но — хотя и былъ принятъ съ честію — хлопоталъ безуспѣшно: въ концѣ того же года мы видимъ во Владимірѣ опять Андрея, который тогда же и тамъ же съигралъ свою свадьбу съ дочерью Даніила Романовича. Чрезъ два года послѣ этого, а именно въ **1252 г.** февраля 3, Святославъ скончался въ Юрьевѣ-Польскомъ[57]).

---

55) П. С. Р. Л. I, 199, 225; VII, 143—144, 152; XV, 373; Ник. III, 3. Въ Троиц. сказано: «Того же лѣта (1238) отда *Ростовъ*, Суздаль брату Святославу»; но это, очевидно, ошибка,— въ IV, 34: «брату Святославу да (Ярославъ) Суздаль, а въ *Ростовѣ* сѣдоста Васильковичи Борисъ да Глѣбъ на княженіе». Ростовъ постоянно былъ въ потомствѣ Константина Всеволодовича. Твер. 370 говоритъ, что Святославъ участвовалъ въ битвѣ при Сити. Но при молчаніи объ этомъ другихъ лѣтописей, не знаемъ, насколько довѣрять въ данномъ случаѣ Тверской.

56) Ibid. I, 201; VII, 152; XV, 386, 400; Ник. III, 19, 26.

57) Ibid. I, 201—202, 226, 252; IV, 38; V, 187; VII, 156, 159, XV, 397, 400 (1253 и 1252— подъ обоими годами о смерти Святослава); Ник. III, 30, 32, 34. — См. прим. 69. — Юрьевъ, принадлежавшій къ Суздалю, вѣроятно, былъ любимымъ мѣстомъ Святослава: такъ, въ 1230 г. онъ разобралъ тамъ обветшавшую церковь св. Георгія, построенную дѣдомъ его, Юріемъ Долгорукимъ, и поставилъ новую; въ 1242 онъ украсилъ се. П. С. Р. Л. VII, 137, 138. См. текстъ къ прим. 53.

Святославъ Всеволодовичъ (въ св. крещеніи Гавріилъ) былъ женатъ на дочери Давида Юрьевича, кн. муромскаго (по нѣкоторымъ сказаніямъ— Евдокіи), которая еще при жизни мужа пожелала идти въ монастырь, и въ 1228 г. «Святославъ отпусти княгыню свою по свѣту, всхотѣвши ей въ манастырь, и дасть ей надѣлокъ многъ». Она ушла къ «братьи» въ Муромъ и тамъ постриглась. Отъ брака съ ней Святославъ имѣлъ сына Димитрія[58]).

Михаилъ Ярославичъ Храбрый.

1238 † 1248.

Михаилъ Ярославичъ, четвертый изъ восьми сыновей Ярослава, извѣстный подъ именемъ Хоробрита (Храбраго), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238 г.** въ числѣ другихъ князей, спасшихся отъ татарскаго меча[59]), и за тѣмъ исчезаетъ со страницъ лѣтописей до 1247 г. Святославъ Всеволодовичъ, занявшій въ **1247 г.**, по смерти Ярослава, великокняжескій столъ, своихъ племянниковъ «посажа по городомъ, яко же уряди братъ его, кн. вел. Ярославъ Всеволодичъ»[60]),—а такъ какъ лѣтописи называютъ Михаила *московскимъ*, то, очевидно, ему досталась Москва[61]).

Въ **1248 г.** Михаилъ Ярославичъ, — неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ побужденій, — выгналъ дядю своего, Святослава, изъ Владиміра и самъ занялъ великокняжескій столъ. Но въ томъ же году онъ палъ въ битвѣ съ литовцами на берегу р. Протвы. Епископъ Кириллъ распорядился принесеніемъ тѣла его во Владиміръ и похоронилъ его въ Успенскомъ соборѣ[62]).

---

58) Ibid. I, 191; XV, 393. По стариннымъ рукописнымъ святцамъ Святославъ и сынъ его Димитрій считаются святыми. Карамз. IV, прим. 83.

59) Ibid. I, 200, 225; XV, 373; Ник. III, 3.

60) Ibid. VII, 156; Ник. III, 27.

61) Ibid. IV, 38; XV, 395.

62) Ibid. I, 201, 226; IV, 38; VII, 159; XV, 395, 400; Ник. III, 30—31; Татищ. IV, 22, говоритъ, подъ 1248 годомъ, что Михаилъ согналъ съ Владимірскаго стола Святослава; «Блаженный же Кирилъ епископъ Ростовскій посла взя тѣло его, и положиша его въ церкви Пречистыя Богородицы во Владимерѣ.» Очевидно, здѣсь не передано о походѣ на Литву и битвѣ на берегу Протвы. Впрочемъ, такъ нужно было бы Татищеву передать дѣло по лѣтописямъ, которыя намъ извѣстны; но у него этотъ эпизодъ изложенъ какъ будьто по инымъ источникамъ: въ-слѣдъ за выше приведенной выпиской онъ говоритъ, что Андрей съ другими суздальскими князьями пошелъ на Литву и побилъ се «изоцова» (въ Ник. «побиша ихъ изупцова» — у Зубцова?). «Князь же Александръ, слышавъ сія, елика сотвори братъ его Михайло, пріиде въ Володимеръ и бысть имъ пря велія о великомъ княженіи, они же уложа ити во орду и пойдоша князи Александръ и Михаилъ и многу

Потомства Михаилъ Ярославичъ не оставилъ: по крайней мѣрѣ, его не видно ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ[63]).

Андрей Ярославичъ.

1238 † 1264.

Лѣтописи не оставили извѣстій о времени рожденія Андрея Ярославича, третьяго сына Ярослава Всеволодовича[64]). Въ первый разъ объ немъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ, какъ объ одномъ изъ числа князей, спасшихся отъ меча татарскаго[65]).

Въ **1240 г.** братъ Андрея Александръ изъ-за чего-то разошелся съ новгородцами и ушелъ отъ нихъ въ Переяславль. Но тѣснимые сосѣдями—нѣмцами, новгородцы просили у Ярослава Всеволодовича князя для Новгорода, и тотъ послалъ къ нимъ сына Андрея. Вѣроятно, Андрей не оправдалъ ожиданій новгородцевъ, и они отправили къ Ярославу второе посольство — просить Александра, который и отправился къ нимъ, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ, а Андрей удалился къ отцу[66]). Но въ слѣдующемъ **1241** году мы опять видимъ его въ Новгородѣ, куда онъ посланъ былъ отцемъ въ помощь къ брату Александру въ борьбѣ его съ нѣмцами, по разбитіи которыхъ въ такъ называемомъ Ледовомъ побоищѣ, въ **1242 г.**,

---

стязанію бывшу» (какъ будто не окончено). Далѣе о Михаилѣ нѣтъ ничего, какъ и о битвѣ на Протвѣ. Походъ же Андрея можно принять за продолженіе перваго похода, послѣ котораго литовцы, очевидно, одержавшіе на Протвѣ верхъ, могли достигнуть до Зубцова. Во всякомъ случаѣ, страннымъ можетъ казаться въ хронологическомъ отношеніи то, что Александръ вступаетъ въ споръ съ Михаиломъ и идетъ съ нимъ въ орду, на что потребовалось не мало времени. Но намъ рѣшительно несомнѣннымъ кажется, что битва на берегу Протвы здѣсь по недосмотру упущена, а ниже вм. *Михаилъ* надобно читать *Андрей*. Дѣло было, конечно, такъ: Андрей и Александръ отправились въ 1247 или 1248 г. въ орду; Михаилъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ братьевъ, выгналъ изъ Владиміра слабаго и, какъ видно по его дѣйствіямъ, безхарактернаго Святослава. См. прим. 69.

63) Мальгинъ («Зерцало», 267) даетъ ему сына Бориса; покойный М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей», № 404), отмѣчая у Михаила сына Бориса, ссылается на какія-то нелѣтописныя сказанія, подъ которыми, можетъ быть, разумѣетъ того же Мальгина. Во всякомъ случаѣ, объ этомъ Борисѣ мы ничего не знаемъ.

64) Ни родословныя, ни историки не согласны относительно старшинства Андрея и Александра. Мы считаемъ старшинство послѣдняго несомнѣннымъ на томъ основаніи, что Александръ занималъ Переяславль. См. прим. 43.

65) П. С. Р. Л. I, 200 (подъ 1239 годомъ), 225; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

66) Ibid. III, 53; V, 179 и слѣд.; VII, 149; XV, 381; Ник. III, 14.

онъ опять воротился къ отцу[67]). Затѣмъ въ продолженіе лѣтъ шести Андрей какъ будто скрывается изъ глазъ лѣтописцевъ: до **1247 г.** лѣтописи молчатъ о немъ.

Судя по дѣйствіямъ братьевъ — Ярославичей, — Михаила, прогнавшаго дядю Святослава изъ Владиміра, и старшихъ его братьевъ, Александра и Андрея, спорившихъ, какъ увидимъ, о великокняжескомъ столѣ при жизни дяди, — Святославъ Ярославичъ подавалъ какіе-то поводы племянникамъ своимъ оспаривать у него великокняжеское достоинство[68]). Въ 1247 г., когда, слѣдовательно, былъ еще на владимірскомъ столѣ Святославъ Всеволодовичъ, Андрей и Александръ Ярославичи отправились къ Батыю, который послалъ ихъ къ великому хану, въ Монголію. Послѣдній, съ умысломъ — какъ нѣкоторые думаютъ — или безъ всякой задней мысли далъ Александру, умнѣйшему и энергичнѣйшему изъ тогдашнихъ русскихъ князей, разоренный, бѣдный и теперь непривлекательный Кіевъ, — а Андрею (какъ менѣе опасному по уму и энергіи) — Великое Княженіе Владимірское. Братья возвратились изъ Монголіи въ **1249** году[69]). Въ слѣдующемъ **1250** году, когда Святославъ ходилъ въ орду и, какъ видно, хлопоталъ — хотя и безуспѣшно — о великокняжескомъ столѣ, Андрей съигралъ во Владимірѣ свою свадьбу: онъ женился на дочери Даніила Романовича галицкаго[70]). Можетъ быть, этотъ родственный союзъ Андрея съ однимъ изъ видныхъ и сильныхъ южно-русскихъ князей заставилъ Александра дѣйствовать рѣшительнѣе: въ **1252** году онъ отправился къ сыну Батыя, Сартаку, которому жаловался на брата Андрея, что онъ обманомъ, не по старшинству получилъ великокняжескій столъ и не сполна платитъ хану выходъ. Разгнѣванный ханъ приказалъ доставить Андрея

67) Ibid. I, 201 (подъ 1242 годомъ); III, 53; IV, 37, 179 (подъ 1241 годомъ); V, 180; VII, 150; Ник. III, 14—15.

68) Хотя лѣтописи и молчатъ о характерѣ Святослава, но по дѣйствіямъ его видно, что онъ былъ слабохарактеренъ: такъ, въ борьбѣ старшихъ братьевъ онъ переходитъ на сторону то одного, то другаго, — а потерявши великокняжескій столъ, не настойчиво добивается возвращенія его. Такія качества характера его, вѣроятно, и подавали поводъ племянникамъ его искать подъ нимъ великокняжескій столъ.

69) П. С. Р. Л. I, 201, 252; II, 341; IV, 38; VII, 156, 159, 236; Ник. 26, 31. Лѣтописи тутъ, кажется, спутываютъ событія: I, 252 и IV, 38 подъ 1248 годомъ говорятъ, что Андрей прогналъ съ владимірскаго стола дядю своего, Святослава Всеволодовича, и самъ сѣлъ во Владимірѣ; по другимъ лѣтописямъ Андрей и Александръ пошли въ орду (а оттуда, конечно, прямо въ Монголію) въ 1247 году, а изъ Монголіи воротились въ 1249 г. Вѣроятно, Андрей прогналъ дядю по прибытіи изъ Монголіи на томъ основаніи, что онъ (Андрей) получилъ Владиміръ отъ самого великаго хана. Въ такомъ случаѣ надобно предположить, что по убіеніи Михаила Святославъ вторично занялъ владимірскій столъ. Этимъ же могутъ объясняться и безуспѣшныя хлопоты Святослава въ ордѣ въ 1250 году, если только онъ ходилъ въ орду съ этой цѣлью. См. прим. 62.

70) Ibid. I, 202; VII, 159; XV, 396; Ник. III, 32.

къ себѣ. Еще до возвращенія Александра изъ орды, на Русь пришли съ татарскою ратью Неврюй, Котья и храбрый Олабуга. «Господи!» сказалъ Андрей: «доколѣ намъ ссориться между собою и наводить другъ на друга татаръ? Лучше бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ татарами и служить имъ!» Посовѣтовавшись съ боярами, Андрей съ семействомъ и приближенными людьми бѣжалъ. Татары нагнали его (іюля 24) подъ Переяславлемъ, разбили и едва не захватили въ плѣнъ; онъ успѣлъ ускользнуть отъ нихъ въ Новгородъ, гдѣ не былъ принятъ; бросился въ Псковъ, откуда — дождавшись здѣсь жены своей — ушелъ въ Колывань (Ревель). Оставивъ въ послѣднемъ городѣ жену свою, онъ отправился въ Швецію, куда, потомъ, прибыла и жена его[71]). Великокняжескій столъ занялъ Александръ Невскій.

Въ **1256 г.** Андрей воротился въ Русь[72]) и съ любовью принятъ былъ Александромъ, который хотѣлъ дать ему Суздаль, но не рѣшался этого сдѣлать безъ воли разгнѣваннаго на Андрея хана. Андрей пошелъ на Городецъ и Нижній-Новгородъ. Въ томъ же году посольство Александра дарами умилостивило хана и примирило его съ Андреемъ. Въ слѣдующемъ **1257** году вмѣстѣ съ братомъ Александромъ и племянникомъ, Борисомъ Васильковичемъ ростовскимъ, Андрей отправился въ орду для поднесенія даровъ и оказанія чести Улавчію. Цѣль этой поѣздки заключалась, вѣроятно, въ пріобрѣтеніи благорасположенія Улавчія, который былъ объявленъ намѣстникомъ Руси, — хотя и предположеніе Карамзина можетъ быть правдоподобно: исторіографъ догадывается, что князья сѣверовосточной Руси, «свѣдавъ намѣреніе татаръ обложить сѣверную Россію, подобно Кіевскому и Черниговскому княженію, опредѣленною данію по числу людей, желали отвратить сію тягость, но тщетно»: явились татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую. Въ **1258 г.** Андрей и Александръ Ярославичи, Ярославъ тверскій и Борисъ Васильковичъ ростовскій ѣздили въ орду. Теперь татары потребовали, чтобы и Новгородская земля была исчислена и платила дань. Александръ и Андрей

---

71) Ibid. I, 202, 226, 252; II, 342; IV, 38; V, 187; VII, 159—160. Эти событія совершились въ 1251—1252 гг., но въ разныхъ лѣтописяхъ они размѣщены подъ этими годами различно: по I, II, IV и VII и нашествіе Неврюя, и бѣгство Андрея совершились въ 1252 году; по V — въ 1251-мъ; XV, 396 и Ник. III, 33 и д. пристаютъ къ первымъ; первая изъ этихъ послѣднихъ подъ 1252 г. невѣрно передаетъ, что Андрей въ Швеціи былъ убитъ, а далѣе, стр. 403, подъ 1264 годомъ сама же говоритъ о его смерти; то же говорится въ V, 187 подъ 1252 годомъ, — а IV, 38 подъ тѣмъ же годомъ говоритъ, что онъ убитъ Чудью.

72) Воскр. лѣт. (т. VII, 160) говоритъ о возвращеніи Андрея подъ 1252 годомъ не потому, чтобы онъ дѣйствительно въ этомъ году возвратился, а потому, что составитель свода хотѣлъ сгруппировать о немъ факты.

Ярославичи и Борисъ ростовскій отправились съ татарскими численниками въ Новгородъ. Сначала дѣло ихъ шло безуспѣшно, и только въ слѣдующемъ **1259 г.** вслѣдствіе ложнаго слуха о томъ, что на Новгородъ собираются огромныя полчища татаръ, князьямъ удалось исчислить Новгородскую землю. Изъ Новгорода Андрей возвратился въ Суздаль[73]. Затѣмъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ князѣ до самаго **1264** года, а подъ этимъ послѣднимъ отмѣчаютъ его смерть и погребеніе въ г. Суздалѣ[74].

Андрей Ярославичъ отъ брака съ дочерью Даніила Романовича галицкаго, неизвѣстной намъ по имени[75], оставилъ сыновей: Юрія, Василія и Михаила.

---

73) П. С. Р. Л. I, 203, 226; Ник. III, 37—40. Думаемъ, что Андрей возвратился въ Суздаль, а не во Владиміръ, какъ можно вывести изъ неопредѣленнаго извѣстія I, 203, и нѣтъ никакихъ основаній полагать, что онъ возвратился помимо своей отчины—въ великокняжескую, куда вскорѣ прибылъ изъ Новгорода Александръ.

74) Лѣтописи не согласны въ обозначеніи года его смерти: I, 226; IV, 39 и XV, 403 считаютъ годомъ смерти его 1264 годъ; V, 192—1265; VII, 164—1263; Ник. III, 43—1264. См. слѣдующее примѣч.

75) Въ лѣтописяхъ говорится, что Андрей «поа Даниловну Романовича» (см. цит. 70-го примѣчанія), но какъ ее звали, намъ неизвѣстно. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Энцикл. словарь, сост. русск. учен. и лит. т. IV, подъ Андреемъ Ярославичемъ) и М. Д. Хмыровъ (№ 185) называютъ ее Юстиной, по-просту — Устиньей. Кажется, они сбились извѣстіемъ Никон. лѣтописи, или Мальгинымъ. Ник. лѣтопись подъ 1278 годомъ (III, стр. 66) говоритъ: «преставись благовѣрныі князь Андрей Ярославичъ и жена его Устиния»; на полѣ противъ этого мѣста отмѣчено: «Андрей Ярославичъ углиц.». Но всѣ лѣтописи считаютъ годомъ смерти Андрея или 1263, или 1264 или, наконецъ, 1265, въ томъ числѣ второй изъ указанныхъ годовъ, въ своемъ мѣстѣ, принимаетъ и Ник. лѣтопись (см. предъидущее примѣчаніе), не говоря, впрочемъ, что тогда же умерла и жена его. Киссель, или Кисель (какъ своего земляка величаетъ мѣстная ярославская литтература) въ своей «Исторіи города Углича» (Ярославль, 1844), основанной, между прочимъ, на мѣстныхъ лѣтописяхъ, называетъ Устиньей жену Андрея Владиміровича углицкаго, умершаго въ 1261 г. (I, 204; VII, 162). Карамз. (IV, прим. 182) относитъ смерть Андрея Владиміровича и жены его Іустины къ 1278 году. Въ такомъ случаѣ надобно принять предположеніе Кисселя, что больной Андрей въ 1261 г. могъ передать владѣтельныя права надъ Угличемъ брату своему Роману, а лѣтописцы, такимъ образомъ, этотъ годъ (1261), видя княземъ углицкимъ Романа, могли счесть годомъ смерти Андрея, хотя онъ могъ дожить и до 1278 года. Очевидно только то, что Никон. лѣтопись смѣшала здѣсь Андрея углицкаго съ Андреемъ суздальскимъ и Устинью, жену перваго, пріурочила къ послѣднему. Сопоставляя «Даниловну Романовича» однихъ лѣтописей съ Устиньей, женой Андрея, яко бы, Ярославича углицкаго—Никоновской, Мальгинъ («Зерцало», 270) прямо называетъ жену Андрея Ярославича Іустиніей Даніиловной, дочерью Даніила Романовича, что принимаетъ и Хмыровъ. Но послѣдній, въ то же время, жену Андрея Владиміровича углицкаго (№ 305) называетъ также Устиньей, «извѣстной только по имени», очевидно, односторонне пользуясь только вторымъ извѣстіемъ Никон. лѣтописи (III, стр. 66), изъ котораго, дѣйствительно, не видно, чья была дочь эта Устинья. И такъ, пока мы знаемъ только, что Андрей былъ женатъ на дочери Даніила Романовича и что Устинья, жена Андрея Владиміровича углицкаго, благодаря ошибкѣ Никон. лѣтописи, назвавшей послѣдняго Ярославичемъ, приписывается нѣкоторыми Андрею суздальскому.

Александръ Ярославичъ Невскій.

р. 1220 † 1263.

Въ лѣтописяхъ Александръ Ярославичъ начинаетъ упоминаться съ **1228 г.** Въ этомъ году отецъ его, Ярославъ Всеволодовичъ, послѣ похода на Емь, отправился съ женой своей въ Переяславль Залѣсскій, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Ѳедора и Александра. Ярославъ оставилъ при нихъ, — конечно, потому, что княжичи были еще очень молоды, — Ѳедора Даниловича и тіуна Якима[76]). Въ томъ же году въ Новгородѣ, по случаю долго стоявшей дурной погоды, цѣны на предметы потребленія сильно повысились, такъ какъ ожидали неурожая и голода. Народъ волновался: искали виновника несчастія и нашли его въ неповинномъ ни въ чемъ владыкѣ Арсеніи, который будто бы коварно заключилъ своего предшественника Антонія (надобно замѣтить — совершенно дряхлаго и не владѣвшаго уже языкомъ) въ Хутынскомъ монастырѣ и самъ сдѣлался владыкой, подкупивъ князя; Арсеній едва избѣгъ насильственной смерти. Антоній опять занялъ святительскій столъ; но народъ не успокоился; начались грабежи. При такомъ положеніи дѣлъ дѣти Ярослава не могли считать себя безопасными, почему помянутые Ѳедоръ Даниловичъ и тіунъ Якимъ бѣжали съ юными княжичами къ отцу ихъ[77]), а новгородцы, пославшіе передъ тѣмъ пословъ къ Ярославу—звать его въ Новгородъ на всей волѣ новгородской, не дождавшись возвращенія этихъ пословъ, послали другихъ звать къ себѣ Михаила черниговскаго. Послы эти, впрочемъ, задержаны были союзникомъ Ярослава, княземъ смоленскимъ. Но у Михаила пока связаны были руки борьбой съ Даніиломъ галицкимъ; а какъ только между южными князьями состоялся миръ, онъ поспѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ принятъ былъ съ восторгомъ. Уладивши дѣла новгородскія, Михаилъ поспѣшилъ **(1229 г.)** въ Черниговъ, оставивъ въ Новгородѣ юнаго сына своего, Ростислава. Ярославъ не упускалъ случая къ притѣсненію Новгорода. Въ самомъ Новгородѣ происходили волненія и безпорядки вслѣдствіе вражды посадника

---

76) П. С. Р. Л. I, 219; III, 43; IV, 29; V, 173; VII, 134; XV, 350 (подъ 1229 г.). По лѣтописямъ не видно, когда Александъ родился; основаніемъ опредѣленія года рожденія для насъ послужили: «Житія святыхъ»... Мѣсяцъ ноябрь. Спб. 1856. (А. Н. Муравьева). Житіе это извлечено изъ двухъ рукописныхъ житій, хранящихся въ Невской Лаврѣ и духовной академіи и житія св. князя, составленнаго архимандритомъ Кирилломъ. — Ярославъ удалился изъ Новгорода вслѣдствіе того, что новгородцы держали сторону оскорбившихъ его псковичей.

77) Ibid. III, 44.

Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника же Твердислава; къ тому же цѣны на хлѣбъ еще болѣе поднялись вслѣдствіе бывшихъ въ сентябрѣ **1230 г.** морозовъ, побившихъ озими. Михаилъ, во второй разъ бывшій передъ тѣмъ въ Новгородѣ и обѣщавшійся опять пріѣхать въ сентябрѣ, не являлся: Ярославъ, злобившійся на него изъ-за Новгорода, сдерживалъ его; къ тому же Водовикъ, поднявшій сильную междоусобную бурю въ Новгородѣ, ушелъ съ юнымъ Ростиславомъ въ Торжокъ. Новгородцы послали объявить Михаилову сыну, что отецъ его измѣнилъ, что они найдутъ себѣ другаго князя; выбрали новаго посадника и тысяцкаго, разграбили домы прежнихъ сановниковъ и звали къ себѣ Ярослава. 30 декабря 1230 г. Ярославъ цѣловалъ къ новгородцамъ крестъ «на всѣхъ грамотахъ Ярослава» (Владиміровича). Пробывши здѣсь двѣ недѣли, онъ уѣхалъ въ Переяславль, а въ Новгородѣ опять оставилъ дѣтей своихъ, Θеодора и Александра[78]). Въ **1236 г.** Ярославъ уѣхалъ княжить въ Кіевъ; сынъ его Θеодоръ умеръ въ 1233 г., такъ что теперь Александръ оставался въ Новгородѣ болѣе или менѣе самостоятельнымъ княземъ[79]). Татарское нашествіе **1238 г.**, какъ извѣстно, не коснулось Новгорода, и юнаго князя новгородскаго, по выраженію лѣтописи, Богъ соблюлъ отъ татарскаго меча.

Между тѣмъ какъ восточная Русь все вниманіе должна была обратить на пришельцевъ-завоевателей, Новгородская область имѣла подъ бокомъ своихъ враговъ въ лицѣ шведовъ, многихъ финскихъ племенъ и ливонскихъ рыцарей. Несомнѣнно, въ виду частыхъ вторженій этихъ враговъ въ Новгородскую землю, Александръ, сыгравши въ **1239 г.** свадьбу свою въ Торжкѣ (онъ женился на дочери Брячислава полоцкаго), началъ укрѣплять берега Шелони[80]), а года черезъ два непріятель дѣйствительно появился, хотя и съ другой стороны: въ **1240 г.** шведскій король, вѣроятно, въ наказаніе за набѣги новгородцевъ на Финляндію, послалъ на Новгородскую землю зятя своего Биргера со множествомъ шведовъ, норвежцевъ и финновъ (съ нимъ были, по лѣтописямъ: «свеи и мурмане, Сумь и Ямь»), которые чрезъ Ладожское озеро и р. Волховъ должны были доплыть до самаго Новгорода. Но Александръ съ немногочисленною новгородскою ратью встрѣтилъ ихъ на берегу Невы, гдѣ и произошла битва, украшенная поэтическими сказаніями (явленіе Бориса и Глѣба) и давшая Александру прозваніе *Невскаго*. Послѣдній лично участвовалъ въ битвѣ со шведами и, по словамъ лѣтописи, «невѣрному кралю ихъ (Биргеру) возложилъ

---

78) Ibid. III, 47; IV, 29.

79) Ibid. I, 220—221; 225; III, 50; IV, 30; V, 173; VII, 138, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

80) Ibid. Однѣ изъ лѣтописей относятъ женитьбу Александра и укрѣпленіе береговъ Шелони къ 1238 году, какъ IV, 34 и Ник. III, 3; другія — къ 1239: III, 52; V, 174; VII, 144.

остріемъ меча печать на челѣ»[81]). Въ томъ же году, вслѣдствіе ссоры съ новгородцами, о причинахъ которой лѣтописи умалчиваютъ, Александръ съ матерью, женой и вообще со всѣмъ дворомъ своимъ уѣхалъ изъ Новгорода въ Переяславль-Залѣсскій[82]). Но не прошло и года по отъѣздѣ его, какъ на новгородскія земли напали ливонскіе нѣмцы, Чудь и Литва; нѣмцы повоевали Водь и наложили на нее дань; въ погостѣ Копорьи сдѣлали острогъ (городъ), взяли г. Тесовъ и, вообще, не доходили до Новгорода только на 30 верстъ. Въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ новгородцы обращаются къ вел. кн. Ярославу Всеволодовичу и просятъ себѣ князя; Ярославъ отпустилъ къ нимъ сына своего Андрея, но онъ, какъ видно, не оправдалъ надеждъ и желаній новгородцевъ: второе новгородское посольство, во главѣ котораго былъ владыка Спиридонъ, просило отпустить Александра. Ярославъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, едва согласился отпустить его. Между тѣмъ нѣмцы опять напали на Новгородскую землю: на этотъ разъ они забрали скотъ по р. Лугѣ, такъ что сельскимъ жителямъ нечѣмъ было обработывать землю[83]). Въ **1241 г.** Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, къ общей радости гражданъ, и въ томъ же году съ новгородцами, ладожанами, корелами и ижорянами выступилъ въ походъ на нѣмцевъ: онъ взялъ Копорье; взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ частію отпустилъ, а частію отвелъ въ Новгородъ; вожанъ же и Чудь, «перевѣтниковъ», перевѣшалъ и вскорѣ возвратился въ Переяславль. Въ томъ же году нѣмцы напали на Псковъ, побили псковичей и въ городѣ посадили своихъ намѣстниковъ. Заслышавъ объ этомъ, Александръ съ братомъ своимъ Андреемъ прибылъ въ Новгородъ въ томъ же 1241 г. Братья-Ярославичи съ новгородцами и низовцами изгономъ (быстро и неожиданно) устремились къ Пскову, перехватали тамъ нѣмцевъ и Чудь, а нѣмецкихъ намѣстниковъ изъ Пскова отправили въ Новгородъ. Такимъ образомъ Псковъ былъ освобожденъ. Но рыцари не думали уступать Невскому герою: они выступили противъ него и въ началѣ имѣли успѣхъ, — ими разбитъ былъ передовой отрядъ русскихъ, вступившихъ въ Ливонію. Александръ долженъ былъ податься назадъ и искать удобной позиціи: онъ остановился «на Чудскомъ озерѣ, на Узмени у Воронѣя камени». Нѣмцы устремились на русскихъ, и произошло извѣстное Ледовое побоище. Это было 5 апрѣля **1242 г.** Русскіе взяли верхъ и семь верстъ гнали нѣмцевъ по льду; 500 рыцарей (по дру-

81) Ibid. IV, 35—36, 179; въ житіи его: I, 204—206; V, 2—6, 176—179; VII, 146—149; XV, 376 и сл.; Ник. III, 9—13 подъ 1241 годомъ. По III битва была іюля 15. См. также V, 227; VII, 216.

82) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; XV, 376—380; Ник. III, 13.

83) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179; VII, 149; Ник. III, 13—14.

гимъ—400) пало въ этой битвѣ и 50 взято въ плѣнъ. Побѣдителя встрѣтили въ Псковѣ съ крестами и хоругвами. Въ то же время литовцы начинаютъ дѣлать, по выраженію лѣтописи, «пакости» Новгородской землѣ, и Александръ устремляется на нихъ: въ одинъ походъ, если вѣрить лѣтописи, онъ побѣдилъ семь ратей литовскихъ и такой страхъ нагналъ на литовцевъ, что — какъ говоритъ лѣтопись — они послѣ того начали «блюстися имени его» [84]). Послѣ этой побѣды Александръ отправился въ Низовскую землю [85]).

---

84) Ibid. I, 201, 225; III, 53—54; IV, 37, 179—180; V, 10, 180—181; VII, 149—151; XV, 385; Ник. III, 14—17 (Ледовое побоище подъ 1243 годомъ). — О поѣздкѣ Александра въ орду см. въ слѣдующемъ примѣч. — По Ник. и Соф. 1-й (т. V) Александръ, узнавъ о несчастіи Пскова, отправляется въ Новгородъ съ братомъ Андреемъ въ 1241 году; по другимъ же лѣтописямъ, напр. VII, 150, Ярославъ послалъ Андрея въ помощь Александру, когда послѣдній освободилъ уже Псковъ, слѣдов. предъ Ледовымъ побоищемъ. — Интересно обозначеніе лѣтописцемъ (VII, 150) строя рыцарскихъ полковъ, въ какомъ они выступили противъ русскихъ: «нѣмцы же и чудь пробишася *свиньею* сквозѣ плъки», т. е. острымъ клиномъ или треугольникомъ, вершина котораго обращена была къ русскимъ. — О походѣ Александра на литовцевъ говоритъ одна Воскр. лѣт. (VII). — Въ 1242 г. Литва также набѣгала на Новгор. землю и была побита Александромъ. Не смѣшала ли Воскр. лѣт. походъ 1245 года? Но подъ послѣднимъ годомъ она отмѣчаетъ нападеніе Литвы на Торжокъ и Бѣжецкъ. Историки наши о первомъ нападеніи (о «пакостяхъ») Литвы не говорятъ; Карамзинъ (IV, прим. 35) изъ обоихъ набѣговъ Литвы какъ будьто дѣлаетъ одинъ—1245 г.— Хронологію событій 1239—1242 годовъ см. у Энгельмана: «Хронолог. изслѣд. въ области русск. и лив. исторіи», Спб. 1858.

85) Ibid. IV, 37; VII, 152. Новг. 4-я подъ 1242 годомъ, въ самомъ началѣ, говоритъ, и только она одна, о поѣздкѣ Александра въ орду. Порядокъ событій 1241—42 гг. по этой лѣтописи таковъ: 1241 г. Александръ пріѣхалъ въ Новгородъ, взялъ Копорье и побилъ нѣмцевъ; 1242—пошелъ къ Батыю; воротившись отъ Батыя, пошелъ съ братомъ Андреемъ, низовцами и новгородцами изгономъ къ Пскову, который и освободилъ отъ нѣмцевъ; Ледовое побоище. Странно, что другія лѣтописи умалчиваютъ объ этой поѣздкѣ. Энгельманъ, въ выше цит. его сочиненіи, стр. 126 и слѣд., разбирая разсказъ Бѣляева о событіяхъ этого года («Великій князь Александръ Невскій» во «Временн. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. кн. IV, 11—13) сомнѣвается въ справедливости этого извѣстія на томъ основаніи, что въ началѣ 6750 мартовскаго, простиравшагося отъ 1 марта 1242 до 28 февр. 1243 года, Александръ не могъ ѣхать въ орду, потому что въ мартѣ 1242 года (а Новг. 4-я принимаетъ мартовское счисленіе) онъ уже воевалъ съ Ливонцами. Энгельманъ допускаетъ предположеніе, что это событіе можно отнести къ концу предъидущаго, т. е. 1241 года и что оно по ошибкѣ попало въ начало 1242 года. Но и это предположеніе требуетъ, говоритъ онъ, подкрѣпленія доводами, по которымъ было бы вѣроятно, что Александръ тогда находился въ ордѣ. Между тѣмъ, другіе источники не представляютъ для этого никакой точки опоры; а Новгородская 4-я, передающая этотъ фактъ, сама въ себѣ не заключаетъ достаточнаго ручательства въ достовѣрности сообщаемыхъ ею данныхъ (стр. 128—129). Трудно не согласиться съ этими доводами и предположеніями, — но въ то же время нужно имѣть въ виду и то, что Новг. 4-я, въ извѣстіяхъ о поѣздкахъ Александра въ орду, является послѣдовательною. Такъ, подъ 1246 годомъ она говоритъ: «Ѣзди Александръ *другое* къ Батыю»..., между тѣмъ какъ подъ 1242 годомъ просто говоритъ: «Иде Александръ къ Батыю царю», не говоря *первое*, ибо напередъ лѣтописецъ не могъ знать, пойдетъ ли *второе* (во второй разъ) Александръ въ орду. См. прим. 50.

Между тѣмъ, въ томъ же году нѣмцы прислали пословъ въ Новгородъ, когда уже Александра тамъ не было («безъ князя»); они отказывались отъ недавнихъ своихъ завоеваній и просили о размѣнѣ плѣнныхъ: «что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, говорили они, то ся всего отступаемъ». Такимъ образомъ, со стороны ливонскихъ рыцарей новгородскія и псковскія волости пока были обезпечены въ отношеніи безопасности. Но южныя границы не безопасны были отъ набѣговъ Литвы. Въ **1245 г.** литовцы опустошали окрестности Торжка и Бѣжецка, гдѣ теперь княжилъ, съ соизволенія Александра Невскаго, Ярославъ, сынъ Владиміра псковскаго, жившій до того у ливонцевъ и недавно воевавшій съ послѣдними Псковскую землю. Этотъ Ярославъ съ новоторжцами погнался за литовцами, но былъ побитъ ими; потомъ, совмѣстно съ тверскими воеводами, Яведомъ и Кербетомъ, которые вышли съ тверичами и дмитровцами, онъ опять погнался за литовцами; у Торопца произошелъ бой, клонившійся не въ пользу русскихъ. На слѣдующій день явился Александръ съ новгородцами: онъ отнялъ у литовцевъ весь полонъ и побилъ 8 князьковъ литовскихъ. Новгородцы пошли отсюда во-свояси, а Александръ «съ своимъ дворомъ» продолжалъ преслѣдовать непріятеля и окончательно добилъ его у г. Жижицъ у Усвята. Захвативъ съ собой изъ Витебска сына, онъ пошелъ къ Новгороду, но на пути встрѣтилъ другую литовскую рать, которую также побилъ [86]). Защищая сѣверо-западную Русь отъ сосѣдей, нѣмцевъ и финновъ, Александръ обращалъ свои взоры и въ противоположную сторону, гдѣ требовались уже не мечъ и крѣпкая рука, а серебро и золото: лѣтописи, между прочимъ, ставятъ ему въ похвалу, что онъ «не остави пути отца своего», посылалъ въ орду выкупать плѣнниковъ «и много злата и сребра издава на плѣнникѣхъ». Вообще, слава о немъ, а особенно о его богатырскихъ подвигахъ распространилась повсюду, такъ что — по словамъ лѣтописца — даже моавитскія жены (монгольскія) именемъ его страшали дѣтей [87]).

30 сентября **1246 г.** скончался Ярославъ Всеволодовичъ; Александръ, вмѣстѣ съ дядею Святославомъ и братьями, оплакалъ кончину отца и въ томъ же году, по требованію Батыя, отправился въ орду. Восточный деспотъ, по словамъ лѣтописи, не мало подивившись красотѣ и величественной наружности Александра, послалъ его и брата его Андрея, ранѣе Нев-

86) Ibid. III, 54; IV, 37—38 (подъ 1246 г.); V, 182; VII, 152; XV, 386; Ник. III, 18—19.— Жижицы или Жижчь находился близь западнаго берега оз. Жесца, гдѣ теперь сел. Жесцо—Живецъ. См. Н. П. Барсова: «Очерки русск. истор. географіи», изд. 2. (Варшава 1885), стр. 26.

87) Ibid. V, 186.

скаго прибывшаго въ орду, къ великому хану въ Монголію [88]), откуда они возвращаются въ **1249 г.**, пожалованные [89]): Александръ — Кіевомъ и всей Русской землей, а Андрей—Владиміромъ [90]). По прибытіи во Владиміръ Александру пришлось оплакивать здѣсь смерть родственниковъ своихъ, князей: Владиміра Константиновича углицкаго и Василія Всеволодовича Ярославскаго [91]). Вскорѣ послѣ этого онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ, въ **1251 г.**, торжественно встрѣчалъ прибывшаго изъ Владиміра митрополита Кирилла вмѣстѣ съ епископомъ ростовскимъ, также Кирилломъ. Новгородцы умолили митрополита поставить имъ во епископы Далмата, и митрополитъ удовлетворилъ ихъ желаніе [92]), къ ихъ общей радости, хотя эта радость должна была нѣсколько омрачиться, такъ какъ князь ихъ сильно заболѣлъ. Оправившись отъ болѣзни, Александръ отправилъ къ норвежскому королю Гакону посольство съ предложеніемъ, чтобъ онъ воспретилъ своимъ финмаркскимъ подданнымъ грабить Лопь и Корелію, причемъ посламъ поручено было лично узнать дочь Гакона, Христину, на которой Александръ думалъ женить сына своего, Василія. Предложеніе о финмаркскихъ подданныхъ было удовлетворено, но сватовство не состоялось [93]).

Въ своемъ мѣстѣ [94]) мы уже высказали предположеніе, что родственный союзъ Андрея съ однимъ изъ южно-русскихъ князей могъ заставить Александра дѣйствовать рѣшительнѣе въ отношеніяхъ его къ младшему брату. Въ **1252 г.** Невскій отправился въ орду къ Сартаку, сыну Батыя, который, по старости, уже мало занимался дѣлами по управленію улусами.

---

88) Ibid. I, 201; III, 54; IV, 37; V, 186; VII, 157; XV, 393—394; Ник. III, 26. Изъ нихъ III, IV, V и XV относятъ поѣздку въ орду къ 1246 году, остальныя — къ слѣдующему.

89) Ср. съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ въ біографіи Андрея.

90) Ibid. I, 202; II, 341; VII, 159; Ник. III, 31 (всѣ подъ 1249 годомъ); III, 54; IV, 38; V, 186 (подъ 1250 г.); XV, 395—396 (подъ 1240 г.).

91) Ibid. I, 202; XV, 400; Ник. III, 31. С. М. Соловьевъ (III, 191), сказавши, что Святославъ Всеволодовичъ умеръ въ 1252 году, тотъ-часъ продолжаетъ: «Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ». Но, какъ мы видимъ, Владиміръ Константиновичъ умеръ еще въ 1249 году, т. е. ранѣе дяди своего Святослава.... Ниже самъ же историкъ говоритъ (ib. стр. 207), что Владиміръ ум. въ 1249 г.

92) Ibid. I, 202; XV, 396; Ник. III, 33.

93) Ibid. V, 187. Тутъ же лѣтописецъ, пользуясь случаемъ, говоритъ о когда-то («нѣкогда присла») бывшемъ отъ папы къ Александру посольствѣ съ предложеніемъ — принять католическую вѣру. Посовѣтовавшись съ мудрецами, Александръ, будто бы, кратко изложилъ всю ветхозавѣтную и новозавѣтную исторію и въ заключеніе сказалъ: «си вся съвѣдаемъ добрѣ, а отъ васъ ученія не пріимаемъ.»

94) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Андреемъ Ярославичемъ.

Принятый съ честію, Александръ повелъ дѣло такъ, что на Андрея была послана татарская рать подъ начальствомъ Неврюя, и Андрей бѣжалъ чрезъ Новгородъ, Псковъ и Колывань (Ревель) въ Швецію. Александръ торжественно въѣхалъ во Владиміръ и былъ посаженъ митрополитомъ Кирилломъ на великомъ княженіи [95]).

Въ **1254 г.** братъ Александра, Ярославъ тверской, съ своими боярами бѣжалъ въ Ладогу. Хотя лѣтописи и не указываютъ на причину этого бѣгства, но, кажется, ее надобно искать въ правдоподобно предполагаемыхъ отношеніяхъ Ярослава къ Андрею. При нашествіи Неврюя, когда Александра еще не было на Руси, мы видимъ семейство Ярослава и воеводу его Жидислава въ Переяславлѣ. Зачѣмъ, спрашивается, они попали туда? Намъ кажется, что младшіе братья Александра были въ союзѣ; они не могли не знать, зачѣмъ Александръ поѣхалъ къ Сартаку, и, вѣроятно, хотѣли дѣйствовать противъ старшаго брата сообща. Однако Александръ пока оставлялъ Ярослава въ покоѣ. Но въ 1254 г. для Ярослава могло выясниться что-нибудь опасное со стороны Александра, и онъ рѣшился бѣжать и притомъ съ боярами, которые, конечно, были ближайшими совѣтниками своего князя и исполнителями его плановъ, а слѣдовательно должны были, по необходимости, раздѣлять съ княземъ его опасности и невзгоды. Изъ Ладоги новгородцы перевели Ярослава во Псковъ. Въ это время въ Новгородѣ замѣтно уже было недовольство сыномъ Невскаго, Василіемъ, который въ слѣдующемъ **1255 г.** и былъ изгнанъ изъ Новгорода, а на мѣсто его взятъ былъ Ярославъ Ярославичъ. Василій бѣжалъ въ Торжекъ. Узнавши объ этомъ, Александръ чрезъ Торжекъ, гдѣ присталъ къ нему и сынъ его Василій, пошелъ къ Новгороду вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ. Въ самомъ Новгородѣ происходила борьба между двумя партіями, большихъ и меньшихъ, изъ которыхъ первая стояла за сына Невскаго, а вторая — за Ярослава. Тверскій князь, не видя возможности удержаться на новомъ мѣстѣ, неизвѣстно куда скрылся, а

---

95) Ibid. I, 202, 252; II, 342; V, 187; VII, 160, 236; XV, 396; Ник. III, 33—34. Густынская лѣт. (т. II), называя Александра *Московскимъ* (такъ сказать, переднимъ числомъ), говоритъ, что онъ «упроси себѣ княженіе надъ всею Русскою и Московскою землею и надъ всѣми князи». И. Д. Бѣляевъ («Временн.» IV) видитъ здѣсь интригу Святослава, который въ 1250 г. ѣздилъ въ орду, а С. М. Соловьевъ («Ист. отн. между русск. кн. Рюр. дома», 267 и слѣд.) обвиняетъ Александра. Какъ на доказательства своего мнѣнія, онъ указываетъ а) на слова Андрея (Ник. III, 33): «Господи! что се есть, доколе намъ межъ собою бранитися»... и пр.; б) Александръ былъ въ это время въ ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: еслибъ онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивилъ его (?) послѣ, по случаю возстаній народныхъ? в) бѣгство въ Швецію и радушный пріемъ тамъ показываютъ, что шведы видѣли въ Андреѣ врага Александрова. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русская Ист.» I, 288—9) склоняется на сторону послѣдняго.

Невскій, между тѣмъ, подступалъ къ Новгороду. Партія большихъ взяла верхъ, и въ угоду Александру смѣненъ Ананія (посадникъ), сторонникъ меньшихъ, а мѣсто его занялъ сторонникъ большихъ Михалко (Михаилъ Степановичъ), внукъ Твердислава. Умиривши гражданъ, Александръ отправился во Владиміръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ опять сына своего Василія. Въ это время въ ордѣ произошла перемѣна: въ 1255 году умеръ Батый, а въ слѣдующемъ **1256**, какъ сообщаютъ нѣкоторыя лѣтописи, всѣ суздальскіе князья поѣхали въ орду, естественно, на поклонъ къ новому хану, а преимущественно бывшему тогда въ силѣ ханскому сановнику Улавчію. Александръ самъ не поѣхалъ, а послалъ только дары. Можетъ быть, Александра удержали дѣла новгородскія: въ этомъ году шведы и финны (Свеи, Емь, Сумь) пришли въ новгородскую землю и начали ставить городъ на р. Наровѣ; новгородцы послали «на Низъ» къ великому князю за полками; собирали и свои полки. Услышавъ о приготовленіяхъ новгородцевъ, шведы бѣжали за море. Зимой Александръ пришелъ въ Новгородъ и сталъ собираться въ походъ; но никто не зналъ, куда онъ хочетъ идти, хотя многіе думали, что онъ собирается на Чудь. Не смотря на чрезвычайныя трудности зимняго пути, Александръ съ суздальскими и новгородскими полками проникъ въ Финляндію, повоевавъ все поморье; много непріятелей было побито и много взято въ плѣнъ. Послѣ этого похода Александръ возвратился во Владиміръ, захвативъ съ собой новгородскихъ пословъ, Елевферія и Михаила Пинещинича[96]). Въ слѣдующемъ **1257** году князья: Александръ, Андрей и Борисъ (Васильковичъ ростовскій) пошли въ орду съ поклономъ къ Улавчію и въ томъ же году возвратились; а вслѣдъ за ними пришли татарскіе численники и изочли земли: Суздальскую, Рязанскую и Муромскую; поставили десятниковъ, сотниковъ, тысящниковъ и темниковъ; не переписывали только черное и бѣлое духовенство и, вообще, тѣхъ, «кто зрить на святую Богородицю и на владыку»[97]). Въ томъ же году и до Новгорода дошла, по выраженію лѣтописца, злая вѣсть, что татары и съ него хотятъ тамги и десятины. Вслѣдствіе этого тамъ поднялись волненія, причемъ былъ убитъ и посадникъ Михаилъ (старый, Ананія, незадолго передъ тѣмъ умеръ). Между тѣмъ Александръ съ татарскими численниками пришелъ въ Новгородъ, откуда сынъ его, Василій,

---

96) Ibid. I, 202—203, 226; III, 55—56; IV, 38; V, 188—189; VII, 160—161; XV, 398, 400; Ник. III, 35—37. Извѣстія о событіяхъ 1255—1258 годовъ чрезвычайно перепутаны. Мы могли бы привести здѣсь синхронологическія выписки этихъ годовъ изъ лѣтописей, но не рѣшаемся на это въ виду того, что такія выписки, кромѣ того, что займутъ много мѣста, не приведутъ къ положительнымъ выводамъ, такъ какъ здѣсь требуется отдѣльное изслѣдованіе, подобное хронологическимъ изслѣдованіямъ Энгельмана.

97) Ibid. I, 203, 226; II, 342 (подъ 1254 годомъ); XV, 401; Ник. III, 37.

раздѣлявшій съ новгородцами негодованіе на татарское число, бѣжалъ въ Псковъ. Татарскіе послы требовали тамги и десятины, но имъ отказали въ этомъ: новгородцы дали имъ только дары для хана и отпустили съ миромъ. Послѣ того Александръ выгналъ сына своего изъ Пскова и отправилъ въ Суздальскую землю, а тѣхъ, «кто Василья на зло повелъ», жестоко наказалъ: «овому носа урѣзаша, а иному очи вынимаша». Впрочемъ эту жестокость лѣтописецъ оправдываетъ: «всякъ бо злыи, говоритъ онъ, злѣ да погыбнеть». Волненія и послѣ того не прекращались въ Новгородѣ: въ ту же зиму новгородцы убили какого-то Мишу, «можетъ быть, того самаго, говоритъ одинъ изъ нашихъ историковъ[98]), который такъ славно бился со шведами при Невѣ»; посадничество дано было выведенному изъ Ладоги Михаилу Θедоровичу, а мѣсто тысяцкаго — Жидятѣ Доможирову (по другимъ — Жироху). Въ слѣдующемъ **1258** году Александръ, съ братьями— Андреемъ и Ярославомъ тверскимъ, и Борисъ ростовскій ходили въ орду и чтили Улавчія. По отъѣздѣ ихъ изъ орды, во Владиміръ опять явились, уже въ **1259 г.**, татарскіе численники для исчисленія той же Новгородской земли; Александръ, Андрей и Борисъ ростовскій зимой отправились съ ними въ Новгородъ. Но еще осенью въ Новгородъ пришелъ изъ Суздальской земли Михаилъ Пинещиничъ (взятый Александромъ во Владиміръ въ 1256 г.), по словамъ лѣтописи, съ ложнымъ посольствомъ и сказалъ новгородцамъ, что если они не дадутъ числа, то полки (татарскіе) въ Низовской землѣ уже готовы противъ нихъ. Новгородцы согласились на число («яшася новгородци по число»). Однако зимой, когда пріѣхали въ Новгородъ татарскіе послы, Беркай и Касачикъ, съ женами своими и многочисленной свитой, въ Новгородѣ поднялся мятежъ; татары требовали отъ Александра стражи для личной безопасности отъ народной ярости, — они говорили: «даите намъ число, или бѣжимъ проче», что означало, вѣроятно, угрозу. Но чернь волновалась и хотѣла «честно умереть за св. Софію», — между тѣмъ какъ другіе настаивали на исполненіи требованія татарскихъ пословъ. Есть извѣстіе, что татары — можетъ быть, въ надеждѣ на разъединенность новгородцевъ — съ двухъ сторонъ хотѣли ударить на городъ, но — по словамъ лѣтописи — невидимая сила Христова возбранила имъ это. Наконецъ, Александръ, а за нимъ и татары, выѣхали съ Городища. Только теперь бóльшіе взяли верхъ: новгородцы «яшася по число, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло». Взявши число, татары удалились восвояси. Александръ, оставивъ на новгородскомъ столѣ другаго сына, Димитрія, также поѣхалъ во Владиміръ чрезъ Ростовъ, куда онъ прибылъ

---

98) С. М. Соловьевъ: «Ист. Р.» III, 195.

въ среду средокрестной недѣли. Здѣсь его чествовали: епископъ Кириллъ, князья Борисъ и Глѣбъ съ матерью ихъ, княгиней Маріей [99]).

Теперь въ Новгородѣ пока все успокоилось. Но года черезъ три, а именно въ **1262** году, произошли возстанія въ другихъ городахъ: выведенные изъ терпѣнія насиліями откупщиковъ татарской дани, бесерменами, жители разныхъ городовъ собирались на вѣча и рѣшали — изгонять отъ себя сыроядцевъ, какъ называли тогда татаръ и бесерменъ. Такъ, произошли возстанія въ городахъ: Владимірѣ, Суздалѣ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Переяславлѣ; въ Ярославлѣ убитъ былъ народомъ Зосима, бывшій прежде христіаниномъ и даже монахомъ, а потомъ, въ угоду одному ханскому баскаку, принявшій магометанство и, какъ это большею частію бываетъ съ ренегатами, ругавшійся надъ прежней вѣрой своей и прежними братьями по ней и даже хуже окаянныхъ, какъ говоритъ лѣтопись, утѣснявшій прежнихъ своихъ согражданъ. Конечно, въ ордѣ не могли равнодушно отнестись къ такому событію, и татарскія полчища уже готовы были нахлынуть на Русь. Александру предстоялъ трудный подвигъ — умилостивить хана, чтобы отвратить бѣду отъ Русской земли. Въ четвертый [100]) разъ отправляясь въ орду, Александръ послалъ сына своего Димитрія съ новгородцами и брата Ярослава тверскаго на г. Юрьевъ (Дерптъ); съ ними пошли еще два князя: зять Александра Константинъ, сынъ Ростислава смоленскаго, и кн. полоцкій Товтивилъ съ полочанами и литовцами [101]). Этотъ походъ былъ удаченъ: Юрьевъ былъ взятъ, множество гражданъ погибло въ пожарѣ, многіе побиты, а иные взяты были живыми. Слѣдствіемъ этой побѣды былъ выгодный для русскихъ договоръ съ нѣмцами [102]). Между тѣмъ Александръ

---

99) Ibid. I, 203, 226; III, 56—57; IV, 39; V, 189—190; VII, 162; XV, 401; Ник. III, 38 и слл. Тверская лѣт., говоря о пребываніи Александра въ Ростовѣ, оканчиваетъ извѣстіе объ этомъ такъ, какъ будто бы Кирилъ, кн. Борисъ и Глѣбъ и мать ихъ поѣхали во Владиміръ, — между тѣмъ какъ этого ниоткуда не видно. Здѣсь пропускъ очевиденъ: они чествовали Александра, *который* (а не князья ростовскіе) *послѣ этого чествованія* поѣхалъ во Владиміръ.

100) См. прим. 85. Въ первый разъ Александръ ходилъ по смерти отца, во второй разъ — въ 1252 году, на Донъ, къ Сартаку, когда получилъ великокняжескій столъ и когда ханъ послалъ на Андрея татарскую рать подъ начальствомъ Неврюя; въ третій разъ — въ 1258 году вм. съ братьями, Андреемъ и Ярославомъ, предъ исчисленіемъ Русской земли. Такимъ образомъ поѣздка 1262 года будетъ послѣдней и притомъ четвертой. Но замѣчательно, что Новг. 4-я (т. IV, 39), весьма послѣдовательная въ отмѣткахъ поѣздокъ Александра въ орду, о послѣдней поѣздкѣ выражается такъ: «Поиде князь Александръ *третьее* въ орду.»

101) П. С. Р. Л. I, 204, 226; IV, 39; V, 190; VII, 162—163; XV, 402—403.

102) Ibid. III, 57—58; IV, 39; V, 190—191; VII, 163—164; Ник. III, 40; XV, 403 (послѣднія двѣ помѣщаютъ этотъ эпизодъ подъ 1263 г.). Энгельманъ («Хронол. изслѣд. въ области Русской и Ливонской исторіи въ XIII и XIV ст., стр. 8), вопреки И. И. Срезневскому, основательно доказываетъ, что договоръ относится къ 1262, а не къ 1263 году.

отправился въ орду[103]). Ханъ Берге задержалъ его, такъ что ему пришлось зимовать тамъ[104]). Изъ орды Александръ выѣхалъ больной; чрезъ Н.-Новгородъ онъ доѣхалъ до Городца[105]) и здѣсь, 14-го ноября 1263 года, постригся, принявъ при этомъ имя Алексія, а ночью того же числа скончался. Тѣло его повезли во Владиміръ. Митрополитъ Кириллъ, въ сопровожденіи владимірскихъ гражданъ, встрѣтилъ печальное шествіе за 10 верстъ отъ Владиміра у вратъ Боголюбской обители. 23-го ноября тѣло Александра погребено было въ монастырѣ Рождества Пресв. Богородицы, откуда, въ 1725 году, мощи его перенесены были Петромъ I-мъ въ С.-Петербургскую Александро-Невскую лавру[106]).

Александръ Ярославичъ былъ женатъ на Александрѣ, дочери кн. полоцкаго Брячислава, отецъ котораго намъ неизвѣстенъ; о самомъ Брячиславѣ лѣтописи упоминаютъ только по поводу выхода его дочери за Александра, въ 1239 г.[107]). Нѣкоторые приписываютъ Невскому вторую жену, Вассу, но — кажется — ошибочно[108]). Александръ имѣлъ слѣдующихъ дѣтей: Василія, Димитрія, Андрея, Даніила[109]) и дочь Евдо-

---

103) Соф. 1 (т. V), окончивши описаніе этого похода заключеніемъ, что князья благополучно воротились со множествомъ полона въ свою землю, такъ продолжаетъ свое повѣствованіе: «*Тогда же* поиде великый князь Александръ въ орду», — такъ что можно предполагать, что Александръ пошелъ въ орду послѣ того, какъ полки воротились изъ-подъ Юрьева. Другія же лѣтописи и походъ подъ Юрьевъ, и поѣздку Александра въ орду — оба факта передаютъ одинъ за другимъ безъ всякой видимой связи.

104) См. цитаты въ прим. 102.

105) Городецъ волжскій — теперь селеніе Нижегородской губ., Балахнинскаго уѣзда.

106) П. С. Р. Л. I, 204, 226; II, 343 (т. е. Густынская лѣт.; она, забѣгая впередъ, говоритъ: «Преставися Александръ Ярославичъ, вел. кн. *московскій* и кіевскій»); III, 58; IV, 39, 180 (подъ 1264 годомъ); V, 191 (подъ 1262 годомъ); VII, 164, 236. Въ рукописяхъ Карамзина и Оболенскаго, послужившихъ варіантами для Софійской 1-й, ошибочно помѣщается извѣстіе о смерти Александра подъ 1251 годомъ (V, 187 варіанты).

107) Ibid. III, 52; V, 174; VII, 144; IV, 34 (т. е. Новг. 4-я подъ 1238 г.); Ник. III, 4.

108) Изъ лѣтописей не видно, чтобы Александръ вступалъ во второй бракъ; изъ раннихъ родословныхъ — то же; позднѣйшія же, какъ, напр., Головина, основывались, кажется, какъ и Карамзинъ (IV, 58 и прим. 110), на надписяхъ на гробахъ, находящихся въ Успенскомъ (Княгининомъ) женскомъ монастырѣ во Владимірѣ; одинъ изъ этихъ гробовъ, что на лѣвой сторонѣ — по надписи — *благовѣрныя княгини Вассы, вторыя супруги Александра Невскаго*. Составитель «Церковно-истор. опис. владим. достопам.», *Іеромонахъ Іоасафъ*, самъ бывшій нѣкоторое время во Владимірѣ, не только не вдается въ подробности при перечнѣ лицъ, погребенныхъ въ помянутомъ монастырѣ, и ничего не говоритъ о современномъ ему положеніи гробницъ, но и самъ ссылается на Карамзина. М. Д. Хмыровъ («Алфавитно-справочн. перечень государей русскихъ», № 12) говоритъ, что «приписываніе Александру второй жены, Вассы, происходитъ отъ буквальнаго пониманія надгробной надписи . . . ., которая, по очевидной ошибкѣ каменосѣчца, называетъ Василиссу, вторую жену Александрова сына Андрея, Вассою и второю женою самого Александра». Во всякомъ случаѣ, объ этой Вассѣ или Василиссѣ мы ничего не знаемъ.

109) Мальгинъ («Зерцало. . .» 274) считаетъ между сыновьями Невскаго, — неизвѣстно, на какомъ основаніи, — двухъ Даніиловъ, изъ которыхъ первый умеръ будьто бы въ младенчествѣ, въ 1258 году.

кію, бывшую въ замужествѣ за Константиномъ Ростиславичемъ, кн. смоленскимъ.

Ярославъ Ярославичъ.

1263 † 1272.

Ярославъ Ярославичъ, великій кн. тверскій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣ брата своего, Александра Невскаго, и великимъ княземъ владимірскимъ съ **1263** по **1272 г.** Біографическія свѣдѣнія о немъ будутъ изложены въ отдѣлѣ о Тверскихъ великихъ князьяхъ.

Василій Ярославичъ.

р. 1241 † 1276.

Лѣтописи, отмѣтивъ подъ **1241 г.** рожденіе у в. кн. Ярослава Всеволодовича сына Василія, въ продолженіе потомъ лѣтъ 30 почти ничего не говорятъ о послѣднемъ[110]), говоримъ—почти, потому что подъ **1246** годомъ онъ упоминается по случаю смерти отца его[111]). Въ томъ же году, какъ извѣстно, братъ Ярослава, Святославъ Всеволодовичъ, занявшій, по старшинству, великокняжескій столъ, «посажа» племянниковъ своихъ «по городомъ, яко же уряди братъ его, в. кн. Ярославъ Всеволодовичъ»[112]). Надобно полагать, что въ это же время и Василій получилъ Кострому, которой, за

---

110) П. С. Р. Л. I, 201, 225; IV, 37; VII, 146; XV, 375 (Василій род. въ 1240 г.); Ник. III, 9; Татищ. IV, 6. — Никон., стр. 3: «Заступи бо его (Ярослава Всеволодовича) Господь Богъ и преч. Богородица отъ татаръ, и съ нимъ осмь сыновъ его: Александра Нѣвского, Андрея суздалского, Констянтина, Аѳонасія (конечно, Ярослава), Данила, Михаила, Ярослава тверскаго (тотъ же Аѳонасій), Василія . . . . ». Выходитъ какъ будто такъ, что Василій родился даже ранѣе 1238 года, между тѣмъ какъ та же Никон. лѣт. отмѣчаетъ рожденіе его подъ 1241 годомъ! . . Это противорѣчіе объясняется весьма легко: составитель лѣтописи, увлекшись перечнемъ Ярославичей, поставилъ въ послѣднемъ и Василія, такъ сказать, переднимъ числомъ, — точно такъ же, какъ и Ярослава онъ назвалъ *тверскимъ* потому, что онъ былъ таковымъ впослѣдствіи.

111) Никон. III, 27.

112) П. С. Р. Л. I, 201; VII, 158; Ник. III, 27.

его малолѣтствомъ, могли управлять бояре. Затѣмъ, подъ **1266** годомъ онъ упоминается по случаю женитьбы его [113]).

Въ **1269** году, послѣ извѣстной Раковорской битвы, новгородцы еще не примирились съ нѣмцами, и по этому случаю въ Новгородѣ произошла сумятица: одни хотѣли послать за Ярославомъ въ надеждѣ, что онъ примиритъ Новгородъ съ нѣмцами, — другіе не хотѣли этого. Ярославъ, много помогшій новгородцамъ въ помянутой битвѣ, полагалъ, что ему теперь легко будетъ устранить нѣкоторыхъ, не расположенныхъ къ нему, новгородскихъ бояръ отъ ихъ должностей и замѣнить ихъ своими приверженцами. Хотя теперь время было удобное и онъ не замедлилъ пріѣхать въ Новгородъ, но успѣлъ только въ томъ, что на мѣсто тысяцкаго, не вернувшагося въ Новгородъ послѣ Раковорской битвы (о немъ не знали даже, убитъ былъ онъ, или — нѣтъ), новгородцы выбрали Ярославова сторонника, Ратибора Клуксовича. Послѣ этого, благодаря — скажемъ современнымъ техническимъ языкомъ — военнымъ демонстраціямъ Ярослава, направленнымъ противъ нѣмцевъ, новгородцамъ удалось заключить съ послѣдними миръ. Естественно, Ярославъ теперь думалъ, что онъ можетъ распоряжаться въ Новгородѣ по личному усмотрѣнію: такъ, онъ самовольно забираетъ себѣ дворъ какого-то Алексы Морткинича; беретъ у нѣкоторыхъ новгородцевъ деньги; отнимаетъ вотчины у храма св. Софіи; перевершаетъ прежнія грамоты; вмѣшивается въ торговыя отношенія новгородцевъ къ нѣмцамъ и т. п. Вслѣдствіе такого самоуправства Ярослава, въ **1270 г.** въ Новгородѣ поднялся мятежъ, — причемъ нѣкоторые изъ сторонниковъ Ярослава бѣжали, нѣкоторые — убиты; Ярославу же рѣшительно и энергично предложено было выѣхать изъ Новгорода. Не имѣя при себѣ войска, Ярославъ долженъ былъ подчиниться необходимости. Новгородцы обратились къ племяннику Ярославову, Димитрію Александровичу, и звали его къ себѣ; но онъ не хотѣлъ оскорблять дядю. Новгородцы оказались въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что Ярославъ готовился къ походу на Новгородъ, противъ котораго поднималъ и татаръ. Помощь, однако, явилась Новгороду, откуда нельзя было, повидимому, и ожидать ея: за Новгородъ сталъ «мезинный» (меньшій, младшій) братъ Ярослава, Василій костромскій. Можетъ быть, Василій былъ или оскорбленъ старшимъ братомъ, который, когда самовластно распоряжался въ Новгородѣ, точно также распоряжался и на Костромѣ, гдѣ захватилъ, еще въ прошломъ году, новгородскихъ купцовъ; или костромскій князь боялся усиленія тверскаго

113) Ник. III, 44—45. Свадьба была въ Костромѣ; его вѣнчалъ въ церкви св. Θеодора ростовскій епископъ Игнатій. Лѣтопись ничего не говоритъ о его женѣ.

князя, который въ то же время былъ и великимъ княземъ владимірскимъ. Какъ бы то ни было, Василій отправилъ въ Новгородъ пословъ: «кланяюся святой Софьи и мужемъ новгородцемъ; слышалъ есмь, аже Ярославъ идеть на Новгородъ, со всею силою своею... жаль ми своея отчины», сказалъ онъ чрезъ этихъ пословъ новгородцамъ. Самъ же Василій отправился въ орду вмѣстѣ съ новгородцами, Петрилой Рычагомъ и Михаиломъ Пинещиничемъ, можетъ быть, приходившими къ Василію съ тѣмъ же, съ чѣмъ новгородцы ходили и къ Димитрію, въ Переяславль. Василій представлялъ хану всю невинность новгородцевъ и, напротивъ, обвинялъ Ярослава. Ханъ, уже отпустившій — было татаръ на Новгородъ, воротилъ ихъ, оставивъ при Ярославѣ только пословъ. Ярославу только при помощи духовной власти удалось побѣдить новгородцевъ безъ кровопролитія, и то такъ, что миръ заключенъ былъ на всей волѣ новгородской [114]). Эта новгородская воля выразилась въ томъ, что — по наущенію Василія — новгородцы, по договорамъ, вытребовали отъ Ярослава такія обязательства, по которымъ послѣдній лишался суда и черной и печерской даней, и отмѣны которыхъ, т. е. обязательствъ, какъ сей-часъ увидимъ, потребовалъ потомъ самъ же Василій... Въ слѣдующемъ **1271** году братья и племянникъ ихъ, Ярославъ и Василій Ярославичи и Дмитрій Александровичъ, ѣздили въ орду. Лѣтописи не указываютъ на поводы къ этой поѣздкѣ; можетъ быть, она стояла въ связи съ предшествовавшими событіями. На обратномъ пути изъ орды, уже въ **1272 г.**, Ярославъ умеръ, и владимірскій великокняжескій столъ занялъ братъ его, Василій Ярославичъ костромскій [115]).

Со смертію Ярослава новгородскій столъ остался, такъ сказать, вакантнымъ. Конечно, великій князь имѣлъ болѣе шансовъ на занятіе новгородскаго стола, что было и въ интересахъ Новгорода — имѣть у себя сильнѣйшаго князя, только онъ не стѣснялъ бы его вольностей. Но Димитрій Александровичъ переяславскій, не хотѣвшій прежде, какъ мы видѣли, взять новгородскаго стола подъ дядею (Ярославомъ тверскимъ), теперь оказывается претендентомъ на этотъ столъ. Онъ, какъ сынъ Невскаго, столько добра сдѣлавшаго Новгороду, могъ, конечно, разсчитывать на со-

---

114) П. С. Р. Л. III, 61—62, 220; IV, 42; V, 196; VII, 167—170; Ник. III, 51. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ (Русск. Ист. I, 325) говоритъ, что Ярославъ былъ недоволенъ войною съ нѣмцами и хотѣлъ низложенія ся зачинщиковъ... Но онъ самъ помогалъ новгородцамъ: посылалъ дѣтей своихъ, Святослава и Михаила, и другихъ князей на помощь Новгороду (Новг. I, 59—60; Ник. III, 46—47). Если, такимъ образомъ, онъ и требовалъ низложенія нѣкоторыхъ лицъ, какъ зачинщиковъ ссоры съ нѣмцами, то только потому, что ему нуженъ былъ предлогъ къ удаленію отъ дѣлъ лицъ, ему неугодныхъ.

115) Ibid. I, 227; II, 344; IV, 42; V, 198; VII, 171 (въ Оглавл. къ Воскр. лѣт. стр. 236 — подъ 1270 г.); XV, 404; Никон. III, 54—55.

чувствіе новгородцевъ. Но и Василій еще такъ недавно оказалъ важную услугу новгородцамъ въ борьбѣ ихъ съ Ярославомъ! Оба претендента послали (въ 1272 г.) въ Новгородъ своихъ пословъ, которые остановились на Ярославовомъ дворѣ. Новгородцы, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, предпочли Димитрія потому, что Василій, вступивъ на великокняжескій столъ, послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и приказалъ уничтожить грамоты брата своего, Ярослава, по которымъ у князя отнимался судъ, а также черная и печерская дани. Новгородцы отвѣчали Василію, что онъ самъ же «удумалъ» имъ это, а теперь поступаетъ совершенно наоборотъ. И такъ, новгородцы призвали къ себѣ Димитрія Александровича, который въ томъ же году прибылъ въ Новгородъ и 9-го октября сѣлъ на столѣ. Въ слѣдующемъ **1273** году Василій, пославъ воеводу своего Семена пустошить новгородскую волость, самъ пошелъ къ Переяславлю, а отсюда— къ Торжку; пожегъ здѣсь хоромы и, посадивъ въ Торжкѣ своихъ тіуновъ, ушелъ въ Кострому. Семенъ, попустошивъ новгородскія волости, также возвратился во Владиміръ съ большимъ полономъ. Въ то же время и племянникъ Василія, Святославъ тверской, съ татарами пустошилъ Волокъ, Бѣжецкъ и Вологду. Между тѣмъ въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ, кажется, главнымъ образомъ потому, что въ Низовской землѣ у новгородскихъ гостей, бывшихъ во Владимірѣ, Твери и Костромѣ, были отняты товары. Димитрій Александровичъ, зимой того же года, пошелъ съ новгородцами ратью на Тверь, а къ Василію Ярославичу отправилъ пословъ съ предложеніемъ — возвратить Новгороду взятыя имъ новгородскія волости и заключить съ новгородцами миръ. Великій князь отпустилъ пословъ съ честью, но мира не далъ. Всѣ эти бѣдствія, въ виду столькихъ враговъ, наконецъ, внушили новгородцамъ спасительную мысль — обратиться къ Василію. Въ Торожкѣ, куда прибылъ Димитрій съ новгородцами, съ намѣреніемъ воевать Тверскую землю, поднялась замятня: новгородцы, видя на сторонѣ Василія перевѣсъ, желали задаться за него. Димитрій добровольно отказался отъ новгородскаго стола, почему и былъ отпущенъ въ Переяславль, какъ говорятъ лѣтописи, съ любовію; у приверженца его, Павши, отнято было посадничество и отдано Михаилу Мишиничу. Павша бѣжалъ къ Димитрію. Къ Василію послали пословъ; а въ Торжкѣ присягали «единакымъ быти съ посадникомъ Михаиломъ». Впрочемъ, въ томъ же году, когда Василій уже посаженъ былъ на новгородскомъ столѣ, Павша перешелъ на его сторону: посадничество опять дали ему [116]).

---

116) Ibid. III, 62—63; IV, 42; V, 198—199; VII, 172; Ник. III, 55—57; Татищ. IV, 45.

Въ **1274 г.** Павша умеръ. Василій Ярославичъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и при немъ въ посадники опять выбранъ былъ Михаилъ Мишиничъ [117]).

Въ концѣ **1275 г.** Василій зачѣмъ-то ѣздилъ въ орду, откуда возвратился уже въ слѣдующемъ **1276** году во Владиміръ. Въ томъ же году онъ умеръ въ Костромѣ, въ которой почти постоянно жилъ, будучи и великимъ княземъ, и погребенъ въ церкви св. Ѳеодора, въ присутствіи многихъ князей. Тутъ были: Борисъ Васильковичъ ростовскій, Глѣбъ Васильковичъ бѣлозерскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій, внукъ Всеволода Юрьевича, Дмитрій Александровичъ переяславскій и Ѳедоръ Ростиславичъ ярославскій [118]).

Василій Ярославичъ былъ женатъ, но о женѣ его до насъ не дошло никакихъ извѣстій; не знаемъ даже имени ея. Равнымъ образомъ, ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти [119]).

Димитрій Александровичъ переяславскій.

1250 † 1294.

Въ **1259** году Александръ Невскій былъ въ Новгородѣ съ татарскими численниками, пріѣхавшими для переписи новгородской земли. По окончаніи переписи, которой предшествовали обычныя новгородскія смуты, татары выѣхали изъ Новгорода; вскорѣ послѣ нихъ выѣхалъ и Александръ, оставивъ тамъ сына своего Димитрія, который былъ, вѣроятно, еще очень молодъ [120]). Какъ Димитрій жилъ и управлялъ Новгородомъ до **1262** года,

---

117) Ibid. III, 63; Ник. III, 59 (подъ 1275 годомъ).

118) Ibid. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 172—173; XV, 405; Ник. III, 59—61. Никон. лѣт. восхваляетъ добродѣтели этого князя: любовь и милость къ церквамъ и духовенству и пр. По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Тат. IV, 47) при немъ, въ 1275 г., было на Руси «второе число» изъ орды отъ хана. Замѣчателенъ также бывшій при немъ соборъ въ 1274 г., когда во Владиміръ пріѣхалъ изъ Кіева митр. Кириллъ съ архим. Кіево-печерской лавры, Серапіономъ, для посвященія послѣдняго во епископа Владиміру и Суздалю. Этотъ соборъ можетъ считаться, по отношенію къ принятымъ мѣрамъ исправленія непорядковъ въ церкви и клирѣ, предвѣстникомъ Стоглаваго собора.

119) См. выше, примѣчаніе 113.

120) П. С. Р. Л. III, 57; V, 189—190; VII, 162; Ник. III, 40. По лѣтописямъ неизвѣстно, когда родился Димитрій; а Мальгинъ («Зерцало», 292) говоритъ, что въ 1250 г. во Владимірѣ. Хотя лѣтопись и замѣчаетъ подъ 1263 г., по случаю изгнанія Димитрія изъ Новгорода, «зане князь еще малъ бяше»,—но надобно замѣтить, что въ Раковорской битвѣ

лѣтописи не оставили извѣстій. Но въ этомъ послѣднемъ году Александръ Невскій, намѣреваясь ѣхать въ орду, послалъ брата своего Ярослава и сына Димитрія съ новгородцами ратью на Юрьевъ (Дерптъ). Лѣтописи замѣчаютъ, что Димитрій воротился изъ этого похода «со многимъ товаромъ». Само собою разумѣется, что побѣда новгородцевъ и взятіе Юрьева зависѣли не отъ Димитрія, еще очень молодаго, а отъ нихъ самихъ или отъ князей, принимавшихъ въ этомъ походѣ участіе; тутъ были, кромѣ Ярослава Ярославича: зять Невскаго, Константинъ Ростиславичъ смоленскій, и полоцкій князь Товтивилъ съ полочанами и литвой, съ которой новгородцы, не задолго до этого похода, помирились [121]).

Для новгородцевъ, конечно, неудобно было имѣть у себя малолѣтняго князя и, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, они только ждали удобнаго случая устранить его отъ себя. Случай этотъ скоро представился: 14-го ноября **1263** года умеръ Александръ Невскій, а въ слѣдующемъ году новгородцы, съ своимъ посадникомъ (Михалкомъ) во главѣ, выгнали отъ себя Димитрія, «зане князь еще малъ бяше», и посадили у себя дядю его, Ярослава Ярославича тверскаго [122]).

Въ 1268 году новгородцы открываютъ военныя дѣйствія противъ ливонцевъ, къ чему привлекаютъ и другихъ князей; посылаютъ и за Димитріемъ въ Переяславль [123]). Димитрій, такимъ образомъ, принималъ участіе въ знаменитой битвѣ подъ Раковоромъ (Везенбергомъ) и въ битвѣ у р. Кеголи. Лѣтописи отводятъ даже видное мѣсто въ этомъ походѣ Димитрію. Такъ, въ концѣ января, по пути къ Раковору, отрядъ, въ которомъ находился Димитрій, напалъ на засѣвшую въ одной пещерѣ Чудь, которую

онъ былъ самостоятельно дѣйствующимъ лицомъ и называется (конечно, лѣтопись забѣгаетъ впередъ) великимъ княземъ (VII, 167); притомъ предъ походомъ новгородцы лично къ нему обращались.

121) Ibid. III, 57; IV, 39, 180; V, 190—191; VII, 163.

122) Ibid. III, 58; IV, 39; V, 191; VII, 164 (подъ 1263 г.); Ник. III, 42. Новгор. 4-я сначала говоритъ объ изгнаніи Димитрія, а потомъ уже о смерти Невскаго.

123) Воскр. (VII, 167) и Никон. (III, 46), говоря, подъ 1265 годомъ, о намѣреніи Ярослава Ярославича идти къ Пскову на литовскаго кн. Довмонта, который, вслѣдствіе происходившихъ въ Литвѣ кровавыхъ княжескихъ усобицъ, прибѣжалъ въ Псковъ и былъ предпочтенъ Ярославову сыну Святославу, замѣчаютъ, что новгородцы воспротивились намѣренію Ярослава, который и отослалъ свои полки въ Низовскую землю, а потомъ и самъ выѣхалъ изъ Новгорода, оставивъ тамъ, будто бы, Димитрія Александровича. Здѣсь, кажется, ошибка: въ 1266 г. новгородцы задумали съ кн. своимъ Юріемъ (конечно, Андреевичемъ, племянникомъ Ярослава Ярославича) идти на Литву (IV, 40); въ послѣдующихъ событіяхъ — въ битвѣ при Раковорѣ, въ походѣ на Запаровье — участвуетъ тотъ же Юрій, названный (въ IV, 41), конечно, по ошибкѣ *Александровичемъ*. Но въ Раковорской битвѣ или въ приготовленіяхъ къ ней Юрій участвуетъ уже, а Димитрія (III, 59) только еще приглашаютъ. Очевидно, Воскр. и Никон. лѣтописи приняли Димитрія Александровича вм. Юрія Андреевича, названнаго въ Новгородской 4-й *Александровичемъ*.

трудно было выбить оттуда, но выбили, благодаря «хитрости порочнаго мастера», который пустилъ въ пещеру воду; Чудь выбѣжала и была побита; а захваченный при этомъ товаръ отданъ былъ Димитрію. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ объ этомъ походѣ Димитрій изображается успѣшно дѣйствующимъ по собственному почину; послѣ побѣды, одержанной 18-го февраля, онъ три дня стоитъ «на костяхъ» и потомъ уже отправляется въ Новгородъ, а оттуда — въ Переяславль [124]).

Въ **1270 г.**, послѣ того, какъ в. кн. Ярославъ Ярославичъ показалъ, что онъ хочетъ распоряжаться въ Новгородѣ по своему усмотрѣнію, новгородцы подняли мятежъ и прогнали Ярослава, не смотря на обѣщаніе его во всемъ уступить «волѣ новгородской»; они послали въ Переяславль за Димитріемъ, прося его на новгородскій столъ; Димитрій отказался, не желая «взять стола передъ стрыемъ своимъ»; а потомъ даже помогалъ Ярославу въ походѣ на Новгородъ и ходилъ съ нимъ въ **1271 г.** въ орду [125]). Но въ **1272 г.**, по смерти Ярослава, Димитрій желалъ и добивался Новгорода, хотя и долженъ былъ уступить в. кн. Василію Ярославичу, который располагалъ большими средствами для удержанія Новгорода за собой [126]).

По смерти Василія Ярославича, въ **1276 г.**, Димитрій Александровичъ сдѣлался вел. кн. владимірскимъ; въ томъ же году новгородцы звали его къ себѣ, а въ **1277 г.** посадили его на новгородскомъ столѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ [127]). Въ слѣдующемъ **1278** году Димитрій съ своими низовскими полками и новгородскими ходилъ на Корелу и «полонилъ всю землю ихъ», а въ **1279 г.** выпросилъ у новгородцевъ позволеніе поставить для себя городъ Копорье (крѣпость въ Копорьи). Въ **1280 г.** онъ лично, съ посадникомъ Михаиломъ и «большими мужи», пошелъ въ Копорье и заложилъ тамъ каменную крѣпость [128]). Тогда же онъ и новгородцы, по ка-

---

124) П. С. Р. Л. I, 226; III, 58—60; IV, 40—41, 180—182; V, 193—195; VII, 167—168; Ник. III, 46—48. — Къ Раковору пошли января 23.

125) Ibid. III, 61, 220; IV, 42; V, 196; VII, 169; Супр. 37; Ник. III, 50—53.

126) См. подъ Василіемъ Ярославичемъ. Цит. см. въ прим. 116.

127) П. С. Р. Л. I, 227; II, 345; III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 173; Ник. III, 57—61. Недѣля всѣхъ святыхъ — день переходный: это — второй воскресный день по Пятьдесятницѣ; а такъ какъ Пасха въ 1276 г. была 5 апр., то недѣля всѣхъ святыхъ падала на 31 мая.

128) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; VII, 174; Ник. III, 64 и сл. Въ IV говорится, что послѣ похода на Корелу Димитрій взялъ Тетяковъ, какъ будто этотъ Тетяковъ былъ поблизости. Тетяковъ или Дедяковъ — въ землѣ Ясовъ сѣвернѣе Дербента («Учебн. атл. по Р. Ист.», карта № 3 Е. Е. Замысловскаго). Дѣйствительно, въ 1277 г. русскіе князья—Борисъ ростовскій, Θедоръ ярославскій, Глѣбъ бѣлозерскій и Андрей Городецкій— пошли въ орду, чтобы съ ханомъ идти на Ясовъ къ Тетякову. Но Димитрія не было въ числѣ этихъ князей: онъ пошелъ въ Новгородъ. — У Тат. IV, 51 объ этомъ походѣ

кимъ-то причинамъ, отняли посадничество у Михаила Мишинича, а на мѣсто его вывели изъ Ладоги Семена Михаиловича[129]). Всѣ эти послѣдніе факты указываютъ на то, что новгородцы были съ великимъ княземъ въ мирѣ и согласіи, а потому удивительнымъ кажется, что въ слѣдующемъ **1281** году у Димитрія произошелъ разладъ съ новгородцами. Нѣкоторые думаютъ, что этотъ разладъ произошелъ изъ-за Копорья, которое новгородцы не хотѣли оставлять въ рукахъ великаго князя[130]). Вслѣдствіе этого Димитрій Алексардровичъ вступилъ съ огнемъ и мечемъ въ Новгородскую землю и сталъ на Шелони. Сюда прибылъ къ нему новгородскій архіепископъ съ дарами и просьбой о мирѣ. До начала военныхъ дѣйствій къ Димитрію приходилъ тотъ же владыка, но тогда великій князь не взялъ мира съ новгородцами; теперь же онъ далъ миръ и уѣхалъ во Владиміръ, откуда вскорѣ отправился въ Ростовъ, гдѣ происходила ссора между братьями, Димитріемъ и Константиномъ Борисовичами, недавно получившими княженіе послѣ дяди Глѣба, а теперь отнявшими Бѣлозерскій удѣлъ у Глѣбова сына, Михаила. Димитрій примирилъ братьевъ. Между тѣмъ собственный его братъ, Андрей городецкій, руководимый, какъ объясняютъ лѣтописи, однимъ изъ своихъ приближенныхъ, «льстивымъ коромольникомъ, Семеномъ Тонигліевичемъ», въ томъ же 1281 году пошелъ въ орду, билъ челомъ хану на брата своего Димитрія и успѣлъ выпросить ярлыкъ на великое княженіе. До Андрея дошла въ орду вѣсть, что Димитрій собираетъ рать, укрѣпляетъ городъ, не хочетъ слушать ханскаго слова и уступать княженія младшему брату. Все это передано было хану, который и далъ Андрею татарскую рать, во главѣ съ Кавгадыемъ и Алчедаемъ. Андрей подошелъ къ Мурому и созывалъ сюда князей. Боясь ли пришедшей съ Андреемъ татарской рати, а главное — боясь ли оскорбить хана, давшаго Андрею великокняжескій ярлыкъ и рать, или желая ослабить великаго князя, къ Андрею явились: кн. Ѳедоръ Ростиславичъ ярославскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій. Соединенные князья вмѣстѣ съ татарами пошли на Димитрія къ Переяславлю; но послѣдніе, кажется, не хотѣли и думать объ опредѣленной цѣли похода; они все по пути предавали огню и мечу: опустошили Муромъ, около Владиміра, Юрьева, Твери, Торжка, даже Ростова; Переяславль, въ которомъ не было Димитрія, взятъ былъ на щитъ. А все зло, по замѣчанію одной лѣтописи,

---

ошибочно говорится, что ханъ Менгутимуръ съ русскими князьями пошелъ *за Днѣстръ* и что князья «взяша славный градъ Язскій»; очевидно, Татищевъ думалъ, что походъ былъ въ Молдавію на городъ Ясы. Ср. Кар. IV, пр. 157.

129) Ibid. III, 63.

130) См. Карамз. IV, 80—81 и относящіяся сюда примѣчанія; Сол. III, 237.

сдѣлалъ Андрей, добиваясь великаго княженія не по старшинству. Между тѣмъ Димитрій бѣжалъ къ Новгороду и хотѣлъ пробраться и засѣсть въ Копорьи. Новгородцы вышли противъ него на Ильмень, заставили его отказаться отъ Копорья и показали ему путь; при этомъ они захватили, въ качествѣ аманатовъ (взяли въ таль) двухъ дочерей Димитрія и бояръ съ женами и дѣтьми, обѣщаваясь отпустить ихъ, коль скоро «мужи» Димитрія выйдутъ изъ Копорья. Это было 1-го января. Въ Копорьи, вмѣстѣ съ дружиной Димитрія, находился и зять его Довмонтъ. Онъ, когда еще Димитрій имѣлъ дѣло съ новгородцами на Ильменѣ, набѣжалъ на Ладогу и захватилъ оттуда имущество тестя, а по выраженію Новг. 1-й лѣтописи— «задроша и ладоского» (прихватилъ), и воротился къ Копорью на Васильевъ день (1-го января). Между тѣмъ новгородцы, пославъ за Андреемъ, пошли на Копорье; дружина Димитрія вышла изъ города, который и былъ новгородцами разрушенъ, а земляныя укрѣпленія раскопаны («гору раскопаша»). Андрей прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ. Въ то же время и Дмитрій, ушедшій изъ Новгородской земли за море, возвратился въ Переяславль. Андрей, послѣ обычнаго обряда сажанія на столъ новгородскій, взявъ съ собой нѣсколько новгородскихъ бояръ, поторопился во Владиміръ, такъ какъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ услыхалъ, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ большою ратью, укрѣпляетъ городъ и собираетъ полки. Новгородскихъ бояръ онъ захватилъ потому, что боялся брата. Изъ Владиміра, отпустивъ новгородскихъ бояръ, Андрей отправился въ Городецъ, а отсюда — въ орду съ жалобами на брата; съ нимъ отправился и Семенъ Тонигліевичъ. Между тѣмъ одинъ изъ отпущенныхъ имъ новгородскихъ бояръ, посадникъ Семенъ Михайловичъ, засѣлъ въ Торжкѣ и не пускалъ туда Димитріевыхъ намѣстниковъ, а «обиліе» (хлѣбъ) воднымъ путемъ препровождалъ въ Новгородъ. — Съ наступленіемъ **1283 г.**, Святославъ Ярославичъ съ тверичами, Даніилъ Александровичъ съ москвичами и новгородцы пошли ратью къ Переяславлю на Димитрія, который выступилъ противъ соединенныхъ силъ и сталъ въ Дмитровѣ. Не доходя 5 верстъ до этого города, противники Димитрія вступили съ нимъ въ переговоры и заключили миръ. Но Андрей и послѣ этого не могъ успокоиться: изъ орды онъ привелъ татарскую рать подъ начальствомъ Турайтемира и Алына, а воеводой былъ у нихъ Семенъ Тонигліевичъ. Рать эта начала пустошить Суздальскую землю, между тѣмъ какъ Димитрій бѣжалъ къ татарамъ, но не къ золотоордынскимъ, покровителямъ Андрея, а къ враждебнымъ имъ — ногайскимъ, кочевавшимъ въ южно-русскихъ степяхъ, у береговъ Чернаго моря. Ногай, бывшій прежде военачальникомъ въ Золотой ордѣ, теперь считался самъ полновластнымъ ханомъ, котораго

боялся даже и ханъ Золотой орды. Димитрій принятъ былъ здѣсь съ честію, конечно, благодаря соперничеству хановъ. Возвратившись на Русь съ ханской грамотой, Димитрію не пришлось прибѣгать къ мечу: Андрей добровольно примирился съ нимъ. Тогда же Димитрій послалъ въ Кострому бояръ своихъ, Антона и Θеофана, которымъ поручено было выпытать Семена Тонигліевича объ Андреевыхъ планахъ и убить его; бояре исполнили волю князя: убили Семена, но о планахъ Андрея ничего не узнали. Вѣроятно, Андрей задумалъ отмстить брату за его самоуправство и за своего любимца: по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что въ **1284 г.** Андрей пришелъ въ Торжекъ и позвалъ къ себѣ новгородскаго посадника Семена со «всѣми старѣйшими людьми»; здѣсь князь и новгородцы цѣловали крестъ на томъ, что Андрей «не съступается Новагорода», а новгородцы не ищутъ другаго князя. Изъ Торжка Андрей пошелъ въ Суздальскую землю, но уступилъ, все-таки, Новгородъ Димитрію, такъ какъ, по извѣстію Татищева, Димитрій хотѣлъ идти на него ратью. Мало того: въ томъ же году зимой онъ самъ ходилъ съ Димитріемъ, съ которымъ были и татары, на Новгородскую землю, которая потерпѣла много зла. Новгородцамъ, тѣснимымъ въ это время со стороны Невы нѣмцами, ничего не оставалось дѣлать, какъ постараться о примиреніи съ великимъ княземъ: Димитрій сѣлъ на новгородскомъ столѣ[131]).

Но Андрей, какъ видно, только въ силу необходимости примирился съ братомъ; въ душѣ же продолжалъ питать къ нему ненависть. Такъ, въ **1285** году онъ привелъ на Димитрія какого-то ордынскаго царевича съ татарами, которые, по обычаю, разбрелись по Суздальской землѣ для грабежа. Димитрій, соединившись «съ братьею своею», выгналъ этого царевича, а бояръ Андреевыхъ забралъ въ плѣнъ[132]).

---

131) П. С. Р. Л. I, 227; II, 346; III, 64; IV, 43; V, 199—201; VII, 174—178; XV, 405; Ник. III, 70—73; Тат. IV, 68. Всѣ эти событія совершились въ періодъ времени отъ 1280 до 1284 г. включительно. Такъ какъ отдѣльные эпизоды этого періода быстро слѣдовали одинъ за другимъ изъ года въ годъ, то, естественно, у лѣтописцевъ они являются: у однихъ, — сравнительно съ другими, — выходящими за предѣлы извѣстнаго года и переходящими въ слѣдующій годъ, у другихъ — наоборотъ. Во всякомъ случаѣ разница будетъ незначительная и естественная: одинъ лѣтописецъ извѣстное событіе помѣщаетъ подъ тѣмъ годомъ, въ который оно случилось; но это событіе своими послѣдствіями переходитъ въ слѣдующій годъ, подъ которымъ у другаго лѣтописца записывается и то и другое, т. е. и самое событіе и его послѣдствія, и наоборотъ. — Кар. (IV, пр. 161) считаетъ выдумкой извѣстіе Ник. лѣт., что Димитрій — какъ говорилъ хану Андрей — не хочетъ слушать ханской воли... Но Андрей, чтобы задѣть честолюбіе хана, самъ могъ выдумать это!.. — Послѣ того, какъ новгородцы разрушили Копорье, въ Новгородъ пришелъ Андрей. Супр. рук. говоритъ объ этомъ подъ 1282 годомъ, прибавляя, что новгородцы посадили его на столѣ въ недѣлю сыропустную.

132) Ibid.

Димитрій Александровичъ, какъ видно, хотѣлъ держать всѣхъ князей Суздальской земли подъ своей рукой. Такъ, смиривъ брата своего Андрея, онъ, въ 1288 году или около того, предпринимаетъ походъ на Михаила тверскаго, потому что, по выраженію лѣтописца, «не вьсхотѣ Михаилъ Тверскый поклонитися вел. кн. Дмитрію». Великій князь съ новгородцами и ихъ посадникомъ Андреемъ, съ братьями: Андреемъ городецкимъ и Даніиломъ московскимъ, и съ кн. ростовскимъ, Димитріемъ Борисовичемъ (на дочери котораго, года за три передъ тѣмъ, женился сынъ великаго князя, Иванъ) двинулись на Тверь и подошли къ Кашину, гдѣ стояли девять дней, города не взяли,—но въ окрестностяхъ «все пусто сотвориша»; послѣ того, взявъ Кснятинъ, они пошли къ самой Твери. Михаилъ Ярославичъ, 17-ти-лѣтній юноша, хотя и вышелъ къ нимъ на встрѣчу, но дѣло до битвы не дошло; князья заключили миръ, но на какихъ условіяхъ — не извѣстно: вѣроятно, миръ не выгоденъ былъ Михаилу[133].

---

133) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201 (во всѣхъ подъ 1289 годомъ); VII, 179 (подъ 1287); XV, 406 (подъ 1288); Ник. III, 88 (подъ тѣмъ же годомъ). Послѣдняя въ перечнѣ князей, ходившихъ съ Димитріемъ на Михаила, помѣщаетъ и князя Димитрія ростовскаго, между тѣмъ какъ IV и V такъ говорятъ объ этомъ: «Ходи вел. кн. Дмитрей Александровичъ ко Твери ратію, позва съ собою новгородцевъ, и идоша новгородци съ посадникомъ Андреемъ; ратніи же пожгоша волости ихъ, и миръ взя князь великій и отъиде. А князь Дмитрій ростовскій нача вѣдати всю свою отчину, и ходи къ Кашину ратію». Выходитъ, что кн. ростовскій какъ будьто предпринималъ особый походъ на Кашинъ, независимо отъ похода в. князя. Далѣе: Ник. (III, 88) подъ 1290 годомъ говоритъ еще о походѣ Димитрія ростовскаго съ новгородцами и посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ на Тверь; но тверичи помирились съ новгородцами, а кн. ростовскій пошелъ съ ратью на Кашинъ, гдѣ и у него дѣло кончилось миромъ... Такъ ли все это было? Послѣ похода вел. кн. владимірскаго на Тверь, новгородцы, въ 1290 году, отняли посадничество у Андрея Климовича, котораго, затѣмъ, мы не видимъ дѣйствующимъ лицомъ до 1293 года (III, 65—66). Такимъ образомъ, очевидно, Ник. лѣтопись изъ одного похода вел. кн. владимірскаго сдѣлала два различныхъ похода, и походъ великаго князя 1288 или 1289 года повторяетъ подъ 1290, приписывая его Димитрію ростовскому. Что касается того, что между Димитріемъ Александровичемъ (на сторонѣ котораго былъ перевѣсъ матеріальной силы и житейскаго опыта) и Михаиломъ Ярославичемъ не произошло битвы, то Карамзинъ смѣло и рѣшительно, какъ несомнѣнный фактъ передаетъ, что Димитрій заключилъ миръ, «не смѣвъ рѣшиться на битву» и какъ бы призналъ тѣмъ самостоятельность Твери. Мы уже сказали, что всѣ шансы для побѣды были на сторонѣ Димитрія, и слѣд. миръ, надобно полагать, былъ невыгоденъ для Михаила. А что миръ заключенъ былъ безъ битвы, то это явленіе тогда было обычнымъ. «Становится замѣтнымъ, говоритъ другой историкъ (Сол. III, 239), какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся». — Относительно причинъ похода Димитрія ростовскаго на Тверскую землю, похода самостоятельнаго, а не по приказанію вел. кн. владимірскаго, есть еще предположеніе: тверскіе князья могли воспользоваться происходившими до 1287 г. въ Ростовской землѣ ссорами между братьями (Димитрій и Константинъ Борисовичи и двоюродный братъ ихъ, Михаилъ Глѣбовичъ) и захватили нѣкоторыя пограничныя ростовскія волости. По этой-то причинѣ, послѣ 1287 г., когда князья ростовскіе подѣлили между собою волости (слѣд. примирились), Димитрій Борисовичъ и могъ предпринимать походъ на Тверь. (См. В. С. Борзаковскаго: «Ист. Тверскаго Княж.», прим. 368). Пред-

Какъ увидимъ впослѣдствіи, Андрей все еще не оставлялъ мысли о враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ брата. Димитрій, вѣроятно, и замѣчалъ это, — но не хотѣлъ безъ явныхъ поводовъ усмирить его. Можетъ быть, для обезпеченія себя отъ враждебныхъ дѣйствій Андрея совмѣстно съ татарами, не хотѣлъ-ли онъ задобрить послѣднихъ и — не съ этою ли цѣлью, въ **1292** году, онъ посылалъ сына своего Александра въ орду (Ногаеву), который тамъ и умеръ?[134]).

Занятый дѣлами, болѣе близкими его сердцу, Димитрій, какъ князь новгородскій, не оставлялъ, однако, безъ вниманія и Великаго Новагорода. Такъ, въ томъ же **1292** году его воеводы ходили съ новгородцами на нѣмцевъ, которые безпокоили Новгородскую землю, конечно, потому, что сами новгородцы не упускали случая пограбить враждебныхъ имъ сосѣдей: какъ лѣтопись выражается, новгородскіе «молодци» дѣлали въ этомъ году набѣги на Емь, чѣмъ и вызвали непріязненныя дѣйствія со стороны шведовъ[135]).

Въ **1293** году Андрей Александровичъ, привлекши на свою сторону князей ростовскихъ, Димитрія и Константина Борисовичей, и Ѳедора Ростиславича ярославскаго съ зятемъ его, Михаиломъ Глѣбовичемъ бѣлозерскимъ, ходилъ въ орду (Золотую), гдѣ тогда ханомъ былъ Тохта; жаловался послѣднему на брата своего и успѣлъ выхлопотать рать, съ которой Тохта отпустилъ своего брата Дуденя. Пришедши въ Суздальскую землю, татары разорили Владиміръ, Москву, Дмитровъ, Волокъ, Переяславль, Юрьевъ, Коломну и многіе другіе города. Димитрій Александровичъ, предъ ихъ приходомъ, бѣжалъ сначала въ Волокъ, а потомъ — во Псковъ... Татары хотѣли идти на Тверь, куда отовсюду сбѣжалось множество народа, рѣшившагося положить головы свои, если бы пришли татары. Слухъ ли объ этой рѣшимости коренныхъ и пришлыхъ тверичей, или слухъ о при-

---

положеніе (Твер. губ. вѣд. 1867 г., гдѣ помѣщенъ «Истор. очеркъ Кашина»), что Кашинъ въ XIII в. принадлежалъ Ростову (почему Димитрій и ходилъ къ Кашину), а потомъ перешелъ къ Твери, въ видѣ приданаго, съ Анной Димитріевной, вышедшей за тверскаго князя, не выдерживаетъ критики: Михаилъ женился на Аннѣ ростовской въ 1294 г., а походъ былъ гораздо ранѣе, въ 1290; притомъ, на свой городъ, по замѣчанію г. Борзаковскаго, Димитрій не пошелъ бы (ibid.), хотя, надобно замѣтить, въ подобныхъ случаяхъ князья не церемонились и съ своими городами. — Относительно брака сына Димитріева Ивана на княжнѣ ростовской въ лѣтописяхъ существуетъ разноголосица: Ник. (III, 85) и Воскр. (VII, 179) относятъ его къ 1286 г.; но та же Ник. въ другой разъ (ibid. 89), а также Твер. (стр. 406) и Троиц. (I, 227) говорятъ объ этомъ бракѣ подъ 1292 годомъ. Но объ этомъ еще будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

134) Ibid. I, 227; III, 65; IV, 44; V, 201; VII, 180; Ник. III, 89. Карамзинъ (IV, 87) положительно такъ думаетъ.

135) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201.

ближеніи къ городу возвращавшагося изъ орды тверск. князя подѣйствовалъ на татаръ, — только они на Тверь не пошли, а обратились на Волокъ. Теперь новгородцы высылаютъ къ нимъ пословъ съ дарами, прося ханскаго брата пощадить ихъ землю, а Андрея зовутъ къ себѣ на столъ. Дудень «вспяти» свою рать; то же сдѣлалъ и Андрей, а самъ пошелъ въ Новгородъ. Такимъ образомъ, Владиміръ и Новгородъ остались за Андреемъ, а союзникъ его, Ѳедоръ Ростиславичъ, сѣлъ въ Переяславлѣ; Димитріева же сына Ивана они вывели въ Кострому. Между тѣмъ, Димитрій Александровичъ, вѣроятно, считая себя небезопаснымъ отъ враговъ своихъ во Псковѣ, рѣшился бѣжать въ Тверь. Андрей, узнавши объ этомъ, съ посадникомъ Андреемъ Климовичемъ и новгородцами, бросился въ Торжекъ, чтобъ перехватить тамъ брата. Хотя Димитрій самъ и благополучно пробрался въ Тверь, но обозъ его достался въ руки Андрея и новгородцевъ. Изъ Твери, конечно, при участіи въ этомъ тверскаго князя Михаила, Димитрій послалъ въ Торжекъ тверскаго владыку съ какимъ-то кн. Святославомъ для переговоровъ о мирѣ, который и былъ заключенъ: Димитрій отказался отъ великаго княженія и хотѣлъ провести послѣдніе дни въ своемъ любимомъ Переяславлѣ. Вѣроятно, съ досады, что лишается пріобрѣтенія, Ѳедоръ Ростиславичъ, союзникъ Андрея, оставляя Переяславль, сжегъ его. Димитрій отправился въ свою отчину черезъ Волокъ; въ пути онъ заболѣлъ, постригся въ чернецы и — умеръ. Это было въ **1294** году. Тѣло его изъ Волока перевезли въ Переяславль и тамъ похоронили въ Спасо-преображенскомъ соборѣ[136]).

Отъ брака съ неизвѣстной намъ супругой Димитрій Александровичъ имѣлъ троихъ сыновей: Ивана, Александра и Ивана меньшаго и дочь Марію, бывшую за кн. псковскимъ Довмонтомъ, и еще двухъ дочерей, имена которыхъ намъ неизвѣстны[137]).

---

136) Ibid. I, 228; III, 65—66; IV, 44, 183; V, 10, 201—202; VII, 180—181; XV, 406—407; Ник. 90—92. См. прим. 147.

137) Нѣкоторыя родословныя (какъ Головина, М. 1851) даютъ Димитрію одну дочь, бывшую за Довмонтомъ; М. Д. Хмыровъ («Алф.-справочный перечень» ... Вып. 1, № 69)—также одну дочь. Мы знаемъ, что у Димитрія была дочь Марія, на которой женился Довмонтъ (П. С. Л. V, 7); знаемъ также, что—по лѣтописямъ—новгородцы, въ 1282 году, когда хотѣли заставить Димитрія—очистить Копорье отъ дружины его, взяли *двухъ* дочерей Димитрія въ таль (залогъ). Вышецитированное мѣсто изъ 2-й Псковской лѣтописи продолжается такъ: «Пакы же, на другый годъ, кн. Домонтъ съ мужи своими Псковичи иде въ пособіе *тестю* своему вел кн. Димитрію на Нѣмець» ... Если новгородцы въ это время взяли *двухъ* дочерей Димитрія, а Довмонтъ является уже женатымъ на дочери его, то—очевидно — у Димитрія было три дочери. Очень можетъ быть, что лѣтопись переднимъ числомъ называетъ Димитрія *тестемъ* Довмонта... но и тогда у перваго будетъ двѣ дочери, а не одна. — Старшаго и младшаго сыновей Димитрія Александровича нѣкоторые смѣшиваютъ, о чемъ будетъ сказано въ концѣ книги, въ I приложеніи.

Андрей Александровичъ городецкій.

1263 † 1304.

О годахъ младенчества и ранней юности Андрея Александровича лѣтописи не передаютъ почти никакихъ извѣстій; одна только Никоновская лѣтопись, подъ **1263 г.** говоря о смерти отца его, отмѣчаетъ имя его третьимъ въ числѣ сыновей Невскаго, когда онъ, т. е. Андрей, былъ, кажется, еще очень молодъ. Въ **1276 г.** умеръ Василій Ярославичъ въ Костромѣ, не оставивъ потомства, и Андрей, въ придачу къ Городцу, получилъ еще и Кострому[138]).

Дѣйствующимъ лицемъ Андрей выступаетъ на сцену только по занятіи его братомъ Димитріемъ великокняжескаго стола: въ **1277 г.**, когда Димитрій отправился въ Новгородъ, какъ великій князь, сѣсть на тамошнемъ столѣ, другіе князья, какъ Борисъ ростовскій, Глѣбъ бѣлозерскій (Васильковичи), Ѳедоръ Ростиславичъ ярославскій и Андрей Александровичъ городецкій, пошли съ войсками въ орду на помощь хану Мангу-Тимуру, который собирался въ походъ на Кавказъ противъ непокорныхъ ему ясовъ (аланъ). Походъ этотъ окончился къ **1279** году[139]). Года черезъ два послѣ этого похода (**1281 г.**), Андрей, руководимый любимцемъ своимъ, Семеномъ Тонигліевичемъ, отправляется въ орду, жалуется на брата, подымаетъ на него татаръ, подходитъ къ Мурому, куда собираетъ нѣкоторыхъ князей, идетъ на Переяславль и 19 декабря беретъ его[140]). Между

---

138) Ник. III, 42. М. Д. Хмыровъ («Алф.-справочный перечень госуд. русск.». Вып. 1, № 19), слѣдуя, кажется, «Зерцалу» Мальгина, положительно говоритъ, что Андрей родился въ 1255 г. — Что касается полученія Андреемъ Костромы, то прямыхъ указаній въ лѣтописяхъ на это мы не находимъ. С. М. Соловьевъ («Ист.» III, 237) и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Энцикл. словарь, сост. русск. учен. и литер.», т. IV) говорятъ объ этомъ положительно. Конечно, это должно быть выведено изъ извѣстія Лавр. лѣт. (I, 209), въ которой подъ 1303 годомъ говорится, что въ Костромѣ умеръ сынъ Андрея, Борисъ; слѣд. Кострома въ это время была за Андреемъ, а перейдти къ нему она могла только въ 1276 г., когда умеръ бездѣтнымъ Василій Ярославичъ костромскій.

139) П. С. Р. Л. IV, 43; V, 199; VII, 173; Ник. III, 63—64. Тат. IV, 51 ошибочно говоритъ о томъ, что князья ходили съ ханомъ за Днѣстръ на городъ «Язскій», о чемъ см. прим. 128.

140) Ibid. II, 346; VII, 175; Ник. III, 71—73 (во всѣхъ подъ 1281 годомъ); III, 64; IV, 43; V, 199—200 (подъ 1282 годомъ). С. М. Соловьевъ (III, 237) дѣлаетъ предположеніе, что стремленіе Димитрія усилить себя на счетъ другихъ, или примѣръ Василія Ярославича, не давшаго при посредствѣ хана брату своему Ярославу усилиться на счетъ Новгорода, послужили для Андрея поводомъ къ возстанію на старшаго брата... Можетъ быть и такъ; но лѣтописи говорятъ только о боярахъ и особенно о Семенѣ Тонигліевичѣ, какъ виновникахъ этого возстанія. — Въ передачѣ фактовъ до 1294 г., т. е. до смерти Димитрія, съ которымъ Андрей былъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ, мы будемъ кратки: болѣе подробно эти факты изложены подъ Димитріемъ Александровичемъ.

тѣмъ какъ Димитрій бѣжалъ и направлялся мимо Новгорода къ Копорью, куда новгородцы не хотѣли пустить его, Андрей изъ Переяславля пошелъ во Владиміръ, роскошно угостилъ здѣсь татарскихъ вождей и отпустилъ ихъ, а самъ отправился въ Новгородъ, гдѣ принятъ былъ съ честью[141]). По уходѣ татаръ, Димитрій возвратился въ свою отчину. До Андрея дошли слухи, что братъ его укрѣпляетъ свой Переяславль и собираетъ рать, а потому (въ **1282 г.**), захвативъ съ собой многихъ новгородцевъ и двухъ посадниковъ, Семена Михайловича и Якова Димитріевича, онъ пошелъ изъ Новгорода во Владиміръ. Угостивши здѣсь новгородцевъ, онъ послалъ ихъ стеречь Торжекъ и Новгородъ, а самъ съ Семеномъ Топигліевичемъ чрезъ Городецъ отправился въ орду, гдѣ опять успѣлъ возстановить хана противъ Димитрія и получить татарскую рать подъ предводительствомъ Турай-Темира и Алыня. Димитрій бѣжалъ къ отложившемуся недавно отъ орды сильному Ногаю, въ приднѣпровскія степи. Въ **1283 г.** онъ воротился въ Русь, и между братьями произошло примиреніе, неискреннее, впрочемъ, со стороны Андрея[142]). Такъ какъ въ распряхъ братьевъ принималъ весьма дѣятельное участіе любимецъ Андрея, Семенъ Топигліевичъ, то, естественно, Димитрію хотѣлось устранить его отъ Андрея и онъ, какъ мы видѣли, устранилъ его[143]). Это обстоятельство заставило Андрея тѣснѣе сблизиться съ новгородцами противъ старшаго брата: въ Торжкѣ и та и другая сторона цѣловала крестъ другъ къ другу стоять за одно. Но, пришедши въ Суздальскую землю, Андрей не только ничего не могъ предпринять противъ брата, а даже ходилъ вмѣстѣ съ нимъ, въ **1284 г.**, противъ тѣхъ же новгородцевъ[144]). Впрочемъ Андрей еще не успокоился. Въ **1285 г.** онъ привелъ изъ орды на Димитрія кокого-то царевича, но Димитрій прогналъ его, а бояръ Андреевыхъ переловилъ[145]). Андрей, по-видимому, смирился и даже, на ряду съ другими князьями, въ **1289 г.** участвовалъ въ походѣ Димитрія на Тверь[146]). Но въ **1293 г.** вмѣстѣ съ другими князьями — ростовскими,

---

141) Ibid. III, 64; V, 200 (подъ 1282 годомъ); VII, 175—176; Ник. III, 73—74 (подъ 1281 г.). Можетъ быть, дѣло было такъ: въ концѣ 1281 г. новгородцы пригласили его, а въ началѣ 1282 онъ пріѣхалъ къ нимъ. Новг. 1-я да и всѣ другія — однѣ подъ 1282 г., другія—подъ 1281 г.—говорятъ, что встрѣча Димитрія (бѣжавшаго къ Копорью) съ новгородцами была 1-го января.

142) Ibid. I, 227; III, 64; IV, 43; V, 199—200; VII, 176; Ник. III, 74—76. По III братья примиряются въ 1284 году.

143) См. біографію Димитрія Александровича.

144) Ibid. III, 64; IV, 43; V, 200—201; VII, 178; по Ник. III, 76—84 цѣлованіе Андреемъ и новгородцами креста, отказъ Андрея отъ Новгорода въ пользу Димитрія и наказаніе послѣднимъ новгородцевъ — все отнесено къ 1285 году.

145) Ibid. I, 227; IV, 43—44; V, 201; VII, 178—179; Ник. III, 84.

146) См. прим. 133. — Нѣсколько темныя и непонятныя извѣстія за это время сообщаетъ Троицк. лѣт. Подъ 1286 годомъ она говоритъ, что Димитрій и Константинъ Борисо-

углицкимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ — онъ отправился въ орду и жа-

вичи подѣлили отчину свою: Димитрій сѣлъ въ Угличѣ, а Константинъ — въ Ростовѣ; подъ (1287 года нѣтъ) 1288 г.: «Сѣде Андрей Александровичъ на Ярославлѣ, а Олександръ Өедоровичъ на Углечѣ полѣ» (далѣе—дѣла церковныя); подъ слѣдующимъ 1289 г.: «Сѣде Дмитрій Борисовичъ Ростовѣ; тогда бѣ много татаръ въ Ростовѣ, и изгнаша ихъ вѣчьемъ, и ограбиша ихъ. Того же лѣта князь Костянтинъ иде въ орду». Киссель («Ист. города Углича». Ярославль, 1844), который пользовался мѣстными углицкими лѣтописями, считаетъ Андрея седьмымъ углицкимъ княземъ съ 1289 года. Онъ такъ начинаетъ о немъ разсказъ: «Когда Дмитрій Борисовичъ оставилъ Угличъ и перешелъ княжить въ Ростовъ, то городецкій кн. Андрей Александровичъ, пользуясь отсутствіемъ обоихъ братьевъ, захватилъ насильственно Угличское княжество. Это случилось въ то время, когда оба братья, Дмитрій и Константинъ Борисовичи, ѣздили въ орду. Возвратившися изъ Орды и видя Угличъ въ рукахъ Андрея, онъ (Димитрій?) удалился въ Устюгъ, гдѣ и жилъ до тѣхъ поръ, покуда Андрей Александровичъ принужденъ былъ оставить Угличъ и отказаться отъ своихъ честолюбивыхъ замысловъ на Владиміръ». Далѣе Киссель передаетъ, что Андрей городецкій, а теперь и углицкій, желая отнять великокн. столъ у старшаго брата, подступилъ къ Угличу съ огромнымъ войскомъ и множествомъ татаръ и угрозами заставилъ угличанъ отворить ему ворота; что онъ распоряжался въ Угличѣ всѣмъ, какъ собственностію, что исполнителями его воли были усердные до наглости татары, что собравши съ углицкаго княжества дань, какой не собирали и татары, и оставивши Угличъ подъ управленіемъ бояръ, онъ поспѣшилъ въ орду, чтобы купить великокн. столъ, чего и достигъ; но подступивъ со множествомъ татаръ ко Владиміру, не могъ взять послѣдняго, а татары—между тѣмъ — начали требовать съ него обѣщанной платы, провизіи, лошадей и пр. Такъ какъ Андрей не могъ удовлетворить корыстолюбія татаръ, то послѣдніе взбунтовались противъ него, разсыпались съ своимъ предводителемъ Дюденемъ по всѣмъ областямъ: опустошили окрестности Владиміра, взяли и разграбили города: Суздаль, Муромъ, Юрьевъ, Москву, Коломну, Дмитровъ, Можайскъ, Волокъ, Переславль и Угличъ. Далѣе слѣдуетъ статья «о раззорѣніи Углича отъ татаръ въ 1293 году». Здѣсь говорится, что Андрей бѣжалъ изъ-подъ Владиміра отъ взбунтовавшихся татаръ, а послѣдніе, мстя ему, устремились на Угличъ, вырѣзали жителей и сожгли городъ; далѣе приводится выписка о разореніи Углича изъ (мѣстной) Супоневской лѣтописи. Послѣ этого разгрома уцѣлѣвшіе угличане собрались на вѣче и положили послать посольство къ устюжскому князю Константину Борисовичу, какъ прежде посылали къ его брату Димитрію въ Ростовъ; Константинъ согласился на ихъ предложеніе и съ 1293 года началъ княжить въ Угличѣ.—Здѣсь представляется нѣсколько вопросовъ, кажется, неразрѣшимыхъ: Троицк. лѣт. подъ 6796 (1288) говоритъ, что Андрей сѣлъ въ Ярославлѣ... куда же дѣлся Өедоръ Ростиславичъ? Положимъ, онъ былъ въ 1288 въ ордѣ (Степ. I, 396) и что въ этомъ же году (по той же Степенной) умеръ и сынъ его Михаилъ.. Все-таки, при жизни Өеодора, хотя бы онъ и былъ въ это время въ ордѣ, занятіе Андреемъ Ярославля представляется непонятнымъ. Надобно замѣтить, что общія лѣтописи событія послѣднихъ двухъ десятилѣтій XIII в. передаютъ кратко и сбивчиво, хронологію перепутываютъ, передаютъ въ высшей степени краткія замѣтки о такихъ фактахъ, которые не поддаются никакому, хотя бы и предположительному объясненію. Между тѣмъ, мѣстныя лѣтописи передаютъ нѣкоторыя краткія извѣстія общихъ лѣтописей болѣе подробно и болѣе обстоятельно. Но, спрашивается, откуда онѣ почерпнули эту подробность? и можно ли имъ довѣрять вполнѣ? Впослѣдствіи мы увидимъ, что въ мѣстныхъ лѣтописяхъ весьма часто съ подробностію и обстоятельностью передаются чрезвычайно уродливые факты, и это обстоятельство заставляетъ относиться къ нимъ весьма и весьма осторожно. Но вполнѣ отрицать значенія ихъ нельзя. Тѣмъ прискорбнѣе то обстоятельство, что онѣ не только ни мало не изслѣдованы, но и не приведены въ извѣстность. Отрывки изъ нѣкоторыхъ такихъ лѣтописей напечатаны въ мѣстныхъ изданіяхъ (напр. Ярославскихъ и Костромскихъ Губ. и Епарх. Вѣдомостяхъ), но почти безъ всякой научной, такъ сказать, обстановки.

ловался хану Тохтѣ на брата; ханъ отпустилъ съ Андреемъ брата своего Дуденя и съ нимъ татаръ, которые «всю землю пусту сотвориша». Но мы не будемъ передавать подробностей этого эпизода: онѣ изложены въ предъидущей біографіи. Скажемъ только, что Андрей, по уходѣ татаръ, отправился въ Новгородъ, откуда воеводы его, вмѣстѣ съ новгородцами, ходили въ томъ же году на границу Кореліи къ вновь построенному шведами городку (нынѣшній Выборгъ). Но походъ этотъ былъ неудаченъ [147]).

Хотя Димитрій и радушно былъ принятъ во Псковѣ, но—вѣроятно—считалъ себя небезопаснымъ по близкому сосѣдству съ Андреемъ, а потому рѣшился удалиться въ Тверь. Андрей хотѣлъ перехватить брата въ Торжкѣ, но это ему не удалось, хотя пожитки Димитрія достались въ его руки. При посредствѣ тверскаго князя братья заключили миръ въ **1294 г.**: Димитрій отказался отъ великокняжескаго стола и получилъ обратно Переяславль (Θедоръ Ростиславичъ долженъ былъ оставить этотъ городъ и, оставляя, сожегъ его, конечно, съ досады), на пути къ которому заболѣлъ въ Волокѣ, постригся въ чернецы и умеръ. Теперь Андрей уже безспорно занимаетъ великокняжескій столъ [148]).

Въ томъ же **1294 г.** Андрей Александровичъ и Михаилъ Ярославичъ тверскій женились на дочеряхъ только что умершаго Димитрія Борисовича ростовскаго: первый—на Василиссѣ, второй — на Аннѣ [149]). Въ слѣдующемъ **1295 г.** Андрей вмѣстѣ съ молодою женой отправился въ орду, вѣроятно, лично увѣдомить хана о смерти брата и своемъ занятіи великокняжескаго стола [150]). Вскорѣ Андрею пришлось, какъ и его предшественнику, придти въ столкновеніе съ прочими князьями, изъ которыхъ на сторонѣ его стали: Θедоръ Ростиславичъ ярославскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій; прочіе: Михаилъ тверскій, Даніилъ московскій и Иванъ Димитріевичъ переяславскій стояли противъ Андрея. Дѣло едва не дошло

147) П. С. Р. Л. I, 228; III, 65—66; IV, 44; V, 201—202; VII, 180; Ник. III, 89—92. Троицк. намѣреніе татаръ идти на Тверь, а Лавр. приходъ Андрея въ Новгородъ относятъ къ 1294 (I, 208, 228), между тѣмъ какъ всѣ другія — къ 1293.

148) Ibid. I, 228; III, 66; IV, 44—45; V, 202; VII, 180—181, 236; Ник. III, 92.—Заключеніе мира братьями Лавр. (I, 208) относитъ не къ 1293 году, какъ другія лѣтописи, а къ 1295.

149) Ibid. I, 228; VII, 181; Ник. III, 93 ошибочно говоритъ, что Андрей женился на дочери Василька (конечно, Константиновича) ростовскаго, у котораго если бы даже и были дочери, то не годились бы въ невѣсты Андрею. Если же Никон. разумѣетъ подъ Василькомъ Василія Борисовича, брата Димитрія (отца Василиссы), то надобно замѣтить, что ни изъ родословныхъ, ни изъ лѣтописей не видно, чтобъ у Василія Борисовича были дѣти.— Не знаемъ, откуда взялъ М. Д. Хмыровъ («Алф.-справ. перечень государей...» I, №№ 19 и 42), что Андрей былъ женатъ дважды и что имя первой супруги его неизвѣстно.

150) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181. Лавр. (I, 208) относитъ возвращеніе его изъ орды къ 1297 г., между тѣмъ какъ въ 1296 году былъ уже съѣздъ князей во Владимірѣ.

до междоусобной войны. Въ **1296 г.** князья собрались, для рѣшенія споровъ, во Владиміръ, куда, по этому случаю, прибылъ и ханскій посолъ; не было только Ивана Димитріевича, который передъ съѣздомъ отправился въ орду, поручивъ блюсти отчину свою князьямъ московскому и тверскому; представителями его на съѣздѣ были переяславскіе бояре. На съѣздѣ, не смотря на присутствіе ханскаго посла, князья подняли-было рѣзню; но благодаря вмѣшательству епископовъ, владимірскаго—Симеона и сарскаго—Измаила, крови не было пролито. Такъ или иначе, князья уладили дѣла и разъѣхались. Но Андрей досадовалъ на своихъ противниковъ и, какъ видно, въ особенности на своего племянника, Ивана Димитріевича переяславскаго, и въ томъ же году пошелъ ратью на Переяславль. Даніилъ московскій и Михаилъ тверскій выступили на встрѣчу и сошлись съ Андреемъ близъ Юрьева. До битвы, однако, дѣло не дошло: князья примирились и разошлись [151]).

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ нѣмцы начинаютъ безпокоить Псковъ и угрожать Новгороду: въ **1299 г.**, въ мартѣ, они напали на Псковъ, сожгли посадъ и обложили городъ. Въ послѣдній разъ вышелъ противъ нихъ храбрый Довмонтъ. Произошла битва, какой, по замѣчанію лѣтописей, около Пскова никогда не бывало; нѣкоторыхъ плѣнныхъ Довмонтъ отправилъ къ Андрею Александровичу [152]). Въ слѣдующемъ **1300 г.** нѣмцы пришли къ устью Охты и поставили городъ Ландскрону. Андрей не могъ во̂время подать помощи Новгороду, конечно, потому, что между князьями Суздальской земли все еще продолжались несогласія [153]). Въ **1301 г.** Андрей Александровичъ, Михаилъ тверскій, Даніилъ московскій и Иванъ переяславскій съѣхались у Дмитрова и взяли миръ между собой, — но не всѣ: «Михаило съ Иваномъ не докончалъ межи собой», можетъ быть, потому, что тверскій князь, державшій сторону Ивана, ожидалъ получить что-нибудь изъ Ивановой волости, послѣ его смерти, но Иванъ ничего ему не отказалъ [154]).

---

151) Ibid. I, 228; IV, 45; V, 202; VII, 181; Ник. III, 93—94. Встрѣчу князей у Юрьева Лавр. (I, 208) относитъ къ 1297 году, а Новгор. 4-я (IV, 45) и Соф. 1-я (V, 202)—къ 1298.—Въ Никон. говорится, что князья подѣлились княженіемъ, а въ Соф. 1-й пояснено даже, что подѣлились *великимъ* княженіемъ.—У Татищева (IV, 77) замѣчено, что великій князь «хотяше обидѣти братію». Болѣе опредѣленнаго въ лѣтописяхъ нѣтъ ничего.

152) Ibid. IV, 45, 183; V, 8, 203; VII, 182; Ник. III, 97. — Довмонтъ въ томъ же году 20 мая умеръ.

153) Ibid. V, 203; VII, 183.

154) Ibid. I, 209; Ник. III, 99. Впослѣдствіи увидимъ, что Даніилъ беретъ Переяславль, конечно, потому, что онъ предназначенъ былъ ему самимъ Иваномъ Димитр. и это, вѣроятно, рѣшено было на съѣздѣ у Дмитрова и было причиной несогласія между тверскимъ и переяславскимъ князьями. Никон. лѣт. замѣчаетъ, что съѣздъ былъ «о княже-

Въ томъ же **1301 г.** Андрей ѣздилъ въ Новгородъ и ходилъ съ новгородцами къ Ландскронѣ; этотъ городъ былъ взятъ и разрушенъ, а нѣмцы перебиты[155]). Но дѣла Суздальской земли не позволяли Андрею медлить въ Новгородѣ. Въ **1302** году мая 15-го умеръ Иванъ Димитріевичъ переяславскій, отказавъ свою отчину младшему дядѣ своему, Даніилу московскому, котораго онъ любилъ и уважалъ. Даніилъ занялъ Переяславль своими намѣстниками, а намѣстники великаго князя бѣжали оттуда. Андрей отправился въ орду, конечно, жаловаться на Даніила. Но, хотя онъ и воротился изъ орды съ ханскими послами и пожалованіемъ, ему не пришлось продолжать борьбы. Въ **1303 г.** умеръ Даніилъ; въ Переяславлѣ сидѣлъ сынъ его Юрій, котораго переяславцы не хотѣли отпустить даже на погребеніе отца, боясь, чтобы Андрей не захватилъ безъ него Переяславля. На состоявшемся въ Переяславлѣ съѣздѣ[156]) примирились всѣ князья, за исключеніемъ Юрія Даниловича, удержавшаго Переяславль за собой. Послѣ этого съѣзда Андрей отправился въ Городецъ, гдѣ въ началѣ слѣдующаго **1304 г.** умеръ схимникомъ и погребенъ въ церкви св. Михаила[157]).

Андрей Александровичъ отъ брака съ Василисой, дочерью кн. Димитрія Борисовича ростовскаго, имѣлъ дѣтей: Юрія, Михаила и Бориса.

Михаилъ Ярославичъ тверскій.

р. 1271 † 1318.

По смерти Андрея Александровича на великокняжеское достоинство могъ вполнѣ разсчитывать князь тверскій Михаилъ Ярославичъ, какъ старшій въ родѣ Ярослава Всеволодовича; но ему явился соперникъ въ лицѣ московскаго князя Юрія Даниловича. Борьба этихъ равно энергичныхъ князей окончилась въ пользу Михаила, который въ **1304 г.** и занялъ великокняжескій столъ, на которомъ сидѣлъ до самой смерти своей, т. е.

ніяхъ» и прибавляетъ, что князья подѣлились вотчиною, но не видно, какъ. То же у Тат. IV, 82.

155) Ibid. III, 67—68, 130; IV, 46; V, 203; VII, 183; Ник. III, 99; I, 209 и IV, 183 относятъ походъ къ 1302 году.

156) См. соотвѣтственное мѣсто въ біографіи Юрія Даниловича.

157) Ibid. III, 68; IV, 46; V, 204; VII, 183; Ник. III, 99—101; Карамз. IV, прим. 188.— Лавр. (I, 209) относитъ поѣздку Андрея въ орду съ жалобой на Даніила къ 1303 году, въ которомъ Даніилъ умеръ (VII, 184). — Смерть Андрея нѣкоторыя лѣтописи (какъ III, 68; VII, 184) относятъ къ 27 іюля; другія (какъ Ник. III, 101 и Новг. IV, 46) — къ 22 іюня.

до **1318 г.** включительно. Полныя біографическія свѣдѣнія о немъ помѣщены въ отдѣлѣ о тверскихъ князьяхъ.

Юрій Даниловичъ московскій.

1281 † 1325.

Въ половинѣ мая **1302** года умеръ, какъ мы уже говорили, бездѣтный кн. переяславскій Иванъ Димитріевичъ, внукъ Александра Невскаго, отказавъ свою отчину любимому имъ дядѣ Даніилу московскому, который выгналъ оттуда намѣстниковъ брата своего Андрея и посадилъ тамъ своихъ [158]). Въ слѣдующемъ 1303 году Даніилъ умеръ. Юрій въ это время находился въ Переяславлѣ. Въ лѣтописи замѣчено, что по смерти Даніила «переславци яшася за сына его за князя за Юрья, и не пустиша его и на погребеніе отче» [159]), опасаясь, конечно, какъ бы Андрей не занялъ Переяславля. Андрей Александровичъ отправился въ орду, а Юрій Даниловичъ, между тѣмъ, вмѣстѣ съ братьями успѣлъ взять Можайскъ, плѣнилъ и привелъ въ Москву тамошняго князя, Святослава Глѣбовича, племянника Ѳеодора Чернаго. Андрей возвратился изъ орды съ ханскими послами. Осенью **1303** года князья съѣхались въ Переяславлѣ и здѣсь читали, въ присутствіи митрополита Максима, ханскіе ярлыки, приглашавшіе князей къ прекращенію распрей. Андрей Александровичъ, Михаилъ Ярославичъ тверскій и Даниловичи, за исключеніемъ Юрія, возобновили мирный договоръ; Юрій же, не смотря на ханскіе ярлыки, удержалъ Переяславль за собой. Послѣ этого съѣзда Андрей отправился въ Городецъ, гдѣ и скончался въ слѣдующемъ **1304** году [160]).

Со смертію Андрея Александровича начинается ожесточенная борьба между Москвою и Тверью: претендентами на великокняжескій столъ яв-

---

158) Цитаты см. въ предъидущемъ прим. Объ Юріи лѣтописи начинаютъ упоминать съ 1303 г.

159) П. С. Р. Л. VII, 183; Ник. III, 100; Тат. IV, 83. — I, 209 относитъ смерть Даніила къ 1304 г. марта 5 на Москвѣ; Троицк. 228 — къ 1303 году; Новг. 4-я отмѣчаетъ смерть Бориса Андреевича подъ 1303 г. февр. 25 и тотъ-часъ добавляетъ: «по немъ за недѣлю преставися (въ одномъ спискѣ — «князь великій») Данилъ московскій, марта 4-го». Лавр. (I, 209) говоритъ, что Даніилъ умеръ «на безъименьной недѣли во вторникъ» (безъим. недѣля — 3-я недѣля велик. поста); Соф. 1-я (V, 204) смерть Бориса Андр. февр. 26 и Даніила Алекс. («кн. великый моск.») 4-го марта помѣщаетъ подъ 1303 годомъ; то же относительно Даніила и въ Ник. лѣт.

160) Ibid. VII, 18; Ник. III, 100—101; Троицк. Карамз. IV, 99, прим. 191.

ляются дядя и племянникъ, Михаилъ тверскій и Юрій московскій, изъ которыхъ первый, какъ старшій въ родѣ, имѣлъ, повидимому, неоспоримыя права на великокняжескій санъ, и никто изъ лицъ, заинтересованныхъ въ занятіи великокняжескаго стола тѣмъ или другимъ княземъ, не сомнѣвался въ томъ, что ханъ утвердитъ великое княженіе за Михаиломъ. Такъ, бояре Андрея городецкаго, по смерти послѣдняго, отъѣзжаютъ въ Тверь, конечно, въ увѣренности, что Михаилъ будетъ великимъ княземъ владимірскимъ; новгородцы также признали Михаила, на извѣстныхъ условіяхъ, своимъ княземъ. Михаилъ, въ томъ же **1304** году, отправился въ орду; въ-слѣдъ за нимъ отправился туда и Юрій. Подобныя поѣздки князей большею частію оканчивались приходомъ на Русь татаръ съ ихъ обычными спутниками — грабежемъ, пожарами и избіеніемъ мирныхъ жителей. Того же ожидали мирные жители и теперь. И вотъ «бысть замятня на всѣи Суздалстей землѣ во всѣхъ градѣхъ»... Въ Москвѣ Юрій оставилъ брата Ивана, а другаго, Бориса, послалъ въ Кострому. Проѣзжая чрезъ Владиміръ, Юрій видѣлся съ митрополитомъ Максимомъ, который убѣждалъ его не ѣздить въ орду и именемъ великой княгини Ксеніи, матери Михаила Ярославича, ручался въ томъ, что тверскій князь дастъ ему изъ отчины то, чего онъ пожелаетъ. Юрій, оставаясь въ душѣ при своемъ желаніи — добиться ярлыка на великое княженіе, увѣрилъ митрополита, что ѣдетъ въ орду не за великокняжескимъ ярлыкомъ, а только по своимъ дѣламъ [161]).

Между тѣмъ тверскіе бояре, въ отсутствіе Михаила, отстаивая интересы своего князя, дѣйствовали совершенно самоувѣренно. Въ **1303 г.** февраля 25 въ Костромѣ умеръ сынъ Андрея Александровича, Борисъ, бывшій прежде въ Новгородѣ. Отправляясь въ орду, Юрій, какъ уже сказано, послалъ въ Кострому брата своего, Бориса. Тверскіе бояре, не успѣвши перехватить въ Суздальской землѣ самого Юрія, который ускользнулъ отъ нихъ и пошелъ въ орду окольными путями, захватили въ Костромѣ Бориса Даниловича и отправили его въ Тверь. Другому брату, Ивану Даниловичу, бывшему тогда въ Москѣ, кто-то тайно далъ знать, что тверичи собираются внезапно захватить Переяславль. Иванъ Даниловичъ съ московскими и переяславскими войсками успѣлъ приготовиться къ оборонѣ, «укрѣпивъ (конечно, крестнымъ цѣлованіемъ) своихъ бояръ и переяславцевъ». Противники встрѣтились близъ Переяславля, гдѣ и произошелъ упорный бой: тверичи были разбиты на голову; въ бою палъ, между прочимъ, и не-

161) Ibid. I, 209; III, 68, 222; IV, 46; V, 204, 207 (въ сказаніи объ убіеніи Михаила подъ 1319 г.); VII, 184, 188, 237; XV, 407 смерть Андрея и поѣздку Михаила въ орду относитъ къ 1306 году; Ник. III, 101; Карамз. IV, 105, прим. 207.

решедшій къ Михаилу изъ Городца бояринъ Акинеъ, дѣти котораго съ небольшимъ остаткомъ рати бѣжали въ Тверь[162]).

Между тѣмъ въ ордѣ Михаилъ Ярославичъ, не жалѣвшій денегъ, выхлопоталъ ярлыкъ на великокняжеское достоинство. Татарскіе князья говорили Юрію, что онъ получитъ ярлыкъ, если дастъ болѣе выходу; но, какъ видно, въ этомъ отношеніи Юрій былъ слабѣе Михаила, а потому и воротился безъ ярлыка[163]).

Въ **1305** году Михаилъ Ярославичъ явился изъ орды во Владиміръ и занялъ великокняжескій столъ. Въ томъ же году, вѣроятно, въ отмщеніе за пораженіе тверичей у Переяславля, а также для бо́льшаго униженія врага, Михаилъ предпринялъ походъ на Москву, но взять ея не могъ и ушелъ, примирившись съ Даниловичами, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ[164]).

Послѣ этого Юрій обратился въ сторону Рязани. Еще въ 1301 году Даніилъ Александровичъ ходилъ на Рязань ратью и взялъ въ плѣнъ рязанскаго князя Константина Романовича, котораго, однако, держалъ въ чести. Въ **1306** году Юрій, кажется, изъ какихъ-нибудь своекорыстныхъ разсчетовъ приказалъ убить Константина и оставилъ за собой рязанскій городъ Коломну[165]). Вѣроятно, а Карамзинъ положительно говоритъ, что необузданный и своевольный характеръ Юрія заставилъ братьевъ его, Александра и Бориса Даниловичей, отъѣхать, въ томъ же году, въ Тверь[166]).

Въ **1308** году Михаилъ Ярославичъ во второй разъ пошелъ къ Москвѣ, около которой произошелъ бой съ москвичами; города онъ не взялъ, но ушелъ, надѣлавъ много зла безъ всякой пользы для себя[167]). Около

---

162) Ibid. I, 209; III, 68, 222—223; IV, 46; V, 104; VII, 184; Ник. III, 101—103 ошибочно называетъ Бориса, брата Юріева, Александровичемъ. — Подробнѣе о дѣйствіяхъ бояръ Михаила по отношенію къ Новгороду см. подъ Мих. Яр. тверскимъ.—У Тат. IV, 84 Акинѳъ *бояринъ* названъ А. Ботринъ (вѣроятно, опечатка). С. М. Соловьевъ (IV, 267) приведенное Карамзинымъ (IV, пр. 324) извѣстіе изъ Архив. *Ростов. Лѣт.* объ Акинѳѣ и Родіонѣ Несторовичѣ серьезно (!) пріурочиваетъ къ 1304 году.

163 и 164) Ibid. и Тат. IV, 86.

165) Ibid. I, 209; VII, 184, 243; Ник. III, 98. Ник. III, 103—104 говоритъ подъ 1305 годомъ, что Константинъ убитъ въ Филиппово говѣнье; подъ тѣмъ же годомъ и у Тат. IV, 87. Въ Троиц. (Кар. IV, прим. 211) говорится, что «въ лѣто 6815 кн. Юрій въѣха на Московъ *съ Рязани*». Такъ какъ рязанскій князь былъ въ рукахъ Юрія, то Карамз. полагаетъ, что послѣдній ѣздилъ въ Рязань «какъ повелитель».

166) Ibid. VII, 184; Ник. III, 104 отмѣчаетъ отъѣздъ подъ 1305 годомъ.

167) Ibid. VII, 185; Ник. III, 105. Бой былъ на память св. ап. Тита, слѣд. 25 августа. Твер. 407 прибавляетъ, что Михаилъ «взялъ миръ». Въ концѣ одного харатейнаго апостола 1307 года (Опис. слав. рукописей Моск. Синод. библ. Горскаго и Невоструева, стр. 292) находится такая приписка: «Сего же лѣта (6815) бысть бой на русьской земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженье Новгородьское». Кар. IV, пр. 227, указывая на Синод. Библ. № 19,

трехъ лѣтъ послѣ того мы не видимъ враждебныхъ столкновеній между Москвой и Тверью. Но подъ **1311** годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ отрывочное и нѣсколько темноватое извѣстіе о томъ, что двѣнадцатилѣтній Димитрій, сынъ Михаила тверскаго, задумавшаго, вѣроятно, овладѣть Нижнимъ-Новгородомъ, съ большой ратью пошелъ на этотъ городъ и на Юрія. Впрочемъ, во Владимірѣ митрополитъ Петръ возсталъ противъ этого похода «и не благослови его (Димитрія) столомъ» во Владимірѣ. Три недѣли Димитрій стоялъ во Владимірѣ, умоляя митрополита о разрѣшеніи отъ неблагословенія; наконецъ, получивъ разрѣшеніе, онъ распустилъ рать и воротился въ Тверь[168]).

Въ **1312 г.** у Михаила Ярославича произошло столкновеніе съ Новгородомъ, вслѣдствіе чего тверскій князь вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ и прекратилъ подвозъ къ Новгороду жизненныхъ припасовъ. Новгородцы смирились и уплатили Михаилу 1500 гривенъ серебра, и Михаилъ пропустилъ въ Новгородъ обозы съ хлѣбомъ. Отправивъ въ Новгородъ намѣстниковъ, тверскій князь поѣхалъ въ орду, гдѣ въ **1313 г.**, по смерти Тохты, воцарился Узбекъ[169]). Отправленные Михаиломъ въ Новгородъ намѣстники успѣли своими притѣсненіями возбудить къ себѣ ненависть новгородцевъ, которые въ **1314** году собрались на вѣче для обсужденія по-

---

приводитъ тѣ же слова съ самыми незначительными измѣненіями, но относитъ ихъ почему-то къ битвѣ Михаила съ Юріемъ и татарами, бывшей въ 1317 г. — «Указатель къ осьми томамъ П. С. Р. Л.» втораго похода Михаила на Москву почему-то не отмѣтилъ.

168) Ibid. IV, 47; V, 205; VII, 186. Однѣ изъ лѣтописей выражаются такъ, что въ этомъ походѣ можно какъ будьто видѣть два различныхъ акта, ибо говорятъ, что Димитрій ходилъ на Нижній-Новгородъ *и* на кн. Юрія; по другимъ — въ этомъ походѣ можно различать только одинъ актъ, такъ какъ онѣ говорятъ, что Димитрій ходилъ (по одной лѣт. даже «приходилъ») *на* Нижній *на* кн. Юрія. Никон. III, 107 говоритъ только о Нижн. Новгородѣ, не упоминая о Юріи. — Поступокъ митр. Петра можетъ быть объясненъ или свойственной тогдашнему духовенству и какъ бы по преимуществу ему принадлежащей ролью миротворцевъ, или существовавшими тогда неприязненными отношеніями къ митроп. Петру епископа тверскаго Андрея и самой Твери. Ср. «Ист. Р.» С. М. Солов. III, 299. — Карамз. IV, пр. 244 говоритъ, что извѣстіе о походѣ Димитрія ошибочно разсказано подъ 1311 годомъ (Сол. почему-то относитъ его къ 1312 г.), когда Димитрію было не болѣе 12 лѣтъ и при жизни отца онъ не могъ искать великокняжескаго достоинства. Но лѣта тутъ не при чемъ: у Димитрія, конечно, были руководители, и самъ онъ могъ только представлять собой лицо великаго князя. Что же касается великокняжескаго достоинства, то оно могло предполагаться за нимъ, какъ за наслѣдникомъ по отцѣ. Далѣе, Карамзинъ говоритъ, что во многихъ спискахъ сказано не просто къ Новгороду, а къ Новгороду *Нижнему* и что послѣдняго слова нѣтъ въ харатейномъ Троицк. спискѣ, что Юрій властвовалъ въ Новгородѣ (Великомъ), а не въ Нижнемъ Новгородѣ. Вѣрно! Но почему же во многихъ спискахъ прибавлено слово *Нижній?* Да и по пути ли было Димитрію ходить съ ратью въ Великій Новгородъ чрезъ Владиміръ?

169) Ibid. III, 70; IV, 48; V, 205, 208; VII, 186. Соловь. III, 368 считаетъ Узбека племянникомъ Тохты, а Кар. IV, 108 — сыномъ.

ступиковъ великокняжескихъ намѣстниковъ. Юрій воспользовался такимъ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ и послалъ туда кн. Ѳедора Ржевскаго, который перехваталъ Михаиловыхъ намѣстниковъ и заключилъ ихъ во владычнемъ дворѣ. Новгородцы до того возбуждены были противъ Твери, что пошли на нее ратью съ кн. Ѳедоромъ Ржевскимъ во главѣ. Къ берегамъ Волги вышелъ противъ нихъ Димитрій Михайловичъ; 6 недѣль стояли другъ противъ друга новгородцы и тверичи, такъ какъ нельзя было переправляться чрезъ рѣку, покрывшуюся тонкимъ льдомъ; наконецъ, стали сноситься о мирѣ и — примирились. Новгородцы послали за Юріемъ, и онъ зимою прибылъ къ нимъ съ братомъ своимъ, Аѳанасіемъ. И рады были новгородцы, по выраженію лѣтописи, своему хотѣнію[170]). Но въ слѣдующемъ **1315** году ханъ позвалъ Юрія въ орду, вѣроятно, вслѣдствіе жалобъ Михаила Ярославича, который теперь возвращался изъ орды съ татарскими послами и войскомъ, даннымъ ему для усмиренія Новгорода. Новгородцы вышли противъ Михаила съ Юріевымъ братомъ Аѳанасіемъ и кн. Ѳедоромъ Ржевскимъ, но въ битвѣ подъ Торжкомъ, происшедшей 10 февраля 1315 г., потерпѣли совершенное пораженіе. Юрій Даниловичъ медлилъ отъѣздомъ въ орду, ожидая, можетъ быть, результатовъ Михаилова похода на Новгородскую землю, и только послѣ Новоторжской битвы, 15 марта (слѣдовательно **1316 г.**), отправился въ Ростовъ, а отсюда — въ орду. Новгородцы также отправили въ орду пословъ, какъ сказано въ лѣтописяхъ, «сами о себѣ», но тверичи перехватали этихъ пословъ и привели въ Тверь[171]).

Между тѣмъ какъ Михаилъ то враждовалъ, то мирился съ новгородцами, Юрій въ два почти года, которые онъ пробылъ въ ордѣ, успѣлъ пріобрѣсти милость хана и породниться съ нимъ: онъ женился на сестрѣ Узбека, Кончакѣ (въ крещеніи — Агаѳіи), и получилъ ярлыкъ на великое княженіе. На Русь съ нимъ отпущены были татары, во главѣ которыхъ стоялъ князь Кавгадый, пользовавшійся милостью и довѣріемъ хана. Михаилъ, ожидая, конечно, непріязненныхъ дѣйствій со стороны Юрія и желая предупредить вторженіе врага въ свою землю, вышелъ къ нему на встрѣчу. Они сошлись (въ **1317 г.**) на берегу Волги, близъ Костромы. Новгородцы, къ которымъ передъ тѣмъ отправленъ былъ посолъ-татаринъ съ приглашеніемъ выступить противъ Михаила Ярославича, не явились: не зная, гдѣ находится Юрій, они въ Торжкѣ заключили съ Михаиломъ договоръ, которымъ обязывались не вступаться ни за одного изъ со-

170) Ibid. III, 70; IV, 48; V, 205; VII, 186; Ник. III, 109.
171) Ibid. I, 229; III, 71; IV. 48; V, 206; VII, 186; Ник. III, 109—110; Твер. 408.

перниковъ. На сторонѣ Михаила все-таки были суздальскіе князья, не хотѣвшіе пристать къ Юрію, вѣроятно, потому, что не знали о родствѣ его съ ханомъ, или потому, что сомнѣвались въ успѣхѣ борьбы его съ Михаиломъ. Долго стояли враги другъ противъ друга; Михаилъ сносился съ Кавкадыемъ и потому, конечно, могъ узнать, въ какомъ положеніи находится Юрій. Какъ бы то ни было, Михаилъ отказался въ пользу Юрія отъ великокняжескаго стола, вернулся въ Тверь и заложилъ (погорѣвшій въ прошломъ году) большой кремль, конечно, въ ожиданіи нападенія Юрія, въ чемъ онъ и не ошибся [172]).

Юрій остался въ Костромѣ и собиралъ войска, намѣреваясь идти на Тверь [173]). Видя силу на сторонѣ московскаго князя, суздальскіе князья пристали теперь къ нему. Юрій поднялъ и новгородцевъ, чтобы съ двухъ сторонъ напасть на Тверь, такъ что Михаилу, для успѣшнаго выхода изъ затруднительнаго положенія, нужно было выбирать удобное время, чтобы порознь разбить двухъ непріятелей. Такъ и случилось, но, кажется, не по разсчету Михаила, а по оплошности новгородцевъ: послѣдніе, простоявъ въ Торжкѣ 6 недѣль и сносясь съ Юріемъ объ одновременномъ нападеніи на Тверь, наконецъ, вышли изъ бездѣйствія и начали пустошить Тверскую землю по границѣ; Михаилъ выступилъ противъ нихъ, одержалъ надъ ними полную побѣду и, по почину самихъ новгородцевъ, заключилъ съ ними миръ, по которому побѣжденные обязались не держаться никоторой стороны въ начавшейся борьбѣ и ушли домой. Между тѣмъ Юрій и Кавгадый съ татарами чрезъ Ростовъ, Переяславль и Дмитровъ подошли къ Клину, вступили въ Тверскую землю, предавая по дорогѣ все огню, мечу и грабежу, и остановились, не доходя 15 верстъ до Твери. Странно, что не самъ Юрій, а Кавгадый началъ отсюда ссылаться съ Михаиломъ; но эти сношенія ни къ чему не привели: «послы ѣздили все съ лестію и не бысть межи ими мира». Юрій и татары хотѣли перейдти на лѣвую, еще не разоренную ими сторону Волги, а Михаилъ не рѣшался выступать противъ нихъ, можетъ быть, не надѣясь на свои только силы. Но вотъ подни-

---

172) Ibid. V, 208; VII, 189 — обѣ лѣт. говорятъ о пребываніи въ ордѣ и пріобрѣтеніи Юріемъ ярлыка посредствомъ серебра — фактахъ, можетъ быть, разновременныхъ — подъ 1319 г. въ сказаніи о житіи и кончинѣ Михаила; V, 208; VII, 189 и XV, 409 говорятъ, что Михаилъ уступилъ великокняжеское достоинство Юрію, Ник. же III, 111, а за ней и Тат. IV, 97 — наоборотъ. Суздальскіе князья, какъ увидимъ, вскорѣ перейдутъ на сторону Юрія, и это одно изъ сильныхъ доказательствъ того, что уступку сдѣлалъ Михаилъ.

173) Татищ. IV, 97 говоритъ, что, по заключеніи мира у Костромы, Юрій пошелъ въ Москву, и чрезъ нѣсколько строкъ передаетъ извѣстіе о соединеніи суздальскихъ князей съ Юріемъ также у Костромы. Очень можетъ быть, что Юрій успѣлъ до похода на Тверь побывать въ Москвѣ и опять воротиться къ Костромѣ.

маются кашинцы, которымъ также угрожало опустошеніе ихъ волости со стороны соединенныхъ силъ Юрія. Теперь тверичи и кашинцы вмѣстѣ выступили противъ Юрія и встрѣтились съ нимъ при селѣ Бортеневѣ, въ 40 верстахъ отъ Твери. Въ происшедшей здѣсь 22 декабря (**1318 г.**) битвѣ Михаилъ одержалъ рѣшительную побѣду, причемъ тверичи захватили въ плѣнъ много бояръ и князей, жену Юрія Кончаку и брата его Бориса, а также отбили много плѣнныхъ. Кавгадый приказалъ своимъ воинамъ бросить стяги и идти въ станъ, а Юрій съ небольшимъ числомъ людей бѣжалъ въ Новгородъ[174]). Кавгадый примирился съ Михаиломъ и съ честію былъ принятъ въ Твери. Между тѣмъ Юрій пришелъ въ Новгородъ. Онъ, конечно, разсчитывалъ на то, что новгородцамъ невыгоднымъ покажется усиленіе тверскаго князя и — не ошибся. Весь Новгородъ, какъ говоритъ лѣтопись, и Псковъ со владыкою Давидомъ вышли къ Волгѣ, куда прибылъ и Михаилъ (это было весною); до битвы, однако, дѣло не дошло: князья примирились и рѣшили идти въ орду на судъ ханскій. По договору, заключенному по этому случаю между Юріемъ Даниловичемъ, Михаиломъ Ярославичемъ и Новгородомъ, тверскій князь обязывался признать старыя границы между новгородскими и тверскими землями; возвратить купленныя княгиней села на Вологдѣ и въ Бѣжецкой пятинѣ; возвратить все взятое на Вологдѣ, какъ кречетовъ, серебро и пр.; давать свободный путь купцамъ и отпустить задержанныхъ имъ; не посылать дворянъ и приставовъ черезъ рубежъ въ Норгородскую землю, а обоюдныя между тверичами и новгородцами обиды разбирать на рубежѣ; новгородскимъ посламъ и вообще новгородцамъ давать путь чрезъ Тверскую землю «бесъ пакости»; уничтожить грамоту, писанную на Городцѣ и ту, которая писана въ Торжкѣ при Тайтемирѣ и владыкѣ. Здѣсь же Михаилъ обязался отпустить Юріева брата и жену; Аѳанасія Даниловича Михаилъ отпустилъ, но Кончака скончалась въ Твери. Поэтому пошли различные слухи: одни говорили, что Кончака умерла, другіе — что ее уморили, третьи говорили, что «то Богъ вѣсть». Эти слухи, конечно, могли сильно повредить Михаилу въ ордѣ.

---

174) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 48—49; V, 207—209; VII, 188—190; XV, 409—410; Супр. рук. изд. Оболенскаго 46—47; Ник. III, 114. Новгород. 1-я эти событія и отъѣздъ Юрія въ орду помѣщаетъ подъ 1318, а другія — подъ 1317, отъѣздъ же Юрія — подъ 1318. III и V говорятъ, что новгородцы заключили миръ потому, что не знали, гдѣ находится Юрій, что кажется не вѣроятнымъ! — Нѣкоторые изъ указанныхъ источниковъ, напр. Воскр. лѣт., говорятъ, что Юрій послалъ за новгородцами какого-то Телебугу; а по Троицк. (Карамз. IV, пр. 227): «кн. Ивана Даниловича, брата своего, посла (Юрій) въ Новгородъ Вел. по новгородци». Кар. IV, 112, пр. 225 и 227 не признаетъ, по видимому, битвы Михаила съ новгородцами и, неизвѣстно, на какомъ основаніи, говоритъ, что послѣ Бортеневской битвы къ Михаилу привели жену Юрія, брата его Бориса и Кавгадыя въ качествѣ плѣнныхъ.

Юрій воротился въ Москву, куда вскорѣ прибылъ посолъ Михаила, Александръ Марковичъ, «посольствомъ о любви», но Юрій приказалъ убить его[175]). Это было уже въ **1318** году.

Въ томъ же году Юрій съ Кавгадыемъ отправились въ орду, а Михаилъ еще медлилъ; онъ послалъ вмѣсто себя 12-тилѣтняго сына Константина, вѣроятно, какъ заложника. Съ московскимъ княземъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, пошли многіе бояре, князья и новгородцы. Это сдѣлано было по совѣту Кавгадыя, котораго лѣтописи называютъ «беззаконнымъ, треклятымъ» и «начальникомъ всему злу»; по его же совѣту написаны были многія «лжесвидѣтельства» на Михаила. Онъ же, будучи уже въ ордѣ, взводилъ на Михаила и другое обвиненіе, бывшее въ ходу и между русскими князьями въ ихъ спорахъ передъ ханомъ, а именно: утайку собранной Михаиломъ для хана дани и намѣреніе его уйти къ нѣмцамъ; затрогивалъ и самолюбіе молодаго хана, говоря, что тверскій князь не повинуется его волѣ, не хочетъ явиться къ нему и т. п. Наконецъ, въ августѣ 1318 года, Михаилъ отправился въ орду. Кавгадый, по нѣкоторымъ лѣтописямъ, высылалъ къ нему на встрѣчу татаръ съ порученіемъ убить его. Но Михаилъ въ началѣ сентября благополучно прибылъ къ хану, который въ это время находился при устьѣ Дона. Чрезъ два мѣсяца Узбекъ приказалъ судить тверскаго князя. Мы видѣли, какими уликами противъ него вооружены были противники его. Послѣ перваго допроса хану доложили, что Михаилъ достоинъ смерти; но ханъ приказалъ еще разъ судить его, и опять нашли его достойнымъ смерти: тогда ханъ утвердилъ приговоръ судей. Но Михаила не тотъ-часъ же предали смерти: ханъ шелъ противъ повелителя Ирана, монгольскаго хана Абусаида, и Михаилъ, скованный по рукамъ и съ надѣтой на шею тяжелой деревянной колодой, долженъ былъ сопровождать его. Наконецъ, 22 сентября 1318 года, когда ханъ приближался къ Дербенту, Михаилъ былъ убитъ. Въ слѣдующемъ **1319** году Юрій, получивъ великое княженіе, воротился въ Русь, захвативъ съ собой тѣло Михаила и, какъ плѣнниковъ, Константина Михайловича, а также бояръ и слугъ тверскаго князя. Во Владиміръ пріѣхалъ изъ Твери кн. Александръ Михайловичъ хлопотать о

---

175) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 209; VII, 188—191; XV, 409—410; Ник. III, 114; Тат. IV, 99; Собр. г. г. и д. I, № 14. Эта грамота во многихъ мѣстахъ истлѣла, такъ что содержаніе ея приведено не вполнѣ. — IV, VII, XV и Никон. лѣт. миръ на Волгѣ относятъ къ 1317 году, а VII — и отъѣздъ Юрія, послѣ того, въ Москву. — Убіеніе посла Михаилова въ Москвѣ, о чемъ говорятъ Никон. и Твер. лѣтописи, а равно и то, что Кавгадый высылалъ татаръ на встрѣчу Михаилу, когда онъ ѣхалъ въ орду, чтобы убить его, Карамзинъ считаетъ изобрѣтеніемъ Никон. лѣтописца; Соловьевъ, напротивъ, признаетъ (Кар. IV, пр. 229; Сол. III, 273), да и нѣтъ никакого основанія отвергать это.

выдачѣ тѣла отца его. Здѣсь онъ «докончалъ миръ» съ Юріемъ, послѣ чего тѣло Михаила отдано было ему. Въ лѣтописи замѣчено, что Александръ едва умолилъ о томъ Юрія. Тогда же, кажется, отпущенъ былъ и Константинъ: по крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ 1320 году онъ уже женится. Между тѣмъ и изъ Твери тѣло супруги Юрія перевезено было въ Ростовъ [176]).

И такъ, Юрій, утвержденный ханомъ въ великокняжескомъ достоинствѣ, пріѣхалъ въ **1319 г.** во Владиміръ. Въ Новгородъ онъ послалъ вмѣсто себя брата Аѳанасія [177]), а въ слѣдующемъ **1320** году ходилъ на рязанскаго князя Ивана Ярославича; впрочемъ походъ этотъ окончился миромъ. Въ томъ же году чрезъ Ростовъ Юрій ѣздилъ въ Новгородъ [178]).

Какъ сейчасъ сказано, Юрій «докончалъ миръ» съ Тверью въ 1319 г. Но въ **1321** году онъ собираетъ войска, отправляется въ Переяславль съ намѣреніемъ идти оттуда на Тверь. Наслѣдникъ Михаила, Димитрій, предупредилъ его: въ Переяславль посланъ былъ тверскій владыка, и при его посредствѣ заключенъ былъ съ Юріемъ миръ, по которому Димитрій обязался упла-

---

176) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 49; V, 207, 210—211, 213—215; VII, 188, 192, 195—197; XV, 410—413; Ник. III, 115—123; Степ. кн. I, 425—438. — VII невѣрно передаетъ подъ 1318 годомъ, что Юрій и Михаилъ *вмѣстѣ* отправились въ орду. Никон. говоритъ о поѣздкѣ Юрія въ орду подъ 1318 годомъ, а прибытіе Михаила къ Сурожскому морю помѣчаетъ 6-мъ сентября 1319 г., къ которому относитъ и убіеніе Михаила; о возвращеніи же Юрія изъ орды говоритъ подъ 1320 годомъ. — Князья — судьи Михаила называются въ лѣтописяхъ *ордынскими* и ханъ называетъ ихъ *своими*, — а между тѣмъ Н. И. Костомаровъ (Русск. Ист. въ жизн. 1873, 180) говоритъ, что здѣсь рѣчь идетъ о русскихъ князьяхъ, а слово *ордынскіе* вставлено послѣ. Не видимъ никакого основанія для принятія такой произвольной догадки. — Въ 1320 году Константинъ Михайловичъ женился на Софіи Юрьевнѣ. Такъ по Твер. (стр. 413); изъ другихъ лѣтоп. видно только, что онъ *вѣнчанъ на Костромѣ.* Этотъ Юрій, отецъ Софіи, названъ великимъ княземъ, но опять только въ одной Твер. лѣт. Впрочемъ, лѣтописи и ростовскихъ князей называютъ великими. Такъ что представляется вопросъ, кто былъ этотъ Юрій: великій ли князь московскій, или Юрій Александровичъ ростовскій, умершій въ томъ же 1320 году? Но у этого Юрія Александровича, какъ и у московскаго Юрія Даниловича, ни по лѣтописямъ, ни по родословнымъ мы не видимъ дѣтей. Намъ кажется, что Софія была дочь Юрія Даниловича отъ перваго брака, иначе едва ли былъ бы возможенъ бракъ Константина: если бы эта Софія была дочерью Юрія Александровича ростовскаго, то Константину приходилось бы жениться на внукѣ своей матери, такъ какъ Юрій Александровичъ приходится матери Константина, Аннѣ Дмитріевнѣ ростовской, роднымъ племянникомъ. См. Родосл. таблицы князей ростовскихъ.

177) Ibid. I, 229; III, 72; IV, 49; V, 215—216; VII, 198; Ник. III, 125 о посылкѣ Юріемъ Аѳанасія въ Новгородъ говоритъ подъ 1320; подъ тѣмъ же годомъ она говоритъ, что къ Юрію приходилъ изъ орды посолъ Байдера и много зла учинилъ во Владимірѣ, о чемъ другія лѣтописи не говорятъ.

178) Ibid. III, 72. Татищевъ не отмѣчаетъ у себя этого похода; Карамз. IV, 21, передавая этотъ фактъ, говоритъ, что Юрій заставилъ Ивана Ярославича согласиться на всѣ его предложенія.

тить 2000 рублей татарскаго выхода и не искать подъ Юріемъ великаго княженія [179]).

Между тѣмъ новгородцы, тѣснимые шведами, звали Юрія къ себѣ. Прибывъ въ Новгородъ въ **1322 г.** (въ это время, принявъ иноческій образъ, здѣсь умеръ братъ его Аоанасій), Юрій приказалъ готовить стѣнобитныя орудія («пороки чинити»). Походъ былъ на Выборгъ, но не вполнѣ удачный: хотя въ продолженіе почти мѣсячнаго обложенія города (отъ 12 авг. до 9 сент.) много шведовъ было убито, много перевѣшано, много взято «на Низъ», но города все-таки не взяли. Между тѣмъ Димитрій тверскій, пользуясь благопріятными обстоятельствами, отправился въ орду, доложилъ хану объ утайкѣ Юріемъ тверскаго выхода и о неблаговидныхъ его дѣйствіяхъ, въ сообществѣ съ Кавгадыемъ, по отношенію къ отцу его, Михаилу; въ то же время онъ получилъ ярлыкъ на великое княженіе. Можетъ быть, въ связи съ дѣйствіями Димитрія въ ордѣ стоитъ приходъ, въ томъ же году, на Русь «сильнаго посла» Ахмыла; изъ орды онъ пришелъ одновременно съ Иваномъ Даниловичемъ и, по замѣчанію лѣтописи, «много сотвори пакости по Низовской земли», избилъ многихъ христіанъ, взялъ Ярославль и съ большимъ полономъ пошелъ обратно въ орду, куда звалъ и Юрія. Дѣла, такимъ образомъ, неотложно требовали присутствія Юрія въ Суздальской землѣ, куда онъ и рѣшился отправиться, прося новгородцевъ проводить его туда. На пути подстерегалъ его братъ Димитрія Александръ, который напалъ на него на Урдомѣ и отнялъ у него всю казну. Юрій бѣжалъ во Псковъ, откуда его позвали къ себѣ новгородцы «по крестному цѣлованію». Между тѣмъ Димитрій Михайловичъ воротился изъ орды съ великокняжескимъ ярлыкомъ и ханскимъ посломъ Сивенчъ-Бугой. Юрій, въ **1323** году, предпринималъ съ новгородцами два похода: въ первый изъ этихъ походовъ онъ поставилъ въ устьѣ Невы, на Орѣховомъ островѣ, городокъ; сюда пріѣзжали шведскіе послы, которые заключили миръ съ Юріемъ и новгородцами «по старой пошлинѣ». Между тѣмъ на Псковъ напали нѣмцы, и лѣтопись замѣчаетъ, что Юрій и новгородцы не помогали

179) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 216; VII, 198, 216; XV, 414; Ник. III, 125 говоритъ, что Юрій пошелъ къ Кашину, а Димитрій Михайловичъ вышелъ на встрѣчу къ Волгѣ, но что состоялся миръ при посредничествѣ бывшаго тверскаго владыки Андрея. Въ другихъ лѣтописяхъ этого нѣтъ; въ нихъ говорится, что, выступая противъ Твери, Юрій пришелъ въ Переяславль и «ту» заключенъ былъ миръ при посредствѣ тверскаго владыки Варсонофія. — Карамз. IV, 121 говоритъ, что Димитрій не боялся войны, но ему нужно было выручить находившихся въ плѣну: брата Константина и отцовскихъ бояръ, съ каковой цѣлью въ 1321 году онъ и послалъ въ Переяславль владыку Варсонофія. Но мы знаемъ, что Константинъ въ 1320 г. уже женился и слѣдов. еще ранѣе былъ освобожденъ, вѣроятнѣе тогда, когда братъ его Александръ ѣздилъ въ Москву за тѣломъ Михаила.

псковичамъ.... Можетъ быть, они не помагали потому, что тамъ былъ литовскій князь Давидъ, который ходилъ съ ними на нѣмцевъ и тогда, когда Юрій, бѣжавъ съ Урдомы, былъ еще во Псковѣ. Второй походъ съ новгородцами Юрій сдѣлалъ въ Заволочье: въ этотъ походъ новгородцы взяли на щитъ Устюгъ и пришли на Двину. Сюда устюжскіе князья прислали пословъ, которые и заключили съ новгородцами миръ также «по старой пошлинѣ». Отсюда по Камѣ Юрій отправился въ орду, куда поспѣшилъ и Димитрій тверскій [180]). До суда ханскаго дѣло не дошло: Димитрій Михайловичъ, «безъ царева слова», убилъ своего противника 21 ноября 1325 года, т. е. на канунѣ того дня, въ который казненъ былъ, въ 1318 году, отецъ Димитрія. Тѣло Юрія Даниловича привезено было въ Москву и 23 февраля погребено митрополитомъ Петромъ въ Архангельскомъ соборѣ (по другимъ — въ Успенскомъ), при общемъ плачѣ брата его Ивана и всего народа [181]). Димитрій Михайловичъ самовольнымъ поступкомъ навлекъ на себя гнѣвъ хана и по приказанію послѣдняго былъ убитъ въ ордѣ въ слѣдующемъ **1326** году. Ханъ гнѣвался на всѣхъ князей тверскихъ, называлъ ихъ «крамольниками и ратными себѣ» (т. е. ему, хану). Тѣмъ не менѣе ярлыкъ на великокняжеское достоинство онъ далъ не брату Юрія, Ивану Калитѣ, а Александру Михайловичу, брату Димитрія.

Юрій Даниловичъ былъ женатъ дважды: на неизвѣстной съ 1297 года (въ Ростовѣ) и на сестрѣ Узбека, Кончакѣ (Агаоіи). Отъ втораго брака дѣтей онъ не могъ имѣть; ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ не видно, чтобы у него были дѣти и отъ перваго брака [182]). Но косвенно можно вывести изъ нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстій, что жена Константина Михайловича тверскаго Софія была его дочь.

---

180) Ibid. I, 229; III, 72—73; IV, 49; V, 11, 214, 216; VII, 198—199; XV, 414; Ник. III, 126—128. Въ послѣдней лѣт. событія слѣдуютъ одно за другимъ въ такомъ порядкѣ: 1322 г. нѣмцы приходили на новгородцевъ; Юрій побилъ ихъ; Димитрій получилъ въ ордѣ ярлыкъ на вел. княженіе; походъ къ Выборгу; событіе на Урдомѣ; Ахмылъ беретъ Ярославль..... 1324 г.: походъ Юрія съ новгородцами къ Выборгу; поставленъ городокъ на Орѣховомъ о-вѣ; заключеніе мира со шведами; походъ на Заволочье и взятіе Устюга; Юрій по Камѣ направляется въ орду, гдѣ убитъ Димитріемъ. Изъ одного похода къ Выборгу, какъ видно, Ник. лѣт. сдѣлала два. — О томъ, что Димитрій говорилъ хану объ утайкѣ Юріемъ выхода, см. Тат. IV, 111. — Есть р. Урдома въ Романовскомъ уѣздѣ Яросл. губ. и деревня Урдомъ въ Ржевскомъ уѣздѣ Твер. губ. Здѣсь, конечно, разумѣется рѣка.

181) Ibid. I, 229; III, 73; IV, 50; V, 217; VII, 199. По III тѣло его погребено въ первую субботу великаго поста, а такъ какъ Пасха въ 6833 году была 7 апрѣля, то на 1-ю субботу поста падаетъ 23 февраля.

182) Ibid. I, 228; VII, 181 подъ 1297 г. сказано только, что «Оженися въ Ростовѣ князь Юрьи Даниловичъ». Отъ втораго же брака Юрій не могъ имѣть дѣтей потому, что Кончака, въ годъ замужества, попала въ плѣнъ къ тверскому князю и въ этомъ плѣну (1318 г.) умерла. См. прим. 176.

Димитрій Михайловичъ тверской.

р. 1299 † 1325.

Димитрій Михайловичъ, прозваніемъ *Грозныя Очи*, какъ мы видѣли при обозрѣніи княженія Юрія Даниловича, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе въ **1322 г.** и былъ великимъ княземъ до убіенія его въ ордѣ 15 сент. **1326 г.** Полныя біографическія свѣдѣнія объ этомъ князѣ см. во II т., въ отдѣлѣ о князьяхъ тверскихъ.

Александръ Михайловичъ тверской.

р. 1301 † 1339.

Хотя ханъ, послѣ своевольнаго поступка Димитрія Михайловича, какъ выше уже замѣчено было, и гнѣвался на тверскихъ князей, называя ихъ крамольниками и бунтовщиками, тѣмъ не мѣнѣе, по убіеніи Димитрія, великокняжескій столъ отдалъ не московскому князю, брату Юрія, а тверскому, брату Димитрія, Александру Михайловичу.

Впрочемъ Александръ Михайловичъ носилъ великокняжеское достоинство непродолжительное время: великимъ княземъ онъ объявленъ по убіеніи брата его Димитрія († 15 сентября 1325), а лишился великокняжескаго достоинства, какъ и достоинства князя тверскаго, послѣ извѣстнаго избіенія въ Твери татаръ, пришедшихъ съ Шевкаломъ, 15 августа **1327** года. Полная біографія его помѣщена во II т., въ отдѣлѣ о князьяхъ тверскихъ.

Послѣ Александра Михайловича великокняжеское достоинство перешло къ московскому князю Ивану Даниловичу и навсегда осталось за его потомствомъ, если не считать временнаго, случайнаго и непродолжительнаго занятія великокняжескаго стола Димитріемъ Константиновичемъ суздальскимъ.

Въ краткомъ вступленіи въ настоящій отдѣлъ мы уже указывали на то, что великіе князья, начиная съ Ивана Даниловича до Василія Темнаго, должны быть называемы по преимуществу владиміро-московскими и великое княжество — Владиміро-московскимъ.

II.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ВЛАДИМІРО-МОСКОВСКОЕ.

—

Иванъ Даниловичъ Калита.

1304 † 1341.

Послѣ Юрія изъ Даниловичей въ живыхъ оставался одинъ только Иванъ: остальные братья умерли бездѣтными. Такимъ образомъ Иванъ Даниловичъ одинъ наслѣдовалъ всю Московскую волость и успѣлъ утвердить за своимъ родомъ великокняжеское достоинство[183]).

Мы видѣли, что въ **1304** году братъ Ивана Даниловича Юрій, отправляясь въ орду тягаться съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ о великокняжескомъ достоинствѣ, отправилъ въ Кострому брата своего Бориса. Тверскіе бояре, въ отсутствіе своего князя, блюдя интересы послѣдняго, хотѣли схватить отправлявшагося тогда въ орду Юрія, что имъ не удалось; но имъ удалось захватить и отправить въ Тверь Бориса Даниловича.

183) Съ Ивана Даниловича великихъ князей мы называемъ уже *владиміро-московскими*, такъ какъ имъ упрочено первенство Москвы; Калита назывался даже великимъ княземъ *всея Руси* (Акт. Арх. Эксп. I, № 3), какъ полагаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, быть можетъ, въ подражаніе титулу митрополита. Но можетъ быть это было и сознательное стремленіе; мы впослѣдствіи увидимъ, что литовскіе князья, при заключеніи договоровъ съ московскими, ставили между прочимъ условіе, чтобы московскіе князья не ставили въ своемъ титулѣ *всея Руси*, такъ какъ большая половина Руси принадлежала Литвѣ. — О причинахъ возвышенія Москвы см. разсужденіе Владиміра Вешнякова: «О причинахъ возвышенія Московскаго княжества». Спб. 1851, стр. 22, 38, 77—78 и пр., и Погодина «Ист.-крит. отр. 141» и въ другихъ мѣстахъ (о Москвѣ); также ст. Станкевича: «О причинахъ постеп. возвыш. Москвы до смерти Іоанна III» въ Запискахъ Моск. Унив. 1834—35 г. № 1 и 2; И. Д. Бѣляева: «Городъ Москва съ его уѣздомъ» въ «Москвитянинѣ» 1844, кн. 1. См. прим. 192.

Тверичи даже готовились овладѣть Переяславлемъ; но объ этомъ кто-то тайно далъ знать въ Москву, и Иванъ Даниловичъ съ московской и переяславской ратями, укрѣпивши своихъ бояръ и переяславцевъ крестнымъ цѣлованіемъ (значитъ, была опасность измѣны), встрѣтилъ подъ Переяславлемъ тверскую рать, во главѣ которой стоялъ бояринъ Акиноъ, перешедшій, по смерти Андрея Александровича, изъ Городца въ Тверь. У Переяславля произошелъ крѣпкій бой, въ которомъ палъ и Акиноъ, — а остатки рати съ дѣтьми его бѣжали въ Тверь[184]). Между тѣмъ, въ 1305 году, Юрій возвратился въ Москву, не получивъ на великокняжескій столъ ярлыка, который достался Михаилу тверскому. Теперь тверскій князь, конечно, желая окончательно смирить своего врага, подошелъ къ Москвѣ, но взять ея не могъ и ушелъ, примирившись съ Даниловичами[185]). Затѣмъ, до 1320 года лѣтописи только мимоходомъ упоминаютъ объ Иванѣ Даниловичѣ: въ 1317 году, по нѣкоторымъ извѣстіямъ[186]), Юрій, готовясь выступить, вмѣстѣ съ Кавгадыемъ противъ Твери, послалъ Ивана въ Новгородъ — звать новгородцевъ въ походъ; затѣмъ, въ 1320 году Иванъ Даниловичъ участвуетъ въ походѣ брата своего Юрія на рязанскаго князя Ивана Ярославича, съ которымъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ[187]). Въ томъ же (1320) году Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, гдѣ пробылъ болѣе года. Эта поѣздка его была, вѣроятно, въ какой-нибудь связи съ предшествовавшими событіями; по крайней мѣрѣ, послѣ того какъ въ 1321 г. Юрій, по миру, взялъ съ Димитрія тверскаго 2000 серебра выходу и ушелъ въ Новгородъ, чѣмъ воспользовался тверскій князь и отправился въ орду хлопотать о ярлыкѣ на великокняжескій столъ, Иванъ Даниловичъ былъ еще тамъ, въ ордѣ. Какъ видно, Иванъ Даниловичъ не могъ противодѣйствовать Димитрію, который выхлопоталъ себѣ великокняжескій ярлыкъ, а Иванъ воротился, въ 1322 году, съ посломъ Ахмыломъ, который «много сотвори пакости по Низовской земли», много перебилъ христіанъ, взялъ Ярославль и пошелъ обратно въ орду съ большимъ полономъ[188]).

---

184) П. С. Р. Л. IV, 46; V, 204; VII, 184; Ник. III, 102—103.

185) Ibid. Въ Густинской лѣтописи (П. С. Р. Л. II, 348) встрѣчаемъ странное и ничѣмъ не объяснимое извѣстіе: «Въ то лѣто (6813) паки начатъ *въ Кіевѣ* княжити Іоанъ Даниловичъ Калита, внукъ Ярослава».

186) Карамз. IV, прим. 227 или см. выше прим. 174.

187) П. С. Р. Л. III, 72.

188) Ibid. I, 229; II, 349; IV, 49; V, 216; VII, 198; XV, 414; Ник. III, 125—127. Густинская лѣт. должно быть, такъ сказать, переднимъ числомъ отмѣчаетъ подъ 6830 годомъ, что Иванъ Даниловичъ пришелъ изъ орды «упросивъ себѣ у царя татарскаго великое княженіе». Можетъ быть, лѣтописецъ хотѣлъ сказать «просивъ» вмѣсто «упросивъ»? Это — возможно.

Оплакавъ кончину брата, удовлетворивъ религіознымъ желаніямъ митрополита Петра тѣмъ, что заложилъ на мѣсто деревяннаго каменный храмъ Успенія Пресвятой Богородицы (4 августа **1326 г.**) и въ томъ же году похоронивъ этого святителя, Иванъ Даниловичъ долженъ былъ отправиться въ орду, хотя видимой причины къ тому и не было. По всей вѣроятности, онъ готовилъ себѣ извѣстную будущность и значеніе. Если это такъ, то, кромѣ его личныхъ хлопотъ, ему помогли въ стремленіи его къ первенству между князьями ошибки и безтактность тверскаго князя, единственнаго соперника его. Въ **1327** году въ Твери разъигралась извѣстная исторія съ Шевкаломъ (Щелканъ — лѣтописный, Щелканъ Дудентьевичъ — русской былины), приведшая хана въ ярость. По этому-то случаю Калита и отправился въ орду (по однимъ извѣстіямъ — по собственному почину, по другимъ — по требованію самого хана). Изъ орды Иванъ Даниловичъ вышелъ съ большой татарской ратью и пятью темниками и, какъ приказалъ ханъ, пошелъ (зимой) въ Тверскую землю для наказанія ея за избіеніе Шевкала и его отряда. Съ Калитой былъ еще суздальскій князь, Александръ Васильевичъ... Села и города Тверской земли были преданы огню и мечу; взяты Тверь и Кашинъ; вообще: Иванъ Даниловичъ и рать хана «грады и волости пусты сотвориша». Татары захватили при этомъ и часть Новгородской землѣ: «Новоторжскую волость пусту сотвориша». Но новгородцы умилостивили татаръ тѣмъ, что послали имъ множество даровъ и 2000 серебра. — Съ большимъ полономъ татары пошли обратно, давая знать о себѣ вездѣ, гдѣ ступала ихъ нога, — «точію соблюде и заступи Господь Богъ кн. Ивана Даниловича и его градъ Москву и всю его отчину»... Александру тверскому, конечно, и думать не приходилось о томъ, чтобы съ успѣхомъ вести борьбу съ такимъ неравномѣрно сильнымъ врагомъ, а потому онъ, еще до прихода татаръ, бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ его — впрочемъ — не приняли, а потомъ направился въ Псковъ[189]). Въ то же время Иванъ Даниловичъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправился въ орду и воротившійся къ тому времени изъ бѣгства Константинъ Михайловичъ тверскій, остававшійся теперь старшимъ среди тверскихъ князей. Тогда же къ хану по-

---

189) Ibid. I, 229—230; III, 74; IV, 50—51; V, 217; XV, 417; Ник. III, 131. По III, 74 Калита съ татарами ходилъ на Тверь въ 1328 г. Никон. III, 138, поименовавъ воеводъ, шедшихъ съ татарами, данными Ивану Даниловичу для наказанія Твери, продолжаетъ: «пять темниковъ великихъ, и князь Александръ Васильевичъ суждальскіи, инде пишетъ, и съ нимъ *дядя его*, Василій Александровичъ»... Чей *его?* если Калиты, то Василій Александровичъ, сынъ Невскаго, умеръ еще въ 1271 г.; если же Александра Васильевича суздальскаго, то у него мы не находимъ такого дяди. Та же Ник. лѣт. говоритъ, что новгородцы дали татарамъ 5000 рублей.

шелъ посолъ и отъ Новгорода Великаго[190]). Въ ордѣ Константинъ получилъ (въ **1328 г.**) Тверь, а Калита — великое княженіе. Въ то же время ханъ приказалъ князьямъ искать Александра Михайловича повсюду и представить его въ орду. По прибытіи изъ орды на Русь Иванъ Даниловичъ отправилъ своихъ пословъ, а новгородцы отъ себя владыку Моисея и тысяцкаго Абрама въ Псковъ къ Александру — передать ему требованіе хана. Посольство это было безуспѣшно. Въ слѣдующемъ **1329** году 26 марта Иванъ самъ прибылъ въ Новгородъ — сѣсть на новгородскомъ столѣ; съ нимъ были тверскіе князья, Константинъ и Василій Михайловичи, Александръ суздальскій и многіе другіе; отсюда князья пошли къ Пскову, но медленно, вѣроятно, ожидая, что псковичи одумаются и дѣла не доведутъ своимъ упорствомъ до кровопролитія. Князья дошли до Опокъ и остановились. Калитѣ, какъ видно, и самому не хотѣлось доводить дѣло до кровопролитія, и вотъ онъ придумалъ средство заставить псковичей исполнить волю хана: онъ уговорилъ митрополита Ѳеогноста наложить проклятіе и отлученіе отъ церкви на кн. Александра и на весь Псковъ. Эта мѣра подѣйствовала: Александръ, не желая изъ-за себя подвергать псковичей проклятію, удалился въ Литву, оставивъ на попеченіе полюбившимъ его псковскимъ гражданамъ жену свою. Псковичи послали въ Опоки къ великому князю гонца съ извѣстіемъ, что Александръ ушелъ изъ Пскова, и тогда Калита заключилъ съ псковичами миръ «по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ», а митрополитъ снялъ проклятіе и отлученіе отъ церкви[191]).

И такъ, Иванъ Даниловичъ, послѣ столь многихъ трудовъ, занялъ великокняжескій столъ, «и бысть всей земли тишина на многа лѣта», замѣчаютъ лѣтописи[192]).

---

190) Ibid. III, 74; IV, 50; V, 217; XV, 417; Ник. III, 140.

191) Ibid. III, 74; IV, 51; V, 218; Ник. III, 140 и сл. V говоритъ о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ и другихъ князей, подъ 1329 годомъ, а подъ слѣдующимъ 1330, говоря о томъ же, т. е. о пріѣздѣ Калиты въ Новгородъ, а съ нимъ суздальскаго, тверскихъ и мн. др. князей, говоритъ еще о посольствѣ боярина Калиты, Луки Протасьева, новгородскаго владыки Моисея и тысяцкаго Аврама въ Псковъ, о чемъ говорила подъ 1328 годомъ, гдѣ, впрочемъ, со стороны Ивана Калиты названы «послы своя», а отъ новгородцевъ тѣ же лица, т. е. владыка Моисей и пр. По IV въ 1328 г. Калита пришелъ изъ орды, въ 1329 — пріѣхалъ въ Новгородъ; пріѣхалъ и Ѳеогностъ и проклялъ псковичей; въ 1330 г. Калита пріѣхалъ въ Новгородъ съ тверск.,užд. и др. князьями, отправилъ во Псковъ пословъ, потомъ съ др. князьями выступилъ противъ Пскова.

192) Ibid. I, 230; IV, 51; V, 218; VII, 201; XV, 417; Ник. III, 141 замѣчаетъ, какъ и нѣкоторыя другія: «и бысть оттоле тишина велика по всеи Руской землѣ на 40 лѣтъ и престаша татарове воевати рускую землю». Здѣсь же кстати замѣтить, что есть извѣстія, по которымъ Калита «исправи Рускую землю отъ татей» («Опис. Рум. музея» 509; Степ. кн. I, 406). Та же Ник. ibid. замѣчаетъ, что Иванъ Даниловичъ «прииде отъ царя Азбяка из орды с пожалованиемъ и с великою честию на *великое княжение Володимерское*, и седѣ

Въ **1331 г.** Иванъ Даниловичъ, а съ нимъ вмѣстѣ и Константинъ Михайловичъ тверскій, ѣздили въ орду. Къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинѣ этой поѣздки. Возвратившись изъ орды, Калита, по выраженію лѣтописи, «взверже гнѣвъ» на Новгородъ: онъ просилъ (вѣроятно, потому, что много потратился въ ордѣ) у новгородцевъ закамскаго серебра, т. е. привозимаго изъ-за Камы, конечно, отъ торговыхъ оборотовъ. Но новгородцы, какъ видно, не дали ему ничего, и Калита, въ **1332** году, взялъ за то («и въ томъ взя») Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ «чрезъ крестное цѣлованіе». Новгородцы ничего не предпринимали противъ этого насилія[193]). Въ началѣ января **1333** года со всѣми суздальскими (Суздальской земли) и рязанскими князьями Иванъ Даниловичъ опять пришелъ въ Торжокъ; отсюда онъ послалъ въ Новгородъ — свести оттуда намѣстниковъ, и началъ воевать Новгородскую землю, въ которой давно уже сильно чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ отъ бывшей лѣтомъ засухи. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ: архимандрита Лаврентія, Ѳедора Твердиславича и Луку Варѳоломеева, чрезъ которыхъ просили Калиту въ Новгородъ на столъ; но великій князь челобитья ихъ не принялъ и, не давъ миру, уѣхалъ на Низъ. Тогда новгородцы отправили къ нему новое посольство, съ владыкой Василіемъ во главѣ; послы нашли его въ Переяславлѣ, предлагали ему 500 рублей съ тѣмъ, чтобы онъ возвратилъ взятыя имъ противъ крестнаго цѣлованія села въ Новгородской землѣ («свободы бы ся отступилъ по крестному цѣловаію»); но Иванъ Даниловичъ, не смотря на просьбы архіепископа, предложеній не принялъ и уѣхалъ въ орду[194]). По возвращеніи же отъ хана онъ принялъ новгородскихъ пословъ, отложилъ нелюбіе и самъ поѣхалъ въ Новгородъ. Можетъ быть, успѣху послѣдняго посольства содѣйствовалъ митрополитъ Ѳеогностъ, къ которому, во время поѣздки Калиты въ орду, за чѣмъ-то пріѣзжалъ во Владиміръ архіепископъ новгородскій Василій[195]), можетъ быть именно съ просьбой ходатайствовать предъ великимъ княземъ о примиреніи его съ Новгородомъ. Калита прибылъ въ Новгородъ 16 февраля **1334 г.** Въ слѣдующемъ **1335** году, въ бытность его тамъ, архіепископъ Василій заложилъ камен-

---

на великомъ княженіи на Москвѣ; а столъ Володимеръ і иные многие княжения царь Азбякъ *даде ему къ Москвѣ».* Тѣмъ не менѣе до Василія Васильевича Темнаго обладаніе Владиміромъ было, такъ сказать, символомъ великокняжескаго достоинства, хотя фактически великое княженіе было уже Московскимъ.

193) Ibid. III, 76; IV, 53; V, 220; VII, 203; Ник. III, 159—160; XV, 418.

194) Ibid. III, 77; IV, 53. Ник. III, 161 относитъ эту поѣздку въ орду къ 1332, а возвращеніе — къ 1333 году, причемъ замѣчаетъ, что за Калитой пріѣзжалъ отъ хана посолъ Саранчукъ.

195) Ibid. III, 77; IV, 53; V, 220; VII, 204; Ник. III, 161.

ный острогъ. Затѣмъ одна лѣтопись передаетъ нѣсколько темноватое извѣстіе о томъ, что великій князь вмѣстѣ съ новгородцами и со всею Низовскою землею намѣревался идти на Псковъ; но «бысть ему рѣчь по любви съ новгородци и со всею Низовскою землею, и отложиша себѣ путь, а плесковичемъ миру не даша»[196]). Намъ кажется, что причиной предполагавшагося похода на Псковъ было пребываніе тамъ Александра тверскаго, явившагося туда изъ Литвы, и начатыя имъ въ **1335** году хлопоты передъ ханомъ о возвращеніи тверскаго княженія.

Иванъ Даниловичъ возвращался изъ Новгорода чрезъ Торжокъ; въ это время Литва «на миру» воевала Новоторжскую волость: великій князь послалъ на Литовскую землю свои рати, которыя сожгли литовскіе города: Осѣченъ, Рясну и др. Прибывъ въ Москву, онъ пригласилъ къ себѣ новгородскаго владыку Василія, посадника, тысяцкаго и нарочитыхъ новгородскихъ бояръ «на честь», по выраженію лѣтописи, т. е. на угощеніе съ цѣлію, такъ сказать, отплатить за хорошій пріемъ, оказанный великому князю въ Новгородѣ[197]).

Но доброе согласіе между великимъ княземъ и Новгородомъ вскорѣ было нарушено первымъ: въ **1336 г.** Калита отправился въ орду и, возвратившись оттуда, въ **1337 г.** послалъ рать свою, противъ крестнаго цѣлованія, на Двину за Волокъ, въ Новгородскую область; цѣлью похода было, конечно, обогащеніе, потому что казна Калиты должна была истощаться отъ частыхъ поѣздокъ въ орду. Но походъ этотъ былъ неудаченъ: московскіе ратные люди «посрамлени быша и ранени»[198]).

Вскорѣ заботы и вниманіе великаго князя должны были направиться въ другую сторону, въ сторону Твери. Александръ Михайловичъ, обезоруживъ хана полною покорностію волѣ его, вышелъ изъ орды въ **1338 г.**, пожалованный отчиною его, Тверью. Онъ вызвалъ изъ Пскова жену и дѣтей своихъ и, вообще, вступилъ въ Твери въ полныя права хозяина, которыя скромный и, какъ видно, миролюбивый Константинъ и не думалъ отстаивать, тѣмъ болѣе, что онъ былъ младшій братъ[199]). Теперь Калита хорошо видѣлъ, что ему не ужиться въ мирѣ съ тверскимъ княземъ. Еще въ прошломъ 1337 году, когда Александръ посылалъ къ хану сына своего Ѳедора, тверской и московскій князья — какъ замѣчено въ лѣтописи — «не докончаша и мира не взяша»[200]). Въ то же время начинаются отъѣзды тверскихъ

196) Ibid. III, 77.
197) Цитаты въ прим. 195.
198) П. С. Р. Л. III, 77—78; V, 220; VII, 204.
199) Ibid. III, 78; IV, 53—54; V, 221; VII, 205.
200) Ник. III, 164; Тат. IV, 136.

бояръ въ Москву, какъ думаютъ наши историки, изъ-за мѣстничества[201]). Притомъ среди удѣльныхъ князей росло недовольство, и они, вѣроятно, склонялись на сторону тверскаго князя: Калита слишкомъ безцеремонно хозяйничалъ въ удѣлахъ Суздальской земли, чтобы не возбудить во владѣтеляхъ ихъ негодованія противъ себя. Такъ, въ Ростовѣ распоряжался бояринъ Ивана Калиты, Василій Кочева, вмѣшивался во внутреннія дѣла Ростова, обиралъ жителей и т. п.[202]). Князья другихъ удѣловъ были, вѣроятно, также притѣсняемы: мы увидимъ, что даже зять Ивана, Василій Давидовичъ ярославскій, былъ противъ великаго князя и, кажется, на сторонѣ Александра тверскаго.

Вѣроятно, всѣ вышеизложенныя обстоятельства заставили Ивана Даниловича позаботиться о томъ, чтобы оградить себя и свое потомство отъ совмѣстныхъ непріязненныхъ дѣйствій остальныхъ князей, могшихъ повредить его династическимъ интересамъ. По крайней мѣрѣ, послѣдующія дѣйствія Калиты указываютъ на это. Въ 1339 году, съ старшими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, онъ отправился въ орду, пославъ въ Новгородъ младшаго сына, Андрея. Лѣтописи замѣчаютъ, что Иванъ Даниловичъ и дѣти его были въ ордѣ въ чести: конечно, Калита не жалѣлъ казны, чтобы расположить хана къ себѣ и дѣтямъ своимъ. Не даромъ по пріѣздѣ изъ орды онъ хочетъ пополнить казну свою, какъ увидимъ, на счетъ новгородцевъ. А что Калита хотѣлъ смирить своихъ недруговъ, на это указываетъ то обстоятельство, что Узбекъ тогда же позвалъ въ орду всѣхъ князей и сдѣлалъ это «по его думѣ», т. е. по думѣ Калиты. Въ орду позваны были: Александръ тверскій, который не вдругъ поѣхалъ, а послалъ сначала сына Ѳедора, который узналъ тамъ, что Узбекъ гнѣвается на его отца, — затѣмъ — Василій Давыдовичъ ярославскій, внукъ Ѳедора Ростиславича Чернаго, зять Калиты. Страннымъ кажется, что Калита, думою котораго позваны князья въ орду, посылалъ 500 человѣкъ перехватить въ пути Василія, что ему не удалось, и Василій благополучно достигъ орды.

---

201) Ник. III, 164; Сол. III, пр. 404; Кар. IV, 142. Историки наши говорятъ, что, долго скитаясь по чужимъ землямъ, Александръ, вѣроятно, пріобрѣлъ новыхъ любимцевъ, которые, по полученіи Александромъ Твери, могли прибыть въ послѣднюю и «заѣхать» старыхъ тверскихъ бояръ. Что появленіе въ Твери новыхъ боярскихъ родовъ было при Александрѣ Михайловичѣ, объ этомъ находимъ извѣстія въ родословныхъ. Такъ, родъ Левашевыхъ производится отъ нѣмчина Долга или Дола, который чрезъ Псковъ, уже крещенный по православному обряду, пріѣхалъ въ Тверь къ Александру Михайловичу. Другой нѣмчинъ «изъ Наталинскіе земли» (Итальянской?), по имени Дускъ, пріѣхалъ въ Тверь, крестился тамъ и сдѣлался родоначальникомъ Олферьевыхъ, Безниныхъ и Нащокиныхъ. См. Родословную кн. во «Времени. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1851 года, отд. II, 118, 197.

202) Ник. IV, 204 въ Повѣсти о преподобномъ Сергіи.

Впрочемъ, интересы князей такъ мелко и запутанно переплетались, а лѣтописныя извѣстія такъ скудны и скупы на объясненія причинъ и поводовъ къ княжескимъ столкновеніямъ, что по этимъ обстоятельствамъ мы не въ правѣ заключать о противорѣчивыхъ дѣйствіяхъ и скорѣе должны предположить, что онъ, т. е. Иванъ Даниловичъ, имѣлъ какія-нибудь серьезныя причины — задержать зятя до прибытія его въ орду, хотя онъ и позванъ туда его же думою: эти причины могли возникнуть уже по прибытіи Калиты изъ орды[203]).

По прибытіи Ивана Даниловича изъ орды новгородцы прислали къ нему выходъ съ послами; но Калита чрезъ тѣхъ же пословъ требовалъ отъ новгородцевъ еще «запроса царева, чего у него царь запрошалъ». Новгородцы на это отвѣчали, что «того не бывало отъ начала міру[204]).

Между тѣмъ Калита слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ ордѣ. Вѣроятно, опасаясь, какъ бы съ прибытіемъ туда Александра тверскаго и другихъ князей ханскій гнѣвъ не измѣнился на милость, онъ осенью **1339 г.** отправилъ туда сыновей: Семена, Ивана и Андрея. Но 22 октября того же года Александръ и Ѳедоръ были убиты въ ордѣ. Въ Твери оставались Константинъ и Василій. Константинъ и прежде, когда былъ великимъ княземъ тверскимъ, ходилъ, такъ сказать, на поводу у Калиты; тѣмъ болѣе теперь, послѣ успѣшной поѣздки великаго князя въ орду, гдѣ — по его проискамъ — убитъ былъ братъ Константина, послѣдній не могъ противиться московскому князю, о княженіи котораго лѣтописецъ замѣчаетъ: «наста насилованіе много, сирѣчь княженіе великое Московское досталось князю великому Ивану Даниловичу». По смерти Александра и Тверь испытала насиліе со стороны Калиты: онъ приказалъ снять колоколъ съ главнаго тверскаго храма св. Спаса и отправить его въ Москву. Это могло имѣть символическое значеніе верховенства московскаго князя надъ тверскимъ[205]).

Послѣ трагической кончины Александра, дѣти Ивана Даниловича отпущены были изъ орды «съ любовію». Успокоенный съ этой стороны, великій князь началъ энергичнѣе дѣйствовать по отношенію къ Новгороду, откуда вывелъ своихъ намѣстниковъ. Къ счастію новгородцевъ, Калита вскорѣ опять отвлеченъ былъ въ сторону орды: въ **1340 г.** неизвѣстно, по собственному ли почину, или по требованію хана, онъ отправился въ орду. Въ это время ханъ посылалъ рать свою съ Товлубіемъ на князя смоленскаго. Въ походѣ участвовали: кн. Константинъ Васильевичъ суз-

203) П. С. Р. Л. III, 79; V, 221; VII, 205; XV, 421; Ник. III, 166—170.
204) Ibid. III, 79; IV, 54; V, 221—222; VII, 205.
205) Ник. III, 170.

дальскій, Иванъ Коротополъ и др. князья; по приказу хана, и Калита также долженъ былъ отправить на Смоленскъ свою рать [206]).

Въ слѣдующемъ 1341 году 31 марта Иванъ Даниловичъ скончался, принявъ иночество и схиму, и погребенъ въ основанной имъ же (въ 1333 г.) церкви св. Архангела Михаила [207]).

Иванъ Даниловичъ былъ женатъ дважды: а) на Еленѣ, дочери неизвѣстнаго отца, и отъ брака съ ней имѣлъ дѣтей: Семена, Даніила, Ивана, Андрея (боровскаго) и дочерей — Θеотинію, Марію, Евдокію и Θеодосію; б) на Ульянѣ, также дочери неизвѣстнаго отца; отъ этого брака, уже по смерти Калиты, родилась дочь [208]).

---

206) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 55; VII, 205—206; XV, 221; Ник. III, 170.

207) Ibid. I, 230; IV, 55; V, 222; VII, 206; XV, 422; Ник. (подъ 1340 г.) III, 171.

208) Ивана Даниловича Калиту считаютъ состоявшимъ въ одномъ бракѣ; но онъ, какъ оказывается, былъ два раза женатъ, какъ показано въ текстѣ.

Въ духовной грамотѣ в. кн. московскаго Ивана Ивановича, писанной, конечно, ранѣе 1359 г., т. е. года его смерти, всѣ лица, которыя упоминаются въ ней, извѣстны, кромѣ какой-то княгини Ульяны. «А княгини Ульяна, говорится въ грамотѣ, по отца моего князя великаго по грамотѣ по душевной вѣдаетъ волости»... и пр. Карамзинъ (IV, 179), передавая содержаніе помянутой грамоты, называетъ эту Ульяну вдовою Андрея Ивановича, брата Ивана Ивановича. С. М. Соловьевъ (IV, прим. 468), касаясь того же предмета, говоритъ: «Въ завѣщаніи послѣдняго (в. кн. Ивана Ивановича) упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ......... Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 (не въ 1348, замѣтимъ отъ себя, а въ 1345) году (Ник. III, 181), по смерти Калиты, и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было». Совершенно справедливо! Но кто же была эта княгиня Ульяна? Попытаемъ рѣшить вопросъ на основаніи тѣхъ же духовныхъ граматъ (въ С. г. г. и д. ч. I или въ «Древней Росс. Вивл.» ч. I, изд. 2), т. е. Ивана Даниловича Калиты и сына его Ивана Ивановича.

Въ духовной грамотѣ Ивана Даниловича говорится: «А се *даю княгини своей* съ меньшими дѣтьми: *Сурожикъ*, Мушкину гору, Радонежское.......; а села: село Михайловское, *село Луцинское*............; а изъ городскихъ волостій даю княгини своей *осмничее*...» и проч. (курсивъ — нашъ). Намъ кажется совершенно излишнимъ говорить здѣсь о томъ, что подъ *княгиней своей* Калита разумѣетъ свою жену. Возьмемъ ниже одно мѣсто изъ той же граматы: «А что золото *княгини моее Оленино*, а то есмь далъ дчери своей Фетиньи».... Здѣсь о княгинѣ Еленѣ говорится какъ уже не существующей на бѣломъ свѣтѣ, почему и золото ея отдается, естественно, дочери ея. Значитъ, та княгиня его, иначе — жена, которой онъ въ началѣ грамоты даетъ Сурожикъ, Мукину гору и пр., была его второй женой... И такъ, у Ивана Калиты, очевидно, было двѣ жены. Но второй жены онъ не называетъ по имени. — Теперь перейдемъ къ духовной сына Калиты, Ивана. Здѣсь говорится: «А княгини (Ульяну Иванъ Ивановичъ называетъ просто княгиней, потому что, собственно говоря, она не была его матерью) Ульяна по отца моего князя великаго грамотѣ по душевной, вѣдаетъ волости и *осмничье* и селъ до своего живота». Здѣсь не перечисляются поименно волости и села, потому что это было бы излишне: онѣ въ минуту написанія грамоты находились въ фактическомъ владѣніи Ульяны, притомъ онѣ перечислены въ душевной грамотѣ отца Ивана Ивановича. Возьмемъ еще одно мѣсто изъ той же граматы: «А что волости за княгинью за Ульяною, изъ тѣхъ волостій по ее животѣ дѣти мои дадутъ *дчери ее Сурожикъ*, село *Лучинское*». *Осмничее, Сурожикъ*, село *Лучинское* — все это по духовной грамотѣ Иванъ Калита давалъ *княгинъ своей*, т. е. женѣ, которую онъ не назвалъ

Семенъ Ивановичъ Гордый.

р. 1316 † 1353.

Послѣ Ивана Даниловича изъ сыновей его въ живыхъ осталось трое: Семенъ, Иванъ и Андрей, отецъ извѣстнаго впослѣдствіи сподвижника Донскаго, Владиміра Храбраго; второй сынъ Калиты, Даніилъ, упомянутый только въ лѣтописной родословной [209]), умеръ, вѣроятно, въ младенчествѣ.

Иванъ Даниловичъ еще задолго до смерти сдѣлалъ духовное завѣщаніе. Въ этомъ завѣщаніи онъ распредѣляетъ движимое и недвижимое имущество свое между наличными сыновьями и своей супругой; но такъ какъ потомъ онъ пріобрѣлъ нѣсколько волостей посредствомъ купли, то явилась необходимость составить новое духовное завѣщаніе, въ которое вошли бы и новыя пріобрѣтенія его. Въ обѣихъ грамотахъ одинаково замѣчено, что онѣ составлены передъ отъѣздомъ его въ орду. «Се язъ грѣшный худый рабъ Божий Иванъ, говорится въ грамотахъ, пишу душевную грамоту, ида въ орду, никимъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи» (такъ непрочны были не только положеніе, но и жизнь какого бы то ни было князя!); обѣ грамоты писаны въ одномъ и томъ же 1328 году [210]). По этому завѣщанію Калита даетъ старшему сыну своему Семену 26 го-

---

въ духовной по имени, но которая здѣсь названа Ульяною. — Изъ всего сказаннаго выводимъ два положенія прямыхъ и третье косвенное: а) Иванъ Даниловичъ Калита вступалъ въ бракъ два раза; во второй разъ — съ Ульяной, извѣстной намъ пока только изъ вышеприведенныхъ духовныхъ граматъ его и сына его, Ивана; б) отъ втораго брака онъ имѣлъ неизвѣстную намъ по имени дочь, которая родилась уже по смерти его, ибо въ его духовной граматѣ она не упоминается; в) грамата писана послѣ 1332 г., т. е. послѣ года смерти первой жены Ивана Калиты, Елены, такъ какъ о ней говорится здѣсь, какъ уже не бывшей въ живыхъ.

209) П. С. Р. Л. V, 90. Мы отмѣнили годъ рожденія Семена Ивановича, не обозначенный лѣтописями, на слѣдующемъ основаніи: Воскр. лѣт. (VII, 204) говоритъ подъ 1333 годомъ, что Семенъ женился *зимой*, когда ему было *семнадцать лѣтъ;* Никон. (III, 161) также подъ 1333 г. говоритъ о томъ же, т. е. что Семенъ женился въ этомъ году *зимой*. Издатели Ник. лѣтописи считаютъ 6841 годъ, подъ которымъ въ Воскр. и Никон. лѣтописяхъ говорится о женитьбѣ Семена Ивановича, 1332-мъ годомъ, — но это намъ кажется невѣрнымъ: 6841 годъ (мартовскій) долженъ простираться отъ 1 марта 1333 года до 28 февраля 1334 года. А такъ какъ въ Воскр. лѣт. подъ тѣмъ же 6841 годомъ *послѣ* женитьбы Семена Ивановича говорится о томъ, что Калита, по случаю разрыва съ Новгородомъ, пошелъ въ Торжокъ и былъ тамъ отъ «*Крещенья* (январь) до Збора», то очевидно 6841 годъ = 1333 году. Такимъ образомъ, по вычетѣ 17-ти изъ 1333 получаемъ 1316—годъ рожденія Семена Ивановича.

210) Собр. г. г. и д. №№ 21 и 22, или «Древн. Росс. Вивліоѳика», изд. 2, I, стр. 47 и сл.

родовъ и селеній, въ томъ числѣ Можайскъ и Коломну — пріобрѣтеніе брата его, Юрія Даниловича; Ивану — 23 города и селенія, въ томъ числѣ — главные изъ нихъ — Звенигородъ и Руза; младшему Андрею — 21 городъ и селеніе, и въ числѣ ихъ самый важный Серпуховъ; женѣ своей съ остальными дѣтьми — 26 селеній, изъ которыхъ впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ Радонежское или Радонежъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ, что старшему сыну, Семену, какъ предполагаемому великому князю въ будущемъ, дано сравнительно мало городовъ и селъ. Но надобно имѣть въ виду, что, во 1-хъ, Семену даны города болѣе значительные, какъ Можайскъ, бывшій особымъ княжествомъ, и Коломна; а во 2-хъ, хотя претендентами на великокняжескій столъ, въ случаѣ смерти Ивана Даниловича, и могли явиться князья тверскій и суздальскій, — но Калита, какъ видно, надѣялся, что великокняжеское достоинство за нимъ упрочено, что оно перейдетъ и къ его старшему сыну, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ нему перейдутъ Владиміръ и Переяславль. Что касается Москвы, то она, по завѣщанію, отдается не одному какому-либо изъ сыновей, а всѣмъ троимъ: «Приказываю сыномъ отчину свою Москву» — только и сказано объ этой послѣдней въ завѣщаніи. Что же это значитъ? какую цѣль преслѣдовалъ Калита, завѣщавая Москву всѣмъ дѣтямъ, а не одному которому нибудь изъ нихъ? — Намъ кажется, что у Ивана Калиты была опредѣленная мысль и цѣль объ упроченіи за своимъ потомствомъ великокняжескаго достоинства и за Москвой — значенія первопрестольнаго города: перваго онъ могъ достигнуть только тогда, когда его дѣти — при извѣстныхъ личныхъ качествахъ — будутъ въ состояніи удовлетворять алчнымъ и корыстолюбивымъ требованіямъ орды, т. е. когда будутъ въ состояніи располагать богатой казной; втораго же онъ достигалъ при выполненіи его дѣтьми первой части программы. Значитъ, Калитѣ нужно было оставить матеріальную силу своимъ наслѣдникамъ, и вотъ онъ дѣлитъ свое достояніе почти поровну, ибо могъ сомнѣваться въ томъ, что тому, а не другому сыну достанется великокняжескій столъ. Въ то же время онъ отдаетъ дѣтямъ Москву въ общее ихъ владѣніе и, такимъ образомъ, еще вѣрнѣе достигаетъ второй цѣли: кто ни будетъ изъ дѣтей великимъ княземъ, все-таки онъ будетъ *московскимъ*, потому что будетъ привязанъ къ Москвѣ той частью наслѣдства, которая предоставлена ему въ ней по завѣщанію [211]).

---

211) Ник. IV, 204 въ «Повѣсти о преп. Сергіи» говоритъ, что родители Сергія отъ бывшихъ въ Ростовѣ гоненій при Калитѣ переселились изъ Ростова въ «Радонежъ», что эту «весь глаголемую Радонежъ... даде князь великій Иванъ Даниловичъ сынови своему мизинному князю Ондрею, отъ него же родисъ князь Володимеръ». Извѣстно, что Радонежъ Калита отказалъ женѣ своей, и уже потомъ онъ перешелъ къ Андрею, внукъ котораго,

Такъ или иначе думалъ Калита, но великая идея централизаціи и собранія Руси во-едино жила въ его потомствѣ и этимъ потомствомъ осуществлена.

По смерти Калиты всѣ русскіе князья, какъ-то: Василій Давидовичъ ярославскій, Константинъ Михайловичъ тверскій, Константинъ Васильевичъ суздальскій и др., поспѣшили въ орду; отправился туда и Семенъ Ивановичъ съ братьями. Ханъ объявилъ послѣдняго великимъ княземъ, а всѣ остальные русскіе князья «подъ руцѣ его даны» [212]).

Возвратившись изъ орды, Семенъ Ивановичъ торжественно сѣлъ 1-го октября на великокняжескій столъ во Владимірѣ. Въ томъ же году (**1341**) братья «цѣловали крестъ у отня гроба». По этому крестному цѣлованію они обязываются быть за одно, младшіе старшаго — имѣть и чтить въ отца мѣсто, имѣть общихъ друзей и враговъ; старшему безъ младшихъ, а послѣднимъ безъ старшаго ни съ кѣмъ не доканчивать; младшіе братья, между прочимъ выговаривали слѣдующее обязательство со стороны старшаго: «А кто иметь насъ сваживати... исправа ны учинити, а нелюбья не держати, а виноватого казнити по исправѣ»; младшіе братья уступаютъ Семену на старѣйшій путь полтамги, конюшій путь, ловчій путь и пр., между тѣмъ какъ сами берутъ полтамги на двоихъ; уступаютъ также на тотъ же путь нѣсколько селъ; обязываютъ старшаго брата печаловаться ихъ женами и дѣтьми въ случаѣ смерти ихъ; великій князь оставляетъ за собой волости, которыми его благословила тетка его, княгиня Анна; боярамъ и слугамъ договаривающихся предоставляется свобода перехода отъ одного князя къ другому; младшіе братья, наконецъ, обязываются не принимать къ себѣ боярина Алексѣя Петровича (тысяцкаго), который «вшолъ въ кромолу къ великому князю»; мы увидимъ, что этотъ Алексей Петровичъ при преемникѣ Семена Ивановича не извѣстно кѣмъ былъ убитъ.

также Андрей, былъ единственнымъ радонежскимъ княземъ. Что касается *города* Серпухова, то при Калитѣ онъ былъ, надобно полагать, весьма незначительнымъ какъ по количеству населенія, такъ и по постройкамъ. Его возвысилъ и сдѣлалъ настоящимъ городомъ, мѣстомъ укрѣпленнымъ, уже сынъ Андрея, извѣстный донской герой, Владиміръ Андреевичъ Храбрый (П. С. Р. Л. VIII, 21), о которомъ въ лѣтописи говорится: «Того же лѣта (1374 г.) князь Володимеръ Ондрѣевичъ заложи градъ Серпуховъ дубовъ въ своей отчинѣ, и даде людемъ и всѣмъ купцемъ ослабу и лготу многу, и приказа намѣстничество Якову Юрьевичу, нарицаемому Носильцу (по другимъ — Новосильцу), окольничему своему.»

212) П. С. Р. Л. I, 230; III, 79, 131 (въ 1340 г. Семенъ получилъ великое княженіе); V, 222; VII, 206; XV, 422 (далѣе о Семенѣ въ Твер. почему-то ничего не говорится до 1353 года, т. е. до его кончины); Ник. III, 172 (подъ 6848, который у издателей = 1339). Она же говоритъ, что Семенъ не присутствовалъ при погребеніи отца, потому что былъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Мы видѣли, что Иванъ Даниловичъ въ **1340 г.** разссорился съ Новгородомъ и не успѣлъ смирить его, по случаю поѣздки въ орду. Въ то время, какъ Семенъ Ивановичъ, по смерти отца, былъ также въ ордѣ, новгородскіе «молодци», какъ выражется лѣтопись, ходили на Устюжну и пожгли ее, а потомъ повоевали Бѣлозерскую область—куплю Ивана Калиты. По возвращеніи изъ орды Семенъ послалъ въ Торжокъ собирать дань. Бояре, по выраженію лѣтописи, «начаша сильно дѣяти», почему новоторжцы просили новгородцевъ заступиться за нихъ. Новгородцы пришли, перехватали московскихъ намѣстниковъ съ ихъ семьями и посадили въ заключеніе. Изъ Новгорода, еще прежде послѣдняго событія въ Торжкѣ, посланъ былъ въ Москву Кузьма Твердиславичъ сказать великому князю: «еще, господине, на столѣ въ Новѣгородѣ не сѣлъ еси у насъ, а уже бояре твои сильно дѣютъ» (насильственно). Новгородскіе бояре, находившіеся въ Торжкѣ, конечно, ожидали мести со стороны великаго князя и потому послали въ Новгородъ за помощью; но тамъ не хотѣла удовлетворить этой просьбѣ чернь. Новоторжская чернь, не видя изъ Новгорода помощи, возстала на бояръ, кричала, зачѣмъ они призвали новгородцевъ, зачѣмъ перехватали княжескихъ намѣстниковъ. «Намъ въ томъ погибнуть», заключила она. Вооружившись чѣмъ попало, черные люди бросились на боярскіе дворы, освободили московскихъ намѣстниковъ, а новгородцевъ выпроводили изъ города. Новоторжскіе бояре бѣжали въ Новгородъ «только душею кто успѣлъ» (безъ пожитковъ); дворы ихъ были разграблены, села опустошены, а одного, Семена Внучка, даже убили на вѣчѣ. Семенъ Ивановичъ собралъ подручныхъ князей: двухъ Константиновъ, суздальскаго и ростовкаго, Василія ярославскаго и др., и зимой пошелъ къ Торжку. Съ князьями былъ и митрополитъ Ѳеогностъ, можетъ быть, на случай необходимости пустить въ дѣло мечъ духовный, если желѣзный оказался бы не дѣйствительнымъ. Какъ видно, великій князь твердо рѣшился держаться извѣстной политики и достигать намѣченныхъ цѣлей во что бы то ни стало: по лѣтописямъ не замѣтно даже, чтобы князья, участвовавшіе въ походѣ на Торжокъ, оказали хоть малѣйшее нежеланіе исполнить его требованіе; есть даже извѣстіе (у Татищева), что, готовясь въ походъ и призвавъ для этого помянутыхъ князей, Семенъ Ивановичъ держалъ къ нимъ рѣчь, въ которой указывалъ въ особенности на то, что благоденствіе Руси всегда было въ зависимости отъ послушанія князей старшему князю.—Соединенные князья пришли въ Торжокъ, откуда намѣревались идти къ Новгороду. Новгородцы хотя и приготовились къ оборонѣ, но сначала попробовали уладить дѣло миромъ: они отправили пословъ къ великому князю и митрополиту. Миръ состоялся: докончали по старымъ грамотамъ; кромѣ того новгородцы дали

великому князю *черный боръ* со всей Новгородской земли и 1000 рублей съ Торжка. Послѣ этого великій князь послалъ въ Новгородъ намѣстниковъ [213]).

Между тѣмъ въ томъ же году умеръ Узбекъ, и ханскій престолъ занялъ сынъ его, Чанибекъ, проложивъ себѣ дорогу къ трону убійствомъ двоихъ братьевъ своихъ. Русскіе князья—тверскій, суздальскій и др.—пошли къ новому хану; отправился къ нему и Семенъ Ивановичъ, а также и митрополитъ Θеогностъ, какъ выражается лѣтопись, «за причетъ церковный». Великій князь принятъ былъ ханомъ и отпущенъ съ честью, но Θеогностъ былъ задержанъ: ханъ требовалъ съ него ежегодной постоянной церковной дани, но митрополитъ ссылался на прежнія льготныя грамоты, по которымъ духовенство освобождалось отъ дани; если вѣрить лѣтописямъ, Θеогноста даже мучили по этому дѣлу; наконецъ, митрополитъ предложилъ хану единовременно 600 рублей «посулу», и тотъ удовольствовался этимъ [214]). По пріѣздѣ изъ орды великій князь былъ свидѣтелемъ страшнаго пожара, бывшаго въ Москвѣ 31 мая **1343 г.** О размѣрахъ этого пожара можно судить по количеству однихъ только церквей, истребленныхъ огнемъ: ихъ сгорѣло 28. Лѣтописцы отмѣчаютъ, что въ теченіе 15 лѣтъ это—четвертый такой большой пожаръ [215]). Въ слѣдующемъ **1344 г.** Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, отправился въ орду, гдѣ были и другіе князья, по неизвѣстно, по какой причинѣ. Изъ орды великій князь выѣхалъ 26 октября [216]), «пожалованъ Богомъ и царемъ», и,

---

213) С. г. г. и д. № 23 (здѣсь Семенъ Ивановичъ называетъ себя великимъ княземъ *всея Руси*); упоминаемая въ этой граматѣ княгиня Анна, по вѣроятной догадкѣ М. Д. Хмырова (№ 377), была жена дяди Семена Ивановича, Аѳанасія Даниловича.—П. С. Р. Л. III, 80 (подъ 1340 г.); IV, 54 (то же); V, 222—223; VII, 206—207; Ник. III, 172—173; Тат. IV, 146—147, между прочимъ, передаетъ, будьто бы Семенъ Ивановичъ потребовалъ отъ новгородскихъ пословъ, чтобы посадники и тысяцкіе пришли къ нему босые и просили его, при всѣхъ князьяхъ, на колѣняхъ. С. М. Соловьевъ (III, 308) говоритъ по этому поводу: «прозваніе: Гордый побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству». Конечно, Семенъ Ивановичъ хотѣлъ держать и держалъ князей въ своихъ рукахъ, высоко держалъ себя и съ ними, и съ новгородцами; не даромъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ получилъ прозвище *Гордый*. Тѣмъ не менѣе поступокъ его — если только это, дѣйствительно, было — отзывается эксцентричностью и театральностью... Не выдумано ли это въ позднѣйшее время для объясненія прозвища *Гордый?* Это напоминаетъ о Генрихѣ IV у папы Григорія VII въ Каноссѣ...—Карамз., на основаніи только ему извѣстнаго списка Троицк. лѣт. (IV, 156), говоритъ, что въ это время Ольгердъ хотѣлъ завоевать для союзника Литвы, князя смоленскаго, городъ Можайскъ; но видя крѣпость города и мужество защитниковъ его, отступилъ, сожегши только предмѣстье. Извѣстныя намъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ. Впрочемъ VII, 206 говоритъ, что Литва въ 1341 г. подходила къ Можайску, пожгла посадъ, а города не взяла; но о смоленскомъ князѣ ничего не говоритъ.

214) П. С. Р. Л. III, 80—82; VII, 206—209; Ник. III, 178—179.

215) Ibid. VII, 209; Ник. III, 179.

216) Ibid. VII, 209; Ник. III, 181.

похоронивъ жену свою Анастасію Гедиминовну, умершую 11 марта **1345 г.**, женился во второй разъ на дочери кн. Θедора Святославича смоленскаго, Евпраксіи, съ которой, впрочемъ, года черезъ два разошелся, что должно было, конечно, оскорбить смоленскаго князя, и все-таки Θедоръ Святославичъ ничѣмъ не смѣлъ заявить протеста противъ такого поступка сильнаго московскаго князя. Въ одинъ годъ съ Семеномъ Ивановичемъ поженились и оба брата его [217]).

Между тѣмъ будущая соперница Москвы, Литва, начинаетъ, при такихъ же почти, какъ и Москва, обстоятельствахъ и такими же средствами усиливаться въ одной вѣтви рода литовскихъ князей. Въ половинѣ XIV в. въ Вильнѣ княжилъ сынъ Гедимина, Явнутъ. Противъ него соединились братья его, Кейстутъ и Ольгердъ, которые неожиданно напали на Вильну, такъ что Явнутъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ: перескочивъ чрезъ городскую стѣну, онъ бѣжалъ сначала въ Смоленскъ; потомъ перешелъ къ великому князю въ Москву, гдѣ принялъ крещеніе и получилъ имя Іоанна. Братъ же его, Наримонтъ, которому также угрожала опасность, бѣжалъ изъ Пинска въ орду [218]).

Мы уже говорили, что послѣ похода къ Торжку Семенъ Ивановичъ послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Самъ же онъ еще не бывалъ въ Новгородѣ ни разу. Но вотъ, въ **1346 г.** въ Москву пріѣзжаетъ новгородскій владыка Василій съ приглашеніемъ великаго князя на новгородскій столъ. Въ это-то самое время, разведшись съ супругой своей Евпраксіей, которую онъ отослалъ къ отцу ея съ совѣтомъ выдать за-мужъ, Семенъ Ивановичъ зимой, на Θедоровой недѣлѣ, отправился въ Новгородъ и, пробывъ тамъ три недѣли, возвратился на «Низъ». Онъ воротился въ Москву въ самомъ началѣ **1347** года и въ третій разъ женился на Марьѣ Александровнѣ, княжнѣ тверской. Между тѣмъ шведскій король Магнусъ собирается посредствомъ прѣній о вѣрѣ или посредствомъ меча совратить новгородцевъ въ латинство. Послѣдніе послали къ великому князю съ прось-

---

217) Ibid. VII, 209—210; Ник. III, 181—183. VII говоритъ подъ 1341 годомъ, что Иванъ Ивановичъ, братъ Семена Ивановича, женился на дочери князя брянскаго; та же лѣтопись, подъ 1345 годомъ говоря о (второмъ) бракѣ Семена Ивановича, прибавляетъ, что въ томъ же году женились и братья его, Иванъ и Андрей, «вси три во едино лѣто».—Причиной развода великаго князя съ Евпраксіей считаютъ безплодіе ея (Русск. Врем. I, 173; Карамз. IV, прим. 364). Но, по справедливому замѣчанію Карамзина, имѣла же она дѣтей съ кн. Θедоромъ Θоминскимъ!.. Вообще, странно ссылаться на безплодіе, проживъ въ бракѣ менѣе года или много годъ. Совершенно другую причину развода приводитъ «Родосл. кн.», иначе «Бархатная» (II, 207): «Великую княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ великимъ княземъ, и она ему покажется мертвецъ, и князь великій великую княгиню отослалъ къ отцу ея на Волокъ, а велѣлъ ее дати замужъ.»

218) Ibid. III, 83; V, 224; VII, 210; Ник. III, 182.

бой «оборонити своея отчины». Великій князь отвѣчалъ: «радъ азъ ѣхати, но зашли ми дѣла царевы». Онъ послалъ въ Новгородъ брата своего Ивана, а самъ, съ братомъ Андреемъ, дѣйствительно поѣхалъ къ хану, отъ котораго воротился уже въ слѣдующемъ **1348** году[219]).

До сихъ поръ политическія отношенія Москвы къ Литвѣ были только косвенныя, по дѣламъ новгородскимъ или псковскимъ, и до крайностей, говоря вообще, не доходили. Но съ **1349 г.** эти отношенія начинаютъ принимать серьозно-враждебный характеръ: въ помянутомъ году — къ сожалѣнію, лѣтописи ничего не говорятъ о причинахъ этого — литовскій князь Ольгердъ послалъ пословъ, во главѣ которыхъ стоялъ братъ его, Коріадъ, къ хану просить у него помощи въ предполагаемомъ походѣ литовскаго князя противъ Семена Ивановича. Послѣдній, съ своей стороны, также послалъ въ орду своихъ киличеевъ (пословъ), которые представили хану, что литовцы пустошатъ его, царевъ, улусъ, отчину вел. кн. Семена. Такое представленіе, конечно, должно было затронуть какъ самолюбіе хана, такъ и его матеріальные интересы: великій князь, его улусникъ, часто бываетъ въ ордѣ и, конечно, не съ пустыми руками; а потому разоряющій его улусника, разоряетъ самого хана. И вотъ, ханъ не только не далъ помощи литовскому князю, но и выдалъ литовскихъ пословъ московскимъ, которые вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ Тотуемъ взяли этихъ плѣнниковъ въ Москву. Ольгердъ смирился и въ слѣдующемъ **1350** году прислалъ къ московскому князю пословъ, «прося мира и живота братіи своей, княземъ литовскимъ: Коріаду и Михаилу и всей дружинѣ ихъ». И въ томъ, и въ другомъ послы были удовлетворены. Какъ видно, Семенъ Ивановичъ умѣлъ дать почувствовать не только русскимъ (сѣверо-восточной Руси), но и русско-литовскимъ князьямъ свою силу и энергію умнаго человѣка. Мы не видимъ во все время его княженія, чтобы со стороны удѣльныхъ князей были попытки къ какимъ бы то ни было противодѣйствіямъ ему. Ханъ всегда относится къ нему болѣе, чѣмъ съ довѣріемъ, вслѣдствіе чего и свои, и литовско-русскіе князья въ нѣкоторыхъ случаяхъ спрашиваютъ его соизволенія. Такъ, литовскій князь, задумавъ жениться на дочери Александра Михаиловича тверскаго, Ульянѣ, проситъ разрѣшенія на бракъ у Семена

219) Ibid. III, 83—84, 225—227; IV, 58; V, 225—226; VII, 211, 215; Ник. III, 182—186. Никон., сказавъ о женитьбѣ великаго князя на Маріи тверской, тотъ-часъ продолжаетъ: «Посовѣтова (митр. Ѳеогностъ) нѣчто духовне с сыномъ своимъ вел. княземъ Семеномъ Ивановичемъ, и тако послаша въ Царьградъ к патриярху о благословении». Вѣроятно, здѣсь подразумѣвается разводъ Семена Ивановича съ Евпраксіей и женитьба его въ третій разъ. О походѣ Ивана Ивановича въ Новгородъ см. соотвѣтственное мѣсто въ его біографіи. См. прим. 226.

Ивановича, который, посовѣтовавшись съ митрополитомъ Θеогностомъ, удовлетворяетъ просьбу Ольгерда. И не только ближайшій и сильнѣйшій литовскій князь, но и болѣе отдаленный князь Волыни, Любартъ Гедиминовичъ, въ томъ же **1350** году обращается также къ князю московскому: онъ проситъ руки «сестричны» его, дочери Константина Васильевича ростовскаго[220]).

Въ **1351** году Семенъ Ивановичъ вмѣстѣ съ братьями, Иваномъ и Андреемъ, предпринялъ походъ на Смоленскъ. Причинъ этого похода лѣтописи не выставляютъ. Когда великій князь былъ на р. Протвѣ около Вышегорода, къ нему явились литовскіе послы «съ многими дары, прося мира», можетъ быть, подтвержденія, подкрѣпленія или формальнаго мирнаго договора по поводу освобожденія Коріада и др. литовскихъ пословъ. Отпустивъ литовскихъ пословъ съ миромъ, Семенъ Ивановичъ продолжалъ движеніе на Смоленскъ и подошелъ къ р. Угрѣ. Сюда явились къ нему смоленскіе послы и заключили съ нимъ миръ. Великій князь пошелъ обратно, въ Москву[221]).

Весной того же 1351 года вмѣстѣ съ тѣми же братьями, Иваномъ и Андреемъ, Семенъ Ивановичъ ходилъ въ орду. Года черезъ два послѣ этой поѣздки для великаго князя наступила несчастная година: въ **1353** году 11 марта умеръ митрополитъ Θеогностъ; на одной съ нимъ недѣлѣ умерли его дѣти-младенцы: Иванъ, родившійся въ 1351 г., и Семенъ, родившійся въ 1352 г. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ того же (**1353**) года, именно апрѣля 27, умеръ и самъ Семенъ Ивановичъ съ монашескимъ именемъ Созонта, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ и братъ его, Андрей. Лѣтописи наши говорятъ о томъ, что еще въ 1352 г. на Руси начало свирѣпствовать моровое повѣтріе, извѣстное тогда подъ именемъ *черной смерти.* На Русь она перешла, вѣроятно, изъ западной Европы, гдѣ этотъ бичъ человѣчества свирѣпствовалъ уже съ 1350 года. По всей вѣроятности, отъ этой заразы

---

220) Ibid. IV, 59; V, 226; VII, 215; Ник. III, 187 и сл. Объ отношеніяхъ къ в. кн. Семену Ивановичу прочихъ князей Татищ. (IV, 175) говоритъ: «князи же вси рязанскіе, тверскіе и ростовскіе толики подручны себѣ имѣ, яко вся по его глаголу творяху». — Константинъ Васильевичъ ростовскій былъ женатъ на одной изъ сестеръ Семена Ивановича. Въ Никон. лѣт. (III, 192) этотъ Константинъ, по ошибкѣ, смѣшанъ съ дѣдомъ его, Константиномъ Борисовичемъ († 1307). То же у Татищ. (IV, 169).

221) Ник. III, 195; П. С. Р. Л. IV, 60; V, 227; VII, 216. Н. Никитинъ («Исторія гор. Смоленска». М. 1848, стр. 79) положительно говоритъ, что Ольгердъ хотѣлъ примирить в. князя Семена Ивановича съ кн. смоленскимъ, почему и прислалъ къ нему пословъ съ дарами, прося мира, и это предложеніе было принято княземъ московскимъ. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ему было продолжать наступленіе на Смоленскъ? Ср. «Ист. Р.» С. М. Соловьева III, пр. 432.

умерли и митрополитъ, и великій князь съ другими членами великокняжеской семьи[222]).

Семенъ Ивановичъ, какъ и отецъ его, оставилъ духовное завѣщаніе, по которому удѣлъ его, все движимое и недвижимое имущество, примыслы и купли, какъ, напр., села, купленныя у князей друцкаго и новосильскаго, переходятъ къ женѣ его, по смерти которой все это, конечно, достанется великому князю Ивану Ивановичу, матеріальная сила котораго увеличится, слѣдовательно, вдвое. Въ этомъ завѣщаніи обращаетъ на себя вниманіе совѣтъ великаго князя, какъ братья его должны жить между собою и съ боярами, отношеніе которыхъ къ князьямъ и роль ихъ при нихъ выражаются здѣсь довольно ясно. «А по отца нашего благословенью, что намъ приказалъ жити за одинъ, тако же и язъ вамъ приказываю своей братьи жити за одинъ; а лихихъ бы есте людій не слушали, и хто иметъ васъ сваживати: слушали бы есте отца нашего владыки Олексѣя, тако же старыхъ бояръ, хто хотѣлъ отцю нашему добра и намъ».

Семенъ Ивановичъ былъ женатъ три раза: а) на княжнѣ литовской, Анастасіи Гедиминовнѣ (до крещенія—Айгуста) съ 1333 года, когда Семену Ивановичу было 17 лѣтъ (она † 11 марта 1345 г.); б) на Евпраксіи Ѳедоровнѣ, княжнѣ смоленской, съ 1345 г., съ которой въ слѣдующемъ 1346 году развелся, отославъ ее къ отцу ея, Ѳедору Святославичу; в) на княжнѣ Маріи Александровнѣ, дочери Александра Михаиловича тверскаго, съ 1347 г. Отъ перваго брака онъ имѣлъ дѣтей: Василія, Константина и дочь Василису, вступившую, въ 1349 г., въ бракъ съ Михаиломъ Васильевичемъ кашинскимъ; отъ третьяго брака у него были дѣти: Михаилъ, Иванъ, Семенъ и Даніилъ, умершіе въ младенчествѣ[223]).

---

222) П. С. Р. Л. I, 230; IV, 61; V, 228; VII, 215, 217; XV, 422; Ник. III, 202. О черной смерти въ западной Европѣ см. Даниловича: «Skarbiec diplomatów papiezkich» и пр., стр. 192.

223) С. г. г. и д. I, № 24. — Татищ. (IV, 170) говоритъ, что Семенъ Ивановичъ выдалъ дочь свою въ Тверь за кн. Василія Михаиловича, т. е. за отца дѣйствительнаго ея мужа. Но мы знаемъ, что Василій Михаиловичъ еще въ 1329 г. женился на княжнѣ брянской, и ниоткуда не видимъ, чтобы онъ вступалъ во второй бракъ.

Иванъ Ивановичъ.

р. 1326 † 1359.

Семену Ивановичу Гордому наслѣдовалъ братъ его, Иванъ.

Тридцатитрехлѣтняя жизнь Ивана Ивановича, сравнительно, небогата фактами, конечно, благодаря личному его характеру, тихому и миролюбивому, и его физической слабости. За время до вокняженія его лѣтописи отмѣчаютъ только нѣсколько поѣздокъ его въ орду и неудачный походъ противъ шведовъ на помощь Новгороду.

Въ **1339 г.**, когда ему было только 13 лѣтъ, онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, сопровождалъ отца въ орду, а осенью того же года отецъ послалъ его одного къ хану, который отпустилъ его, уже зимою, съ пожалованіемъ, какъ говорятъ лѣтописи, и любовью [224]). Затѣмъ, вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ Ивановичемъ онъ ѣздилъ въ орду въ **1341, 1344** и **1351** годахъ [225]). Упомянутый въ біографіи Семена Ивановича походъ на шведовъ былъ въ **1347 г.** Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Новгородъ и узналъ, что шведы взяли городъ Орѣховъ; новгородцы были тогда въ Ладогѣ, но Иванъ Ивановичъ по чему-то не поѣхалъ туда, а воротился назадъ, не принявши даже ни благословенія отъ владыки, ни новгородскаго челобитья [226]).

Въ **1353 г.** умеръ Семенъ Ивановичъ, и всѣ русскіе князья отправились въ орду, гдѣ соперникомъ Ивану Ивановичу явился суздальскій князь Константинъ Васильевичъ. Новгородцы также отправили отъ себя посла, Семена Судакова, просить хана за кн. суздальскаго: они хорошо помнили притѣсненія Калиты и его сына, не ждали для себя добра и отъ преемниковъ ихъ, а потому, естественно, не желали видѣть на великокняжескомъ столѣ потомства Ивана Даниловича. Однако ханъ далъ великое

---

224) П. С. Р. Л. VII, 205; Никон. III, 165. Мотивы этихъ и послѣдующихъ поѣздокъ въ орду см. подъ соотвѣтствующими годами отца его, или брата, Семена Ивановича. — Иванъ Ивановичъ родился 30 марта 1326 года, о чемъ см. П. С. Р. Л. I, 229; IV, 50; V, 217; VII, 199; Ник. III, 131. — По духовному завѣщанію отца (С. г. г. и д. I. №№ 21—22) Ивану Ивановичу давалось 23 города и селенія, въ томъ числѣ *Звенигородъ* и *Руза*, — такъ что Иванъ Ивановичъ *можетъ считаться княземъ звенигородскимъ*.

225) Ibid. IV, 55; V, 222; VII, 206, 209, 215; Ник. III, 171, 180, 202. См. конецъ 219 прим.

226) Ibid. III, 227 (и 84 подъ 1348 годомъ; то же въ IV, 58); V, 226; VII, 211; Ник. III, 187 и сл. Семенъ Ивановичъ сначала самъ пошелъ въ Новгородъ, но съ дороги воротился. Карамзинъ (IV, 162) видитъ въ этомъ «хитрыя намѣренія политическія»: Семенъ Ивановичъ хотѣлъ довести новгородцевъ до крайности и воспользоваться ею для утвержденія своей власти надъ ними.... Пусть такъ; но Семенъ Ивановичъ заявилъ, что ему нужно ѣхать въ орду, и дѣйствительно поѣхалъ.

княженіе Ивану Ивановичу, который, какъ и другіе князья, вышелъ изъ орды послѣ Крещенья, а 25 марта **1354 г.** сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ[227]). Неудовлетворенные новгородцы полтора года были съ нимъ безъ миру, «но промежи того, по замѣчанію лѣтописи, не бысть зла никоего же»; однако потомъ они примирились[228]).

Вскорѣ послѣ того, какъ Иванъ Ивановичъ отправился въ орду, рязанцы, въ Петровки (22 іюня 1353 г.), съ юнымъ княземъ своимъ, впослѣдствіи знаменитымъ Олегомъ Ивановичемъ, внезапно захватили городъ Лопасну; московскаго намѣстника, князя Михаила Александровича, захватили въ плѣнъ и держали въ жестокомъ заключеніи, пока онъ не былъ выкупленъ. По возвращеніи изъ орды, Иванъ Ивановичъ не хотѣлъ вступаться за помянутый городокъ, принадлежавшій къ удѣлу малолѣтняго племянника его, кн. Владиміра Андреевича серпуховскаго, котораго онъ вознаградилъ, давъ ему нѣчто изъ рязанскихъ же мѣстъ, прежде пріобрѣтенныхъ[229]).

Что касается суздальскихъ князей, то съ Константиномъ Васильевичемъ Иванъ Ивановичъ примирился за годъ до его смерти, т. е. въ **1355 г.**; года черезъ два онъ видѣлся въ Переяславлѣ съ сыномъ его, Андреемъ Константиновичемъ, за которымъ ханъ утвердилъ Суздаль, Городецъ и Нижній-Новгородъ; одарилъ его многими дарами и, «честь велику сотворивъ», отпустилъ его съ миромъ[230]). — Къ тому же почти времени относится нѣкоторое загадочное явленіе, бывшее въ Москвѣ 3 февраля **1357 г.**, предъ утренями, на площади нашли убитымъ московскаго тысяцкаго, Алексѣя Петровича. Никто не могъ объяснить причины этого загадочнаго убійства. Нѣкоторые, впрочемъ, говорили, что на него бояре собирали тайный совѣтъ, строили ковы. Послѣдняя догадка стоустой молвы весьма правдоподобна: какъ тысяцкій, онъ могъ имѣть громадное вліяніе на гражданъ въ качествѣ ихъ представителя; въ то же время онъ — боя-

---

227) Ibid. I, 230; II, 350; III, 86; IV, 62 (выше говорила о томъ же подъ 1352 годомъ); V, 228; VII, 217; VIII, 9; XV, 422; Ник. III, 202—203.

228) Ibid. III, 86; IV, 62; V, 228.

229) С. г. г. и д. I, № 25; Ник. III, 203.

230) О примиреніи съ Константиномъ Васильевичемъ говоритъ Ник. лѣт. (III, 205), а съ Андреемъ — Соф. 1 я (V, 228). Но, можетъ быть, здѣсь нужно разумѣть который-нибудь одинъ изъ этихъ фактовъ? Новгородцы примирились съ Иваномъ Ивановичемъ года чрезъ полтора послѣ того, какъ послѣдній получилъ великое княженіе, т. е. въ 1355 году, въ которомъ умеръ Константинъ суздальскій. Можетъ быть, смерть Константина, за котораго новгородцы хлопотали въ ордѣ, и была причиной примиренія новгородцевъ съ вел. княземъ. Карамзинъ (IV, 174) такую мысль высказываетъ положительно и говоритъ только о примиреніи съ Константиномъ Васильевичемъ (ibid. прим. 376), но не упоминаетъ о примиреніи съ сыномъ его, Андреемъ.

ринъ, и слѣдовательно лице, близкое къ великокняжескому двору. Такой человѣкъ могъ имѣть враговъ, и по преимуществу среди бояръ... Не даромъ въ ту же зиму нѣкоторые «большии бояре» съ женами и дѣтьми уѣхали въ Рязань. Впрочемъ, черезъ годъ Иванъ Ивановичъ (обстоятельство, бросающее въ этой исторіи тѣнь на самого великаго князя) перезвалъ изъ Рязани къ себѣ двоихъ изъ отъѣхавшихъ бояръ: Михаила и зятя его, Василья Васильевича[231]).

Такъ слабо было правительство при великомъ князѣ, слабомъ и тѣломъ и духомъ! Не только въ сосѣднихъ княжествахъ (Муромъ, Тверь) происходили междоусобія, споры и распри, но и въ самой Москвѣ совершались такія злодѣянія, какъ убіеніе тысяцкаго. А между тѣмъ князь съ твердымъ характеромъ и энергичный именно въ это время могъ много хорошаго сдѣлать для Руси въ ея отношеніяхъ, напримѣръ, къ ордѣ.

Въ описываемое время въ ордѣ происходили кровавыя сцены. Въ **1357** году тамъ былъ митрополитъ Алексій и исцѣлилъ ханшу Тайдулу. Но онъ скоро вышелъ изъ орды, потому что тамъ началась, по выраженію лѣтописей, замятня. Добрый — какъ называютъ лѣтописи хана — Чанибекъ былъ убитъ сыномъ Бердибекомъ; для достиженія своей цѣли злодѣй убилъ еще 12 братьевъ своихъ, по совѣту князя-темника, «окаяннаго» Товлубія. Въ-слѣдъ за этимъ на Русь отправленъ былъ посолъ Иткара «по запросъ ко всѣмъ княземъ русскимъ»; за нимъ явился другой посолъ, Кошакъ, — «и велика бысть истома княземъ русскимъ»[232]).

Впрочемъ, великій князь московскій представлялся силой уже не какъ лицо съ тѣмъ или другимъ характеромъ и умомъ, а какъ нѣчто отвлеченное, именно: какъ великій князь московскій, какое лицо ни носило бы этотъ титулъ. Такъ, къ этому слабому и безхарактерному Ивану Ивановичу, но все-таки великому князю московскому, въ томъ же 1357 году обращаются, какъ къ третейскому судьѣ, тверскіе князья, дядя и племянникъ: Василій Михайловичъ кашинскій, занимавшій тверскій великокняжескій столъ, и Всеволодъ Александровичъ холмскій, претендовавшій на тотъ же столъ.

---

231) Ник. III, 207, 210; по ней убійство совершено въ 1356 г., по Троицк. (у Карамз. IV т. прим. 381)—въ 1357, а бояре перезваны изъ Рязани—въ 1358 г. по пріѣздѣ вел. князя изъ орды. — С. М. Соловьевъ говоритъ объ этомъ: «Самъ ли князь, оскорбленный злодѣяніемъ, заставилъ удалиться бояръ, или уступилъ требованіямъ гражданъ, неизвѣстно». (Ист. отнош. между князьями Рюр. дома, 362). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, толкуя приведенныя слова въ томъ смыслѣ, что вел. князь былъ не совсѣмъ правъ въ этомъ дѣлѣ, самъ правдоподобно полагаетъ, что это дѣло лучше объясняется слабостью Ивана Ивановича (Русск. Ист. I, 398).

232) П. С. Р. Л. IV, 63; V, 228; VIII, 10; Ник. III, 209—210; Степ. кн. I, 455—6; Троицк. у Карамз. IV, прим. 384.

Всеволодъ пріѣхалъ во Владиміръ и обратился къ митрополиту Алексію съ жалобами на дядю. Василій узналъ объ этомъ и также обратился къ митрополиту, а потомъ «по митрополичью слову» — къ великому князю, съ которымъ вошелъ въ миръ и любовь. Однако дѣла между дядей и племянникомъ не уладились[233]): они поѣхали на судъ къ новому хану, къ которому отправились и другіе князья, а также и Иванъ Ивановичъ. Всеволодъ хотѣлъ отправиться въ орду чрезъ Переяславль, но переяславскіе намѣстники великаго князя не пропустили его, конечно, потому, что Иванъ Ивановичъ держалъ сторону Василія, съ которымъ недавно взялъ миръ и любовь. Что Иванъ Ивановичъ держалъ сторону Василія, это — между прочимъ — видно изъ того, что войска московскія (можайская рать) вмѣстѣ съ тверскими въ слѣдующемъ (**1358**) году ходили отнимать у литовцевъ Ржеву, что и исполнили, хотя вскорѣ литовцы опять взяли ее[234]).

За годъ до смерти Ивана Ивановича (1358) въ Рязань пришелъ татарскій царевичъ Маматъ-Хожа и послалъ въ Москву объявить великому князю, что требуется провести точныя и опредѣленныя границы между Московской и Рязанской землями («посла — царевичъ — . . . о разъѣздѣ земли Рязанскія предѣлы, и межи утвердити нерушимы и непретворимы»). Но Иванъ Ивановичъ не пустилъ царевича въ свою отчину[235]).

Въ слѣдующемъ **1359** году ноября 13 «благовѣрный и христолюбивый, и кроткии и тихии и милостивый», Иванъ Ивановичъ скончался, по обычаю тогдашнихъ князей, въ схимѣ и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ[236]).

Иванъ Ивановичъ былъ женатъ дважды: а) на княжнѣ Ѳедосьѣ, дочери Димитрія Романовича брянскаго, которая чрезъ годъ или чрезъ годъ съ небольшимъ умерла; б) на Александрѣ, извѣстной намъ только по имени. Дѣти у Ивана Ивановича были только отъ втораго брака, а именно: Димитрій (Донской) и Иванъ и неизвѣстная по имени дочь, выданная, въ **1356** году, за Гедиминова внука, Димитрія Коріадовича[237]).

---

233) Ник. III, 208; Татищ. IV, 183.

234) Ibid. 211.

235) П. С. Р. Л. VIII, 10; Ник. III, 210. Татищевъ (IV, 185) о разграниченіи земель, между прочимъ, говоритъ: «Князь же вел. Иванъ вѣдая, что той (М.—Хожа) доброхотствуетъ Рязанскому, хощетъ Лопасню и другія волости тому отдать, не пусти его въ свою отчину», что кажется весьма правдоподобнымъ. См. также соотвѣтственное мѣсто подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ.

236) Ibid. I, 230 (Иванъ † 12 ноября); IV, 63; V, 228; VIII, 10; XV, 428; Ник. III, 212.

237) Ibid. IV, 349; VI, 104; VII, 207; VIII, 13, 53, 63; Ник. III, 174, 181.

Димитрій Константиновичъ суздальскій.

р. 1323 (?) † 1383.

Димитрій Константиновичъ занялъ великокняжескій столъ «не по отчинѣ и не по дѣдинѣ» въ **1360 г.** и княжилъ по **1362.** Въ **1363 г.** онъ нѣсколько дней также продержался во Владимірѣ, откуда выгнанъ былъ боярами Димитрія Ивановича въ Суздаль. Подробныя свѣдѣнія о немъ см. въ отдѣлѣ о князьяхъ суздальско-нижегородскихъ во II-мъ т.

Димитрій Ивановичъ Донской.

р. 1350 † 1389.

Послѣ Ивана Ивановича остались два сына, Димитрій и Иванъ — оба малолѣтки, и племянникъ, сынъ Андрея Ивановича, Владиміръ (впослѣдствіи *Храбрый*), также малолѣтній. — По духовному завѣщанію Ивана Ивановича, Москва, отчина его, назначена Димитрію и Ивану, а треть доходовъ съ нея — ихъ двоюродному брату, Владиміру; раздѣлъ же волостей произведенъ сообразно со старшинствомъ каждаго: Димитрію даны Можайскъ и Коломна съ селами, Ивану — Звенигородъ и Руза, Владиміру — удѣлъ его отца, женѣ Александрѣ — нѣкоторыя Коломенскія волости, село Семицкое на Москвѣ и съ двухъ сыновнихъ жеребьевъ изъ московской тамги одна треть. Села и все недвижимое имущество послѣ Александры идутъ Димитрію и Ивану,— послѣ Ульяны, второй жены Ивана Калиты — Димитрію, Ивану и Владиміру; послѣ вдовы Семена, Маріи — одному Димитрію [238]). Иванъ Ивановичъ вскорѣ (**1364 г.**) умеръ, и его надѣлъ перешелъ въ руки Димитрія Ивановича.

Въ **1359 г.** умеръ Бердибекъ, и ханомъ сдѣлался родственникъ его, Кулпа, который, чрезъ 5 мѣсяцевъ по воцареніи, былъ убитъ Наврусомъ.

---

238) С. г. г. и д. I, № 25—26. До смерти Ивана Ивановича, изъ жизни Димитрія извѣстенъ только слѣдующій фактъ: когда митрополитъ Алексій, въ 1358 году, возвращался изъ орды, куда ходилъ, по просьбѣ великаго князя, для умилостивленія хана Бердибека, то встрѣченъ былъ велико-княжескимъ семействомъ, боярами и народомъ, причемъ, будто бы, 8-лѣтній Димитрій сказалъ ему краткую рѣчь (Степ. кн. I, 457).—Никонов. лѣтоп. (III, 193) рожденіе Димитрія отмѣчаетъ подъ 12 окт. 1350 года.

Русскіе князья явились къ новому хану, который далъ великое княженіе младшему изъ суздальскихъ князей, Димитрію Константиновичу, «не по отчинѣ, не по дѣдинѣ», замѣчаетъ лѣтописецъ. Это замѣчаніе лѣтописца весьма знаменательно: мы заключаемъ по нему, что въ тогдашнемъ обществѣ въ это время уже сильно укоренилось понятіе о томъ, что великокняжескій столъ есть исключительное достояніе московскихъ князей... 22 іюня **1360 г.** Димитрій Константиновичъ прибылъ во Владиміръ. Между тѣмъ въ ордѣ начались убійства хановъ: одинъ ханъ убивалъ другаго, для того, чтобы, по занятіи престола, самому подвергнуться такой же насильственной смерти; началась, по характерному выраженію лѣтописи, «замятня». Димитрій Ивановичъ былъ также въ ордѣ, но онъ выѣхалъ оттуда еще до замятни, въ **1361 г.**[239]).

Юный Димитрій или, лучше, его совѣтники и руководители — митрополитъ и бояре — не думали уступать суздальскому князю. Димитрій Ивановичъ предъявилъ свои права на великокняжеское достоинство и звалъ суздальскаго князя на судъ хана. Хановъ теперь было два: въ ордѣ — Муратъ, и на правой сторонѣ Волги — Авдулъ, креатура Мамая. Въ **1362 г.** кличеи обоихъ соперниковъ отправились въ орду. Муратъ призналъ великокняжеское достоинство за княземъ московскимъ «по отчинѣ и по дѣдинѣ»[240]). Но Димитрій Константиновичъ, въ свою очередь, не хотѣлъ уступать московскому князю: онъ сѣлъ въ Переяславлѣ. Тогда московскіе бояре, взявъ съ собой троихъ юныхъ князей, т. е. Димитрія, Ивана и Владиміра, пошли ратью къ Переяславлю. Димитрій Константиновичъ бѣжалъ сначала во Владиміръ, а потомъ въ Суздаль. Московскій князь вошелъ во Владиміръ и сѣлъ на столѣ отца и дѣда. Пробывъ здѣсь три недѣли, онъ распустилъ войско и отправился въ Москву. — Къ этому, кажется, времени надобно отнести его договорную грамату съ двоюроднымъ братомъ его, Владиміромъ: конечно, бояре позаботились, для устраненія въ будущемъ какихъ-либо недоразумѣній, опредѣлить взаимныя отношенія братьевъ. По этой грамотѣ, Димитрій Ивановичъ долженъ быть Владиміру въ отца мѣсто, а Владиміръ — держать подъ братомъ своимъ его великое княженіе честно и грозно, хотѣть ему во всемъ добра, не искать удѣла Семена Ивановича, которымъ благословилъ его отецъ. Кромѣ того, братья цѣловали крестъ

---

239) П. С. Р. Л. IV, 64; V, 229; VIII, 10—11; Ник. III, 215.

240) Ibid. IV, 64 и VII, 225. — Къ 1362 году издатели Собранія г. г. и д. относятъ, безъ всякихъ оговорокъ, договорную грамоту Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (№ 27). Эта грамота напечатана и въ «Древней Росс. Вивліоѳ.», гдѣ замѣчено, что года на ней не показано, «а по лѣтописямъ слѣдуетъ быть между 1362 и 1378 годами», т. е. между годомъ вступленія Димитрія на великокняжескій столъ и годомъ смерти митроп. Алексія, который упоминается въ грамотѣ. Карамз. относитъ ее къ 1364 году.

и на томъ, чтобы имѣть общихъ друзей и враговъ, безъ обоюднаго согласія ни съ кѣмъ не ссылаться и не вмѣшиваться одному въ управленіе удѣломъ другаго. Далѣе, Владиміръ обязанъ давать ордынскую тягость и проторъ съ своего удѣла по старымъ свертканъ. Въ случаѣ войны, всѣ бояре Владиміра, гдѣ бы кто ни жилъ, должны быть подъ стягомъ своего князя.

Въ слѣдующемъ **1363 г.** во Владиміръ прибылъ посолъ отъ хана Авдула съ великокняжескимъ ярлыкомъ для Димитрія — предупредительность, указывающая на желаніе Авдула, чтобы московскій князь призналъ его ханомъ. Димитрій и отъ этого хана взялъ ярлыкъ, честилъ посла и отпустилъ его съ дарами. Вѣроятно, бояре думали полученіемъ ярлыка и отъ другаго хана преградить всѣ пути къ искательству суздальскаго князя, или же они поступили такъ въ виду неопредѣленнаго положенія дѣлъ въ ордѣ при соперничествѣ двухъ хановъ. Во всякомъ случаѣ, они сдѣлали ошибку: Муратъ, въ гнѣвѣ на московскаго князя за то, что онъ принялъ ярлыкъ отъ его соперника и тѣмъ какъ бы призналъ послѣдняго ханомъ, прислалъ, съ бывшимъ въ ордѣ кн. Иваномъ бѣлозерскимъ (дѣйствовавшимъ тамъ во вредъ московскому князю) и своимъ посломъ Илякомъ ярлыкъ на великое княженіе Димитрію суздальскому, который и отправился во Владиміръ. Димитрій Ивановичъ (конечно, бояре) и братья его съ многочисленнымъ войскомъ пошли на суздальскаго князя и выгнали его изъ Владиміра, гдѣ онъ, на этотъ разъ, сидѣлъ около 12 дней. Димитрій Константиновичъ бѣжалъ въ Суздаль, куда отправилось и московское войско. Около Суздаля москвичи все опустошили, и Димитрій Константиновичъ смирился. Противники заключили миръ, послѣ чего московскій князь, взявъ «волю свою» надъ суздальскимъ, ушелъ во Владиміръ. Смиряя суздальскаго князя, Димитрій Ивановичъ смирялъ и другихъ князей: такъ онъ смирилъ кн. Константина ростовскаго, изъ Галича выгналъ кн. Димитрія Ивановича, взявъ жену его въ плѣнъ, а изъ Стародуба — кн. Ивана Ѳедоровича, удѣлы которыхъ оставилъ за собой. Изгнанники удалились въ Нижній-Новгородъ, къ Димитрію Константиновичу, можетъ быть, въ надеждѣ поднять его на московскаго князя. Но Димитрій Константиновичъ, какъ видно, не хотѣлъ и думать о томъ: въ **1365 г.** изъ орды пришелъ сынъ его, Василій, съ ханскимъ посломъ, который предлагалъ ему ярлыкъ на великое княженіе; но Димитрій Константиновичъ отказался отъ него въ пользу московскаго князя, къ которому обратился даже съ просьбой о помощи въ борьбѣ его за Нижній-Новгородъ съ младшимъ братомъ, Борисомъ. Такъ постепенно предъ московскимъ княземъ смиряются всѣ другіе князья сѣверо-восточной Руси, даже такіе, какъ суздальско-нижегородскій, носившій также титулъ

великаго князя. Вообще, изъ всѣхъ дѣйствій вел. кн. московскаго, или его совѣтниковъ, видно, что въ Москвѣ ясно сознана была идея единодержавія: вотъ почему болѣе слабыхъ князей Москва старается подчинить себѣ и даже уничтожить, болѣе сильныхъ — ослабить, и при этомъ, какъ сейчасъ увидимъ, употреблялись всевозможныя средства для достиженія цѣли — употреблялось оружіе какъ мірское, такъ и духовное[241]).

Въ **1365 г.** іюня 2 умеръ въ Нижнемъ Новгородѣ старшій братъ Димитрія Константиновича, Андрей, и Нижнимъ овладѣлъ самый младшій изъ братьевъ, Борисъ Константиновичъ. Димитрій, узнавъ о смерти старшаго брата, отправился въ Нижній, но Борисъ не пустилъ его туда, почему Димитрій отправился въ Москву просить помощи у московскаго князя противъ младшаго брата. Тогда епископъ суздальскій и нижегородскій былъ лишенъ сана, а въ Нижній-Новгородъ великій князь послалъ преп. Сергія — звать Бориса къ себѣ, чтобы примирить его съ братомъ, — Борисъ не пошелъ. Князей судитъ только Богъ, отвѣчалъ онъ на зовъ. Тогда употреблена была такая же мѣра, какъ и противъ Пскова, когда въ немъ засѣлъ Александръ тверскій: Сергій, по приказанію митрополита и великаго князя, долженъ былъ затворить церкви. Но и эта мѣра не помогла. Тогда великій князь далъ Димитрію Константиновичу рать свою. Только теперь Борисъ вышелъ на встрѣчу и просилъ мира, отступаясь отъ Нижняго-Новгорода. Старшій братъ занялъ Нижній, а младшій — Городецъ. Такимъ образомъ, Димитрій Ивановичъ теперь помогаетъ смирившемуся передъ нимъ бывшему сопернику, даже вступаетъ (въ 1366 г.) въ бракъ съ его дочерью, Евдокіей[242]).

Въ слѣдующемъ **1366 г.** у Димитрія Ивановича вышло розмирье съ Новгородомъ: новгородскіе молодые люди, или, какъ называетъ ихъ Никон. лѣт., «младыя дворянчики», въ своихъ ушкуяхъ прогулялись по Волгѣ, пограбили въ Нижнемъ-Новгородѣ торговыхъ людей: татаръ, армянъ и др.,

---

241) Ibid. I, 231; II, 350; IV, 64; V, 229; VII, 225; VIII, 11, 13, 120; Ник. III, 219 до конца и IV, 3—10; Твер. 428; С. г. г. и д. № 27. Въ Соф. первой (т. V-й) подъ 1363 годомъ говорится, что Димитрій Ивановичъ (великій князь) согналъ Димитрія Константиновича съ Великаго княженія и съ Галича... Очевидно, здѣсь Димитрій Константиновичъ смѣшанъ съ Димитріемъ Ивановичемъ галицкимъ, сыномъ Ивана Давыдовича. Въ-слѣдъ за тѣмъ тамъ же говорится, что ростовскій кн. Андрей Ѳедоровичъ пріѣхалъ изъ Переяславля въ Ростовъ, а съ нимъ кн. Иванъ Ржевскій «съ силою». Но зачѣмъ Андрей былъ въ Переяславлѣ, неизвѣстно. Не помогалъ ли онъ Димитрію Ивановичу въ борьбѣ его съ княземъ суздальскимъ? По крайней мѣрѣ мы знаемъ, что онъ хотя и былъ еще вполнѣ самостоятельнымъ княземъ, но вѣрно служилъ московскому князю.

242) Ibid. IV, 65; V, 230; VIII, 13; Ник. IV, 10. Вѣроятно, въ связи съ этой борьбой братьевъ находится отнятіе митрополитомъ Алексіемъ Новгородской и Городецкой епископіи отъ суздальскаго владыки Алексія (Ник. ibid.).

прошли въ Каму и по пути также все грабили. Великій князь сдѣлалъ запросъ новгородцамъ, зачѣмъ они ходили грабить и бить его гостей, и въ гнѣвѣ расторгъ съ Новгородомъ миръ, вывелъ оттуда своихъ намѣстниковъ и приказалъ схватить на Вологдѣ и доставить въ Москву новгородскаго двинскаго боярина, Василія Даниловича съ сыномъ. — Между тѣмъ какъ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ замышляютъ и начинаютъ приводить въ исполненіе планъ объ укрѣпленіи Москвы («замыслиша ставити городъ Москву каменъ»), новгородцы одумались и просили великаго князя о мирѣ, по заключеніи котораго, въ **1367 г.**, въ Новгородъ посланъ былъ великокняжескій намѣстникъ и съ Москвы отпущенъ захваченный въ Вологдѣ бояринъ Василій [243]).

Съ **1367 г.** на первый планъ выступаютъ отношенія Москвы къ Твери. Въ послѣдней происходила борьба между дядей и племянникомъ — между Василіемъ Михайловичемъ (кашинскій) и Михаиломъ Александровичемъ микулинскимъ за удѣлъ Семена Константиновича дорогобужскаго. Послѣдній отказалъ свой удѣлъ, помимо роднаго брата Еремѣя и Василія Михайловича, кн. микулинскому, котораго особенно любилъ и уважалъ [244]). Спорящія стороны обратились въ Москву, къ митрополиту, который назначилъ третейскимъ судьей тверскаго владыку Василія; владыка оправилъ кн. микулинскаго. Не смотря на благопріятный исходъ дѣла, Михаилъ Александровичъ ясно видѣлъ, что Москва беретъ сторону его врага. Кромѣ того, когда, послѣ такъ называемаго «великаго пожара Всесвятскаго», Димитрій Ивановичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ задумали укрѣпить Москву, то тогда же великій князь началъ приводить въ свою волю всѣхъ князей русскихъ, а которые не повиновались его волѣ, «и на тѣхъ нача посегати, тако же и на кн. Михаила Александровича тверскаго» [245]). Послѣднему ничего не оставалось дѣлать, какъ только искать сильнаго союзника, и онъ обратился въ Литву, къ зятю своему Ольгерду. Между тѣмъ въ его отсутствіе Василій кашинскій съ сыномъ и племянникомъ Еремѣемъ позвали въ Москву, на судъ къ митрополиту, владыку Василія, будьто бы присудившаго удѣлъ кн. Семена кн. Михаилу не по правдѣ; Василій, кажется, былъ обвиненъ. Послѣ того кашинскій князь пошелъ ратью на Тверь; ему помогали московскія войска. 27-го октября Михаилъ Александровичъ пришелъ отъ Ольгерда съ вспомогательными литовскими войсками

---

243) Ibid. III, 88, 229; IV, 65—66 (отъѣздъ намѣстниковъ изъ Новгорода отнесенъ здѣсь къ 1367 году); V, 230—231; VIII, 14—15; Ник. IV, 12 и д.

244) Подробности см. въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ подъ упоминаемыми здѣсь тверскими князьями, во II-мъ томѣ.

245) Ник. IV, 8, 15.

и такъ повелъ дѣла, что кн. кашинскій попросилъ мира; Михаилъ Александровичъ взялъ миръ съ дядей, кн. Еремѣемъ и в. кн. московскимъ, но неизвѣстно, на какихъ условіяхъ[246]). Впрочемъ, въ томъ же **1367 г.** Еремѣй сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу и отъѣхалъ на Москву къ Димитрію Ивановичу, кажется, съ жалобами на Михаила, — по крайней мѣрѣ послѣдующія событія указываютъ на это. Въ слѣдующемъ **1368 г.** Димитрій Ивановичъ и митрополитъ лаской зазвали Михаила Александровича въ Москву, задержали тамъ, судили по дѣлу съ Еремѣемъ, а послѣ суда схватили его и бояръ его, посадили въ заключеніе и держали «въ истомленіи велицѣмъ на Гавшинѣ дворѣ». Вѣроятно, въ связи съ этими событіями стоитъ и захватъ, въ томъ же году, Владиміромъ Андреевичемъ Ржевы. Въ это время являются въ Москву три ордынскихъ князя: Карачай, Оиндаръ и Тютекашъ; отъ нихъ Димитрій Ивановичъ узналъ «повины нестройны себѣ изъ орды». Эти послы, «слышавше сия (что происходило въ Москвѣ) усумнѣшась», и поэтому-то, конечно, Димитрій Ивановичъ освободилъ Михаила Александровича, укрѣпивъ его крестнымъ цѣлованіемъ (неизвѣстно, относительно чего), и отпустилъ въ Тверь. Впрочемъ, тогда же Димитрій Ивановичъ отнялъ у тверскаго князя Градокъ, часть княжь-Семенова удѣла, въ которомъ сѣлъ его намѣстникъ съ кн. Еремѣемъ, братомъ кн. Семена. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ уѣхалъ изъ Москвы, и уѣхалъ, конечно, врагомъ великаго князя и митрополита[247]).

И такъ, Димитрій и Михаилъ, какъ бы то ни было, примирились, хотя бы только наружно. Но обстоятельства, вызвавшія это примиреніе (пріѣздъ въ Москву трехъ ордынскихъ князей), какъ видно, устранились. Въ то же время умеръ Василій кашинскій, сторонникъ Димитрія. Михаилъ становился теперь вполнѣ и безспорно великимъ княземъ тверскимъ, и въ этомъ положеніи, имѣя несомнѣнно громадное вліяніе на удѣльныхъ князей, могъ быть опасенъ Москвѣ, особенно если взять въ разсчетъ его умъ и энергію. Можетъ быть, желая вообще ослабить тверскаго князя, или предотвратить сильную коалицію со стороны тверскихъ князей противъ Москвы, Димитрій Ивановичъ въ томъ же 1368 году, вскорѣ по отбытіи Михаила изъ Москвы, послалъ сильную рать па Тверь. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву и со слезами просилъ зятя помочь ему, просилъ самъ и чрезъ сестру свою, жену Ольгерда. Ольгердъ, наконецъ, внявъ просьбамъ шурина или жены своей, выступилъ въ походъ съ братомъ Кейстутомъ, племянникомъ Витовтомъ, который тогда былъ, по выраженію лѣтописца, еще «младъ и не-

---

246) Ник. IV, 15—17; Татищ. IV, 208—9.
247) П. С. Р. Л. VIII, 15; XV, 428; Ник. IV, 17, 19; Татищ. IV, 209, 211.

славенъ», и съ сыновьями; съ нимъ была и смоленская рать, а потомъ присоединилась и тверская. Благодаря военной тактикѣ Ольгерда — хранить въ тайнѣ цѣль и направленіе похода, — Димитрій Ивановичъ узналъ о нашествіи враговъ уже тогда, когда готовиться къ отпору было поздно. Изъ московской, коломенской и дмитровской ратей онъ наскоро составилъ сторожевой полкъ; начальство надъ нимъ ввѣрено было Димитрію Минину и Акинфу Шубѣ, боярину Владиміра Андреевича. Между тѣмъ Ольгердъ быстро подвигался къ Москвѣ, обозначая свой путь огнемъ и мечемъ. Въ волости Холохлѣ кн. стародубскій, Семенъ Димитріевичъ Крапива, а въ Оболенскѣ — кн. Константинъ, потомокъ Михаила черниговскаго, оказали сопротивленіе Ольгерду, но поплатились за это жизнью. Наконецъ, при рѣкѣ Тростнѣ Ольгердъ встрѣтился съ московскимъ сторожевымъ полкомъ, который, въ ожесточенной битвѣ, былъ весь истребленъ. Это было 21 ноября **1368 г.** Димитрій Ивановичъ, митрополитъ, Владиміръ Андреевичъ и бояре заперлись въ Москвѣ, какъ тогда говорили, засѣли въ осадѣ. Три дня стоялъ Ольгердъ подъ Москвой, но города взять не могъ, а потому, сожегши посадъ и опустошивши окрестности, онъ пошелъ въ обратный путь, все предавая огню, а людей и скотъ забирая съ собой. По замѣчанію лѣтописца, такого зла и отъ татаръ не было[248]). Такъ или иначе, Михаилъ отмстилъ великому князю московскому, который долженъ былъ примириться съ нимъ и даже возвратить ему Градокъ и, кромѣ того, отпустить Еремѣя дорогобужскаго въ Тверь[249]).

На время великій князь московскій вынужденъ былъ оставить тверскаго князя въ покоѣ и обратить вниманіе свое на сѣверо-востокъ, гдѣ Псковъ находился въ неріязненныхъ отношеніяхъ какъ къ Новгороду, такъ и къ нѣмцамъ, изъ-за границъ. Димитрій Ивановичъ послалъ туда двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича. Великій князь отправлялъ и посла въ Дерптъ, но посольство это не имѣло успѣха. Прибытіе Владиміра Андреевича возстановило, по крайней мѣрѣ, согласіе между псковичами и новгородцами, совмѣстное дѣйствіе которыхъ противъ нѣмцевъ имѣло успѣхъ[250]). Между тѣмъ Москва, какъ видно, немного отдохнула и оправилась послѣ Ольгердова нашествія. Однако московскій князь, конечно, въ ожиданіи какихъ бы то ни было столкновеній съ сосѣдями, обратилъ вниманіе на слабо

248) Ibid. I, 231; II, 350 (подъ 1367 годомъ); IV, 66; V, 231; VIII, 15—16; XV, 428—429; Ник. IV, 20—23 говоритъ, что Ольгердъ согласился идти на Москву, преимущественно благодаря просьбамъ жены своей, Ульяны. Битва на Тростнѣ, по Воскр. и Троицк. лѣтописямъ, произошла 21 декабря, а по Никон. — 21 ноября. — Рѣка Тростна и озеро Тростенское — въ Рузскомъ уѣздѣ Московской губ.

249) Ник. IV, 24.

250) П. С. Р. Л. I, 231; III, 89; IV, 66, 191; V, 15, 231; VIII, 16; Карамз. V, 10—11.

укрѣпленные пункты: Москва еще въ предъидущемъ году была укрѣплена; теперь, въ **1369 г.**, Димитрій Ивановичъ заложилъ городъ Переяславль, который въ томъ же году и былъ срубленъ. Тогда же, — вѣроятно, за участіе въ набѣгѣ Ольгерда на Москву, — москвичи и волочане воевали смоленскія волости, а въ слѣдующемъ **1370 г.** великій князь посылалъ рать на городъ Брянскъ[251]). Наконецъ, очередь опять дошла и до Твери.

Въ августѣ 1370 года Димитрій Ивановичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу, что заставило послѣдняго отправиться въ Литву просить помощи у Ольгерда. Посланная Димитріемъ въ Тверскую землю рать предавала все мечу и огню и воротилась съ большимъ полономъ. Въ сентябрѣ самъ Димитрій выступилъ съ войсками, взялъ Зубцовъ и Микулинъ, вообще «всѣ волости и села тверскія повоевали и пожгли и пусто сотворили, а людей многое множество въ полонъ повели, и все богатство ихъ взяли, и весь скотъ ихъ взяли въ свою землю»; въ Москву Димитрій Ивановичъ и его сподвижники пошли «со многимъ богатствомъ и корыстію и землю свою всю многаго скота наполниша и смириша тверичъ до зела». Между тѣмъ Ольгердъ, отвлекаемый нѣмцами, на этотъ разъ не могъ оказать помощи своему шурину. Михаилъ поѣхалъ въ орду, выхлопоталъ тамъ отъ ставленика Мамаева, хана Магометъ-султана, ярлыкъ на великое княженіе; онъ возвращался на Русь съ посломъ Сарыхожей. Димитрій Ивановичъ разставилъ по дорогамъ заставы, чтобы перехватить тверскаго князя; но Михаилу дали знать объ этомъ его московскіе доброхоты, и онъ направилъ путь въ Литву и опять просилъ у Ольгерда помощи, на этотъ разъ съ успѣхомъ. Съ Ольгердомъ, кромѣ Михаила Александровича, шли: братъ его Кейстутъ, князья литовскіе и кн. смоленскій, Святославъ Ивановичъ. Въ ноябрѣ соединенные князья подошли къ Волоку-Ламскому и пожгли посадъ, но города не взяли. Простоявъ тутъ три дня и забравши большой полонъ, они направились къ Москвѣ и пришли туда 6-го декабря. Димитрій, какъ и при первомъ нашествіи Ольгерда, затворился въ городѣ. Союзники пожгли посадъ и все, что можно было сжечь вокругъ Москвы; но, простоявъ восемь дней, города взять не могли. Между тѣмъ кн. Владиміръ Андреевичъ стоялъ въ Перемышлѣ, отовсюду сзывая къ себѣ рати. Сюда пришелъ, между прочимъ, и Владиміръ Димитріевичъ, князь пронскій, съ ратью Олега Ивановича рязанскаго. Услышавъ о собраніи около

---

251) Ibid. V, 231; VIII, 16—17; Ник. IV, 24; «Русск. Ист.» К. Н. Б.-Рюмина, I, 400. Брянскъ воевали потому, что кн. брянскій Димитрій, или — по крайней мѣрѣ — его рати участвовали, вѣроятно, въ набѣгѣ Ольгерда на Москву. Димитрій брянскій былъ подручникомъ Ольгерда. Вѣроятно также и то, что московскій князь просто хотѣлъ возвратить этотъ городъ, утраченный его отцемъ.

Владиміра Андреевича большихъ силъ, Ольгердъ началъ просить у Димитрія Ивановича вѣчнаго мира, предлагая выдать дочь свою за Владиміра Андреевича. Но Димитрій согласился только на перемиріе до Петрова дня. Примирившись Ольгердъ пошелъ во-свояси, но съ большой осторожностью, «озираяся сѣмо и овамо», потому что боялся погони; Михаилъ также ушелъ въ Тверь, примирившись съ московскимъ княземъ. Чрезъ нѣсколько времени отъ Ольгерда явились послы, чтобы устный перемирный договоръ оформить и написать. На одной изъ договаривающихся сторонъ стояли: вел. кн. московскій и двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ; на другой — вел. кн. литовскій, князья тверскій, смоленскій и брянскій. Существенная часть договора слѣдующая: «А что кн. Михайло...... которая будетъ мѣста пограбилъ въ нашей отчинѣ въ Великомъ княженьи, а то князю великому Олгерду мнѣ чистити, то князю Михаилу по исправѣ подавати назадъ по доконченью князя великаго Олгерда. А гдѣ будетъ кн. Михайло вослалъ въ нашю отчину въ Великое княженье намѣстники или волостели, а тыхъ ны сослати доловь; а не поѣдутъ, и намъ ихъ имати, а то отъ насъ не въ измѣну. А отъ сего перемирья отъ Спожына заговѣнья до Дмитріева дни. А иметъ кн. Михайло что пакостити въ нашей отчинѣ, въ Великомъ княженьи, или грабити, намъ ся съ нимъ вѣдати самимъ; а князю великому Олгерду, а брату его князю Кестутью и ихъ дѣтемъ за него ся не вступати». Далѣе, по этому договору, постановлено давать свободный пропускъ посламъ союзниковъ [252]).

Трусливое отступленіе Ольгерда отъ Москвы и выраженное имъ желаніе породниться съ московскимъ княземъ показали Михаилу, что надежды на Литву остается мало. Но не таковъ былъ Михаилъ, чтобы въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ смириться. Въ слѣдующемъ **1371 г.** онъ обратился опять въ орду, изъ которой возвратился, въ началѣ апрѣля, въ Тверь съ ярлыкомъ на великое княженіе и съ тѣмъ же посломъ Сарыхожею. Между тѣмъ Димитрій Ивановичъ по всѣмъ городамъ великаго княженія привелъ и бояръ и черныхъ людей къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы имъ «не даватись великому князю Михаилу Александровичу тверскому», а самъ съ Владиміромъ Андреевичемъ и войсками сталъ въ Переяславлѣ. Михаилъ хотѣлъ войдти во Владиміръ, но граждане не пустили его; а когда Сарыхожа позвалъ Димитрія къ ярлыку, — великій князь съ

---

252) Ibid. I, 231; V, 231; VIII, 17; Ник. IV, 25—28; Татищ. IV, 215—219; Narbutt, V, 180 и слѣд.; С. г. г. и д. I, № 31. Никон. говоритъ, что Ольгердъ пришелъ на Димитрія въ Филиппово говѣнье (отъ 15 ноября по 24 декабря) 26 января... Путаница очевидная. А ниже, согласно съ другими лѣтописями, говоритъ о приходѣ Ольгерда къ Москвѣ 6-го декабря.

гордостію, въ сознаніи своей силы, отвѣчалъ: «къ ярлыку не ѣду, а въ землю на княженіе Володимерское не пущу (Михаила), а тебѣ, послу, путь чистъ». Въ то же время Димитрій съ честію звалъ посла къ себѣ. Тотъ, прельщенный дарами, отдалъ ярлыкъ Михаилу Александровичу и изъ Мологи отправился въ Москву, а Михаилъ отъ Мологи пошелъ на Бѣжецкій Верхъ, повоевалъ его и вернулся въ Тверь 23 мая. Притязаній своихъ на великокняжескій столъ онъ все-таки не думалъ оставить: онъ послалъ въ орду хлопотать о своемъ дѣлѣ сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа, обласканный и задаренный въ Москвѣ, пришедши въ орду, восхвалялъ Димитрія за его смиреніе и добрый нравъ. Вскорѣ послѣ Сарыхожи, а именно въ половинѣ іюня, Димитрій и самъ отправился въ орду: митрополитъ Алексій проводилъ его до Оки и благословилъ на предстоящій путь. Отправляясь въ орду, великій князь написалъ духовное завѣщаніе, конечно, на всякій случай, для предосторожности. Наслѣдникомъ всего родоваго, благопріобрѣтеннаго имѣнія, движимаго и недвижимаго, онъ дѣлаетъ старшаго изъ наличныхъ дѣтей, Василія; но о Великомъ княженіи не говоритъ ни слова — еще такъ не окрѣпла въ немъ увѣренность, что оно останется за его сыномъ! Впрочемъ, изъ Великаго Княженія онъ отказываетъ сыну села, купленныя его отцемъ. Къ тому же времени, кажется, надобно отнести второй договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ относительно городовъ Галича и Дмитрова, удѣла кн. Ульяны и пр. Но объ этомъ договорѣ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи. — Въ Москву, между тѣмъ, прибыли литовскіе послы для заключенія мира (о чемъ мы говорили уже выше) и обрученія Ольгердовой дочери Елены съ кн. Владиміромъ Андреевичемъ. Михаилъ Александровичъ, недовольный оборотомъ дѣлъ, опять пошелъ на Волгу, повоевалъ Кострому, Угличъ, Мологу и Бѣжецкъ, и посажалъ тамъ своихъ намѣстниковъ. Этими набѣгами Михаилъ оскорбилъ и новгородцевъ, такъ какъ мечъ его коснулся и ихъ земли, а потому Новгородъ еще тѣснѣе примкнулъ къ вел. кн. московскому, съ которымъ заключилъ договоръ: по договорной грамотѣ Новгородъ обязывается помогать в. кн. московскому противъ Твери и Литвы, а московскій князь Новгороду — противъ Твери же и Литвы и еще противъ нѣмцевъ.— Мы сказали, что Димитрій Ивановичъ отправился въ орду... Здѣсь онъ «учти добрѣ» князя Мамая, хана, ханшу и пр. Это послѣднее обстоятельство всѣхъ расположило къ московскому князю, и онъ отпущенъ былъ изъ орды «со многою честію и съ пожалованіемъ»; кромѣ того, ему выдали сына Михаилова, Ивана, котораго Димитрій Ивановичъ привезъ въ Москву и держалъ на митрополичьемъ дворѣ, пока его не выкупили за ту сумму, какую будьто бы далъ за него въ ордѣ самъ Димитрій, а именно 10,000 руб-

лей[253]). Такимъ образомъ, по выраженію лѣтописи, Димитрій Ивановичъ «супостаты свои побѣдивъ посрами». Но еще не совсѣмъ посрамлены были супостаты: въ Бѣжецкомъ Верху и другихъ городахъ сидѣли намѣстники главнаго супостата, князя тверскаго. По прибытіи изъ орды, Димитрій Ивановичъ послалъ рать на Бѣжецкій Верхъ, гдѣ намѣстникъ Михаила, Никифоръ Лычъ, былъ убитъ москвичами; потомъ начался грабежъ по тверскимъ волостямъ. Можетъ быть, война съ Тверью и затянулась бы, но Димитрій отвлекся въ другую сторону[254]). Мы видѣли, что при второмъ нашествіи Ольгерда на Москву, рязанская рать приходила на помощь къ Владиміру Андреевичу. Неизвѣстно, что произошло послѣ того между московскимъ и рязанскимъ князьями; но 14 декабря **1371 г.** Димитрій Ивановичъ послалъ, подъ начальствомъ воеводы, кн. Димитрія Михайловича Волынскаго, рать на Олега рязанскаго. При Скорнищевѣ произошелъ бой, въ которомъ хвастливые рязанцы были побиты на голову, и самъ Олегъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. На рязанскомъ столѣ посаженъ былъ Владиміръ, кн. пронскій, котораго, впрочемъ, вскорѣ Олегъ привелъ въ свою волю[255]).

---

253) Ibid. I, 231—232; IV, 66; V, 231; VIII, 18; XV, 430—431; Ник. IV, 28—31. — Договорная грамата Димитрія Ивановича и Владиміра Андреевича съ новгородцами — въ Актахъ А. Э. № 8, гдѣ она отнесена къ началу 1372 года. Карамзинъ (V, 15, 17) относитъ эту грамоту къ 1371 или 1372, Бѣляевъ (II, 451) — къ 1371, Соловьевъ — къ 1367 г. на томъ основаніи, что въ этомъ году, по лѣтописямъ (III, 88), новгородцы посылали въ Москву пословъ. Но Соловьевъ забываетъ, что это посольство было отправлено по поводу ушкуйничьихъ разбоевъ. Бѣляевъ, кажется, основательнѣе дѣлаетъ, относя эту грамоту къ 1371 году, когда новгородцы оскорблены были нападеніемъ тверскаго князя на ихъ волость и, естественно, должны были тѣсно примкнуть къ Москвѣ. — Передъ отъѣздомъ въ орду Димитрій Ивановичъ написалъ духовное завѣщаніе (С. г. г. и д. I, № 30) — такъ не прочна была милость ханская. — Деньги, уплаченныя въ ордѣ Димитріемъ за Ивана, вѣроятно, задолжалъ Михаилъ Александровичъ, добиваясь въ ордѣ великокняжескаго стола. — Къ тому же 1371 г. относится договоръ Димитрія Ивановича съ Владиміромъ Андреевичемъ (С. г. г. и д. I, № 29). Самое выдающееся въ этой граматѣ — условіе относительно городовъ Галича и Дмитрова. Такъ какъ грамота отъ ветхости во многихъ мѣстахъ истлѣла, то выясненіе и толкованіе содержанія ея можетъ быть спорнымъ. Думаютъ, что Димитрій Ивановичъ этимъ договоромъ хотѣлъ укрѣпить за собой Дмитровъ и Галичъ. Намъ кажется, напротивъ, что Димитрій Ивановичъ отдавалъ эти города Владиміру Андреевичу. Но объ этомъ мы будемъ еще говорить въ отдѣлѣ о князьяхъ галицкихъ, во II-мъ томѣ.

254) Никон. IV, 31.

255) П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 231; VII, 243; VIII, 18—19; Ник. IV, 31—32. Татищевъ (IV, 223) говоритъ, что причиной войны была Лопасня: Олегъ, будьто бы, просилъ у Димитрія Лопасню въ вознагражденіе за то, что его рать ходила на помощь Москвѣ при второмъ нашествіи Ольгерда; а Димитрій, будьто бы, отказалъ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что рязанцы постояли только на рубежѣ, а не боронили Москвы. Хотя это и похоже на дѣло, но надобно замѣтить, что и Владиміръ Андреевичъ не шелъ къ Москвѣ на Ольгерда. См. соотвѣтственное мѣсто подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ, во II-мъ томѣ.

Между тѣмъ какъ Москва расправлялась съ Рязанью, Михаилъ началъ дѣйствовать по отношенію къ Москвѣ вызывающимъ образомъ: онъ заключилъ союзъ съ литовскимъ княземъ и перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Въ **1372 г.** Димитрій Еремѣевичъ съ воеводами Михаила ходилъ къ Кистмѣ, захватилъ тамошнихъ воеводъ и привелъ ихъ въ Тверь. Но не всѣ тверскіе князья были на сторонѣ Михаила: кашинскій князь, Михаилъ Васильевичъ, какъ и его предшественники, былъ не въ ладахъ съ вел. кн. тверскимъ: онъ сложилъ, въ это время, крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и заключилъ союзъ съ Димитріемъ Ивановичемъ. Между тѣмъ Михаилъ Александровичъ самъ въ **1373 г.** (на Ѳоминой недѣлѣ) пошелъ къ Дмитрову, съ котораго взялъ окупъ; посады, волости и села пожегъ; захватилъ многихъ бояръ и простыхъ людей въ плѣнъ; наконецъ, онъ тайно подвелъ къ Переяславлю литовскую рать, съ которой были: Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ, Андрей Ольгердовичъ полоцкій и Димитрій друцкій. Съ литовской же ратью онъ пошелъ наказать и Кашинъ: Переяславль и Кашинъ постигла участь Дмитрова. Приведши кашинскаго князя въ свою волю, Михаилъ 31 мая взялъ Торжокъ, въ которомъ посадилъ своихъ намѣстниковъ, чѣмъ сильно раздражилъ новгородцевъ [256]).

Наконецъ и Ольгердъ рѣшился выступить противъ Москвы. Михаилъ пошелъ на соединеніе съ нимъ. Но теперь московскаго князя уже нельзя было застать въ-расплохъ: онъ самъ выступилъ противъ соединенныхъ князей съ многочисленной ратью и, встрѣтившись съ ними, около половины іюля, при Любутскѣ, разбилъ на голову сторожевой полкъ и привелъ въ смятеніе самого Ольгерда, который бѣжалъ за крутой оврагъ, такъ что московскому князю уже не удобно было продолжать наступленіе. Враги простояли другъ противъ друга нѣсколько дней и, наконецъ, примирились или, лучше сказать, заключили перемиріе отъ конца іюля почти до конца октября, и разошлись. Въ перемирной грамотѣ замѣчательно, между прочимъ, то, что договорныя статьи, которыя долженъ, по требованію московскаго князя, выполнять Михаилъ, принимаются для послѣдняго Ольгердомъ. Въ договорѣ съ одной стороны участвуютъ: Михаилъ тверскій, Димитрій брянскій и тѣ князья, которые будутъ «въ имени его», т. е. Ольгерда, а также и Святославъ смоленскій; на сторонѣ московскаго князя значатся рязанскіе князья: Олегъ, Романъ и Владиміръ. Михаилъ, по этому договору, долженъ возвратить все, что онъ награбилъ въ Великомъ Кня-

---

256) Ibid. I, 231—232; IV, 67; VIII, 19; XV, 430—433; Ник. IV, 33. О дѣлахъ новгородско-тверскихъ см. подъ Михаиломъ Александровичемъ тверскимъ, во II-мъ томѣ.

женіи Московскомъ на первомъ, второмъ и третьемъ перемиріи; намѣстниковъ или волостелей, оставленныхъ имъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Московскаго Княженія — вывести; если во время перемирія Михаилъ будетъ грабить въ Великомъ Княженіи Московскомъ, то Димитрій Ивановичъ самъ будетъ съ нимъ вѣдаться, а Ольгердъ не вступается. Что касается людей, которые пошли въ орду жаловаться на Михаила, то будетъ такъ, какъ угодно Богу и царю, т. е. хану[257]). Но миръ между московскимъ и тверскимъ княземъ еще не былъ закрѣпленъ нѣкоторое время. Этому препятствовало, можетъ быть, то обстоятельство, что Димитрій Ивановичъ долженъ былъ все лѣто **1373** года простоять на Окѣ, чтобы не допускать въ свою отчину Мамаевыхъ татаръ, пустошившихъ тогда Рязань. Наконецъ, въ исходѣ 1373 года тверскій князь заключилъ миръ съ великимъ княземъ московскимъ: послѣдній отпустилъ изъ Москвы Ивана Михайловича (конечно, за сумму, какую заплатилъ за него Димитрій въ ордѣ. См. выше), а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей Великаго Княжества Владиміро-Московскаго[258]).

Съ **1374** года обстоятельства для великаго князя московскаго начинаютъ складываться какъ будьто неблагопріятно: въ лѣтописи замѣчено, что у князя Димитрія было размирье съ Мамаемъ, который почему-то гнѣвался на вел. кн. московскаго. Можетъ быть, причиной гнѣва Мамаева было избіеніе, въ Нижнемъ-Новгородѣ, отряда татаръ, во главѣ которыхъ стоялъ посолъ Сарайко, убитый сыномъ Константина нижегородскаго, Васильемъ Кирдяпой. Но татары не остались въ долгу у Нижняго-Новгорода: въ **1375 г.** они опустошили берега Киши и Пьяны, — впрочемъ, только этимъ и ограничились: энергичнѣе Мамай не могъ дѣйствовать потому, вѣроятно, что въ ордѣ тогда былъ сильный моръ[259]).

---

257) Ibid. I, 232 (подъ 1373 г.); IV, 69; V, 233; VIII, 20 (подъ 1373 г.); XV, 433; Ник. IV, 36; С. г. г. и д. I, № 31. — Любутскъ — нынѣ село Калужскаго уѣзда (см. «Геогр.-стат. слов. Росс. Имперіи», III, 123). Столкновеніе подъ Любутскомъ лѣтописи относятъ къ 1372 году. Но если, по тѣмъ же лѣтописямъ, взять въ разсчетъ мѣсяцы, упоминаемые подъ 6879, 6880 и 6881 годами, то выйдетъ не 1372, а 1373 годъ. — Перемиріе заключено отъ «Спожина заговѣнья» (Госпожина, т. е. Пр. Богородицы), т. е. отъ кануна Успенскаго поста (31 іюля) до Дмитріева дня (Димитрій Селунскій — 26 октября), а потому въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, какъ, напр., въ Новгор. четвертой, ошибочно выставляется здѣсь мѣсяцъ іюнь. — Упоминаемый въ договорѣ кн. Романъ, по справедливому замѣчанію Д. И. Иловайскаго («Ист. Ряз. княж.», прим. 160), не есть рязанскій, какъ онъ названъ въ договорѣ, а новосильскій. Думаемъ, что онъ названъ рязанскимъ потому, что если не совсѣмъ, то до нѣкоторой степени былъ подручнымъ Олегу. Но почему и онъ названъ великимъ, объяснить трудно.

258) Ibid.

259) Ibid. VIII, 22; Ник. IV, 40—41; Татищ. IV, 231. Въ Никон. лѣт., вѣроятно, по ошибкѣ переписчика, вмѣсто *Кишъ* поставлено *Кашинъ*, откуда Н. И. Костомаровъ, въ своей

Между тѣмъ въ Твери опять начинается раздоръ между Василіемъ Михайловичемъ кашинскимъ и вел. кн. Михаиломъ Александровичемъ: Василій Михайловичъ сложилъ крестное цѣлованіе къ князю тверскому и ушелъ въ Москву, а отсюда — въ орду. Въ то же время, т. е. въ томъ же **1374** году, въ Москвѣ умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ. Сынъ его Иванъ, кажется, разсчитывалъ занять мѣсто отца, — но великій князь не хотѣлъ никого назначать на мѣсто умершаго, т. е. не хотѣлъ, какъ видно, самаго существованія этого чина въ Москвѣ. Тогда Иванъ Вельяминовъ и какой-то Некоматъ сурожанинъ (купецъ, торгующій южными товарами), вѣроятно, также чѣмъ-нибудь недовольные, бѣжали въ Тверь и настроили Михаила противъ великаго князя московскаго. Бѣглецы вскорѣ отправились въ орду хлопотать за Михаила, а самъ Михаилъ пошелъ въ Литву, гдѣ ему обѣщали помощь. Это было въ самомъ концѣ зимы, а въ іюлѣ слѣдующаго уже **1375** года Некоматъ, въ сопровожденіи посла Ачихожи, явился къ Михаилу съ ярлыкомъ на великокняжескій столъ. Въ тотъ же день Михаилъ послалъ въ Москву — сложить крестное цѣлованіе къ Димитрію Ивановичу, и отправилъ въ Торжокъ своихъ намѣстниковъ, а въ Угличъ — рать [260]).

Димитрій Ивановичъ, выступая въ походъ противъ Твери, повсюду разослалъ грамоты, которыми созывалъ князей подъ свои стяги въ Волокъ-Ламскій; сюда явились съ своими дружинами: тесть его Димитрій Константиновичъ и сынъ послѣдняго Семенъ, Владиміръ Андреевичъ серпуховскій, Борисъ Константиновичъ городецкій, Андрей Өедоровичъ ростовскій, Василій и братъ его Александръ Константиновичи ростовскіе, Иванъ Васильевичъ смоленскій, Василій Васильевичъ и Романъ Васильевичъ ярославскіе, Өедоръ Романовичъ бѣлозерскій, Василій Михайловичъ кашинскій, Андрей Өедоровичъ стародубскій, Романъ Михайловичъ брянскій, Романъ Семеновичъ новосильскій, Семенъ Константиновичъ оболенскій, братъ его Иванъ тарусскій и др.; пристали и новоторжцы. 29 іюля соединенные князья вы-

---

статьѣ «Церковно-историческая критика» («Вѣстн. Европы», 1870 г. № 4), дѣлаетъ серьезныя заключенія: онъ говоритъ, что тверской князь послалъ въ орду московскихъ перебѣжчиковъ (Вельяминова и Некомата) поднять татаръ на враждебный ему Кашинъ. Но татары опустошали берега Каши (а не Кашинъ), впадающей въ р. Суру, прежде отхода въ орду московскихъ бѣглецовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить мѣста разныхъ лѣтописей, относящіяся къ одному и тому же предмету.

260) Ibid. IV, 69—70; V, 233; VIII, 22; XV, 434; Ник. IV, 40—42. Что такое *сурожанинъ*, до нѣкоторой степени объясняетъ одно мѣсто Никон. лѣтописи (IV, 101): «Поятъ же тогда князь великій (Димитрій Ивановичъ, когда шелъ на Мамая) съ собою десеть мужей сурожанъ гостей виденія ради, аще что Богъ случитъ, имутъ повѣдати в далныхъ землях, яко сходницы суть с земли на землю, и знаеми всѣми і во ордахъ и въ Фрязехъ» и пр.

ступили изъ Волока и по пути къ Твери все предавали опустошенію; 1 августа они взяли Микулинъ, а 5-го были уже подъ Тверью. Отсюда Димитрій Ивановичъ послалъ за новгородцами, которые вооружились въ три дня, «своего князя честь изводяще, паче же свою отмщающе обиду, бывшую у Торжьку» (въ 1372 г.); они, по замѣчанію лѣтописца, «скрежетаху зубы на Тверичь». Августа 8 князья сдѣлали приступъ къ Твери, который былъ отбитъ. Мѣсяцъ простояли князья подъ городомъ и въ это время «учиниша всѣ волости тверскія пусты»; города: Зубцовъ, Бѣлгородъ, Градокъ и многіе другіе были взяты; множество людей побито, а скотъ и имущество ихъ побѣдители забирали съ собой. Напрасно Михаилъ ожидалъ помощи изъ орды и Литвы. Впрочемъ, литовская рать подходила къ мѣсту военныхъ дѣйствій, но, узнавши, что около Твери находится самъ Димитрій Ивановичъ съ громадными силами, бѣжала назадъ. Михаилъ, «видя свое изнеможеніе, понеже вся Русская земля воста на него», долженъ былъ покориться в. кн. московскому: онъ выслалъ къ послѣднему владыку Евѳимія и старѣйшихъ бояръ «съ челобитьемъ прося мира и во всю волю даяся». Димитрій Ивановичъ принялъ предложеніе, и тверскій князь заключилъ мирные договоры какъ съ в. кн. московскимъ, такъ и съ Новгородомъ. 3 сентября московское войско отступило отъ Твери. Въ силу помянутаго договора, *великій* князь тверскій считается младшимъ братомъ Димитрія наравнѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ; когда московскій князь или братъ его, Владиміръ Андреевичъ, выступитъ въ походъ, и тверскій князь садится на коня, — а если посланы будутъ воеводы, то и тверскій князь посылаетъ воеводъ. Кромѣ того, Михаилъ обязался за себя, за дѣтей своихъ и племянниковъ не искать ни Москвы, ни Великаго Княженія, ни Новгорода; не принимать Великаго Княженія, если бы даже сами татары стали его предлагать ему. Но и Димитрій, съ своей стороны, обязывается не принимать отъ татаръ Твери. Далѣе, Михаилъ обязался не вступаться въ Кашинъ, который, такимъ образомъ, становился самостоятельнымъ, что не могло не ослаблять тверскаго князя; выходомъ Кашинъ не тянетъ къ Твери; забранныхъ кашинскихъ бояръ или слугъ и людей Михаилъ обязывается отпустить; если Михаилъ будетъ обижать Кашинъ, то московскій князь будетъ боронить его. Относительно татаръ постановлено: «съ татары оже будетъ намъ миръ — по думѣ, а будетъ намъ дати миръ — по думѣ же; а пойдутъ на насъ татарове или на тобе, битися намъ и тобе съ одиного всѣмъ противу ихъ»; равнымъ образомъ если одинъ изъ договаривающихся пойдетъ противъ татаръ, другой долженъ помогать ему. Михаилъ обязался отказаться и отъ союза съ Ольгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, даже воевать съ нимъ въ случаѣ нападенія Литвы

на кн. московскаго или смоленскаго. Далѣе выставлены слѣдующія обязательства съ обѣихъ сторонъ: забранные Михаиломъ люди великаго князя московскаго должны быть, по прежнему цѣлованью, отпущены, а порука съ поручителей за нихъ должна быть снята; все пограбленное у бояръ, людей и слугъ великаго князя, на цѣлованьи ли или на размирьи, какъ и самыхъ владѣльцевъ пограбленнаго, если они взяты Михаиломъ, послѣдній долженъ отдать «по Семени дни за недѣлю» (Симеонъ столпникъ — 1-го сентября); всему, что Михаилъ взялъ «войной» у великаго князя въ продолженіе мѣсяца со времени прихода московскихъ войскъ къ Твери (5-го августа), «тому всему... погребъ», какъ «погребъ», т. е. забвеніе, и всему тому, что московскій князь взялъ или отвоевалъ у тверскаго со времени сложенія Михаиломъ цѣлованія къ Димитрію; между Новгородомъ и Тверью устанавливаются тѣ же границы, какія были при Иванѣ Калитѣ и его сыновьяхъ; въ помянутыхъ городахъ, а также и новгородскихъ пригородахъ, Михаилъ обязуется не держать закладней и не давать грамотъ; земли и воды тѣхъ новгородскихъ бояръ и слугъ, которые будутъ служить Михаилу, вѣдаетъ Новгородъ; все взятое въ Торжкѣ, какъ-то: колокола, книги и другое церковное имущество, а также все пограбленное тверичами по волостямъ, Михаилъ долженъ возвратить; кто изъ новоторжцевъ, по взятіи Михаиломъ Торжка, продался ему въ дерноватые холопы, тѣхъ тверскій князь долженъ отпустить, а грамоты дерноватыя уничтожить, причемъ новгородцы и новоторжцы, приведенные имъ къ цѣлованію, складываютъ это послѣднее; гостямъ и торговцамъ Новгорода, Торжка и пригородовъ тверскій князь долженъ «дати путь чистъ безъ рубежа» чрезъ Тверь и тверскія волости и не назначать новыхъ мытовъ и пошлинъ. Наконецъ, по этому договору бояре и слуги вольные могутъ свободно отъѣзжать отъ одного князя къ другому, удерживая за собою села въ покинутыхъ ими волостяхъ. Это послѣднее право не распространяется только на Ивана Васильевича Вельяминова, сына послѣдняго московскаго тысяцкаго, и Некомата, села которыхъ московскій князь оставилъ за собой. Относительно тверичей, служащихъ въ Московской землѣ, и москвичей — въ Тверской землѣ, положено брать на нихъ дань, какъ и на своихъ, — но съ полныхъ холоповъ дани не брать. Замѣчательно, что по спорнымъ дѣламъ между обоими князьями, въ случаѣ, если бояре того и другаго, съѣхавшись на рубежъ, не придутъ къ мирному рѣшенію спорнаго дѣла, послѣднее отдается «на третій на князя на великаго на Олга», т. е. на третейскій судъ великаго князя рязанскаго [261]).

261) Ibid. I, 232; III, 90, 231 (подъ 1376 годомъ); IV, 70—71; V, 233—235; VIII, 22—23; XV, 434—435; Ник. IV, 43; Татищ. IV, 234; С. г. г. и д. I, №№ 16, 17 и 28. Издатели отно-

Нѣкоторые изъ князей, помогавшихъ въ тверской войнѣ Димитрію Ивановичу, подверглись нападенію прежнихъ союзниковъ Михаила: такъ, въ томъ же году Ольгердъ опустошилъ Смоленскую волость, а татары попустошили волости Нижегородскую и Новосильскую; и Ольгердъ и татары говорили князьямъ этихъ волостей, зачѣмъ они ходили ратью на тверскаго князя[262])? Московскій князь, въ свою очередь, посылалъ въ **1376 г.** Владиміра Андреевича къ Ржеву, подъ которымъ тотъ простоялъ три дня, города не взялъ и только сжегъ посадъ[263]). Въ лѣтописи есть указаніе и на то, что Димитрій ожидалъ, въ томъ же 1376 г., нападенія со стороны татаръ, почему, «стерегаяся рати татарскія отъ Мамая», ходилъ за Оку[264]). Въ то же время, — не видно только изъ лѣтописей, почему, — Димитрій Ивановичъ послалъ на болгаръ рать подъ начальствомъ кн. Димитрія Михайловича Волынскаго, а тесть его, Димитрій Константиновичъ, послалъ съ своей ратью двухъ сыновей, Василія и Ивана, и бояръ. Русскія рати пришли къ г. Болгарамъ 16 марта (слѣд. уже въ 1377 году). Восточныя военныя хитрости — пусканіе стрѣлъ не по людямъ, а по конямъ, произведеніе со стѣнъ какого-то грома, выставка противъ конницы верблюдовъ для приведенія коней въ смятеніе — не помогли: послѣ боя болгары, преслѣдуемые русскими, бѣжали въ городъ. Болгарскіе князья, наконецъ, добили челомъ великому князю и тестю его двумя тысячами рублей, а ихъ ратямъ — тремя тысячами; кромѣ того русскіе посадили въ Болгарахъ дорогу и таможниковъ великаго князя[265]).

Въ томъ же **1377** году въ Москвѣ было получено извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода отъ Димитрія Константиновича, что за Волгу перебѣжалъ изъ Синей Орды царевичъ Арапша съ намѣреніемъ напасть на Нижній-Новгородъ. Димитрій Ивановичъ пришелъ на помощь къ своему тестю съ ратями: владимірской, переяславской, юрьевской, муромской и ярославской;

сятъ грамату № 28 къ 1368 г. не вѣрно: заключающіяся въ ней указанія на такіе факты, какъ приходъ Димитрія Ивановича къ Твери, и на такія лица, какъ Иванъ Вельяминовъ и Некоматъ, точнѣе опредѣляютъ время, когда и вслѣдствіе чего состоялся этотъ договоръ.

262) Ник. IV, 45—46; Татищ. IV, 237.

263) П. С. Р. Л. I, 232; Ник. IV, 47; Татищ. IV, 238.

264) Ник. IV, 46; Татищ. IV, 237.

265) П. С. Р. Л. VIII, 24—25; Ник. IV, 47—48: «на Болгары, рекше на Казань»; Ник. говоритъ также, что казанскіе князья дали Димитрію Ивановичу 1000 рублей, Димитрію Константиновичу — тоже 1000, а ратямъ — 3000 рублей, и что русскіе князья посадили въ Болгарахъ *дорогу* и *таможниковъ* — сборщиковъ податей. О монгольскихъ чиновникахъ на Руси, какъ *дорога*, *таможникъ* и пр., см. статью И. Д. Бѣляева въ первой книгѣ «Архива историко-юридич. свѣдѣній», изд. Н. Калачевымъ, и Березина объ устройствѣ Улуса Джучіева въ «Трудахъ вост. отд. Археол. Общ.», кн. VIII; ст. Березина была напечатана и въ «Ж. М. Н. Пр.»

но такъ какъ вѣстей объ Арапшѣ болѣе никакихъ не приходило, то онъ, оставивъ рати въ Нижнемъ-Новгородѣ, самъ вернулся въ Москву. Тѣмъ не менѣе соединенныя рати двинулись за р. Пьяну и здѣсь получили извѣстіе, что Арапша далеко, на Волчьихъ водахъ около Донца, а потому вели себя весьма неосторожно: поскидали (былъ конецъ іюля и погода стояла жаркая) доспѣхи и ходили въ простомъ платьѣ; оружіе — сулицы, рогатины, копья — было въ безпорядкѣ; кромѣ того, при случаѣ, напивались допьяна и хвастались тѣмъ, что каждый изъ нихъ одинъ можетъ стоять противъ сотни татаръ. Не лучше простыхъ ратниковъ вели себя и бояре и воеводы. Между тѣмъ мордовскіе князья тайно подвели Арапшу, который 2 августа со всѣхъ сторонъ ударилъ на русскихъ: произошелъ страшный переполохъ между послѣдними; они въ ужасѣ побѣжали къ р. Пьянѣ; множество было изрублено татарами, многіе потонули въ рѣкѣ и, между прочимъ, кн. Иванъ Димитріевичъ нижегородскій со множествомъ бояръ и слугъ. Послѣ того Нижній-Новгородъ былъ сожженъ. Теперь и Мордва подняла голову: по уходѣ Арапши она начала пустошить нижегородскія окрестности (въ началѣ августа). Борисъ Константиновичъ нагналъ этихъ хищниковъ и частію истребилъ оружіемъ, частію потопилъ въ рѣкѣ. Независимо отъ этого, князья московскій и нижегородскій, бѣжавшій изъ Нижняго въ Суздаль, послали въ Мордовскую землю сильное войско, которое «сотворило ее пусту»; плѣнныхъ въ Нижнемъ-Новгородѣ казнили и травили на льду Волги собаками [266]).

Въ Литвѣ, между тѣмъ, происходили смуты: въ **1377** году умеръ Ольгердъ, и великокняжескій столъ занялъ сынъ его, Ягайло, помимо старшаго брата, Андрея полоцкаго (отъ перваго брака). Послѣдній хотѣлъ поддержать права свои вооруженной рукой, но, не нашедши себѣ нигдѣ помощи, лишился своей волости, бѣжалъ, въ **1378 г.**, въ Псковъ, а оттуда — въ Москву къ Димитрію Ивановичу, который принялъ его «съ любовью» [267]).

Обезпеченный съ запада, со стороны Литвы, гдѣ спорили за Вильну дядя и племянникъ — Кейстутъ и Ягайло — и приводили въ свою землю нѣмцевъ, Димитрій Ивановичъ долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ, откуда начинаютъ угрожать татары. Въ 1378 г. они подступили къ Нижнему-Новгороду и, не взявши съ тамошняго князя окупа, который этотъ послѣдній предлагалъ имъ, сожгли городъ. Отсюда Мамай послалъ на мо-

---

266) П. С. Р. Л. III, 91; IV, 71; V, 236; VIII, 25—26; Ник. IV, 47—48, 51—55 Въ Новгор. четвертой, какъ и въ первой, дѣло на р. Пьянѣ отмѣчено подъ 1378 годомъ. — Въ томъ же 1377 году митр. Алексій, передъ своей кончиной, призывалъ къ себѣ Димитрія Ивановича и «далъ ему миръ и благословеніе».

267) Ibid. III, 91; V, 237; VIII, 33; Ник. IV, 82.

сковскаго князя войско подъ начальствомъ ордынскаго мурзы Бегича; Димитрій вышелъ за Оку, въ Рязанскую землю, и здѣсь, на берегахъ р. Вожи, встрѣтился съ татарами. 11 августа татары, переправившись черезъ рѣку, бросились на русскіе полки, но увидѣвъ, что они стоятъ крѣпко, Бегичъ приказалъ татарамъ ѣхать тише и пускать въ непріятеля стрѣлы. Русскіе, съ одной стороны — кн. Даніилъ пронскій, съ другой — окольничій великаго князя Тимоѳей, а самъ великій князь — съ фронта, дружно ударили на татаръ и погнали ихъ къ рѣкѣ: многіе изъ послѣднихъ были изрублены, а многіе потонули въ рѣкѣ; въ числѣ убитыхъ много было знатныхъ мурзъ. Ночь не позволила преслѣдовать оторопѣвшихъ татаръ; на слѣдующій день утромъ также мѣшалъ преслѣдовать ихъ густой туманъ, и только около полудня великій князь пустился въ погоню. Татаръ русскіе не могли нагнать, но въ полѣ нашли брошенными ихъ вежи, шатры, телѣги и т. п. и множество разнаго товару. Эта битва важна тѣмъ, что она была первой удачной для русскихъ битвой съ татарами. Месть Мамая за Вожскую битву ограничилась пока только набѣгомъ татаръ въ **1379** году на Рязанскую землю, но за Оку они не переступали [268]).

Мы уже упоминали, что по смерти Ольгерда (1377 г.) въ Литвѣ начались смуты. Димитрій Ивановичъ воспользовался ими и въ **1379 г.** послалъ кн. Владиміра Андреевича, Андрея Ольгердовича и Димитрія Михайловича Волынскаго воевать Литовскую землю: князья взяли Трубчевскъ и Стародубъ; трубчевскій князь Димитрій Ольгердовичъ, братъ Андрея, добровольно пошелъ съ женой, дѣтьми и боярами въ Москву, урядился съ великимъ княземъ и крѣпость взялъ, т. е. присягнулъ на службу великому князю московскому, который принялъ его съ честію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами [269]).

---

268) Ibid. I, 232; VIII, 32—33; XV, 439; по III, 91,—IV, 74—75, и по V, 237—въ 1379 году. Ник. IV, 80—81 говоритъ, что на одномъ крылѣ стоялъ Даніилъ пронскій, а на другомъ — Андрей Ольгердовичъ полоцкій. . Очень можетъ быть, что Андрей полоцкій вообще участвовалъ въ этой битвѣ. Далѣе, та же лѣтопись передаетъ, что тогда же поймали пришедшаго изъ орды попа тысяцкаго Ивана Васильевича съ мѣшкомъ зелья; допрашивали, пытали этого попа и, наконецъ, сослали его на озеро Лаче, гдѣ былъ — поясняетъ лѣтопись — Даніилъ Заточникъ. Вслѣдъ за тѣмъ въ Серпуховѣ пойманъ былъ, пришедшій также изъ орды, самъ Иванъ Васильевичъ, который сложилъ голову, при большомъ стеченіи народа, на Кучковомъ полѣ — первая публичная казнь на Руси. Что касается Некомата, то онъ казненъ въ 1383 году. См. Ник. IV, 144 (названъ Коматомъ, княземъ литовск.); Воскр. (т. VIII) 49. — Небольшая рѣчка Вожа, принимающая въ себя еще меньшую рѣчку Мечу, течетъ въ Рязанскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Оку въ 20 верстахъ выше Рязани.

269) Ibid. IV, 75; V, 238; VIII, 34; Ник. IV, 84. Кажется, въ это самое время вышла размолвка между Димитріемъ Ивановичемъ и Новгородомъ, но не извѣстно, по какой причинѣ. Въ лѣтописяхъ есть извѣстіе, что въ 1380 году весь Новгородъ билъ челомъ владыкѣ своему Алексію, чтобы онъ поѣхалъ посломъ къ великому князю; владыка съ посадни-

Наступилъ достопамятный въ исторіи Руси **1380** годъ. Мамай, конечно, не могъ простить Димитрію пораженія татаръ на берегахъ Вожи тѣмъ болѣе, что онъ теперь уже самъ былъ полновластнымъ ханомъ: онъ готовился къ походу на Московскую землю. Есть извѣстіе, что по совѣту приближенныхъ Мамай нанималъ для этого похода генуезцевъ, черкесовъ и ясовъ. Съ своими полчищами онъ перешелъ на правую сторону Волги, къ устью р. Воронежа. Съ ханомъ вступилъ въ союзъ и литовскій князь Ягайло, землю котораго недавно пустошили московскія рати. Димитрій Ивановичъ узналъ о враждебныхъ замыслахъ Мамая въ августѣ и сталъ готовиться къ встрѣчѣ непріятеля: послалъ за подручными князьями — ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ; но о новгородцахъ, нижегородцахъ и смольнянахъ мы не находимъ извѣстій, чтобы они принимали участіе въ походѣ Димитрія; участіе въ походѣ Ивана Всеволодовича холмскаго (изъ тверскихъ) — сомнительно; что же касается Олега рязанскаго, то онъ находился, такъ сказать, между двухъ огней: ему приходилось, для охраненія своей земли отъ опустошенія, при неизвѣстности, на которой сторонѣ будетъ верхъ, хитрить, — и вотъ, онъ входитъ въ тайныя сношенія съ Мамаемъ и его союзникомъ, Ягайломъ. Олегъ и Ягайло — есть извѣстія — думали подѣлить между собою Московскую землю, когда Димитрій бѣжитъ изъ нея отъ соединенныхъ татарско-литовскихъ и рязанскихъ силъ въ Новгородъ или на Двину. Но въ то же время рязанскій князь старается показаться передъ Димитріемъ доброжелателемъ его: онъ извѣщаетъ московскаго князя о приготовленіяхъ противъ него Мамая. — Подкрѣпивши себя молитвой въ Успенскомъ соборѣ, Димитрій послалъ къ Владиміру Андреевичу, ростовскимъ, ярославскимъ и бѣлозерскимъ князьямъ и воеводамъ сказать, чтобы они шли съ полками своими на соединеніе съ нимъ. Сборнымъ пунктомъ назначена Коломна на 15 августа. Побывавши въ Троицкомъ монастырѣ, гдѣ св. Сергій благословилъ его на брань съ невѣрными, предрекая побѣду, и отпустилъ съ нимъ двухъ иноковъ, Пересвѣта и Ослябя, искусныхъ въ ратномъ дѣлѣ, Димитрій отправился въ Коломну, оставивъ въ Москвѣ, при своемъ семействѣ, воеводу Өедора Андреевича. Въ Коломнѣ собрались полки: коломенскій, владимірскій, костромской и переяславскій; тутъ же были и братья Ольгердовичи, Андрей и Димитрій. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что около Димитрія Ивановича собралось тысячъ полтораста или двѣсти войска, что такой силы никогда не бывало на Руси. Мамай, можетъ быть, потому, что видѣлъ дѣятельныя приготовленія

ками и боярами отправился въ Москву, гдѣ съ любовію принятъ былъ великимъ княземъ, который цѣловалъ къ Новгороду крестъ на всей новгородской старинѣ и на старыхъ грамотахъ. П. С. Р. Л. III, 91; IV, 75; V, 238.

Димитрія къ войнѣ, попытался сначала войдти въ сношенія съ послѣднимъ: онъ прислалъ пословъ къ московскому князю въ Коломну просить такого выхода, какой великіе князья платили при Узбекѣ; но Димитрій предлагалъ выходъ «по своему доконча́нью», т. е. по прежнему его условію съ Мамаемъ, на что послѣдній, «высоко мысляше», не согласился. Здѣсь же, на Коломнѣ, Димитрій Ивановичъ узналъ и объ измѣнѣ Олега рязанскаго.— Получивъ благословеніе отъ коломенскаго епископа Герасима, Димитрій Ивановичъ 20 августа выступилъ изъ города; онъ остановился на берегу Оки, при устьѣ Лопастны; здѣсь присоединился къ нему Владиміръ Андреевичъ съ войскомъ, остававшимся въ Москвѣ, а также московскій воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ съ остальными полками. Въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1-го сентября), Димитрій приказалъ полкамъ переправляться на другую сторону Оки, причемъ было внушено воинамъ, чтобы, идучи по Рязанской землѣ, они никого и ничего не трогали, ни у кого ничего не брали. На слѣдующій день за Оку переправился и самъ великій князь. 6-го сентября русскіе полки пришли къ Дону, гдѣ получена была отъ св. Сергія грамота, ободрявшая и благословлявшая великаго князя на бой съ татарами. Послѣ совѣщаній о томъ, переправляться или нѣтъ за Донъ, Димитрій приказалъ строить мосты чрезъ рѣку и искать бродовъ, а въ самый день Рождества Богородицы, съ восходомъ солнца, началъ переправлять черезъ Донъ полки, которые строились при устьѣ рѣки Непрядвы. Сентября 8 около полудня начали показываться татары. Вскорѣ потомъ началось такое побоище, какого, по замѣчанію лѣтописца, еще никогда не бывало на Руси. Полки, бывшіе въ засадѣ съ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ и Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, рѣшили битву: Мамай бѣжалъ, русскіе преслѣдовали татаръ до р. Мечи и забрали весь станъ ихъ. Ягайло, находившійся у г. Одоева только въ днѣ пути отъ мѣста битвы, также бѣжалъ, узнавъ о пораженіи Мамая. Возвратившись изъ погони, Владиміръ Андреевичъ «сталъ на костяхъ» и приказалъ трубить; всѣ собрались, — не было только великаго князя. Стали искать его и нашли подъ вѣтвями срубленнаго дерева; Владиміръ Андреевичъ объявилъ ему о побѣдѣ надъ татарами. Димитрій едва пришелъ въ себя: хотя на тѣлѣ его и не было ранъ, но панцырь его былъ весь измятъ отъ непріятельскихъ ударовъ. — Съ Куликова поля войска возвращались также чрезъ Рязанскую землю и съ тѣми же предосторожностями, какъ и тогда, когда шли къ Дону. Но на этотъ разъ дѣло обошлось не совсѣмъ благополучно: Олегъ, приказавъ препятствовать свободному движенію побѣдителей Мамая, самъ бѣжалъ въ Литву; между москвичами и рязанцами неизбѣжно происходили столкновенія. Димитрій хотѣлъ нака-

зать дерзость рязанцевъ и рать его уже готова была къ походу на Рязань; но явились рязанскіе бояре и били ему челомъ о мирѣ. Димитрій Ивановичъ далъ Рязани миръ, но посадилъ въ ней своихъ намѣстниковъ. Вскорѣ послѣ этого явился изъ Литвы Олегъ, и князья заключили между собою договоръ, по которому они обязывались жить въ братствѣ, желать другъ другу добра, извѣщать одинъ другаго о всемъ, что ни услышатъ о своемъ добрѣ или лихѣ отъ христіанина или отъ поганина, владѣть своими удѣлами и не вступаться одному въ удѣлъ другаго; дѣйствовать всегда заодно; не заключать, безъ обоюднаго согласія, ни съ кѣмъ мира, а паче съ Литвой и татарами; помогать другъ другу противъ общихъ враговъ и пр. Олегъ, по этому договору, считается младшимъ братомъ Донскаго. Кромѣ того, въ этомъ договорѣ точно опредѣляются границы Московской и Рязанской земель и перечисляются рязанскія мѣста, пріобрѣтенныя Москвой, вѣроятно, еще при Иванѣ Ивановичѣ, а теперь, по этому договору, окончательно утвержденныя за Димитріемъ. Олегъ, затѣмъ, уступилъ послѣднему три мѣста: Тальцы, Выползовъ и Такасовъ. Но и Олегу сдѣлана была уступка: ему возвращены были тѣ мѣста на рязанской сторонѣ, т. е. за Окой, которыя со времени Ивана Ивановича считались за Москвой, какъ Лопастна, Мстиславль, Жадене Городище, Жадемль и др. Тула осталась за Димитріемъ, но въ вѣдѣніи ханскихъ баскаковъ, какъ было при ханшѣ Тайдулѣ; куплю свою, Мещеру, Димитрій укрѣпилъ за собой; говорится также въ договорѣ о татарскихъ мѣстахъ, взятыхъ обоими князьми, изъ которыхъ каждый долженъ пользоваться своими пріобрѣтеніями. Между тѣмъ Мамай опять началъ собирать войска, чтобы идти на московскаго князя, но былъ остановленъ ханомъ Тохтамышемъ, пришедшимъ изъ-за р. Яика (Урала): враги встрѣтились на берегахъ р. Калки; разбитый Мамай бѣжалъ въ Каѳу, гдѣ былъ убитъ генуезцами [270]).

---

270) Ibid. I, 232—233; II, 227; III, 91—92, 231; IV, 75, 79—82, 193; V, 16, 238; VI, 90—97; VIII, 34, 38—41; Ник. IV, 98—122; С. г. г. и д. I, № 32; Сказ. русск. нар. Сахарова, IV, 66. Тверская лѣт., не сообщая никакихъ свѣдѣній о Куликовской битвѣ, говоритъ о «писаніи» Софонія-рязанца, брянскаго боярина, на похвалу великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу. Очевидно, у лѣтописца было подъ руками какое-нибудь отдѣльное сказаніе. Въ «Словѣ о в. кн. Димитріи Ивановичѣ» и пр. (иначе «Задонщина». Напечатано съ предисловіемъ Бѣляева во «Временн. Общ. Ист. и Др.» кн. XIV. М. 1852, а также Срезневскимъ въ «Извѣст. 2-го отд. Акад. Наукъ», т. VI, вып. V; наконецъ, архим. Варлаамомъ въ «Ученыхъ Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ», V) неизвѣстный авторъ ссылается прямо на этого Софонія, который, можетъ быть, послужилъ образцомъ для другихъ, почему до насъ и дошло сравнительно большое число редакцій Сказанія о Куликовской битвѣ. Объ этихъ сказаніяхъ см. ст. Хрущова въ «Труд. третьяго археол. съѣзда», II: «О памятникахъ, прославившихъ Куликовскую битву». — Новгородская вторая всѣ событія относитъ къ 1381 году. — Мѣсто засаднаго полка правдоподобно указываютъ на правомъ берегу

И такъ, въ ордѣ воцарился Тохтамышъ. Въ томъ же **1380 г.** онъ прислалъ къ в. кн. московскому и прочимъ русскимъ князьямъ пословъ съ извѣстіемъ о своей побѣдѣ надъ Мамаемъ и о своемъ воцареніи. Димитрій, въ концѣ октября, послалъ въ орду киличеевъ съ дарами къ новому хану, а въ слѣдующемъ **1381 г.** Тохтамышъ отправилъ въ Москву посла Акхозю (Анхозю, Ахкозю) съ 700 татаръ — звать великаго князя въ орду. Посолъ доѣхалъ до Нижняго-Новгорода, но въ Москву «не дерзну» ѣхать; онъ послалъ туда нѣсколько человѣкъ изъ своей свиты, но эти не осмѣлились идти въ столицу: должно быть Куликовская битва произвела сильное впечатлѣніе на татаръ, или настроеніе тогдашняго русскаго общества, подъ вліяніемъ побѣды, было таково, что татары не рѣшались своимъ появленіемъ раздражать его. Тохтамышъ рѣшился силой оружія смирить своего улусника, но, какъ увидимъ, и онъ не совсѣмъ храбро пошелъ противъ куликовскаго героя. Сначала ханъ приказалъ перебить и ограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, чтобы отъ нихъ не было вѣсти на Москву о его походѣ; суда этихъ гостей онъ приказалъ доставить съ товарами къ мѣсту его переправы черезъ Волгу; затѣмъ, переправившись черезъ рѣку, онъ изгономъ устремился къ Москвѣ, чтобы напасть на нее въ-расплохъ. Нижегородскій князь, на котораго прежде всего обрушилась бы сила татарская, если бы того захотѣлъ Тохтамышъ, поспѣшилъ предупредить послѣдняго изъявленіемъ покорности: онъ послалъ къ хану сыновей своихъ, Василія и Семена, которые, не нашедши его на предполагаемомъ ими мѣстѣ, нагнали его на украинѣ Рязанской земли. Олегъ рязанскій, естественно, также поддался страху: въ противность недавно заключенному съ Димитріемъ договору, онъ указываетъ хану броды на Окѣ, конечно, съ цѣлью обвести его такъ, чтобы Рязанская земля избавилась отъ татарскаго посѣщенія («хотяше добра не намъ, но своему княженію помогааше»). У московскаго князя на ордынской границѣ («на предѣлахъ ординскыхъ») были «побориицы суще земли Русской», и они-то дали знать въ Москву о наступленіи Тохтамыша. Димитрій Ивановичъ на-

---

рѣчки Смолки, впадающей въ Донъ. Здѣсь этотъ полкъ, въ случаѣ необходимости, могъ имѣть и другое назначеніе — прикрывать переправу черезъ Донъ (см. Афремова: «Куликово поле». М. 1849). Князь Голицынъ («Русск. военная исторія». Ч. 1. Спб. 1877) указываетъ мѣсто этого полка за правымъ русскимъ крыломъ у р. Непрядвы. Но едвали могъ такъ распорядиться Димитрій, потому что въ случаѣ отступленія нужно было ретироваться къ Дону, а не къ Непрядвѣ. — Въ память убитыхъ тогда же положено было поминовеніе ихъ, которое и до сихъ поръ совершается въ субботу (Дмитровская суббота), которая обыкновенно бываетъ между 18 и 26 октября. — Упоминаемое въ договорѣ Димитрія Ивановича Донскаго съ Олегомъ рязанскимъ Жадене Городище принимается издателями государственныхъ грамотъ и договоровъ въ однихъ изъ послѣднихъ за одно названіе, въ другихъ — за два отдѣльныхъ селенія.

чалъ собирать полки съ намѣреніемъ выступить противъ татаръ, но на совѣтѣ съ другими русскими князьями оказалось «неодиначество и неимовѣрство»: въ князьяхъ «обрѣтеся разность, не хотяху помогати». Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что причиной разногласія между князьями и нежеланія ихъ выступать противъ хана было оскудѣніе въ людяхъ послѣ Куликовской битвы: когда послѣ битвы стали считать воиновъ, то насчитали только 40,000, а на Куликово поле пришла не одна сотня тысячъ!... Вслѣдствіе «неодиначества и неимовѣрства» между князьями, Димитрій Ивановичъ ушелъ въ Переяславль, а отсюда, мимо Ростова, въ Кострому. Между тѣмъ въ Москвѣ поднялась страшная сумятица: одни хотѣли оставить городъ, другіе — затвориться въ немъ, и эти послѣдніе заняли всѣ городскія ворота и никого не выпускали изъ города, а если кого и выпускали, то не иначе, какъ сначала ограбивши. Не хотѣли-было выпустить даже митрополита и великую княгиню; послѣднюю даже «пріобидѣша». Во время этой сумятицы въ Москву явился литовскій князь Остей, названный въ лѣтописи внукомъ Ольгерда; онъ успокоилъ жителей, укрѣпилъ городъ и «сѣлъ въ осадѣ». Между тѣмъ Тохтамышъ, переправившись на лѣвый берегъ Оки, взялъ и сжегъ Коломну; 23-го августа **1382** года татары подошли къ Москвѣ и спрашивали, въ городѣ ли князь. Получивши отрицательный отвѣтъ, они объѣхали городъ и увидѣли, что вездѣ пусто и чисто, потому что сами жители все вокругъ Москвы пожгли, такъ какъ боялись примета къ городу. Осажденные, между тѣмъ, одни молились, другіе вытаскивали изъ боярскихъ погребовъ старые меды и, подъ вліяніемъ ихъ, похвалялись, что татары ничего имъ не сдѣлаютъ, что они постоятъ—постоятъ, да и уйдутъ и т. д. Подъ вліяніемъ крѣпкаго меду эти храбрецы выходили на городскія стѣны и всячески ругались надъ татарами, которые на ругань грозили имъ саблями. 24-го августа къ Москвѣ пришелъ самъ Тохтамышъ, и началась осада: отъ мѣткихъ татарскихъ стрѣлъ падали многіе не только изъ стоявшихъ на стѣнахъ, но и находившихся внутри города; татары пытались даже перелѣзть черезъ стѣну, но осажденные лили на нихъ горячую воду, бросали громадные камни, стрѣляли изъ самострѣловъ, тюфяковъ (ружей) и пушекъ и пр. Три дня бились татары, но не могли взять города приступомъ. Наконецъ, они употребили хитрость: на четвертый день осады знатнѣйшіе ордынскіе князья вмѣстѣ съ нижегородскими князьями подошли къ городскимъ стѣнамъ и говорили осажденнымъ, что ханъ пришелъ не на нихъ, а на Димитрія, что онъ желаетъ только, чтобы граждане съ княземъ Остеемъ вышли къ нему на встрѣчу съ небольшими дарами, что ему хочется только посмотрѣть городъ, что онъ дастъ гражданамъ миръ и любовь; при этомъ нижегородскіе князья клялись, что ханъ не сдѣлаетъ имъ зла. 26-го августа кн. Остей и граждане

съ дарами, предшествуемые духовенствомъ съ крестами и иконами, вышли къ Тохтамышу. Татары незамѣтно взяли сначала Остея къ себѣ въ станъ и тамъ убили его, а потомъ бросились на гражданъ и духовенство и начали избивать ихъ; далѣе, ворвались въ Кремль и начали предавать все огню и мечу; церкви, княжескую казну, пожитки гражданъ и товары пограбили; сдирали ризы съ иконъ; пожгли множество книгъ, отовсюду снесенныхъ въ Кремль въ виду нашествія Тохтамыша. Пожегши и пограбивъ Москву, Тохтамышъ распустилъ татаръ своихъ по всему княженію. Раздѣлившись на отряды, татары пошли по разнымъ направленіямъ: къ Владиміру, Звенигороду, Можайску, Волоку, Рузѣ, Дмитрову, Переяславлю, Юрьеву. Одинъ изъ такихъ отрядовъ едва не перехватилъ около Переяславля в. кн. Евдокію, пробиравшуюся къ семейству своему, въ Кострому... Тверская земля нисколько не пострадала отъ татаръ; тверской князь получилъ даже ярлыкъ: очевидно, онъ успѣлъ умилостивить хана, пославъ къ нему киличея съ дарами; случайность спасла и Московскую землю отъ дальнѣйшаго татарскаго разоренія: одинъ изъ татарскихъ отрядовъ подошелъ къ Волоку, не зная, что тутъ стоялъ кн. Владиміръ Андреевичъ, который разбилъ этотъ отрядъ. Татары въ страхѣ разбѣжались; они передали Тохтамышу о случившемся, и это обстоятельство ускорило выходъ татаръ изъ Московской земли. На обратномъ пути татары взяли Коломну; здѣсь они переправились чрезъ Оку въ землю Рязанскую, которую также опустошили, не смотря на то, что Олегъ оказалъ имъ услуги при движеніи ихъ къ Москвѣ. По уходѣ татаръ Димитрій Ивановичъ и Владиміръ Андреевичъ возвратились въ разоренную Москву. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Димитрій горько плакалъ, увидѣвши страшное разореніе города и множество убитыхъ. Трупы послѣднихъ онъ приказалъ хоронить, причемъ за 80 похороненныхъ труповъ давалось платы по рублю; всего на этотъ предметъ израсходовано 300 рублей: такимъ образомъ, убитыхъ татарами, по разсчету, было 24,000, не считая утонувшихъ и сгорѣвшихъ. Далѣе, великій князь распорядился относительно возобновленія города; вызвалъ изъ Твери митрополита Кипріана, который вскорѣ потомъ уѣхалъ въ Кіевъ, такъ какъ великій князь гнѣвался на него за то, что онъ не сидѣлъ въ осадѣ. Въ томъ же **1382** году Димитрій Ивановичъ рѣшился наказать вѣроломнаго Олега рязанскаго за явное нарушеніе имъ договора: онъ послалъ рать въ Рязанскую землю; Олегъ бѣжалъ,— а московскіе полки землю его «пусту учиниша, пущи ему бысть и татарскія рати» [271]).

---

271) Ibid. I, 233; II, 227; III, 92, 133; IV, 83—85, 87—90; V, 238; VI, 97—103; VIII, 41—48; XV, 441—443; Ник. IV, 131—138. У Татищева (IV, 295) говорится, будьто Димитрій Ивановичъ, при нашествіи Тохтамыша, просилъ помощи у тверскаго князя.

Между тѣмъ для тверскаго князя обстоятельства складывались благопріятно: ханъ, какъ выше сказано, принялъ посла его благосклонно, не коснулся его земли и прислалъ ему ярлыкъ (подобно думать, судя по послѣдующей поѣздкѣ Михаила въ орду, это — ярлыкъ подтвердительный на Тверское княжество); Василій Михайловичъ Кашинскій умеръ бездѣтнымъ въ **1382 г.**, и удѣлъ его перешелъ въ семью Михаила Александровича, что значительно усиливало тверскаго князя; земля же Московская разорена была Тохтамышемъ и притомъ оскудѣла людьми послѣ Куликовской битвы. Всѣ эти обстоятельства могли подать поводъ Михаилу Александровичу — хлопотать о великокняжескомъ ярлыкѣ. И дѣйствительно, вскорѣ по уходѣ Тохтамыша, онъ отправляется въ орду вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Александромъ хлопотать о пріобрѣтеніи великокняжескаго стола, но не прямою дорогой, а околицами, «опасаясь и таясь в. кн. Димитрія Ивановича, ища себѣ великаго княженія Володимерскаго и Новгородскаго». Страннымъ кажется, что въ концѣ того же **1382 г.** отъ хана пришелъ въ Москву посолъ Карачъ съ добрыми рѣчами для заключенія мира: ханъ заключаетъ миръ съ своимъ улусникомъ!... Или въ ордѣ свыклись уже съ той мыслью, что московскій князь есть какъ бы самостоятельный государь, съ которымъ хану приходилось считаться какъ съ равнымъ себѣ?... Надобно думать, что тутъ ошибка лѣтописца въ выраженіи. Ханскій посолъ былъ одаренъ великимъ княземъ и отпущенъ. Въ началѣ слѣдующаго **1383 г.** Димитрій Ивановичъ послалъ въ орду, со старѣйшими боярами, сына своего Василія «тягатися» съ княземъ тверскимъ о великомъ княженіи. Цѣлый годъ пробылъ Михаилъ въ ордѣ, но не достигъ цѣли: московскіе бояре успѣли, вѣроятно, подарками и хитрыми дипломатическими пріемами склонить, кого слѣдуетъ, на свою сторону. «Я улусы свои самъ знаю, — сказалъ ханъ Михаилу, — и каждый князь русскій на моемъ улусѣ, а на своемъ отечествѣ живетъ по старинѣ, а мнѣ служитъ правдою и я его жалую; а что неправда предо мной улусника моего кн. Димитрія московскаго — и я его поустрашилъ, и онъ мнѣ служитъ правдою и я его жалую по старинѣ въ отчинѣ его, а ты поди въ свою отчину, въ Тверь, и служи мнѣ правдою, и я тебя жалую». Все-таки Михаилъ оставилъ въ ордѣ сына, конечно, потому, что еще питалъ надежду на достиженіе желаемаго. Такъ смотрѣли на это и приближенные хана, какъ видно изъ того, что одинъ изъ ордынскихъ князей смущалъ княжичей: Василія, оставленнаго въ ордѣ самимъ ханомъ въ 8000 рубляхъ, и Александра, обѣщавая каждому изъ нихъ великое княженіе, судя, конечно, по тому, кто будетъ щедрѣе. Лѣтописи отмѣчаютъ подъ тѣмъ же **1383** годомъ появленіе во Владимірѣ «лютаго посла» Адаша. Вѣроятно, онъ приходилъ за деньгами, въ которыхъ Василій оставленъ

былъ въ ордѣ. По крайней мѣрѣ, въ слѣдующемъ **1384** году Димитрій Ивановичъ приказалъ собирать тяжелую дань, съ каждой деревни по полтинѣ, а съ Новгорода — черный боръ. Тогда же, прибавляетъ лѣтопись, и золотомъ давали въ орду. Кажется, Димитрій Ивановичъ не скоро могъ уплатить денегъ въ орду, иначе сыну его Василію не было бы нужды тайно бѣжать изъ орды въ **1385** году [272]). Димитрій Ивановичъ, очевидно, находился въ затруднительномъ положеніи.

Олегъ рязанскій, не могшій, конечно, забыть **1382** года, когда московская рать опустошила его землю, теперь воспользовался обстоятельствами и, въ **1385** году, изгономъ пришелъ къ Коломнѣ, взялъ ее и плѣнилъ тамошняго намѣстника Александра Остея со многими боярами. Димитрій Ивановичъ послалъ на Рязань рать подъ начальствомъ Владиміра Андреевича. Но на этотъ разъ счастье измѣнило послѣднему: москвичи были побиты; тутъ же убитъ былъ, между прочимъ, и внукъ Ольгердовъ, Михаилъ Андреевичъ полоцкій. При натянутыхъ отношеніяхъ къ ордѣ, при нѣкоторой расшатанности внутреннихъ дѣлъ, благоразуміе требовало отъ Димитрія, чтобы онъ, хотя на короткое время, избѣгалъ всякихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями, и по этому-то Димитрій Ивановичъ рѣшился предложить Олегу вѣчный миръ, умоливъ преподобнаго Сергія, тогда уже прославившагося святостью жизни, стать во главѣ посольства къ строптивому рязанскому князю. Сергій «чудными, тихими и кроткими рѣчами» склонилъ Олега на вѣчный миръ, который (въ **1387 г.**) былъ скрѣпленъ родственнымъ союзомъ: дочь Димитрія вышла за сына Олегова Θедора [273]).

Но если политика требовала осторожности по отношенію къ такимъ сосѣдямъ, какъ, напр., Олегъ рязанскій, отъ котораго можно было ожидать наступательныхъ непріязненныхъ дѣйствій, то по отношенію къ Новгороду

---

272) Ibid. III, 93; IV, 90; V, 238; VI, 103; VIII, 48—49; XV, 443; Троицк. у Карамз. V, прим. 103; Ник. IV, 141—144. По нѣкоторымъ лѣтописямъ порядокъ, въ которомъ изложенныя здѣсь событія шли одно за другимъ, совершенно иной. Такъ, напримѣръ, сначала идетъ въ орду Василій Димитріевичъ, а потомъ уже Михаилъ Александровичъ и т. п.

273) Ibid. VIII, 49, 51; Ник. IV, 147. Подробнѣе объ этомъ см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ подъ Олегомъ Ивановичемъ рязанскимъ.—Въ Никон. лѣтоп. говорится, что въ то же время Димитрій Ивановичъ послалъ рать на муромскаго князя, но при этомъ есть нѣчто непонятное, можетъ быть, вслѣдствіе пропуска: «иную рать послалъ князь великии Димитрій Иван. на Муромъ на князя безчестия». По Новгородской четвертой это было въ 1386 году, а по Софійской первой (по списку Царскаго) тогда же и притомъ послѣ похода на Новгородъ. Въ VIII, 49 говорится о неудачномъ походѣ Владиміра Андреевича на Олега подъ 1385 годомъ и подъ 1387 г. о бракѣ Софіи и Θедора Олеговича, а въ IV, 95 и V, 240, 242 говорится подъ 1386 г., что Димитрій самъ пошелъ на Олега, взявшаго Коломну, а другую рать послалъ на Муромъ. Очевидно, во всѣхъ указанныхъ лѣтописяхъ говорится, хотя и подъ разными годами, объ одномъ и томъ же походѣ.

такая осторожность была излишня, такъ какъ Новгородъ, по самому характеру отношеній къ тому или другому вел. князю, одинъ не могъ переходить въ наступленіе. Вотъ почему и при стѣсненныхъ до нѣкоторой степени обстоятельствахъ Димитрій Ивановичъ не могъ простить Новгороду нѣкоторыхъ винъ его.

Подъ **1386** годомъ находимъ въ лѣтописяхъ извѣстіе, что Димитрій Ивановичъ «дръжа гнѣвъ на Новгородъ про Волжанъ и про княжчины», т. е. за тѣхъ молодцовъ, которые гуляли по Волгѣ и Камѣ и избивали и грабили гостей и своихъ и чужихъ, а также и за то, что новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ (княжчинъ). Предъ Рождествомъ Христовымъ Димитрій выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ; съ ними были полки почти тридцати городовъ. Новгородцы выслали пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но великій князь мира не далъ, подступилъ ближе къ Новгороду и остановился въ 15 верстахъ отъ него. Новгородцы прислали другое посольство, во главѣ котораго стоялъ владыка Алексій, предлагавшій великому князю 8000 рублей. Но и это посольство не имѣло успѣха. Владыка послалъ къ новгородцамъ сказать, чтобы они держали «опасъ», потому что великій князь мира не далъ. Вслѣдствіе этого извѣстія новгородцы сожгли всѣ пригородныя постройки и (съ благословенія владыки) 24 монастыря и поставили острогъ. Однако новгородцы въ третій разъ рѣшились испробовать, не удастся ли уладить дѣло миромъ: они послали къ Димитрію двухъ архимандритовъ, семь священниковъ и пять человѣкъ житьихъ, по человѣку съ конца (Новгородъ дѣлился на 5 концовъ). Этому посольству удалось склонить Димитрія на миръ: 3000 рублей отданы были великому князю изъ Софійской казны, а 5000 р. новгородцы обѣщали доправить на Заволочьи, потому что заволочане также участвовали въ волжскихъ грабежахъ. Кромѣ того, новгородцы дали черный боръ. По заключеніи мира, Димитрій Ивановичъ возвратился въ Москву, откуда послалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ и черноборцевъ [274]).

Въ **1388** году у Димитрія Ивановича произошло розмирье съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Лѣтописи, къ сожалѣнію, ничего не говорятъ о причинахъ этого розмирья; онѣ говорятъ только,

---

274) Ibid. III, 93—94, 132, 133; IV, 93—94, 138; V, 240—242; VIII, 50—51; XV, 444; Ник. IV, 149—150. Въ слѣдующемъ году окольными путями прибылъ въ Москву Василій Димитріевичъ, тайно бѣжавшій изъ орды, о чемъ см. ниже, подъ Василіемъ. — Съ Димитріемъ шли на Новгородъ рати: московская, коломенская, звенигородская, можайская, волоцкая, ржевская, серпуховская, боровская, дмитровская, переяславская, владимірская, юрьевская, муромская, мещерская, стародубская, суздальская, городецкая, нижегородская, костромская, углицкая, ростовская, ярославская, моложская, галицкая, бѣжецкая, бѣлозерская, вологодская, устюжская и новоторжская.

что вслѣдствіе розмирья великій князь приказалъ схватить бояръ Владиміра и развести ихъ по разнымъ городамъ. Такимъ образомъ, здѣсь мы можемъ ограничиться только болѣе или менѣе близкими къ истинѣ догадками. Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія мы, между прочимъ, читаемъ: «а которые деревни отъималъ князь Володимеръ отъ Лыткинского села княгини моее къ Берендѣевѣ слободѣ, а тѣ деревни потянутъ къ Лыткинскому селу моее княгини». Мы не знаемъ, когда Владиміръ «отымалъ» деревни великой княгини; видимъ только, что Владиміръ Андреевичъ хотѣлъ увеличить свой удѣлъ насильственнымъ присвоеніемъ деревень великой княгини. Не было ли что-нибудь подобное причиной розмирья между двоюродными братьями? Существуетъ еще предположеніе, что Владиміръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить своего права (по прежнимъ понятіямъ о старшинствѣ) на Великое Княженіе племяннику, т. е. сыну Димитрія, что и было причиной розмирья. Какъ бы то ни было, но вражда продолжалась короткое время: братья помирились; по мирно-договорной грамотѣ Василій Димитріевичъ считается по отношенію къ дядѣ своему, Владиміру Андреевичу, старѣйшимъ братомъ; по отношенію къ слѣдующему сыну Димитрія, Юрію, Владиміръ считается братомъ, а по отношенію къ младшимъ сыновьямъ — старѣйшимъ братомъ. Такимъ образомъ, этимъ договоромъ признается (въ первый разъ) преимущество, относительно престолонаслѣдія, племянника надъ дядею, такъ что великокняжескій столъ долженъ былъ переходить въ нисходящей линіи по праву первородства. Братья примирились въ день Благовѣщенія (**1389** года), т. е. 25-го марта [275]), а менѣе, чѣмъ чрезъ два мѣсяца послѣ того, именно 19-го мая, Димитрій Ивановичъ скончался, будучи еще въ цвѣтѣ лѣтъ (39 лѣтъ). Заслуги Димитрія цѣнились уже его современниками, что видно изъ дошедшаго до насъ особаго сказанія о его подвигахъ и изъ житія его: благочестіе, трезвая жизнь, цѣломудріе до и послѣ брака, кротость, щедрость къ Божіимъ церквамъ — вотъ характерныя черты, которыя житіе выставляетъ на видъ [276]).

Отъ брака съ Евдокіей Димитріевной (**1366 г.**), дочерью Димитрія Константиновича суздальско-нижегородскаго, Димитрій Ивановичъ имѣлъ дѣтей: *Данiила*, умершаго раньше отца, — *Василія*, впослѣдствіи великаго

---

275) Ibid. VIII, 52; Ник. IV, 159; С. г. г. и д. I, № 33. Предположеніе о томъ, что Владиміръ Андреевичъ не хотѣлъ уступить правъ старшинства племяннику, см. у Вешнякова въ его разсужденіи «О причинахъ возвышенія Моск. княжества», 108; К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 403) говоритъ объ этомъ положительно.

276) Ibid. II, 351; III, 95, 134; IV, 139, 531; V, 17; Ник. IV, 119, 184. По Троицк. (т. I, 233) Димитрій скончался въ 1388 году; по Новгор. первой — въ 1389 мая 9-го, а по Новгор. четвертой — въ томъ же году, но мая 19-го. Онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

князя московскаго,—*Юрія*, *Семена*, *Ивана*, *Андрея*, *Петра* и *Константина*, родившагося за нѣсколько дней до смерти отца; дочерей: *Софію*, бывшую, съ **1387** года, за Ѳедоромъ Олеговичемъ рязанскимъ; *Марію*, бывшую, съ **1394 г.**, за кн. литовскимъ Семеномъ (Лугвеніемъ) Ольгердовичемъ; *Анастасію*, бывшую за кн. Иваномъ Всеволодовичемъ холмскимъ (изъ тверскихъ), и *Анну*, родившуюся въ годъ замужества Софіи.

Въ духовномъ завѣщаніи Димитрія Ивановича прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, по выраженію нашего историка (*Соловьевъ*, III, 380), «не слыханное прежде распоряженіе»: Димитрій благословляетъ старшаго изъ оставшихся сыновей Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, какъ *своей отчиной*: «А се благословляю сына своего, князя Василья, *своею отчиною* Великимъ Княженьемъ». Чтобы упрочить великокняжескій столъ за своимъ родомъ, въ случаѣ бездѣтной кончины Василія, и устранить притязанія на Великое Княженіе, могшія послѣдовать со стороны Владиміра Андреевича, Димитрій Ивановичъ предусмотрительно сдѣлалъ оговорку, которая, впрочемъ, по кажущейся неясности своей, подала впослѣдствіи поводъ Юрію Димитріевичу (галицкому) оспаривать великокняжескій столъ у преемника Василія Димитріевича. Оговорка сдѣлана была такая: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжъ Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ подѣлитъ ихъ моя княгиня». Очевидно, по этому распоряженію, слѣдующій за Василіемъ братъ могъ занять великокняжескій столъ только въ случаѣ *бездѣтной* кончины Василія, чего Димитрій Ивановичъ могъ опасаться въ виду того, что Василій не былъ еще женатъ во время написанія духовной грамоты. Кромѣ Василія въ живыхъ оставалось еще пять сыновей Димитрія: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ, родившійся за нѣсколко дней до смерти отца, почему въ завѣщаніи о немъ и говорится только гадательно.

По духовному завѣщанію, свою отчину Москву великій князь поручаетъ только четыремъ сыновьямъ: Василію, Юрію, Андрею и Петру. Устраненіе Ивана можетъ быть объяснено его болѣзненностью и склонностью къ монашеской жизни; а Константина, при написаніи духовнаго завѣщанія, какъ сказано, еще не было на свѣтѣ. — Въ Москвѣ и принадлежавшихъ къ ней станахъ Димитрій Ивановичъ владѣлъ двумя жребіями: жребіемъ отца своего и дяди Семена Ивановича Гордаго; третій жребій, которымъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ, и теперь остался за послѣднимъ. Великій князь половину изъ своихъ жребіевъ отдаетъ Василію *на старшій путь;* другая половина раздѣлена между остальными тремя сыновьями, а великой княгинѣ Евдокіи была назначена часть городскихъ доходовъ. Вла-

дѣнія же свои, города и селенія Московскаго княжества, Димитрій Ивановичъ раздѣлилъ слѣдующимъ образомъ: а) Василію дана *Коломна* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и часть собственнаго прикупа Димитріева; села: Красное съ Елизаровскимъ и Проватовымъ и село Васильевское въ Ростовѣ; б) Юрію даны: *Звенигородъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ, *Галичъ*, названный Димитріемъ куплею дѣда (Ивана Калиты), прикупы отца: село Кузмодемьянское, село Богородицкое въ Ростовѣ, два села костромскихъ, Борисовское и Микульское, и починокъ за Вяткой; в) Андрею: *Можайскъ* съ волостями, *Верея*, *Калуга*, *Медынь*, нѣсколько селъ московскихъ и купля дѣда — *Бѣлоозеро* съ волостями; г) Петру: *Дмитровъ* съ волостями, нѣсколько московскихъ селъ и волостей, прикупъ свой — село Богородицкое на Баголѣ и купля дѣда Димитріева — *Угличе-Поле*, Тошна и Сяма. Ивану изъ Московской отчины ничего не назначено,—онъ былъ сильно обдѣленъ; ему даны: Раменецъ (Раменейце), село Звѣрковское съ Сохапскимъ починкомъ и Сохна. Димитрій сознавалъ, что Иванъ надѣленъ, сравнительно, бѣдно, и, кажется, по этому сдѣлалъ въ завѣщаніи такую оговорку: «а Сохна сыну же моему князю Ивану; а въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой, князь Иванъ: *который братъ до него добръ будетъ*, тому дастъ»; д) великой княгинѣ выдѣлено было изъ удѣла каждаго сына по участку и дано нѣсколько примысловъ самого Димитрія, какъ Самойлецевъ, и села: Петровское, Фроловское и Елохъ. Наконецъ, чрезвычайно важно распоряженіе Димитрія о томъ, чтобы мелкіе князья Московской земли жили въ Москвѣ. Этимъ, во-первыхъ, усиливался блескъ московскаго двора, и великій князь становился полнымъ хозяиномъ не только всей Московской земли, но и мелкихъ владѣтельныхъ князей ея, на которыхъ народъ, въ силу положенія ихъ при московскомъ дворѣ, долженъ былъ смотрѣть, какъ на слугъ великаго князя, а на послѣдняго, какъ на главу и этихъ князей, и всей Московской земли. Во-вторыхъ, эта мѣра, съ теченіемъ времени, должна была привести къ образованію служебныхъ князей, о которыхъ въ первый разъ говорится въ договорной грамотѣ Василія Васильевича и Андрея и Константина Димитріевичей съ Юріемъ Димитріевичемъ галицкимъ, — а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи эта мѣра привела къ образованію бояръ изъ служебныхъ и вотчинныхъ князей [277]).

277) Лѣтописныя извѣстія о женитьбѣ Димитрія Ивановича, о смерти его супруги, о рожденіи и бракахъ его дѣтей см. въ П. С. Р. Л. I, 232—233; IV, 65, 67; V, 90, 230, 232, 246; VII, 237; VIII, 14, 19, 21, 42, 49, 51—52, 64, 81; Ник. IV, 82, 147, 152, 184, 191; С. г. г. и д. I, №№ 33, 34, 37, 46, 47 и пр.—О старшинствѣ сыновей Димитрія Ивановича см. въ біографіи сына его Ивана въ I приложеніи въ концѣ этого тома.

Приводя, такъ сказать, къ одному знаменателю всѣ факты изъ жизни и дѣятельности Димитрія Ивановича, мы видимъ, что главная заслуга его предъ исторіей состоитъ въ сознательномъ стремленіи къ ослабленію сильныхъ удѣльныхъ князей и уничтоженію князей мелкихъ удѣловъ, другими словами — въ стремленіи къ централизаціи власти, къ единодержавію. Это — во-первыхъ; во-вторыхъ, въ столь же сознательномъ стремленіи къ освобожденію отъ татарскаго ига. Въ духовныхъ завѣщаніяхъ и договорныхъ грамотахъ мы часто встрѣчаемся съ такими выраженіями: «а оже ны Богъ избавитъ, ослободитъ отъ орды» .... «а перемѣнитъ Богъ орду» .... «а отдалится отъ насъ орда» и т. д. Конечно, слава заслугъ Димитрія не принадлежитъ исключительно ему одному: она принадлежитъ столько же ему, сколько и его предшественникамъ, начиная съ его дѣда: они мирно, терпѣливо, хотя нерѣдко при помощи хитрости и коварства, подготовляли къ достиженію намѣченныхъ цѣлей, тѣ средства, которыми воспользовался Димитрій. Но уже чрезвычайно важно и то, что онъ съумѣлъ воспользоваться этими средствами.

Василій Димитріевичъ.

р. 1371 † 1425.

Уже съ юныхъ лѣтъ Василій Димитріевичъ, хотя и несамостоятельно, является дѣйствующимъ лицемъ на политической сценѣ. Послѣ разгрома Москвы Тохтамышемъ въ **1383 г.** апрѣля 23-го, когда ему было еще только 12 лѣтъ, отецъ послалъ его въ орду тягаться съ Михаиломъ Александровичемъ, в. кн. тверскимъ, о великокняжескомъ столѣ [278]). Михаилъ вышелъ изъ орды, не достигши своей цѣли; но онъ, кажется, въ надеждѣ, что дѣла въ ордѣ могутъ измѣниться въ его пользу, оставилъ тамъ сына своего Александра (Ордынца), — между тѣмъ какъ московскаго княжича оставилъ самъ ханъ въ 8000 рубл. сер. московскаго долга. Василію или, лучше, сопровождавшимъ его боярамъ приходилось все-таки бороться съ тверскимъ

278) До 1383 г. лѣтописи сообщаютъ слѣдующія извѣстія о Василіи Димитріевичѣ: онъ родился 30 декабря 1371 г. (П. С. Р. Л. I, 232; IV, 67; V, 232; VIII, 19; Ник. IV, 32); въ 1377 г. присутствовалъ при погребеніи митр. Алексія (ibid. VIII, 28); въ 1380 г., во время похода Димитрія Ивановича противъ Мамая, онъ оставался въ Москвѣ съ прочими членами великокняжескаго семейства, которое поручено было Ѳедору Андреевичу Свиблу (ibid. IV, 78; V, 238; VI, 92; VIII, 36).

княжичемъ. На это есть указанія въ лѣтописяхъ. Такъ, лѣтописи замѣчаютъ, что княжичей «смущаше... нѣкий царь ординский, обещевая комуждо дати великое княженіе»; этотъ смутникъ обѣщавался и хана настроить такъ, какъ ему заблагоразсудится. Но московскому княжичу не нравилось житье въ полуневолѣ, и онъ «умысли крѣпко съ вѣрными своими доброхоты» — бѣжать изъ орды. Въ **1386** году онъ былъ уже у молдавскаго воеводы Петра. Въ сопровожденіи московскихъ бояръ, высланныхъ къ нему на встрѣчу отцемъ его, а также многихъ поляковъ и литовцевъ, онъ прибылъ въ Москву (кажется, чрезъ Пруссію, гдѣ видѣлся съ Витовтомъ и условился съ нимъ относительно женитьбы на его дочери) 19 января **1387** года [279]).

18-го мая **1389** года скончался Димитрій Ивановичъ Донской. До чего упало теперь значеніе татаръ въ глазахъ московскаго князя, показываетъ то обстоятельство, что Димитрій Ивановичъ, какъ видно изъ его духовнаго завѣщанія, благословляетъ своего сына Василія Владимірскимъ княжествомъ, этимъ символомъ великокняжескаго достоинства, какъ *своей отчиной*. 15-го августа того же года ханскій посолъ Шахматъ, во Владимірѣ, возвелъ Василія на великокняжескій столъ [280]). Это торжество, впрочемъ, вскорѣ нѣсколько омрачилось: между великимъ княземъ и его дядей Владиміромъ Андреевичемъ произошелъ разладъ вслѣдствіе ли того, какъ полагаютъ, что окружавшіе молодаго великаго князя бояре не хотѣли дать Владиміру надлежащаго участія въ дѣлахъ правленія, или вслѣдствіе утвержденія новаго порядка въ престолонаслѣдіи, какъ думаютъ другіе. Владиміръ Андреевичъ съ семействомъ и боярами своими выѣхалъ изъ Москвы въ свой Серпуховъ, а отсюда въ Торжекъ, въ Новгородскую

---

279) П. С. Р. Л. III, 93—94; IV, 90—91, 95, 138; V, 238—239, 242—243; VIII, 48—49, 51—52; XV, 443—444; Ник. IV, 141, 143, 151 и д. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей, Витовтъ взялъ съ Василія Димитріевича слово, что онъ женится на его дочери; Карамзинъ, напротивъ, думаетъ, что Василій, предвидя недолгое пребываніе Витовта въ Пруссіи и соображая, что такой умный, энергичный и хитрый литвинъ возьметъ на Литвѣ перевѣсъ надъ своими родичами, самъ скорѣе желалъ породниться съ нимъ. Карамзинъ сомнѣвается даже и въ томъ, что Василій пробрался въ Москву чрезъ Пруссію.—По Новгор. первой Василія позвалъ въ орду ханъ; по остальнымъ лѣтописямъ его послалъ туда отецъ. По той же Новгородской Василій пошелъ въ орду «въ то же лѣто» (6891 г.), а «той же осени» пошелъ въ орду Михаилъ Александровичъ тверскій. — Въ Новгородской четвертой подъ 1385 годомъ сказано, что Василій въ этомъ году ходилъ въ орду, между тѣмъ какъ онъ уже давно былъ тамъ и въ этомъ году бѣжалъ изъ орды. — О предложеніи Витовта проводить Василья на Русь говоритъ только одна Никон. лѣтопись. — Въ Воскр. лѣтописи говорится, что Димитрій Ивановичъ Донской послалъ бояръ на встрѣчу Василію въ Подольскую землю... Кажется, вѣрнѣе читать «въ Полоцкую», какъ въ Никон. лѣтописи.

280) Ibid. I, 233 (подъ 1388 г.); II, 351; VI, 108; VIII, 56, 60; XV, 444; Ник. IV, 188, 191—192.

землю. Но въ томъ же году дядя и племянникъ примирились и написали договорную грамоту. Великій князь, по этому договору, считается по отношенію къ своему дядѣ старѣйшимъ братомъ; братъ его Юрій равнымъ братомъ, остальные великокняжескіе братья — младшими братьями. Далѣе великій князь обязываетъ дядю «всѣсти на конь», когда придется садиться на коня и ему, великому князю. «А гдѣ ми (Василію) самому не всѣсти, и мнѣ, брате, тобе послати, а тобѣ всѣсти безъ ослушанья», читаемъ далѣе въ договорѣ. Вообще этотъ договоръ мало чѣмъ отличается отъ подобныхъ же договоровъ предшественниковъ Василія. Но есть два пункта, обращающихъ на себя вниманіе, въ которыхъ — съ одной стороны — выражается какъ бы недовѣріе племянника къ дядѣ, а съ другой — благія чаянія перемѣнъ въ отношеніяхъ къ ордѣ и предположенія о новыхъ примыслахъ. Вотъ эти пункты: «Оже ми, брате, самому сѣсти въ городѣ, а тобе ми послати изъ города, — и тобѣ оставити своя княгини» (т. е. въ Москвѣ); точно также дѣлаетъ и великій князь. Далѣе: «а перемѣнитъ Богъ орду, и тобѣ имати дань съ своее вотчины и съ своего удѣла собѣ» . . . . «а найду собѣ Муромъ, или Торусу, или иная мѣста, тотъ ти (Владиміру) проторъ не надобѣ», и наоборотъ. По этому договору Владиміръ Андреевичъ получилъ Волокъ и Ржеву, которые, впрочемъ, по другому договору, были промѣнены на Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ. Владиміръ по этому же послѣднему договору не вступается въ примыслы великаго князя: Нижній-Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія иныя мѣста татарскія и мордовскія, бывшія за Димитріемъ Константиновичемъ, дѣдомъ его, и за нимъ самимъ [281]).

Была ли въ какой-нибудь связи съ дѣлами новгородскими, какъ положительно думаетъ Карамзинъ, ссора или размолвка дяди съ племянникомъ и имѣла ли она вліяніе на отношенія Новгорода Великаго къ молодому великому князю,—не знаемъ, такъ какъ указаній на это въ лѣтописяхъ нѣтъ; знаемъ только, что вскорѣ послѣ примиренія великаго князя съ Владиміромъ въ Москву прибыли въ **1390 г.** новгородскіе послы, взяли миръ по старинѣ, и великій князь послалъ къ нимъ намѣстникомъ своимъ Евстафія Сыту [282]).

Въ слѣдующемъ **1391 г.** января 9-го семнадцатилѣтній великій князь вступилъ въ бракъ съ Софіей, дочерью Витовта Кейстутьевича, который, будучи выгнанъ изъ Литвы Ягелломъ, жилъ тогда у прусскихъ нѣмцевъ. Есть лѣтописныя извѣстія, впрочемъ, позднѣйшія, будьто-бы Витовтъ силой

281) Ibid. VIII, 60; XV, 444; Ник. IV, 192; С. г. г. и д. №№ 35, 38; Ист. Росс. С. Соловьева, IV, 5; Карамз. V, 72.

282) Ibid. III, 95; IV, 97, 139; V, 244; VIII, 61; Карамз. V, 73.

вынудилъ у будущаго великаго князя московскаго обѣщаніе жениться на его дочери. Наши историки считаютъ это извѣстіе недостовѣрнымъ и скорѣе видятъ въ этомъ бракѣ разсчетъ политическій. Кромѣ того, нѣкоторые видятъ здѣсь несообразность въ томъ, что Василій, бѣжавшій изъ орды въ Молдавію, никакъ не могъ возвратиться въ Россію черезъ Пруссію. Какъ бы то ни было, но бракъ этотъ состоялся [283]).

Въ половинѣ іюля слѣдующаго **1392 г.** Василій Димитріевичъ отправился въ орду, и это путешествіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ въ смыслѣ новыхъ примысловъ къ Москвѣ. Великій князь чрезвычайно любезно принятъ былъ въ ордѣ, что правдоподобно объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Тохтамышъ въ это время находился въ открытой враждѣ съ Тамерланомъ, который отъ Аральскаго и Каспійскаго морей подвигался къ сѣверу, къ улусамъ хана Золотой орды. Конечно, послѣднему плохо пришлось бы, если бы вел. кн. московскій, а за нимъ и вся почти сѣверо-восточная Русь стали на сторону Тамерлана. Съ другой стороны, и золото московскаго князя сослужило тутъ свою службу, — не даромъ же лѣтописецъ замѣчаетъ про великаго князя: «и умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу». Не смотря на то, что въ **1389 г.** ханъ далъ ярлыкъ на Нижегородское княжество Борису Константиновичу, у котораго оспаривали это княжество его племянники — Кирдяпы, теперь Тохтамышъ, по совѣту приближенныхъ своихъ, не постѣснился признать Василія наслѣдственнымъ государемъ Нижегородскаго княжества; мало того, — Василій получилъ еще Городецъ, Мещеру, Тарусу и Муромъ. Изъ орды великій князь удалился, кажется, съ необыкновенной поспѣшностью, такъ какъ Тамерланъ приближался къ ханскимъ владѣніямъ. Отъ хана отправленъ былъ въ Московскую землю посолъ Уланъ—царевичъ, который долженъ былъ возвести Василія на великокняжескій Нижегородскій столъ. Изъ орды Василій прибылъ въ Коломну, откуда самъ поѣхалъ въ Москву, а посолъ съ своими боярами отправился въ Нижній-Новгородъ. Благодаря измѣнѣ старѣйшаго нижегородскаго боярина Василія Румянца, московскіе бояре безъ труда овладѣли городомъ [284]). Борисъ, его семейство и приверженцы закованы были въ цѣпи и разосланы по городамъ. Вскорѣ въ Нижній-Новгородъ прибылъ

---

283) Ibid. II, 351; IV, 97; V, 244; VIII, 61; Ник. IV, 194—195. См. прим. 279.

284) Подробности этого эпизода см. подъ Борисомъ Константиновичемъ; П. С. Р. Л. IV, 97; V, 244; VI, 122—123; VII, 237; VIII, 62—63. Первыя двѣ изъ указанныхъ лѣтописей подъ 1390 г. говорятъ, что царевичъ Уланъ посадилъ Василія на великое княженіе. Карамзинъ (V, прим. 143) опровергаетъ это извѣстіе Степенной книгой (I, 518), по которой Уланъ посадилъ Василія на Нижегородскій столъ. Но здѣсь разныя лѣтописи и разумѣютъ, вѣроятно, Нижегородское княженіе, которое также называлось *великимъ*. — Сдѣлаемъ здѣсь общую замѣтку, что хронологія 6897—6901 годовъ въ лѣтописяхъ сильно перепутана.

самъ великій князь и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (Димитрій Александровичъ Всеволожскій). Впрочемъ, Суздальско-Нижегородское княжество еще не окончательно утвердилось за Москвой: Борисъ вскорѣ умеръ; но послѣ него остались племянники, Василій Кирдяпа и Семенъ Димитріевичи, по матери родные дядья Василію Димитріевичу; кажется, они княжили тогда въ Суздальской волости, или только проживали въ Суздалѣ. Но объ этомъ — рѣчь впереди. Здѣсь же пока отмѣтимъ только, что въ томъ же **1392** году великій князь (а съ нимъ и Русь) понесъ двѣ весьма чувствительныхъ утраты въ лицѣ умершихъ, въ этомъ году, троицкаго игумена Сергія, о важномъ значеніи котораго говорить излишне, и боярина своего, Даніила Θеофановича, о которомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что онъ много послужилъ великому князю и въ ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ [285]).

Тогда же началась вражда у великаго князя и съ другимъ Новгородомъ, Великимъ. Въ **1391 г.** въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ Кипріанъ и, послѣ двухнедѣльныхъ пиршествъ, потребовалъ себѣ права суда въ Новгородѣ, которое принадлежало и прежнимъ митрополитамъ. Между тѣмъ новгородцы всегда старались выговорить у великихъ князей и выговаривали себѣ право — не ѣздить на судъ въ Москву (вообще «на Низъ»). Мало того: они задумали не ходить на судъ и къ митрополиту, и еще въ **1385 г.** написали въ этомъ смыслѣ утвержденную грамоту и укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ. Теперь новгородцы начали ссылаться на эту грамоту, между тѣмъ какъ митрополитъ требовалъ уничтоженія ея. Новгородцы не согласились. Въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ Новгорода Кипріанъ. Но это дѣло митрополита было въ то же время и дѣломъ великаго князя: зависимость Новгорода отъ московскаго митрополита была въ сущности зависимостью отъ Москвы. И вотъ, въ **1392 г.** великій князь отправилъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ чернаго бора, княжчины (княжескихъ пошлинъ) и церковной подсудности митрополиту, который разрѣшитъ новгородцевъ отъ грѣха клятвопреступленія (клятву—не ходить на судъ къ митрополиту они скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ). Новгородцы отвѣчали отказомъ, и великій князь послалъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія воевать новгородскія волости. Московскія, коломенскія, звенигородскія и дмитров-

---

285) П. С. Р. Л. I, 233; II, 351; III, 96; IV, 97, 99, 140; V, 243—245; VI, 119, 122—123; VII, 220, 237; VIII, 61—63; XV, 446; Ник. IV, 195, 198; 239—241, 251; Степенная кн. I, 517—518. Мещера куплена была еще Донскимъ у кн. Александра Уковича; Таруса имѣла своихъ князей изъ рода кн. черниговскихъ (С. г. г. и д. I, № 32); *Городокъ* Мещерскій — впослѣдствіи Касимовъ (см. Вельяминова-Зернова «Изслѣдованіе о касим. царяхъ и царевичахъ», ч. 1).

скія войска, взявши Торжокъ и набравши множество плѣнныхъ въ новгородскихъ волостяхъ, уже возвращались во-свояси, какъ жители Торжка, на которыхъ обыкновенно падали первые удары московскихъ полковъ, какъ это было и въ данномъ случаѣ, возмутились и (это было уже въ **1393 г.**) убили нѣкоего Максима, доброхота великаго князя. Василій опять отправилъ на Торжокъ полки, съ тѣмъ чтобы убійцы Максима были схвачены и доставлены въ Москву. Москвичи повоевали Торжокъ, Волокъ и Вологду, а семьдесятъ человѣкъ, замѣшанныхъ въ убійствѣ Максима, доставленные въ Москву, публично были казнены: имъ постепенно отрѣзали руки, ноги и пр. и при этомъ приговаривали, что такъ гибнутъ враги великаго князя [286]).

Новгородцы не хотѣли оставаться въ долгу: въ томъ же **1393** году, подъ предводительствомъ кн. литовскаго Романа и кн. Константина Ивановича бѣлозерскаго, они начали воевать великокняжескія волости, взяли городокъ Кличенъ и Устюжну, пограбили и пожгли Устюгъ и Бѣлоозеро; но, не желая дальнѣйшаго кровопролитія и раздора съ великимъ княземъ, въ областяхъ котораго вели торговыя дѣла, послали къ Василію пословъ просить мира по старинѣ, который и былъ заключенъ на предложенныхъ великимъ княземъ условіяхъ; митрополиту новгородцы отослали свою крестную грамоту, вслѣдствіе чего Кипріанъ, между прочимъ, писалъ имъ: «і нынѣ обращенія ради вашего отъ грѣха этого прощаю васъ і благословляю, такожъ и сынъ мой великій князь Димитриівичъ ваше челобитное моленіе приемлетъ и миръ по древнему даетъ вамъ». Послы великаго князя, отправившіеся въ Новгородъ для подкрѣпленія этого мира, привезли въ Москву черный боръ съ новгородскихъ волостей и 350 рублей великому князю и митрополиту за то, что послѣдній послалъ свое благословеніе новгородскому владыкѣ и всему Новгороду [287]).

Между тѣмъ, 6-го мая **1393 г.** умеръ Борисъ Константиновичъ нижегородскій, княженіе котораго было присоединено къ Москвѣ. Дѣти его, Иванъ и Данило, разосланные, по взятіи Нижняго, по разнымъ городамъ

---

286) Ibid. III, 96; IV, 99—100, 140; V, 245; VI, 123; VIII, 62—63; Ник. IV, 125 и сл. называетъ Максима бояриномъ великаго князя. Онъ убитъ «на Великъ день», т. е. на Пасхальное воскресенье.

287) Ibid. III, 96; IV, 100, 140; V, 245—246; VI, 123; VIII, 63—64; Ник. IV, 252—254; Архангел. 114; С. г. г. и д. II, № 13. Подъ тѣмъ же 1393 г. нѣкоторыя изъ лѣтописей (IV, V, VI) отмѣчаютъ свиданіе Василія Димитріевича съ тестемъ его Витовтомъ въ Смоленскѣ; Соф. вторая, сказавши о свиданіи и походѣ Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича на Новгородскую землю, оканчиваетъ 1393 годъ извѣстіемъ о томъ, что Василій Димитріевичъ воевалъ съ Лугвеніемъ, который одолѣлъ, взялъ въ плѣнъ кн. Родослава (Олеговича рязанскаго) и отправилъ его къ Витовту, который посадилъ его въ тюрьму. Не смѣшивается ли здѣсь Василій Димитріевичъ съ кѣмъ-нибудь другимъ?

въ заключеніе, и теперь еще не были на свободѣ. Но у Бориса были еще племянники, Василій и Семенъ Димитріевичи, какъ видно, добивавшіеся волостей отца и дяди [288]). Вслѣдствіе притѣсненій со стороны великаго князя, вскорѣ послѣ смерти Бориса (въ **1394 г.**), они бѣжали изъ Суздаля въ орду хлопотать о возвращеніи своей отчины: Суздаля, Городца и Нижняго-Новгорода. Посланная за ними великимъ княземъ погоня не достигла цѣли [289]). Были ли дѣйствительно братья Димитріевичи въ ордѣ—неизвѣстно; надобно полагать, судя по послѣдующимъ событіямъ, что если они даже и были въ ордѣ, то не тамъ все-таки нашли помощь, а ближе къ своей отчинѣ. Въ концѣ октября **1395** года Семенъ Димитріевичъ подошелъ къ Нижнему-Новгороду съ царевичемъ Еитякомъ (Ектякъ, Ентякъ, Гентякъ) и 1000 татаръ. Три дня московскіе воеводы отбивались отъ татаръ, но, наконецъ, отворили ворота, взявши предварительно подъ присягой клятву съ русскихъ и татаръ, что они не будутъ грабить и брать въ плѣнъ христіанъ. Однако татары преступили клятву и грабили русскихъ до-нага [290]). «Не азъ творихъ лесть, но татарове; а язъ въ нихъ не воленъ, а съ нихъ не могу»,

---

288) См. соотвѣтственное мѣсто подъ Борисомъ Константиновичемъ Нижегородскимъ, а также подъ Василіемъ и Семеномъ Димитріевичами суздальскими. У Татищева (IV, 375) также есть извѣстіе подъ 1394 годомъ, что Василій Димитріевичъ ходилъ къ Нижнему-Новгороду на Василія Кирдяпу и на брата его Семена «и выведя ихъ, даде имъ градъ Шую, а дядя кн. Борисъ Константиновичъ Новаграда Нижняго и суздальскій въ Незинѣ преставися и положенъ бысть въ его отчинѣ въ Суздалѣ, маія въ 6 день». Далѣе, подъ тѣмъ же годомъ, Татищевъ говоритъ уже о бѣгствѣ братьевъ — Димитріевичей въ орду. — По большинству лѣтописей Борисъ скончался въ 1393 г.; кромѣ Татищева смерть его относитъ къ 1394 г. Троицк. лѣт. у Карамз. V, пр. 145. — «Въ Незинѣ преставися...» Здѣсь, кажется, нужно читать не «въ Незинѣ» (па Низу, въ Низовской землѣ), а «въ вязеньи», т. е. въ заключеніи, въ тюрьмѣ.

289) П. С. Р. Л. IV, 99; VI, 124; VIII, 64; Ник. IV, 254, 256. Въ Софійской 2-й сказано только, что суздальскіе князья побѣжали, что за ними была безуспѣшная погоня, но не сказано, откуда и куда бѣжали; въ Воскр. — что побѣжали въ орду къ Тохтамышу; въ Никон. — то же. Но ни откуда не видно, были ли они тогда въ ордѣ, гдѣ, кажется, не до нихъ было, такъ какъ Тохтамышу угрожалъ тогда Тамерланъ.

290) Ibid. IV, 101; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130 (1399 г.); VIII, 72 (то же); Ник. IV, 267 (подъ 1396 г.). Соловьевъ и Карамз. относятъ это событіе къ 1399 году.—То обстоятельство, что Софійская вторая, какъ лѣтописный сборникъ, одно и то же событіе помѣщаетъ и подъ 1395 годомъ, и подъ 1399-мъ, говоритъ, кажется, о томъ, что въ первомъ случаѣ она пользовалась болѣе древними лѣтописями, и можетъ быть новгородскими, а во второмъ — болѣе поздними сборниками. — Мы полагаемъ, что Семенъ Димитріевичъ привелъ татаръ казанскихъ, а не изъ орды, такъ какъ послѣдняя, въ виду наступленія на нее Тамерлана, сама нуждалась въ силахъ. Притомъ же, во 1-хъ, Юрій Димитріевичъ мститъ Казанской землѣ, а во 2-хъ: въ Никоновской лѣт. сказано, что татары, разграбивъ Нижній-Новгородъ, возвратились «во свою землю, въ Казань». Если же въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ и говорится, что татары изъ Нижняго бѣжали въ орду, то это, кажется, не болѣе, какъ промахъ составителя лѣтописнаго сборника, составителя, у котораго понятіе о татарахъ тѣсно связывалось съ понятіемъ объ ордѣ.

говорилъ кн. Семенъ въ свое оправданіе. Двѣ недѣли пробыли татары въ Нижнемъ и, наконецъ, бѣжали въ орду, прослышавъ, что великій князь собираетъ на нихъ сильное войско. Дѣйствительно, Василій Димитріевичъ послалъ брата своего Юрія наказать татаръ, и послѣдній прошикъ за Волгу и на Каму, взялъ города: Болгаръ, Жукотинъ, Казань и другія мѣста; вообще, московскіе полки воевали край три мѣсяца. Что касается Семена Димитріевича, то онъ скрывался послѣ того между татарами, а потомъ, когда жена и дѣти его были отысканы и взяты въ Москву, онъ и самъ добилъ челомъ великому князю, какъ, кажется, и братъ его Василій [291]). Но объ этомъ вскорѣ будемъ говорить ниже.

Еще ранѣе, чѣмъ дядья великаго князя начали добиваться своей Суздальско-Нижегородской отчины, въ Москвѣ и вообще на Руси уже знали, что Тохтамышъ сильно отвлекается отъ своихъ улусовъ новымъ восточнымъ завоевателемъ, Тамерланомъ. Въ **1393 г.** Тохтамышъ уже испыталъ силу послѣдняго въ степяхъ Астраханскихъ; но этотъ урокъ не подѣйствовалъ на хана Золотой орды: онъ вскорѣ двинулъ свои полчища на сѣверную Персію, которую Тамерланъ, по праву завоевателя, считалъ своимъ достояніемъ. Бой между двумя вождями родственныхъ народовъ произошелъ близъ нынѣшняго Екатеринограда; разбитый Тохтамышъ бѣжалъ; Тамерланъ преслѣдовалъ его до Волги, посадилъ въ ордѣ новаго хана, и въ концѣ **1395 г.** устремился далѣе на сѣверъ. Великій князь приказалъ собирать полки, съ которыми, оставивъ въ Москвѣ кн. Владиміра Андреевича Храбраго, выступилъ къ Коломнѣ и остановился на берегу Оки. Народъ, объятый ужасомъ, постился и молился; великій князь приказалъ укрѣплять города, а для успокоенія взволнованныхъ умовъ писалъ митрополиту, чтобы онъ распорядился перенесеніемъ, изъ Владиміра въ Москву, Владимірской иконы Божіей матери. Это было въ началѣ августа. Тамерланъ, между тѣмъ, взявъ Елецъ, продолжалъ держать путь далѣе къ сѣверу и направлялся, по видимому, къ Москвѣ. Но въ концѣ августа онъ вдругъ поворотилъ назадъ, о чемъ вскорѣ узнали и въ Москвѣ. Великій князь воротился съ береговъ Оки въ свою столицу, гдѣ съ великой радостью встрѣченъ былъ духовенствомъ и народомъ. Современники приписали избавленіе отъ новаго завоевателя заступничеству Богоматери, и церковь установила празднество въ честь срѣтенія иконы Ея 26-го августа, такъ какъ въ этотъ день изъ Владиміра въ Москву была принесена помянутая икона, и въ тотъ же

291) Ibid. IV, 101—102; V, 247; VI, 128 (подъ 1395 г.), 130; VIII, 72 (подъ 1399 г.); Ник. IV, 267. Ср. прим. 290. О Семенѣ и Василіи Кирдяпѣ см. ниже прим. 300 и текстъ къ нему.

самый день, по сказаніямъ современниковъ, Тамерланъ пошелъ въ обратный путь изъ предѣловъ Руси [292]).

Орда, потрясенная нашествіемъ Тамерлана и оскудѣвшая людьми, теперь, конечно, не была страшна Москвѣ, и великій князь могъ обратить свое вниманіе въ другую сторону, на другихъ сосѣдей и особенно на усиливавшуюся тогда Литву, гдѣ, съ **1392 г.**, началъ господствовать тесть Василія Димитріевича, Витовтъ. Оставленный въ покоѣ нѣмцами, Витовтъ, въ **1395 г.** сентября 28, хитростью взялъ Смоленскъ и въ то же время послалъ рать на Олега рязанскаго, у котораго находился въ это время одинъ изъ князей смоленскихъ, братьевъ Святославичей, Юрій, женатый на дочери Олега. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что великому князю московскому не желательно было такое сосѣдство, не желательно было усиленіе литовскаго князя вообще, а тѣмъ болѣе — на счетъ древнихъ русскихъ областей. Но онъ, какъ видно, пока еще не хотѣлъ становиться въ открыто враждебныя отношенія къ своему тестю; видимъ даже, что Василій дѣйствуетъ совмѣстно съ Витовтомъ и въ его пользу. Въ **1396** году мы видимъ Василія Димитріевича и митрополита Кипріана въ гостяхъ у Витовта въ Смоленскѣ, гдѣ они праздновали Пасху и гдѣ литовскій князь уважилъ ходатайство митрополита о непритѣсненіи греческой вѣры: митрополитъ московскій былъ духовнымъ пастыремъ православно-русскаго населенія Литвы. Между тѣмъ Олегъ рязанскій сдѣлалъ нападеніе на принадлежавшій Литвѣ Любутскъ. Василій Димитріевичъ, въ угоду Витовту, чрезъ посла совѣтовалъ Олегу воротиться домой. Олегъ послушался тѣмъ болѣе, что граждане Любутска храбро защищались. Витовтъ, однако, не хотѣлъ оставить Олега безнаказаннымъ: онъ пошелъ («о Покровѣ», 1-го октября) въ Рязанскую землю и жестоко расправился съ жителями посѣщенныхъ имъ мѣстностей: проливалъ кровь, какъ воду, по выраженію одного лѣтописца, и «люди улицами сажали (и) сѣкли», по выраженію другаго. Послѣ этого подвига Витовтъ былъ въ Коломнѣ у Василія Димитріевича, который принялъ его съ великою честію и богато одарилъ. Здѣсь оба князя (хотя желаніе было одного Витовта) условились отправить пословъ къ новгородцамъ съ требованіемъ, чтобъ они расторгли миръ съ нѣмцами. Какъ увидимъ, Витовтъ думалъ о томъ, чтобы Новгородъ считалъ его своимъ великимъ княземъ: по одному этому онъ могъ смотрѣть на дружбу новгородцевъ съ нѣмцами, какъ на личную обиду; кромѣ того, негодованіе Витовта на Новгородъ могло усиливаться еще и потому, что послѣдній принялъ къ себѣ двухъ князей,

---

292) Ibid. V, 248—249; VI, 124—127 (254 — подъ 1514 г.); VIII, 65—66, 68 (254 подъ 1514 годомъ воспоминается событіе съ указаніемъ на 1395 годъ); Ник. IV, 260 и сл.

неприятныхъ для Витовта: Патрикія, отца котораго, Наримонта Ольгердовича, онъ повѣсилъ и разстрѣлялъ, — и Василія Ивановича, одного изъ смоленскихъ князей, съ которыми онъ еще такъ недавно поступилъ слишкомъ безцеремонно и коварно. И такъ, князья условились послать въ Новгородъ посольство, и въ **1397** году послы Василія Димитріевича были уже въ Новгородѣ. Страшны были князья московскій и литовскій, но и торговые интересы — съ нѣмцами ли, съ другимъ ли какимъ народомъ, — были очень близки сердцу Новгорода. Кромѣ того, надобно имѣть въ виду и то обстоятельство, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ **1391 г.**) новгородцы заключили въ Изборскѣ миръ съ Любекомъ, Готландомъ, Дерптомъ и Ревелемъ. Понятенъ, по этому, отвѣтъ, данный новгородцами Василію: «Господинъ великій князь! у насъ съ тобой миръ, съ Витовтомъ — иной и съ нѣмцами — иной». Такимъ образомъ совѣтъ князей ни къ чему не послужилъ для одного, по крайней мѣрѣ, изъ нихъ, для Витовта. Впрочемъ, судя по слѣдующимъ событіямъ, Василій Димитріевичъ, кажется, уже во время переговоровъ съ Витовтомъ думалъ сводить счеты съ Новгородомъ самъ, тѣмъ болѣе, что къ тому были весьма серьезные поводы [293]).

Еще въ **1395 г.** въ Новгородъ пріѣзжалъ митрополитъ съ патріаршимъ посломъ и требовалъ суда для себя, но не получилъ его. Изъ Новгорода, однако (какъ думаютъ, смягченный дарами), онъ выѣхалъ мирно, благословивъ архіепископа и народъ [294]). Но въ **1397** году, — потому ли, что новгородцы отказались разорвать миръ съ нѣмцами, или за отказъ въ судѣ митрополиту, или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ, — Василій Димитріевичъ послалъ своихъ бояръ на Двину въ Заволочье сказать всѣмъ тамошнимъ поселенцамъ («всей Двинской свободѣ»), чтобъ они «задалися» за великаго князя, который будетъ боронить ихъ отъ Новгорода. Двинскіе бояре и вообще всѣ двиняне цѣловали крестъ великому князю. Тогда же Василій Димитріевичъ отнялъ у новгородцевъ Волокъ-Ламскій и Торжокъ съ волостями, Бѣжецкій Верхъ и Вологду; затѣмъ, сложилъ съ себя крест-

---

293) Ibid. III, 97; IV, 101—102, 141, 194; V, 17, 246—248, 250; VI, 128—129; VII, 220; VIII, 68—70; Ник. IV, 273. Упомянувши о свиданіи князей въ Смоленскѣ въ 1396 г., Софійская вторая говоритъ, будьто Василій Димитріевичъ вмѣстѣ съ другими князьями послалъ Витовту разметныя грамоты; и эта же лѣтопись ниже говоритъ о пріѣздѣ, въ томъ же году, Витовта въ Коломну, гдѣ онъ былъ принятъ великимъ княземъ съ честію; а передъ этимъ извѣстіемъ говорится о томъ, что Василій Димитріевичъ посылалъ въ Любутскъ посла отговорить Олега рязанскаго отъ войны съ Литвой. Не беремся утверждать, насколько вѣрны эти извѣстія; въ другихъ лѣтописяхъ объ этомъ не говорится. — Отправка пословъ въ Новгородъ Воскресенской лѣтописью отнесена къ 1396-му, Никоновской — къ 1398-му, а всѣми остальными — къ 1397-му году.

294) Ibid. III, 97; IV, 141; Никон. IV, 257, напротивъ, говоритъ, что «даша ему новгородцы судъ по старинѣ.»

ное цѣлованіе къ нимъ, «крестную грамоту къ нимъ скинулъ». Новгородцы хотя и отвѣтили тѣмъ же, но не хотѣли доводить дѣла до крайности. Въ это время митрополитъ позвалъ въ Москву владыку новгородскаго Іоанна по святительскимъ дѣламъ. Новгородцы отправляютъ съ нимъ своихъ пословъ и умоляютъ владыку замолвить за нихъ доброе слово предъ великимъ княземъ. Владыка просилъ Василія отступиться отъ Заволочья и взятыхъ имъ городовъ, а также отмѣнить общій судъ на порубежьѣ, потому что это — «не старина». Но великій князь не принялъ ни благословенія и добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ; отъ Новгорода нелюбія не отложилъ и мира не взялъ [295]). Когда владыка Іоаннъ возвратился домой, къ нему собрались новгородцы и представляли ему, что обидъ великаго князя долѣе терпѣть нельзя. Тогда владыка благословилъ ихъ «поискать» отнятыхъ у нихъ городовъ и волостей. Это было весной 1398 года. Новгородскіе воеводы съ ополченіемъ пошли на Двину къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ владычній волостель съ Вели (притокъ р. Ваги), отъ котораго они узнали, что великокняжескій бояринъ Андрей, въ самый день Пасхи, напалъ съ двинянами на Вель, волость св. Софіи, повоевалъ ее и взялъ поголовный («на головахъ») окупъ; а на Двину, въ засаду, отъ великаго князя пріѣхалъ кн. Ѳедоръ ростовскій охранять («блюсти») города, судить и брать пошлины съ новгородскихъ волостей; узнали также, что двинскіе воеводы, Иванъ и Кононъ съ своими друзьями, подѣлили между собою на части новгородскія волости и новгородскихъ бояръ. «Лучши есть намъ умрети за св. Софію, нежели въ обидѣ быти отъ своего великого князя!» сказали воеводы и пошли на волости великаго князя: Бѣлозерскія волости и Бѣлозерскій старый городокъ были взяты на щитъ, пограблены и сожжены; изъ новаго городка вышли бѣлозерскіе князья съ великокняжескими воеводами и добили челомъ новгородскимъ воеводамъ, которые взяли съ нихъ 60 рублей окупа и, кромѣ того, забрали громадный полонъ и много скота; далѣе, захватили Кубенскія волости, воевали около Вологды, повоевали и пожгли Устюгъ, гдѣ стояли четыре недѣли; отсюда отрядили часть войска къ югу, которая только на одинъ день пути не доходила до Галича, все предавая по пути огню и мечу и забирая полонъ, который впрочемъ отдавали на окупъ, такъ какъ суда не могли поднимать всей тяжести добычи. Отъ Устюга новгородцы пошли къ Орлецу, гдѣ стояли четыре недѣли. Жители этого городка не сдавались; но когда стали бить его пороками, они вышли съ челобитьемъ: воеводы приняли отъ жителей челобитье, но воеводъ заволоцкихъ, «кто водилъ Двинскую землю на зло», не пощадили:

295) Ibid. III, 98; IV, 102; V, 250; VI, 129—130; VIII, 70; Ник. IV, 272 и сл.

однихъ предали смерти, другихъ перековали; у кн. Өедора ростовскаго взяли присудъ и пошлины, «а самому съ другы животъ даша»; съ гостей великаго князя взяли 300 рублей окупа, а съ двинянъ «за ихъ преступленіе и за ихъ вину» взяли 2000 рублей и 3000 коней, по числу новгородскихъ ратниковъ. Изъ плѣнныхъ главнаго «перевѣтника», Ивана Никитина, заволоцкаго воеводу, въ Новгородѣ сбросили съ моста (въ Волховъ); двоихъ, Герасима и Родіона, пощадили, такъ какъ они изъявили желаніе постричься въ монахи; брату Ивана Никитина Анфалу удалось бѣжать еще въ дорогѣ. Погоня за нимъ не имѣла успѣха. Утоливши жажду мести, новгородцы послали въ Москву пословъ для заключенія мира, который и состоялся «по старинѣ», и Василій Димитріевичъ отпустилъ въ Новгородъ брата своего Андрея. Уступчивость, въ данномъ случаѣ, великаго князя можетъ правдоподобно объясняться тѣмъ, что онъ не хотѣлъ оттолкнуть отъ себя новгородцевъ въ другую сторону, къ своему опасному врагу—Литвѣ, а Витовтъ дѣйствительно хлопоталъ о томъ, чтобы взять Новгородъ въ свои руки. Въ договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ, состоявшемся въ томъ же **1398 г.**, есть одинъ пунктъ, по которому Витовтъ долженъ помочь Ордену въ завоеваніи Пскова, а Орденъ обязанъ помогать Витовту въ покореніи Новгорода. Примиреніе новгородцевъ съ Василіемъ и посылка туда послѣднимъ «въ себя мѣсто» Андрея Димитріевича, конечно, не нравились Витовту, но теперь онъ не высказывалъ явно своего гнѣва ни противъ Новгорода, ни противъ Москвы, такъ какъ отвлеченъ былъ въ другую сторону: онъ шелъ противъ Темиръ-Кутлука (или Кутлуя) за изгнаннаго послѣднимъ изъ орды Тохтамыша, которому надѣялся возвратить ханскій престолъ, и, въ свою очередь, при помощи возстановленнаго имъ хана, прибрать Москву къ своимъ рукамъ: «сѣсть на Москвѣ на великомъ княженіи, на всей Руськой землѣ». Въ томъ же году зачѣмъ-то пріѣзжалъ отъ него въ Москву посолъ Ямонтъ. Можетъ быть, не хотѣлъ-ли Витовтъ привлечь на свою сторону и московскаго князя для выполненія первой части своей программы? Затѣмъ, тогда же жена Василія, Софья Витовтовна, съ дѣтьми своими пріѣзжала къ отцу въ Смоленскъ. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но планъ Витовта относительно Тохтамыша не удался: при помощи Едигея Темиръ-Кутлукъ на голову разбилъ литовцевъ на берегахъ Ворсклы. Это было 12-го августа **1399 г.** Еще до этой битвы Витовтъ прислалъ новгородцамъ розметную грамоту съ рѣчью: «обезчествовали мя есте, что было вамъ за мене ятися, а мнѣ было вамъ княземъ великымъ быти, а васъ мнѣ было боронити, и вы за мене не ялися». Тогда же Витовтъ «разверзъ миръ» съ Василіемъ Димитріевичемъ и Псковомъ, куда еще въ прошломъ году, удовлетворяя просьбу псковичей, в. кн. московскій послалъ Ивана Всеволодо-

вича, князя холмскаго, который въ **1397 г.**, сложивъ крестное цѣлованіе къ в. кн. тверскому Михаилу Александровичу, ушелъ въ Москву и тамъ женился на Анастасіи Димитріевнѣ, сестрѣ великаго князя [296]). Но сейчасъ увидимъ, что послѣ битвы на берегахъ Ворсклы Витовтъ сталъ уступчивѣе по отношенію даже къ Новгороду, между тѣмъ какъ московскій князь становится какъ будьто притязательнѣе.

И такъ, Василію Димитріевичу Витовтъ становился теперь менѣе страшнымъ, между прочимъ, потому, что силы литовскія значительно поубавились на Ворсклѣ. Теперь онъ могъ обратить на Новгородъ болѣе серьезное вниманіе, и во всякомъ случаѣ имѣлъ поводы начать непріязненныя дѣйствія противъ новгородцевъ, тѣмъ болѣе, что въ **1400** Новгородъ заключилъ съ Витовтомъ миръ, а въ слѣдующемъ **1401** году—и Псковъ. Очевидно, Витовтъ сдѣлался уступчивѣе по отношенію къ Новгороду благодаря пораженію на Ворсклѣ [297]). Василій Димитріевичъ, кромѣ того, могъ видѣть, что урокъ, данный новгородцамъ въ **1398 г.**, а потомъ мягкость, выказанная имъ при заключенія мира съ ними, одинаково остаются безполезными. Тѣ или другія побужденія руководили великимъ княземъ, опредѣлительно сказать нельзя, но въ **1401 г.** онъ опять начинаетъ войну въ Заволочьѣ. Въ началѣ марта новгородскій владыка поѣхалъ въ Москву, куда звалъ его митрополитъ по святительскимъ дѣламъ; но великій князь «велѣлъ поимати» его, вѣроятно, за то, что онъ благословлялъ новгородцевъ на войну. Въ то же время, по повелѣнію великаго князя, извѣстные уже намъ Анфалъ Никитинъ и успѣв-

---

296) Ibid. III, 98—101; IV, 102—103, 141—142, 195; V, 18, 250—251; VI, 130; VIII, 70—73; Ник. IV, 272 и сл.; Карамз. V, 95 и прим., сюда относящееся. О договорѣ Витовта съ прусскимъ магистромъ см. диссертацію А. Барбашева: «Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы» (Спб. 1885), гл. IV. — Что касается посылки во Псковъ Ивана Всеволодовича холмскаго, то лѣтописи относительно этого предмета разнятся такъ, что примирить ихъ трудно: однѣ говорятъ объ этомъ подъ 1398, другія — подъ 1399, третьи— подъ 1400 годомъ. Мы отдаемъ преимущество двумъ послѣднимъ разрядамъ лѣтописей, во 1-хъ, какъ лѣтописямъ мѣстнымъ, а во 2-хъ потому, что въ нихъ порядокъ событій идетъ естественнѣе и логичнѣе: изъ Пскова уѣзжаетъ за двѣ недѣли до Троицына дня кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, сложивъ къ псковичамъ крестное цѣлованіе; зимой Витовтъ «разверзъ миръ» съ великимъ княземъ московскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ; наконецъ, псковичи посылаютъ за Иваномъ Всеволодовичемъ. Такъ естественно представляется ходъ событій по Новгородской и Псковской лѣтописямъ. Что же касается того, что онѣ разнятся въ годѣ (по одной — 6907, по другой — 6908 г.), то на самомъ дѣлѣ могло быть такъ: въ концѣ 1399 г. псковичи просили Холмскаго князя, а въ 1400 онъ пріѣхалъ и въ томъ же году уѣхалъ, такъ какъ — по этимъ же лѣтописямъ — Михаилъ Александровичъ тверскій, къ которому Иванъ Всеволодовичъ сложилъ крестное цѣлованіе, умеръ раньше отъѣзда князя Холмскаго изъ Пскова, — а по другимъ источникамъ мы знаемъ, что съ преемникомъ Михаила Иванъ Всеволодовичъ вошелъ въ сношенія и примирился; этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ и надобно объяснять отъѣздъ его изъ Пскова. См. П. С. Р. Л. VI, 131; VIII, 74; XV, 461 и 470; Ник. IV, 297.

297) Ibid. III, 101; IV, 143, 195; V, 18.

шій бѣжать изъ монастыря Герасимъ съ великокняжескою ратью нежданно пришли въ Двинскую землю и взяли ее на щитъ; людей рѣзали и вѣшали, забирая ихъ имущество и товары; схватили нѣсколько новгородскихъ бояръ. Но трое новгородскихъ воеводъ, Степанъ Михайловичъ съ братомъ и Никита Головня, собрали вожанъ, нагнали Анфала и Герасима и въ битвѣ при Холмогорахъ отняли у послѣднихъ захваченныхъ ими новгородскихъ бояръ. Въ то же время великій князь послалъ на Торжокъ бояръ своихъ, Александра Поля и Ивана Марина, съ ратью въ 300 человѣкъ; ими схвачены были въ Торжкѣ сынъ новгородскаго посадника Семенъ Васильевичъ и Михаилъ Θеофилактовичъ; имущество ихъ въ церкви Спаса также было взято а сами они отправлены были въ Москву. Впрочемъ въ слѣдующемъ **1402** году Василій Димитріевичъ отпустилъ ихъ въ Новгородъ, а чрезъ годъ послѣ того отпущенъ былъ и владыка новгородскій [298]). Затѣмъ до **1417** года мы не видимъ, чтобы между Москвой и Новгородомъ были враждебныя столкновенія. Что касается Пскова, то, какъ мы уже видѣли, хотя онъ въ **1401** году и заключилъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, вѣчный миръ съ Витовтомъ, тѣмъ не менѣе въ томъ же году Василій Димитріевичъ назначилъ въ Псковъ своимъ намѣстникомъ князя Даніила Александровича, котораго мы встрѣчаемъ тамъ и въ послѣдующіе годы [299]).

Семенъ Димитріевичъ суздальско-нижегородскій все еще бродилъ между татарами и не оставлялъ своей мечты — когда-нибудь добиться Нижняго-Новгорода. Конечно, Василій Димитріевичъ не могъ оставить его безъ вниманія, тѣмъ болѣе, что этотъ князь, какъ видно изъ сохранившихся о немъ лѣтописныхъ извѣстій, былъ чрезвычайно настойчивъ и упоренъ въ преслѣдованіи своихъ цѣлей, и въ то же время закоренѣлый врагъ новаго порядка вещей, наступившаго съ усиленіемъ московскихъ князей. Въ **1398** или **1399** году Василій Димитріевичъ посылалъ на него къ Казани брата своего Юрія. Но этотъ походъ былъ безуспѣшенъ. Наконецъ, въ **1401 г.** великій князь послалъ воеводъ своихъ, Ивана Александровича Уду и Θедора Глѣбовича, съ большимъ войскомъ — отыскать если не самого Семена Димитріевича, то хотя его семейство или бояръ. Воеводы пошли въ Мордовскую землю и нашли жену Семена Александру съ дѣтьми на какомъ-то

298) Ibid. III, 101; IV, 104—105, 141, 143; V, 252; Ник. IV, 300—303; Архангел. 121. Извѣстіе Псковской первой о томъ, что Василій Димитріевичъ «разверзъ миръ» съ Новгородомъ, помѣщенное подъ 1402 годомъ, должно, судя по ходу событій, относиться къ предъидущему году. — Татищевъ (IV, 404) передаетъ, что великій князь выражалъ митрополиту Кипріану неудовольствіе на новгородскаго владыку, почему митрополитъ и послалъ въ Новгородъ стольника своего Новосильца звать владыку въ Москву.

299) Ibid. IV, 195; V, 18.

мѣстѣ *Цыбирцы*, около православной церкви, поставленной какимъ-то татариномъ Хазибабой, — забрали все ея имущество и вмѣстѣ съ дѣтьми взяли въ Москву. Борьба, какъ видно, была весьма ожесточенна, такъ что вызвала вмѣшательство духовенства. «Смущеніе велико, — пишетъ великому князю Кириллъ, игуменъ Бѣлозерскаго монастыря, — между тобою и сродники твоими князми суждальскими. Ты, господине, свою правду сказываешь, а они — свою; а въ томъ, господине, межи васъ крестьяномъ кровопролитіе велико чинится... Слышелъ есмь, что доселѣ были (суздальскіе князья) у тебе въ нужи, да отъ того ся, господине, и возбранили. И ты, господине, Бога ради, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли въ заблуженіи въ татарскихъ странахъ, да тамо бы не скончались...» Узнавши объ участи своей семьи, Семенъ Димитріевичъ, по выраженію лѣтописи, «вниде въ покореніе»: сославшись съ Василіемъ Димитріевичемъ и выпросивши у него опасъ (опасная грамота), онъ прибылъ въ Москву и взялъ миръ съ великимъ княземъ, отказавшись въ его пользу отъ Нижегородскаго княжества. Не извѣстно, давалъ ли ему что-нибудь великій князь изъ бывшей его отчины; знаемъ только, что онъ въ **1402 г.** уѣхалъ съ семействомъ въ Вятку уже сильно разслабленный, разболѣлся тамъ и 21-го декабря того же года скончался [300]).

Въ **1403 г.** не въ первый разъ уже происходитъ раздоръ между в. кн. тверскимъ Иваномъ Михайловичемъ и младшимъ братомъ его, Василіемъ Михайловичемъ кашинскимъ, который бѣжалъ въ Москву. Василій Димитріевичъ успѣлъ примирить братьевъ [301]). Такое же мирное настроеніе сказалось въ великомъ князѣ и по отношенію къ Новгороду. Въ **1401** году, когда новгородскій архіепископъ Іоаннъ пріѣзжалъ, по какимъ-то дѣламъ, въ Москву къ митрополиту и великому князю, послѣдній приказалъ «пои-

---

300) Ibid. VI, 131; VIII, 75 относятъ эти событія къ 1401 году; IV, 108, 145 и V, 253 — къ 1405, а Ник. IV, 303, 304 — къ 1402 г. Посланіе игумена Кирилла въ Акт. Ист. I, № 12 и у Амвросія въ «Росс. Іерархіи» IV, 403, но съ подновленной орѳографіей. О походѣ Юрія Димитріевича къ Казани на Семена говорится въ V, 251; VI, 130; VIII, 72 подъ 1408 годомъ; въ IV, 130 и V, 252 — въ варіантахъ подъ 1409 г., причемъ редакторъ лѣтописи отсылаетъ читателя *смотрѣть то же извѣстіе* подъ 1405 годомъ въ той же лѣтописи, отождествляя, очевидно, событія 1408 или 1409 г. съ событіями 1401 или 1405 годовъ. Въ Воскр. лѣт. (VIII, 72) подъ 1408 годомъ говорится, что Василій посылалъ брата Юрія къ Казани на кн. Семена, а подъ 1409 г. — о приходѣ Семена въ Нижній-Новгородъ съ царевичемъ Еитякомъ. Разобраться здѣсь въ хронологической послѣдовательности событій очень трудно. Но, кажется, необходимо различать по отношенію къ Семену Димитріевичу и великому князю три момента въ теченіи указанныхъ лѣтъ: а) взятіе Нижняго-Новгорода Семеномъ и отнятіе его у Семена войсками великаго князя, посланными съ Юріемъ; б) попытка поймать Семена Димитріевича, возложенная на того же Юрія, и в) поимка жены Семена.

301) Ibid. IV, 106; V, 252; VIII, 76.

мати» его [302]); а въ слѣдующемъ **1402 г.** Василій Димитріевичъ разорвалъ миръ съ новгородцами [303]). Но въ **1403 г.** великій князь вдругъ приказываетъ митрополиту Кипріану освободить новгородскаго владыку и съ честію отпустить его въ Новгородъ [304]).

Отношенія къ Литвѣ за разсматриваемое время Василій Димитріевичъ старался поддержать если не дружественными, то, по крайней мѣрѣ, мирными, пока не затрогивались, со стороны Литвы, его существенные интересы. Это видно изъ того, какъ онъ относился къ событіямъ въ Смоленскѣ и Псковѣ, на которые сильно налегалъ Витовтъ. Въ **1403 г.** въ Москву пріѣхалъ смоленскій князь Юрій Святославичъ и просилъ великаго князя защитить его отъ Витовта; онъ предлагалъ даже Василію Димитріевичу свое княжество въ собственность, только не было бы оно за его непримиримымъ врагомъ, а себя просилъ принять на службу. Великій князь, не желая нарушить мира съ Витовтомъ, не согласился ни на то, ни на другое [305]). Впрочемъ, причиной отказа было, кажется, и нерасположеніе Василія Димитріевича къ Юрію, личность котораго, дѣйствительно, была довольно грязной, судя по поступку его съ княгиней Вяземской, которая не хотѣла для него измѣнить мужу, близкому къ Юрію человѣку. Совсѣмъ иначе отнесся великій князь къ подобной же просьбѣ псковичей. Когда, въ **1405 г.**, псковичи и новгородцы просили у Василія Димитріевича помощи противъ Витовта, который на миру взялъ у нихъ городъ Коложе, то великій князь послалъ въ Псковъ брата своего Петра [306]), а въ слѣдующемъ **1406** году изъ-за тѣхъ же псковичей разорвалъ съ Витовтомъ миръ и послалъ свои рати къ Вязьмѣ и Серпейску — воевать Литовскую землю [307]); наконецъ, 7-го сентября того же года и самъ Василій Димитріевичъ выступилъ къ р. Плавѣ противъ Витовта. До битвы, однако, дѣло не дошло: князья заключили перемиріе на годъ [308]). Въ Псковѣ Василій Димитріевичъ оставилъ своимъ намѣстникомъ князя Даніила Александровича (изъ ростовскихъ князей). Для

---

302) Ibid. V, 252. См. прим. 298.

303) Ibid. IV, 196.

304) Ibid. IV, 144.

305) Ibid. IV, 144; въ слѣдующихъ лѣтоп. подъ 1404 годомъ: III, 102; IV, 106—107; V, 253; VI, 132; VII, 239; VIII, 76; а въ Новгородской 4-ой (т. IV, 145) — подъ 1405 годомъ.

306) Ibid. IV, 133—134; VI, 132; VIII, 81, 78; Ник. IV, 316.

307) Ibid. IV, 109; V, 254; VI, 132; VIII, 78. По Троицкой (I, 233) это было въ 1405, а по Псков. 1-ой и 2-ой (IV, 198, —V, 19) — въ 1407 году. Въ Ник. IV, 316 говорится, что посланныя къ Вязьмѣ и Серпейску войска «не успѣша ничто же.»

308) Ibid. V, 254; VI, 133; VIII, 78; Ник. V, 1. Въ Софійской второй говорится, что Василій Димитріевичъ пошелъ противъ Витовта «и ста *на Павловѣ*», очевидно, вмѣсто *на р. Плавѣ*. — Никон. лѣтопись говоритъ, что Василію присылали помощь кн. тверскій Иванъ Михайловичъ и ханъ Шадибекъ.

Смоленска, какъ видно, великій князь ничего не выговорилъ у Витовта: мы видимъ, что въ томъ же **1406 г.** въ Москву опять пріѣхалъ кн. Юрій Святославичъ, выгнанный изъ его отчины Витовтомъ, и получилъ намѣстничество въ Торжкѣ; тогда же изъ Литвы пріѣхалъ на службу къ великому князю кн. Александръ Ивановичъ Нелюбъ, которому данъ былъ г. Переяславль [309]). Между тѣмъ псковичи, оставленые въ покоѣ со стороны Литвы, начинаютъ терпѣть отъ нападеній со стороны нѣмцевъ. Они опять обратились за помощью къ Василію Димитріевичу, который послалъ къ нимъ (зимой) брата своего Константина сначала только для помощи, а потомъ, въ **1407 г.**, и на княженіе [310]).

Съ **1407 г.**, по выраженію Никоновской лѣтописи, «наипаче заратишась москвичи съ литвою». Ни одна изъ лѣтописей не указываетъ, однако, на причины этихъ непріязненныхъ отношеній. Василій Димитріевичъ пошелъ по направленію къ Смоленску, взялъ и сожегъ Дмитровецъ и отсюда пошелъ къ Вязьмѣ. Но до битвы и теперь дѣло не дошло: князья заключили перемиріе на время отъ Рождества Богородицы (8-го сентября) до Петрова дня [311]). Въ Литвѣ въ это время происходили усобицы: Ягелло и Свидригайло спорили о власти; первый одержалъ верхъ, и его соперникъ изъ Брянска перешелъ, въ **1408** году (іюля 26-го), на службу къ князю московскому; съ нимъ пришли также князья: Патрикій и Александръ звенигородскіе, Өедоръ Александровичъ путивльскій, Семенъ перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій и Урустай минскій (вѣроятно, изъ татарскихъ князей), бояре черниговскіе, брянскіе, стародубскіе и рославльскіе. Василій Димитріевичъ далъ Свидригайлу города: Владиміръ, Переяславль, Юрьевъ, Волоколамскъ и др. [312]). Между тѣмъ на Литвѣ наступило относительное спокойствіе, и Витовтъ не преминулъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ для похода на Москву. Хотя лѣтописи и не говорятъ о причинахъ

---

309) Ibid. III, 103; IV, 109; V, 256; VI, 132—133; VIII, 78—81; Ник. IV, 317.

310) Ibid. III, 103; IV, 198; V, 19; VI, 134; VIII, 81. По Новгородской 1-ой Константинъ въ первый разъ пришелъ на помощь къ псковичамъ въ 1407 году, а на намѣстничество — въ 1408. Псковская 1-я добавляетъ, что въ 1407 г. онъ пришелъ въ мартѣ (15-го). Странно, почему въ послѣдней не говорится о томъ, что Константинъ былъ во Псковѣ на княженіи.

311) Ibid. IV, 110; V, 256—257; VI, 135. Лѣтописи Троиц. и Воскр. (I, 234; VIII, 81) относятъ этотъ походъ къ 1408 году. Нѣкоторыя изъ лѣт., наприм. Никоновская, говорятъ, что Василій Димитріевичъ выступилъ въ походъ 6-го августа, а другія, какъ Троицкая, — 8-го сентября. Такъ какъ перемиріе до Петрова дня заключено именно 8-го сентября, то, очевидно, войска должны были выступить въ походъ много раньше этого числа. По Софійской второй передъ этимъ походомъ Василій Димитріевичъ и Иванъ Михайловичъ тверскій пошли въ орду къ Зелени-Салтану, а по Воскр. пошелъ только кн. тверскій.

312) Ibid. V, 257; VI, 136; VIII, 82; Ник. V, 16. Густинская лѣт. (I, 352) относитъ приходъ Свидригайла къ 1406 г.

этого похода, но, кажется, ближайшею причиной его былъ переходъ на службу къ Василію Витовтова врага Свидригайла. Василій Димитріевичъ пошелъ на встрѣчу Витовту, къ р. Угрѣ. Но и на этотъ разъ дѣло не дошло до битвы: князья заключили вѣчный миръ [313]).

Въ ордѣ въ описываемое время происходили неурядицы и смуты, была замятия, по выраженію лѣтописей: ханы быстро смѣняли одинъ другаго, и эти перемѣны сопровождались потрясеніями и кровопролитіемъ: Тохтамыша смѣнилъ Теміръ-Кутлуй, за которымъ слѣдовали Шадибекъ и Булатъ-Салтанъ. Василію Димитріевичу, конечно, на руку были эти смуты, и онъ нѣсколько лѣтъ не посылалъ даже выхода въ орду. Тѣмъ не менѣе орда еще сильна была, между прочимъ, потому, что настоящимъ представителемъ ея въ это время былъ хитрый и энергичный Едигей. Онъ, по-видимому, дружилъ съ Василіемъ, называлъ его сыномъ своимъ, а между тѣмъ втайнѣ готовился нанести этому сыну сильный ударъ. Въ **1408 г.** онъ вмѣстѣ съ другими четырьмя царевичами и многими князьями ордынскими вторгся въ Рязанскую землю, разбилъ рязанскаго князя Ѳеодора Олеговича, потомъ — коломенскую рать и, въ концѣ ноября, подступилъ къ Москвѣ. Великій князь уѣхалъ въ Кострому, оставивъ въ Москвѣ дядю своего Владиміра Андреевича Храбраго, братьевъ Андрея и Петра и какого-то кн. Ивана Юрьевича. Едигей 26-го ноября остановился въ Коломенскомъ, а 1-го декабря по всей Московской землѣ распустилъ татаръ, которые разсыпались въ разныя стороны «аки зліи вълци»: Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верея, Нижній-Новгородъ и Городецъ сдѣлались жертвою огня и меча татарскаго; но погоня, посланная за великимъ княземъ, не могла догнать его и ни съ чѣмъ воротилась назадъ. Хотя Едигей самъ и не подходилъ къ Москвѣ и не сносился съ осажденными, тѣмъ не менѣе онъ хотѣлъ остаться здѣсь на зимовку и, во что бы то ни стало, взять столицу. Чтобы усилиться людьми и осадными орудіями, онъ вызывалъ къ Москвѣ Ивана Михайловича, в. кн. тверскаго, съ пушками, тюфяками и самострѣлами. Иванъ Михайловичъ шелъ медленно; дошедши до г. Клина, онъ отпустилъ отъ себя сопровождавшихъ его татарскихъ посланцевъ, а самъ воротился домой. Такъ

313) Ibid. VI, 136; VIII, 82. Троицк. и Псков. 1-я и 2-я (I, 234; IV, 200; V, 21), а также Никон. (V, 26—27) относятъ этотъ походъ къ 1409 году. Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Воскр. и Никон., выступленіе Василія въ походъ относятъ къ 1-му сентября, другія — къ 11-му, какъ Соф. 2-я, и третьи — къ 14-му, какъ Троицкая. Въ большинствѣ лѣтописей виновникомъ вооруженнаго столкновенія выставляется Витовтъ, — онъ первый выступаетъ противъ Василія; а 1-я и 2-я Псков. и Никон. лѣтописи приписываютъ починъ въ этомъ дѣлѣ Василію. Послѣдняя изъ указанныхъ лѣтописей прибавляетъ, что Василій обращался къ татарскому царю съ просьбой о помощи противъ Витовта, что ханъ Шадибекъ и кн. Иванъ Михайловичъ тверскій присылали ему помощь.

онъ поступалъ «дабы ни Едигѣя разгнѣвити, ниже великому князю погрубити, и обоимъ обоего избѣжа, премудрѣ бо сіа сътвори»... Не надѣясь захватить (въ плѣнъ) великаго князя, Едигей отправилъ къ нему посланіе или грамоту, въ которой прописываетъ всѣ преступныя противъ орды дѣянія Василія. Это посланіе, внесенное въ Новгородскую 4-ю и другія лѣтописи, весьма любопытно, такъ какъ оно ярко характеризуетъ отношенія Василія къ ордѣ и его ордынскую политику. Едигей, прежде всего, говоритъ, что онъ пришелъ ратью потому, что, по распространившемуся въ ордѣ слуху, у Василія находятся Тохтамышевы дѣти. Очевидно, Булатъ-Салтанъ не чувствовалъ подъ сабой твердой почвы и, надо полагать, боялся, что Василій (если бы у него были Тохтамышевы дѣти) могъ отъ себя выставить претендента на ханскій престолъ. Далѣе, Едигей жалуется, что прежде улусъ царевъ «исправу дръжалъ да и пошлину», а теперь этого нѣтъ,—что приходящихъ въ Московскую землю царевыхъ пословъ и купцовъ «на смѣхъ поднимаютъ», между тѣмъ какъ прежде пословъ царевыхъ и гостей чтили и «держали безъ истомы и безъ обиды»; онъ совѣтуетъ Василію спросить старыхъ бояръ, такъ ли дѣлалось прежде; выставляетъ на видъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сѣлъ на царствѣ Темиръ-Кутлуй, Василій не былъ ни у одного царя въ ордѣ, не присылалъ даже ни дѣтей, ни князей, ни бояръ своихъ. «Добрые нравы, говоритъ Едигей, и добрыя дѣла, и добрая дума въ ордѣ была отъ Ѳеодора отъ Кошки, добрый былъ человѣкъ: которыи добрыи дѣла ордынскіи тотъ тебѣ (Василію) поминалъ, а то ся минуло». Теперь, говоритъ далѣе Едигей, у тебя сынъ его Иванъ—казначей, любовникъ и старѣйшина; «и ты нынѣча изъ того (Ивана) слова и думы не выступаешь, которая его дума не добра и слово, и ты изъ того слова не выступаешь... ино того думою учинилася улусу пакость». Въ заключеніе Едигей говоритъ, что Василій, посылая въ орду «жалобныя грамоты», всегда лгалъ, когда говорилъ, что «ся улусъ истомилъ и выхода взяти не на чемъ», что онъ бралъ съ двухъ сохъ по рублю и неизвѣстно, куда дѣвалъ это серебро, т. е. — другими словами — оставлялъ у себя. Такъ прописывалъ Едигей Василію его «пакости». А между тѣмъ ордѣ угрожалъ новый претендентъ на ханскій престолъ. Булатъ-Салтанъ чрезъ посла извѣщалъ Едигея объ опасности и требовалъ, чтобъ онъ немедленно возвратился въ орду. Только теперь Едигей вступаетъ въ переговоры съ осажденными, не знавшими объ угрожавшей хану опасности, и соглашается снять осаду за окупъ въ 3000 рублей. Сначала Едигей отпустилъ въ орду нѣсколько отрядовъ съ большимъ полономъ, а потомъ, въ концѣ декабря, ушелъ и самъ со всѣмъ войскомъ [314]).

314) Ibid. III, 103; IV, 110; V, 257; VI, 136; VIII, 82—84; Ник. V, 17 и сл. Троицк. (I, 234) относитъ это событіе къ 1409 году; С. г. г. и д. II, № 15.

Затѣмъ, до **1418 г.** дѣятельность Василія Димитріевича отличается болѣе мирнымъ и миротворнымъ характеромъ. Въ **1408** году, еще до нашествія Едигея, кн. Иванъ Владиміровичъ пронскій согналъ Ѳедора Олеговича съ великокняжескаго рязанскаго стола, который самъ занялъ. Василій Димитріевичъ вступился въ это дѣло, примирилъ родичей, и каждый изъ нихъ занялъ по-прежнему свое княженіе [315]); тогда же по повелѣнію великаго князя срубленъ, т. е. укрѣпленъ былъ г. Ржева, вѣроятно, по причинѣ частыхъ набѣговъ на него Литвы [316]); въ слѣдующемъ **1409 г.** сентября 1-го Василій Димитріевичъ съ большой силой выступилъ противъ Витовта и сталъ на берегу р. Угры. Витовтъ съ литовцами, ляхами, нѣмцами и жмудью стоялъ на другомъ берегу той же рѣки. Но, простоявши такъ нѣсколько дней, князья примирились, какъ выражается лѣтопись, «по давному [317]).

Псковъ въ это время начинаютъ безпокоить нѣмцы. Въ самомъ началѣ февраля **1408 г.** ливонскій магистръ съ нѣмцами и литвой вторгся въ Псковскую землю и пустошилъ ее въ продолженіе недѣли. Тщетно псковичи обращались къ Новгороду: новгородцы «псковичемъ въ перечину» не оказали имъ никакой помощи, и нѣмцы побили псковичей. Въ слѣдующемъ **1409 г.** псковичей постигло другое несчастіе: 4-го апрѣля скончался ихъ любимый князь, Даніилъ Александровичъ. Въ то же время, послѣ праздника Пасхи (была 7-го апрѣля), на основаніи заключеннаго Василіемъ Димитріевичемъ мирнаго договора съ Витовтомъ, псковичи отправили къ послѣднему пословъ также для заключенія «вѣчнаго мира». Заключивши (въ іюлѣ мѣсяцѣ) миръ и съ ливонскимъ магистромъ, псковичи должны были позаботиться о князѣ: они отправили къ Василію Димитріевичу пословъ, по просьбѣ которыхъ великій князь отпустилъ къ нимъ на княженіе кн. Александра Ѳедоровича ростовскаго. Но съ нимъ, какъ видно, псковичи не могли ужиться: въ **1410 г.** Александръ Ѳедоровичъ назначенъ былъ во Псковъ княземъ, а 15-го мая слѣдующаго **1411 г.** онъ уѣхалъ изъ Пскова въ Москву. Въ слѣдующемъ **1412 г.** псковичи опять отправили къ великому князю посольство, чрезъ которое выпросили къ себѣ княземъ меньшаго брата Василіева, Константина Димитріевича [318]).

---

315) Ibid. VI, 135; VII, 243; Ник. V, 14. Бой между рязанскими князьями произошелъ 1-го іюня.

316) Ibid. VIII, 82.

317) Ibid. VI, 136; VIII, 82; а по I, 234, — IV, 200 и V, 21 походъ на Угру былъ въ 1408 году.

318) Ibid. IV, 200—201; V, 21—22; Ник. V, 36. Псковская 1-я подъ однимъ 1409 годомъ помѣщаетъ извѣстія разныхъ годовъ: походъ Василія на Угру, нападеніе ливонскаго магистра на Псковскую землю въ февралѣ, смерть Даніила Александровича въ апрѣлѣ и за-

Еще не успѣли послы выѣхать изъ Москвы, какъ Василій Димитріевичъ со множествомъ богатства и большой свитой собрался въ орду къ Зелени-Салтану (Джелал-Эддину); съ нимъ былъ и ярославскій князь Иванъ Васильевичъ. Въ то же время въ орду пошелъ, по требованію хана, и кн. тверскій Иванъ Михайловичъ. Надобно полагать, что эта поѣздка Василія въ орду была въ связи съ дѣлами нижегородско-суздальскихъ князей, которые хлопотали въ ордѣ о ярлыкѣ на княженіе Нижегородское. Василій выѣхалъ въ орду въ августѣ, а въ половинѣ ноября того же года (о Филипповѣ заговѣньи) возвратился въ Москву [319]), кажется, съ успѣхомъ, такъ какъ не расположенный къ нему Зелени-Салтанъ скончался, а занявшій его мѣсто Керимбердей обнадежилъ его въ своей дружбѣ, такъ что суздальско-нижегородскіе князья, не смотря на полученный ими еще отъ Зелени-Салтана ярлыкъ на Нижній Новгородъ, волей-неволей, должны были смириться, и вотъ, въ **1416 г.**, среди лѣта, въ Москву пріѣхали: Иванъ Васильевичъ Кирдяпинъ, Иванъ Борисовичъ, сынъ котораго Александръ пріѣхалъ двумя годами раньше отца, а Даніилъ Борисовичъ прибылъ въ слѣдующемъ **1417** году. Впрочемъ, Даніилъ и Иванъ Борисовичи черезъ годъ бѣжали изъ Москвы [320]). Въ томъ же **1417 г.** великаго князя постигло глубокое горе: «зѣло превозжелѣнный ему» сынъ его Иванъ скончался [321]).

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ лѣтописи ничего не говорятъ объ этомъ, — въ томъ же **1417 г.** Василій Димитріевичъ приказалъ брату своему Юрію воевать Заволочье. Юрій послалъ туда боярина своего Глѣба Семеновича, который съ новгородскими бѣглецами, Семеномъ Жадовскимъ и Михаиломъ Разсохинымъ, съ устюжанами и вятчанами пустошилъ Заволочье до Холмогоръ, которые пожегъ, и взялъ въ полонъ новгородскихъ бояръ, Юрія Ивановича и брата его Сампсона. Новгородцы преслѣдовали

ключеніе мира съ Витовтомъ, также въ апрѣлѣ. Очевидно, къ 1409 году надобно отнести только смерть Даніила и заключеніе мира съ Витовтомъ, а все остальное—къ предъидущему году; и извѣстія за іюнь и сентябрь слѣдующаго 1410 года, такимъ образомъ, надобно отнести къ 1409 году. — По Псковской второй псковичи выпросили себѣ княземъ Константина въ 1411 г., а во Псковъ Константинъ пріѣхалъ въ 1412 году ноября 11-го; по Псковской же первой все это случилось въ 1412 г. — Никон. лѣт. (V, 35) подъ 1410 г. отмѣчаетъ, что Василій Димитріевичъ «повелѣ рубити градъ Плесо».

319) Ibid. I, 134; III, 105; IV, 113, 201; V, 258; VI, 135, 139 (подъ 1407 годомъ, а подъ 1412-мъ опять говоритъ, что великій князь поѣхалъ въ орду и что при немъ былъ Иванъ Михайловичъ тверскій); VIII, 86; XV, 486.

320) Ibid. I, 235; V, 261 (въ варіантахъ); VI, 140 — 141; VIII, 88, 90.

321) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 15, 202; V, 260; VI, 141 (въ варіантахъ); VIII, 88. Смерть его въ VI и VIII смѣшивается со смертью Ивана Васильевича Кирдяпина. Какъ объ этомъ княжичѣ, такъ и о другихъ дѣтяхъ великихъ князей, не занимавшихъ почему либо удѣловъ, біографическія свѣдѣнія будутъ помѣщены въ концѣ этого тома, въ I приложеніи.

незванныхъ гостей, отбили у нихъ новгородскихъ бояръ и вообще новгородскій полонъ, а другая партія новгородцевъ сожгла Устюгъ [322]).

Сей-часъ мы упомянули о томъ, что въ 1417 г. умеръ старшій сынъ Василія Димитріевича, «зѣло превозжелѣнный» ему Иванъ, въ которомъ великій князь лишился наслѣдника великокняжескаго стола. Но за два года передъ этимъ у Василія родился другой сынъ, именемъ также Василій, который теперь и долженъ считаться наслѣдникомъ престола. Въ **1419 г.** Василій Димитріевичъ хотѣлъ подъ этого Василья, какъ будущаго великаго князя, «подписати» младшаго брата своего Константина, т. е., говоря современнымъ намъ языкомъ, привести его къ присягѣ на вѣрность своему сыну, какъ наслѣднику великокняжескаго стола. Константинъ воспротивился этому: «Несть сия отъ начала бывало», сказалъ онъ старшему брату: «и ты ныне на мнѣ почто хощешь силу сотворити?» Разгнѣванный Василій отнялъ у Константина отчину его, отнялъ все до послѣдней деревни и приказалъ переловить бояръ его. Константинъ ушелъ къ новгородцамъ, которые, 25-го февраля, приняли его съ великою честію и дали ему города, бывшіе прежде за кн. Семеномъ (Лугвеніемъ) Ольгердовичемъ литовскимъ [323]).

Въ **1420 г.** новгородцы чрезъ бояръ Константина Димитріевича и чрезъ великокняжескаго намѣстника, кн. Ѳедора Патрикѣевича, заключили съ нѣмцами миръ въ съѣздѣ на р. Наровѣ. Псковичи также были въ мирѣ съ нѣмцами. Между тѣмъ въ слѣдующемъ **1421 г.** Витовтъ чрезъ пословъ своихъ потребовалъ, чтобы Псковъ разорвалъ миръ съ нѣмцами. Псковскіе послы въ свою очередь говорили Витовту: «како намъ, княже, по тобѣ пособити? а на томъ есме крестъ цѣловали, что намъ съ нѣмцы миръ держати, а по тобѣ не помогати». Съ этого времени, по замѣчанію одной лѣтописи, Витовтъ началъ держать гнѣвъ на псковичей. Вѣроятно, этимъ обстоятельствомъ надобно объяснять отправку, въ томъ же году, псковскаго посольства къ великому князю съ просьбой дать въ князья Пскову Александра Ѳедоровича, кн. ростовскаго, который и прибылъ во Псковъ 1-го апрѣля **1422** года [324]).

Что касается отношеній, за это время, самого Василія Димитріевича къ Литвѣ, то видно, что онъ старался устранять всякіе поводы къ непріязненнымъ столкновеніямъ съ ней и поддерживалъ добрыя сосѣдскія отношенія съ Витовтомъ. Такъ, въ **1422 г.** Василій Димитріевичъ отпустилъ жену свою съ сыномъ Василіемъ въ Смоленскъ на свиданіе съ Витовтомъ, а самъ

---

322) Ibid. III, 106 — 107; IV, 115; V, 260; VI, 141; Ник. V, 68.

323) Ibid. III, 109; IV, 119 (подъ 1421 годомъ); V, 261 (въ варіантахъ); VIII, 91; Ник. V, 73.

324) Ibid. IV, 119; V, 23; VI, 141.

въ то же время отправился за чѣмъ-то въ Коломну; въ-слѣдъ за Софьей Витовной въ Смоленскъ отправился и митрополитъ. Но всего очевиднѣе выражается нежеланіе Василія Димитріевича ссориться съ тестемъ въ отношеніяхъ его къ псковитянамъ. Въ **1423 г.** псковичи чрезъ своихъ посадниковъ били челомъ великому князю, чтобы онъ «доброе слово послалъ» за нихъ Витовту; но великій князь «не учини на добро ничего же». Въ слѣдующемъ **1424 г.** псковичи опять отправили въ Москву пословъ просить себѣ князя, такъ какъ Александръ Ѳедоровичъ ростовскій въ предъидущемъ году выѣхалъ изъ Пскова «и съ челядью»; въ то же время послы просили Василія Димитріевича, «абы печаловался о Псковѣ и избавилъ бы отъ гнѣва князя Витовта». Василій послалъ во Псковъ кн. Ѳедора Патрикѣевича, а что касается второй просьбы, то опять великій князь «не учини на добро ничего же». Подобная же просьба съ такимъ же результатомъ повторилась и въ **1425** году. Наконецъ, на желаніе Василія сохранить дружественныя отношенія къ Витовту указываютъ и его духовныя грамоты, въ которыхъ онъ поручаетъ своего сына - наслѣдника попеченію, прежде всего, Витовта. Самъ Витовтъ, какъ видно, считалъ отношенія свои къ великому князю московскому дружественными, и потому-то, когда князь Купдатъ, въ 1424 г., пришелъ къ Одоеву на тамошняго князя Юрья Романовича, литовскаго подручника, Витовтъ просилъ у Василія Димитріевича помощи, и хотя послѣдняя не поспѣла во-время, тѣмъ не менѣе изъ двухъ ханшъ, взятыхъ въ плѣнъ, литовскіе князья, побившіе Купдата, одну отправили къ Витовту, а другую — къ Василію Димитріевичу [325]).

Послѣднимъ актомъ жизни Василія Димитріевича было примиреніе его съ Новгородомъ: онъ цѣловалъ крестъ къ В. Новгороду на томъ, что отступается отъ Бѣжецкаго Верха, Волока и Волоцкихъ мѣстъ; новгородцы, съ своей стороны, отказались «отъ княжчинъ (принадлежавшихъ великому князю пошлинъ) всѣхъ, гдѣ ни есть» [326]).

Василій Димитріевичъ скончался въ февралѣ **1425** года и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ [327]). Онъ женатъ былъ, съ **1392 г.**, на дочери в. кн. литовскаго Витовта Софіи [328]), отъ брака съ которой имѣлъ пятерыхъ

---

325) Ibid. V, 24 — 25, 262; VI, 142; VIII, 91 — 92.

326) Ibid. VIII, 92.

327) Ibid. II, 354; III, 110 (подъ 1424 г.), 140 (въ варіантахъ); IV, 120; V, 25, 263; VI, 53, 142; VII, 225; VIII, 2, 92, 248; Ник. V, 82. Однѣ изъ указанныхъ лѣтописей относятъ кончину Василія Димитріевича къ 7 февраля, другія — къ 17, третьи — къ 27, а нѣкоторыя — къ 28.

328) Ibid. IV, 99; V, 245; VI, 119; но въ II, 351, — V, 244, — VIII, 61 и XV, 445 (зимой) свадьба отнесена къ 1390 году. По IV, 97 — V, 244, — VIII, 61 бояре Василія, выходившіе встрѣтить великокняжескую невѣсту, въ 1390 г. чрезъ Новгородъ прибыли въ Москву. Очевидно, въ лѣтописяхъ смѣшаны два факта: пріѣздъ Софьи и свадьба.

сыновей и четырехъ дочерей, а именно [329]): Юрія (р. 1395 † 1400), Ивана [330]), Василія (впослѣдствіи великій князь), Даніила [331]) и Семена,—дочерей: Марію, бывшую за московскимъ бояриномъ и воеводой кн. Юріемъ Патрикіевичемъ, сыномъ Патрикія Наримонтовича, кн. литовскаго [332]),—Василиссу, бывшую въ первомъ супружествѣ за Александромъ Ивановичемъ Брюхатымъ, а во второмъ — за Александромъ Даниловичемъ Взметнемъ, князьями суздальско-нижегородскими [333]), — Анну, въ 1411 г. выданную за греческаго царевича Ивана Мануиловича Палеолога [334]), и Анастасію, бывшую за кіевскимъ княземъ Александромъ (Олелькомъ) Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда [335]).

---

329) Ibid. VI, 124; VIII, 65, 74; Ник. IV, 257.

330) Ibid. I, 235; III, 106, 136; IV, 115, 202; V, 260; VI, 141 (въ варіантахъ); VIII, 70, 88.

331) Мальгинъ («Зерцало») вмѣсто Даніила даетъ Василію Димитрія. О Даніилѣ извѣстно только, что онъ родился 6-го декабря 1401 г. «да не долго жилъ: толико 5 мѣсяцъ, и умре»; Семенъ родился 13-го января 1405 г. «да жилъ 12 недѣль и умре». См. Карамз. V, пр. 254. Семенъ упоминается въ первой духовной грамотѣ Василія Димитріевича. С. г. г. и д. I, № 39.

332) Ibid. VII, 254. Имя ея извѣстно по родословнымъ.

333) Ibid. V, 261 (въ варіантахъ); VIII, 90; Ник. V, 73.

334) Ibid. IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; Ник. IV, 250 и V, 41.

335) Ibid. VI, 142; VIII, 91.

III.

ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ.

Василій Васильевичъ Темный.

р. 1415 † 1462.

Василію Васильевичу было десять лѣтъ, когда умеръ отецъ его [336]). Легко было предвидѣть, что у юнаго великаго князя будутъ соперники въ лицѣ дядьевъ его, хотя бы онъ наслѣдовалъ престолъ и въ болѣе зрѣломъ возрастѣ: старинныя понятія о старшинствѣ, по крайней мѣрѣ между самими князьями, еще не вполнѣ были вытѣснены новыми понятіями о престолонаслѣдіи. Борьбу предвидѣлъ еще самъ умершій великій князь. Чтобы предупредить могущія возгорѣться послѣ его смерти распри, съ одной стороны, между его братьями и, съ другой, его сыномъ-наслѣдникомъ, Василій

---

336) Ibid. I, 234; VI, 140; VIII, 87; Ник. V, 56 вездѣ подъ 1415 г. По однимъ Василій Васильевичъ родился 10, по другимъ — 15, по третьимъ 21 марта. Самое рожденіе Василія обставлено въ лѣтописяхъ необыкновенными явленіями. Въ день рожденія мать его до того стала изнемогать, что, казалось, скоро умретъ. Великій князь послалъ въ монастырь Іоанна Предтечи, что за р. Москвой, къ извѣстному ему святостію жизни старцу, котораго просилъ помолиться о княгинѣ. Старецъ сказалъ посланному, что бы великій князь молился Богу и Его Пречистой Матери и покровителю рода великаго князя св. Логину-сотнику, а о княгинѣ не скорбѣлъ бы, потому что она будетъ здорова и въ этотъ вечеръ родитъ сына-наслѣдника, что и сбылось. Когда у великаго князя родился сынъ, въ келью великокняжескаго духовника (въ Спасскомъ монастырѣ) кто-то стукнулъ и сказалъ: «иди, нарци имя великому князю Василію». Духовникъ, взявши все необходимое, вышелъ изъ кельи, но посланнаго не нашелъ; тѣмъ не менѣе онъ пошелъ въ великокняжескій дворецъ и на дорогѣ встрѣтилъ посланнаго за нимъ отъ великаго князя, и спросилъ его, не онъ ли приходилъ за нимъ,— но получилъ отрицательный отвѣтъ. По нарѣченіи имени новорожденному, духовникъ многихъ спрашивалъ, кто за нимъ присылалъ прежде, но ничего не могъ добиться. «Мнѣ же, говоритъ лѣтописецъ, о семъ Стефанъ діакъ сказа, а о прежнемъ прореченіи старца Дементей печатникъ, а сему, сказа, повѣда великаа княгини Маріа.»

Димитріевичъ, какъ мы видѣли, еще лѣтъ за 6 до своей кончины (въ **1419 г.**) хотѣлъ «привести въ цѣлованіе подъ Василья» брата своего Константина, который взглянулъ на это требованіе старшаго брата, какъ на нововведеніе и насиліе съ его стороны, и не далъ присяги, за что и лишенъ былъ удѣла[337]). Что касается старшаго дяди юнаго великаго князя, Юрія Димитріевича, то Василій Димитріевичъ считалъ его, кажется, уже совсѣмъ неблагонадежнымъ: въ своей духовной грамотѣ онъ поручаетъ сына своего опекѣ своей супруги, а послѣднюю вмѣстѣ съ сыномъ поручаетъ попеченіямъ, прежде всего, в. кн. литовскаго Витовта и братьевъ Андрея и Петра Димитріевичей; но о Юріи нѣтъ въ грамотѣ и помину, какъ и о Константинѣ[338]). Юрій находилъ оправданіе своимъ притязаніямъ на великокняжескій столъ не только въ старинныхъ понятіяхъ о старшинствѣ, но и въ завѣщаніи отца своего. Димитрій Ивановичъ Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи, съ цѣлью устранить Владиміра Андреевича Храбраго отъ домогательства великокняжескаго стола, сдѣлалъ такую оговорку: «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего князя Василья, а хто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему княжь Васильевъ удѣлъ, а того удѣломъ (т. е. удѣломъ слѣдующаго за Васильемъ сына) подѣлитъ ихъ моя княгиня»[339]). Здѣсь, какъ мы уже говорили выше, Димитрій Ивановичъ имѣлъ въ виду бездѣтную кончину Василія, который въ то время еще не былъ женатъ; въ противномъ случаѣ онъ не сдѣлалъ бы такого распоряженія, по которому дѣтямъ Василія, если бы таковыя явились, не оставалось бы ничего, никакого надѣла. Но Юрій основывался, очевидно, не на внутреннемъ смыслѣ завѣщанія, а на буквѣ его, хотя, можетъ быть, внутренно и сознавалъ всю неосновательность своихъ притязаній.

Тотъ-часъ послѣ смерти Василія Димитріевича митрополитъ Фотій послалъ въ Звенигородъ боярина своего — звать Юрія Димитріевича въ Москву, конечно, какъ на погребеніе умершаго брата, такъ, надобно полагать, и для присяги новому великому князю. Юрій, конечно, догадывался объ этомъ, даже боялся, можетъ быть, западни, а потому не только не явился въ Москву, но и убрался отъ нея подалѣе, — онъ уѣхалъ въ Галичъ, и здѣсь вполнѣ обнаружились его явно-враждебные Василію замыслы: изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ, по выраженію лѣтописи, «съ грозами» и требовалъ перемирія до Петрова дня. Это перемирное время онъ употребилъ на собраніе рати; а когда эта работа была окончена, онъ сталъ готовиться къ походу на Москву. Бояре и ближайшіе совѣтники Василія въ

337) Ibid. III, 109; IV, 119; V, 261; VIII, 90.
338) С. г. г. и д. I, № 42.
339) Ibid. № 34.

свою очередь не дремали: они собрали огромное ополченіе, при которомъ находились и остальные дядья великаго князя, и пошли къ Костромѣ. Юрій со всѣми людьми своими бѣжалъ отъ этого ополченія въ Нижній-Новгородъ; за нимъ посланъ былъ въ погоню Константинъ Димитріевичъ; Юрій ушелъ далѣе, за р. Суру, къ которой подошелъ и Константинъ. Но послѣдній не преслѣдовалъ брата своего дальше по невозможности, будьто бы, переправиться чрезъ рѣку и возвратился въ Москву. По уходѣ Константина Юрій возвратился въ Нижній-Новгородъ, а отсюда пошелъ въ Галичъ. Изъ Галича онъ отправилъ въ Москву пословъ просить перемирія на годъ. Великій князь, посовѣтовавшись съ митрополитомъ, матерью, дядьями и дѣдомъ Витовтомъ, а также и съ боярами своими, въ іюнѣ того же **1425 г.** просилъ митрополита Фотія отправиться въ Галичъ для заключенія не перемирія, а мира. Юрій Димитріевичъ, говоря современнымъ языкомъ, при встрѣчѣ митрополита хотѣлъ сдѣлать внушительную для москвичей демонстрацію: онъ собралъ изъ своихъ городовъ, селъ и деревень множество людей и расположилъ ихъ по загородной горѣ, гдѣ долженъ былъ ѣхать митрополитъ. Фотій, по въѣздѣ въ Галичъ, пошелъ прямо въ соборную церковь Преображенія Господня помолиться, а послѣ молитвы, вышедши изъ храма и окинувши взоромъ громадное стеченіе народа, сказалъ Юрію: «Сыне, князь Юрьи! не видахъ столко народа во овчихъ шерстяхъ, — вси бо бяху въ сермягахъ». Юрій, замѣчаетъ лѣтописецъ, хотѣлъ похвастаться тѣмъ, что у него много людей, «святитель же въ глумленіе сихъ вмѣни себѣ». Затѣмъ митрополитъ обратилъ къ Юрію рѣчь о мирѣ, но тотъ мира не хотѣлъ, а настаивалъ только на перемиріи. Фотій въ гнѣвѣ выѣхалъ изъ города, никому не давъ благословенія. Лѣтописи передаютъ, что тотъ-часъ по отъѣздѣ митрополита открылся моръ на людей. Въ страхѣ отъ постигшаго Божія наказанія Юрій всѣлъ на коня и догналъ митрополита за озеромъ въ селѣ Пасынковѣ (теперь Сынково) и со слезами умолилъ его возвратиться въ городъ. Фотій благословилъ князя, городъ и гражданъ, и моръ прекратился. Что же касается до заключенія мира, то Юрій по этому дѣлу послалъ къ великому князю боярина своего Бориса Галицкаго и еще Даніила Чешка, которые и докончали миръ съ великимъ княземъ. По мирному докончанью Юрій обязывался не искать великокняжескаго стола самолично, а только чрезъ хана; и который изъ князей, по этому договору, будетъ пожалованъ въ ордѣ великимъ княженіемъ, тотъ и будетъ великимъ княземъ владимірскимъ, В. Новагорода и всей Руси [340]).

340) П. С. Р. Л. VII, 225; VIII, 2, 93; Ник. V, 82—85. По другимъ лѣтописямъ (V, 263; VI, 143) не Константинъ, а Андрей Димитріевичъ можайскій ходилъ противъ Юрія, но отъ Суры возвратился ни съ чѣмъ, «норовя» ему, т. е. Юрію. См. Карамз. V, пр. 257.

Между тѣмъ Витовтъ начинаетъ тревожить отчину великаго князя, Псковскую землю. Въ **1426 г.** онъ подошелъ къ Опочкѣ; съ нимъ были, какъ передаетъ лѣтопись, земли: Литовская, Ляшская, Чешская и Волошская, а также и «татары его»; кромѣ того, у царя Махмета онъ выпросилъ дворъ его (вѣроятно, его личную стражу, конвой). Жители Опочки придумали хитрость: они сдѣлали на пути къ городу мостъ, который слабо держался на веревкахъ вмѣсто болѣе прочныхъ связей, а подъ мостомъ понабили множество кольевъ острыми концами вверхъ. Когда непріятель, ничего не подозрѣвая, во множествѣ бросился чрезъ этотъ мостъ къ городу, жители Опочки подрѣзали веревки: мостъ обрушился, враги падали на острыя колья, а многіе изъ нихъ взяты были живыми, и съ ними поступлено было даже для тогдашняго времени слишкомъ грубо и варварски: въ глазахъ Витовта съ плѣнныхъ сдирали кожу, «а у татаръ рѣзаша ....[341]) и въ ротъ влагаху имъ наругающеся». Витовтъ отступилъ къ г. Вороначу, гдѣ, по извѣстію лѣтописи, разразилась до того страшная гроза, что князь, держась за шатерный столбъ, постоянно выкрикивалъ: «Господи помилуй!» думая, что вотъ-вотъ разверзется земля и пожретъ его. Тѣмъ временемъ псковичи послали посадника своего съ боярами въ Москву просить великаго князя, чтобы онъ ходатайствовалъ о Псковѣ передъ дѣдомъ своимъ Витовтомъ. Зимой бояре Василія Васильевича пришли въ Псковъ и отсюда вмѣстѣ съ псковскими посадниками и боярами, захвативъ съ собой плѣнныхъ литовцевъ, отправились къ Витовту. Московскіе послы отъ имени великаго князя говорили Витовту: «Что ради ты тако чинишь чрезъ докончаніе? Гдѣ было тебѣ быти со мною за единъ, и ты мою отчину воюешь и пусту творишь!» Въ то же время псковичи кланялись Витовту тремя тысячами рублей. Литовскій князь, принимая во вниманіе ходатайство внука своего, взялъ только одну тысячу и ушелъ домой[342]). Это было уже въ **1427** году. Въ слѣдующемъ **1428** году псковичи просили себѣ князя у Василія, и къ нимъ назначенъ былъ кн. Александръ Ѳеодоровичъ ростовскій. Витовтъ, однако, не ду-

---

341) Pudenda.

342) Ibid. IV, 204—205; V, 26; VIII, 94; Ник. V, 93. Въ Псковской первой приходъ Витовта къ Опочкѣ, стычки здѣсь псковичей съ литвой, татарами и пр. и псковское посольство къ в. кн. московскому отмѣчены подъ 1426 годомъ, начиная съ *1-го августа;* послѣдняя дата подъ указаннымъ годомъ — *25-го августа,* когда псковичи, еще до отправленія въ Москву посольства, заключили съ Витовтомъ миръ подъ Вороначемъ, куда литовскій князь отступилъ отъ Опочки. Изложеніе событій слѣдующаго 1427 года (заключеніе мира псковскими и великокняжескими послами) начинается съ *5-го сентября;* есть, между прочимъ, даты *апрѣльскія.* То же и въ Псковской второй. Въ Воскресенской лѣт. подъ 1426 г. то же, что и въ Псковскихъ, но нѣтъ никакихъ мѣсячныхъ датъ, а подъ 1427 г. сообщаются совершенно другія событія, причемъ мѣсячныя даты встрѣчаются такія: 9-го іюня, 18-го октября и 13-го апрѣля. Въ Никоновской лѣт. все совмѣщено подъ 1426 годомъ.

малъ оставить въ покоѣ ни Пскова, ни Новгорода; онъ даже добился того, что Василій Васильевичъ цѣловалъ къ нему крестъ на томъ, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову [343]).

Выше мы уже говорили о заключенномъ дядей и племянникомъ (Юріемъ и Василіемъ) мирѣ, по которому Юрій Димитріевичъ обязывался искать великое княженіе не самолично, а чрезъ хана, т. е. отдать рѣшеніе спорнаго дѣла на волю хана. Очевидно, такой миръ былъ не проченъ: можно было постоянно ожидать, что при такихъ условіяхъ одна изъ сторонъ, на которой будетъ надежда на успѣхъ, постарается если не уничтожить, то смирить противника, не обращаясь къ хану, рѣшенія котораго московскіе князья давно уже трактовали какъ пустую формальность, нужную, можетъ быть, для мелкихъ князей и излишнюю для себя... Не было ли какихъ-нибудь угрожающихъ дѣйствій со стороны Москвы по отношенію къ Юрію? По крайней мѣрѣ, ни тотъ, ни другой изъ князей, по заключеніи мира въ **1425** году, не думалъ ѣхать къ хану для рѣшенія спора о великокняжескомъ столѣ; напротивъ, Юрій, какъ будьто вынужденный какимъ-то внѣшнимъ давленіемъ на него, въ **1428 г.** заключилъ съ Василіемъ не выгодный для себя договоръ, въ которомъ онъ называется по отношенію къ племяннику младшимъ братомъ. По этому договору Василій Васильевичъ не вмѣшивается въ удѣлъ Юрія, Галичъ и Вятку, а Юрій не вступается въ отчину Василія: Москву, Коломну, а также Нижній-Новгородъ, Муромъ и другіе его примыслы,—также во владенія младшихъ братьевъ своихъ, чѣмъ ихъ благословилъ отецъ или что они сами примыслили и примыслятъ; Юрій обязывается также не принимать къ себѣ московскихъ служебныхъ князей, которые — въ противномъ случаѣ — лишаются своихъ отчинъ; великій князь, съ своей стороны, обязуется боронить Юрія отъ враговъ его и т. д. [344]).

Послѣднее обязательство Василій Васильевичъ въ слѣдующемъ **1429 г.** оправдалъ на дѣлѣ. Къ Галичу подступили татары, но, не могши взять города, повоевали только окрестныя волости; на Крещенье они подошли къ

---

343) Ibid. IV, 205; V, 26. По Псковской первой псковичи просили князя въ 1429 г., и Александръ Θедоровичъ прибылъ во Псковъ 20-го февраля; а по Псковской второй это было въ 1428 г.; Александръ Θедоровичъ напередъ себя прислалъ во Псковъ сына своего Димитрія, который, пробывъ во Псковѣ въ ожиданіи отца до полузимы и не дождавшись его, уѣхалъ въ Москву. Подъ слѣдующимъ 1429 годомъ также говорится о томъ, что псковичи отправили въ Москву пословъ (подъ 1428 г. упомянутъ посадникъ Θедоръ Шибалкиничъ, а въ 1429 г. послами были другія лица), которые выпросили кн. Александра,— что послѣдній прибылъ во Псковъ съ сыномъ Димитріемъ 20-го февраля, что псковичи приняли его. «Се же буди вѣдомо, прибавляетъ лѣтописецъ, яко сій князь Александръ уже третіее пріѣха въ Псковъ княземъ. (Два раза псковичи брали его при Василіи Димитріевичѣ).

344) С. г. г. и д. №№ 43—44.

Костромѣ и взяли ее; за ней взяли еще Плесъ и Лухъ и ушли назадъ Волгою. Услышавъ объ этомъ, Василій Васильевичъ послалъ на татаръ Андрея и Константина Димитріевичей съ воеводою Иваномъ Димитріевичемъ, которые гнались за татарами до Нижняго-Новгорода, но, не настигши ихъ, возвратились домой; другіе же воеводы, Θедоръ Константиновичъ Добрынскій и кн. Θедоръ Давидовичъ Стародубскій—Пестрой, нагнали татаръ за Нижнимъ-Новгородомъ: часть послѣднихъ была побита ими, другая — бѣжала, а полонъ ихъ остался въ рукахъ побѣдителей [345]).

Въ Литвѣ въ это время готовились къ невиданному торжеству: въ **1430 г.** Витовтъ приглашалъ къ себѣ въ Троки сосѣднихъ владѣтельныхъ государей на пиръ, такъ какъ хотѣлъ тогда, по совѣту римскаго цезаря, возложить на себя королевскую корону. На пиру у Витовта были: великій князь Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ, князья тверскій и рязанскій, князья одоевскіе, мазовскіе, ханъ перекопскій, волошскій господарь-изгнанникъ, послы греческаго императора, великій магистръ прусскій, ландмаршалъ ливонскій и польскій король Ягайло. Польскіе магнаты, провѣдавши о намѣреніяхъ Витовта, исполненіе которыхъ клонилось къ обособленному отъ Польши, вполнѣ самостоятельному существованію Литвы, всѣми мѣрами старались разстроить планы хитраго литвина: они подняли противъ него папу, перехватили посольство къ нему отъ римскаго императора въ надеждѣ отнять корону, которую, какъ они предполагали, императоръ посылалъ съ этимъ посольствомъ Витовту и пр. Послѣ гомерическихъ пиршествъ, происходившихъ въ Трокахъ и Вильнѣ, гости разъѣхались, а Витовтъ, благодаря энергическому противодѣйствію его планамъ со стороны магнатовъ, не достигъ желанной цѣли. Въ томъ же году онъ скончался, и литовскій великокняжескій столъ занялъ братъ Ягайла, Свидригайло [346]).

Слѣдующій **1431** годъ былъ годомъ безпокойнымъ для Москвы вообще и для самого великаго князя въ частности. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ въ этомъ году великій князь посылалъ воеводу своего кн. Θедора Давидовича Пестраго противъ волжскихъ и камскихъ болгаръ. Походъ этотъ былъ удаченъ. Еще раньше этого похода Юрій Димитріевичъ прислалъ къ великому князю мирную грамоту **1428** года вмѣстѣ со складною грамотой [347]). Князьямъ-соперникамъ оставалось теперь только отправиться

---

345) П. С. Р. Л. V, 263; VI, 143; VIII, 94; Ник. V, 96.

346) Ibid. V, 264; VI, 143; VIII, 2, 95; Ник. V, 96—97; Даниловича: «Skarbiec dyplomatów», № 1501 и сл.

347) Ibid. VI, 144; VIII, 95; Ник. V, 98; С. г. г. и д. I, № 43—44. Предположеніе С. М. Соловьева (Ист. Р. IV, 52), что Юрій разорвалъ миръ съ Василіемъ потому, что

въ орду и отдать спорное дѣло на рѣшеніе хана. Въ день Успенія Пр. Богородицы, послѣ молебствій и раздачи милостыни по монастырямъ, великій князь, отобѣдавъ на лугу противъ Симонова монастыря, отправился въ орду въ сопровожденіи умнаго, ловкаго и хитраго дипломата тогдашняго времени, боярина Ивана Дмитріевича Всеволожскаго. Юрій отправился въ орду позднѣе, въ концѣ первой половины сентября [348]). Въ ордѣ Василія и его боярина взялъ къ себѣ доброжелатель ихъ, врагъ Юрія, московскій дарага Минбулатъ [349]), который держалъ, въ то время, галицкаго князя въ великой истомѣ. Но и у Юрія въ ордѣ нашелся покровитель; это — ордынскій князь Ширинъ-Тегиня, который силой взялъ Юрія у Минбулата и ушелъ съ нимъ на зимовку въ Крымъ, обѣщая выхлопотать для него великокняжескій столъ. Хитрый Всеволожскій, пользуясь отсутствіемъ Василіева соперника, пустилъ въ ходъ все свое дипломатическое искусство, чтобы обезпечить успѣхъ за Василіемъ Васильевичемъ. Онъ говорилъ ордынскимъ князьямъ (Айдару, Минбулату и другимъ): «Сеи ли, господине, ваше печалованіе къ царю и вѣрное ваше слово о нашемъ государѣ великомъ князѣ, что не можетъ царь исъ Тегинина слова выступити мимо всѣхъ васъ, но по его слову дати великое княженіе князю Юрію; и коли царь по его слову такъ учинитъ, а въ васъ тогда что будетъ? князь Юрій князь велики будетъ на Москвѣ, а въ Литвѣ князь велики побратимъ его Швитригайло, а Тегиня въ ордѣ и въ царѣ воленъ, не млъви въ васъ». Такими словами Всеволожскій, по выраженію лѣтописи, «яко же стрѣлою уязви сердца ихъ» и добился того, что помянутые князья вынудили у хана приказъ — убить Тегиню въ случаѣ попытки его ходатайствовать за Юрія. Веспой **1432 г.** Тегиня возвратился изъ Крыма и узналъ объ этомъ приказѣ отъ ханскаго постельничаго, а потому и не рѣшался предпринять хотя что-либо въ пользу Юрія. Между тѣмъ Махметъ приказалъ разобрать дѣло князей. Василій Васильевичъ искалъ великокняжескаго стола «по отчеству и по дѣдству», а Юрій на основаніи лѣтописцевъ (иначе, по старинымъ понятіямъ о старшинствѣ) и мертвой (духовной) грамоты отца своего. Для хана, при другихъ

ободренъ былъ смертію Витовта и занятіемъ литовскаго великокняжескаго стола Свидригайломъ, своякомъ его, который могъ, въ случаѣ надобности, поддержать своего побратима, правдоподобно, — хотя надобно замѣтить, что и тогда въ международныхъ политическихъ отношеніяхъ свойство часто не принималось въ разсчетъ... Впрочемъ намекъ на возможность помощи Юрію со стороны Свидригайла есть въ приводимой въ текстѣ рѣчи Всеволожскаго, сказанной имъ ордынскимъ князьямъ.

348) П. С. Р. Л. III, 111; IV, 121, 206; V, 264 (1432 г.); VI, 148; VIII, 95; Ник. V, 108. По Псковской первой Юрій пошелъ въ орду 14-го сентября 1431 г., а по Воскресенской — 8-го сентября 1432 г. Вѣроятно, въ одной изъ этихъ лѣтописей принятъ годъ мартовскій, а въ другой — сентябрьскій.

349) О дорогѣ или дарагѣ см. пр. 265.

обстоятельствахъ, доводы Юрія могли бы показаться весьма убѣдительными. Но здѣсь выручаетъ Василія бояринъ Всеволожскій; онъ такъ говорилъ хану и князьямъ его: «Государь вольный царь! ослободи молвити слово мнѣ, холопу великаго князя. Нашъ государь великій князь Василей ищеть стола своего великого княженіа, а твоего улусу, по твоему цареву жалованію и по твоимъ девтеремъ[350]) и ярлыкомъ, а се твое жалованіе предъ тобою; а господинъ нашъ князь Юрій Дмитреевичъ хочетъ взяти великое княженіе по мертвой грамотѣ отца своего, а не по твоему жалованію, волного царя; а ты воленъ въ своемъ улусѣ, кого въсхощешь жаловати — на твоей воли, а государь нашъ князь великій Василей Дмитреевичъ великое княженіе далъ своему сыну великому князю по твоему жалованію волнаго царя; а уже, господине, который годъ сѣдить на столѣ своемъ, а на твоемъ жалованіи, тебѣ, своему государю, волному царю, правяся, а самому тебѣ вѣдомо». Хану, какъ видно, понравилась льстивая рѣчь Всеволожскаго: онъ отдалъ великое княженіе Василію и приказалъ Юрію вести коня подъ его соперникомъ (въ знакъ покорности); но Василій Васильевичъ не хотѣлъ безчестить дядю. Впрочемъ и ханъ не хотѣлъ слишкомъ ужъ обидѣть Юрія и придалъ къ его отчинѣ Дмитровъ, бывшій удѣлъ Юріева брата Петра, умершаго въ 1428 г.[351]). Изъ орды Василій Васильевичъ возвратился въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который, тамъ же, *въ Москвѣ*, и посадилъ его на великомъ княженіи[352]). Юрій возвратился въ свой Звенигородъ, а отсюда пошелъ во

---

350) Девтерь или дефтерь — слово турецко-татарское и значитъ: опись, реестръ, инвентарій. См. Энц. лекс. Плюшара XVI; Березина въ его статьѣ, указанной въ 265 прим.

351) П. С. Р. Л. V, 264; VI, 148; VIII, 95—96 (подъ 1432 г.); Ник. V, 109. О придачѣ Юрію Дмитрова говорятъ всѣ указанныя лѣтописи; но одна изъ нихъ, Воскресенская, кромѣ того, выставляетъ и причину этой передачи: когда Василій отказался отъ почести, чтобы Юрій велъ подъ нимъ коня, Тегиня сталъ на сторону Василія и также не хотѣлъ Юрію безчестья и хотѣлъ «отступити отъ него» (хана), потому что въ то время на Махмета шелъ царь Кичимъ-Ахметъ (или Кичи-Махметъ?). Махметъ, по слову Тегини, «убояся того сътворити» (т. е. чтобъ Юрій велъ подъ Василіемъ коня) и придалъ Юрію, по слову того же Тегини, Дмитровъ. См. слѣд. прим.

352) Ibid. III, 111; IV, 121, 206; V, 264; VI, 148; VIII, 96. Нѣкоторыя изъ лѣтописей, указанныхъ въ этомъ и предъидущемъ примѣчаніяхъ, пребываніе Василія въ ордѣ и возвращеніе на Русь отмѣчаютъ подъ однимъ и тѣмъ же 1431 годомъ; другія пребываніе въ ордѣ относятъ къ 1431 г., а возвращеніе — къ 1432-му; третьи, наконецъ, или оба эти факта помѣщаютъ подъ однимъ 1432 годомъ, или первый фактъ — подъ этимъ годомъ, а второй — подъ слѣдующимъ, и при томъ однѣ, какъ Псковская 1-я, говорятъ, что Василій возвратился въ Москву на Рождество Іоанна Предтечи (24-го іюня), а другія, какъ Воскр. и Никон., указываютъ на Петровъ день (29-го іюня). По Соф. второй ханскій посолъ, царевичъ Мансырь-Уланъ, посадилъ Василія на княженіе 5-го октября, но не во Владимірѣ, какъ сказано въ Архангелогор. лѣтописцѣ, а въ Москвѣ. — Псковская первая, говоря о возвращеніи князей на Русь, прибавляетъ противъ другихъ нѣчто непонятное: «а княженья не взяху оба». Общій выводъ относительно хронологіи разсматриваемыхъ событій можно

вновь пожалованный ему Дмитровъ. Но опасаясь жить по близости съ великимъ княземъ, онъ вскорѣ ушелъ въ Галичъ, а Василій Васильевичъ взялъ Дмитровъ за себя, выгнавъ изъ него Юріевыхъ намѣстниковъ [353]).

Ханское рѣшеніе спора между племянникомъ и дядей, конечно, не могло удовлетворить послѣдняго. Юрій, рано или поздно, разъ рѣшившись оспаривать права племянника, долженъ былъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, возобновить свои попытки занять великое княженіе. Обстоятельства сложились такъ, что галицкій князь возобновилъ эти попытки ранѣе, чѣмъ, можетъ быть, самъ желалъ того.

Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, благодаря которому дѣло Василія выиграно было въ ордѣ, надѣялся (какъ и самъ Василій обѣщалъ это, будучи, кажется, еще въ ордѣ), что за оказанныя имъ услуги онъ породнится съ великимъ княземъ: «о семъ слово бысь съ великимъ княземъ». Князья часто роднились посредствомъ браковъ съ своими боярами, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Всеволожскій мечталъ о родственныхъ связяхъ съ великокняжескимъ семействомъ. Но мать великаго князя, Софья Витовтовна, а можетъ быть и самъ Василій, не желали этого брака: ихъ выборъ падалъ на дочь Ярослава Владиміровича, внуку Владиміра Андреевича Храбраго и Маріи Голтяевой. Василій, въ **1432 г.**, обручился съ Ярославной, а въ слѣдующемъ **1433 г.** февраля 8-го съиграна была свадьба. Оскорбленный Всеволожскій въ томъ же году ушелъ къ дядѣ Василія, Константину Димитріевичу въ Угличъ, отсюда — въ Тверь, а изъ Твери — въ Галичъ къ Юрію Димитріевичу, котораго началъ подговаривать къ войнѣ съ Василіемъ. Къ этому присоединилась еще извѣстная исторія съ сыномъ Юрія Василіемъ Косымъ, съ котораго, на брачномъ торжествѣ великаго князя, Софья Витовтовна сорвала драгоцѣнный поясъ, нѣкогда принадлежавшій великокняжескому семейству и нечистыми путями перешедшій въ семью Юрія Димитріевича. Василій Косой съ братомъ Димитріемъ Шемякой бѣжали изъ Москвы въ Галичъ, ограбивъ по пути Ярославль. Юрій уже готовъ былъ къ походу, когда его дѣти прибыли изъ Москвы. Великій князь узналъ о намѣреніяхъ дяди отъ своего ростовскаго намѣстника, Петра Константиновича, только тогда, когда Юрій съ дѣтьми и бояриномъ Всеволожскимъ былъ уже въ Переяславлѣ. При такихъ неожиданныхъ обстоя-

---

вывести только такой: поѣздка и возвращеніе князей совершились не въ одинъ годъ, а въ два; однѣ лѣтописи принимаютъ годъ мартовскій, а другія — сентябрьскій; нѣкоторыя изъ нихъ группируютъ факты, совершившіеся въ два года, подъ однимъ, къ которому относится начало ихъ, а другія — подъ другимъ годомъ, къ которому относится конецъ ихъ.

353) Ibid. V, 264; VI, 148; VIII, 97; Ник. V, 111.

тельствахъ Василій Васильевичъ, естественно, не успѣлъ приготовиться къ отпору врага, а потому послалъ къ Юрію пословъ съ предложеніемъ мира. Юрій, находившійся тогда у Троицкаго монастыря, не принялъ предложенія, главнымъ образомъ, благодаря Всеволожскому, который «не далъ о миру ни слова молвити», вслѣдствіе чего «бысь межи обоихъ бояръ (т. е. Васильевыхъ и Юріевыхъ) брань велика и слова неподобныя», такъ что послы Василія возвратились въ Москву «бездѣльніи», т. е. ничего не достигши[354]). Собравши, сколько можно было, ратныхъ людей и московскихъ жителей, Василій выступилъ на встрѣчу дяди. Въ апрѣлѣ **1433 г.** дядя и племянникъ сошлись на берегу Клязьмы въ 20 верстахъ отъ Москвы. Нестройные полки Василія не выдержали боя, а отъ простыхъ жителей Москвы никакой помощи не было, «мнози бо отъ нихъ пьяни бяху, а и з собою медъ везяху, чтобъ пити еще». Прибѣжавъ въ Москву, Василій захватилъ съ собою мать и жену и поспѣшно уѣхалъ въ Тверь, а отсюда въ Кострому. Юрій послалъ дѣтей своихъ искать великаго князя, и тѣ сообщили отцу, гдѣ онъ находится. Тогда новый великій князь московскій вмѣстѣ съ своими дѣтьми самъ пошелъ къ Костромѣ и захватилъ тамъ племянника. Василій Васильевичъ съ плачемъ добилъ челомъ дядѣ своему, который, по представленію любимца своего, боярина Семена Морозова, не обращая вниманія на

---

354) Ibid. III, 111, 141; IV, 121, 208; V, 27—28, 264—266; VI, 148—149; VII, 225; VIII, 2, 97—99; Ник. V, 111—113. Что Василій еще въ ордѣ далъ слово Всеволожскому жениться на его дочери, на это въ лѣтописяхъ есть намеки: «о семъ (о женитьбѣ) слово бысь съ великимъ княземъ», сказано въ одной лѣтописи; а что слово это было въ ордѣ, на это есть другой намекъ въ лѣтописи: «и яко же бывшимъ имъ (Василію и Всеволожскому) на Москвѣ, и не возхотѣ сего князь великіі Василеі Васильевичь и мати его Соѳья Витоѳтовна». Лѣтописецъ какъ бы такъ хотѣлъ выразиться: Василій и Всеволожскій разсуждали о бракѣ перваго на дочери втораго (и рѣшили вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ); а когда прибыли въ Москву и т. д. «Яко же бывшимъ имъ на Москвѣ»... значитъ, «слово» было гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и гдѣ же, какъ не въ ордѣ? Эти указанія находятся въ Никоновской лѣт. Она же такъ передаетъ исторію съ поясомъ. Дѣти Юрія, Василій и Димитрій Шемяка, были на свадьбѣ великаго князя. Во время пира Петръ Константиновичъ (ростовскій намѣстникъ?) увидѣлъ на Василіи Юрьевичѣ и призналъ поясъ, перешедшій отъ Димитрія Константиновича къ Димитрію Донскому въ числѣ приданаго за Евдокіей, женой Донскаго, дочерью Димитрія суздальско-нижегородскаго. Во время свадьбы Донскаго этотъ поясъ былъ подмѣненъ тысяцкимъ Василіемъ Вельяминовымъ, который отдалъ его сыну своему Николаю, женившемуся на дочери того же Димитрія Константиновича, Маріи. Николай отдалъ этотъ поясъ въ приданое дочери своей, вышедшей за Ивана Димитріевича Всеволожскаго, а этотъ послѣдній отдалъ его, вмѣстѣ съ рукой своей дочери, кн. Андрею Владиміровичу радонежскому. По смерти Андрея, Иванъ Димитріевичъ, отдавая дочь его, а свою внуку, за Василія Юрьевича Косаго, далъ за ней въ приданое, между прочимъ, и этотъ поясъ. — По Соф. второй, «на той же свадьбѣ Захарья Ивановичъ Кошкинъ (предокъ Романовыхъ, нынѣ царствующаго дома) имался за поясъ у князя Василья у Косаго», а Архангел. лѣтопись (стр. 138) къ этому добавляетъ: «а ркучи: тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою».

сильный ропотъ Всеволожскаго и другихъ бояръ, далъ племяннику въ удѣлъ Коломну, куда, послѣ прощальнаго пира, богато одаривъ, и отпустилъ его со всѣми его боярами. Василій, прибывъ въ Коломну, началъ созывать къ себѣ московскихъ людей. Князья, бояре, воеводы, *дворяне* и слуги «отъ мала и до велика» начали отходить отъ Юрія къ его племяннику, «понеже не любо имъ бысь всемъ на любовника княже — Юрьева, на Семена Морозова». Дѣти Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, видя, что отъ отца ихъ всѣ уходятъ, и считая виновникомъ такого оборота дѣлъ боярина Морозова, не постѣснились убить послѣдняго въ самомъ дворцѣ великокняжескомъ, въ набережныхъ сѣняхъ, и бѣжали въ Кострому. Юрій же, видя непрочность своего положенія въ Москвѣ, приглашалъ Василія на великокняжескій столъ, говоря, что самъ онъ уйдетъ въ Звенигородъ. Пришедши въ Москву, Василій взялъ миръ съ дядей. По мирному договору Юрій обязывался за себя и за младшаго сына своего, Димитрія Краснаго, не принимать къ себѣ и не дружить съ двумя старшими сыновьями, не помогать имъ, возвратить Василію не только великое княжество во всей цѣлости, но и г. Дмитровъ съ ханскими на него ярлыками, вмѣсто котораго получалъ Бѣжецкій Верхъ, — а также возвратить все пограбленное и всѣхъ плѣнныхъ, что было пограблено и взято въ плѣнъ во время послѣднихъ усобицъ. На сторонѣ Василія въ этомъ договорѣ стояли: Константинъ Димитріевичъ, Иванъ и Михаилъ Андреевичи можайскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Послѣ того Юрій ушелъ въ Звенигородъ, а отсюда — въ Галичъ. Иванъ Всеволожскій, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, былъ схваченъ, по приказанію Василія Васильевича, и казненъ, а села его взяты въ великокняжескую казну[355]). Василію Васильевичу теперь можно было направить силы въ одну сторону, на Юрьевичей, такъ какъ съ другими князьями, Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами можайскими и Василіемъ Ярославичемъ боровскимъ, онъ находился въ мирѣ. Не теряя времени, великій князь въ томъ же **1433 г.** послалъ воеводу своего, кн. Юрія Патрикѣевича, и дворъ свой къ Костромѣ на дѣтей Юрія, которые засѣли тамъ съ вятчанами и галичанами. Бой произошелъ на берегахъ р. Куси; войска великаго князя были побиты, а воевода взятъ въ плѣнъ. Здѣсь оказалось, что Юрій Димитріевичъ нарушилъ договоръ, такъ какъ въ этой битвѣ участвовали и его полки. Василій Васильевичъ, желая наказать дядю за вѣроломство, съ сильной ратью подступилъ къ Галичу и сожегъ его, а людей увелъ съ собой. Юрій бѣжалъ на Бѣлоозеро, а по уходѣ Василія опять прибылъ въ Галичъ, куда звалъ и

355) Ibid. IV, 207; V, 27, 265; VI, 148—149; VIII, 97—98; Ник. V, 113—115; С. г. г. и д. №№ 49—50; «Ист. Р.» Соловьева V, 56—57, пр. 60. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей Василій выступилъ изъ Москвы и направился къ Клязьмѣ 25-го апрѣля.

дѣтей своихъ съ вятчанами, готовясь идти на племянника. Весной **1434 г.** (въ Лазареву субботу) враги встрѣтились въ Ростовской области. Войска Василія опять были разбиты; самъ онъ бѣжалъ въ Новгородъ, куда прибылъ, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, 1-го апрѣля и принятъ былъ съ подобающею честію, а помогавшій ему кн. Иванъ Андреевичъ можайскій вмѣстѣ съ матерью своей бѣжалъ къ тверскому князю, за которымъ была сестра его Анастасія. Изъ Новгорода Василій Васильевичъ посылалъ своего боярина Андрея Ѳедоровича Голтяева въ Тверь къ кн. Ивану можайскому, прося его не отступать отъ него. «Господинъ государь, уклончиво отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ: где ни буду, а везде есми твой человѣкъ; но чтобъ и нынѣ вотчины не потеряти, да матка бы не скиталася по чужей отчинѣ, а всегда есми твой». Но князь можайскій видѣлъ хорошо, на которой сторонѣ перевѣсъ, и, соблюдая свои личныя интересы, ушелъ къ Троицкому монастырю и присталъ здѣсь къ Юрію Димитріевичу. Отсюда союзники пошли къ Москвѣ. Въ среду на Свѣтлой недѣлѣ (31-го марта; Пасха была 28-го марта) Юрій, безъ труда занявши Москву, овладѣлъ великокняжеской казной, плѣнилъ великихъ княгинь и отправилъ ихъ въ Звенигородъ. Между тѣмъ Василій Васильевичъ изъ В. Новгорода ушелъ чрезъ Мологу и Кострому въ Новгородъ Нижній (по другимъ извѣстіямъ — въ Тверь), Юрій Димитріевичъ послалъ на него въ Нижній-Новгородъ дѣтей своихъ. двухъ Димитріевъ, и великій князь, не видя возможности устоять противъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать въ орду, какъ неожиданное обстоятельство остановило его. Будучи уже, по пути къ Нижнему, во Владимірѣ, Шемяка и Красный получили извѣстіе о внезапной кончинѣ отца своего. Старшій братъ ихъ, Василій Косой, извѣщая о смерти отца, извѣщалъ ихъ и о своемъ здоровьѣ и о занятіи имъ великокняжескаго стола. «Если Богъ не восхотѣлъ, чтобы княжилъ отецъ нашъ, то тебя мы и сами не хотимъ», отвѣчали братья и пригласили изъ Нижняго-Новгорода Василія Васильевича на великокняжескій столъ. Князья, примирившись, всѣ трое пошли къ Москвѣ; Василій Косой, покняживши одинъ мѣсяцъ, бѣжалъ чрезъ Ржеву въ Новгородъ, а отсюда—въ Кострому, разграбивъ по пути Бѣжецкій Верхъ и Заволочье. Такимъ образомъ Василій Васильевичъ опять занялъ великокняжескій столъ, давши Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди своего Константина Димитріевича, Угличъ и Ржеву, а брату его — Бѣжецкій Верхъ; но, попрежнему, онъ удержалъ за собой Дмитровъ и удѣлъ Косаго, Звенигородъ; кромѣ того Шемяка обязался не вступаться въ Вятку. Но старшій Юрьевичъ не хотѣлъ уступать Василію: въ слѣдующемъ **1435 г.** онъ двинулся изъ Костромы на великаго князя съ большими силами; января 6-го противники встрѣтились между Ростовомъ и Ярославлемъ, у Косьмы и Да-

міана, на р. Которосли. Въ жестокой битвѣ Косой былъ побитъ и бѣжалъ въ Кашинъ, откуда, собравшись съ силами, пошелъ на заставу (гарнизонъ) великаго князя къ Вологдѣ, гдѣ плѣнилъ Васильевыхъ воеводъ, Өедора Михайловича Челядню, Андрея Өедоровича Голтяева и др., а также многихъ «дворянъ великаго князя». Пришедши отъ Вологды въ Кострому, онъ призвалъ къ себѣ вятчанъ, очевидно, намѣриваясь опять идти на великаго князя, или ожидая нападенія со стороны послѣдняго. Великій князь, дѣйствительно, пошелъ къ Костромѣ и остановился въ углу, образуемомъ лѣвымъ берегомъ Волги и правымъ — р. Костромы, которая, такимъ образомъ, раздѣляла враговъ и не допускала ихъ до битвы. Они заключили миръ, по которому великій князь далъ Василью Юрьевичу Дмитровъ; Косой призналъ Василія Васильевича старѣйшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, хотя бы его давали ему татары, — возвратить великокняжескую казну, взятую имъ при выѣздѣ изъ Москвы, и казну Константина Димитріевича; наконецъ, обязался не принимать къ себѣ тѣхъ гостей-суконниковъ, которые поднимали крамолу на великаго князя и мать его и ушли, во время ихъ распрей, изъ Москвы въ Тверь[356]).

Но пока оставимъ Василія Косаго и обратимся къ Новгороду и Пскову и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ былъ къ нимъ Василій Васильевичъ.

---

356) По Софійской первой Юрій Димитріевичъ, плѣнивши въ Москвѣ великихъ княгинь, отправилъ ихъ не въ Звенигородъ, а въ Рузу. Арцыбашевъ (II, 184), ссылаясь на «Лѣтоп., содерж. Росс. исторію отъ $\frac{6714}{1206}$ до $\frac{7042}{1534}$ ....» М. 1784, говоритъ, что Борисъ Александровичъ тверскій далъ Косому лошадей, платье и доспѣхи, что Косой собралъ 300 человѣкъ дружины и пр. Дѣйствительно, въ указанномъ лѣтописцѣ говорится, что Василью Юрьевичу въ Кашинъ Борисъ «присла.... кони и порты и доспѣхъ, и собрася къ нему дружины его триста человѣкъ». Насколько достовѣрно это извѣстіе, судить трудно, такъ какъ другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ. — О событіяхъ этого времени см. П. С. Р. Л. III, 111, 141; IV, 121, 208—209; V, 27—28, 265—266; VI, 149 и сл.; VIII, 98—99; Ник. V, 115—119; С. г. г. и д. №№ 45—46, 52—55; Акты Арх. Эксп. I, № 29. По Соф. первой, послѣ того, какъ великій князь сожегъ Галичъ и отправился въ обратный путь къ Москвѣ, на него пошелъ, въ свою очередь, Юрій и разбилъ его у Переяславля. Это, конечно, не противорѣчитъ другимъ лѣтописямъ, по которымъ Василій разбитъ «за Ростовомъ», «у Николы па горѣ», такъ какъ Юрій, двигаясь съ сѣвера на югъ и переваливши *за Ростовъ*, естественно, долженъ былъ находиться не подалеку отъ Переяславля, лежащаго къ югу отъ Ростова. Послѣ этой битвы Василій, по однимъ извѣстіямъ, удаляется въ В. Новгородъ, а отсюда чрезъ Мологу и Кострому — въ Нижній-Новгородъ; а по 1-й и 2-ой Псковскимъ — не въ Нижній, а въ Тверь, откуда, примирившись съ братьями, отправляется въ Москву. Псковская 1-я и отчасти 2-я, вообще, разнятся въ извѣстіяхъ 1434—1435 гг. отъ другихъ лѣтописей. Между прочимъ, по Псковской 1-ой, Василій Косой, просидѣвши въ Новгородѣ на Городцѣ, «поѣха на Заволочье и оттолѣ взя миръ съ великимъ княземъ», чего нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ.—Въ Соф. второй о пребываніи Косаго въ Кашинѣ сказано: «и копився въ Кашинѣ», или, какъ въ одномъ хронографѣ XVI в. (А. Поповъ: «Изборникъ...», стр. 78), «окопися», т. е. скопился, собрался съ силами, — а въ лѣтописи Львова (II, 275) сказано «окопался».

Кажется, борьба съ галицкими князьми заставляла великаго князя дѣлаться болѣе уступчивымъ, по крайней мѣрѣ — на словахъ, по отношенію къ Новгороду, чѣмъ его предшественники. Такъ, зимой **1435** года Василій Васильевичъ и представители Новгорода цѣловали крестъ на томъ, что великій князь отступается отъ Бѣжецкаго Верха, отъ волостей на Ламскомъ Волокѣ и на Вологдѣ, а новгородцы отступаются отъ княжчинъ, гдѣ бы онѣ ни были. При этомъ условленно было выслать съ обѣихъ сторонъ, въ Петровъ день, бояръ «на разводъ земли». Но великій князь въ условленное время бояръ не выслалъ, «ни отчины новгородскіи нигдѣ же не отведе новгородцемъ, ни исправы не учини»[357]). Что касается Пскова, то сношенія его съ великимъ княземъ, за разсматриваемое время, были только по поводу просьбъ псковичей о назначеніи къ нимъ князя. Въ **1434 г.** изъ Пскова выѣхалъ кн. Александръ Ѳедоровичъ ростовскій. Въ томъ же году въ Псковъ прибылъ изъ Литвы зять его, кн. Владиміръ Даниловичъ. Чрезъ два года, т. е. въ **1436 г.**, осенью туда же явился изъ Риги литовскій подручный князь Иванъ Баба, кажется, въ надеждѣ остаться тамъ. Но проживши здѣсь до половины зимы, онъ уѣхалъ къ великому князю на службу. Зимой того же года въ Псковъ пріѣхалъ кн. Борисъ Васильевичъ, сынъ кн. Василія Семеновича Шуйскаго, и сказалъ, что онъ пріѣхалъ намѣстникомъ отъ великаго князя (которому приходился троюроднымъ братомъ), такъ что Владиміръ Даниловичъ долженъ былъ уступить ему княжескій дворъ. Но, какъ видно, онъ почему-то не правился псковичамъ, такъ какъ послѣдніе въ томъ же году отправили къ великому князю посольство съ просьбой дать имъ въ князья Владиміра Даниловича. Просьба эта была удовлетворена, и князь Борисъ долженъ былъ выѣхать изъ Пскова, «занеже онъ пролгался». Не обманывалъ ли онъ псковичей, говоря, что пріѣхалъ отъ великаго князя? или, можетъ быть, онъ пролгался относительно Пскова, представляя псковскія дѣла великому князю въ ложномъ свѣтѣ, о чемъ послѣдній могъ узнать отъ пословъ[358])?...

Выше мы сказали, что по миру, заключенному великимъ княземъ съ Василіемъ Косымъ на берегахъ Костромы, послѣдній получилъ г. Дмитровъ, куда и отправился. Это было въ **1435 г.**, въ началѣ вѣсны. Пробывши въ Дмитровѣ мѣсяцъ, Юрьевичъ, уже въ слѣдующемъ **1436 г.**, пошелъ въ Кострому, а великому князю послалъ «розметныя» граматы (грамоты о разорваніи мира). Пробывши въ Костромѣ до того времени, какъ установился зимній путь, Косой пошелъ въ Галичъ, а отсюда въ Устюгъ, который, послѣ 9-недѣльной стоянки подъ нимъ, взялъ, тамошняго великокняжескаго воеводу,

357) П. С. Р. Л. III, 112; Карамз. V, 157, пр. 283.
358) Ibid. IV, 207—208, 210; V, 27—29; VIII, 99.

кн. Глѣба Ивановича Оболенскаго, и десятильника ростовскаго владыки повѣсилъ, многихъ устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ. Между тѣмъ братъ его Димитрій Шемяка, собираясь жениться, пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя на свою свадьбу. Великій князь, подозрѣвавшій Шемяку, — и, какъ показываютъ послѣдующія событія, не совсѣмъ безосновательно,— въ соучастіи съ Косымъ, приказалъ схватить его и отправить въ Коломну. Что же касается Косаго, то онъ весной пошелъ отъ Устюга на великаго князя; съ нимъ были вятчане и дворъ Шемяки. Великій князь и шедшіе съ нимъ князья: меньшой изъ Юрьевичей, Димитрій Красный, кн. Иванъ Андреевичъ можайскій и недавно прибывшій изъ Пскова въ Москву кн. друцкій Иванъ Баба, встрѣтили Василія Косаго въ Ростовской области у св. Покрова на Скорятинѣ. Косой, желая «искрасти» великаго князя, употребилъ хитрость: онъ просилъ перемирія до утра слѣдующаго дня; великій князь согласился и, пользуясь этимъ временемъ, распустилъ свои полки по окрестностямъ, говоря современнымъ языкомъ, на фуражировку. Этимъ-то обстоятельствомъ и воспользовался Косой: онъ двинулъ свои полки на великаго князя, котораго успѣли, впрочемъ, извѣстить объ этомъ. Василій Васильевичъ разослалъ гонцовъ по всѣмъ своимъ станамъ, а самъ схватилъ трубу и началъ давать сигналы къ сбору. Полки его собрались и выступили на встрѣчу непріятелю: войска Косаго были разбиты и обращены въ бѣгство; одинъ изъ московскихъ воиновъ, преслѣдовавшихъ непріятеля, узналъ Косаго, нагналъ его и началъ кричать о подмогѣ; на этотъ крикъ прискакалъ кн. Иванъ Баба, и Косой былъ взятъ живымъ; его привели къ великому князю, который отправилъ его въ Москву, гдѣ онъ вскорѣ былъ ослѣпленъ. По прибытіи въ Москву, Василій Васильевичъ позвалъ къ себѣ Шемяку, которому, во время похода на Косаго, дозволено было свободно, но безвыѣздно и подъ присмотромъ, жить въ Коломнѣ. Великій князь теперь «пожаловалъ его», отпустилъ его въ отчину его, заключивъ съ нимъ новый договоръ, не отличающійся, впрочемъ, ничѣмъ отъ прежняго съ нимъ договора [359]).

Вражда между двоюродными братьями на время прекратилась. Мы сейчасъ увидимъ даже, что Василій Васильевичъ употребляетъ Шемяку на ратныя дѣла.

---

359) Ibid. III, 112; IV, 121, 210; V, 29 (подъ 1437 г.), 266—267; VI, 150; VIII, 99—100; Ник. V, 120—121; С. г. г. и д. №№ 56—57; Акты Ист. I, № 40. Поводомъ къ ослѣпленію Василія Юрьевича Архангелог. лѣтоп. (стр. 147) выставляетъ слѣдующее обстоятельство: когда Василій Юрьевичъ былъ совершенно разбитъ, то вятчане, шедшіе къ нему на помощь, воротились назадъ и по дорогѣ схватили кн. ярославскаго Александра Ѳедоровича Брюхатаго вмѣстѣ съ женой его, съ котораго хотя и взяли окупъ, но не отпустили его по условію, а увезли съ собой. Это-то обстоятельство, будьдо бы, и было причиной ослѣпленія Юрьевича (21-го мая — по тому же лѣтописцу).

Съ **1428 г.**, когда татары нападали на Галицкую область (взяли Кострому, Плесъ и Лухъ), до **1437 г.** включительно ордынцы не безпокоили московскихъ владѣній. Но въ **1438 г.** великій князь самъ безтактно поступилъ съ выгнаннымъ изъ орды ханомъ и тѣмъ навлекъ на себя много бѣдствій. Осенью помянутаго года ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ орды братомъ своимъ Кичи-Махметомъ, пришелъ къ русской границѣ и засѣлъ въ г. Бѣлевѣ. Василій Васильевичъ послалъ на него свои полки подъ предводительствомъ Юрьевичей, Шемяки и Краснаго. По пути къ Бѣлеву ратные люди вели себя, какъ разбойники: грабили своихъ же, мучили людей, добиваясь отъ нихъ пожитковъ, убивали скотъ и отправляли домой «и неподобная и скверная дѣяху». Улу-Махметъ, при сравнительной малочисленности у него людей, не осмѣлился выступить противъ многочисленной московской рати; онъ отдавался на волю русскихъ князей, — но тѣ не приняли его предложенія и на слѣдующій день пошли къ городу, около котораго и произошелъ бой. Татары не выдержали боя и обратились въ бѣгство; русскіе преслѣдовали ихъ до самаго города, а двое удальцовъ, кн. Петръ Кузминскій и какой-то Семенъ Волынецъ, увлеклись даже за татарами до половины города, но за это удальство поплатились головами. На другой день послѣ этого боя ханъ выслалъ къ русскимъ князьямъ зятя своего и съ нимъ нѣсколько татарскихъ князей, чрезъ которыхъ предлагалъ сына своего Мамутека, а князья — своихъ дѣтей въ заложники и притомъ съ обѣщаніемъ, что, въ случаѣ занятія имъ ханскаго престола, онъ будетъ оберегать Русскую землю и, пока будетъ живъ, не будетъ присылать на Русь ни за выходомъ, ни за чѣмъ-либо инымъ. Василій Ивановичъ Собакинъ и Андрей Ѳедоровичъ Голтяевъ, высланные для переговоровъ, не согласились и на эти предложенія; тогда татарскіе князья сказали русскимъ воеводамъ: «Если не хотите этого, то посмотрите назадъ!» Тѣ обернулись и увидѣли москвичей въ безпорядочномъ бѣгствѣ. Дѣло въ томъ, что литовскій князь послалъ на помощь русскимъ мценскаго воеводу Григорія Протасьева, который, предавшись Улу-Махмету, совѣтовалъ русскимъ пока не вступать въ бой съ ханомъ, обѣщаясь быть съ ними за-одно, а самъ, между тѣмъ, послалъ сказать Улу-Махмету, чтобы онъ напалъ на русскіе полки. Татары разбили русскихъ и обратили въ бѣгство: много пало людей, пали, между прочимъ: кн. Ѳедоръ Тарусскій, князь Андрей Стародубскій, Иванъ Кузминскій и др. Этотъ бой происходилъ 5-го декабря [360]).

---

360) Ibid. V, 267; VI, 150; VIII, 107 (подъ 1438 г.); Ник. V, 125—126; Арханг. лѣт. подъ 1437 г. Въ послѣдней говорится объ измѣнѣ Протасьева и о томъ, что Улу-Махметъ, остановившись у р. Бѣлевы (у теперешняго Бѣлева Тульской губ. на лѣвомъ горномъ бе-

Не смотря на эту побѣду, одержанную исключительно благодаря измѣнѣ Протасьева, Махметъ, конечно, не могъ считать себя безопаснымъ на русской границѣ, а потому черезъ Мордовскую землю ушелъ къ берегамъ

регу Оки), построилъ городъ и обвелъ его стѣнами изъ толстыхъ кусковъ льда. Отсюда онъ предпринималъ набѣги на сосѣднія земли для добыванія жизненныхъ продуктовъ, почему Василій Васильевичъ и требовалъ, чтобы онъ удалился изъ русскихъ предѣловъ. За этимъ требованіемъ посланы были и войска. — Такъ называемый «Казанскій лѣтописецъ» (Рукоп. Имп. П. Библ. № 1485; изданъ былъ Академіей Наукъ въ 1791 г. подъ заглавіемъ: «Исторія о Казанскомъ царствѣ» и пр.) приписываетъ Улу-Махмету основаніе Казани и относитъ это къ тому времени, когда ханъ, послѣ побѣды подъ Бѣлевомъ, перешелъ Волгу, т. е. къ 1438 г. Но ни одна изъ лѣтописей, подробно передавая свѣдѣнія объ Улу-Махметѣ послѣ Бѣлевскаго боя, ничего не передаетъ о Казани, не говоритъ не только объ основаніи ея Улу-Махметомъ, но и о томъ, чтобы онъ подходилъ когда-нибудь къ ней. Напротивъ, лѣтописи указываютъ на окрестности Нижняго-Новгорода, откуда ханъ дѣлалъ набѣги на Москву и Муромъ. Одна изъ лѣтописей («Царств. лѣтописецъ», Спб. 1772, стр. 266) даже прямо говоритъ, что «изъ Бѣлева поиде царь къ Новугороду къ нижнему и засяде Новъгородъ нижній старый».... Далѣе тотъ же лѣтописецъ передаетъ, что ханъ изъ Нижняго пошелъ къ Мурому, что великій князь, узнавши объ этомъ, отпраздновалъ Крещенье во Владимірѣ и вскорѣ пошелъ къ Мурому, каковое обстоятельство заставило бѣжать Улу-Махмета опять въ Нижній (Ср. Татищ. IV, 557). Въ Воскр. лѣтописи подъ 1445 г. говорится: «Тое же осени царь Мамотинъ, Улу-Махметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчина (?) Казанскаго князя Либея убилъ, а самъ сѣлъ въ Казани царствовати». То же находимъ и въ «Русскомъ Временникѣ». Кромѣ Казанскаго лѣтописца, наши лѣтописи нигдѣ не называютъ Улу-Махмета царемъ казанскимъ, а его татаръ — казанскими; напротивъ, Мамутека и его татаръ называютъ казанскими (см., напр., П. С. Р. Л. VIII, 121; Ник. V, 288; Архангел. лѣт. подъ 1446 г.). Такимъ образомъ, основателемъ Казанскаго царства скорѣе можно считать, вопреки Казанскому лѣтописцу, не Улу-Махмета, а сына его Мамутека. Къ тому же выводу приходитъ извѣстный нашъ оріенталистъ В. В. Вельяминовъ-Зерновъ (см. его «Изслѣдованіе о касимовскихъ царяхъ и царевичахъ», I, 5 и слѣд.). Казанскому лѣтописцу въ данномъ вопросѣ трудно отдавать предпочтеніе предъ другими лѣтописями, такъ какъ онъ самъ сознается, что не могъ добиться свѣдѣній о времени основанія Казани: «о первомъ же началѣ царства Казанскаго, въ кое время или како зачася, не обрѣтохъ въ лѣтописяхъ русскихъ, не мало въ казанскихъ людехъ видахъ, много же и речію пытахъ отъ искуснѣйшихъ казанскихъ людей и отъ русскихъ сыновъ, и глаголаше ми тако, иніи же инако, и не единъ же вѣдаетъ истины...» И такъ, Мамутекъ въ 1445 г. сѣлъ въ Казани, убивъ тамошняго владѣтеля, князя Либея. Но кто былъ этотъ Либей? Въ концѣ XIV в., когда Тимуръ, одолѣвъ Тохтамыша, провозгласилъ ханомъ Золотой Орды Урусова сына Карача-Аглема, Волжской Болгаріей правилъ Абд-Уллахъ-ханъ, который, пользуясь замѣшательствами въ ордѣ, объявилъ себя независимымъ владѣтелемъ. Новый ханъ послалъ Тимура смирить непокорнаго; болгары были разбиты; они заперлись въ своемъ городѣ. Война продолжалась семь лѣтъ и кончилась тѣмъ, что городъ Болгары былъ взятъ и разрушенъ, Абд-Уллахъ былъ убитъ, убито много и другихъ князей; жены ихъ отданы были въ рабство, а малолѣтнія дѣти Абд-Уллаха, Алимъ-Бекъ и Алтунъ-Бекъ (9 и 7 лѣтъ) приверженцами хана уведены были въ лѣсъ, гдѣ со временемъ возмужали. Въ 1402 г., по словамъ Фергенъ-Намега, они призваны были въ Болгарію, которая отложилась тогда отъ орды. Казань тогда была совершенно опустошена набѣгами русскихъ. Младшій братъ, пришедши въ Болгарію, отдѣлился отъ брата и ушелъ къ берегамъ Тобола, гдѣ и основалъ г. Тобольскъ, а старшій, Алимъ-Бекъ, на мѣстѣ старой Казани основалъ новую (см. «Казанскую Исторію» Н. Бажанова, Казань 1847; см. также П. Наумова: «Объ отношеніяхъ росс. князей къ монг. и татар. ханамъ отъ 1224 по 1480 г.». Спб. 1823). Не этого ли Алимъ-Бека Воскр. лѣтопись называетъ Либеемъ?

Волги и остановился у Нижняго-Новгорода. Отсюда-то, въ **1439 г.**, онъ устрѣмился на Москву. Великій князь не успѣлъ собрать полковъ, а потому ушелъ за Волгу, оставивъ въ Москвѣ кн. Юрія Патрикѣевича. Іюля 3-го Махметъ подошелъ къ Москвѣ, стоялъ здѣсь десять дней, пожегъ посадъ, но города не могъ взять. Надѣлавши подъ Москвой много зла, онъ пошелъ домой и по пути сжегъ Коломну [361]).

Теперь, пока Шемяка не предпринималъ ничего противъ Москвы, а татары ушли во-свояси, великій князь опять обратился къ Новгороду. Мы видѣли, что въ **1435 г.** Василій Васильевичъ заключилъ съ Новгородомъ договоръ, по которому отступался отъ захваченныхъ его предшественниками новгородскихъ волостей, а новгородцы отказывались отъ княжчинъ. Но великій князь былъ уступчивъ, кажется, потому, что, находясь въ распрѣ съ Юрьевичами, не могъ направить силъ своихъ исключительно въ одну сторону. Что дѣйствительно уступчивымъ его заставила быть нужда, видно изъ того, что, по миновапіи опасности, угрожавшей со стороны Юрьевичей, онъ не думалъ исполнить договора. Не смотря, однако, на это, до ссоры дѣло не дошло. Въ **1437** г. великій князь посылалъ даже въ Новгородъ кн. Юрія Патрикѣевича, и новгородцы не оказали ему никакого противодѣйствія [362]). Года четыре спустя послѣ того (въ **1441 г.**, зимой), безъ всякой видимой причины, Василій Васильевичъ «възверже нелюбовь на Великій Новгородъ»: прислалъ къ новгородцамъ складную грамоту и двинулся съ ратью на Новгородскую землю. Изъ Торжка онъ послалъ подпимать и псковичей на Новгородъ. Псковичи не противорѣчили: сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе и начали пустошить Новгородскую землю отъ литовскаго рубежа до нѣмецкаго на 300 верстъ въ длину и на 50 въ ширину, «и пакости сотвориша не мало», по выраженію новгородскаго лѣтописца. Въ этомъ походѣ участвовали и тверскія рати подъ начальствомъ двухъ воеводъ, Александра Романовича и Карпа Ѳедоровича. Новгородцы въ свою очередь вмѣстѣ съ заволочанами пустошили земли великаго князя. Но не подъ силу было новгородцамъ бороться съ сильнымъ московскимъ княземъ: подъ г. Демонъ, гдѣ стоялъ Василій Васильевичъ, они послали пословъ,—владыку Евѳимія, посадниковъ и бояръ,—и купили миръ за 8 тысячъ рублей съ обязательствомъ давать оброки и пошлины по старинѣ. Великій князь заключалъ договоръ какъ отъ себя, такъ и отъ псковичей. Новгородцы твердо держали миръ и не поддавались искушеніямъ. Такъ,

361) П. С. Р. Л. VI, 169; VIII, 107; Ник. V, 125, 136; Карамз. V, 159 и соотвѣтств. прим.; «Ист. Р.» Соловьева IV, 64. См. предъидущее прим.

362) Ibid. III, 112; IV, 122; Ник. V, 123; Ак. Арх. Эксп. I, № 32.

въ **1445 г.** Казиміръ склонялъ ихъ отложиться отъ великаго князя на его сторону, но тѣ не согласились [363]).

Въ слѣдующемъ **1442 г.**, не извѣстно по какимъ причинамъ, Василій Васильевичъ «взверже нелюбіе» на Шемяку и пошелъ на него къ Угличу; Шемяка бѣжалъ въ Бѣжецкій Верхъ «и много волостямъ пакости сотвори». Отсюда онъ послалъ предложеніе новгородцамъ принять его на всей волѣ ихъ. «Хочешь, князь, — пріѣзжай къ намъ», отвѣчали новгородцы: «а не хочешь, — какъ тебѣ угодно». Вѣроятно, такой отвѣтъ не совсѣмъ понравился Шемякѣ, такъ какъ онъ не пошелъ въ Новгородъ. Набравши около себя разнаго сброду, онъ пошелъ къ Москвѣ на великаго князя. Съ нимъ былъ литовскій князь Александръ Чарторыйскій, недавно убившій, совмѣстно съ братомъ своимъ Иваномъ, в. кн. литовскаго Сигизмунда. На этотъ разъ враговъ успѣлъ примирить троицкій игуменъ Зиновій [364]). Только что упомянутый кн. Чарторыйскій какимъ-то образомъ вошелъ въ довѣріе великаго князя, который, въ недѣлю сыропустную **1443 г.** (Пасха была 21-го апрѣля), отправилъ его своимъ намѣстникомъ во Псковъ. Мѣсяцевъ черезъ пять (25-го августа) во Псковъ прибыли отъ Василія послы и «поручили» Псковское княженіе Чарторыйскому, который по этому случаю цѣловалъ крестъ какъ къ великому князю, такъ и ко Пскову [365]).

Съ того же **1443 г.** великому князю попеременно приходится сталкиваться то съ татарами, то съ литвой. Зимой названнаго года въ Рязанскую землю ворвались татары съ царевичемъ Мустафой. Забравши большой полонъ, Мустафа ушелъ въ степь и тамъ продавалъ плѣнныхъ тѣмъ же рязанцамъ. Зима этого года была снѣжная, холодная, съ вихрями, — такъ что въ открытомъ полѣ Мустафѣ трудно было держаться, почему онъ постарался примириться съ рязанцами и перешелъ въ Рязань на зимовку. Узнавши объ этомъ, великій князь послалъ на татаръ сильную рать подъ воеводствомъ кн. Василія Оболенскаго и Андрея Ѳедоровича Голтяева. Съ этими воеводами шла и мордва на лыжахъ, потомъ къ нимъ пристали *рязанскіе казаки* и толпы пѣшихъ ратныхъ людей, также на лыжахъ, съ сулицами, рогатинами, саблями, топорами и даже ослопами (дубинами). Рязанцы, между тѣмъ, постарались удалить Мустафу изъ города. Великокняжеская рать встрѣтилась съ татарами на р. Листани, и тутъ произошелъ

---

363) Ibid. III, 113, 141; IV, 123, 211; V, 29 — 30, 267; VI, 170; VIII, 111; XV, 491 (подъ 1440 г.); Ник. V, 153; Акты Ист. I, № 258.

364) Ibid. III, 113; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 157 (говоритъ о томъ, что Шемяка просился въ Новгородъ послѣ примиренія съ великимъ княземъ и мотивируетъ эту просьбу тѣмъ, что онъ боялся Василія Васильевича); Dlugosz, кн. XI.

365) Ibid. IV, 212; V, 30.

отчаянный бой. Татары не могли дѣйствовать обледенѣвшими луками, но тѣмъ не менѣе живыми въ руки врага не давались и отчаянно рѣзались съ русскими. Однако, послѣдніе взяли верхъ: много татаръ побито, много взято въ плѣнъ; въ числѣ убитыхъ былъ и царевичъ Мустафа [366]).

Года черезъ два (въ **1445 г.** послѣ Крещенья) Махметъ изъ Нижняго-Новгорода (стараго) ходилъ къ Мурому, гдѣ находился самъ великій князь, съ которымъ были: Шемяка, Иванъ и Михаилъ Андреевичи можайско-верейскіе и Василій Ярославичъ боровскій. Одна изъ лѣтописей замѣчаетъ, что тогда били татаръ по селамъ, а другая говоритъ, что противъ Махмета выступилъ великій князь, и тотъ «возвратися бѣгомъ въ Новгородъ старой»; наконецъ, третья лѣтопись говоритъ, что воеводы великаго князя, который и самъ выходилъ противъ хана, преслѣдовали татаръ и побили ихъ подъ Муромомъ, у Гороховца и въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, куда бѣжалъ Махметъ [367]). Какъ бы то ни было, татарамъ данъ былъ надлежащій отпоръ. Великій князь, надобно полагать, находился въ серьезномъ затрудненіи, такъ какъ со стороны татаръ онъ постоянно долженъ былъ ожидать набѣговъ, на что указываетъ его пребываніе то въ Муромѣ, то во Владимірѣ. Эти затрудненія усиливались еще тѣмъ, что въ томъ же **1445 г.** противъ него начинаетъ враждебно дѣйствовать Литва. Литовскій князь, какъ мы уже упоминали объ этомъ выше, старается, хотя и безуспѣшно, склонить Новгородъ на свою сторону [368]). Какъ бы въ отвѣтъ на это, великій князь послалъ двухъ царевичей на литовскіе города: Вязьму, Брянскъ и др.; съ огнемъ и мечемъ прошли эти царевичи едва не до самаго Смоленска и возвратились съ большимъ полономъ. Литва не хотѣла оставаться въ долгу: в. кн. литовскій послалъ свои войска къ Можайску; въ числѣ 7000 человѣкъ литовцы подходили къ Козельску и Калугѣ, но ничего не могли сдѣлать этимъ городамъ и ушли къ Суходрову. Жители Можайска въ количествѣ 100 человѣкъ съ воеводой своимъ, кн. суздальскимъ Андреемъ Васильевичемъ Лугвицей, вышли противъ литовцевъ; столько же собралось и жителей Вереи; наконецъ, 60 человѣкъ вышло изъ Боровска. Князья названныхъ городовъ, Иванъ и Андрей Михайловичи и Василій Ярославичъ, какъ мы видѣли, помогали въ то время великому князю противъ Улу-Махмета. Незначительныя русскія силы встрѣтились съ литовцами у Суходрова,

366) Ibid. VIII, 111; Ник. V, 192—193. Мордва и казаки шли *на ртахъ*, по объясненію Карамзина (V, 179), на лыжахъ.

367) Ibid. VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 194—197 (подъ 1445 г.). Воск. лѣт. о походѣ Улу-Махмета къ Мурому говоритъ подъ 1444 и 1445 годами. Можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ ханъ два раза покушался напасть на Муромъ.

368) Ibid. IV, 123.

гдѣ и произошелъ бой, въ которомъ палъ, между прочимъ, и Андрей Лугвица; много русскихъ взято было въ плѣнъ; литвы пало 200 человѣкъ[369]).

Зимой **1438 г.**, какъ мы видѣли, Улу-Махметъ ушелъ изъ Бѣлева къ Волгѣ; онъ взялъ въ Нижнемъ старый городъ, иначе — старыя укрѣпленія, но не могъ взять *меньшаго города* — укрѣпленія, построеннаго Димитріемъ Константиновичемъ, тестемъ Донскаго. Здѣсь засѣли и отсиживались отъ татаръ нижегородскіе воеводы, кн. Ѳедоръ Долголядовъ да Юшка (Юрій) Драница. Прогнанные отъ Мурома, какъ уже выше сказано, въ **1445 г.**, татары бѣжали опять къ Нижнему, а великій князь чрезъ Суздаль и Владиміръ возвратился въ Москву въ великій пятокъ (въ **1445 г.** Пасха была 28-го марта). Вскорѣ въ Москву пришло извѣстіе, что Улу-Махметъ послалъ на великаго князя сыновей своихъ, Мамутяка и Ягуба. Василій Васильевичъ съ своими полками выступилъ на встрѣчу имъ. Въ Юрьевъ «прибѣжали» къ нему нижегородскіе воеводы, которые, находясь въ осадѣ, доведены были голодомъ до крайности: зажегши городъ, они ночью бѣжали. Пробывши Петровъ день въ Юрьевѣ, великій князь пошелъ къ Суздалю. Въ это время къ нему подошли князья: Иванъ Андреевичъ можайскій, Михаилъ Андреевичъ верейскій и Василій Ярославичъ боровскій. Іюля 6-го князья остановились на р. Каменкѣ близь Суздаля, недалеко отъ Евѳиміева монастыря, и начали готовиться къ бою. Вечеръ этого дня великій князь ужиналъ у себя и вмѣстѣ съ князьями и боярами пировалъ до глубокой ночи; въ тотъ же вечеръ подоспѣли еще нѣкоторые полки. На слѣдующій день, 7-го іюля, отслушавши заутреню, Василій Васильевичъ хотѣлъ еще немного «поопочинуть», какъ пришло извѣстіе, что татары въ-бродъ переходятъ р. Нерль. Полки великаго князя приготовились къ бою; но воиновъ было не много, около полуторы тысячи, потому что не всѣ еще собрались: такъ, напримѣръ, не подоспѣлъ царевичъ Бердедатъ, ночевавшій съ 6-го на 7-ое іюля въ Юрьевѣ, а Шемяка ни самъ не пришелъ, ни полковъ своихъ не послалъ. Татаръ же было три съ половиной тысячи. Въ бою, не подалеку отъ Евѳиміева монастыря, великокняжескіе полки бодро ударили на татаръ и обратили ихъ въ бѣгство; часть великокняжескихъ ратныхъ людей преслѣдовала побѣжденныхъ, но многіе разбѣжались по мѣсту побоища и начали грабить убитыхъ. Это послѣднее обстоятельство испортило все дѣло: татары, замѣтивъ малочисленность преслѣдующихъ, вдругъ поворотили назадъ и ударили на русскихъ; побѣда осталась за ними: израненный

---

369) Ibid. IV, 123 (подъ 1446 г.); VIII, 112; Ник. V, 194—195. Въ Соф. первой (V, 267) говорится, что литовцы взяли съ Калуги окупъ, что Михаилъ Андреевичъ «можайскій» (собственно верейскій) вышелъ противъ 7 т. литовцевъ съ тремя стами людей, былъ побитъ и бѣжалъ.

великій князь, князь Михаилъ Андреевичъ верейскій и мн. др. князья и бояре живьемъ взяты были татарами; войска московскія обратились въ бѣгство; татары преслѣдовали ихъ и многихъ побили, многихъ взяли въ плѣнъ. Царевичи — побѣдители остановились въ Евфиміевомъ монастырѣ, откуда послали одного татарина въ Москву съ извѣстіемъ о плѣненіи великаго князя, а въ доказательство этого татарину данъ былъ для предъявленія великимъ княгинямъ снятый съ Василія Васильевича крестъ — тѣльникъ. Въ Москвѣ сдѣлался страшный переполохъ: всѣ думали, что татары придутъ въ столицу, въ которой искали спасенія и жители окрестныхъ селеній. Сумятица усилилась еще потому, что 14-го іюля (по Соф. 1-ой—24-го) произошелъ пожаръ, истребившій, по преувеличенному, кажется, выраженію лѣтописей, весь городъ. Въ это смутное время великія княгини — мать и жена Василія — съ семействомъ и своими боярами уѣхали въ Ростовъ, многіе жители также начали выѣзжать изъ города. Тогда черные люди, которымъ нечего было терять, принялись укрѣплять городскія ворота; выѣзжавшихъ изъ города брали, истязали и ковали въ цѣпи. Волненіе, наконецъ, улеглось и оставшіеся въ столицѣ жители начали сообща укрѣплять городъ и обстраиваться.... Между тѣмъ татары, простоявши подъ Суздалемъ три дня, пошли мимо Владиміра къ Мурому, а отсюда — въ Нижній-Новгородъ. Въ концѣ августа (25-го) Махметъ съ дѣтьми своими и со всей ордой своей пошелъ къ Курмышу, захвативъ съ собой и плѣнниковъ. Тогда же онъ послалъ къ Димитрію Шемякѣ посла Бегича съ извѣстіемъ о взятіи великаго князя въ плѣнъ. Шемяка, воздавши большую честь послу, отправилъ съ нимъ къ хану дьяка Θедора Дубенскаго, который долженъ былъ хлопотать о томъ, чтобы Василія не выпускали изъ плѣна. Бегичъ и Дубенскій были уже въ Муромѣ, какъ Махмету пришло въ голову, что посолъ его убитъ Шемякой. Благодаря, кажется, этому обстоятельству, ускорилось освобожденіе великаго князя изъ плѣна. Сентября 1-го **1446 г.**, будучи въ Курмышѣ, Махмутъ и сынъ его Мамутекъ утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ на томъ, что онъ дастъ за себя и другихъ плѣнныхъ окупъ, и отпустили его въ Москву, а съ нимъ кн. Михаила Андреевича и др. въ сопровожденіи пословъ съ многочисленной татарской свитой. Чрезъ два дня по выходѣ изъ Курмыша великій князь послалъ въ Москву Андрея Плещеева съ сеунчемъ (извѣстіемъ) къ великимъ княгинямъ и всѣмъ роднымъ о своемъ освобожденіи. Между тѣмъ Бегичъ и Дубенскій отправились изъ Мурома къ Нижнему Окой, отпустивъ Плещку Образцова съ конями своими берегомъ. Этотъ послѣдній, встрѣтившись на дорогѣ съ Плещеевымъ и узнавши отъ него объ освобожденіи великаго князя, догналъ Дубенскаго и Бегича и передалъ имъ слышанную отъ Пле-

щеева новость. Тѣ возвратились въ Муромъ, гдѣ кн. Василій Ивановичъ Оболенскій схватилъ и заковалъ Бегича въ цѣпи. Шемяка, узнавши объ этомъ, бѣжалъ въ Угличъ... Василій Васильевичъ, пробывши нѣсколько времени въ Муромѣ, чрезъ Владиміръ поѣхалъ въ Переяславль, гдѣ его ожидали: мать, жена, сыновья — Иванъ и Юрій, — князья, бояре и пр. Ноября 17-го великій князья подъѣхалъ къ Москвѣ и остановился на Ваганковѣ (за городомъ), въ домѣ матери своей, откуда, потомъ, переѣхалъ въ городъ, въ домъ кн. Юрія Патрикѣевича [370]).

Не смотря на счастливый оборотъ дѣлъ Василія Васильевича, враги его не успокоились. Шемяка всѣми мѣрами старался очернить Василія и представить его врагомъ Руси и тѣхъ князей, которыхъ онъ надѣялся привлечь на свою сторону. Съ великимъ княземъ изъ плѣна вышло множество татарскихъ князей и простыхъ татаръ; многимъ изъ нихъ онъ роздалъ въ кормленіе города и волости. Этихъ, такъ сказать, татаръ-нахлѣбниковъ великіе князья приручали, ласкали и употребляли ихъ противъ ихъ же единоплеменниковъ, и за такую политику, кажется, нельзя порицать московскихъ князей. Но враги Василія воспользовались этимъ и указывали на раздачу волостей и городовъ татарскимъ выходцамъ, какъ на оскорбленіе русскихъ людей. Вѣроятно, народъ былъ обремененъ налогами, къ чему великаго князя могло вынудить обязательство дать окупъ Улу-Махмету. И этимъ враги Василія пользовались и мутили народъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ Москвѣ много было недовольныхъ великимъ княземъ какъ между боярами, такъ и между гостями и даже чернецами; главнымъ между ними выставляется какой-то Иванъ Старковъ. Шемяка прежде всего обратился къ кн. Ивану можайскому и передалъ ему (въ народѣ ли ходила такая молва, или самъ Шемяка выдумалъ это, неизвѣстно), что великій князь выпущенъ

---

370) Ibid. III, 141; IV, 125, 212—213; V, 267—268; VI, 170—172; VIII, 112—114; Ник. V, 196—202. По нѣкоторымъ изъ указанныхъ лѣтописей (III, 141; IV, 125, 212) бой близь Суздаля происходилъ въ 1446 г.; освобожденіе Василія, по однѣмъ лѣтописямъ (V, 268; VI, 277), было въ 1445, по другимъ (III, 141; IV, 213; VI, 172 и VIII, 114) — въ 1446, а по нѣкоторымъ (IV, 125) — даже въ 1447 г. — Сумма выкупа за великаго князя въ лѣтописяхъ показывается различно. Однѣ изъ нихъ говорятъ, что Василій цѣловалъ крестъ хану и его сыну на томъ, что дастъ выкупъ, «сколько можетъ»; другія, какъ Новгор. вторая, опредѣляютъ выкупъ въ 200,000 рублей; третьи, наконецъ, какъ Псковская первая, такъ говорятъ о выкупѣ: «посуливъ на собѣ отъ злата и сребра и отъ портища всякого и отъ коней и отъ доспѣховъ пол—30 тысящь», а Новгородская 4-я дѣлаетъ такой намекъ, который, упоминая о 200-тысячномъ выкупѣ, заставляетъ предполагать еще больщій: «и взя на немъ окупа двѣстѣ тысящъ рублевъ, а иное Богъ вѣсть да они». Во всякомъ случаѣ окупъ, надобно предполагать, былъ громаденъ.—Ко времени пребыванія великаго князя въ плѣну нѣкоторые (см. «Ист. Р.» Соловьева IV, 115) относятъ договоръ великаго князя съ Иваномъ и Михаиломъ Андреевичами отъ 17 іюля 1445 г. (С. г. г. и д. I, № 61). О немъ см. подъ Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ, во II-мъ томѣ.

изъ плѣна потому, что обѣщалъ на крестномъ цѣлованіи отдать Улу-Махмету Московское княженіе и всѣ русскіе города и волости другихъ князей, а самъ — сѣсть на Тверскомъ княженіи. Дѣятельными помощниками Шемяки выставляются здѣсь какіе-то Константиновичи, — можетъ быть, бояре его. Къ Шемякѣ и Ивану можайскому вскорѣ присталъ и Борисъ тверскій, которому они сообщили замыслы великаго князя, хотя это извѣстіе, судя по послѣдующимъ событіямъ и поведенію Бориса, подвергается сомнѣнію. Эти союзники слѣдили чрезъ своихъ московскихъ сообщниковъ за каждымъ шагомъ Василія Васильевича, выжидая удобнаго случая для нападенія на него. Случай такой скоро представился. Василій Васильевичъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, вѣроятно, въ благодарность за избавленіе изъ плѣна, собрался съ дѣтьми своими, Иваномъ и Юріемъ, поклониться живоначальной Троицѣ и мощамъ преп. Сергія. Враги его находились въ то время въ Рузѣ, откуда ссылались съ своими московскими единомышленниками. Узнавъ отъ послѣднихъ, что Василій съ небольшой свитой уѣхалъ въ Троицкій монастырь, они изгономъ бросились къ Москвѣ и 12-го февраля (**1446 г.**) взяли городъ, который отворили имъ ихъ соучастники. Обѣ великія княгини были схвачены, казна великаго князя и матери его захвачена, великокняжескіе бояре были переловлены, а казны ихъ разграблены, ограблены были и многіе изъ гражданъ. Въ ту же ночь Шемяка отправилъ въ Троицкій монастырь своего соучастника, кн. Ивана можайскаго, со многими его и своими людьми. Въ слѣдующій день, во время литургіи, когда великій князь былъ въ церкви, къ Троицѣ прискакалъ какой-то Бунко съ извѣстіемъ, что Шемяка и кн. можайскій идутъ на великаго князя. Но Василій не повѣрилъ Бунку, какъ прежде еще перебѣгавшему на сторону Шемяки, приказалъ прогнать его съ монастырскаго двора, неподалеку отъ котораго его даже побили сторожевые ратные люди. «Сіи смущаютъ насъ, говорилъ Василій Васильевичъ по поводу извѣстія Бунка, а язъ съ своею братьею въ крестномъ цѣлованіи, то како можетъ быти тако?» Тѣмъ не менѣе онъ послалъ къ Радонежу сторожевыхъ людей. Князь можайскій, чтобы благополучно пробраться къ Троицѣ, употребилъ хитрость: изготовлено было множество саней съ рогожами и полостями, подъ которыми скрывалось по два вооруженныхъ ратника, а третій, при каждыхъ саняхъ, долженъ былъ идти сзади, какъ будто извощикъ за обыкновеннымъ возомъ. Когда эти возы минули великокняжескую стражу, вооруженные ратники повыскакали изъ саней и напали на сторожевыхъ людей, которымъ невозможно было спастись хотя бы бѣгствомъ, такъ какъ лежалъ вездѣ глубокій снѣгъ. Когда великій князь самъ убѣдился въ истинѣ извѣстій Бунка, когда враги его уже подошли къ монастырю, онъ бросился въ конюшню,

но наготовѣ не было ни одного коня, такъ что ему пришлось скрыться въ Троицкой каменной церкви, гдѣ его заперъ пономарь. Прежде всѣхъ на монастырскій дворъ прискакалъ одинъ изъ Константиновичей, совѣтниковъ Шемяки, Никита, а потомъ и самъ кн. Иванъ можайскій, который спрашивалъ, гдѣ находится великій князь. Услышавъ знакомый голосъ, Василій Васильевичъ сказалъ: «Брате! помилуйте мя, не лишите мя зрѣти образа Божіа и пречистыя Матери Его и всѣхъ святыхъ Его; не изыду изъ монастыря сего и власы главы своея здѣ остригу». Послѣ этого онъ самъ отомкнулъ двери храма и съ иконой вышелъ къ кн. можайскому, которому напомнилъ объ обоюдномъ крестномъ цѣлованіи на томъ, чтобы не мыслить другъ другу лиха. Князь Иванъ сказалъ, что надъ ними самими учинится лихо, если они пожелаютъ лиха ему, великому князю; «по се творихомъ, продолжалъ кн. можайскій, христіанства ради и твоего окупа: видѣвше бо се татари пришедшіи съ тобою облегчать окупъ, что ти царю давати». Великій князь, поставивъ икону на мѣсто, съ горькимъ плачемъ началъ молиться; князь же Иванъ, выходя изъ церкви, приказалъ Никитѣ Константиновичу взять его. «Поиманъ еси Богомъ и великимъ княземъ Дмитреемъ Юрьевичемъ», сказалъ Никита великому князю, когда тотъ, по окончаніи молитвы, спросилъ, гдѣ братъ его, князь Иванъ. «Да будетъ воля Божія!» сказалъ вел. князь на слова Никиты. Въ простыхъ саняхъ Василія отвезли въ Москву. Но враги его, въ увлеченіи, забыли про дѣтей его, которыя укрылись на монастырскомъ дворѣ. Они, съ оставшимися при нихъ людьми, въ ту же ночь бѣжали къ Юрьеву, въ село Боярково, къ кн. Ивану Ряполовскому, который, вмѣстѣ съ братьми своими, Семеномъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими бѣжалъ въ Муромъ и здѣсь затворился съ дѣтьми Василія. Между тѣмъ, 14-го февраля Василія привезли въ Москву и посадили на Шемякиномъ дворѣ, а 16-го февраля, ночью, ослѣпили его и вмѣстѣ съ в. кн. Маріей отослали въ заточеніе въ Угличъ, а мать его Софью отправили въ Чухлому. Чтобы придать законную силу своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ, враги Василія, предъ ослѣпленіемъ его, исчисляли вины его: «чему еси, говорили они, татаръ привелъ на Русскую землю и городы далъ еси имъ и волости подавалъ еси въ кормленіе? а татаръ любишь и рѣчь ихъ паче мѣры безъ милости, а злато и сребро и имѣніе даешь татаромъ». Такіе обвинительные пункты были выставлены со стороны Шемяки. Нельзя не замѣтить, что когда онъ привлекалъ на свою сторону другихъ князей, то выставлялъ другую вину великаго князя: его обязательство отдать хану великое княженіе и княженія другихъ князей. Между тѣмъ, приверженцы Василія Васильевича, кн. Василій Ярославичъ боровскій, Василіевъ шуринъ, и кн. Семенъ Ивановичъ Оболенскій бѣжали въ Литву, а дѣти боярскія и

всѣ люди московскіе били челомъ Шемякѣ и приведены къ крестному цѣлованію. Не хотѣлъ только присягать воевода Өедоръ Басенокъ, и Шемяка приказалъ заковать его въ цѣпи. Но Басенокъ сошелся съ своимъ приставомъ и вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ въ Коломну, гдѣ нѣкоторое время скрывался у своихъ пріятелей, а потомъ, привлекши на свою сторону многихъ людей, пограбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ Василію Ярославичу. Этотъ послѣдній получилъ отъ в. кн. литовскаго въ вотчину Брянскъ, Гомей, Стародубъ, Мстиславль и др. мѣста. Первый изъ названныхъ городовъ онъ отдалъ кн. Оболенскому и Басенку... Но возвратимся къ Москвѣ. Непрочность Шемяки на великокняжескомъ столѣ сказалась въ первые же дни его княженія: всѣ негодовали на него, желая видѣть на великокняжескомъ столѣ Василія, и не только негодовали, «но и на самого мысляху», — такъ что когда Шемяка узналъ о томъ, что дѣти Василія заперлись въ Муромѣ, то самъ боялся забрать ихъ, а призвалъ къ себѣ рязанскаго (и муромскаго) епископа Іону и, обѣщавая дать ему митрополію, а также освободить Василія Васильевича и дать ему «отчину... доволну», просилъ отправиться въ Муромъ и взять дѣтей Василіевыхъ подъ свое святительское ручательство въ ихъ безопасности («на свой патрахѣль»). Епископъ отправился въ Муромъ и передалъ князьямъ Ряполовскимъ желаніе Шемяки. Ряполовскіе на совѣтѣ пришли къ тому заключенію, что лучше положиться на слова святителя, чѣмъ ожидать, когда ихъ съ княжичами Шемяка возьметъ силой. Они сказали епископу, что исполнятъ требованіе Шемяки, но только «безъ крѣпости» не отпустятъ дѣтей великаго князя, а потому владыка долженъ взять ихъ въ соборной Рождественской церкви «у Пречистые съ пелены на свой патрахѣль». Такъ и сдѣлали. Это означало, что владыка ручается, своимъ святительскимъ саномъ, за безопасность принимаемыхъ имъ дѣтей великаго князя. Іона съ дѣтьми Василія прибылъ 6-го мая въ Переяславль, гдѣ тогда находился Шемяка. Послѣдній принялъ княжичей съ притворною лаской, звалъ къ себѣ на обѣдъ и одарилъ ихъ, а на третій день, въ сопровожденіи того же епископа Іоны, отправилъ ихъ въ Угличъ къ отцу въ заточеніе. Братья Ряполовскіе, видя коварство Шемяки, начали придумывать средства къ освобожденію великаго князя. Къ нимъ въ той же мысли пристали: кн. Иванъ Вас. Стрига, Ив. Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многія другія боярскія дѣти. Они условились собраться подъ Угличемъ въ полдень Петрова дня. Семенъ Филимоновъ явился во̀-время, а Ряполовскіе принуждены были уйдти за Волгу къ Бѣлоозеру, такъ какъ Шемяка узналъ объ ихъ замыслахъ. Послѣдній съ Углича послалъ за ними со множествомъ людей Василья Вепрева и Өедора

Михайловича, которые должны были соединиться при устьѣ Шексны. Ѳедоръ не подоспѣлъ во̀-время къ Вепреву, и послѣдняго Ряполовскіе побили на устьѣ Мологи, а потомъ обратились къ устю Шексны на Ѳедора, который бѣжалъ отъ нихъ за Волгу. Послѣ этого Ряполовскіе пошли по Новгородской землѣ въ Литву и пришли въ Мстиславль къ Василью Ярославичу боровскому, къ которому потомъ явились еще многіе изъ бывшихъ и не бывшихъ въ сообщничествѣ съ Ряполовскими. Они начали побуждать боровскаго князя къ освобожденію углицкаго узника [371]).

Между тѣмъ Шемяка, видя, что отъ него многіе бѣгутъ, вмѣстѣ съ кн. Иваномъ Андреевичемъ можайскимъ созвалъ совѣтъ изъ владыкъ и бояръ, которымъ предложилъ на рѣшеніе вопросъ о томъ, освобождать или держать Василія Васильевича въ заточеніи. Владыка Іона, занимавшій уже митрополичій дворъ, укорялъ Шемяку въ томъ, что онъ ввелъ его въ грѣхъ и срамъ — сдѣлалъ его лжецомъ и неправду учинилъ съ великимъ княземъ, котораго долженъ былъ освободить изъ заточенія. Шемяка рѣшился освободить Василія и дать ему отчину. — Въ слѣдующемъ **1447 г.** онъ, въ сопровожденіи духовнаго клира, отправился въ Угличъ и, «каяся и прощаяся», 15-го сентября освободилъ великаго князя, который, напротивъ, во всемъ винилъ самого себя: въ томъ, что онъ былъ клятвопреступникомъ предъ старѣйшею братьею своею и предъ всѣмъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще хотѣлъ изгубить до конца, почему и достоинъ «главныя казни» (смертной). Шемяка въ честь Василія и его семейства устроилъ пиръ, на которомъ присутствовали епископы, бояре и дѣти боярскія, щедро одарилъ его и отпустилъ въ данную ему отчину, Вологду. — Не долго побывши въ Вологдѣ, Василій Васильевичъ собрался со всѣми своими приближенными въ Кирилловъ монастырь будьто бы накормить, по тогдашнему обычаю, монастырскую братію и раздать милостыню. Здѣсь игуменъ Трифонъ со всею братіею благословилъ его и дѣтей его на великое княженіе, — а чтобы не смущалась совѣсть князя-слѣпца, настоятель монастыря сказалъ ему: «Тотъ грѣхъ на мнѣ и на моей братіи головахъ, что еси цѣловалъ крестъ и крѣпость далъ князю Дмитрію». Услышавши объ этомъ, бояре, дѣти боярскія и многіе простые люди начали перебѣгать отъ Шемяки къ Василію Васильевичу, который изъ монастыря пошелъ не въ Вологду, а въ Тверь, снесшись по этому поводу съ тамошнимъ княземъ. Борисъ Александровичъ съ честію принялъ Василія и одарилъ его; затѣмъ послѣдовало обрученіе семилѣтняго Василіева-сына Ивана съ пятилѣтней дочерью Бориса, Маріей... И сюда, въ Тверь, продолжали стекаться приверженцы Василія.

371) Цитаты см. въ слѣд. прим.

Въ то же время и изъ Литвы шли его приверженцы. Василій Ярославичъ, не зная еще объ освобожденіи великаго князя, сговорившись съ князьями Ряполовскими, кн. Иваномъ Стригой, кн. Семеномъ Оболенскимъ, Басенкомъ и др., назначилъ сборный пунктъ въ Пацынѣ, откуда рѣшено было идти къ Угличу. Семейства свои они оставили пока въ Литвѣ. Но вскорѣ они узнали, что Василій свободенъ и находится въ Твери, а потому рѣшили прямо идти на Русь. Около Ельны съ ними повстрѣчался отрядъ татаръ, и едва не произошло схватки. Оказалось, что съ татарами шли дѣти Махмета, Касимъ и Ягубъ, также на выручку великаго князя: русскіе и татары соединились и продолжали путь вмѣстѣ... Шемяка и Иванъ можайскій стояли тогда на Волокѣ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Василій Васильевичъ послалъ въ Москву изгономъ боярина Михаила Плещеева съ немногими людьми, которые незамѣтно прошли мимо полковъ Шемяки и подошли къ Москвѣ. Это было въ ночь на Р. Хр. Въ ту пору въ Кремль къ заутренѣ проѣхала вдова кн. Василія Владиміровича углицкаго Ульяна чрезъ Никольскія ворота, которыя, послѣ проѣзда ея, остались незапертыми. Плещеевъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ и проникъ въ городъ. Намѣстникъ Шемяки, бывшій тогда у заутрени, бѣжалъ; но намѣстника кн. Ивана можайскаго поймали и заковали; близкихъ къ Шемякѣ и кн. Ивану людей хватали, грабили и ковали, а гражданъ привели къ крестному цѣлованію на вѣрность вел. кн. Василію. Городъ начали укрѣплять. Между тѣмъ самъ великій князь пошелъ къ Волоку. Узнавши о взятіи Москвы и о томъ, что къ Василію отовсюду сбираются простые и ратные люди, Шемяка и его сообщникъ бѣжали въ Галичъ, отсюда — въ Чухлому, а изъ Чухломы, захвативши съ собой Василіеву мать, ушли въ Каргополь. Великій князь, преслѣдуя Шемяку, остановился подъ Угличемъ, куда пришелъ и Василій Ярославичъ, а Борисъ тверскій прислалъ пушки. Взявши Угличъ, Василій Васильевичъ пошелъ къ Ярославлю, подъ который пришли и дѣти Махмета. Отсюда Темный послалъ къ Шемякѣ боярина Василія Өедоровича Кутузова съ просьбой объ освобожденіи Софіи Витовтовны, а самъ пошелъ въ Москву, куда прибылъ 17-го февраля. Обсудивши съ боярами эту просьбу, Шемяка отпустилъ Васильеву мать съ бояриномъ своимъ Михаиломъ Өедоровичемъ Сабуровымъ, который не возвратился къ Шемякѣ, а остался служить Василію. Въ слѣдующемъ **1448 г.** Шемяка перебрался въ Галичъ. Василій выступилъ противъ него и остановился въ Костромѣ. Послѣ переговоровъ чрезъ пословъ, Юрьевичъ далъ великому князю «проклятыя» грамоты, по которымъ клялся не имѣть къ великому князю, дѣтямъ его и всему великому княженію никакого лиха. Примирившись, Василій пошелъ съ Костромы въ великій четвергъ и, отпраздновавши въ Ростовѣ

первый и второй дни Пасхи (24-го и 25-го марта), прибылъ въ Москву на Ѳоминой недѣлѣ[372]).

Но возвратимся немного назадъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о договорахъ великаго князя съ удѣльными за послѣдніе два года, о чемъ не было говорено въ своемъ мѣстѣ какъ потому, что неудобно было прерывать нити разсказа, такъ и потому, что нѣкоторые договоры трудно пріурочить къ опредѣленному времени.

Ко времени послѣ послѣдняго занятія Василіемъ Москвы относится договоръ его съ Иваномъ можайскимъ[373]). Договоръ трактуетъ объ обоюдной дружбѣ какъ между ними, такъ и между дѣтьми ихъ, о немщеніи со стороны великаго князя за прежнюю вражду и о забвеніи послѣдней. Въ свидѣтели этого договора они призываютъ Бога и святыхъ угодниковъ Его, а въ посредники—кн. Бориса тверскаго съ супругой его, Михаила Андреевича можайскаго и Василія Ярославича боровскаго. Около того же времени

---

372) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 123, 125—126, 131, 146, 213; V, 268—269; VI, 172—178; VII, 226; VIII, 115—121; XV, 493; Ник. V, 202. Нѣкоторыя изъ описываемыхъ здѣсь событій переходятъ изъ одного года въ другой: то, что въ однѣхъ лѣтописяхъ находимъ подъ 1446 годомъ, въ другихъ — подъ 1447 и на оборотъ. — Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Архангелогородская и «Лѣтописецъ Русскій», изд. Н. Львовымъ (1792 г.), передаютъ сношенія Василія съ Борисомъ тверскимъ такъ: Василій пошелъ въ Тверь и просилъ у Бориса помощи противъ Шемяки; Борисъ обѣщалъ помощь только при такомъ условіи, если Василій женитъ своего сына на его, Борисовой, дочери. При этомъ «Лѣтописецъ Русскій» (III, 342) влагаетъ въ уста Бориса такую рѣчь: «а не женишь, то я выдамъ тебя *опять*(?) князю Димитрію... Онъ же (Василій), продолжаетъ лѣтописецъ, *неволею* обручи дщерь Марію у кн. Бориса Александровича за сына своего, Ивана». Почти то же находимъ и въ «Лѣтоп. содерж. рос. ист. отъ $\frac{6360}{852}$ до $\frac{7106}{1598}$ (1781 г.). Трудно вѣрить этимъ извѣстіямъ. По Татищеву Василій началъ переговоры съ Борисомъ еще до прибытія въ Тверь. При чемъ же была бы тутъ угроза Бориса? Притомъ, Василій такъ довѣрчиво не могъ бы относиться къ Борису, чтобы просить у него помощи, если бы Борисъ дѣятельно присталъ, какъ передаютъ нѣкоторыя лѣтописи, къ Шемякѣ. А Новгородскія 2-я и 4-я (III, 141; IV, 125) передаютъ даже, что Борисъ участвовалъ въ ослѣпленіи Василія, чему ужъ, кажется, никакъ нельзя повѣрить. — Въ Тверской лѣт. (т. XV, 493) говорится, что Василій далъ Борису г. Ржеву. Но неизвѣстно, почему Борису пришлось брать его силой, съ пушками. — Пацынъ упоминается въ духовной Ивана III (С. г. г. и д. I, № 144): онъ даетъ сыну своему Юрію, между прочимъ, «волости: Соловьевичи, Прикладки, Пацынъ.»

373) С. г. г. и д. I, № 63. Такого же содержанія договоръ подъ № 68. Въ этомъ послѣднемъ есть только одна разница, та, что въ началѣ договора прибавлено, что дѣти Василія будутъ цѣловать крестъ Шемякѣ, когда имъ исполнится по 12 лѣтъ. О первомъ договорѣ издатели говорятъ, что онъ писанъ *около* 1447 г., а о второмъ *положительно* говорятъ, что онъ писанъ въ 1448 г., хотя и ниоткуда не видно, на чемъ издатели основываются. Намъ кажется, что это — двѣ редакціи одного и того же договора, такъ какъ они, за исключеніемъ указанной выше прибавки въ № 68, дословно сходны. То обстоятельство, что въ посредники здѣсь берется тверскій князь, заставляетъ думать, что договоръ состоялся вскорѣ по занятіи Василіемъ Москвы, которому, т. е. занятію, предшествовало обрученіе дѣтей Василія и Бориса.

Иванъ можайскій вмѣстѣ съ другими удѣльными князьями участвовалъ въ договорѣ великаго князя московскаго съ вел. кн. рязанскимъ Иваномъ Ѳедоровичемъ [374]). Къ описываемому времени относятся договоры Василія Васильевича и съ другими князьями, какъ-то: съ Василіемъ Ярославичемъ боровскимъ и Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ (можайскимъ). Но мы не будемъ здѣсь указывать на содержаніе этихъ договоровъ, такъ какъ это сдѣлано въ біографіяхъ названныхъ князей; скажемъ только, что боровскій и верейскій князья стояли на сторонѣ великаго князя и свято исполняли договоры съ нимъ, хотя почему-то въ **1456 г.** Василій и приказалъ схватить и заточить въ Угличѣ князя боровскаго.

Теперь возвратимся къ прерванной нити разсказа.

Мы видѣли, что въ **1448 г.** въ Костромѣ Шемяка заключилъ миръ съ Василіемъ и далъ на себя проклятыя граматы. Объ этомъ упоминаетъ и владыка Іона въ своемъ окружномъ посланіи о посвященіи его въ митрополиты. Говоря о заключенномъ князьями мирѣ, онъ совѣтуетъ князьямъ, боярамъ и всѣмъ христіанамъ бить челомъ великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце. «А если не станете бить челомъ, продолжаетъ митрополитъ, и отъ того прольется кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ». Но Шемяка, въ слѣдующемъ же **1449 г.**, уже нарушилъ клятву: съ большимъ войскомъ онъ двинулся на Кострому, куда прибылъ въ день Пасхи, 13-го апрѣля, — долго бился подъ этимъ городомъ съ ратными людьми Василія, но безуспѣшно, потому что въ Костромѣ съ кн. Ив. Вас. Стригой и Ѳ. Басенкомъ была сильная застава (гарнизонъ), дворъ великаго князя, дѣти боярскія. Съ митрополитомъ Іоной, епископами, братьями и татарскими царевичами великій князь выступилъ противъ клятвопреступника; войска пришли въ село Рудино, около Ярославля, на правой сторонѣ Волги. Шемяка переправился также на правую сторону. До битвы, впрочемъ, дѣло не дошло. Иванъ можайскій, бывшій съ Шемякой, перешелъ на сторону Василія, который далъ ему, въ придачу къ Можайску, Бѣжецкій Верхъ, и, кажется, это обстоятельство, заставило Шемяку также примириться съ Василіемъ. Бѣжецкій Верхъ отданъ былъ Ивану можайскому еще въ **1447 г.**, но, вѣроятно, вскорѣ по чему-либо отобранъ былъ отъ него [375]). Въ слѣдующемъ **1450 г.**, неизвѣстно по

---

374) Ibid. № 65. Эта грамота писана 1447 г. іюля 20. Этой даты въ текстѣ не выставлено, потому что трудно опредѣлить хронологическое отношеніе этого договора къ договору № 63. Къ той же порѣ должна относиться грамота № 69, но мы ея не помѣщаемъ, такъ какъ не находимъ въ ней ничего особеннаго; въ ней рисуются самыя обыкновенныя отношенія князей. О другихъ договорахъ Василія Васильевича съ Иваномъ можайскимъ см. подъ этимъ послѣднимъ.

375) П. С. Р. Л. IV, 131, 146; V, 269; VI, 178; VIII, 122; Ник. V, 215; Акты Ист. I, № 40.

какимъ побужденіямъ, великій князь опять выступилъ противъ Шемяки съ большими силами, съ которыми, въ концѣ января, подошелъ къ Галичу. Шемяка стоялъ съ своимъ войскомъ на прилежащей къ городу горѣ, окруженной оврагами. Василій, остановившись въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, послалъ къ Галичу свои войска подъ главнымъ воеводствомъ кн. Вас. Вас. Оболенскаго и татарскихъ царевичей, которые подступили къ городу 27-го января. При всемъ неудобствѣ мѣстности (овраги), по которой приходилось пробираться, московскія войска, обстрѣливаемыя съ городскихъ стѣнъ, взобрались на гору, и начался бой. Много воиновъ Шемяки легло на мѣстѣ, многіе изъ болѣе знатныхъ взяты живьемъ, а самъ Шемяка едва спасся бѣгствомъ въ Новгородъ. Великій князь, послѣ молебствія по случаю побѣды, отправился въ городъ, умирилъ гражданъ и, оставивъ въ Галичѣ своихъ намѣстниковъ, уѣхалъ въ Москву, куда прибылъ въ половинѣ февраля, на масляной недѣлѣ[376]).

Великому князю, не разъ обманутому Шемякой, приходилось, во что бы то ни стало, какъ-нибудь отдѣлаться отъ него. Но его отвлекали татарскія дѣла. Еще въ **1448** году казанскій царь Мамутекъ, сынъ Улу-Махмета, отце-и брато-убійца, послалъ всѣхъ своихъ князей воевать отчины великаго князя, Муромъ и Владиміръ. Противъ нихъ выходилъ тогда 10-лѣтній сынъ Василія Иванъ. Въ **1449 г.** татары Седи-Ахмета, хана Синей или Ногайской орды, доходили до р. Похры, плѣнили жену кн. Василія Оболенскаго и, вообще, много зла учинили христіанамъ. Этихъ татаръ преслѣдовалъ царевичъ Касимъ, отнявшій у нихъ русскій полонъ[377]). Въ слѣдующемъ **1450 г.** татары пошли по направленію къ Рязанской землѣ. Великій князь, бывшій тода въ Коломнѣ, выслалъ противъ нихъ того же Касима съ татарами и воеводу Беззубцова съ коломенской ратью, которые встрѣтили враговъ у р. Битюга, побили ихъ и обратили въ бѣгство[378]). Серьезнѣе было нападеніе татаръ въ слѣдующемъ **1451 г.** Великій князь неожиданно получилъ извѣстіе, что на Москву идетъ сынъ Седи-Ахмета, царевичъ Мазовша. Не успѣвши собрать всѣхъ ратей, онъ пошелъ къ Окѣ съ наличными немногочисленными полками; на пути онъ узналъ, что Мазовша уже не вдалекѣ отъ Оки, а потому воротился въ Москву, пославши съ своими полками кн. Ивана Звенигородскаго съ тѣмъ, чтобы онъ по возможности задержалъ быструю переправу татаръ чрезъ Оку. Кн. Звенигородскій, однако, струсилъ и воротился съ дороги назадъ, по инымъ путемъ, а не по слѣдамъ за великимъ княземъ... Василій Васильевичъ, встрѣтивши Петровъ день въ

376) Ibid. IV, 131; V, 269—270; VI, 178—179; VIII, 122—123; Ник. V, 216—217.
377) Ник. V, 216.
378) П. С. Р. Л. V, 270; VI, 277; VIII, 123; Ник. V, 217.

Москвѣ, съ старшимъ сыномъ Иваномъ поѣхалъ къ Волгѣ, оставивъ въ Москвѣ въ осадѣ мать свою, митр. Іону, сына Юрія и множество бояръ и дѣтей боярскихъ,—а жену свою съ малолѣтними дѣтьми, по извѣстію нѣкоторыхъ лѣтописей, отправилъ въ Угличъ. Іюля 2-го татары подошли къ Москвѣ и зажгли окружные посады. Тогда стояла засуха, а потому огонь сильно и быстро разошелся; отъ сильнаго жара въ самомъ городѣ загарались церкви; отъ дыму ничего нельзя было видѣть; граждане впали въ уныніе. Татары хотя и подступали къ городу, но неудачно... Пожаръ, наконецъ, затихъ, и дымъ разсѣялся. Тогда граждане стали выходить изъ города и биться съ татарами въ открытомъ полѣ. Но вотъ, въ одну ночь, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, татары услыхали въ городѣ шумъ: думая, что это пришелъ самъ великій князь, они бѣжали такъ поспѣшно, что побросали на дорогѣ всѣ тяжелыя вещи и полонъ. Получивъ отъ матери извѣстіе объ отступленіи татаръ, великій князь возвратился въ Москву, слушалъ молебны и утѣшалъ гражданъ, говоря имъ: «Это случилось по моимъ грѣхамъ. Но вы не унывайте! пусть каждый изъ васъ ставитъ хоромы на своихъ мѣстахъ, а я радъ жаловать васъ и дать вамъ льготу[379]).

Не смотря на это безпокойное время, на набѣги татаръ и крамолу Шемяки, обычныя государственныя дѣла шли своимъ порядкомъ, и объ нихъ, какъ объ обычныхъ, лѣтописцы ничего не говорятъ: если бы эти дѣла приняли иной оборотъ, они не преминули бы отмѣтить это въ своихъ трудахъ.

Отношенія къ другимъ князьямъ, кромѣ Шемяки, были также обычны. Кажется, къ которому-нибудь изъ двухъ послѣднихъ только что описанныхъ годовъ, а можетъ быть къ двумъ предшествующимъ имъ годамъ, нужно отнести договоръ великаго князя съ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ. Еще раньше, въ **1446 г.** (?), троюродные братья его, внуки Кирдяпы, Василій и Ѳедоръ Юрьевичи, заключили договоръ съ Шемякой, по которому, «когда Богъ дастъ ему (Шемякѣ) достать свою отчину великое княженіе», онъ отберетъ у кн. Ивана можайскаго Суздаль (Нижній, Городецъ и даже Вятку) съ правомъ непосредственныхъ сношеній съ ордой. Теперь Иванъ Горбатый, послѣ того какъ договоръ Юрьевичей рушился самъ собой, заключаетъ съ великимъ княземъ также договоръ, по которому обязуется не заключать мира съ Шемякой и отдать великому князю взятые у Крымскаго хана старые ярлыки на Нижегородское и Суздальское княженія. Великій князь съ своей стороны жалуетъ ему Городецъ... Былъ договоръ и съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ. По договору **1447 г.** іюня 19-го ве-

379) Ibid. IV, 131, 147; V, 270; VI, 179; VIII, 123—125; Ник. V, 218—221.

ликій князь, между прочимъ, не беретъ съ вотчины Михаила дани въ продолженіе двухъ лѣтъ; по новому же договору отъ 1-го іюля **1450 г.** князь верейскій обязывается давать ордынскій выходъ[380]).

Но возвратимся къ прерванному нами разсказу.

Шемяка, бѣжавшій послѣ пораженія 27-го января **1450 г.** въ Новгородъ, вовсе не думалъ успокоиться. Въ декабрѣ **1452 г.** великій князь получилъ извѣстіе, что Юрьевичъ пошелъ къ Устюгу. Отпраздновавши Рождественскіе праздники, Василій Васильевичъ 1-го января выступилъ изъ Москвы; пробывши день Крещенія въ Троицкомъ монастырѣ, онъ продолжалъ путь къ Ярославлю. Здѣсь онъ раздѣлилъ войска на два отряда: прямо къ Устюгу онъ отправилъ кн. Василія Ярославича боровскаго и своихъ бояръ, дворъ свой, кн. Семена Ивановича Оболенскаго, Өедора Басенка и др.; второй отрядъ съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ пошелъ на р. Кокшенгу, а самъ великій князь пошелъ въ Кострому, откуда послалъ въ помощь сыну царевича Ягуба. Шемяка, узнавши объ этомъ, сжегъ только Устюжскій посадъ и бѣжалъ. Между тѣмъ второй отрядъ побралъ городки Шемяки, доходилъ до устья Ваги и Осинова Поля, «землю ту всю пусту поплѣниша» и воротился съ большимъ полономъ. Шемяка съ Двины бѣжалъ въ Новгородъ и здѣсь скоропостижно скончался 18-го іюля **1453 г.** отъ яда. Кто былъ виновникомъ этого дѣла, столь противнаго, по выраженію нашего исторіографа, вѣрѣ и нравственности, осталось неизвѣстнымъ; участвовалъ ли въ немъ самъ великій князь — также неизвѣстно, — но извѣстно, что онъ весьма обрадованъ былъ вѣстью о смерти своего врага: подьячій Бѣда, привезшій эту вѣсть въ Москву (23-го іюля), былъ пожалованъ въ дьяки[381]).

И такъ, безпокойнаго, но энергичнаго врага великаго князя не стало; съ этой стороны у него руки были, такъ сказать, развязаны. Теперь онъ смѣлѣе могъ дѣйствовать по отношенію къ другимъ князьямъ. Прежде всего онъ, естественно, направилъ свои удары на сподвижника Шемяки «за его, какъ выражаются лѣтописи, неисправленіе». Какъ видно изъ письма митр. Іоны къ епископу смоленскому, это неисправленіе состояло въ томъ, что можайскій князь не являлся на помощь великому князю при двукратномъ нашествіи Седи-Ахметовыхъ татаръ, не смотря на обращенныя къ нему просьбы митрополита. Кстати замѣтимъ, что это письмо или посланіе имѣло и спеціальную цѣль. Василій опасался, чтобы Иванъ можайскій не вздумалъ

380) С. г. г. и д. I, №№ 62, 80—81, 75.

381) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 126, 132, 147; V, 271; VI, 179—180; VIII, 125. 144; Ник. V, 221, 278. Объ отравленіи Шемяки говорятъ только Архангелогор. и Новгор. 4 лѣтоп. — Р. Кокшенга — Вологодской губ., Вельскаго уѣзда; впадаетъ въ Вагу.

подбивать противъ Москвы короля, съ которымъ, какъ замѣчаетъ посланіе, великій князь желалъ братства, любви и прочнаго добраго житья. По тому-то митрополитъ и говоритъ епископу смоленскому: «Благословляю тобе, своего сына, чтобы еси того поберегль, чтобы какъ отъ того кн. Ивана въ вотчинѣ великаго князя пакости не было... А сыну нашему пану Михайлу канцлерю говори, чтобы также о томъ поберегль, какъ самъ вѣдаеть...» Иванъ Андреевичъ не думалъ о сопротивленіи: услышавъ, что на него идетъ великій князь, онъ съ семействомъ и со всѣми приближенными своими бѣжалъ въ Литву. Можайскъ присоединенъ былъ къ Москвѣ, и въ немъ великій князь оставилъ своихъ намѣстниковъ [382]).

Теперь великій князь обратилъ свое вниманіе на Великій-Новгородъ. Впрочемъ, ему нужно было еще раздѣлаться съ набѣгомъ татаръ. Въ **1455 г.** къ Окѣ пришелъ сынъ Седи-Ахмета Салтанъ. Иванъ Васильевичъ Ощера, стоявшій недалеко отъ берега Оки съ коломенской ратью, боялся вступить въ бой съ царевичемъ, и татары свободно переправились чрезъ рѣку, безнаказанно грабили и пустошили край, и съ большимъ полономъ пошли обратно. Тогда великій князь выслалъ противъ нихъ своихъ дѣтей, Ивана и Юрія, а потомъ и самъ выступилъ. Но Ѳедоръ Басенокъ предупредилъ ихъ: нагналъ хищниковъ, побилъ ихъ и отнялъ у нихъ полонъ [383]).

Причины неудовольствія великаго князя на Новгородъ заключались въ томъ, что послѣдній принималъ къ себѣ недруговъ Василія. Такъ, онъ принялъ къ себѣ Шемяку, который тамъ и померъ. Митрополитъ Іона, въ своей перепискѣ по этому поводу съ новгородскимъ владыкой, настаивалъ на томъ, между прочимъ, чтобы Шемяка прислалъ къ великому князю посла съ челобитьемъ и чистосердечнымъ раскаяніемъ въ своемъ преступленіи противъ старшаго брата. Шемяка, дѣйствительно, присылалъ въ Москву съ своимъ бояриномъ грамоты, но «съ великою высостію», а о преступленіи своемъ ничего даже и не упоминалъ. Новгородскій владыка объяснялъ радушный

---

382) Ibid. VI, 180; VIII, 144; Ник. V, 278; Акты Ист. I, № 56. Къ этому времени или, лучше сказать, къ 1454 г. надобно отнести договоръ (С. г. г. и д. № 78—79) великаго князя съ Василіемъ Ярославичемъ боровскимъ. Издатели относятъ его ко времени *около* 1451 г. Но то обстоятельство, что въ договорахъ говорится объ удѣлахъ Шемяки и Ивана можайскаго, которые, т. е удѣлы, должны быть за великимъ княземъ, никакъ не позволяетъ думать, чтобы договоръ этотъ состоялся раньше 1454 г., такъ какъ только въ этомъ послѣднемъ году князь можайскій бѣжалъ въ Литву. По этому договору великій князь и всѣ его сыновья становятся по отношенію къ Василію Ярославичу «братьею старѣйшею»; Василій Ярославичъ отступается въ пользу великаго князя отъ Дмитрова; вмѣсто недоданныхъ ему великимъ княземъ городовъ дѣда Василіева, Владиміра Андреевича, какъ Городецъ, Козельскъ, Алексинъ, купля Пересвѣтова, Лисинъ, Иванъ Васильевичъ даетъ Бѣжецкій Верхъ, Звенигородъ и пр.

383) Ibid. IV, 147; V, 271; VI, 180 (подъ 1454 г.); VIII, 144; Ник. V, 279.

пріемъ Шемяки въ Новгородѣ старымъ обычаемъ, по которому всякій князь, прибѣгавшій подъ кровъ св. Софіи, принимался съ почетомъ; выставлялъ также на видъ, что митрополитъ и самъ называлъ Шемяку своимъ сыномъ. Іона, выставляя на видъ вины и злодѣянія Шемяки, не только отказывался отъ признанія его своимъ сыномъ, но и заявлялъ, что вмѣстѣ съ нимъ, митрополитомъ, всѣ владыки и все русское священство считаютъ Шемяку отлученнымъ отъ Божіей церкви [384]). Другой князь, неужившійся съ Москвой и слѣдовательно непріятный ей, перешелъ, въ половинѣ іюня **1455 г.**, изъ Пскова въ Новгородъ, — это — Василій Васильевичъ Гребенка, кн. суздальско-шуйскій. Недовольный своимъ удѣломъ и вообще положеніемъ своего дома, онъ уѣхалъ спачала въ Новгородъ, а потомъ, въ **1448 г.**, переѣхалъ во Псковъ; въ **1455 г.**, какъ сказано, онъ опять переѣхалъ въ Новгородъ... Великій князь отослалъ въ Новгородъ «грамоты взметныя» и выступилъ въ походъ въ февралѣ **1456 г.** Въ Волокъ собрались къ нему всѣ князья и воеводы, долженствовавшіе принять участіе въ походѣ; сюда же явился новгородскій посадникъ съ челобитьемъ, чтобъ великій князь пожаловалъ: на Новгородъ не шелъ бы и гнѣвъ свой отложилъ бы. Но Василій челобитья не принялъ. Вступивши въ Новгородскую землю, онъ послалъ кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго и Ѳедора Басенка на Русу, граждане которой, не ожидая столь быстраго прибытія низовской рати, не успѣли вывезти или припрятать своихъ пожитковъ, такъ что московскіе воеводы должны были отправлять пріобрѣтенную добычу въ свою землю съ ратными людьми. Ратныхъ людей осталось здѣсь, и съ воеводами и съ дѣтьми боярскими, весьма небольшое число, менѣе двухъ-сотъ. А между тѣмъ изъ Новгорода наступала пятитысячная рать. На совѣтѣ воеводы порѣшили выступить противъ этой рати, такъ какъ — говорили они — воспользовавшись добычею, они сами отпустили съ ней ратныхъ людей, сами же и должны, слѣдовательно, выходить изъ такого критическаго положенія. Притомъ же, говорили они, если не биться съ новгородцами и не пасть въ бою, то все равно придется погибнуть за вину отъ своего государя. Мѣсто для битвы было весьма неудобно: враждующія стороны раздѣлялись плетнемъ и снѣжными суметами. Московскіе воеводы, замѣтивъ, что на новгородцахъ очень крѣпкіе доспѣхи и что, по этому, ихъ трудно будетъ одолѣть, порѣшили стрѣлять по конямъ, а не по всадникамъ; кони вслѣдствіе этого начали бѣситься и метаться въ разныя стороны, а неискусные и необученные военному дѣлу всадники, вооруженные длинными копьями, которыми не умѣли владѣть, падали съ коней и этимъ производили

384) Акты Ист. I, № 53; Доп. къ Актамъ Арх. Экс. I, № 372.

необыкновенное замѣшательство; наконецъ, новгородцы ударились въ бѣгство, а московскіе воеводы преслѣдовали ихъ по пятамъ. Тутъ пойманъ былъ, между прочимъ, посадникъ Михаилъ Туча. Въ полонъ много нельзя было брать по малочисленности московской рати, изъ которой, говоря современнымъ языкомъ, нельзя было отряжать большаго конвоя къ плѣннымъ. Новгородъ пришелъ въ уныніе, когда прибѣжали туда остатки разбитой рати... Раздался вѣчевой колоколъ, собрались новгородскія власти и граждане, но никто не зналъ, съ чего и рѣчь начать; наконецъ, какъ будьто пьяные, говорили то, что придетъ въ голову: одни — одно, другіе—другое. Верхъ взяла мысль — просить владыку, чтобы отправился къ великому князю съ челобитьемъ. Архіепископъ хотя и заявлялъ, что за преступленіе новгородцевъ ему нельзя и на очи показаться великому князю, — тѣмъ не менѣе, видя, въ какой бѣдѣ находится его паства, отправился съ посадниками, тысяцкими и житьими людьми: посѣтилъ, по обычаю, сначала князей и бояръ московскихъ и просилъ ихъ ходатайствовать за Новгородъ предъ великимъ княземъ; наконецъ, допущенъ былъ на очи самого великаго князя. Василій Васильевичъ, послушавъ челобитья богомольца своего, а также братьевъ и бояръ своихъ, взялъ съ новгородцевъ «за свою истому» около 10,000 новгородскихъ серебряныхъ рублей кромѣ того, что дано было новгородцами братьямъ и боярамъ великаго князя. Послѣ этого въ Новгородъ посланы были бояре, которые привели новгородцевъ къ крестному цѣлованію. Договоръ Новгорода съ великимъ княземъ, заключенный въ Яжелбицахъ (120 в. отъ Новгорода), содержитъ въ себѣ зачатки того, что послужило потомъ къ паденію новгородской самостоятельности. Новгородцы отступались для великихъ князей, Василія Васильевича и Ивана Васильевича (который объявленъ соправителемъ отца въ **1450 г.**), отъ пріобрѣтенныхъ ими ростовскихъ и бѣлозерскихъ земель; обязывались платить черный боръ, отмѣнить вѣчевыя грамоты, новгородскую печать замѣнить печатью великаго князя, не вмѣшиваться въ княжескія усобицы, не принимать къ себѣ князей: можайскаго и сына Шемяки, Ивана Димитріевича Шемякина съ дѣтьми ихъ, а также матери и зятьевъ послѣдняго; не принимать никакихъ лиходѣевъ великаго князя, откуда бы они ни явились [385]).

---

385) П. С. Р. Л. III, 141; IV, 132, 147, 216—217; V, 31—32, 271—272; VI, 181; VIII, 145—147; Ник. V, 281—283; А. А. Эксп. I, № 58. Василій Васильевичъ выступилъ въ походъ, по Никон. и Воскр. лѣт., 19-го, а по другимъ—2-го февраля. Въ Новгородской 4-ой сказано, что новгородскій владыка «доби челомъ великому князю полдесяты (а не десятью, какъ въ другихъ лѣтописяхъ) тысящи рублевъ»; по другимъ извѣстіямъ онъ далъ 8,500 р. (Карамз. V, 203). — Походъ на Новгородъ былъ зимой, а Василій Ярославичъ схваченъ по однѣмъ лѣтописямъ 3-го, по другимъ — 5, по третьимъ — 10-го іюля Оба факта одинъ за другимъ помѣщаются въ лѣтописяхъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ.

Въ томъ же **1456 г.** великій князь одержалъ двѣ весьма важныхъ, такъ сказать, безкровныхъ побѣды. Въ началѣ іюля онъ приказалъ схватить кн. боровско-серпуховскаго, Василія Ярославича, который, какъ мы видѣли, находясь въ родствѣ съ Темнымъ, былъ всегда ему преданъ и вѣренъ даже въ безвременье его. Что за причина была такой черной неблагодарности великаго князя, изъ лѣтописей не видно. Степенная книга гововоритъ, но глухо, что онъ взятъ «за нѣкую крамолу». Другое безкровное завоеваніе великаго князя, относимое лѣтописями къ тому же году, это — отдача в. кн. рязанскимъ Иваномъ Ѳедоровичемъ какъ Рязанскаго княжества, такъ и сына-наслѣдника въ опеку Василія Васильевича, который постарался взять будущаго рязанскаго князя въ Москву, подъ предлогомъ воспитанія, поручивъ Рязанское княжество вѣдѣнію своихъ намѣстниковъ [386]).

Если Василій Васильевичъ старался поставить Новгородъ въ такое положеніе, которое соотвѣтствовало бы его очевиднымъ стремленіямъ къ единодержавію; если онъ съ тою же цѣлію старался уничтожить такихъ князей, которые несомнѣнно были преданы ему, не говоря уже о князьяхъ-недругахъ его, то могъ ли онъ равнодушно смотрѣть на самостоятельную Вятку, родную дочь Великаго Новгорода, тѣмъ болѣе, что она такъ недавно была въ рукахъ московскаго князя, который отдавалъ ее Юрію галицкому? И вотъ, въ **1458 г.** Василій Васильевичъ посылаетъ кн. Ивана Васильевича Горбатаго, Григорія Перхушкова и другихъ на Вятку. Походъ этотъ, однако, былъ неудаченъ, что зависѣло отъ корыстолюбія воеводъ: лѣтописи говорятъ, что Перхушковъ «у вятчанъ посулы поималъ да имъ поровилъ». Вотъ почему воеводы и не взяли Вятки. Великій князь все-таки не хотѣлъ бросить намѣченной цѣли: въ **1459 г.** онъ послалъ на Вятку другихъ воеводъ: кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, Ивана Ивановича и кн. Димитрія Ряполовскаго. Эти воеводы взяли Орловъ и Котельничъ, долго держали въ осадѣ Хлыновъ, такъ что, наконецъ, вятчане «добили челомъ на всей волѣ великаго князя» [387]).

Въ томъ же **1459 г.** опять напомнили о себѣ татары Седи-Ахметовой орды: они подошли къ Окѣ. Великій князь выслалъ противъ нихъ сына своего Ивана, который отбилъ хищниковъ отъ берега. Въ слѣдующемъ **1460 г.** татары опять приходили на Рязанскую землю: ханъ Большой орды

---

386) Ibid. IV, 132, 147; V, 272; VI, 181; VII, 244; VIII, 147; Ник. V, 283—284; Соловьева «Ист. Р.» IV, пр. 96; С. г. г. и д. I, № 78—79, 84—85.

387) Ibid. IV, 147—148, 172; V, 272; VI, 181; VIII, 147—148; Ник. V, 284. По Соф. 2-й на Вятку посланъ *Иванъ* Ряполовскій, а по Воскр. и Никон. — *Семенъ* Ряполовскій и Григорій Перхушковъ.

Ахматъ, сынъ Кичи-Ахматовъ, остановился на Рясьскомъ полѣ, а къ Рязани подошли Юсуфъ и Темиръ. Однако татаръ побили и заставили обратиться въ бѣгство [388]).

Но перейдемъ опять въ противоположную сторону, къ сѣверу-западу. Мы видѣли, что съ Новгородомъ Василій Васильевичъ раздѣлался довольно рѣшительно и даже круто; видѣли такія условія мира съ новгородцами, которыя должно считать предвѣстниками паденія Господина Великаго Новгорода и всѣхъ вольностей его. Не такъ поступалъ великій князь съ младшимъ братомъ Новгорода, Псковомъ. Въ отношеніяхъ къ послѣднему великій князь проявлялъ бóльшую мягкость и желаніе удовлетворить нерѣдко обращаемыя къ нему просьбы псковичей. Даже то обстоятельство, что псковичи посылали войско свое въ помощь Новгороду въ **1456 г.**, не навлеко на нихъ дурныхъ послѣдствій, что могло бы быть, если бы хоть сколько-нибудь хотѣлось великому князю смирить Псковъ и поставить его въ болѣе подчиненныя отношенія къ себѣ. Вѣроятно, великій князь не считалъ Псковъ ни въ какомъ случаѣ опаснымъ и считалъ возможнымъ справиться съ нимъ, когда ему заблагоразсудится. Къ Новгороду же, какъ представлявшему собой болѣе солидную политическую силу, Василій не могъ относиться безразлично, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ старался ослабить его. За то и новгородцы, какъ сейчасъ увидимъ, если не всѣ, то многіе питали къ нему злобу.—Въ **1460 г.** января 20-го Василій Васильевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ сыновьями своими, Юріемъ и Андреемъ большимъ, по выраженію нѣкоторыхъ лѣтописей, «миромъ», т. е. просто посѣтить свою отчину, В. Новгородъ, и поклониться его святынѣ. Къ этому другія лѣтописи добавляютъ, что онъ пріѣхалъ «о всѣхъ своихъ управахъ», что вѣроятнѣе: съ спеціальною религіозною цѣлью московскіе князья, обыкновенно, ѣздили поближе, въ Троицкій монастырь. О пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ услыхали псковичи, — у которыхъ все начало зимы **1460 г.** проходило въ дракахъ съ нѣмцами и взаимныхъ опустошеніяхъ собственныхъ земель,—и послали въ Новгородъ къ великому князю пословъ бить ему челомъ «о жалованьи и о печалованіи своея отчинѣ» и говорить: «есмя прiобижени отъ поганыхъ нѣмець и водою, и землею, и головами, и церкви Божія пожжени отъ поганыхъ на миру и на крестномъ цѣлованіи». Въ то же время послы должны были вручить великому князю въ даръ 50 рублей, а также просить его, чтобы онъ далъ имъ своимъ намѣстникомъ, псковскимъ княземъ, кн. Александра Васильевича Черторижскаго.

---

388) Ibid. IV, 147—148; V, 272; VI, 182; VIII, 147; Ник. V, 285. Нѣкоторыя лѣтописи говорятъ только о первомъ, другія — только о второмъ, третьи — объ обоихъ набѣгахъ.

Великій князь согласился на послѣднюю просьбу съ тѣмъ условіемъ, чтобы Черторижскій цѣловалъ крестъ ему, великому князю, и дѣтямъ его на томъ, что онъ зла имъ не будетъ ни хотѣть, ни мыслить. Черторижскій не хотѣлъ дать такой присяги и, не смотря на просьбы псковичей, не остался у нихъ и уѣхалъ въ Литву, а въ Псковъ Василій Васильевичъ послалъ сына своего Юрія, который, съ соизволенія отца, удовлетворилъ просьбу псковичей — далъ имъ въ качествѣ псковскаго князя, а великокняжескаго намѣстника, кн. Ивана Васильевича Оболенскаго Стригу. Василій Васильевичъ, пробывши въ Новгородѣ шесть недѣль, выѣхалъ обратно въ Москву 1-го марта. Одна изъ лѣтописей (Соф. 2-я) передаетъ фактъ, случившійся въ Новгородѣ вскорѣ по пріѣздѣ туда великаго князя. Если извѣстіе этой лѣтописи достовѣрно, то передаваемый ею фактъ указываетъ на то раздраженіе новгородцевъ, которое возбудилъ въ нихъ великій князь походомъ **1456 г.** Вотъ этотъ фактъ. По пріѣздѣ великаго князя новгородцы собрались къ св. Софіи по звону вѣчеваго колокола и совѣщались объ убіеніи Василія и дѣтей его. Этотъ кровавый замыселъ не приведенъ въ исполненіе, благодаря только владыкѣ Іонѣ, который, явившись на вѣче, указалъ имъ на все безразсудство ихъ предпріятія: старшій сынъ великаго князя, по словамъ владыки, услышавши объ участи отца и братьевъ, возметъ рать у царя (т. е. хана) и разоритъ всю Новгородскую землю... Трудно заподозрить это извѣстіе въ неправдоподобіи. Хотя другія лѣтописи ничего подобнаго не передаютъ, а многія изъ нихъ, напротивъ, говорятъ, что Василій принятъ былъ съ любовію, — но, во 1-хъ, одна изъ нихъ, говоря о прибытіи Василія въ Новгородъ, добавляетъ: «а новгородцы во сторожи жиша»; во 2-хъ, по нѣкоторымъ лѣтописямъ тогда же какіе-то «шилники» хотѣли убить Ѳедора Басенка; въ 3-хъ, въ Новгородѣ, несомнѣнно, много было гражданъ, озлобленныхъ на Василія за отнятіе имъ у Новгорода нѣкототорыхъ правъ по договору **1456** года [389]). — Между тѣмъ, вскорѣ по отъѣздѣ великаго князя, въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы для заключенія перемирія на пять лѣтъ. Псковичи и новгородцы отправили пословъ къ великому князю съ цѣлію доложить о просьбѣ нѣмцевъ. Василій Васильевичъ далъ свое согласіе. Въ то же время изъ Пскова почему-то выѣхалъ великокняжескій намѣстникъ, кн. Иванъ Стрига. Псковичи отправили съ нимъ пословъ къ великому князю съ дарами и челобитьемъ о томъ, чтобы онъ печаловался о нихъ, — и Василій далъ имъ намѣстника въ лицѣ

---

389) Ibid. III, 141; IV, 127 (подъ 1461 г.), 132, 148, 219—220; V, 33 (подъ 1461), 272; VI, 182; VIII, 148; Ник. V, 285. Странно, что изъ нашихъ новѣйшихъ историковъ одинъ только К. Н. Б.-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 330) отмѣчаетъ этотъ фактъ готовившагося покушенія на жизнь великаго князя.

кн. Владиміра Андреевича, сына Андрея Александровича, кн. ростовстаго. Хотя кн. Владиміръ посланъ былъ во Псковъ «не по псковскому прошенію, ни по старинѣ», тѣмъ не менѣе псковичи приняли его «съ любовію» [390]).

Въ предпослѣдній годъ своей жизни Василій Васильевичъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, собрался въ походъ на Казань и былъ уже во Владимірѣ, какъ къ нему явились казанскіе послы, и былъ заключенъ миръ, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ [391]).

Въ годъ смерти Василія, т. е. въ **1462 г.,** дворяне боровскаго князя Василія Ярославича задумали высвободить своего князя изъ заточенія и на этомъ цѣловали другъ къ другу крестъ. Но замыселъ ихъ открылся, и великій князь приказалъ казнить ихъ «казнью незнаемою»: бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а инымъ отсѣкать головы [392]). Это было послѣднимъ дѣяніемъ великаго князя.

Василій Васильевичъ разболѣлся *сухотною болѣзнію* и приказалъ жечь на разныхъ мѣстахъ тѣла трутъ — обыкновенное тогдашнее врачебное средство противъ названной болѣзни, какъ видно изъ тогдашнихъ лечебниковъ, такъ называемыхъ «Добропрохладныхъ вертоградовъ». Сверхъ ожиданія, на тѣлѣ образовались раны, которыя начали гнить. Предвидя скорый конецъ жизни, великій князь хотѣлъ принять иноческій чинъ, но его удержали отъ того. Онъ скончался 27-го марта [393]).

Василій Васильевичъ былъ женатъ, съ **1433 г.** [394]), на Марьѣ Ярославовнѣ (ум. въ мон. съ именемъ Марѳы въ **1484 г.**), дочери Ярослава Владиміровича, князя боровско-серпуховскаго, и отъ этого брака имѣлъ дѣтей: Юрія старшаго, Ивана, Юрія младшаго, Андрея старшаго, Семена [395]), Бориса, Андрея младшаго и дочь Анну бывшую въ замужествѣ за Василіемъ Ивановичемъ, в. кн. рязанскимъ.

Старшій сынъ Василія умеръ младенцемъ, а потому великокняжеское достоинство переходило ко второму сыну, Ивану. Василій Васильевичъ по собственному опыту зналъ, что даже и у законнаго наслѣдника, по новому порядку престолонаслѣдія (отъ отца къ старшему сыну), утвердившемуся и въ сознаніи народа, честолюбивые родичи могутъ оспаривать престолъ, опираясь на старый порядокъ престолонаслѣдія (чтобы только имѣть пред-

---

390) Ibid. IV, 220—221; V, 33 (подъ 1462 г.).

391) Ibid. VIII, 149, Ник. V, 288.

392) Ibid. IV, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; Ник. V, 289.

393) Ibid. IV, 132, 148; V, 273; VI, 185; VIII, 150; XV, 496 (умеръ 28 марта); Ник. V, 289 (умеръ 17 марта).

394) Ibid. V, 264—265; VI, 148; VIII, 97.

395) С. М. Соловьевъ (т. IV, родосл. табл.) почему-то не отмѣчаетъ Семена, между тѣмъ какъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ.

логъ), или просто — на силу, — а потому, чтобы его наслѣдникъ избѣжалъ возможныхъ честолюбивыхъ искательствъ со стороны своихъ родичей, еще при жизни своей объявилъ Ивана великимъ княземъ и своимъ соправителемъ, такъ что всѣ грамоты и даже устныя повелѣнія исходили отъ двухъ великихъ князей. Эта мѣра могла имѣть и практическое значеніе: народъ еще при жизни Василія привыкалъ смотрѣть на сына его Ивана, какъ на великаго князя.

Такъ какъ Василій, уничтожая удѣлы и вольныя общины, сознательно стремился къ единодержавію и, слѣдовательно, хорошо видѣлъ, что его преемнику въ этомъ направленіи остается сдѣлать весьма немного, то онъ постарался дать ему и всѣ средства къ тому, — по крайней мѣрѣ, къ такому заключенію можно придти, основываясь на его духовномъ завѣщаніи: вмѣстѣ съ великокняжескимъ достоинствомъ и собственнымъ жребіемъ на Москвѣ и селами Добрятинскимъ и Васильцевымъ, считавшимися неотъемлемою принадлежностью каждаго великаго князя, онъ назначаетъ ему самый обширный удѣлъ. Вотъ что входило въ этотъ удѣлъ: Коломна, Владиміръ, Переяславль, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Вятка, Суздаль, Нижній-Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Великая Соль, Боровскъ, Суходолъ, Калуга, Алексинъ и множество московскихъ селъ. Замѣчательно, что Владиміръ, этотъ символъ великокняжеской власти для предшественниковъ Василія, теперь отходитъ на второй планъ. Еще въ самомъ началѣ княженія Василія у него оспариваютъ великокняжеское достоинство и занимаютъ Москву, а не Владиміръ. Нельзя не замѣтить еще, что Суздаль, Устюгъ и Вятка въ завѣщаніяхъ прежнихъ великихъ князей не упоминаются. Второму сыну, Юрію, даны: Дмитровъ, Можайскъ, Серпуховъ, Медынь и Хотунь; Андрею большому: Угличъ, Устюжна, Рожаловъ, Кистьма, Бѣжецкій Верхъ и Звенигородъ; Борису: Ржевъ, Волокъ, Руза; Андрею меньшому: Вологда съ Кубеной и Заозерьемъ и нѣкоторыя костромскія волости; великой княгинѣ, женѣ своей: въ пожизненное владѣніе Ростовъ съ тѣмъ, чтобы ростовскіе князья и при ней вѣдали то, что вѣдали при немъ, великомъ князѣ; далѣе — Нерехта; кромѣ того, ей дана въ полную собственность купля его: городокъ Романовъ и Усть-Шексны [396]).

---

396) С. г. г. и д. I, № 86 и 87.

Иванъ III Васильевичъ.

р. 1440 † 1506.

Не будемъ говорить о томъ, что княженіе Ивана III было блестяще, что съ него, какъ выражается нашъ исторіографъ, «Исторія наша пріемлетъ достоинство истинно государственной, описывая уже не безсмысленныя драки княжескія, но дѣянія Царства, пріобрѣтающаго независимость и величіе» и пр. Скажемъ только, что княженіе Ивана III есть какъ бы продолженіе княженія Василіева и дальнѣйшее развитіе идеи единодержавія. А потому прямо приступимъ къ изложенію теченія дѣлъ, начавшихся еще при Василіи и непрерывно продолжавшихся по смерти его [397]).

Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, по просьбѣ псковичей, послалъ къ нимъ въ князья, а своимъ намѣстникомъ, кн. Владиміра Андреевича, на котораго они не указывали. Псковичи хотя и съ честію приняли его, но не ужились съ нимъ: въ сентябрѣ **1462 г.** они показали ему путь. «А иныя

397) Всѣ извѣстія, за исключеніемъ двухъ-трехъ, до 1462 г., касающіяся Ивана Васильевича, на столько же касаются и его отца, почему и приведены въ біографіи послѣдняго. Вотъ почему мы сочли за лучшее не приводить въ текстѣ фактовъ изъ жизни Ивана Васильевича до 1462 г., а кратко, сжато, въ хронологическомъ порядкѣ перечислить ихъ въ настоящемъ примѣчаніи. При этомъ мы не будемъ выставлять обычной цитаты *П. С. Р. Л.*, а будемъ выставлять только цифровыя данныя, указывающія на П. С. Р. Л. — Иванъ Васильевичъ родился 22-го января 1440 г. (VI, 50, 170); въ 1446 г. съ матерью и остальными членами семьи онъ встрѣчалъ въ Переяславлѣ отца, вышедшаго изъ плѣна (VI, 172—176; Ник. V, 201); въ томъ же году съ отцемъ и братомъ Юріемъ ѣздилъ въ Троицкій монастырь, гдѣ отецъ его, по приказанію Шемяки, захваченъ кн. Иваномъ можайскимъ, а онъ съ братомъ успѣлъ бѣжать въ отчины кн. Ряполовскихъ, которые увезли его въ Муромъ, откуда коварствомъ Шемяки онъ выданъ былъ владыкѣ Іонѣ, съ которымъ Юрьевичъ отправилъ его къ отцу въ заточеніе (VI, 172—176; Ник. V, 203, 205—207); въ 1447 г. вмѣстѣ съ отцемъ и остальными членами семьи освобожденъ; идетъ въ данную отцу его Вологду, отсюда — въ Кирилловъ монастырь и, наконецъ, въ Тверь, гдѣ обрученъ былъ съ дочерью тверскаго князя Бориса, Маріей (V, 269; Ник. V, 211); въ 1448 г. былъ въ походѣ противъ татаръ царя Мамутека, которымъ приказано было воевать Муромъ и Владиміръ, гдѣ находился и Иванъ Васильевичъ (VI, 178; Ник. V, 215); въ 1449 г. былъ въ походѣ отца противъ Шемяки (Ник. V, 215—216); въ 1451 г., при нашествіи Мазовши, выѣхалъ съ отцомъ изъ Москвы (VI, 179; Ник. V, 218); въ 1452 г. Василій Васильевичъ, преслѣдуя Шемяку, отрядилъ его на р. Кокшенгу (VI, 179—180; Ник. V, 221); въ томъ же году Иванъ Васильевичъ женился на Марьѣ Борисовнѣ тверской (V, 271; XV, 495; Ник. V, 221—222); въ 1454 г. съ братомъ Юріемъ посланъ былъ отцемъ на берегъ Оки противъ царевича Салтана, сына Седи-Ахметова (VI, 180); въ 1456 г. предъ провожаніемъ въ Смоленскъ Смоленской иконы Божіей Матери присутствуетъ со всѣми другими членами семьи на молебствіи названной иконѣ (Ник. V, 280); въ 1458 г. у него родился сынъ Иванъ (Ник. V, 284); въ 1459 г. не пустилъ татаръ Седи-Ахмета чрезъ Оку (Ник. V, 285); въ 1460 г. стоялъ на берегу (Оки) въ то время, какъ на Рязанскую землю набѣжалъ Ахматъ, сынъ Кичи-Ахмата (V, 272); въ 1462 г. занялъ великое княженіе (V, 273; VI, 185; XV, 496; Ник. V, 289—290).

люди, замѣчаетъ лѣтопись, на вѣчи съ степени сънхнули его». Лѣтопись такъ объясняетъ это изгнаніе великокняжескаго намѣстника: «онъ пріѣха не по псковской старинѣ, псковичи не званъ, а на народъ не благъ». Владиміръ Андреевичъ поѣхалъ въ Москву жаловаться на псковичей. Въ началѣ зимы и псковичи отправили въ Москву пословъ просить себѣ князя. Великій князь три дня не пускалъ этихъ пословъ къ себѣ на очи. Только послѣ большихъ хлопотъ посламъ удалось представиться государю, который смягчился и обѣщалъ дать такого князя, какого они выберутъ, — но въ такомъ случаѣ псковичи должны были прислать съ бояриномъ своимъ грамоту о томъ въ Москву. Въ **1463 г.** въ Москву прибылъ бояринъ съ грамотой, въ которой псковичи просили себѣ кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, который и пріѣхалъ въ Псковъ въ началѣ апрѣля. Мало того, лѣтомъ великій князь прислалъ во Псковъ воеводу своего, кн. Ѳедора Юрьевича, на помощь противъ нѣмцевъ. Послѣдніе, послѣ удачныхъ дѣйствій русскихъ войскъ, стали просить мира. Любопытно, что при этомъ упоминается о какихъ-то пошлинахъ, долженствовавшихъ идти великому князю отъ дерптскаго епископа: «тогда же и о пошлинѣ великихъ князей (т. е. говорили), что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ». Перемиріе взято было на 9 лѣтъ. Новгородцы, замѣчаетъ лѣтопись, хотя ихъ и много просили псковичи, не оказали помощи ни словомъ, ни дѣломъ... Псковичи, какъ извѣстно, старались освободиться отъ Новгорода не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи. Политической самостоятельности Псковъ уже достигъ, но церковной у него еще не было: онъ зависелъ въ этомъ отношеніи отъ новгородскаго владыки. Равнодушіе Новгорода къ Пскову во время войны послѣдняго съ нѣмцами сильно, кажется, подогрѣло въ псковичахъ желаніе обособиться отъ Новгорода и въ церковномъ отношеніи. Отправка пословъ въ слѣдующемъ **1464 г.** къ великому князю съ грамотою имѣла цѣлію столько же то, что прежде всего выставлялось на видъ, сколько и желаніе псковичей выхлопотать для Пскова своего отдѣльнаго владыку. Посломъ отправленъ былъ какой-то шестникъ Исакъ съ грамотой, въ которой псковичи, выражая великому князю благодарность за оказанную имъ противъ нѣмцевъ помощь, добавляютъ, что съ этой цѣлью они хотѣли отправить къ великому князю посольство изъ посадниковъ и бояръ, но не сдѣлали этого изъ опасенія, что новгородцы не пропустятъ посольства. Великій князь выразилъ только удивленіе, какъ можно думать, чтобы его отчина — Новгородъ могла это сдѣлать. Въ другой грамотѣ псковичи просятъ великаго князя, чтобы онъ пожаловалъ свою отчину Псковъ: велѣлъ бы своему богомольцу, митр. Ѳеодосію, поставить во Псковъ владыку и притомъ родомъ псковича. «То есть дѣло велико, хотимъ о томъ

съ своимъ отцемъ горазно мысли», отвѣчалъ великій князь. Въ концѣ января псковичи отправили въ Москву пословъ, по слову великаго князя, вручивъ имъ 50 рублей въ даръ послѣднему; послы эти должны были благодарить великаго князя за помощь противъ нѣмцевъ и повторить просьбу объ отдѣльномъ для Пскова владыкѣ. Въ послѣдней просьбѣ отказано было на томъ основаніи, что въ Псковѣ никогда не было владыки, такъ что псковичи должны были возвратить новгородскому архіепископу воды, земли и всѣ оброки, которые они удержали-было за собой въ надеждѣ имѣть своего владыку. При этомъ великій князь главному послу, посаднику Максиму, подарилъ верблюда [398]).

Теперь посмотримъ, въ какія отношенія сталъ Иванъ Васильевичъ къ князьямъ въ началѣ своего княженія.

Мы видѣли, что в. кн. рязанскій Иванъ Θеодоровичъ предъ смертію поручилъ блюсти Рязанское княжество и своего наслѣдника, 8-лѣтняго сына Василія, еще отцу Ивана Васильевича. Темный взялъ рязанскаго княжича вмѣстѣ съ сестрой его Θеодосіей въ Москву, а въ Рязанскую землю послалъ своихъ намѣстниковъ. Княжичъ, конечно, воспитывался въ желательномъ для московскаго князя направленіи. Такимъ образомъ въ политическомъ отношеніи великій князь московскій могъ имѣть сильное вліяніе на Рязань; онъ могъ бы даже, пользуясь случаемъ, присоединить ее къ Москвѣ, но, вѣроятно, естественное чувство уваженія къ памяти покойнаго рязанскаго князя, такъ довѣрчиво отнесшагося къ князю московскому, должно было до времени удерживать Ивана Васильевича отъ рѣшительнаго шага. При томъ же, надобно было, такъ сказать, расчистить путь, чтобы сдѣлать этотъ шагъ. Политическое вліяніе Москвы на Рязань, положенное воспитаніемъ въ Москвѣ рязанскаго княжича, упрочено было еще бракомъ этого княжича на сестрѣ великаго князя московскаго, Аннѣ. Бракъ состоялся 28-го января **1464 г.** На той же недѣлѣ молодая чета уѣхала въ Переяславль. Но Ивану Васильевичу, кажется, желательно было имѣть вліяніе на Рязань и въ церковномъ отношеніи. По крайней мѣрѣ, когда рязанскій княжичъ былъ еще въ Москвѣ, въ Рязань поставленъ былъ епископомъ казначей митрополита Давидъ, который, во всякомъ случаѣ, сильно долженъ былъ тяготѣть къ Москвѣ [399]). Съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ, шуриномъ своимъ, и его родичами, а также съ Михаиломъ Андреевичемъ верейскимъ, заключены были договоры вскорѣ по занятіи Иваномъ Васильевичемъ великокняжескаго стола. Великій князь признаетъ

---

398) П. С. Р. Л. IV, 222—228; V, 34—35 (всѣ факты подъ однимъ 1464 годомъ).
399) Ibid. IV, 148—149; V, 274; VI, 185; VIII, 150—151; Ник. V, 2.

Михаила Борисовича равнымъ себѣ братомъ; оба обязуются владѣть своими княжествами по старымъ рубежамъ, помогать другъ-другу противъ татаръ, Литвы, Польши и нѣмцевъ, не принимать къ себѣ удѣльныхъ князей, враждебныхъ которой-либо изъ договаривающихся сторонъ; великій князь московскій не вступается въ домъ св. Спаса и не принимаетъ отъ хана ни Твери, ни Кашина. Михаилъ Андреевичъ верейскій по договорамъ считается младшимъ братомъ не только по отношенію къ великому князю, но и къ самымъ младшимъ братьямъ послѣдняго; договаривающіеся обязуются не заключать ни съ кѣмъ мира безъ общаго согласія; владѣть своими землями по старымъ рубежамъ и пр. Михаилъ Андреевичъ возвращаетъ великому князю волости, полученныя имъ отъ Василія Васильевича: Вышгородъ, Плѣснь и др. [400]).

Въ **1467 г.** Иванъ Васильевичъ, по обстоятельствамъ, долженъ былъ обратить вниманіе на востокъ — на Казань и Черемису. Въ названномъ году казанскіе князья тайно звали служебнаго (московскаго) царевича Касима на царство Казанское, гдѣ былъ Ибрагимъ. По просьбѣ Касима великій князь отпустилъ съ нимъ своихъ воеводъ, кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева и кн. Ивана Васильевича Стригу-Оболенскаго, которые и выступили въ походъ 14-го сентября. Предводители надѣялись врасплохъ подступить къ Казани, но на лѣвомъ берегу Волги, на мѣстѣ переправы, ихъ поджидалъ уже царь Ибрагимъ, который не допустилъ ихъ переправиться чрезъ рѣку. Возвращеніе войскъ назадъ было чрезвычайно грустное: осень была холодная и дождливая; чувствовался сильный недостатокъ въ фуражѣ и съѣстныхъ припасахъ, такъ что съ голоду кони падали, а ратники даже и въ постные дни ѣли мясо, что, при тогдашнихъ строгихъ отношеніяхъ къ соблюденію постовъ, могло быть только въ самомъ крайнемъ, самомъ безвыходномъ положеніи. Потерь въ людяхъ, впрочемъ, не было. По уходѣ московскихъ войскъ, татары не медля бросились изгономъ на Галичъ, но захватили только небольшой полонъ, потому что граждане «сидѣли въ осадѣ»; при томъ же великій князь заблаговременно распорядился разсылкой заставъ (гарнизоновъ) въ города: Муромъ, Нижній-Новгородъ, Кострому и Галичъ [401]). Въ ту же осень великій князь послалъ кн. Семена Романовича съ своими полками на Черемису, которая хотя и управлялась своими князьками, но подвластна была царю казанскому. Полки, 6-го декабря **1468 г.,** выступили изъ сборнаго пункта — изъ Галича — и пришли въ Черемисскую землю

---

400) С. г. г. и д. I, № 88—92.

401) П. С. Р. Л. IV, 132, 149; V, 274; VI, 187; VIII, 152; Ник. VI, 4. Ибрагимъ былъ сынъ Мамутека, вдова котораго вышла за Касима; слѣд. Ибрагимъ приходился пасынкомъ Касиму. См. Карамз. VI, пр. 14.

только черезъ мѣсяцъ, потому что приходилось идти лѣсами, «безъ пути», какъ выражается лѣтописецъ, и притомъ въ страшный холодъ. Пришедши въ Черемисскую землю, войска истребляли все, чего нельзя было взять съ собой; все предавали огню и мечу; доходили едва не до самой Казани, и потомъ воротились домой, по выраженію лѣтописи, по-здорову. Въ то же время нижегородцы и муромцы, по приказу великаго князя, воевали нагорную и низовую стороны Волги, «горы и бараты» (?), какъ сказано въ лѣтописи; Нижегородская застава ходила на Волгу, разбила казанцевъ и плѣнила князя Хозюмъ-Бердея, котораго привела къ великому князю. Кн. Стрига-Оболенскій, въ томъ же году, выгналъ казанскихъ татаръ изъ Костромской области; онъ преслѣдовалъ ихъ до р. Унжи, но не могъ настичь; эти татары взяли и сожгли въ верховьяхъ р. Юга городокъ Кичменгу, а на Вербной недѣлѣ нападали на Костромскія волости. Кн. Даніилъ Холмскій побилъ отрядъ казанскихъ татаръ около Мурома; эти татары послѣ Пасхи безнаказанно набѣгали на окрестности Мурома, и повторили свой набѣгъ уже лѣтомъ, но за это поплатились. Великій князь, за три недѣли до Великаго поста, еще до нападенія татаръ на Кичменгу, задумалъ самъ идти на Казань и былъ уже во Владимірѣ, какъ ему дали знать, что въ Москву пріѣхалъ писарь Яковъ (государственный секретарь), посолъ отъ польскаго короля Казиміра. Иванъ Васильевичъ приказалъ ему ѣхать въ Переяславль, куда и самъ отправился вмѣстѣ съ сыномъ. Посолъ, неизвѣстно зачѣмъ пріѣзжавшій, скоро былъ отпущенъ [402]).

Въ концѣ Страстной недѣли великій князь возвратился изъ Владиміра (отпустивши посла, онъ пріѣхалъ сюда изъ Переяславля) въ Москву. Послѣ Пасхи (17-го апрѣля) онъ послалъ многочисленныя войска на Каму. Полки изъ разныхъ городовъ соединились на Вяткѣ подъ Котельничемъ; здѣсь присоединились къ нимъ и вятчане, которые, прослышавъ, что на нихъ идутъ казанцы, возвратились къ Вяткѣ, оставивъ изъ своихъ при московскихъ полкахъ только 300 человѣкъ. Дѣйствительно, казанцы подступили къ Вяткѣ, граждане которой, не будучи въ состояніи сопротивляться имъ, передались на сторону царя Ибрагима. Между тѣмъ воеводы великаго князя повоевали Черемису по р. Вяткѣ, вышли въ Каму, пошли на низъ и все повоевали до Тамлуги; побили гостей, у которыхъ много взяли товару, ходили до Татарскаго перевоза и—опять повернули вверхъ, воюя казанскія мѣста; входили воевать и въ Бѣлую Воложку (р. Бѣлая). Къ той же рѣкѣ подошли и конные татары въ количествѣ 200 чел.; оставивъ коней у Черемисы, они пошли

402) Ibid. VI, 187—188; VIII, 153—154; IV, 149; V, 274; Ник. VI, 4—6; Карамз. VI, пр. 15.

въ судахъ вверхъ по Камѣ. Между тѣмъ воеводы, плывя обратно въ Каму, Черемису повоевали, коней татарскихъ посѣкли и пошли далѣе по Камѣ за татарами, которыхъ настигъ и побилъ воевода Иванъ Руно, вышедшій въ походъ съ *казаками*. Отсюда воеводы пошли на великую Пермь и къ Устюгу и воротились къ великому князю съ большимъ татарскимъ полономъ [403]).

Въ слѣдующемъ **1469 г.** предпринятъ былъ новый походъ на Казань. На Ѳоминой недѣлѣ (Пасха была 22-го апр.) выступили войска подъ главнымъ воеводствомъ Константина Александровича Беззубцева. Въ этомъ ополченіи были дѣти боярскія отъ всей земли — изъ всѣхъ городовъ, изъ всѣхъ вотчинъ: коломенцы, муромцы, владимірцы, суздальцы, дмитровцы, можайцы, угличане, ярославцы, ростовцы, костромичи и др.; изъ Москвы пошли сурожане, суконники, купеческіе люди и др. съ отдѣльнымъ воеводой, кн. Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ. Всѣ эти рати пошли рѣками, къ которымъ были ближе: Москвой, Клязьмой, Окой и Волгой, и сошлись въ Н.-Новгородѣ. Къ Устюгу великій князь послалъ воеводу кн. Даніила Васильевича Ярославскаго съ своими боярскими дѣтьми, а изъ Вологды туда же пошелъ съ вологжанами воевода кн. Андрея Васильевича (меньшаго), Семенъ Пѣшакъ-Сабуръ. Между тѣмъ какъ главныя силы уже собрались въ Н.-Новгородѣ и начали военныя дѣйствія, сѣверная рать, о которой мы только-что упомянули, подошла къ Вяткѣ. Воеводы именемъ великаго князя приглашали вятчанъ идти на казанскаго царя. «Изневолилъ насъ царь, отвѣчали вятчане, и право свое есмя дали ему, что намъ не помогати царю на великаго князя, ни великому князю — на царя». Казанскій посолъ, бывшій въ то время въ Вяткѣ, далъ знать своему царю, что отъ Вятки подъ Казань идетъ судовая рать, но не большая. Между тѣмъ главный воевода Беззубцевъ получилъ отъ великаго князя грамоту, въ которой Иванъ Васильевичъ приказываетъ самому воеводѣ съ главными силами стоять въ Нижнемъ-Новгородѣ, а воевать казанскія мѣста по обѣимъ сторонамъ Волги воевода могъ отпускать только охотниковъ, причемъ запрещено было подходить къ самой Казани. Воевода собралъ ратниковъ и объявилъ имъ волю великаго князя. «Всѣ хотимъ на окаянныхъ татаръ за святыя церкви и за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!» закричали ратные люди. Охочихъ набралось столько, что воевода остался въ Нижнемъ-Новгородѣ съ самымъ малымъ количествомъ войска. Охотники отслужили молебенъ въ Старомъ Новгородѣ за великаго

---

403) Ibid. IV, 132, 149; V, 274—275; VI, 188; VIII, 153—157; Ник. VI, 6—7.

князя и его воинство и пустились въ путь; по дорогѣ они служили молебенъ еще у св. Николая, причемъ каждый по своему достатку раздавалъ милостыню. Но въ предстоящихъ дѣйствіяхъ необходимо было единство, а Беззубцевъ не назначилъ имъ воеводы, по чему ратные люди сами избрали общимъ воеводой Ивана Руно. Эта рать пришла подъ Казань 21-го мая. Вышедши изъ судовъ, войска пошли подъ Казань, когда татары еще спали: съ крикомъ подъ звуки трубъ ратники бросились на посады и начали избивать татаръ; иные грабили, другіе забирали полонъ, при чемъ освободили полоняниковъ изъ Москвы, Рязани, Литвы, Вятки, Устюжны, Перми и др. городовъ; вокругъ всей Казани были зажжены посады; многіе изъ жителей сдавались въ плѣнъ, а многіе запирались съ своимъ богатствомъ въ мечетяхъ («въ храмѣхъ своихъ») и тамъ погибали въ пламени. Когда посады сгорѣли, усталые ратники отступили отъ города и переѣхали на Коровничій островъ, гдѣ стояли семь дней. Сюда прибѣжалъ изъ Казани одинъ изъ русскихъ плѣнниковъ и сообщилъ, что царь Ибрагимъ, на ранней зарѣ, придетъ на нихъ со всей землей своей: съ Камской, Сыплинской, Костяцкой, Бѣловоложской, Вотяцкой и Башкирской, по водѣ и по сушѣ. Тогда воеводы отдѣлили молодыхъ людей съ большими судами и приказали имъ стать на островѣ Ириховѣ и не ходить въ узкое мѣсто Волги, а сами приготовились къ оборонѣ; тѣ не исполнили приказанія и—вышли на судахъ въ узкое мѣсто; татарская конница начала стрѣлять по нимъ, но молодежъ отстрѣлялась; судовая же татарская рать пошла на главныя, хотя и не многочисленныя силы,—но татары были отбиты и преслѣдуемы до Казани. Изъ-подъ Казани воеводы возвратились на Ириховъ островъ къ большимъ судамъ, куда прибылъ изъ Нижняго-Новгорода и главный воевода Беззубцевъ, узнавшій, что, вопреки приказу великаго князя, рати подступали къ Казани. Отсюда Беззубцевъ послалъ къ великому князю съ извѣстіемъ о случившемся подъ Казанью, а также, по повелѣнію великаго князя, послалъ къ Вяткѣ наказъ, чтобы вятчане шли къ Казани ратью, на что давалось имъ сроку три съ половиной недѣли. Теперь вятчане отговаривались уже не тѣмъ, чѣмъ предъ княземъ Ярославскимъ: «Когда пойдутъ подъ Казань, сказали они, братья великаго князя, тогда пойдемъ и мы». Беззубцевъ ждалъ три съ половиной недѣли и ничего не дождался; ждалъ еще столько же, но ни отъ великаго князя воеводъ (кн. Ярославскаго и Сабура), ни отъ вятчанъ вѣстей не было; а въ кормѣ для конницы уже чувствовался недостатокъ: они шли «изгономъ», а потому не могли захватить съ собой достаточно корму. Оставалось идти назадъ, въ Нижній-Новгородъ. Такъ и сдѣлали. — На другой день по уходѣ съ о-ва Ирихова, воеводы встрѣтили вдову Касима, Ибрагимову мать, которая сообщила имъ, что великій князь отпустилъ ее

со всѣмъ добромъ и съ честію къ сыну и что уже никакого лиха между ними не будетъ, а будетъ только добро. Это-то обстоятельство, вѣроятно, и заставило великаго князя отдать, какъ мы видѣли уже, приказъ не подступать къ Казани... Воеводы, между тѣмъ, прибыли на Звѣничъ островъ и въ слѣдующій воскресный день, отслушавши литургію, только-что хотѣли садиться за обѣдъ, какъ на нихъ напали казанцы; московскіе ратники прогнали ихъ на противоположный берегъ, съ котораго конные татары, въ свою очередь, заставили русскихъ отплыть къ своему берегу, куда опять устремились судовые татары и—опять были отбиты. Въ такихъ стычкахъ прошелъ весь день. Но возвратимся къ той рати, которая шла отъ Вятки къ Казани... Получивши ложное извѣстіе отъ одного татарина, что Беззубцевъ ушелъ изъ-подъ Казани, заключивши миръ съ Ибрагимомъ, кн. Ярославскій съ устюжанами поплылъ изъ Камы къ Нижнему-Новгороду. Истинное положеніе дѣлъ открылось только тогда, когда онъ увидѣлъ, что передъ Казанью Волга была заграждена татарскими судами. Но, волей-неволей, не смотря на громадное неравенство силъ, русскіе рѣшились пробиться сквозь татарскія суда. Битва была жаркая: рѣзались не на животъ, а на смерть; схватывались руками и бились, душили другъ-друга въ объятіяхъ, какъ въ рукопашномъ бою. Тутъ особенно отличился кн. Василій Ухтомскій: онъ бѣгалъ по связаннымъ судамъ съ ослопомъ (дубиной), и уложилъ множество татаръ. Много полегло русскихъ, но не менѣе и татаръ,— все-таки устюжане пробились въ открытую рѣку и приплыли въ Н.-Новгородъ. Отсюда они били челомъ великому князю о жалованьи: два раза великій князь присылалъ имъ по золотой деньгѣ, но эти деньги они отдавали бывшему съ ними попу Ивану, чтобы онъ молился Богу о государѣ и его воинствѣ; въ третій разъ великій князь прислалъ имъ разныхъ съѣстныхъ и др. припасовъ: муки, масла, стрѣлъ, луковъ и пр. — Всѣ эти походы нельзя назвать удачными по ихъ результатамъ: положительнаго изъ нихъ ничего не вышло, такъ какъ дѣло ограничивалось только обоюднымъ истребленіемъ людей и опустошеніемъ земель. Вѣроятно, въ надеждѣ достигнуть болѣе существенныхъ результатовъ, великій князь, весной **1470 г.,** опять послалъ на Казань судовую рать. Въ этомъ походѣ участвовали братья великаго князя, Юрій и Андрей большой и Василій Михайловичъ верейскій; съ ними шли воеводы: Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Даніилъ Димитріевичъ Холмскій и Өедоръ Давидовичъ. Къ Казани князья подошли сентября 1-го: татары вышли изъ города и—произошла небольшая стычка, послѣ которой казанцы бѣжали и заперлись въ городѣ, а русскіе окружили Казань и отняли воду. Только тогда Ибрагимъ заговорилъ о мирѣ и добилъ челомъ на всей волѣ великаго князя. Но изъ лѣтописей не видно, въ чемъ заключалась

эта воля; правда, Ибрагимъ долженъ былъ выдать всѣхъ русскихъ плѣнниковъ, взятыхъ казанцами въ послѣднія 40 лѣтъ [404]).

Однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ дѣлъ княженія Ивана III было присоединеніе Великаго Новгорода къ Московскому княжеству наравнѣ и одинаковыхъ правахъ съ другими присоединенными къ Москвѣ княжествами. Предшественникъ Ивана далъ почувствовать новгородцамъ, къ чему ведетъ ихъ разномысліе съ великимъ княземъ и неисполненіе воли послѣдняго. Новгородцы ясно должны были видѣть, что стремленіе великихъ князей къ уничтоженію новгородскихъ вольностей чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе будетъ усиливаться. Нужно было искать исхода: или помириться съ требованіями великаго князя московскаго и рано или поздно слиться съ Москвой, или искать средствъ къ сохраненію своихъ вольностей. Одними собственными средствами Новгородъ, разумѣется, не могъ противостоять Москвѣ: нужно было искать сильнаго союзника. Ни тверскій, ни — тѣмъ болѣе — рязанскій князья не могли ему помочь уже только по своимъ отношеніямъ, въ какихъ они находились къ московскому князю; большая часть удѣловъ присоединена къ Москвѣ — здѣсь тоже нельзя было искать опоры; братья великаго князя сидѣли пока смирно на своихъ удѣлахъ... Куда же обратиться? Подъ бокомъ былъ сильный, сравнительно, сосѣдъ — король польскій и великій князь литовскій; къ нему-то партія, не желавшая подчиненія Москвѣ, и обратилась. Но была другая партія, тянувшая къ Москвѣ. Отъ вражды этихъ двухъ партій нестроеніе въ Новгородѣ еще болѣе усилилось, особенно къ концу 70-хъ годовъ. Все предвѣщало Новгороду что-то недоброе: суевѣрный народъ вполнѣ убѣжденъ былъ въ этомъ послѣднемъ — на это указывали знаменія: сильная буря сломила крестъ на св. Софіи; на двухъ гробахъ явилась кровь; у Спаса на Хутынѣ корсунскіе колокола сами звонили; въ женскомъ монастырѣ великомуч. Евфиміи изъ очей пр. Богородицы на иконѣ слезы исходили... Но возвратимся къ политическимъ событіямъ. И такъ, въ Новгородѣ было двѣ партіи, московская и литовская; но такъ какъ послѣдняя была сильнѣе, то «грубости» противъ великаго князя чинились безъ стѣсненій. Эти грубости лѣтопись начинаетъ перечислять съ того, что новгородцы вообще отступили отъ старины: перестали держать имя великихъ

404) Ibid. IV, 132—133, 149; V, 274—275; VI, 188—190; VIII, 155—158; XV, 497; Ник. VI, 13; Архангел. 147. Года здѣсь перепутаны, событія перемѣшаны. — Великій князь приказалъ главному воеводѣ Беззубцеву оставаться въ Нижнемъ-Новгородѣ и только небольшими отрядами изъ охотниковъ тревожить татаръ по обѣимъ сторонамъ Волги, не подступая къ Казани. Это распоряженіе вышло, кажется, потому, что царевичъ Касимъ, по почину котораго начата эта война, въ то время умеръ, и жена его, Ибрагимова мать, взялась уладить дѣло къ обоюдному удовольствію сторонъ (Карамзинъ).

государей—князей честно и грозно; дѣла господарскаго по землѣ не исправляли, пошлинъ не отдавали; зе́мли и воды, отъ которыхъ, по старинѣ, по суду отступились въ пользу великаго князя, опять забрали себѣ, и людей на этихъ земляхъ приводили къ крестному цѣлованію на имя Господина Великаго Новгорода. Дерзость этой партіи, наконецъ, дошла до того, что намѣстникамъ и великокняжескому послу «лаяли и безчествовали», и, вообще, надъ людьми великаго князя чинили насилія; на земляхъ, порубежныхъ съ великокняжескими, отчинамъ братьевъ великаго князя и ихъ людямъ «многу пакость чинили». Наконецъ, и это самое важное, противная Москвѣ партія хотѣла отдаться королю Казиміру, государю латинской вѣры, а это значило измѣнить православію. Въ Москвѣ, конечно, очень хорошо знали объ этомъ, но Иванъ Васильевичъ, — хотя и не надѣялся на исправленіе Новгорода до окончательнаго подчиненія его Москвѣ,—тѣмъ не менѣе, счелъ за нужное сначала подѣйствовать на новгородцевъ мѣрами вразумленія: великій князь писалъ новгородскому владыкѣ о томъ, что польскій король еще отцу его Василію не однажды предлагалъ принять митрополита Григорія, а ему, владыкѣ, самому извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и кѣмъ поставленъ: «онъ пришелъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмаго собора»; далѣе великій князь напоминалъ владыкѣ о томъ, что онъ, владыка, далъ московскимъ митрополитамъ (Іонѣ, Θеодосію и Филиппу) обѣтъ—не приступать къ Григорію, не отступать отъ митрополита московскаго; наконецъ, Иванъ Васильевичъ предупреждаетъ владыку, что если Григорій начнетъ подсылать къ нему или къ новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то чтобъ онъ, владыка, поберегся и внушилъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, чтобъ они не вѣрили Григорьеву посланію и рѣчей его не слушали. И къ новгородцамъ великій князь обращался съ увѣщаніями, чтобъ «никоторого лиха не учинили... жили бы по старинѣ»,— но не исправлялась его отчина—Новгородъ Великій!—Пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Новгорода, посадникъ Василій Ананьинъ, и правилъ великому князю посольство о своихъ новгородскихъ земскихъ дѣлахъ, а о грубости и неисправленьи новгородскомъ «ни одиного слова покорна не правилъ», и на вопросъ бояръ объ этомъ такъ отвѣчалъ: «О то́мъ В.-Новгородъ не мнѣ приказалъ, объ этомъ мнѣ не наказано». Великому князю «велми грубно стало», что новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ хлопочутъ передъ нимъ, бьютъ ему челомъ, а о своихъ грубостяхъ забываютъ. Все-таки онъ весьма сдержаннымъ показалъ себя и теперь: онъ приказалъ Ананьину сказать отчинѣ его, великаго князя: «Исправьтесь, моя отчина, сознайтесь, а въ земли и воды мои, великаго князя, не вступайтесь,—имя мое, великаго князя,

держите честно и грозно по старинѣ, а ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанью: васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу». Съ этимъ онъ и отпустилъ посла, «возвѣщая своей отчинѣ, что ему уже не въ истерпъ, болѣ того имъ терпѣти не хочетъ ихъ досады и непокорьства». Но великій князь хорошо видѣлъ, что Новгородъ зашелъ черезъ-чуръ далеко, что отчина его разнуздалась, и не было надежды, чтобы она исправилась отъ увѣщаній,—а потому послалъ сказать псковичамъ, что если новгородцы не исправятся, то они, псковичи, были бы готовы идти съ нимъ на Новгородъ. Псковичи извѣстили объ этомъ новгородцевъ. Между тѣмъ 8-го ноября **1471 г.** умеръ новгородскій владыка Іона. Чрезъ нѣсколько дней по его кончинѣ въ Новгородъ прибылъ испрошенный у Казимира князь Михаилъ Олельковичъ. Въ то же время новгородцы бывшаго у нихъ князя Василія Шуйскаго-Гребенку послали на Двину, въ Заволочье, въ заставу, опасаясь нападенія на эту землю великокняжескихъ ратей. Съ прибытіемъ Олельковича партія литовская хотя и усилилась, тѣмъ не менѣе московскихъ намѣстниковъ не тревожили, и относительно нареченнаго владыки дѣло пошло по старинѣ. На мѣсто Іоны избранъ былъ Өеофилъ, архіепископскій ризничій, и его нужно было посвятить: обратились не въ Литву, а въ Москву. Посолъ Никита Савинъ просилъ митр. Филиппа и мать великаго князя печаловаться предъ послѣднимъ, чтобы великій князь далъ опасъ на проѣздъ въ Москву для посвященія вновь избранному на мѣсто Іоны Өеофилу: великій князь гнѣвъ свой къ новгородцамъ отложилъ и опасныя грамоты далъ. Между тѣмъ, въ Новгородѣ Олельковичъ приступилъ къ дѣлу: онъ, по сказанію одной лѣтописи, предлагалъ Марөѣ Борецкой, вдовѣ посадника Исаака, стоявшей во главѣ литовской партіи, одного пана въ женихи, съ которымъ она могла бы отъ имени Казимира заправлять всѣми дѣлами Новгородской земли. Олельковичъ, впрочемъ, не долго пробылъ въ Новгородѣ (съ небольшимъ 4 мѣсяца): въ ту же зиму онъ ушелъ въ Кіевъ, гдѣ умеръ княжившій тамъ братъ его Семенъ. По дорогѣ онъ пограбилъ Русу и всѣ мѣста новгородскія до самой литовской границы. Но и съ отъѣздомъ его партія литовская продолжала дѣйствовать энергично: къ ней присталъ архіепископскій ключникъ Пименъ, одинъ изъ бывшихъ кандидатовъ на архіепископскую каөедру; когда жребій палъ на Өеофила, Пименъ все-таки не терялъ надежды быть архіепископомъ: такъ какъ онъ завѣдывалъ архіепископской казной, то имѣлъ теперь возможнось распоряжаться ей по своему усмотрѣнію: онъ много передалъ денегъ Марөѣ на привлеченіе людей въ свою партію, а также и на пропаганду по избранію его въ архіепископы,—его не стѣсняло то обстоятельство, что уже выбранъ Өеофилъ. Этотъ послѣдній непремѣнно хочетъ ѣхать на поставленіе въ

Москву. Но есть еще митрополитъ, въ Кіевѣ. Пименъ и говорилъ Марѳѣ и ея клевретамъ: «меня хоть въ Кіевъ пошлите, я и туда поѣду на поставленіе». Но, должно быть, ужъ черезъ-чуръ грубо и нахально дѣйствовалъ Пименъ, и притомъ нарушая старину, по которой избранный жребіемъ считался указаннымъ отъ Бога: Пимена схватили и мучили, казну его разграбили и, кромѣ того, съ него взыскали еще 1000 рублей. Между тѣмъ нареченный архіепископъ, воздерживая новгородцевъ отъ ихъ увлеченій и не видя съ ихъ стороны исправленія, хотѣлъ уйдти въ свою монастырскую келью, но новгородцы не пустили его, хотя, въ то же время, продолжали свое дѣло. Въ эту-то пору и пришло извѣстіе отъ псковичей о томъ, что имъ приказано быть на-готовѣ въ случаѣ надобности къ походу на Новгородъ. Это еще болѣе раздражило литовскую партію: новгородская голь, подкупленная приверженцами Литвы, кричала на вѣчахъ: «За короля хотимъ!» а въ приверженцевъ Москвы, когда тѣ начинали говорить, бросала каменья. Съ королемъ Казимиромъ заключенъ былъ договоръ, по которому Новгородъ сохраняетъ всѣ свои вольности. Великій князь еще разъ хотѣлъ вразумить новгородцевъ, — онъ послалъ къ нимъ Ивана Ѳедоровича Товаркова съ такими рѣчами: «чтобы отчина его отъ православья не отступали, а лихую бы мысль у себе изъ сердца отложили, а къ латыньству бы не приставали, а ему бы челомъ били да къ нему исправилися; а онъ, великій государь, жалуетъ васъ и въ старинѣ держитъ». Митрополитъ, въ свою очередь, также посылалъ въ Новгородъ увѣщательную грамоту. Но все было напрасно!... Великій князь собралъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было смирить Новгородъ оружіемъ. Прежде всего Иванъ Васильевичъ послалъ на Двину, въ Заволоцкую землю, на новгородскіе пригороды и волости, воеводъ своихъ, Василья Ѳедоровича Образца и Бориса Матвѣевича Слѣпаго-Тютчева съ устюжскими, вятскими и вологодскими ратями; въ концѣ мая въ Новгородъ послана была разметная грамота, а псковичамъ приказано было сложить къ Новгороду крестное цѣлованіе; воеводой къ псковичамъ назначенъ кн. Шуйскій. Въ собственно Новгородскую землю великій князь отправилъ прежде всего (за недѣлю до Петрова поста) десятитысячную рать съ воеводами Даніиломъ Димитріевичемъ Холмскимъ и бояриномъ Ѳедоромъ Давидовичемъ; онъ приказалъ имъ идти къ Русѣ и по дорогѣ все предавать огню и мечу; ратямъ братьевъ своихъ приказалъ идти изъ своихъ вотчинъ разными путями къ самому Новгороду; кн. Ивану Стригѣ приказано идти съ царевичевыми татарами вверхъ по Мстѣ. Въ Москвѣ, на время похода, великій князь оставлялъ сына Ивана, брата Андрея меньшаго и царевича Мургозу, сына Мустафы, съ его князьями и казаками, «на что ся гдѣ пригодитъ ему на каково дѣло»; съ собой онъ бралъ братьевъ: Юрія, Андрея большаго и Бориса, а

также Михаила Андреевича верейскаго съ сыномъ его Васильемъ и Касимова сына, царевича Даньяра, съ его князьями и казаками; наконецъ, брата дьяка своей матери, Степана Бородатаго, знатока лѣтописей, на случай, если бы пришлось обличать новгородцевъ въ ихъ измѣнахъ и неправдахъ.— Иванъ Васильевичъ выступилъ изъ Москвы 20-го іюня, а 23-го былъ уже въ Волокѣ; на Петровъ день онъ пришелъ въ Торжекъ; сюда прибыли и воеводы тверскаго князя, кн. Юрій Андреевичъ дорогобужскій и Иванъ Никитичъ Жито; сюда же пришли псковскіе послы съ извѣстіемъ, что псковичи сложили къ Новгороду крестное цѣлованіе; великій князь приказалъ псковичамъ немедленно выступать въ походъ... Между тѣмъ къ Новгороду ни откуда не являлось помощи: Казимиръ занятъ былъ своими дѣлами; обращались къ Ордену, но напрасно; надежда на то, что пути къ Новгороду,— особенно весной и лѣтомъ, — отъ множества рѣкъ, озеръ, болотъ и лѣсовъ—непроходимы, также не осуществилась: лѣто 1471 года было до того сухое, что рѣки обмелѣли, болота высохли, такъ что московскія рати нигдѣ не встрѣчали препятствій. По дорогѣ московскіе воины все плѣнили, все предавали огню и мечу; только татарамъ, какъ иновѣрнымъ, великій князь запретилъ брать въ плѣнъ жителей, такъ какъ походу придавался до извѣстной степени характеръ религіозный... Когда московскія передовыя рати уже далеко проникли въ Новгородскую землю, новгородцы отправили къ великому князю посла просить опасу, но въ то же время противъ передоваго московскаго войска выслали рать. Князь Холмскій и Өедоръ Давидовичъ, опустошивъ все по пути къ Русѣ, сожегши эту послѣднюю, пошли далѣе и остановились на Коростынѣ между Ильменемъ и Русою. Не ожидая нападенія новгородцевъ, москвичи вели себя безпечно. Вдругъ появилась новгородская рать, и московскіе полки, наскоро вооружившись, быстро двинулись на встрѣчу новгородцамъ, и многихъ изъ нихъ побили, а многихъ взяли живьемъ; этимъ послѣднимъ рѣзали носы, уши, губы, и въ такомъ видѣ отпускали въ Новгородъ; забранные у новгородцевъ доспѣхи бросали въ рѣку или жгли. Послѣ этой битвы воеводы опять повернули къ Русѣ, гдѣ встрѣтили болѣе сильную новгородскую рать, пришедшую р. Полою; но и эта рать была побита, о чемъ послано было извѣстіе къ великому князю съ Тимоѳеемъ Замыцкимъ. Отъ Русы воеводы пошли-было къ Демону, но великій князь приказалъ имъ идти за Шелонь на соединеніе съ псковичами, а подъ Демономъ приказалъ стоять кн. Михаилу Андреевичу верейскому съ сыномъ его Василіемъ. Между тѣмъ новгородцы, узнавши о пораженіи своихъ ратей, не пали духомъ: отправивъ къ великому князю другаго посла, посадника Луку Клементьевича, они организовали новую рать, тысячъ въ тридцать, противъ Даніила Холмскаго и Өедора Давидовича; конница пошла

сухимъ путемъ, а пѣхота — озеромъ въ р. Шелонь. Враги встрѣтились на берегахъ Шелони 14-го іюля: сначала происходили незначительныя перестрѣлки съ берега на берегъ и перебранки; новгородцы, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, вели себя гордо, посылали ругань на счетъ московскаго войска и даже «на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хульная глаголаху, яко псп лаяху». Нѣчто подобное могло быть, потому что, надѣясь на свою многочисленность, новгородцы могли думать, что московское войско, при своей сравнительной ничтожности, не посмѣетъ даже и въ бой вступить. Не смотря, однако, на неравенство силъ, московскіе воеводы рѣшились на битву: быстро москвичи перебрались на другую сторону рѣки и ударили на новгородцевъ; новгородскіе воины, въ числѣ которыхъ находились такіе люди, которые не имѣли никакого понятія о ратномъ дѣлѣ, какъ гончары, плотники и пр., не умѣя владѣть оружіемъ, пришли въ страшное замѣшательство, суетились, какъ пьяные, не знали, что дѣлать, и, наконецъ, обратились въ безпорядочное бѣгство, бросая по дорогѣ копья, щиты и доспѣхи; они бѣжали и тогда, когда уже ихъ перестали преслѣдовать: имъ все слышался побѣдный ясакъ (лозунгъ) великокняжескихъ ратниковъ: «Москва! Москва!» Новгородцы многихъ потеряли въ этой битвѣ: многіе пали на мѣстѣ сраженія, многіе потонули въ Шелони, 1700 человѣкъ взято въ плѣнъ. Невѣроятно только, будьто съ московской стороны убитъ только одинъ. Между трофеями, доставшимися великокняжескимъ воеводамъ, была и договорная грамота Новгорода съ королемъ польскимъ и тотъ, кто писалъ эту грамоту. Какъ первую, такъ и втораго отправили къ великому князю съ боярскимъ сыномъ Иваномъ Васильевичемъ Замятней. Великій князь находился тогда въ Яжолбицахъ. Воеводы извѣщали его о рѣшительной побѣдѣ надъ новгородцами. Теперь Холмскій свободно шелъ далѣе до самой нѣмецкой границы, до Наровы. Въ то же время Демонъ сдался Михаилу Андреевичу верейскому. — Изъ Яжолбицъ великій князь 24-го іюля пришелъ въ Русу и здѣсь, возмущенный полученной имъ договорной грамотой Новгорода съ Казиміромъ, «вспоплѣся на лукавыа новгородци» и рѣшился строго наказать взятыхъ въ плѣнъ въ Шелонской битвѣ. Тамъ сложили свои головы: сынъ Мароы Димитрій Исаковичъ Борецкій, недавно возведенный великимъ княземъ въ санъ московскаго боярина и бывшій посадникомъ, — Василій Губа, Еремѣй Сухощокъ и др. Нѣкоторые изъ посадниковъ, тысяцкихъ, бояръ и житьихъ людей, какъ Василій Казимеръ и 50 его лучшихъ товарищей, отосланы въ оковахъ въ Москву, а оттуда въ Коломну въ тюрьму; иныхъ разослали по разнымъ отрядамъ войскъ («по станомъ»), гдѣ ихъ «въ крѣпости зѣло держаша»; «мелкихъ людей» приказано отпускать въ Новгородъ. Отсюда великій князь двинулся къ устью Шелони, на Ильмень, куда

прибылъ 27-го іюля.—Между тѣмъ отъ воеводъ, посланныхъ на Двину, получено было извѣстіе, что кн. Василій Шуйскій-Гребенка, соединившись съ заволоцкими, двинскими и корельскими людьми, бился съ ними на водѣ и на сушѣ, но войска его были разбиты и самъ онъ, еле живой отъ ранъ, взятъ былъ своими людьми и поспѣшно увезенъ въ Холмогоры (откуда потомъ онъ ушелъ въ Новгородъ); земля Двинская приведена была подъ руку великаго князя. Въ то же время оставленный въ Москвѣ Андрей меньшой задумалъ попользоваться въ этой войнѣ добычей: онъ послалъ съ Вологды воеводу своего Семена Ѳедоровича Сабура на р. Кокшенгу: Сабуръ повоевалъ многіе погосты и села и возвратился домой съ большимъ полономъ. — Побѣды великокняжескихъ войскъ сплотили на этотъ разъ всѣхъ новгородцевъ «во едину мысль»: сначала они думали еще сопротивляться, не смотря на страшное пораженіе ихъ ратей на Шелони; они ждали посла, отправленнаго къ Казимиру чрезъ Ливонію, но посолъ, возвратившись, заявилъ, что магистръ ордена не пропустилъ его въ Литву; ко всему этому открылась измѣна: нѣкто Упадышъ заколотилъ желѣзомъ 55 пушекъ, за что и былъ казненъ. Все-таки новгородцы думали сопротивляться: выжгли окрестные посады, церкви, монастыри, учредили безсмѣнную стражу и т. п. На ихъ бѣду, отъ многочисленнаго стеченія въ городъ окрестныхъ жителей, почувствовался сильный недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; народъ винилъ тѣхъ, которые прогнѣвали великаго князя; самые приверженцы Литвы пали духомъ. Наконецъ, какъ уже сказано, всѣ пришли «во едину мысль»: отправили къ устью Шелони, къ великому князю, нареченнаго архіепископа, архимандритовъ, игуменовъ и многихъ лучшихъ людей ходатайствовать за Новгородъ: послы сначала просили бояръ, эти — братьевъ Ивана Васильевича, чтобы ходатайствовали за Новгородъ; допущенные къ великому князю, они молили его: «Смилуйся о своей отчинѣ, уложи своего гнѣва, меча своего поуйми, огнь въ земли угаси, грозы своеѣ утиши, землю свою, господине, поукроти, старины въ земли не изруши, дай свѣта видѣти, безотвѣтныхъ людей пожалуй, смилуйся, какъ ти Богъ положитъ на сердци». Братья великаго князя также печаловались за Новгородъ, и по ихъ печалованью великій князь «гнѣвъ свой (съ) сердца имъ сложилъ, и нелюбіе свое имъ отдалъ, и мечь свой унялъ и грозу свою въ земли удержалъ»; плѣнныхъ отпустилъ безъ окупа, «а войнамъ и грабежамъ учинилъ дерть и погребъ всему» (все предано забвенію). По мирному договору новгородцы должны были уплатить великому князю за свою вину 15,500 новгородскихъ рублей (около 80 пудовъ серебра), которые должны были быть выплаченными въ разные сроки, отъ 8-го сентября до Пасхи; возвратить прилегающія къ Вологдѣ земли: берега Пинеги, Мезени, Немьюги, Выи, Поганой Суры,

Пльи горы, мѣста, уступленныя Василію Темному, а потомъ отнятыя ими; обязались платить великому князю «черную дань», а митрополиту — судную пошлину, — ставить архіепископовъ только въ Москвѣ, не сноситься съ польскимъ королемъ и Литвой, не принимать къ себѣ князя можайскаго, сыновей Шемяки и Василія боровскаго, отмѣнить вѣчевыя грамоты, верховную судебную власть оставить за великимъ княземъ, не составлять судныхъ грамотъ безъ утвержденія великаго князя. Иванъ Васильевичъ, по этому договору, утвержденному крестнымъ цѣлованіемъ, возвратилъ Новгороду Торжокъ и послѣднія завоеванія въ Двинской землѣ. Вслѣдъ затѣмъ новгородцы должны были примириться и съ псковичами... Угостивши Ѳеофила и его спутниковъ, великій князь отпустилъ ихъ и тогда же послалъ въ Новгородъ боярина Ѳедора Давидовича для приведенія гражданъ къ присягѣ. Устроивши такимъ образомъ дѣла, великій князь возвратился въ Москву 1-го сентября; свои семейные, бояре и граждане, наконецъ митрополитъ съ духовенствомъ передъ Кремлемъ встрѣчали великаго князя при радостныхъ кликахъ. Распуская рати, Иванъ Васильевичъ нѣсколько задержалъ царевича Даньяра: честилъ и дарилъ его, такъ какъ у него новгородцы убили 40 татаръ «въ загонѣ», и, наконецъ, отпустилъ его въ Мещеру. Братья великаго князя: Юрій, Андрей и Борисъ разъѣхались по своимъ отчинамъ «велми ополонившеся, и людіе ихъ, серебромъ, и коими и порты». Точно также и Михаилъ Андреевичъ верейскій съ сыномъ Василіемъ возвратился прямо въ свою отчину, тоже «велми ополонившеся», кромѣ того, что съ г. Демона онъ взялъ окупъ въ 100 новгородскихъ рублей. Мѣсяца черезъ три съ небольшимъ (въ декабрѣ) въ Москву пріѣхалъ Ѳеофилъ и былъ посвященъ въ архіепископы. По окончаніи обряда, онъ съ амвона смиренно просилъ великаго князя объ освобожденіи томящихся въ оковахъ знатныхъ новгородцевъ, и просьба его была удовлетворена [405]).

Новгородъ, какъ извѣстно, на востокѣ владѣлъ громадными землями, каковы Вятка и Пермь (древняя Біармія). Самоуправленія въ этихъ земляхъ онъ не нарушалъ, такъ какъ онѣ важны были для него, главнымъ образомъ, въ торговомъ отношеніи. Но теряя мало по малу свою самостоятельность, Новгородъ терялъ и свои колоніи. Мы видѣли, что Василій Васильевичъ, смиривъ въ **1456 г.** Новгородъ, въ слѣдующіе два года направлялъ удары

---

405) Ibid. III, 141—142; IV, 127—128, 133, 150, 235—236, 239—240, 242; V, 35—36, 275; VI, 3—5, 8—15, 191—194; VIII, 159—169; Ник. VI, 17—20, 26—27; Акты Ист. I, № 280—281; Ак. Арх. Эксп. I, №№ 87, 90—94; Опытъ трудовъ Вольн. Росс. Собр. I, 219 (гдѣ напечатанъ списокъ бояръ, въ числѣ которыхъ значится и Димитрій Борецкій).—Для защиты Новгорода изъ уѣздовъ его собрано было много народу; послѣ замиренія эти люди, въ числѣ 9000 человѣкъ, осенью возвращались по домамъ въ 180 судахъ, но во время бури погибли въ Ильменѣ.

свои на новгородскую колонію — Вятку, которую и покорилъ. Теперь сынъ его, еще болѣе смиривши Новгородъ, устремляется также на другую колонію Новгорода, на Пермь, дѣйствуя какъ будьто по плану и примѣру отца. Пермская земля была важна по мѣновой торговлѣ драгоцѣнными мѣхами; кромѣ того, она богата была такъ называемымъ закамскимъ серебромъ, изъ-за котораго ссорился съ новгородцами Иванъ Калита... Изъ договора **1471 г.** видно, что Пермь была въ числѣ новгородскихъ владѣній, хотя въ церковномъ отношеніи зависѣла отъ Москвы. Но Ивану Васильевичу нужно было подчинить ее Москвѣ и въ политическомъ отношеніи. При заключеніи договора въ **1471 г.** Пермь, въ числѣ другихъ новгородскихъ волостей, складываетъ крестное цѣлованіе къ Новгороду и переходитъ къ великому князю. Но пермичи, кажется, предпочитали почему-то Новгородъ Москвѣ, и такимъ образомъ послѣдней приходилось брать этотъ край съ оружіемъ въ рукахъ. Въ **1472 г.** за пермичами оказалось «неисправленіе»—они обидѣли чѣмъ-то нѣкоторыхъ москвичей, и великій князь ухватился за этотъ случай: зимой названнаго года онъ послалъ на Пермь воеводу Өедора Пестраго, который, пришедши къ устью Черной рѣки на Өоминой недѣлѣ, отправился далѣе на плотахъ до селенія Афаловскаго, а отсюда на коняхъ — къ г. Искору, отпустивши другаго воеводу, Гавріила Нелидова, на низъ: на Уросъ, Чердынь и Почку, на тамошняго князя Михаила. Не доходя до Искора, Пестрой встрѣтился съ пермичами на р. Колвѣ, разбилъ ихъ и взялъ въ плѣнъ воеводу ихъ Качаима; затѣмъ взяты были Искоръ и др. города съ ихъ воеводами. На устьѣ Почки (впадающей въ Колву) Пестрой срубилъ городокъ и засѣлъ въ немъ съ плѣнными. Такъ же успѣшно шли дѣла и у Нелидова. Изъ срубленнаго городка Пестрой и Нелидовъ привели всю Пермскую землю подъ власть великаго князя; отсюда же Пестрой отправилъ въ Москву и знаки побѣдъ своихъ: кн. Михаила, плѣненнаго Нелидовымъ, воеводъ, 16 сороковъ соболей, соболью шубу, почти 30 поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ булатныхъ сабли [406]).

Въ связи съ дѣлами новгородскими было нашествіе на Русь, въ томъ же **1472 г.**, хана Ахмата.

---

406) Ibid. IV, 133, 150; VI, 190, 194; VIII, 150, 169; Продолж. Нест. 177; Ак. Арх. Эксп. I, № 93—94. Однако въ Перми и послѣ того оставались еще свои, туземные князья; послѣдняго изъ нихъ, Матвѣя Михайловича, великій князь, въ 1505 г., взялъ въ Москву, а въ Пермь послалъ намѣстника, кн. Василія Ковра изъ стародубскихъ (см. Архангел. лѣт. 209—210).—Великій князь получилъ извѣстіе о покореніи Перми 26-го іюня.—Карамзинъ говоритъ (въ текстѣ), что въ договорѣ 1471 г. Пермь включена была въ число новгородскихъ владѣній... Напротивъ, изъ приводимыхъ (въ примѣчаніяхъ) имъ же грамотъ видно, что Пермь складываетъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, такъ какъ, по договору, она отходитъ, въ числѣ другихъ волостей новгородскихъ, къ великому князю.

Какъ мы видѣли, готовясь къ борьбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ, новгородцы возлагали большія надежды на помощь Казимира. Но Казимиръ, къ несчастію ихъ, самъ былъ занятъ дѣлами на западѣ по поводу избранія сына его на чешскій престолъ. Тѣмъ не менѣе польскій король, для отвлеченія Ивана Васильевича отъ Новгорода, хотѣлъ поднять на Москву татаръ: онъ послалъ въ орду бывшаго у в. кн. московскаго въ холопахъ Кирея, изъ литовскихъ татаръ, который перебѣжалъ къ Казимиру и пользовался особеннымъ его довѣріемъ. Еще въ концѣ **1470 г.** онъ отправленъ былъ къ хану съ дарами; тамъ онъ успѣлъ подарками привлечь на свою сторону ханскихъ вельможъ, пресмыкался предъ ханомъ, оговаривалъ московскаго князя, побуждая его идти на Москву съ ордой—съ одной стороны, между тѣмъ какъ польскій король пойдетъ съ другой. Но неспокойное положеніе дѣлъ въ самой ордѣ не дозволяло хану сдѣлать рѣшительнаго шага: цѣлый годъ онъ держалъ Кирея, кочуя верстахъ въ пятидесяти отъ Сарая, который въ это время разграбленъ былъ вятчанами. Между тѣмъ какъ Иванъ Васильевичъ уже разсчитался съ Новгородомъ, Ахматъ отправилъ съ Киреемъ своего посла къ Казимиру съ извѣстіемъ, что онъ немедленно начнетъ войну съ московскимъ княземъ [407]). Дѣйствительно, 30-го іюля **1472 г.** Ахматъ двинулся къ русской границѣ, ведя съ собой и московскаго посла, Григорія Волнина, присланнаго къ нему великимъ княземъ для мирныхъ переговоровъ. Иванъ Васильевичъ отправилъ пока къ Окѣ боярина Ѳедора Давидовича съ коломенской ратью, Даніила Холмскаго, кн. Оболенскаго—Стригу и братьевъ своихъ. Не доходя до русской границы, ханъ оставилъ своихъ женъ, а также старыхъ, больныхъ и малолѣтнихъ, и, продолжая путь къ литовской границѣ, подошелъ къ г. Алексину [408]). Узнавши объ этомъ, великій князь и самъ съ царевичемъ Даньяромъ отправился въ Коломну... Въ Алексинѣ воеводой былъ Семенъ Беклемишевъ. Такъ какъ городъ не успѣли привести въ оборонительное положеніе—тамъ не было ни пушекъ, ни самострѣловъ, ни пищалей, — то великій князь приказалъ распустить осаду (гарнизонъ). Между тѣмъ какъ Беклемишевъ въ это время хлопоталъ о посулѣ отъ алексинцевъ, которые давали ему пять рублей, а онъ требовалъ шестаго для жены,—татары неожиданно подступили къ городу: воевода бѣжалъ съ женой и слугами за Оку; татары бросились за нимъ, но не успѣли перехватить его. Въ это время на берегъ Оки пришелъ

---

407) Ibid. VI, 193; Ник. VI, 33; Карамз. VI, 34 и относящееся сюда прим.

408) Въ Новгородской 4-ой (IV, 150) сказано: «подшодъ (Ахматъ) близъ Руси ста, остави царицъ и старыхъ и болныхъ и малыхъ и поиде съ проводникы не путьма» и т. д. Въ Софійской 2-ой (VI, 195) и др. лѣтописяхъ о томъ же: «и подшедъ близъ Руси остави у Царици (?) старыхъ и болныхъ и малыхъ».

Василій Михайловичъ Удалой, кн. верейскій, съ небольшимъ отрядомъ и такъ успѣшно повелъ дѣло, что татары не могли перебраться чрезъ Оку. Вскорѣ подошли сюда съ большимъ количествомъ войскъ кн. Юрій Васильевичъ — изъ Серпухова, братъ его Борисъ — съ Козлова брода со всѣмъ дворомъ своимъ, а вслѣдъ за ними пришелъ съ великимъ полкомъ великаго князя воевода Петръ Ѳедоровичъ Челядининъ. Не успѣвши переправиться чрезъ Оку, Ахматъ приказалъ идти на приступъ къ городу; но тутъ много погибло татаръ. Не смотря на то, что у алексинцевъ не было никакихъ средствъ къ оборонѣ, они рѣшились защищаться до смерти, а потому когда татары зажгли городъ, они предпочли лучше погибнуть въ пламени своихъ жилищъ, нежели отдаться въ руки врага. Съ болью на сердцѣ смотрѣли съ другой стороны Оки князья и ратные люди на гибель города и гражданъ его, но помочь имъ не могли, потому что въ этомъ мѣстѣ Ока очень глубока и переправа чрезъ нее была невозможна. Между тѣмъ множество русскихъ полковъ и особенно князь Юрій Васильевичъ своей особой («понеже бо имени его трепетаху») навели на татаръ и самого Ахмата нѣкоторый страхъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе отъ своихъ соплеменниковъ, служившихъ великому князю, узнали, что на берегъ собрались еще не всѣ войска: князь великій съ большими силами стоитъ подъ Ростиславлемъ, царевичъ Даньяръ съ татарами стоитъ въ Коломнѣ, кн. Андрей Васильевичъ большой съ царевичемъ Муртозой, сыномъ царя казанскаго, стоитъ въ Серпуховѣ. Кромѣ того, Ахматъ опасался, чтобы татарскіе царевичи, служащіе великому князю, не напали на орду и не забрали бы въ полонъ его царицъ. Эти обстоятельства заставили хана бѣжать отъ Алексина. Есть еще извѣстіе, что въ войскѣ Ахмата открылась моровая язва, и это обстоятельство заставило его удалиться въ свои улусы. Ушелъ и великій князь. Онъ прибылъ въ Москву 23-го августа и вскорѣ отправился въ Ростовъ, куда, ради безопасности, уѣхала его мать передъ приходомъ къ Алексину Ахмата, и тамъ заболѣла. Въ сентябрѣ Иванъ Васильевичъ, какъ и младшіе братья его, возвратился изъ Ростова въ Москву къ похоронамъ брата Юрія Васильевича... Конечно, вслѣдствіе того, что Казимиръ подымалъ на Русь Ахмата, хотя самъ и не выступалъ противъ великаго князя, въ **1473 г.** послана была рать къ Любутску, которая повоевала только окрестныя волости, но городу ничего не сдѣлала. Жители Любутской волости отплатили за этотъ набѣгъ москвичей тѣмъ, что напали на кн. Семена Одоевскаго, который и былъ убитъ въ бою... Что касается Ахмата, то, кажется, съ достовѣрностью можно сказать, что слишкомъ черезъ годъ послѣ его прихода къ Алексину между нимъ и Иваномъ Васильевичемъ былъ заключенъ миръ: лѣтописи передаютъ, что лѣтомъ **1474 г.** изъ орды пришелъ въ Москву Никифоръ Басенковъ

съ посломъ отъ Ахмата, Каракучукомъ; съ послѣднимъ была свита изъ 600 человѣкъ, которыхъ — по замѣчанію лѣтописи — кормили, какъ это обыкновенно бывало съ посольствами; кромѣ того, съ посломъ пришло 3200 купцовъ съ конями и разными товарами; коней было съ ними 40,000 головъ [409]).

Мы только-что упомянули о смерти Юрія,—онъ скончался 12-го сентября **1472 г.** Юрій Васильевичъ женатъ не былъ, а потому въ духовномъ завѣщаніи своемъ, отказавъ нѣкоторыя движимыя вещи матери своей, братьямъ и сестрѣ, княгинѣ рязанской Аннѣ, не сдѣлалъ никакого распоряженія относительно городовъ своего удѣла: Дмитрова, Можайска и Серпухова. Великій князь взялъ эти города себѣ и тѣмъ, естественно, возбудилъ въ братьяхъ зависть. Чтобы нѣсколько успокоить ихъ, онъ далъ Борису Вышгородъ, Андрею меньшому—Тарусу, а Андрея Васильевича углицкаго, кажется, болѣе всѣхъ недовольнаго старшимъ братомъ, успокоила мать, давъ ему свой городокъ Романовъ. Для того, чтобы старшіе по немъ братья, Андрей и Борисъ, не претендовали въ будущемъ на удѣлъ или на долю въ удѣлѣ Юрія, великій князь, въ этомъ смыслѣ, заключилъ съ ними договоры въ **1473** году [410]).

Въ отношеніяхъ великаго князя къ ордѣ такъ же, какъ и къ западной Европѣ, небезосновательно приписываютъ важное значеніе женитьбѣ его на греческой царевнѣ Софіи, дочери морейскаго деспота Ѳомы Палеолога, племянницѣ послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога. Такъ какъ этотъ бракъ состоялся въ годъ нашествія Ахмата, то, слѣдуя хронологическому порядку изложенія событій, мы и перейдемъ къ изложенію этого акта, важнаго не только въ жизни Ивана III, но и Руси вообще.

Въ **1467 г.** апрѣля 22-го скончалась первая супруга Ивана Васильевича, «христолюбиваа, добраа и смиреннаа» Марья Борисовна, дочь Бориса

---

409) П. С. Р. Л. IV, 133, 150—151, 224; VI, 31—32, 195, 198, 278; VIII, 173—175, 180; Ник. VI, 45—48, 55. Въ Архангел. лѣт. разсказывается, что Ахматъ, отошедши уже отъ Алексина версты двѣ, полюбопытствовалъ у одного изъ русскихъ плѣнныхъ, почему это такъ мало полону, между тѣмъ какъ алексинцевъ сгорѣло немного. Плѣнный, выговорившш себѣ у хана свободу, открылъ секретъ: по его словамъ, болѣе 1000 человѣкъ съ имуществомъ скрылись въ тайникѣ, ведущемъ къ рѣкѣ. Ахматъ воротился, полонилъ всѣхъ скрывавшихся въ тайникѣ, а открывшаго этотъ секретъ отпустилъ на волю.—Г. Карповъ («Исторія борьбы Моск. госуд-ва съ Польско-Лит.» II, 2), по нашему мнѣнію, неосновательно говоритъ, что походъ къ Любутску имѣлъ цѣлію вмѣшательство въ дѣла служебныхъ князей: на это нѣтъ данныхъ. Нападеніе на Любутскъ скорѣе можно объяснять местью за то, что Казимиръ подстрѣкалъ Ахмата къ нападенію на Русь.

410) С. г. г. и д. I, №№ 96, 97—98 (договоръ съ Борисомъ 13-го февраля 1473 г.), 99—100 (съ Андреемъ углицкимъ 14-го сентября).

Александровича, в. кн. тверскаго. То обстоятельство, что покойница распухла до того, что покровъ опущенными къ низу краями едва не достигалъ до самаго тѣла, подало поводъ къ толкамъ о томъ, что великая княгиня умерла отъ «смертнаго зелія»[411]). Узнали, что Наталья, жена дьяка Алексѣя Полуектова, «печалованіемъ» котораго ярославскіе князья отдали свои вотчины[412]) великому князю (въ **1463 г.**), посылала съ женой подьячаго поясъ великой княгини къ какой-то бабѣ (конечно, знахаркѣ). Великій князь до того «восполѣся» за это на Полуектова, что шесть лѣтъ не пускалъ его къ себѣ на глаза. Года черезъ два по смерти великой княгини началось сватовство великаго князя. Починъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ папѣ, который надѣялся, при посредствѣ этого брака, распространить свою духовную власть и на Московское государство. Въ **1469 г.** февраля 11-го въ Москву пріѣхалъ изъ Рима грекъ Юрій отъ кардинала Виссаріона съ письмомъ, въ которомъ предлагались великому князю услуги — устроить бракъ его съ царевной Софіей. Въ письмѣ говорилось, что искателями руки этой царевны были, будьто бы, король французскій и герцогъ миланскій, но Софія отказала имъ изъ преданности къ православію. Великій князь взялъ «словеса сія въ мысль», посовѣтовался съ митрополитомъ, матерью и боярами и 8-го марта отправилъ къ папѣ Павлу и кардиналу Виссаріону фрязина Ивана, бывшаго въ Москвѣ монетчикомъ, который долженъ былъ посмотрѣть царевну. Посолъ передалъ папѣ и кардиналу то, что ему наказано было. Царевна согласилась на бракъ, и Иванъ фрязинъ отпущенъ былъ папой, который наказалъ послу, чтобы великій князь прислалъ за царевной бояръ своихъ, для которыхъ выданы были опасныя грамоты на проѣздъ въ Римъ и обратно. Января 17-го **1472 г.** великій князь отправилъ того же Ивана Фрязина въ Римъ, гдѣ должно было совершиться обрученіе, причемъ посолъ долженъ былъ представлять лице жениха, т. е. великаго князя. Фрязинъ возвратился въ Москву съ портретомъ царевны («царевну на иконѣ написану принесе»). Въ то же время въ Москву прибылъ другой фрязинъ, Антонъ, съ письмомъ отъ папы Павла II, который увѣдомлялъ великаго князя, что послы его за царевной Софіей могутъ безпрепятственно ходить по землямъ католическимъ, т. е. зависящимъ въ церковномъ отношеніи отъ папы. Великій князь отправилъ къ папѣ посла, который прибылъ туда въ маѣ мѣсяцѣ, а іюня 24-го Софія уже выѣхала изъ Рима въ сопровожденіи кардинала Антонія и большой свиты изъ грековъ. Чрезъ Любекъ на кораблѣ Софія прибыла, 21-го сентября **1473 г.**, въ Ревель (Колывань), откуда

---

411) П. С. Р. Л. IV, 149; V, 272, 274; VI, 186; VIII, 152; VI, 3. По Соф. второй она умерла 25-го апрѣля, по всѣмъ другимъ — 22-го.

412) Ibid. IV, 149.

выѣхала 1-го октября и 11-го того же мѣсяца чрезъ Дерптъ прибыла въ Псковъ. Пробывъ здѣсь нѣсколько дней, Софія отправилась въ Новгородъ, откуда выбыла въ Москву въ концѣ октября. Вездѣ будущую великую княгиню встрѣчали торжественно, угощали, дарили, какъ, напримѣръ, въ Псковѣ, гдѣ ей подарили 50 рублей. Въ началѣ ноября Софія подъѣзжала къ Москвѣ, гдѣ великокняжескій дворъ находился въ нѣкоторомъ смущеніи: дѣло въ томъ, что предъ сопровождавшимъ царевну кардиналомъ несли *крыжъ* (католическій крестъ) на высокомъ древкѣ, каковое обстоятельство могло смущать православный народъ. Великій князь совѣтовался по этому поводу съ матерью, боярами и братьями: одни говорили за, другіе—противъ этой церемоніи. Иванъ Васильевичъ послалъ спросить объ этомъ митрополита, и этотъ послѣдній заявилъ, что даже близко къ городу нельзя подпускать легата въ пренесеніи крыжа, что если легатъ, предшествуемый крыжемъ, войдетъ въ одни ворота, то онъ, митрополитъ, выйдетъ изъ города въ другія. Великій князь послалъ къ легату боярина Θедора Давидовича съ требованіемъ, чтобы тотъ спряталъ крестъ; легатъ сначала не хотѣлъ-было исполнить этого требованія, но скоро уступилъ: крестъ положенъ былъ въ сани. Болѣе противился въ данномъ случаѣ Иванъ Фрязинъ, которому въ Римѣ оказаны были большія почести, почему и онъ хотѣлъ, чтобы на Руси точно также оказаны были почести папѣ и его послу. Но требованіе великаго князя было исполнено. Ноября 12-го Софья въѣхала въ Москву, и въ тотъ же день совершенъ былъ обрядъ вѣнчанія. Затѣмъ легатъ приступилъ къ выполненію конечной цѣли своего посольства — привлеченію Московскаго государства къ уніи. На разсужденія по поводу соединенія церквей митрополитъ выставилъ какого-то книжника Никиту Поповича; впрочемъ, съ легатомъ говорилъ и митрополитъ, но особенно помянутый Никита. По извѣстіямъ лѣтописей легатъ былъ въ большомъ затрудненіи во время спора и, въ концѣ концовъ, сказалъ: «Со мною нѣтъ книгъ», другими словами—онъ отказался отъ преній [413]). Бракъ на греческой царевнѣ имѣлъ весьма чувствительное вліяніе на Русь: съ одной стороны завязались болѣе частыя сношенія съ Западной Европой, откуда выходятъ на Русь разные мастера и художники, — съ другой стороны — понятія о верховной власти, какъ самодержавной и какъ хранительницѣ чистоты православія, какъ бы преемственно переходятъ отъ греческихъ императоровъ на великаго князя московскаго.

---

413) Ibid. III, 242; IV, 130, 133, 151, 244—246; V, 36; VI, 16, 32, 196—197, 278; VIII, 154—155, 169, 173, 175—177; Ник. VI, 7—8, 49—51. По Новгор. четвертой и Соф. второй Софія пріѣхала въ Россію въ 1472 г.

Въ связи съ пріѣздомъ Софіи въ Москву находится дѣло грека Тревизана. Иванъ Фрязинъ, при первомъ возвращеніи изъ Рима на Русь черезъ Венецію, сказался въ послѣдней великимъ московскимъ бояриномъ, почему и былъ любезно принятъ венеціанскимъ дожемъ, Николаемъ Тропо. Этотъ послѣдній, зная о близкихъ отношеніяхъ Москвы къ татарамъ, задумалъ отправить чрезъ Москву посла къ хану Золотой орды, котораго хотѣлъ склонить къ нападенію на турецкаго султана. Венеціанскій посолъ, Иванъ Тревизанъ, долженъ былъ вручить великому князю грамоту и дары отъ дожа и просить себѣ проводника къ хану Ахмату. Но Иванъ Фрязинъ уговорилъ посла не давать ни грамоты, ни даровъ великому князю, обѣщая, что и безъ великаго князя онъ устроитъ все, что тому нужно для путешествія въ орду. А между тѣмъ онъ представилъ великому князю Тревизана, какъ венеціанскаго купца и своего племянника. Обманъ ихъ скоро открылся, и великій князь приказалъ заковать Ивана Фрязина въ цѣпи и сослать въ Коломну, жену и дѣтей его взять подъ стражу, а Тревизана предать смертной казни. Едва могли умолить великаго князя легатъ и бывшіе съ нимъ греки, чтобы онъ пощадилъ посла и снесся по этому дѣлу съ венеціанскимъ дожемъ. Тревизанъ, тѣмъ не менѣе, до времени содержался подъ стражей во дворѣ Никиты Васильевича Беклемишева. Узнавши объ участи своего посла, венеціанскій дожъ просилъ великаго князя освободить Тревизана и отправить его къ хану, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для путешествія. Иванъ Васильевичъ исполнилъ просьбу дожа и извѣстилъ его объ этомъ чрезъ посла Семена Толбузина, который, между прочимъ, имѣлъ порученіе вывезти изъ Венеціи искуснаго зодчаго. Зодчій вывезенъ былъ въ лицѣ Аристотеля Фіоравенти, который предпочелъ Россію Турціи, куда Магометъ II звалъ его для постройки султанскихъ палатъ [414]).

Но возвратимся къ сѣверо-западной окраинѣ Руси и посмотримъ, что дѣлается тамъ.

Новгородцамъ пока не приходило на умъ сдѣлать какую бы то ни было попытку въ смыслѣ устраненія вліянія великаго князя на Новгородъ; Псковъ хлопоталъ о церковной автономіи [415]),—но великій князь постоянно устранялъ эти попытки. Мы видѣли, что въ **1463 г.** Иванъ Васильевичъ удовлетворилъ просьбу псковичей относительно намѣстника; мало того: давши имъ въ намѣстники, по ихъ желанію, кн. Ивана Звенигородскаго, великій князь послалъ къ нимъ еще воеводу кн. Ѳедора Юрьевича на помощь противъ нѣмцевъ; потомъ мы видимъ этого Ѳедора Юрьевича уже

414) Никон. VI, 51—52; П. С. Р. Л. IV, 246; VI, 197 (подъ 1472 г.); VIII, 176, 179—180.

415) П. С. Р. Л. IV, 233, 243; V, 36; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 14—15.

намѣстникомъ въ Псковѣ. Но онъ не ужился съ псковичами. Псковская лѣтопись причиной неудовольствія псковичей на Ѳеодора Юрьевича выставляетъ то обстоятельство, что онъ «самъ преже нача на Псковъ къ великому князю засылати грамоты, а самъ надъ Псковомъ творячи сильно». Псковичи припомнили, какъ великій князь часто говаривалъ посламъ ихъ: «кой будетъ вамъ намѣстникъ отъ мене вамъ князь надобѣ, а язъ вамъ не стою; а того бы есте не безчествовали, которой у васъ будетъ начнетъ творити сильно, то язъ вѣдаю, а васъ свою отчину жалую». И вотъ, 18-го февраля **1472 г.** псковскіе послы: посадникъ Никита Ларіоновичъ и бояре, Василій Созовъ и Юрій Ивановичъ, отправились въ Москву бить челомъ великому князю о своихъ старинахъ, просить къ себѣ намѣстникомъ кн. Ивана Стригу-Оболенскаго. Узнавши объ этомъ, кн. Ѳеодоръ Юрьевичъ на другой день по отъѣздѣ пословъ вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ Пскова. Псковичи, «всего того не радя», послали, однако, въ слѣдъ за нимъ посадника, дѣтей боярскихъ и соцкихъ съ хлѣбомъ, виномъ и медомъ, чтобы проводить его честно. Ѳеодоръ Юрьевичъ, добравшись до границы, насильственно перетащилъ псковскихъ посланныхъ за рубежъ, отнялъ у нихъ коней, ограбилъ ихъ и отпустилъ едва не нагими, «забывъ добра псковского и крестного цѣлованія». Весной возвратились изъ Москвы псковскіе послы и передали Пскову такой отвѣтъ великаго князя: «язъ князь великой васъ, свою отчину, о всемъ жалую, коего отъ мене къ себѣ намѣстникомъ, а къ себѣ княземъ хотите, толко ко мнѣ своего боярина съ листомъ пришлите; а что князь Иванъ Стрыга, а тотъ мнѣ здѣсе у себе надобѣ». Въ концѣ того же года псковичи опять отправили посла къ великому князю, который, по случаю приближенія къ русской границѣ хана Ахмата, находился въ Коломнѣ, куда и прибылъ псковскій посолъ 1-го августа. Онъ долженъ былъ, по наказу, просить въ намѣстники кн. Ивана Бабича, или кн. Ярослава Стригу, брата Ивана Стриги, а также доложить и о томъ, что рижскій магистръ присылалъ посла для назначенія срока съѣзда, который назначенъ былъ на 8-ое сентября. Великій князь, которому Бабичъ нуженъ былъ для ратныхъ дѣлъ, назначилъ намѣстникомъ во Псковъ кн. Ярослава, а на нѣмецкій съѣздъ — боярина Андрея Тимоѳеевича [416]). Дѣла съ нѣмцами, однако, запутывались, и псковичи опять послали къ великому князю гонца съ той же просьбой о князѣ-намѣстникѣ. Наконецъ, 19-го февраля **1473 г.** Ярославъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Псковъ, гдѣ встрѣченъ былъ съ подобающей честью и посаженъ на княженіи, цѣловавъ крестъ «на всѣхъ старинахъ псковскихъ».

---

416) Ibid. IV, 243—244.

Послѣ Петрова дня съѣздъ нѣмецкихъ и псковскихъ уполномоченныхъ состоялся, но хорошаго отъ этого съѣзда не вышло ничего: уполномоченные разъѣхались, «управѣ не учинивше никоея же, толко сами стерлися и по волостемъ христіане». Конецъ **1473** и начало **1474 г.** прошли въ ссылкахъ псковичей съ великимъ княземъ, у котораго они просили помощи противъ нѣмцевъ. Въ Псковъ пришелъ, 30-го ноября **1474 г.**, съ войсками московскій воевода, кн. Даніилъ Димитріевичъ Холмскій. До его прихода въ Псковъ уже прибыло нѣсколько ратей, и послѣ прихода его также все еще подходили къ Пскову другія войска; пришли, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, князья изъ 22 городовъ, какъ-то: изъ Ростова, Дмитрова, Юрьева, Костромы и др., такъ что Пскову было «притужно отъ нихъ исперва велми: начаша бо они чинити надъ псковичи силно»; начались грабежи, тѣмъ болѣе, что въ составъ низовыхъ войскъ входило много татаръ. Вскорѣ, однако, благодаря усиліямъ кн. Холмскаго, эти безпорядки прекратились, такъ какъ доставка провіанта для войскъ и фуража для конницы приняли правильное теченіе. Что касается нѣмцевъ, то они, въ виду громадныхъ силъ, пришедшихъ на помощь Пскову, поспѣшили заключить миръ, и кн. Даніилъ Холмскій 30-го декабря выѣхалъ изъ Пскова. Великій князь ожидалъ изъ Пскова большихъ пословъ, конечно, съ благодарностью за оказанную имъ помощь, но вмѣсто того въ Москву прибылъ простой гонецъ, Григорій Бородинъ, «бити челомъ на его (великаго князя) жаловањи и на печалованіи». Этимъ псковичи и думали ограничиться; но 8-го апрѣля Бородинъ привезъ псковичамъ «нелюбовь и гнѣвъ» великаго князя именно за то, что не были присланы большіе послы. Вслѣдствіе этого 19-го мая къ великому князю отправился самъ намѣстникъ, кн. Ярославъ Васильевичъ, съ тремя посадниками и боярами ото всѣхъ концовъ; имъ дано было 100 рублей поминку для великаго князя; но этихъ пословъ великій князь «съ подворья спровадилъ», на очи свои не пустилъ и дару не принялъ, такъ что они, простоявъ пять дней въ полѣ въ шатрахъ, воротились въ Псковъ 23-го іюня безъ всякаго отвѣта. Однако въ-слѣдъ за послами въ Псковъ пригналъ великокняжескій гонецъ съ приказомъ, чтобы псковичи немедленно отправили пословъ къ великому князю. На этотъ разъ псковичи отправили другихъ троихъ посадниковъ и бояръ съ 150 р. поминку. Этихъ пословъ Иванъ Васильевичъ принялъ и сказалъ имъ: «Радъ есми отчину свою *по старинѣ* [417]) держати, аже ми положите прежнихъ князей великихъ грамоты пошлинныя». Ноября 13-го **1475 г.** въ Псковъ возвратился кн. Яро-

417) Въ лѣтописи (IV, 250) сказано: «Радъ есми отчину свою *устроенѣ* держати» и пр. Кажется, что С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, пр. 25) совершенно вѣрно читаетъ вм. *устроенѣ* — *по старинѣ*.

славъ Васильевичъ «и нача у Пскова просити и судъ держати не по псковской старинѣ, на ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородамъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя, такоже и денги намѣстничи». Псковъ отрядилъ двухъ посадниковъ съ грамотами къ великому князю, который, разсмотрѣвъ эти грамоты, сказалъ посламъ: «то грамоты не самыхъ князей великихъ, и вы бы есте то все князю Ярославу освободили, чего у васъ нынѣ проситъ». Весной въ томъ же году псковичи чрезъ посла били челомъ великому князю и говорили, что требованія кн. Ярослава несогласны съ стариной, что такъ имъ нельзя жить [418]). Великій князь отвѣчалъ, что для рѣшенія этого вопроса онъ пришлетъ своего посла. Между тѣмъ для псковитянъ вскорѣ представился случай къ болѣе близкимъ и скорымъ сношеніямъ съ великимъ княземъ: Иванъ Васильевичъ собрался въ Новгородъ «миромъ»... «на судъ и на управу», оставивъ въ Москвѣ сына своего Ивана.

Октября 22-го **1476 г.** великій князь выѣхалъ изъ Москвы. Начиная съ Волочны, куда онъ прибылъ 5-го ноября, на всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ пунктахъ (станціяхъ) его встрѣчали новгородцы: въ Волочнѣ нѣкоторые изъ новгородцевъ принесли великому князю жалобы «на свою же братью»; въ Рыдшѣ великаго князя встрѣтилъ новгородскій архіепископъ съ архимандритами, игуменами и новгородскими властями и поднесъ ему дары; словомъ, шествіе великаго князя въ Новгородъ, по изображенію лѣтописей, было весьма торжественное. Ноября 21-го Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ Новгородъ и остановился на Городищѣ; всѣ монастыри и монастырскіе дворы около города заняты были сопровождавшими великаго князя ратными людьми. Владыка распорядился доставкой «кормовъ» для двора великаго князя, — но послѣдній оскорбился тѣмъ, что архіепископъ отрядилъ для этого дѣла людей незначительныхъ, и не хотѣлъ брать кормовъ. Тогда владыка приказалъ завѣдывать доставкой съѣстныхъ припасовъ своему намѣстнику, попросилъ прощенья у великаго князя чрезъ бояръ, и великій князь нелюбье отложилъ: кормы сталъ брать. Въ тотъ же день, т. е. 21-го ноября, владыка приглашалъ великаго князя «хлѣба ѣсти къ себѣ», — но тотъ «не пожаловалъ его», а 22-го ноября у самого великаго князя были на обѣдѣ: владыка, кн. Василій Шуйскій, степенный посадникъ, многіе изъ старыхъ посадниковъ, тысяцкіе и бояре. Въ тотъ же день на Городище пришли многіе жалобщики какъ новгородскіе, такъ и изъ ближайшихъ къ Новгороду мѣстъ: одни — просить приставовъ, чтобы не быть

418) П. С. Р. Л. IV, 130, 246—250; V, 36; VI, 16, 32, 198; VIII, 178, 180; Ник. VI, 58.

ограбленными ратными людьми великаго князя, — другіе съ жалобами на своихъ же братьевъ новгородцевъ. Кромѣ того, по извѣстіямъ нѣкоторыхъ лѣтописей, долженствовали быть жалобы и на болѣе важныхъ представителей города, такъ какъ «люди житіи и моложшіи сами его призвали на тыя управы, что на нихъ насилье держатъ какъ посадники и великіе бояре». Но великій князь, кажется, не хотѣлъ вдругъ озадачить новгородцевъ и не скоро взялся за разборъ жалобъ: ноября 23-го Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ Новгородъ и встрѣченъ былъ владыкой со всѣмъ освященнымъ соборомъ и властями города; слушалъ въ храмѣ Софіи молебенъ и литургію, потомъ былъ у владыки, отъ котораго принялъ дары и послѣ обѣда, въ сопровожденіи архіепископа, воротился на Городище. Съ 24-го ноября къ великому князю начинаютъ приходить съ разными цѣлями разные люди, какъ посадники, тысяцкіе, житьи люди и пр.: одни — опять съ жалобами, другіе — «лице его видѣти» и т. п. Ноября 25-го къ нему пришли главные жалобщики. Надобно замѣтить, что послѣ **1471 г.** партійныя страсти въ Новгородѣ еще не улеглись: приверженцы Литвы утѣсняли не только простой народъ, но и болѣе видныхъ представителей Новгорода, которые клонились на сторону Москвы; такъ, степенный посадникъ Василій Ананьинъ со многими боярами, какъ Селезневы, Телятевъ, Моисей Ѳедоровъ, родственники которыхъ, въ первый походъ великаго князя на Новгородъ, были или казнены, или сосланы на «Низъ», какъ, напримѣръ, приверженцы Литвы Аѳанасьевы, напали съ своими людьми на Славкову и Никитину улицы, пограбили ихъ и перебили многихъ людей; а Памфилъ, староста Ѳедоровской улицы, съ двоими изъ вышепомянутыхъ бояръ, напалъ на дворъ бояръ Полинарьиныхъ, перебилъ ихъ людей, а имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Теперь эти обиженные явились съ жалобами къ великому князю. Иванъ Васильевичъ, давши жалобщикамъ приставовъ, обратился къ владыкѣ Ѳеофилу, тутъ же бывшему съ посадниками и боярами, съ предложеніемъ — передать Великому Новгороду, чтобъ и онъ далъ своихъ приставовъ «на тѣхъ насилниковъ». На судѣ, въ присутствіи владыки и старыхъ посадниковъ, жалобы оказались справедливыми, и великій князь, оправивъ жалобщиковъ, приказалъ схватить обвиненныхъ бояръ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ Ананьинымъ и посадить «за приставы», а менѣе виновныхъ отдать на поруки въ 1500 рубляхъ. Этихъ послѣднихъ взялъ на поруки архіепископъ. Далѣе великій князь приказалъ схватить Аѳанасьевыхъ, отца съ сыномъ, потому что они совѣтовали Новгороду отдаться за Казимира. Владыка пріѣзжалъ, 28-го ноября, на Городище къ великому князю хлопотать объ освобожденіи главныхъ виновниковъ, но Иванъ Васильевичъ, указавъ владыкѣ на ихъ крамолы, въ тотъ же день

приказалъ отправить ихъ въ Москву. Декабря 1-го владыка опять ходатайствовалъ уже за второстепенныхъ преступниковъ, взятыхъ имъ на поруки, — и великій князь удовлетворилъ просьбу владыки: отъ казни ихъ освободилъ съ обязательствомъ уплатить истцамъ убытки въ количествѣ 1500 руб. и великокняжескія судныя пошлины. Затѣмъ съ 4-го по 19-ое декабря почти ежедневно устраивались у знатныхъ новгородцевъ для великаго князя пиры, на которыхъ хозяева подносили ему богатые подарки; тѣ изъ новгородской знати, у которыхъ великій князь не успѣлъ побывать на пиру, приносили ему подарки на Городище. Подарки эти состояли изъ денегъ (напр. корабельники или двойные червонцы), золотыхъ кубковъ, рыбьихъ зубовъ, сукна, вина, меда, яблоковъ, винныхъ ягодъ и пр. Но не только знатные новгородцы, — даже купцы, житьи люди и многіе изъ «людей молодшихъ» приносили ему дары. Великій князь, съ своей стороны, отдаривалъ «коему ждо по достоинству: отъ дорогихъ портъ (одеждъ), и отъ камокъ, и кубки и ковши серебряные, и сороки́ соболей, и кони». Между прочимъ отмѣтимъ изъ поднесенныхъ великому князю два подарка: а) новоизбранный степенный посадникъ Ѳома Курятникъ и тысяцкіе поднесли ему отъ всего Великаго Новгорода 1000 рублей; б) между многочисленными подарками отъ владыки, данными имъ въ разное время, отмѣтимъ слѣдующій: 16-го января владыка пришелъ къ великому князю «съ челобитьемъ, съ половиною волостей владычнихъ и съ половиною земли отъ шти монастырей»; но великій князь взялъ только земли 6-ти монастырей, а «иные монастыри пожаловалъ, земли у нихъ не взялъ: они-де убоги, земли у нихъ мало». Въ одинъ изъ пиршественныхъ дней (12-го января) къ Ивану Васильевичу явился посолъ отъ шведскаго короля съ подаркомъ, состоявшимъ изъ бураго жеребца, и съ челобитьемъ о возобновленіи съ Новгородомъ перемирія, срокъ которому истекъ. Великій князь, угостивъ посла (Орбана, племянника шведскаго короля Стена-Стура), приказалъ владыкѣ и В. Новгороду возобновить перемиріе на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, послѣ болѣе чѣмъ девятинедѣльнаго пребыванія въ Новгородѣ, Иванъ Васильевичъ (26-го января) выѣхалъ въ Москву. Тяжело было это гощеніе великаго князя съ его многочисленной свитой Великому Новгороду и Новгородской землѣ! «Было отъ нихъ сильно (насиліе), говоритъ лѣтописецъ, много христіанъ пограблено по дорогамъ и по селамъ и по монастыремъ и числа края нѣтъ, такоже и владыкѣ и посадникомъ и всему Новгороду кормомъ и даровы и всему сполу числа же края нѣтъ, колико золота и серебра вывезе отъ нихъ» [419]).

419) Ibid. III, 142—143; IV, 130, 133, 152, 250—252; VI, 16—18, 33, 200, 278, 201—205; VII, 227; VIII, 3, 181—182; Ник. VI, 62—67.

Оставимъ на короткое время дальнѣйшія событія, касающіяся Новгорода, и возвратимся къ событіямъ псковскимъ.

Мы видѣли, что псковичи хлопотали о назначеніи къ нимъ вмѣсто кн. Ярослава другаго намѣстника; они говорили, что съ Ярославомъ имъ «не мощно жити». Это было весной **1475 г.** Тогда великій князь обѣщалъ прислать въ Псковъ посла своего для управы. Но вотъ, до Пскова дошелъ слухъ (въ самомъ концѣ ноября **1476 г.**), что великій князь въ Новгородѣ. Немедленно изъ Пскова отправилось къ Ивану Васильевичу посольство изъ четырехъ посадниковъ, нѣсколькихъ бояръ и дѣтей боярскихъ съ подаркомъ въ 50 рублей. Великій князь, принявъ даръ, сказалъ посламъ, что отпуститъ ихъ, когда къ нему явится кн. Ярославъ. Въ половинѣ декабря послѣдній пріѣхалъ и, не смотря на то, что Псковъ на вѣчѣ далъ ему въ даръ 20 рублей, чтобы онъ ударилъ челомъ великому князю за Псковъ, только жаловался на псковскихъ посадниковъ и на псковичей. Иванъ Васильевичъ отвѣтилъ посламъ, что пришлетъ въ Псковъ вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ своихъ пословъ «о всѣхъ своихъ дѣлѣхъ у (въ) срочныя дни». Послѣдніе 1-го января дѣйствительно явились и передали Пскову волю великаго князя: «чтобы есте которое будете преступили предъ княземъ Ярославомъ, и вы бы есте ему челомъ добили, тако же бы есте князю Ярославу денгу намѣстничю освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати княжія, и нивніи судове по старинѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учините тако, ино вѣдаетъ государь вашъ великой князь; а насъ прислалъ къ вамъ съ княземъ Ярославомъ въ пять дней отъ васъ и сѣмо и тамо съѣздити». Воля великаго князя была исполнена: кн. Ярославу на вѣчѣ дали за все сполна 130 рублей и обязались исполнить все, чего требуетъ великій князь. Посольство вмѣстѣ съ кн. Ярославомъ отправилось въ Новгородъ извѣстить великаго князя объ исполненіи его воли. Иванъ Васильевичъ, между прочимъ, благосклонно замѣтилъ псковскимъ представителямъ, что посланнымъ отъ него нужно вѣрить во всемъ такъ же, какъ и ему самому [420]).

Послѣ такого исхода дѣла Ярославъ, естественно, началъ еще круче поступать съ псковичами: послѣдніе 15-го іюня отправили пословъ въ Москву съ «жалобною грамотою» на кн. Ярослава, вмѣсто котораго они просили кн. Ивана Александровича Звенигородскаго, а кн. Ярославъ—жаловались псковичи — «надъ всѣмъ Псковомъ чинитъ насиліе великое», какъ и его намѣстники по пригородамъ и волостямъ. Иванъ Васильевичъ обѣщалъ прислать, по этому дѣлу, своего посла «да хочетъ — великій князь —

---

420) Ibid. IV, 251.

съ своею отчиною съ Псковомъ судъ творити своимъ посломъ по его засылнымъ грамотамъ, а не по своимъ старинамъ, какъ его прародители держали свою отчину Псковъ». При такихъ условіяхъ псковичи должны были ожидать, что проиграютъ дѣло. И вотъ, 27-го августа они отправили въ Москву другихъ пословъ просить себѣ — за смертію князя Звенигородскаго — кн. Ивана Бабича, «кой намъ любъ», говорили они. Между тѣмъ съ наступленіемъ новаго года (2-го сентября **1477 г.**) въ Псковѣ поднялось волненіе, какого не бывало ни при одномъ князѣ. Это волненіе произошло вслѣдствіе столкновенія княжеской дворни съ псковичами по самому незначительному случаю и дошло до кровавой схватки. На другой день, «вѣче поставя и князю Ярославу отрекшеся», начали выпроваживать князя изъ Пскова, и о всемъ случившемся послали къ великому князю грамоту. Послѣднее обстоятельство поставило псковичей въ нерѣшительное положеніе: имъ хотѣлось и выпроводить кн. Ярослава, но нужно было и выждать великокняжескаго отвѣта на грамоту. Ярославъ не выѣзжалъ, «а псковичи его и проводятъ и не проводятъ еще». И та, и другая сторона ждетъ возвращенія посла. Наконецъ, 20-го сентября изъ Москвы пріѣхали два боярина съ дьякомъ. Отвѣтъ великаго князя былъ таковъ, что Ярославъ — правъ, такъ какъ онъ и теперь жалуется, какъ жаловался въ бытность великаго князя въ Новгородѣ, между тѣмъ какъ тогда псковичи на него не жаловались. Въ заключеніе послы требовали выдачи людей, осужденныхъ по пригородамъ, въ противномъ же случаѣ — говорили они — великій князь самъ все исправитъ. Что касается кн. Ярослава, то великій князь оставляетъ его на псковскомъ столѣ. Долго московскіе бояре добивались выдачи имъ тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярослава поковали безъ суда, а псковичи самовольно расковали. Послѣдніе не выдавали своихъ братьевъ, находя ихъ правыми; что же касается того, что Ярославъ остается у нихъ на столѣ, то они рѣшили опять послать о томъ пословъ къ великому князю, а съ княземъ Ярославомъ — говорили они — жить имъ нельзя, если онъ будетъ чинить имъ такія же насилія. Не лучше Ярослава поступали и сами послы: на рубежѣ они ограбили провожатыхъ, избили ихъ и отняли у нихъ деньги. Псковскіе послы должны были ѣхать во Владиміръ, такъ какъ великій князь находился тогда въ этомъ городѣ. Но продержавъ три дня, великій князь отослалъ ихъ въ Москву, гдѣ опять пришлось имъ ждать четыре недѣли. Этимъ посламъ великій князь сказалъ, что такъ какъ псковичи сами нападали на дворъ его намѣстника, кн. Ярослава Васильевича, то изъ старины выступили они, псковичи, а не онъ, великій князь. Въ январѣ послы возвратились въ Псковъ, а въ февралѣ Ярославъ получилъ отъ великаго князя грамоту съ приказомъ, чтобъ ѣхалъ въ Москву съ своей женой и со

всѣмъ дворомъ и никого не оставлялъ во Псковѣ. Въ концѣ февраля Ярославъ, сложивъ крестное цѣлованіе, выѣхалъ изъ Пскова. До рубежа псковичи должны были доставлять ему кормы. Но этотъ «злосердый» князь, чтобы изубыточить псковичей, на 40 верстахъ ночевалъ пять ночей. Мало того: 18 приставовъ, которые доставляли ему кормы, на послѣднемъ станѣ онъ приказалъ схватить и перевязать, мучилъ ихъ и взялъ съ собой въ Москву. Въ-слѣдъ за Ярославомъ, въ началѣ марта, отправились въ Москву псковскіе послы, которые просили себѣ князя и били челомъ о насильственно взятыхъ Ярославомъ приставахъ. Великій князь удовлетворилъ ихъ просьбу — приставовъ приказалъ освободить, а о псковскихъ дѣлахъ прислать своихъ пословъ; въ то же время онъ принялъ 100 руб. поминку отъ Пскова и отпустилъ пословъ съ честію и дарами. Лѣтописи замѣчаютъ, что во время пребыванія псковскихъ пословъ въ Москвѣ, кн. Ярославъ ни разу не бывалъ на очахъ великаго князя. Въ Псковъ назначенъ былъ намѣстникомъ кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ указывали сами псковичи. Такой крутой поворотъ въ отношеніяхъ великаго князя къ псковичамъ и благосклонный пріемъ, котораго удостоились псковскіе послы, надобно, кажется, объяснить тѣмъ, что великій князь готовился въ это время окончательно свести счеты свои съ Новгородомъ[421]).

Послѣ перваго похода на Новгородъ, откуда главные виновники новгородскихъ возмущеній, главные противники великаго князя, приверженцы короля Казимира, были въ оковахъ выведены на «Низъ», въ Москву пріѣзжалъ (въ мартѣ **1476 г.**) владыка Ѳеофилъ съ боярами и билъ челомъ за новгородскихъ «поиманныхъ бояръ», которые «сидятъ» на Коломнѣ и въ Муромѣ. Великій князь дары отъ архіепископа принялъ, пригласилъ его со всей его свитой къ себѣ на обѣдъ, далъ ему «отпускной пиръ», — но просьбы его не исполнилъ, виновныхъ бояръ не отпустилъ[422]).

При общей неурядицѣ, при неопредѣленности юридическихъ отношеній въ Новгородѣ естественнымъ кажется то обстоятельство, что многіе новгородцы стали предпочитать домашнему (въ Новгородѣ) суду судъ великокняжескій. И вотъ, въ противность прежнимъ договорамъ, по которымъ великій князь не могъ судить новгородца «на Низу», т. е. въ Москвѣ, въ послѣднюю стали являться изъ Новгорода жалобщики.

Въ концѣ февраля **1477 г.** въ Москву пріѣхалъ посадникъ Захарія Овиновъ за великокняжескимъ приставомъ; съ нимъ было много новгородцевъ, изъ которыхъ однимъ онъ долженъ былъ отвѣчать (на ихъ иски про-

---

421) Ibid. IV, 252—256; V, 37; VIII, 185.
422) Ibid. III, 143; IV, 252; VI, 18, 33, 205; VIII, 182; Ник. VI, 68.

тивъ него), а на другихъ искать. Это было до того необычайнымъ явленіемъ, что лѣтописецъ невольно замѣтилъ по этому поводу: «а того не бывало отъ начала, какъ и земля ихъ стала и какъ великіе князи учали быти отъ Рюрика».... Вскорѣ потомъ пришли въ Москву и другіе посадники, житьи люди, поселяне, черницы, вдовы «и вси преобижени» въ качествѣ или истцевъ, или отвѣтчиковъ. Наконецъ, въ мартѣ владыка Ѳеофилъ и весь Великій Новгородъ отправили къ великому князю пословъ, Назара Подвойскаго и вѣчеваго дьяка Захарію; при челобитьи эти послы, по показанію лѣтописей, намѣренно назвали великаго князя не *Господиномъ*, какъ бы слѣдовало по вѣковѣчному обычаю, а *Государемъ*. Апрѣля 24-го великій князь отправилъ въ Новгородъ посла спросить, какого *государства* хотятъ новгородцы, т. е. не желаютъ ли они имѣть великаго князя, какъ государя самодержавнаго, единственнаго законодателя и судью? Новгородцы сказали послу, что они «съ тѣмъ.... не посылывали». Еще послы не успѣли выѣхать изъ Новгорода, какъ тамъ поднялся мятежъ: бояринъ Василій Никифоровъ, оговоренный вышепомянутымъ Овиновымъ въ томъ, что, будучи въ Москвѣ, присягалъ великому князю на Великій Новгородъ, былъ изрубленъ на вѣчѣ; самъ Овиновъ,—за то, что судился въ Москвѣ,—братъ его Козьма и нѣкоторые другіе также были убиты. Новгородцы, по выраженію лѣтописи, «возбѣснѣша, яко піяніи», и начали опять кричать, что они хотятъ быть за королемъ [423]). Впрочемъ московскихъ пословъ держали въ чести, а отвѣтъ дали имъ въ томъ смыслѣ, что они великихъ князей государями не зовутъ, что судъ великокняжескимъ намѣстникамъ на Городищѣ — по старинѣ, что тіунамъ великаго князя у нихъ не быть и что двора Ярослава они не даютъ; въ заключеніе они говорили, что великіе князья могутъ казнить тѣхъ, которые будутъ обманно, безъ ихъ вѣдома называть великаго князя государемъ, а у себя такихъ людей они сами будутъ казнить. Но великому князю, конечно, давно уже хотѣлось быть новгородскимъ государемъ, а потому онъ и не думалъ упустить удобнаго случая привести въ исполненіе завѣтную мысль. Узнавши отъ своихъ пословъ и преданныхъ ему посадниковъ о новгородской смутѣ, Иванъ Васильевичъ представилъ новгородцевъ митрополиту, матери и боярамъ клятвопреступниками: «Я не хотѣлъ у нихъ государства, они сами съ этимъ присылали

---

423) Лѣтописи различно передаютъ этотъ эпизодъ: однѣ (VI, 18, 33, 205; VIII, 183; Ник. VI, 71 и сл.) говорятъ, что новгородскіе послы назвали Ивана Васильевича государемъ безъ вѣдома В. Новгорода по рѣшенію владыки, посадниковъ и бояръ; остальныя передаютъ только, что новгородцы, услышавъ рѣчи московскаго посла, спрашивавшаго отъ имени великаго князя, какого государства хочетъ Новгородъ, пограбили заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ посадниковъ и бояръ.

ко мнѣ, говорилъ великій князь, — а теперь заперлися въ томъ и положили на насъ ложь». Посовѣтовавшись съ матерью, братьями и боярами, онъ сталъ готовиться къ походу на Новгородъ. Онъ послалъ просить помощи у тверскаго князя Михаила; въ Псковъ послалъ Григорія Волнина поднимать и псковичей. Прослышавъ объ этомъ, новгородцы отправили къ великому князю одного изъ уличанскихъ старостъ просить объ опасной грамотѣ для пословъ; но этого старосту приказано было задержать въ Торжкѣ. 30-го сентября **1478 г.** Иванъ Васильевичъ послалъ въ Новгородъ складную грамоту, а 9-го октября, оставивъ въ Москвѣ сына Ивана, выступилъ въ походъ на новгородцевъ «за ихъ преступленіе казнити ихъ войною». Вмѣстѣ съ великимъ княземъ шелъ братъ его Андрей меньшой; царевичъ Даньяръ долженъ былъ идти чрезъ Клинъ и Тверь къ Торжку, въ который шелъ и самъ великій князь чрезъ Волокъ, гдѣ обѣдалъ у брата своего Бориса. Сюда явился отъ тверскаго князя боярскій сынъ отдавать кормы по тверской отчинѣ, а на слѣдующую станцію явился князь Андрей Борисовичъ Микулинскій, чрезъ котораго тверскій князь приглашалъ Ивана Васильевича къ себѣ «хлѣба ѣсти». Октября 19-го великій князь прибылъ въ Торжокъ, гдѣ ожидали его новгородскіе посланцы съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ; тутъ же два новгородскихъ боярина просили его о принятіи ихъ на службу. 23-го октября Иванъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Торжка, распорядившись, какимъ полкамъ какими путями идти къ Новгороду. Новгородскихъ опасчиковъ онъ приказалъ везти за собой. Къ концу пути стали опять являться новгородцы съ просьбами о принятіи ихъ въ службу: такъ, просился на службу посадникъ Григорій Тучинъ и изъ житьихъ новгородцевъ Адріанъ Савельевъ. Ноября 8-го, въ Еглинѣ у Спаса, великій князь допустилъ на свои очи опасчиковъ, которые при челобитьѣ объ опасной грамотѣ для владыки назвали его *Государемъ*. Опасъ имъ данъ. Чрезъ два дня послѣ того явился новый опасчикъ отъ владыки и всего Великаго Новгорода и также билъ челомъ объ опасѣ, причемъ и этотъ назвалъ великаго князя *Государемъ*. Иванъ Васильевичъ чрезъ дьяка Далматова отвѣчалъ, что опасъ данъ уже прежнимъ посланцамъ. Не доходя 120 верстъ до Новгорода, на Полинахъ, великій князь урядилъ полки, гдѣ которому быть, и отсюда отпустилъ своихъ воеводъ къ Новгороду съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, такъ какъ онъ опасался чтобы новгородцы не пожгли ихъ. 21-го ноября великій князь остановился у Николы въ Тухолѣ и отсюда послалъ во Псковъ къ намѣстнику своему, кн. В. В. Шуйскому, сказать, чтобы онъ съ псковичами выступалъ на Новгородъ и дальнѣйшихъ приказаній ожидалъ по прибытіи на устье Шелони. Ноября 23-го, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Сытинѣ, въ 30 вер-

стахъ отъ Новгорода, явились послы, владыка Θеофилъ съ посадниками и житьими. Владыка такъ билъ челомъ: «.... мечъ бы свой унялъ еси и огонь утолилъ.... Да что, господине государь, восполѣлся еси на бояръ на новгородскихъ и на Москву свелъ еси ихъ изъ Новагорода первымъ своимъ пріѣздомъ, и ты бы, господине государь князь велики, пожаловалъ — смиловался, тѣхъ бы еси бояръ отпустилъ въ свою отчину въ Великій Новгородъ....» Затѣмъ въ томъ же тонѣ били челомъ посадники и житьи люди, а послѣ нихъ отдѣльно посадникъ Лука Θедоровъ. Великій князь, не отвѣчая на ихъ челобитье, пригласилъ ихъ къ себѣ въ тотъ же день «ѣсти». На слѣдующій день послы были у великокняжескаго брата, Андрея меньшаго, съ дарами и били ему челомъ, чтобы онъ печаловался за нихъ предъ великимъ княземъ; затѣмъ опять были у великаго князя и били ему челомъ, чтобы пожаловалъ, велѣлъ бы поговорить съ своими боярами. На «говоркѣ» каждая категорія новгородскихъ пословъ предъявляла свои желанія, которыя въ совокупности сводятся къ слѣдующему: чтобы государь нелюбье отложилъ, мечъ свой унялъ, взятыхъ имъ новгородскихъ бояръ отпустилъ; чтобы ѣздилъ въ В. Новгородъ (чрезъ три) на четвертый годъ и бралъ по 1000 рублей; чтобы приказалъ производить судъ своему намѣстнику съ посадникомъ въ городѣ, а чего они не смогутъ управить, то государь самъ чинилъ бы управу, когда пріѣдетъ на четвертый годъ; чтобы позывовъ на Москву не было, — великокняжескіе намѣстники владычнихъ и посадничьихъ судовъ не судили бы; чтобы «мукобряне» (?) великаго князя отвѣчали по искамъ новгородцевъ не на Городищѣ, какъ они дѣлаютъ, а въ городѣ передъ намѣстникомъ и посадникомъ, какъ это они дѣлаютъ по своимъ искамъ на новгородцевъ. Послѣдняя просьба высказана житьими людьми. Не отвѣчая пока посламъ, великій князь въ тотъ же день (24-го ноября) повторилъ прежнее приказаніе своимъ воеводамъ — идти къ Новгороду и занять Городище и всѣ близъ города монастыри, — а на слѣдующій день онъ неопредѣленно указалъ посламъ чрезъ бояръ вообще на неисправленіе къ нему новгородское и въ частности на то, что новгородцы, назвавъ его и сына его государями, отреклись потомъ отъ этого и тѣмъ положили ложь на нихъ, великихъ государей. Въ заключеніе отвѣта кн. Иванъ Юрьевичъ сказалъ отъ имени великаго князя: «Въсхощетъ намъ, великимъ княземъ, своимъ государемъ, отчина наша Великій Новгородъ бити челомъ, и они знаютъ, отчина наша, какъ имъ намъ, великимъ княземъ, бити челомъ».... Послы, испросивъ пристава, отправились въ Новгородъ, а великій князь, не теряя времени, съ братомъ Андреемъ меньшимъ перешелъ по льду Ильменя къ Новгороду и остановился у Троицы на Паозерьѣ, въ трехъ верстахъ отъ города. Сюда подошелъ кн. Василій Михайловичъ верейскій, а

29-го ноября пришелъ и Борисъ Васильевичъ волоцкій. Здѣсь Иванъ Васильевичъ распорядился, гдѣ какимъ полкамъ стоять, а 30-го ноября приказалъ воеводамъ отпустить по половинѣ людей въ окрестности за кормами для коней и за съѣстными припасами, но съ тѣмъ, чтобы къ 11-му декабря всѣ были на своихъ мѣстахъ. Отсюда же великій князь послалъ и къ псковскому намѣстнику съ приказаніемъ, чтобы псковичи немедленно шли къ Новгороду. Новгородцы, хотя у нихъ и не было союзниковъ, рѣшились защищаться: укрѣпили деревянной стѣной самую слабую сторону города по обоимъ берегамъ Волхова, а послѣдній заградили судами, клятвенно обязавшись всѣ стоять за-одинъ. Великій князь видѣлъ, что много будетъ потери въ людяхъ, если брать Новгородъ приступомъ, а потому рѣшился держать городъ въ осадѣ, чтобы голодомъ принудить новгородцевъ къ сдачѣ, а между тѣмъ, чтобы его людямъ не было недостатка въ съѣстныхъ припасахъ, псковичи, по его приказу, должны были доставлять въ его станъ муку, рыбу и пр., и выслали также купцевъ для продажи московскимъ ратнымъ людямъ разныхъ товаровъ. Въ Новгородѣ, между тѣмъ, не было единодушія въ гражданахъ: меньшинство хотѣло биться съ великимъ княземъ, а большинство желало покориться ему. Вѣроятно, вслѣдствіе этого несогласія 4-го декабря опять явился къ великому князю владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житьими людьми и отъ всего В. Новгорода просилъ, чтобы государь «мечъ бы свой уялъ и огнь утолилъ, а кровь бы крестьянская не лилася....» Посадники и житьи просили позволенія говорить съ боярами, но послѣдніе сказали имъ то же самое, что и въ первый разъ. Съ этимъ послы и ушли. Между тѣмъ къ великому князю подошли еще ратные люди: царевичъ Даньяръ и кн. Андрей Васильевичъ большой съ тверскимъ воеводой, кн. Михаиломъ Ѳедоровичемъ Микулинскимъ. Декабря 5-го къ великому князю опять явились прежніе послы и въ присутствіи троихъ братьевъ Ивана Васильевича повинились въ томъ, что они дѣйствительно наказывали Назару да дьяку Захару называть его, великаго князя, государемъ, а потомъ заперлись въ этомъ. Великій князь приказалъ отвѣтить посламъ, что если они сознались въ своей винѣ и спрашиваютъ, какому государству его, великаго князя, быть въ его отчинѣ—Новгородѣ, то быть этому государству такому же, какъ на Москвѣ. Послы просили позволенія возвратиться въ городъ и подумать о полученномъ ими отвѣтѣ. Вскорѣ послѣ того къ Новгороду подошло псковское войско, а Аристотель, по приказу великаго князя, навелъ мостъ чрезъ Волховъ на судахъ. Декабря 7-го, какъ назначено было, послы явились съ рѣчами, въ которыхъ выражали слѣдующія желанія новгородцевъ: а) чтобы великокняжескій намѣстникъ производилъ судъ вмѣстѣ съ степеннымъ посадникомъ; б) чтобы

дань давать съ сохи по полугривнѣ; в) чтобы въ пригородахъ были намѣстники, а судъ былъ бы по старинѣ; г) чтобы великій князь не выводилъ людей изъ Новгородской земли; д) чтобы не вступался въ боярскія земли; е) чтобы не было позывовъ (къ суду) на Москву и, наконецъ, ж) чтобы не бралъ новгородцевъ на службу (военную) въ Низовскую землю, а по повелѣнію государей они будутъ оберегать свои новгородскія границы. Великій князь чрезъ тѣхъ же бояръ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ уже сказалъ, какому его государству быть въ Новгородѣ и новгородцы признали его государемъ, то какъ же они теперь указываютъ ему, какъ ему управлять? какое послѣ того будетъ государство его? Послы отвѣчали, что они не чинятъ урока государству своихъ государей, но что они не знаютъ «низовской пошлины», какъ государи держатъ свое государство въ Низовской землѣ. Великій князь объявилъ чрезъ бояръ, какому государству его быть въ Новгородѣ, а именно: вѣчевому колоколу не быть, посаднику тоже,— а все государство держитъ великій князь; великій князь хочетъ имѣть волости и села, какъ и въ землѣ Московской; древнія великокняжескія земли, неправо присвоенныя новгородцами, отнынѣ будутъ составлять собственность великаго князя. Но и великій князь, въ свою очередь, изъ Новгородской земли людей обѣщаетъ не выводить, въ вотчины боярскія не вступаться и судъ оставить по старинѣ. Шесть дней новгородцы думали объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14-го декабря явились къ великому князю послы и просили того, что уже дано было Новгороду; но въ то же время, боясь, что ихъ обманутъ, просили, чтобы великій князь цѣловалъ крестъ, въ чемъ имъ было отказано; просили, чтобы цѣловали крестъ бояре или будущій намѣстникъ, и въ этомъ было отказано; просили, наконецъ, объ опасной грамотѣ, но и въ этомъ было отказано. Когда узнали объ этомъ въ Новгородѣ, то многіе опять рѣшились защищать свободу и положить свои головы за св. Софію. Но то была минутная вспышка: благоразуміе взяло верхъ, и всѣ успокоились.... Послы оставались въ московскомъ станѣ до конца декабря, а между тѣмъ новгородскій воевода, кн. Василій Шуйскій-Гребенка, сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, въ которомъ жилъ послѣ того два дня (а новгородцы, боясь великаго князя, не смѣли и слова сказать ему); потомъ онъ перешелъ на службу къ великому князю, который принялъ его съ почетомъ и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, далъ ему Нижній Новгородъ. Наконецъ, 29-го декабря послы выразили желаніе, чтобы они, если ужъ имъ отказано въ крестоцѣлованіи, «своего государя жалованье отъ устъ его слышали сами безъ высылокъ» (бояръ). Великій князь лично заявилъ имъ о своемъ жалованьи, и послы, поклонившись, вышли отъ него. Но бояре великаго князя догнали ихъ и передали имъ, что великій князь

требуетъ волостей и селъ, съ чѣмъ можно было бы ему держать свое государство въ Новгородѣ. Послѣ нѣкоторыхъ требованій со стороны князя и обоюдныхъ уступокъ, Иванъ Васильевичъ взялъ десять волостей владычнихъ, половину монастырскихъ и всѣ Новоторжскія, кому ни принадлежали бы онѣ. Что касается дани, то великій князь согласился брать одинъ разъ въ годъ по полугривнѣ съ сохи (= 3 обжамъ, обжа = пашущему на одной лошади) какъ въ новгородскихъ волостяхъ, такъ и на Двинѣ и въ Заволочьѣ, на всякомъ, обрабатывающемъ землю. Великій князь удовлетворилъ также просьбу новгородцевъ о томъ, чтобы они сами собирали дань и отдавали, кому онъ прикажетъ, а не писцы и даньщики его, которые обыкновенно очень притѣсняютъ народъ. Затѣмъ великій князь приказалъ очистить для себя Ярославовъ дворъ и привести всѣхъ новгородцевъ къ присягѣ по напередъ составленной и просмотрѣнной новгородцами присяжной записи, причемъ великокняжескіе бояре взяли словесное обѣщаніе съ новгородцевъ — не мстить какъ своимъ собратьямъ, находящимся въ службѣ великаго князя, такъ и помогавшимъ послѣднему псковичамъ; рѣшеніе споровъ съ псковичами о земляхъ возлагалось на намѣстниковъ; пригороды, заволочане и двиняне отнынѣ должны цѣловать крестъ на имя великихъ князей, не упоминая о Новгородѣ. — Января 18-го новгородскіе бояре, дѣти боярскія и житьи люди били челомъ великому князю о принятіи ихъ къ себѣ въ службу, а чрезъ два дня (20-го января) Иванъ Васильевичъ послалъ въ Москву гонца къ матери, митрополиту и сыну Ивану съ извѣстіемъ, что онъ привелъ Великій Новгородъ «въ всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ». Января 22-го Иванъ Васильевичъ назначилъ намѣстниками въ Новгородъ боярина кн. Ивана Васильевича Стригу и брата его Ярослава, приказавъ имъ «стати на своемъ дворѣ великого князя Ярославлѣ», самъ же пока не хотѣлъ въѣзжать въ Новгородъ, потому что тамъ былъ моръ на людей, и только 29-го января онъ съ тремя братьями своими и Василіемъ верейскимъ слушалъ въ храмѣ Софіи литургію, послѣ которой отправился опять на Паозерье и здѣсь, съ тѣми же братьями, владыкой, новгородскими боярами и многими житьими обѣдалъ «да и пилъ съ ними»; тутъ же принималъ и дары отъ владыки. Затѣмъ, 1-го февраля великій князь приказалъ схватить купеческаго старосту Марка Панфильева, на слѣдующій день — Марѳу Борецкую съ ея внукомъ Васильемъ Ѳедоровымъ, отецъ котораго умеръ въ муромской тюрьмѣ, — потомъ — пять человѣкъ изъ житьихъ, и приказалъ отправить ихъ въ Москву, а имѣнія ихъ отписать на себя. Наконецъ, Иванъ Васильевичъ приказалъ кн. Ивану Стригѣ отобрать у новгородцевъ всѣ докончальныя грамоты ихъ съ князьями литовскими и королемъ польскимъ, и крестоцѣловальную гра-

моту ихъ противъ него, великаго князя, и прибавилъ къ прежнимъ намѣстникамъ еще двоихъ: Василья Китая и Ивана Зиновьева. Передъ отъѣздомъ своимъ (17-го февраля) великій князь еще разъ слушалъ литургію у св. Софіи, угощалъ обѣдомъ владыку, бояръ и житьихъ и принималъ дары отъ перваго. Марта 5-го (**1478 г.**) Иванъ Васильевичъ, по извѣстіямъ литовскихъ лѣтописей, съ 300 возовъ «перелъ, злата и сребра и каменій многоцѣнныхъ», прибылъ въ Москву, а за нимъ привезенъ былъ и вѣчевой колоколъ, этотъ символъ новгородской вольности, «и вознесли его на колокольницу на площади (Успенскій соборъ) съ прочими колоколы звонити» [424]). Такъ рушилась навсегда вольность Господина Великаго Новгорода!....

Отъ Новгорода теперь намъ придется отвлечься на нѣсколько времени въ противоположную сторону.

Мы видѣли, что войны съ Казанью не имѣли почти никакихъ положительныхъ результатовъ. Только послѣдній походъ **1470 г.** былъ удачнѣе предъидущихъ: Ибрагимъ добилъ челомъ великому князю на всей волѣ его. Послѣдующія событія указываютъ, однако, на то, что Ибрагимъ тяготился отношеніями къ великому князю и ждалъ только удобнаго случая къ разрыву съ нимъ. Случай этотъ, хотя и обманувшій казанскаго царя, скоро представился. По нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, еще ранѣе похода Ивана III на Новгородъ и въ началѣ самаго похода Ибрагимъ уже дѣлалъ нападенія на Вятку [425]). Въ **1478 г.**, когда великій князь былъ еще въ Новгородѣ, въ Казань пришло ложное извѣстіе, что великій князь Новгорода не взялъ, что новгородцы разбили его войска и что онъ самъ-четвертъ, израненный, бѣжалъ отъ Новгорода. Ибрагимъ хотѣлъ воспользоваться этимъ и двинулъ войска свои на Вятку [426]); но, получивъ вѣрныя извѣстія о паденіи В. Новгорода, приказалъ войскамъ возвратиться домой,

---

424) С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» 37, пр. 20), сознавая, что слово *мукобряне* «до сихъ поръ еще удовлетворительно не объяснено», въ-слѣдъ за Карамзинымъ (VI, 73, 77—78, пр. 170) въ русской версіи передаетъ его словами: «великокняжескіе подданные». Но вѣдь и намѣстники были подданными великаго князя!... — Когда Иванъ Васильевичъ стоялъ подъ Новгородомъ, его воеводы воевали Заволочье, ходили за Яму до моря, въ Нѣмецкую землю — за Ругодивъ (Нарву), подъ которымъ разбили нѣмцевъ и много чуди привели въ Москву (П. С. Р. Л. IV, 261; V, 37, 220).

425) См. А. Спицына: «Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Вятскомъ краѣ». Вятка, 1883. Здѣсь, между прочимъ, есть указанія на печатный матеріалъ для исторіи Вятки и указаны извѣстные списки «Повѣсти о странѣ Вятской», почему эта брошюрка и цитируется здѣсь.

426) По нѣкоторымъ извѣстіямъ (Временн. II, 141) Ибрагимъ самъ напалъ на Вятку, хотя и не взялъ ея; въ Никон. (VI, 105) прибавлено, что ему поддались многіе города, а Архангел. лѣт. говоритъ, что Ибрагимъ хотѣлъ идти и на Устюгъ, но разливъ рѣки, какой-то Моломы, задержалъ его.

и тѣ съ такой поспѣшностью пустились въ обратный путь, что побросали даже котлы съ готовившимся въ нихъ кушаньемъ. Великій князь не хотѣлъ оставить этой дерзости безнаказанной и въ томъ же году двинулъ на Казань многочисленную рать подъ начальствомъ воеводъ, Василія Образца (судовая рать) и Бориса Слѣпца (онъ же Тютчевъ). Рать прибыла къ Казани въ маѣ мѣсяцѣ, и воеводы начали готовиться къ приступу,—но сильная буря съ дождемъ заставила ихъ отодвинуться къ Волгѣ. Между тѣмъ вятчане и устюжане пустошили берега Камы и забирали жителей въ полонъ. Ибрагимъ вынужденъ былъ бить челомъ великому князю и заключить съ нимъ миръ на всей волѣ его [427]).

Года черезъ два послѣ того, большую тревогу произвело въ Москвѣ извѣстіе о походѣ хана Золотой орды на великаго князя. — Мы видѣли, что послѣ перваго нашествія Ахмата (въ **1472 г.**) между Москвой и ордой состоялось нѣчто похожее на заключеніе мира: мы говорили, что въ **1474 г.** съ Никифоромъ Басенкомъ приходилъ изъ орды въ Москву Ахматовъ посолъ Каракучукъ, а въ **1476 г.** приходилъ другой посолъ, Бочука, съ свитой въ 50 человѣкъ; съ нимъ было до 550 гостей съ конями и разнымъ товаромъ [428]). Съ этимъ посломъ великій князь отправилъ въ орду своего посла, Бестужева, но что ему поручено было, не знаемъ. Все это указываетъ на мирныя отношенія между Москвой и ордой, — но къ **1480 г.** эти мирныя отношенія рушились. Какія же были причины этого? По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мало, впрочемъ, вѣроятнымъ, ханъ прислалъ въ Москву пословъ съ требованіемъ дани; великій князь, въ отвѣтъ на это требованіе, взялъ *басму* (изображеніе хана въ видѣ куклы, а по другимъ — нѣчто въ родѣ портрета) или, какъ выражается Казанская лѣтопись, «пріемь Басму лица его и поплевавъ на ню», изломалъ ее, бросилъ на землю и растопталъ ногами; затѣмъ приказалъ убить пословъ кромѣ одного, которому наказалъ передать хану, что съ нимъ будетъ поступлено такъ же, какъ съ басмою и послами, если будетъ безпокоить его, великаго князя. Едва ли Иванъ Васильевичъ, вообще весьма осторожный, могъ такъ поступить, особенно въ виду того, что Ахматъ еще не такъ былъ слабъ, что самъ великій князь— это сейчасъ увидимъ — по приближеніи хана къ русской границѣ, какъ будто струсилъ и растерялся. Другіе болѣе достовѣрнымъ признаютъ иное извѣстіе, по которому Иванъ Васильевичъ рѣшился порвать узы слишкомъ двухъ-вѣковаго рабства подъ вліяніемъ Софіи, указывавшей ему на оскор-

---

427) П. С. Р. Л. VI, 220—221; VIII, 199; Ник. VI, 106. Тѣ же извѣстія и въ Типограф. лѣт. (Продолженіе Нест., изд. 1784) и въ Р. Времен.

428) Ibid. VIII, 183; Ник. VI, 69—70.

бительную зависимость отъ степныхъ варваровъ [429]). Но есть еще извѣстія, по которымъ Ахматъ двинулся на Москву по подстрекательству Казимира, и эти извѣстія, намъ кажется, должны считаться несомнѣнными. Не надобно забывать, что борьба Москвы съ Литовско-Польскимъ государствомъ особенно усилилась съ Ивана III, борьба на жизнь и на смерть: дѣло шло о томъ, какому изъ двухъ родственныхъ племенъ господствовать на сѣверо-востокѣ Европы!... Казимиру, какъ и всякому польско-литовскому государю, желательно было ослабить Москву и подчинить ее себѣ; но ему не удалось въ данное время отбить для себя Новгородъ отъ Москвы, и онъ старается поднять хана, чтобы одновременно напасть на Русь съ двухъ сторонъ. Ханъ согласился, и лѣтомъ **1480 г.** выступилъ въ походъ. Союзникамъ сулило успѣхъ и то обстоятельство, что великій князь былъ въ то время во враждѣ съ своими братьями, Андреемъ углицкимъ и Борисомъ волоцкимъ [430]). Заслышавъ о приближеніи Ахмата, Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Серпуховъ сына своего Ивана, брата Андрея меньшаго — въ его удѣлъ Тарусу, а прочихъ князей и воеводъ распредѣлилъ на разные пункты по берегу Оки, куда, по условію съ Казимиромъ, долженъ былъ идти ханъ. Но узнавши о такихъ распоряженіяхъ московскаго князя, ханъ направился къ литовской границѣ, намѣреваясь вторгнуться въ Московскую землю чрезъ р. Угру. Однако великій князь предупредилъ его: онъ приказалъ сыну и брату поспѣшить къ Калугѣ и стать на лѣвомъ берегу Угры, и тѣ прежде татаръ заняли перевозы и броды; самъ же великій князь, подчиняясь совѣтамъ нѣкоторыхъ приближенныхъ къ нему бояръ, приказавши сжечь городокъ Каширу, оставилъ войско на берегу Оки и съ кн. Ѳедоромъ Палецкимъ отправился обратно въ Москву, гдѣ находились «въ осадѣ»: мать его, инокиня Марѳа, кн. Михаилъ Андреевичъ верейскій, кн. Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, московскій намѣстникъ, съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ, — митрополитъ Геронтій и умный и энергичный владыка ростовскій Вассіанъ. Къ нимъ-то, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и поѣхалъ Иванъ Васильевичъ «на совѣтъ и думу». Изъ приближенныхъ великаго князя одни не совѣтовали ему стоять на границѣ, указывая на примѣръ отца его, попавшагося въ плѣнъ казанскимъ татарамъ въ суздальскомъ бою; совѣтовали, напротивъ, удалиться на сѣверъ, указывая на примѣръ Димитрія Донскаго, уда-

---

429) Соловьевъ: «Ист. Росс.» V, 106—107; Карамз. VI, 89—90. Конечно, что-нибудь подобное разсказу о *басмѣ* было; но чѣмъ же объяснить такую храбрость и послѣдовавшую затѣмъ трусость великаго князя? Храбрость эта не была ли слѣдствіемъ внушеній Софьи? Во всякомъ случаѣ это проявленіе храбрости и трусости можно объяснить развѣ только психически или даже патологически.

430) Подробности объ этой ссорѣ будутъ изложены нѣсколько ниже.

лившагося, при нашествіи Тамерлана, въ Кострому. На этомъ настаивали его любимцы — бояре, Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамонъ; другіе же, и преимущественно владыка Вассіанъ, настаивали на томъ, что великій князь долженъ находиться при войскѣ. Въ народѣ также слышался явный ропотъ на трусость Ивана Васильевича: такъ, когда великій князь пріѣхалъ (30-го сентября) съ Оки въ Москву на совѣтъ съ блюстителями послѣдней, — отдавъ приказаніе кн. Даніилу Холмскому, чтобы онъ, по первому требованію изъ Москвы, ѣхалъ туда съ великокняжескимъ сыномъ Иваномъ Ивановичемъ,— народъ, перебиравшійся въ столицу изъ окрестныхъ посадовъ и селеній въ осадное сидѣнье, явно выражалъ свой ропотъ на то, что великій князь предаетъ его татарамъ, что онъ разгнѣвалъ царя неплатежемъ дани, а теперь выдаетъ ему народъ свой. Вассіанъ прямо назвалъ Ивана «бѣгуномъ». «Дай семо вои въ руку мою, говорилъ владыка, коли азъ, старый, утулю лице противъ татаръ!» Поэтому, замѣчаетъ лѣтописецъ, великій князь жилъ не въ городѣ (Москвѣ), а въ Красномъ сельцѣ, «боядя гражанъ мысли злые — поиманія». Иванъ Васильевичъ послалъ къ сыну приказъ, чтобы онъ немедленно явился въ Москву, — но тотъ не хотѣлъ отъѣхать отъ войска.

Когда великій князь приказалъ Даніилу Холмскому силой взять молодаго князя и доставить въ Москву,—тотъ не рѣшился употребить насилія: онъ хотѣлъ подѣйствовать увѣщаніями. «Лучше здѣсь мнѣ умереть, чѣмъ ѣхать къ отцу», отвѣчалъ княжичъ на эти увѣщанія. Онъ, дѣйствительно, не лишнимъ былъ при войскѣ: такъ, вскорѣ ему удалось отбить татаръ отъ переправы черезъ Угру. — При томъ настроеніи массы и приближенныхъ къ великому князю лицъ, въ какомъ мы видѣли ихъ сейчасъ, Ивану Васильевичу неудобно было бездѣйствовать и скрываться въ Красномъ сельцѣ, а потому, готовясь отправиться къ войску, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Красномъ, онъ сдѣлалъ распоряженіе относительно защиты нѣкоторыхъ городовъ: приказалъ Поліевкту Бутурлину и Ивану Кикѣ перевести въ осаду: Дмитровцевъ — въ Переяславль, а московскіе отряды («московскихъ строевъ») — въ Дмитровъ. Тогда же охранители Москвы успѣли убѣдить Ивана Васильевича примириться съ братьями, чему, видимо, онъ и самъ былъ радъ. 3-го октября, принявъ благословеніе отъ митрополита, великій князь поѣхалъ къ войску, но съ небольшимъ отрядомъ остановился далеко отъ главнаго мѣста дѣйствія, въ Кременцѣ (на р. Лужѣ, въ 30 верстахъ отъ Медыни), а остальное войско отпустилъ на Угру... Между тѣмъ какъ сынъ и младшій братъ великаго князя, а также воеводы, успѣшно отбивали татаръ отъ берега рѣки, самъ Иванъ Васильевичъ не могъ дѣйствовать энергично, такъ какъ находился подъ вліяніемъ прибли-

женныхъ къ нему бояръ, «слушающи злыхъ человѣкъ сребролюбецъ, богатыхъ и брюхатыхъ, и предателей хрестьяньскыхъ, а поровниковъ бесерменьскыхъ». Подъ вліяніемъ этихъ предателей онъ попытался вступить въ переговоры съ ханомъ: отправилъ къ нему боярина Товаркова съ дарами и челобитьемъ, «прося жалованья, чтобы отступилъ прочь, а улусу бы своего не велѣлъ воевати». Ханъ даровъ не принялъ, сказавъ, что онъ пришелъ наказать своего улусника за то, что тотъ не ѣздитъ въ орду и уже девять лѣтъ не платитъ дани; къ этому царь прибавилъ, что если Иванъ самъ пріѣдетъ къ нему, то ему оказана будетъ милость. Но Иванъ Васильевичъ, опасаясь коварства, не поѣхалъ къ Ахмату. Тогда послѣдній требовалъ къ себѣ сына или брата, наконецъ — Никифора Басенка, бывшаго разъ въ ордѣ и понравившагося татарамъ за то, что онъ много давалъ даровъ. Ни того, ни другаго великій князь не исполнилъ. Между тѣмъ въ Москву дошли слухи о совѣтахъ «злыхъ бояръ» и сношеніяхъ великаго князя съ Ахматомъ. Тогда митрополитъ и троицкій игуменъ Паисій посылаютъ великому князю грамоты, въ которыхъ убѣждаютъ его постоять за христіанство; но особенно краснорѣчивое посланіе отправилъ къ нему владыка Вассіанъ. Эти посланія возъимѣли свою силу: великій князь рѣшился постоять за христіанство. Ахмату, котораго московскіе полки успѣшно отбивали отъ берега, оставалось только дѣлать угрозы: «Дасть Богъ зиму на васъ, говорилъ онъ, и рѣки всѣ станутъ, ино много дорогъ будетъ на Русь». Между тѣмъ въ Кременецъ пришли изъ Великихъ Лукъ братья великаго князя, который принялъ ихъ съ любовію и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, «во всю волю ихъ дался», т. е., надобно полагать, согласился на всѣ, предложенныя ими, условія примиренія. Силы великаго князя, такимъ образомъ, увеличивались (есть извѣстіе, что на Угрѣ были и тверскіе полки), но онъ дѣйствовалъ по-прежнему нерѣшительно и какъ будто боялся угрозъ хана. 29-го октября, когда Угра уже стала, онъ приказалъ сыну, брату Андрею меньшому и воеводамъ отступить къ Кременцу, откуда намѣревался отступить еще далѣе, къ Боровску, и тамъ дать битву татарамъ. Это распоряженіе привело въ ужасъ ратныхъ людей, и они, полагая, что татары перебрались черезъ Угру, въ безпорядкѣ бѣжали къ Кременцу. Кажется, въ это время великій князь распорядился, чтобы жена его съ казной отправилась на Бѣлоозеро, а потомъ, если Москва будетъ взята, далѣе — «къ морю-океану». Между тѣмъ Ахматъ, видя, что берегъ опустѣлъ, предположилъ, что непріятель готовитъ ему засаду, уступая берегъ и тѣмъ вызывая его на битву, и бѣжалъ самъ отъ Угры 11-го ноября. По пути отступленія (чрезъ Серенскъ, Мценскъ и пр.) онъ пустошилъ волости своего союзника, Казимира. Одинъ изъ сыновей Ахмата, Амуртоза, при

отступленіи забрался-было въ московскія волости. Великій князь послалъ на него всѣхъ троихъ братьевъ своихъ. Амуртоза, поймавъ одного русскаго, посредствомъ пытки хотѣлъ узнать отъ него что-то о великомъ князѣ. Когда тотъ сказалъ, что великій князь очень близко, Амуртоза немедленно бѣжалъ... Нѣкоторыя лѣтописи правдоподобнѣе передаютъ причину отступленія Ахмата отъ наступившей сильной стужи, между тѣмъ какъ «бяху татарове наги и босы, ободралися». Кромѣ того, отъ хана не укрылось, вѣроятно, и то, что силы великаго князя, по примиреніи съ братьями, увеличились, между тѣмъ какъ Казимиръ не являлся къ нему... Ахматъ, распустивши улановъ, самъ съ награбленной въ Литвѣ добычей ушелъ кочевать къ устьямъ Дона. Ханъ Шибанской или Тюменской орды (откуда произошли потомъ князья Тюменскіе), прельщенный этой добычей, погнался за Ахматомъ, напалъ на него сонпаго и собственноручно убилъ его (это было уже въ **1481 г.** въ началѣ января), о чемъ извѣстилъ великаго князя московскаго. Иванъ Васильевичъ, убѣдившись, что Ахматъ удалился въ свои улусы, возвратился въ Москву, «и возрадовашася и возвеселишася вси люди»... Но почему же къ Ахмату не явился на помощь Казимиръ?—Еще лѣтъ за восемь до нашествія Ахмата великій князь завелъ сношенія съ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ, чтобы пользоваться Крымской ордой въ борьбѣ съ Золотой ордой и Казимиромъ; и тотъ и другой часто пересылались посольствами: между ними завязалось нѣчто въ родѣ дружбы. Предъ нашествіемъ Ахмата между ними заключенъ былъ договоръ, по которому великій князь обязался за одно дѣйствовать съ нимъ противъ Ахмата, разъ выгонявшаго Менгли-Гирея изъ Крыма, а крымскій ханъ долженъ былъ за одно дѣйствовать съ великимъ княземъ противъ Казимира. По этому договору Менгли-Гирей, при нашествіи Ахмата, напалъ на Подолію и тѣмъ отвлекъ Казимира отъ его союзника. Не можемъ не привести здѣсь еще одного извѣстія, довольно правдоподобно указывающаго на причину удаленія Ахмата отъ Угры. Въ рукахъ Ивана Васильевича были два соперника Менгли-Гиреевыхъ, два брата его, Нордоулатъ и Айдаръ, бывшіе прежде въ Литвѣ, о которыхъ великій князь говорилъ своему другу, что держитъ ихъ у себя для того, чтобы не дать имъ способовъ вредить ему; на самомъ же дѣлѣ Иванъ Васильевичъ могъ пользоваться ими, какъ орудіемъ противъ Менгли-Гирея, если бы это понадобилось. Одного изъ этихъ братьевъ, Нордоулата, и звенигородскаго воеводу, кн. Василія Ноздроватаго, великій князь послалъ съ небольшимъ отрядомъ по Волгѣ на орду, гдѣ, какъ онъ узналъ, оставались только ханскія жены, дѣти и старики. Царевичъ и кн. Ноздроватый счастливо добрались до орды, взяли Батыевъ Юртъ, награбили много добычи и съ большимъ полономъ пошли назадъ; они могли бы

въ конецъ разорить орду, но Обуязъ, уланъ Нордоулата, сталъ представлять послѣднему, что орда—ихъ общая мать, что губить ее въ конецъ не слѣдуетъ, что она уже довольно наказана ими [431]). Такъ пало болѣе чѣмъ двухъ-вѣковое иго монгольское, пало въ силу такого, а не иного сцѣпленія обстоятельствъ, пало, можно сказать, роковымъ образомъ!..

Выше мы сказали, что новгородская вольность окончательно пала. Но могли ли новгородцы вдругъ порвать всякую связь съ прошлымъ, съ прежними своими убѣжденіями и легко помириться съ новымъ порядкомъ вещей, съ новымъ положеніемъ? Только съ наростаніемъ новыхъ поколѣній могло наступить спокойное отношеніе къ такому положенію, въ которое они поставлены были силою обстоятельствъ. Символъ ихъ вольности, вѣчевой колоколъ звонилъ уже въ Москвѣ съ прочими московскими колоколами и, конечно, собиралъ народъ, но не на вѣче. Однако память о вольности жила въ сердцахъ новгородцевъ и безъ этого звона. Новгородцы опять начинаютъ сноситься съ Казимиромъ, мечтая о возвратѣ утраченной вольности. Казимиръ, съ своей стороны, сильно желалъ если не уничтожить, то обезсилить Москву, и вотъ, онъ изыскиваетъ для того средства, прибѣгая за помощью къ хану и папѣ. Какъ видно, новгородцы надѣялись на успѣхъ, потому что возстановили прежнія формы правленія. Иванъ Васильевичъ тайно узналъ отъ своихъ приверженцевъ о сношеніяхъ новгородцевъ не только съ Казимиромъ, но и съ нѣмцами. Въ **1480 г.** октября 26-го, еще до нашествія Ахмата, великій князь, предупреждая противъ себя коалицію, отправился въ Новгородъ «миромъ», взявши съ собой только тысячу человѣкъ, — а между тѣмъ сыну своему онъ приказалъ собирать войска и поспѣшно идти за собой. Хотя для собиранія войскъ могъ быть выставленъ и резонный предлогъ, такъ какъ нѣмцы одолѣвали тогда Псковъ, — тѣмъ не менѣе по пути къ Новгороду всюду разставлены были заставы, чтобы до Новгорода не дошла вѣсть о формированіи большой рати. Но новгородцы прослышали объ этомъ, укрѣпили городъ и рѣшились не пускать къ себѣ великаго князя, который узналъ объ этомъ, будучи уже въ Бронницахъ. Здѣсь Иванъ Васильевичъ дождался полковъ своихъ и въ самомъ началѣ

---

431) П. С. Р. Л. IV, 153—154; V, 231—232; VI, 20—21, 223—235; VIII, 205—213; Ник. VI, 110 и сл.; Архангел. 187; Казанск. лѣт.; Карамз. V, 98 и прим.; С. М. Соловьевъ («Ист. Р.» V, 110) какъ будьто допускаетъ, что великій князь не исполнилъ требованій хана, во время переговоровъ съ нимъ Товаркова, вслѣдствіе посланія къ нему Вассіана; но посланіе Вассіана, какъ видно изъ нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописей (VI, 226; VIII, 208), состоялось именно вслѣдствіе сношеній великаго князя съ ханомъ. По извѣстіямъ Тверской лѣт. (стр. 498), на Угрѣ были и тверскіе полки подъ начальствомъ воеводъ, кн. Михаила Димитріевича Холмскаго (братъ извѣстнаго Даніила) и кн. Осипа Андреевича Дорогобужскаго. Странно, что всѣ другія лѣтописи молчатъ объ этомъ.

декабря подступилъ съ ними къ Новгороду, гдѣ было много приверженцевъ его, которые и начали перебѣгать къ нему. Вскорѣ новгородскій владыка прислалъ къ великому князю за опасной грамотой, — но послѣдній сказалъ, что онъ самъ опасъ для невинныхъ, и требовалъ, чтобы ему отворили ворота, — но послѣднія отворены были только послѣ продолжительной пальбы изъ орудій по городу; на встрѣчу великому князю вышли: владыка, посадникъ, тысяцкій, старосты пяти концевъ, бояре и множество народа; всѣ пали ницъ и просили прощенія. «Даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!» сказалъ великій князь и, по обычаю, пошелъ въ храмъ св. Софіи. Въ этотъ день было схвачено и пытано 50 человѣкъ главныхъ виновниковъ. Тогда же великій князь узналъ и объ участіи владыки въ новгородской смутѣ и о сношеніяхъ братьевъ своихъ съ новгородцами. 19-го января владыка былъ взятъ и 24-го того же мѣсяца отправленъ въ Москву и помѣщенъ въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ чрезъ шесть лѣтъ умеръ; казна его отписана была на великаго князя. Затѣмъ 100 главныхъ заговорщиковъ преданы были смертной казни и 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ отправлены въ Московскую землю и разселены по разнымъ городамъ [432]). Узнавши о прибытіи Ивана Васильевича въ Новгородъ, псковскій намѣстникъ, кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, и пять посадниковъ съ боярами отъ концовъ, отправились къ великому князю съ подаркомъ въ 65 рублей; декабря 25-го эти послы возвратились въ Псковъ, а 30-го прибыли туда послы великаго князя. Въ то же время нѣмцы изгономъ напали на Вышгородъ, многихъ изъ жителей побили и многихъ повели въ полонъ, а городъ зажгли. Это было въ самомъ началѣ января, а въ концѣ того же мѣсяца нѣмцы напали на Гдовъ и пожгли вокругъ него всѣ волости и посады, но города не взяли. Псковичи отправили въ Новгородъ гонца къ великому князю съ просьбой о помощи противъ нѣмцевъ. Иванъ Васильевичъ послалъ къ нимъ воеводу кн. Андрея Никитича Ногтева-Оболенскаго со многими силами, который съ успѣхомъ выходилъ на нѣмцевъ, но вскорѣ послѣ похода изъ-за чего-то разгнѣвался на псковичей и, только раздраживъ нѣмцевъ, со всѣми полками ушелъ въ Москву, не смотря на усердныя просьбы псковичей остаться у нихъ. По его отъѣздѣ нѣмцы смѣлѣе стали нападать и пустошить Псковскую землю; опять нападали на Изборскъ и близко подходили къ самому Пскову. Между тѣмъ Ноготь-Оболенскій прибылъ въ Москву съ побѣдными трофеями: онъ привезъ съ собой много добра «и головами чюди и чюдакъ и робятъ много множество безъ числа».

---

432) Ibid. III, 143, 183, 243; IV, 133—134, 152, 262—263; V, 38; VI, 19, 34, 221 (подъ 1479 г.); VIII, 203—204; Ник. VI, 109; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 44.

Великій князь, будучи еще въ Новгородѣ, получилъ извѣстіе отъ сына, что братья его, Борисъ волоцкій и Андрей углицкій, замышляютъ отступить отъ него. Братья еще давно были въ обидѣ на великаго князя за то, что по смерти бездѣтнаго Юрія Васильевича онъ взялъ удѣлъ его себѣ, ничего не давъ изъ него имъ. Еще тогда, т. е. въ **1474 г.**, могла возгорѣться вражда между братьями, если бы не вступилась въ дѣло мать, которая примирила сыновей. Тогда Иванъ Васильевичъ Борису далъ Вышгородъ, Андрею меньшому — Тарусу, а Андрею углицкому мать дала свой городокъ Романовъ [433]). Въ настоящее же время поводомъ къ ссорѣ послужило то обстоятельство, что великій князь, въ противность договорамъ, требовалъ отъ Бориса выдачи кн. Оболенскаго-Лыка, который, будучи лишенъ намѣстничества въ Великихъ Лукахъ за лихоимство, перешелъ отъ великаго князя къ Борису волоцкому [434]). При нашествіи Ахмата, какъ уже было замѣчено выше, братья примирились, и Андрей углицкій получилъ значительную часть удѣла, принадлежавшаго Юрію Васильевичу, именно Можайскъ, а Борису даны были села, принадлежавшія Василью Ярославичу серпуховскому [435]). Вскорѣ по уходѣ Ахмата великій князь заключилъ съ братьями договоры, о которыхъ подробно мы говорили въ своемъ мѣстѣ [436]).

Іюля 10-го **1481 г.** умеръ бездѣтный Андрей меньшой Васильевичъ. Кажется, этотъ князь, бывшій во время ссоры старшихъ братьевъ на сторонѣ великаго князя, видѣлъ, что какъ бы онъ ни распорядился своимъ удѣломъ, во всякомъ случаѣ послѣдній долженъ будетъ перейдти къ великому князю, а потому, для предупрежденія недоразумѣній и ссоръ между братьями, завѣщалъ свой удѣлъ старшему брату, тѣмъ болѣе, что въ разное время по разнымъ обстоятельствамъ и особенно по платежамъ ордынскаго выхода онъ задолжалъ Ивану Васильевичу, если вѣрно извѣстіе лѣтописей, 30,000 рублей—сумма громадная для того времени. Такимъ образомъ, къ великому князю переходили: Вологда, Кубена, Заозерье и пр.; дѣтямъ его отказаны были разныя драгоцѣнныя вещи, а Василію Ивано-

433) Ibid. IV, 262—263; V, 38; VI, 19, 34—35; VIII, 203—204. О прежней ссорѣ по поводу удѣла Юрьева см. VIII, 180.

434) Подробности см. подъ Борисомъ волоцкимъ и Андреемъ углицкимъ. — П. С. Р. Л. IV, 134, 152—153, 265; V, 39; VI, 19—20, 222 (подъ 1479 г.); VIII, 204; Ник. VI, 109—110; Акты, отн. къ ист. Зап. Росс. I, № 71. Карамз. (VI, 91), говоря объ этихъ событіяхъ, почему-то называетъ Андрея не углицкимъ, а суздальскимъ.

435) П. С. Р. Л. IV, 134, 154, 265; V, 40; VI, 21, 223 (подъ 1479 г.), 231—232; VIII, 205; Ник. VI, 112; Архангелог. 186—187.

436) С. г. г. и д. I, №№ 96, 97, 99, 106 и 110. Подробности см. подъ Борисомъ и Андреемъ Васильевичами.

вичу (будущему великому князю), кромѣ того, еще село Топинское. Что же касается братьевъ, Андрея углицкаго и Бориса волоцкаго, то первому онъ далъ село Раменейце, а второму—Ясеневское близь Москвы [437]).

Опасность со стороны московскаго князя грозила не только удѣльнымъ князьямъ Московской земли, бывшимъ въ полномъ подчиненіи Москвѣ, но и самостоятельнымъ великимъ княжествамъ, каковы Рязанское и Тверское. Рязанское княжество было въ такомъ положеніи, что представляло изъ себя, такъ сказать, только тѣнь самостоятельнаго княжества [438]), — но Иванъ Васильевичъ, по извѣстнымъ уже намъ отношеніямъ Москвы къ Рязани, не хотѣлъ трогать послѣдней, какъ бы предоставляя присоединеніе ея къ Москвѣ своему преемнику. Тверь была почти въ такомъ же положеніи. Хотя родственныя отношенія московскаго князя съ тверскимъ были и очень близки, тѣмъ не менѣе они не могли взять перевѣса надъ государственными соображеніями, надъ идеей объединенія Руси.

Еще въ годъ вступленія своего на престолъ Иванъ Васильевичъ заключилъ договоръ съ тверскимъ княземъ Михаиломъ Борисовичемъ; договоръ этотъ, можно сказать, ничѣмъ не отличается отъ прежнихъ подобныхъ договоровъ между Москвой и Тверью: оба князя за себя и за своихъ преемниковъ взаимно обязываются не принимать отъ татаръ: московскій — «домъ св. Спаса, отчину князей тверскихъ, Тверь и Кашинъ», тверскій — «отчину великаго князя московскаго, Москву и В. Новгородъ»; кромѣ того, тверскій князь обязывается не сноситься съ дѣтьми Шемяки, съ можайскимъ и боровскимъ князьями, бѣжавшими въ Литву, и ни съ которымъ великокняжескимъ братомъ, который «загрубитъ» великому князю; оба договаривающіеся обязываются также быть за-одинъ на татаръ, ляховъ, Литву и нѣмцевъ и, вообще, на всякаго общаго недруга, — не вступаться въ отчины тѣхъ князей, которые будутъ отъѣзжать отъ одного къ другому [439]). Изъ Москвы княжескихъ отъѣздовъ не было, — но изъ Твери въ Москву были: такъ, въ **1476 г.** въ Москву переѣхало много бояръ и дѣтей боярскихъ; потомъ въ **1485 г.**, когда уже готовъ былъ обнаружиться между Москвой и Тверью полный разладъ, къ великому князю московскому пріѣхали на службу: Андрей микулинскій, получившій Дмитровъ, и Осипъ дорогобужскій, которому данъ былъ Ярославль. Въ то же время много тверскихъ бояръ отъѣхало на московскую службу, «не терпяще обиды отъ него,

---

437) Ibid. № 112; П. С. Р. Л. IV, 154; V, 261; V, 21, 35, 232; VIII, 213; Ник. VI, 115. По однимъ лѣтописямъ Андрей Васильевичъ скончался 5-го, по другимъ — 10-го іюля, по третьимъ — просто *весной*.

438) См. начало княженія Ивана III.

439) С. г. г. и д. I, № 88—89.

великаго князя (Ивана III), о земляхъ», соприкасавшихся съ московскими: при порубежныхъ спорахъ великій князь московскій всегда старался оправить своихъ бояръ и обвинить, хотя бы и въ ущербъ справедливости, тверскихъ. Конечно, тверскіе бояре переходили къ московскому князю въ полной надеждѣ, что онъ будетъ блюсти ихъ земельные интересы, какъ блюлъ до сихъ поръ таковые же интересы природныхъ московскихъ бояръ [440]).

Послѣ только что упомянутаго договора (**1462 г.**) никакихъ непріязненныхъ столкновеній между Москвой и Тверью не было. Но вотъ, Новгородъ окончательно присоединенъ къ Москвѣ, и Тверь, такимъ образомъ, оказалась окруженною съ трехъ сторонъ владѣніями московскаго князя. Тверскій князь могъ, конечно, видѣть, къ чему стремится Иванъ Васильевичъ, могъ предвидѣть, что рано или поздно покушеніе со стороны Москвы будетъ и на Тверь. Ему необходимо было заручиться сильнымъ союзникомъ, а таковымъ могъ быть одинъ только великій князь литовскій и король польскій Казимиръ. Къ нему-то, въ **1483 г.**, и обратился тверскій князь и заключилъ съ нимъ договоръ, «поднимая, по словамъ лѣтописи, его (Казимира) войною на Ивана Васильевича», чѣмъ нарушалъ договоръ съ послѣднимъ. Чтобы этотъ договоръ тѣснѣе соединилъ договаривающихся, тверскій князь сватался къ внучкѣ Казимира [441]). Въ Москвѣ узнали объ этихъ сношеніяхъ, и Иванъ Васильевичъ сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Борисовичу «за его неисправленіе». Въ **1485 г.** московская порубежная рать, по приказу великаго князя, начала пустошить Тверскую землю. Изъ Литвы не приходила помощь, а одинъ тверскій князь не могъ бороться съ Москвой и потому послалъ къ Ивану Васильевичу епископа съ боярами «и доби ему челомъ на всей воли его». По заключенному послѣ того договору, тверскій князь считается по отношенію къ великому князю московскому и его старшему сыну младшимъ братомъ и приравнивается къ удѣльному князю Андрею Васильевичу, обязывается безъ думы и вѣдома великаго князя московскаго не ссылаться и не заключать договоровъ ни съ Казимиромъ и его дѣтьми, ни съ какимъ бы то ни было лицемъ, которое будетъ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ, а также не принимать къ себѣ и не сноситься съ дѣтьми князей: можайскаго, галицкаго и боровскаго; если литовскій князь пришлетъ къ нему съ чѣмъ-нибудь, то онъ обязанъ дать знать о томъ въ Москву; наконецъ, въ случаѣ, если

---

440) П. С. Р. Л. VI, 237; Ник. VI, 69.

441) Ак. Зап. Росс. I, 79. Нарбутъ (VIII, 234) говоритъ, будьто бы тверскій князь ѣздилъ въ Краковъ для личныхъ переговоровъ съ Казимиромъ и ссылается, между прочимъ, на «Сборникъ» Муханова № 35 (по ошибкѣ, вм. № 33), но этотъ документъ относится къ 1486 г. и находится также въ Ак. Зап. Р. подъ № 89.

тверскому князю надобно будетъ отправлять въ орду пословъ, то онъ долженъ это дѣлать по думѣ съ ними, великими князьями московскими. Михаилъ Борисовичъ торжественно передъ посломъ московскимъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Казимиру. Михаилу приходилось или покориться неизбѣжной участи — ждать, когда неминуемо Тверь поглощена будетъ Москвой, или сдѣлать еще попытку — опереться на Литву. Въ такомъ положеніи Михаилъ Борисовичъ началъ опять ссылаться съ великимъ княземъ литовскимъ. Но изъ Москвы зорко слѣдили за дѣйствіями тверскаго князя: тверскій гонецъ съ грамотой къ Казимиру схваченъ былъ москвичами. Иванъ Васильевичъ укорялъ тверскаго князя въ измѣнѣ, «велми поношая ему», какъ говоритъ лѣтопись. Перепуганный Михаилъ отправилъ въ Москву владыку Вассіана бить челомъ великому князю, но послѣдній не принялъ челобитья; другое посольство, во главѣ съ княземъ Михаиломъ Димитріевичемъ Холмскимъ, также не было принято великимъ княземъ. Иванъ Васильевичъ, приказавъ новгородскому намѣстнику идти со всѣми силами къ Твери, и самъ выступилъ въ походъ 21-го августа **1485 г.**: къ Твери онъ подошелъ 8-го сентября; 11-го сентября ночью Михаилъ бѣжалъ изъ города, а 12-го владыка Вассіанъ, князья, бояре и земскіе люди пріѣхали въ станъ великаго князя съ покорной головой. Сентября 15-го Иванъ Васильевичъ въѣхалъ въ Тверь и слушалъ обѣдню у св. Спаса. Многихъ князей и бояръ великій князь свелъ въ Москву «и у себя пожаловалъ, въ боярѣхъ учинилъ» и вотчины ихъ утвердилъ за ними своими грамотами, такъ что положеніе ихъ, какъ вотчинниковъ, становилось теперь болѣе прочнымъ. Тверь онъ отдалъ сыну своему Ивану, назначивъ намѣстникомъ въ нее боярина Василія Ѳедоровича Образца-Добрынскаго[442]). Впослѣдствіи (въ **1492 г.**) тверскія земли переписаны были «по-московскы въ сохи»[443]).

Но возвратимся нѣсколько назадъ, къ Пскову и Новгороду.

Мы видѣли, что въ **1480 г.**, когда Иванъ Васильевичъ былъ въ Новгородѣ, псковичи просили у него помощи противъ одолѣвавшихъ ихъ нѣмцевъ. Къ нимъ посланъ былъ тогда кн. Андрей Никитичъ Ногтевъ-Оболенскій, съ которымъ псковичи углублялись внутрь Ливоніи, сожгли на рѣкѣ Эмбахѣ г. Костеръ, въ которомъ взяли нѣсколько пушекъ; подступали къ Дерпту, осаждали его и возвратились домой съ богатою добычей. Но князь Оболенскій, по какому-то неудовольствію на псковичей, вскорѣ уѣхалъ въ

---

442) П. С. Р. Л. III, 143, 184; IV, 134—135, 155—156, 267; V, 43—45; VI, 22, 36, 236—237; VIII, 216; XV, 499 и сл.; Ник. VI, 120; С. г. г. и д. I, № 119—120.

443) Ibid. VIII, 223.

Москву съ своими полками, вслѣдствіе чего нѣмцы ободрились и начали дѣйствовать наступательно, а, между тѣмъ, псковскій намѣстникъ, Василій Шуйскій, не предпринималъ противъ нихъ ничего и только пьянствовалъ и грабилъ гражданъ. Августа 20-го нѣмцы подступили къ Пскову. Хотя войско ихъ состояло большею частью изъ неопытныхъ въ ратномъ дѣлѣ крестьянъ, — но громадность его привела псковичей въ ужасъ: многіе бѣжали, хотѣлъ бѣжать и кн. Шуйскій, но граждане удержали его; вели переговоры съ магистромъ о мирѣ, но напрасно; наконецъ, для ободренія себя, они обнесли вокругъ городскихъ стѣнъ одежду патрона своего, св. Довмонта, и дѣйствительно ободрились. Между тѣмъ нѣмцы на судахъ, вооруженныхъ пушками, подплыли къ берегу и пальбой хотѣли зажечь городъ: тогда псковичи дружно ударили на нихъ, смяли ихъ въ рѣку, въ которой многіе изъ нѣмцевъ потонули, а остальные ночью ушли отъ города. Псковичи ожидали новаго нападенія, а потому обратились за помощью не къ великому князю, который тогда готовился къ отпору Ахмата, а къ братьямъ его, бывшимъ съ нимъ въ ссорѣ и вышедшимъ изъ своихъ удѣловъ въ Новгородскую землю. Великій князь, счастливо отдѣлавшись отъ хана, узналъ о враждебныхъ дѣйствіяхъ ордена, и потому приказалъ своимъ новгородскимъ намѣстникамъ со всѣми новгородскими силами прибыть въ Псковъ къ 6-му января, а изъ Москвы послалъ туда воеводъ, кн. Ярослава Васильевича Оболенскаго и кн. Ивана Булгака, которые прибыли въ Псковъ 11-го февраля. Соединенныя силы тремя путями пошли въ Нѣмецкую землю, взяли города Тарвастъ и Вельядъ (Феллинъ?), вообще поплѣнили и пожгли нѣмецкую землю отъ Юрьева (Дерптъ) до Риги, а «Лотыголу и чухновъ.... овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша»; многіе изъ послѣднихъ бѣжали въ лѣса, но тамъ перемерзли, потому что зима въ этотъ годъ (**1481 г.**) была чрезвычайно сурова, а «снѣгъ человѣку въ пазуху». Успѣхомъ своимъ русскіе обязаны отчасти и безпечности божіихъ дворянъ, какъ лѣтописи называютъ рыцарей: не ожидая нападенія, «безъ страха и безъ боязни поганіи живяху, пива мнози варяху», замѣчаетъ лѣтописецъ. Въ **1482 г.** въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы съ челобитьемъ къ намѣстникамъ великаго князя и псковскимъ посадникамъ; здѣсь заключенъ былъ миръ на десять лѣтъ и договоръ скрѣпленъ крестнымъ цѣлованіемъ. Въ томъ же году, въ августѣ мѣсяцѣ, послы магистра просили у псковскаго князя Ярослава Васильевича и посадниковъ «пути къ Москвѣ», куда и ѣздили, но «не вѣмы, чего дѣля», говоритъ одна лѣтопись; кажется, однако, и тутъ дѣло шло о мирѣ; по крайней мѣрѣ, въ **1483 г.** великій князь посылалъ новгородскихъ бояръ подъ Ругодивъ (Нарва), гдѣ заключенъ былъ миръ съ нѣмцами на 20 лѣтъ. Есть еще извѣстіе, что послы великаго князя ѣздили къ ливонскому ма-

гистру въ Кесь (Венденъ), — но, говоритъ лѣтопись, «не вѣмы о чемъ» [444]). Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, прибывшій въ Псковъ въ качествѣ воеводы, кажется, тогда же остался въ немъ и намѣстникомъ; но положительныхъ извѣстій нѣтъ о томъ, когда именно онъ замѣнилъ собой Василія Шуйскаго, даннаго псковичамъ въ намѣстники въ то время, когда Иванъ Васильевичъ собирался окончательно свести счеты съ Новгородомъ. Псковичи жаловались на Шуйскаго, какъ человѣка грубаго и нетрезваго, который много чинилъ грубостей всей Псковской землѣ. Однако и при Ярославѣ не было спокойнѣе: въ **1483 г.** псковичи вдругъ возмутились, разрушили дворы у шести посадниковъ и др. лицъ, а въ **1484 г.** смерды отказались исполнять обычныя работы для города; троихъ изъ смердовъ посадили въ тюрьму. Причиной этихъ волненій были самовольныя дѣйствія Ярослава и посадниковъ: такъ, безъ вѣдома псковичей они написали и положили въ ларь новую грамоту; тогда псковичи написали «мертвую грамоту» на посадниковъ, т. е. объявили ихъ подлежащими смертной казни; одного изъ посадниковъ, дѣйствительно, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Само собою разумѣется, что въ Москвѣ это не могло понравиться, и вотъ, когда въ концѣ **1484 г.** прибыли изъ Пскова послы къ великому князю о томъ, чтобъ онъ держалъ отчину свою по старинѣ, Иванъ Васильевичъ съ гнѣвомъ приказалъ: смердовъ освободить, посадниковъ откликать и имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. Только въ такомъ случаѣ великій князь обѣщалъ принять ихъ челобитье. Когда послы на вѣчѣ объявили отвѣтъ государя, черные люди не повѣрили; отправили другихъ пословъ, которые возвратились съ такимъ же отвѣтомъ, — но и этимъ посламъ не повѣрили, подозрѣвая, что они такъ дѣйствуютъ по наущенію посадниковъ, сбѣжавшихъ въ Москву. Въ Москвѣ, дѣйствительно, проживали три псковскихъ посадника, которыхъ великій князь отпустилъ съ послѣднимъ посольствомъ (**1486 г.**), строго наказавъ псковичамъ, чтобъ они не смѣли «надъ ними шкоты (вреда) никоея же учинити». Въ Псковѣ поднялось волненіе: посадники, бояре и житьи хотѣли исполнить волю государя, а черные люди противились. Считая себя правыми и потому не боясь прогнѣвить великаго князя, эти послѣдніе отправили въ Москву двухъ гонцевъ изъ молодыхъ

---

444) Ibid. IV, 265—266; V, 41; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214—125; Ник. 17, 115—116, 118; Карамз. V, пр. 255 и текстъ къ нему. — Думаемъ, что подъ Вельядомъ здѣсь надобно разумѣть Феллинъ: если войска пустошили Ливонію отъ Юрьева до Риги, то на этомъ пути кромѣ Тарваста и есть только Феллинъ, которые слѣдуютъ одинъ за другимъ. Щекатовъ («Словарь геогр.» VI, 677) говоритъ, — конечно, не указывая на источникъ, изъ котораго заимствовалъ это свѣдѣніе, — что Феллинъ въ первый разъ взятъ былъ войсками Ивана III въ **1482 г.** 1-го марта, какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь.

(незначительныхъ) людей, чрезъ которыхъ они хотѣли сказать великому князю, что учинятъ съ смердами и посадниками такъ, какъ онъ укажетъ, а потомъ пришлютъ большихъ пословъ съ челобитьемъ. Но эти гонцы убиты были разбойниками въ Тверской землѣ. Въ **1485 г.** псковичи отправили въ Москву посадниковъ и бояръ съ челобитьемъ; но великій князь на ихъ челобитье «съ великою опалкою» сказалъ: «ежели вынете изъ ларя грамоту мертвую, что на посадниковъ записали и ту грамоту пришлете ко мнѣ, и смердовъ отпустите и животы ихъ отпечатаете, то я хочу васъ жаловать, какъ пригоже, ежели вы намъ добьете челомъ». На этотъ разъ псковичи въ точности исполнили приказаніе великаго князя. Это было уже въ **1486 г.** Вскорѣ потомъ кн. Ярославъ Васильевичъ, посадники и бояре отправились въ Москву къ великому князю съ подаркомъ въ 150 рублей и съ челобитьемъ «о своей проступкѣ, что били смердовъ». Великій князь пожаловалъ псковичей, «нелюбку» отдалъ и приказалъ «по всей старинѣ жити». Но замѣшательства во Псковѣ съ этимъ не кончились еще. Одному попу случилось читать у наровскихъ смердовъ грамоты, и въ числѣ послѣднихъ ему попалась та, по которой смерды «изъ вѣковъ вѣчныхъ» обязаны были давать дань князю и Пскову и исполнять урочныя работы. Псковичи ничего не знали объ этой грамотѣ, а смерды утаили ее, почему и не исполняли урочныхъ работъ, — великому же князю они представили дѣло не въ истинномъ свѣтѣ, истину извратили. Одинъ смердъ вырвалъ эту грамоту у попа и скрылъ ее, а псковичи схватили того смерда и посадили подъ стражу. Вслѣдствіе этого начались волненія, жалобы на намѣстниковъ кн. Ярослава (сидѣвшихъ по пригородамъ) и даже на него самого. Посадники и весь Псковъ, собравъ свѣдѣнія объ обидахъ, причиненныхъ княземъ и его намѣстниками, написали «грамоты многы обидныа» и отправили съ ними въ Москву пословъ изъ посадниковъ и бояръ, которые сообщили великому князю и о смердѣ, скрывшемъ грамоту, прибавивъ, что этотъ смердъ и теперь у нихъ «на крѣпости». Великій князь, «ярымъ окомъ възрѣвъ», сказалъ посламъ: «Давно ли язъ вамъ о смердахъ вины отдахъ? и нынѣ на то же наступаете!» Иванъ Васильевичъ не принялъ ни одной жалобы на Ярослава, сказавъ, что по этому дѣлу онъ пришлетъ въ Псковъ своихъ бояръ. Послы возвратились домой съ этимъ отвѣтомъ 8-го іюля[445]).

Что касается Новгорода, то надобно замѣтить, что испытанія для него еще не кончились. Говоря выше о дѣлахъ новгородскихъ, мы остановились на извѣстіяхъ о взятіи владыки Ѳеофила въ Москву и заключеніи его въ

---

445) Ibid. IV, 265—267; V, 41, 43, 45; VI, 22, 35—36, 234; VIII, 214 (въ двухъ послѣднихъ подъ 1482 годомъ).

Чудовомъ монастырѣ. Въ **1483 г.** владыка отказался отъ новгородской каѳедры, почему и освобожденъ былъ изъ заключенія, но по приказу великаго князя все-таки долженъ былъ оставаться въ томъ же монастырѣ, гдѣ вскорѣ и скончался (**1485 г.**). На его мѣсто въ томъ же **1483 г.**, по старинному новгородскому обычаю, избранъ былъ посредствомъ жребія Сергій, старецъ Троицкаго монастыря, и рукоположенъ въ архіепископы сентября 4-го. Въ Новгородѣ, по-видимому, еще продолжалась оставшаяся отъ недавно порушенной старины борьба двухъ партій, — по крайней мѣрѣ, только этимъ и можно объяснить нѣкоторыя явленія въ жизни Новгорода, случившіяся по избраніи новаго владыки. Въ **1484 г.** до великаго князя дошелъ оговоръ однихъ новгородцевъ на другихъ: одни другихъ оговаривали въ сношеніяхъ съ польскимъ королемъ. Великій князь послалъ въ Новгородъ схватить оговоренныхъ человѣкъ до тридцати, большихъ и житьихъ людей, и дворы ихъ разграбить. Въ Москвѣ пытали ихъ, но они ни въ чемъ не сознавались, а когда должны были идти на висѣлицу, то просили другъ у друга прощенія въ томъ, что при пыткахъ невольно клепали одинъ на другаго. Узнавши объ этомъ послѣднемъ, великій князь приказалъ заковать ихъ и посадить въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время схвачены и ограблены были и нѣкоторые другіе изъ новгородскихъ гражданъ, извѣстные по прежнимъ своимъ сношеніямъ съ Литвой. Въ томъ же году и новопоставленный владыка Сергій долженъ былъ оставить новгородскую каѳедру. Мѣстные лѣтописцы говорятъ о притѣсненіи имъ игуменовъ и священниковъ и вообще о высокомѣріи его, какъ пріѣхавшаго изъ Москвы къ плѣненнымъ и угнетеннымъ гражданамъ и т. п.; другіе говорятъ, что новгородцы не хотѣли покоряться ему, потому что «не по ихъ онъ мысли ходитъ»; какъ москвичъ, Сергій, конечно, не могъ сочувствовать тайнымъ стремленіямъ новгородцевъ; по третьимъ, наконецъ, извѣстіямъ, Сергій хотѣлъ открыть и посмотрѣть мощи архіепископа Моисея, строителя Архангельскаго монастыря на Сковородкѣ: когда священникъ, которому Сергій приказывалъ открыть гробницу, замѣтилъ, что открывать святителя подобаетъ только святителю же, первый съ гордостію сказалъ: «кого сего смердовича и смотрити!» Съ тѣхъ поръ «приде на него (т. е. на Сергія) изумленіе»: онъ сдѣлался какъ бы помѣшаннымъ, и его, какъ больнаго, отвезли въ Троицкій Сергіевъ монастырь. Какъ бы то ни было, а на мѣсто Сергія избранъ былъ и 9-го декабря того же **1484 г.** поставленъ Чудовскій архимандритъ Геннадій [446]). Вѣроятно, чтобы изгладить изъ

446) Ibid. III, 243; IV, 155; V, 41; VI, 36, 235—236; VIII, 214—215; Карамз. VI, пр. 198—199. Въ Воскр. (VIII, 215) и Никон. лѣт. (VI, 118) подъ тѣмъ же 1484 годомъ разсказывается то же самое, но нѣсколько иначе: зимой великій князь «поималъ» большихъ бояръ

памяти новгородцевъ всякія воспоминанія о прежней вольности и сдѣлать населеніе Новгорода болѣе устойчивымъ, крѣпкимъ Москвѣ, Иванъ Васильевичъ прибѣгнулъ къ мѣрѣ безсердечно крутой, но въ высшей степени дѣйствительной: онъ постепенно переводилъ болѣе видныхъ новгородцевъ въ Московскую землю, а на мѣсто ихъ переселялъ москвичей. Такъ, въ **1487 г.** онъ перевелъ изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ новгородскихъ гостей; въ **1488 г.** приказалъ привести въ Москву болѣе 7000 новгородскихъ житьихъ людей за то, что они хотѣли убить намѣстника, Якова Захарьевича; въ слѣдующемъ **1489 г.** болѣе тысячи бояръ, житьихъ людей и гостей перевелъ въ московскіе города: въ самую Москву, во Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и др., а на мѣсто ихъ послалъ изъ Москвы и другихъ городовъ многихъ лучшихъ московскихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ [447]).

Если въ Новгородѣ Иванъ Васильевичъ съумѣлъ, хотя и съ нѣкоторыми трудностями, побороть старыя традиціи пресловутой новгородской вольности,—съумѣлъ, можно сказать, въ корнѣ уничтожить все, чѣмъ жилъ и хвалился Господинъ Великій Новгородъ, то тѣмъ легче ему было справиться съ отпрыскомъ новгородской вольности, дѣтищемъ Новгорода—Вяткой, которая дышала тѣмъ же новгородскимъ духомъ. Мы видѣли, что еще Василій Дмитріевичъ присоединилъ Вятку къ своимъ владѣніямъ и что нѣкоторое время она принадлежала галицкимъ князьямъ, но по отдаленности еще сохраняла свое старое устройство. Василій Васильевичъ присоединилъ къ Москвѣ, между прочимъ, Галицкій удѣлъ,—но Вятка хотя и была частью этого послѣдняго, однако не хотѣла повиноваться Москвѣ. Походъ князя Ряполовскаго на Вятку былъ безуспѣшенъ, благодаря корыстолюбію воеводъ; другой походъ окончился покореніемъ Вятки. Но въ **1468 г.** въ Вятскую область вступили казанцы, и устрашенные жители, не крѣпко связанные съ Москвой, признали надъ собой власть царя Ибрагима [448]), почему въ слѣдующемъ **1469 г.** и отказались участвовать въ походѣ на Казань, между тѣмъ какъ участвовали въ походѣ на Новгородъ. Очевидно, вятчане, при отдаленности Москвы и близости Казани, болѣе боялись послѣдней и не хотѣли раздражать ея. Исторія **1469 г.** повтори-

---

новгородскихъ и боярынь, казны ихъ и села приказалъ отписать на себя, а имъ роздалъ помѣстья подъ Москвой; а нѣкоторыхъ бояръ-крамольниковъ приказалъ заключить въ тюрьмы по разнымъ городамъ... Въ Псковской второй (V, 42) ни о чемъ подобномъ не говорится; но подъ тѣмъ же годомъ, послѣ извѣстій о пріѣздѣ въ Новгородъ новопоставленнаго владыки Сергія и дѣлахъ литовскихъ, вставлено совершенно отдѣльное краткое извѣстіе о томъ, что весной великій князь прислалъ множество москвичей въ Новгородъ «съ всею ратною приправою», а потомъ другихъ своихъ людей прислалъ въ Ржевъ.

447) Ник. VI, 122—123; П. С. Р. Л. VI, 37; 238—239; VIII, 218—219.

448) П. С. Р. Л. VI, 188; VIII, 153.

лась и въ **1485 г.**: вятчане отступили отъ великаго князя во время похода московскихъ войскъ къ Казани, почему на Вятку и отправленъ былъ воевода Юрій Шестакъ-Кутузовъ. Но Кутузовъ примирился съ вятчанами и ушелъ обратно. Миръ, кажется, былъ не искренній: по крайней мѣрѣ, есть извѣстіе, что въ **1486 г.** вятчане нападали на Устюгъ; воеводой тогда былъ у нихъ какой-то Костя, который предводительствовалъ ими по неволѣ, почему въ удобный моментъ ушелъ отъ нихъ въ Осиповецъ, а отсюда — въ Москву. Для вразумленія вятчанъ митрополитъ два раза писалъ къ нимъ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ указывалъ на ихъ «грубости», на ихъ нехристіанскіе поступки и неисправленіе по отношенію къ великому князю; грозилъ закрытіемъ церквей, — ничто не помогало! Иванъ Васильевичъ, 11-го іюня **1489 г.**, когда Казань уже покорилась ему, отправилъ на вятчанъ 16-ти-тысячную рать, которою предводительствовали воеводы Даніилъ Щеня и Григорій Морозовъ. Въ половинѣ августа они подступили къ Хлынову. Вятчане, лучшіе люди, вышли къ воеводамъ съ челобитьемъ: просили не воевать Вятской земли, обѣщаясь покориться великому князю на всей его волѣ, давать ему дань и служить. Воеводы требовали отъ всѣхъ жителей присяги и выдачи головами главныхъ крамольниковъ: Аникіева, Лазарева и Богодайщикова; вятчане просили сроку подумать объ этомъ: два дня они думали, а на третій отказали въ выдачѣ помянутыхъ лицъ. Тогда воеводы начали готовиться къ приступу: приказали обнести городъ плетнями, плетни обмазать смолой и обложить березовой корой. Только послѣ этого вятчане надумали выдать крамольниковъ. Здѣсь для уничтоженія духа вольности и болѣе тѣснаго слитія этого края съ Москвою употреблены были тѣ же средства, какія употреблены и по отношенію къ Новгороду: отсюда вывели въ Московскую землю лучшихъ земскихъ людей и купцовъ съ ихъ семействами; земскихъ людей поселили въ Боровскѣ и Кременцѣ, а купцовъ — въ Дмитровѣ; остальныхъ жителей привели къ присягѣ; Аникіевъ и его товарищи были биты кнутомъ и повѣшены. Вмѣстѣ съ вятчанами въ Москву привезены были и арскіе князья (вотяцкіе), но великій князь пожаловалъ ихъ, отпустилъ ихъ въ ихъ землю, конечно, какъ уже подвластныхъ ему [449]).

---

449) Ibid. подъ 1485 годомъ: V, 44; VI, 237—238; подъ 1487-мъ: III, 144; IV, 135; VI, 36, 278; VIII, 217; Ник. VI, 123—124; Архангел. 195—198; Акты ист. I, № 97—98.—Арскъ и теперь есть въ Казанской губ. на р. Казанкѣ, въ 56 в. отъ губ. города. — То обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ о взятіи Казани говорится подъ 1485 г., въ другихъ—подъ 1487-мъ, объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что начало этого предпріятія вообще относится къ первому изъ указанныхъ годовъ, а окончаніе — къ послѣднему; лѣтописные же сводчики сочли за болѣе удобное разсказать все событіе: одни — подъ однимъ, другіе — подъ другимъ годомъ.

Дѣла вятскія по внѣшности находились или вытекали изъ отношеній Москвы къ Казани: мы видѣли сейчасъ, что ударъ со стороны Москвы палъ на Вятку, благодаря тому обстоятельству, что вятчане не хотѣли участвовать въ походѣ московскихъ воеводъ на Казань. Было уже говорено, что въ **1478 г.**, въ то время, когда Иванъ Васильевичъ раздѣлывался съ Новгородомъ, Ибрагимъ, обманутый ложнымъ слухомъ о пораженіи великаго князя, послалъ свои войска на Вятку, но вскорѣ долженъ былъ добить челомъ великому князю на всей его волѣ. Но это примиреніе со стороны Ибрагима было неискренне. По крайней мѣрѣ, въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что въ **1482 г.** Иванъ Васильевичъ самъ выступилъ въ походъ противъ Казани, и, конечно, не безъ причины. Онъ остановился во Владимірѣ, а впередъ послалъ войска, при которыхъ находился, между прочимъ, и Аристотель съ пушками. Эти войска остановились въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда Ибрагимъ прислалъ пословъ съ челобитьемъ. Тѣмъ и кончился этотъ походъ [450]).

Постоянно повторявшіяся вторженія въ Московскую землю и грабежи казанцевъ заставляли московское правительство изыскивать средства къ устраненію этихъ вторженій и грабежей и вообще стать твердой ногой на восточной окраинѣ, въ высшей степени важной въ торговомъ отношеніи. По этому дальновидные московскіе князья еще въ лицѣ первыхъ своихъ представителей, а также и мѣстные нижегородскіе, князья старались утвердиться въ низовьяхъ Оки, разширить тамъ свои владѣнія на счетъ Мордвы, для чего привлекали сюда русскій элементъ дарованіемъ разныхъ льготъ. Такъ, напримѣръ, Константинъ Васильевичъ нижегородскій «повелѣ рускимъ людямъ селиться по Окѣ, Волгѣ, Кудьмѣ (притокъ Волги) и на мордовскихъ жилищахъ, гдѣ кто похощетъ». Являлись, по этому, такіе люди, какъ Тарасъ Петровъ. Этотъ богатый нижегородскій купецъ купилъ у своего князя въ вотчину себѣ шесть селъ на р. Сундовакѣ (притокъ Волги съ пр. ст.) и населилъ ихъ разными татарскими полоняниками, которыхъ самъ же выкупалъ изъ плѣна [451]). Но эти средства, сами по себѣ цѣлесообразныя, медленно подвигали дѣло впередъ. Нужно было подчинить Казань, а для этого сначала необходимо было имѣть вліяніе на казанскія дѣла. При существованіи въ Казани сильной аристократіи, тамъ всегда много было партій, а слѣдовательно московскимъ князьямъ всегда можно было такъ или иначе вмѣшаться въ тамошнія дѣла. — Въ **1486 г.** Ибрагимъ скончался. Послѣ него осталось нѣсколько сыновей, изъ которыхъ старшій

450) Ibid. IV, 155; VI, 35, 233—234, 278; VIII, 213.

451) Нижегор. лѣт. с. 72 въ XVIII ч. Др. Росс. Вивліоѳ. изд. 2; Нижегор. губ. вѣд. 1847, № 4; П. Мельниковъ: «Очерки мордвы» стр. 502, въ «Русск. Вѣстн.» 1867, ч. 6.

Алегамъ былъ отъ первой жены, а слѣдующій за нимъ по старшинству, Магметъ-Аминь—отъ другой. Около этихъ сыновей образовалось по партіи, изъ которыхъ каждая, естественно, желала видѣть на Казанскомъ царствѣ своего представителя. Партія Алегама была сильнѣе: его поддерживали ногаи, и онъ занялъ престолъ отца, что не по душѣ было Ивану Васильевичу. Тогда Магметъ-Аминь, руководимый своей партіей, уѣхалъ въ Москву къ великому князю, назвалъ его своимъ отцемъ и просилъ помощи въ борьбѣ его съ Алегамомъ. Надобно замѣтить, что мать Магметъ-Аминя, Нурсалтанъ, по смерти Ибрагима сдѣлалась женой Менгли-Гирея, крымскаго хана, друга и вѣрнаго союзника Ивана Васильевича. Разумѣется, что вдругъ не возможно было ничего предпринять въ пользу Магметъ-Аминя, и великій князь ограничился пока только тѣмъ, что далъ ему въ помѣстье городъ Каширу. Впрочемъ, Ивану Васильевичу не пришлось долго ждать повода ко вмѣшательству въ дѣла казанскія: въ **1485 г.** казанскіе вельможи, сторонники Магметъ-Аминя, извѣщали великаго князя, что они «воюютъ» съ своимъ царемъ, который, зазвавъ ихъ къ себѣ на пиръ, хотѣлъ всѣхъ ихъ перерѣзать, вслѣдствіе чего они и убѣжали «въ поле». При этомъ противники Алегама нѣсколько иначе объясняли отъѣздъ Магметъ-Аминя въ Москву, чѣмъ этотъ послѣдній: они говорили, что отпустили въ Москву царевича съ тѣмъ, чтобы онъ возвращенъ былъ къ нимъ въ случаѣ, если Алегамъ будетъ «съ ними чинить лихо». Впрочемъ, все тутъ приводилось и приходило къ одному знаменателю... Иванъ Васильевичъ отправилъ подъ Казань воеводъ своихъ, князей: Даніила Димитріевича Холмскаго, Александра Васильевича Оболенскаго, Семена Ивановича Ряполовскаго и Семена Ивановича изъ ярославскихъ князей; въ слѣдъ за ними отпущенъ былъ и Магметъ-Аминь. Къ этому ополченію должны были пристать и вятчане, но, какъ мы уже видѣли, они отказались, почему и послана была на Вятку сильная рать, которая окончательно заставила вятскій край покориться Москвѣ [452])... Алегамъ выступилъ противъ московскихъ воеводъ, бился съ ними, но долженъ былъ бѣжать и затвориться въ городѣ. Воеводы осадили Казань, но осада медленно вела къ цѣли, потому что оставшійся внѣ города князь Алгазый часто нападалъ на москвичей. Наконецъ его удалось оттѣснить за Каму, послѣ чего Алегамъ уже не могъ держаться въ Казани, выѣхалъ изъ города и отдался воеводамъ великаго князя. Это было въ іюлѣ **1487** года. Такимъ образомъ Иванъ Васильевичъ посадилъ на Казанскомъ царствѣ Магметъ-Аминя «изъ своей руки». Алегамъ съ женой сосланъ былъ въ Вологду, — остальные члены семьи — мать, братья и се-

---

452) См. текстъ къ прим. 448.

стры—въ Карголомъ, на Бѣлоозеро, а крамольные князья и уланы казнены въ Москвѣ [453]). Насколько подручничество Аминя Москвѣ выражалось практически и, такъ сказать, дипломатически, видно изъ оффиціальныхъ документовъ. Въ оффиціальныхъ бумагахъ царь казанскій и великій князь московскій называютъ другъ-друга братьями: «Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, *брату моему*, Магметъ-Аминь царь челомъ бьетъ»,—«Магметъ-Аминю царю, *брату моему*, князь великій Иванъ челомъ бьетъ»—такъ начинаются грамоты подручника и патрона. Но въ самомъ содержаніи бумагъ со стороны великаго князя встрѣчаются желанія, обращенныя къ Магмету, которыя выражены въ тонѣ повелительномъ. Такимъ образомъ, вліяніе Москвы, хотя и не надолго, но утвердилось въ Казани. Кажется, ногайская партія въ Казани была очень сильна: юный казанскій царь просилъ въ Москвѣ позволенія жениться на дочери ногайскаго хана. Тутъ ужъ очень ярко проглядываетъ подручничество казанскаго царя великому князю московскому. Это подручничество и вліяніе Москвы еще рельефнѣе выражаются въ томъ, что въ Казани является русскій представитель, Ѳедоръ Киселевъ, который собираетъ съ подданныхъ Аминя пошлины въ казну московскаго князя. Пошлины по преимуществу взимались натурою: конями, овцами, различными мѣхами, медомъ и т. п. При этомъ сборщикъ, естественно, могъ брать и лишнее, на что бывали даже и жалобы: такъ, Магметъ-Аминь жаловался однажды великому князю на Киселева, что этотъ послѣдній взялъ въ Цивильскѣ съ одного тамошняго жителя лишнихъ три кади меду, коня, корову и пр. [454]).

Въ свое время мы еще вернемся къ дѣламъ казанскимъ, а теперь обратимся къ дѣламъ болѣе семейнаго характера, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно важнымъ и въ государственномъ отношеніи въ смыслѣ объединенія сѣверо-восточной Руси, въ смыслѣ централизаціи власти.

Дѣйствуя медленно и осторожно въ дѣлахъ внѣшней политики, Иванъ Васильевичъ держался той же тактики и въ политикѣ внутренней, хотя порой, по обстоятельствамъ, допускалъ и болѣе рѣшительныя мѣры. Мы уже видѣли, какъ онъ воспользовался достояніемъ брата своего Юрія, какъ перешелъ къ нему удѣлъ младшаго брата, Андрея меньшаго. Если онъ такъ дѣйствовалъ по отношенію къ роднымъ братьямъ, то тѣмъ болѣе не могъ иначе дѣйствовать къ болѣе дальнимъ родственникамъ. Изъ послѣднихъ оставался только двоюродный дядя его, Михаилъ Андреевичъ верейскій, о которомъ и будемъ теперь говорить.

---

453) П. С. Р. Л. IV, 135, 156; VI, 237; VIII, 217; Ник. VI, 121—122; Архангел. 193.
454) Карамз. VI, пр. 310; Солов. V, пр. 101.

Еще въ началѣ своего княженія (въ **1463 г.**) Иванъ Васильевичъ заключилъ съ Михаиломъ Андреевичемъ договоръ, выгодный для обѣихъ сторонъ. Но уже въ **1465 г.** потребовалось заключить новый договоръ, по которому—вѣроятно, вслѣдствіе давленія со стороны великаго князя — верейскій князь уступалъ своему двоюродному племяннику пожалованіе в. кн. Василія Васильевича—Вышгородъ «съ волостьми, путьми и селы». Что въ данномъ случаѣ великій князь до нѣкоторой степени вынуждалъ дядю на уступку Вышгорода, объ этомъ говоритъ уже то одно обстоятельство, что Иванъ Васильевичъ старается показать въ договорѣ, что Михаилъ Андреевичъ дѣйствуетъ по собственнымъ побужденіямъ или по собственному почину: «ты, мой брате,—говорится въ договорѣ—тое моее отчины *отступился мнѣ самъ* со всѣмъ съ тѣмъ, какъ тя былъ пожаловалъ отецъ мой, князь великій, да и язъ, князь велики». Этого еще мало было для Ивана Васильевича: въ томъ же году заключенъ былъ новый договоръ, по которому Михаилъ Андреевичъ долженъ былъ считаться моложе всѣхъ братьевъ и сыновей великаго князя. Ивану Васильевичу, какъ видно, хотѣлось такъ или иначе присоединить Верейскій удѣлъ къ Москвѣ. Въ **1482 г.** апрѣля 4-го между ними заключенъ былъ договоръ, по которому Иванъ Васильевичъ, по смерти верейскаго князя, получаетъ въ свое владѣніе Бѣлоозеро съ волостями, принадлежавшее Михаилу Андреевичу [455]). Послѣдній безропотно покорялся горькой участи, а великій князь выжидалъ только случая, чтобы окончательно порѣшить съ Верейскимъ удѣломъ, и случай такой скоро представился. Въ октябрѣ **1485 г.** Елена Степановна, дочь молдавскаго господаря, вступившая въ бракъ съ сыномъ великаго князя Иваномъ Ивановичемъ въ **1482 г.** [456]), родила сына Димитрія. По этому случаю Иванъ Васильевичъ хотѣлъ подарить своей невѣсткѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ драгоцѣнныхъ вещей, которыя принадлежали первой женѣ его, Маріи тверской. Но эти вещи отданы были Софьей Ѳоминичной въ приданое племянницѣ ея Маріи, греческой царевнѣ, вышедшей въ **1480 г.** за сына Михаила Андреевича, Василія. Иванъ Васильевичъ въ гнѣвѣ приказалъ отобрать у послѣдняго все приданое первой жены своей и даже «хотѣлъ его (Василія Михайловича) и со княгинею поимати». Но молодая чета бѣжала въ Литву. У великаго князя теперь былъ благовидный предлогъ еще сильнѣе налечь на верейскаго князя: за вину его сына онъ отобралъ у Михаила Андреевича отчину его: Ярославецъ, Бѣлоозеро и Верею, но потомъ возвратилъ ихъ ему въ пожизненное владѣніе, обязавъ Михаила новымъ

455) С. г. г. и д. I, №№ 90—93, 113 и 114.
456) П. С. Р. Л. IV, 134, 155; VI, 36, 234—235; VIII, 214.

договоромъ [457]), по которому весь Верейскій удѣлъ, по смерти Михаила, переходитъ къ великому князю. По этому же договору Михаилъ Андреевичъ обязывается не ссылаться съ своимъ сыномъ «никоторою хитростію». Вскорѣ, а именно въ **1485 г.**, несчастный старикъ скончался. Въ своей духовной грамотѣ онъ говоритъ, что отдаетъ «свою отчину господину и государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси» [458]).

Изъ родныхъ братьевъ своихъ Иванъ Васильевичъ въ особенности не долюбливалъ Андрея Васильевича углицкаго, можетъ быть, потому, что онъ, пользуясь особенною любовью матери, велъ себя самостоятельнѣе другихъ братьевъ по отношенію къ старшему брату. Мы уже видѣли, что мать проявляла особенное участіе къ этому Андрею. Но въ **1485 г.** іюля 4-го Марія Ярославна скончалась [459]), и послѣдняя связь, еще нѣсколько единившая братьевъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, порвалась. Въ слѣдующемъ **1486 г.**, по завоеваніи Твери, Иванъ Васильевичъ заключилъ новые договоры съ братьями; по этимъ договорамъ братья обязывались не вступаться въ удѣлы: Верейскій, Дмитровскій, Тверскій и въ Вологду, принадлежавшую Андрею Васильевичу меньшому, и не сноситься съ Литвой, съ измѣнникомъ Михаиломъ Борисовичемъ, бѣглымъ княземъ тверскимъ, съ Новгородомъ и Псковомъ [460]). Вообще, великій князь сталъ по отношенію къ братьямъ болѣе прежняго недовѣрчивъ. Андрей Васильевичъ могъ догадываться, что рано или поздно ему придется поплатиться своимъ удѣломъ, а можетъ быть и свободой, и потому долженъ былъ видѣть единственное спасеніе въ бѣгствѣ изъ Московской земли. Въ **1488 г.** бояринъ Андрея Васильевича Образецъ «скоромолви» своему князю, что Иванъ Васильевичъ хочетъ схватить его. Перепуганный Андрей хотѣлъ тайно бѣжать изъ Москвы, но одумавшись обратился къ кн. Ивану Юрьевичу Патрикѣеву съ просьбой узнать, зачѣмъ великій князь хочетъ схватить его. Иванъ Юрьевичъ хотя и въ большой силѣ былъ при дворѣ, но отказался отъ исполненія такого щекотливаго порученія. Тогда Андрей лично явился къ брату за объясненіемъ. Иванъ Васильевичъ «клятся ему небомъ и землею и Богомъ сильнымъ Творцемъ всея твари, что ни въ мысли у него того не бывало». По розыску оказалось, что великокняжескій боярскій сынъ, Мунтъ Татищевъ, «сплоха пришедъ пошутилъ» съ Образцомъ относительно его князя,

457) С. г. г. и д. I, № 118.

458) Ibid. № 121—122. Подробности см. въ біографіи Михаила Андреевича верейскаго, во II-мъ томѣ.

459) П. С. Р. Л. V, 44; VI, 36, 237; VIII, 215—216. По Ник. VI, 119 она умерла 24-го іюля.

460) С. г. г. и д. I, № 123 (20-го августа 1486 г.) и 125 (30-го ноября того же года).

а Образецъ, бывшій въ немилости у Андрея, желая подслужиться, передалъ послѣднему эту плохую шутку Татищева. Великій князь приказалъ предать Татищева торговой казни и вырѣзать языкъ, но митрополитъ «отпечалова его» [461]). Въ **1491 г.** въ маѣ мѣсяцѣ въ Москву пришла вѣсть, что ордынскіе цари, Сеидъ-Ахметъ и Шигъ-Ахметъ, идутъ на друга великаго князя, крымскаго хана Менгли-Гирея. Иванъ Васильевичъ послалъ на ордынцевъ воеводъ своихъ, кн. Петра Оболенскаго и кн. Ивана Оболенскаго же Репню, а также царевича Сатылгана (Салтагана), Нордоулатова сына, Менгли-Гиреева племянника; въ этотъ же походъ по приказанію великаго князя и казанскій царь Махметъ-Аминь долженъ былъ послать свое войско; князьямъ Борису и Андрею Васильевичамъ, братьямъ великаго князя, также приказано было послать своихъ воеводъ. Но Андрей углицкій не исполнилъ этого приказанія, и въ слѣдующемъ году 20-го сентября, когда онъ пріѣхалъ въ Москву и посѣтилъ великаго князя, послѣдній приказалъ схватить его и заключить въ Москвѣ на казенномъ дворѣ, а дѣтей его отправить въ заключеніе въ Переяславль [462]). Такимъ образомъ и Углицкій удѣлъ присоединенъ былъ къ Москвѣ.

Казимиръ, занятый дѣлами чешско-венгерскими на западѣ, гдѣ шла борьба между сыномъ его, Владиславомъ чешскимъ, и венгерскимъ королемъ Матвѣемъ, не могъ открыто дѣйствовать противъ Москвы, но не упускалъ удобнаго случая возбуждать противъ нея орду и Новгородъ. Мы видѣли, что при нашествіи Ахмата онъ долженъ былъ дѣйствовать противъ Москвы совмѣстно съ послѣднимъ, но отвлеченъ былъ въ сторону. Въ **1482 г.**, когда къ великому князю перебѣжалъ отъ Казимира кн. Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій, въ Москву пріѣзжалъ изъ Литвы одинъ панъ, чрезъ котораго митрополитъ извѣщалъ великаго князя, что у него, митрополита, польскій король отнялъ много вещей, которыя онъ везъ изъ Царяграда ему, великому князю. Но тогда Иванъ Васильевичъ, отпуская посланца-пана, котораго почему-то долго держалъ, сказалъ ему, что изъ-за этого не приходится воевать съ королемъ. Но въ томъ же году великій князь посылалъ въ Крымъ Михаила Кутузова, который долженъ былъ поднимать хана на Казимира. Вслѣдствіе этого посольства, въ **1484 г.**, «по слову вел. кн. Ивана Васильевича», Менгли-Гирей взялъ и сожегъ Кіевъ «за неисправленіе королевское, что приводилъ царя Ахмата... на великаго князя», взялъ большой полонъ и вообще «землю учини пусту Кіевскую».

---

461) П. С. Р. Л. VI, 238; VIII, 217—218; Ник. VI, 127.

462) Ibid. IV, 159—160; VI, 38—39; VIII, 223; Архангел. 200; Ник. VI, 129. Подробности см. подъ Андреемъ Васильевичемъ углицкимъ, во II-мъ томѣ.

Изъ награбленной добычи онъ прислалъ великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора. Есть извѣстіе, что въ томъ же году Казимиръ поставилъ въ Смоленскѣ заставу изъ 10,000 ратныхъ людей, вѣроятно, въ виду замѣтнаго тяготѣнія подручныхъ ему князей къ Москвѣ и вообще вслѣдствіе замѣтно угрожающаго положенія, какое принялъ по отношенію къ Литвѣ Иванъ Васильевичъ. Но великій князь самъ ничего не предпринималъ противъ Литвы, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, онъ могъ дѣйствовать противъ нея не только съ сѣвера, но и съ юга. Хотя опустошеніе Кіева и тамошней святыни и оскорбило москвичей, но Иванъ Васильевичъ, преслѣдуя политическія цѣли, чрезъ особаго посла благодарилъ хана, напоминая ему, что и онъ, съ своей стороны, старается сдѣлать ему угодное: такъ, онъ содержитъ, не безъ убытка для казны, братьевъ его, Нордоулата и Айдара, и готовъ помогать ему противъ Золотой орды. Вскорѣ дѣйствительно великому князю пришлось оказать помощь своему другу. Ханъ Муртоза, въ **1485 г.**, отъ жестокой стужи пришелъ изъ донскихъ степей къ Тавридѣ со своимъ улусомъ. Менгли-Гирей захватилъ его въ плѣнъ и разбилъ еще улусъ другаго ордынскаго князя, Темира. Но этотъ послѣдній на слѣдующее лѣто, въ рабочую пору, напалъ на Тавриду, освободилъ Муртозу, едва не захватилъ въ плѣнъ самого Менгли-Гирея и съ большою добычей ушелъ въ степи. Великій князь немедленно отправилъ войска на улусы Ахматовыхъ сыновей; крымскіе плѣнники, которыхъ отбили у нихъ московскіе воеводы, были отосланы къ Менгли-Гирею [463]).

Отношенія между московскимъ и литовскимъ государствами находятся въ связи съ ихъ отношеніями къ татарамъ, особенно золотоордынскимъ и крымскимъ. Каждый изъ представителей помянутыхъ государствъ старался привлечь на свою сторону того или другаго хана и посредствомъ его дѣйствовать во вредъ своему противнику. Мы сейчасъ сказали, что Менгли-Гирей сжегъ, въ **1484 г.**, Кіевъ «по слову» великаго князя. Въ томъ же году въ Крымъ отправленъ былъ кн. Ноздроватый съ такимъ наказомъ: «беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не заключалъ мирнаго договора» (не канчивалъ). Такой же наказъ данъ былъ, въ **1486 г.**, другому послу, боярину Семену Борисовичу, съ прибавленіемъ, чтобы онъ, посолъ, если царь спроситъ о сношеніяхъ великаго князя съ королемъ, отвѣчалъ, что «послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ порубежныхъ, а гладкости никакой и мира господарю нашему великому князю съ королемъ нѣтъ». Затѣмъ посолъ долженъ былъ говорить хану, чтобъ онъ послалъ людей

463) Ibid. IV, 135, 155; V, 42; VI, 35, 233—234; VIII, 214—215; «Ист. Росс.» Соловьева, V, 129, пр. 156, 158; Карамз. VI, гл. 4.

своихъ на королеву землю, потому что онъ недругъ и ему, хану, и великому князю. А если Менгли-Гирей скажетъ, что онъ идетъ на короля,—а великій князь идетъ-ли? — то отвѣчать такъ: «Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля, — сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать государю моему, то онъ съ тобой одинъ человѣкъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ» и пр. [464]).

Поводы къ столкновеніямъ съ Литвой часто подавали мелкіе пограничные князья, находившіеся въ подручничествѣ или Москвы, или Литвы. Между этими князьями возникали споры большею частію изъ-за границъ земельныхъ владѣній, а иногда и просто бывали обоюдные набѣги съ цѣлью грабежа. Такъ, однажды посолъ Казимира жаловался, что подручные Москвѣ князья Одоевскіе нападаютъ на князей Мезецкихъ, Глинскихъ, Кроменскихъ, Мосальскихъ, что люди кн. Ивана Михайловича Воротынскаго, перешедшаго съ своею отчиною, въ **1490 г.**, отъ Казимира къ великому князю, нападаютъ на литовскія владѣнія, что король еще не выпустилъ его изъ присяги и записи. Послу отвѣчали, что Мезецкіе князья первые начали нападать, что Одоевскіе только мстили за нападеніе ихъ, что Воротынскій самъ билъ челомъ великому князю о принятіи его въ службу, что онъ сложилъ присягу передъ королемъ чрезъ своего человѣка, а потому въ Москвѣ не понимаютъ, какъ это король слугу великаго князя называетъ своимъ. Въ томъ же году на службу великаго князя перешли: кн. Димитрій Ѳеодоровичъ Воротынскій, кн. Иванъ Михайловичъ Перемышльскій и кн. Иванъ Бѣлевскій. Великій князь чрезъ посла Григорья Путятина извѣщалъ объ этихъ переходахъ Казимира, но послѣдній заявилъ, съ своей стороны, что не выпускаетъ изъ подданства ни князей Воротынскихъ, ни Бѣлевскаго князя,— указывалъ на то, что Димитрій Воротынскій перешелъ съ «дольницей» (долей, удѣломъ) брата своего, кн. Семена, всю казну послѣдняго взялъ себѣ, бояръ и слугъ его всѣхъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ на службу свою. Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ на это, что князья Одоевскіе и Воротынскіе, какъ то извѣстно было его предкамъ, великимъ князьямъ, да и литовскимъ великимъ князьямъ, служили на обѣ стороны съ отчинами, и теперь эти старые слуги пріѣхали служить къ нимъ, великимъ князьямъ, на Москву... Случалось и такъ, что одни изъ князей-родичей служили Москвѣ, другіе — Литвѣ, какъ было съ кн. Одоевскими. Одоевскіе князья — Семеновичи, служившіе Москвѣ, засѣли отчину Ѳедора Ивановича Одоев-

---

464) «Ист. Росс.» Соловьева V, 129—130, который ссылается на Крымскія дѣла. Подробности о сношеніяхъ Москвы съ татарами см. въ диссертаціи Г. Карпова: «Исторія борьбы Моск. госуд. съ Польско-Литовскимъ», 1462—1508, гл. III: «Степняки». (М. 1867); первоначально напечатана была въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Древн. Росс.».

скаго, схвативъ мать его, когда самъ онъ былъ въ отсутствіи. Король извѣщалъ объ этомъ великаго князя. Такая же исторія случилась и съ помянутыми сейчасъ князьями Бѣлевскими, Андреемъ и Иваномъ Васильевичами, изъ которыхъ послѣдній перешелъ на службу въ Москву, взявъ себѣ отчину брата Андрея, а третьяго брата, Семена, насильно заставилъ цѣловать крестъ на томъ, что онъ не будетъ служить королю. Относительно Одоевскихъ Иванъ Васильевичъ сказалъ, что у нихъ идетъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженьи по роду, по старѣйшинству, что на большомъ княженьи долженъ быть слуга его, великаго князя московскаго, Иванъ Семеновичъ,—а потому король велѣлъ бы урядиться Өедору съ братомъ, кому изъ нихъ пригоже быть на большомъ княженіи; въ противномъ случаѣ великій князь, для улаженія этого дѣла, пошлетъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана. Чѣмъ кончилось это дѣло — неизвѣстно [465]). Относительно Бѣльскаго, по лѣтописямъ, извѣстно слѣдующее: въ **1482 г.** въ Литвѣ былъ мятежъ: захотѣли отчичи Ольшанскій, Олельковичъ и Өедоръ Бѣльскій «отсѣсти отъ великаго князя Литовской земли по рѣку Березыню»; намѣреніе ихъ открылось, и король казнилъ Ольшанскаго и Олельковича, а Бѣльскій бѣжалъ въ Москву, не успѣвъ захватить жены своей, съ которой вѣнчался накапунѣ бѣгства. Она была схвачена и не смотря на то, что Иванъ Васильевичъ требовалъ ее, ея не отпустили. Бѣльскій получилъ отъ великаго князя г. Демонъ и Мореву [466]). Впослѣдствіи его постигло несчастіе. Есть извѣстіе, что король Казимиръ подослалъ въ Москву, какъ бы на службу къ великому князю, кн. Лукомскаго, котораго приводилъ къ крестному цѣлованію на томъ, чтобы великаго князя московскаго «убити, или окормити зеліемъ, да и зеліе свое съ нимъ послалъ, и то зеліе у него (Лукомскаго) выняли». Кн. Лукомскій и замѣшанный въ его дѣло латинскій толмачъ, полякъ Матіасъ, въ **1493 г.** были казнены вмѣстѣ съ братьями Селевиными, которые подверглись казни за переписку съ Александромъ Казимировичемъ. При разслѣдованіи этого дѣла кн. Лукомскій оговорилъ кн. Өедора Ивановича Бѣльскаго въ намѣреніи его бѣжать въ Литву. Справедливъ или не справедливъ былъ этотъ оговоръ, но Бѣльскаго сослали въ Галичъ [467])... Переходы князей изъ Литвы въ службу московскаго князя продолжались. Въ **1492 г.** перешелъ кн. Семенъ Өедоровичъ Воротынскій, о которомъ мы уже упоминали, «съ своими отчинами». Этотъ Семенъ Өедо-

---

465) П. С. Р. Л. VI, 37, 239; VIII, 219; по IV, 268 и VIII, 225 Воротынскій перешелъ въ 1492 г., а по IV, 161—въ 1493 г.; Ник. VI, 124—125; Соловьевъ: «Ист. Р.» V, 131—132 и прим.

466) Ibid. VI, 35, 233; VIII, 214; Ник. VI, 116—117.

467) Ibid. IV, 162; VIII, 225.

ровичъ, ѣдучи въ Москву, «засѣлъ на его (великаго князя) имя» Серпѣйскъ и Мещовскъ. Между тѣмъ 25-го іюня того же **1492 г.** скончался Казиміръ, и польскій престолъ занялъ старшій сынъ его Альбертъ, а литовскій — младшій, Александръ Казимировичъ. Августа 30-го великій князь отправилъ къ Менгли-Гирею Константина Заболоцкаго, съ совѣтомъ хану — воспользоваться благопріятнымъ временемъ и отмстить сыновьямъ Казиміра за козни отца, тѣмъ болѣе, что волжская орда кочевала далеко на востокѣ и не было, слѣдовательно, основаній опасаться нападенія ея на Крымъ. Другаго посла, Ивана Плещеева, великій князь отправилъ къ молдавскому воеводѣ Стефану, вѣроятно, съ такими же предложеніями. И съ московской стороны начались непріятельскія дѣйствія: кн. Ѳедоръ Телепня-Оболенскій разорилъ Мценскъ и Любутскъ; другіе воеводы взяли и сожгли Мосальскъ, плѣнивъ многихъ жителей, намѣстниковъ и князей; наконецъ, завоеваны были Хлепенъ и Рогачевъ. Александру Казимировичу, какъ видно, не подъ силу была борьба съ московскимъ княземъ: онъ желалъ мира. Въ **1493 г.** въ Москву прибыло посольство изъ Литвы, во главѣ съ паномъ Станиславомъ Глѣбовичемъ, который извѣщалъ великаго князя о смерти Казиміра и о занятіи литовскаго престола сыномъ его Александромъ, въ то же время онъ требовалъ удовлетворенія за разореніе Мценска и другихъ городовъ. Послу отвѣчали, что разореніе Мценска было только возмездіемъ за грабежи литовцевъ. На пиру у кн. Ивана Юрьевича Патрикѣева, уже довольно подпивши, Станиславъ Глѣбовичъ завелъ рѣчь о сватовствѣ, о бракѣ Александра Казиміровича и дочери великаго князя. Но такъ какъ онъ былъ нетрезвъ, то не получилъ никакого отвѣта. На слѣдующій день онъ заявилъ, что литовскіе сенаторы желаютъ этого брака; но что ему тайно приказано развѣдать, какъ смотритъ на это дѣло великій князь. Послу дали понять, что прежде, чѣмъ говорить о сватовствѣ, надобно достигнуть искренняго, вѣчнаго мира между обоими государствами.— Посолъ уѣхалъ, а враждебныя дѣйствія со стороны Москвы продолжались. Выше мы говорили уже, что Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, ѣдучи къ великому князю на службу, засѣлъ города Серпѣйскъ и Мещовскъ. Услышавъ объ этомъ, литовскіе воеводы отняли эти города обратно. Великій князь послалъ сильныя московскія и рязанскія рати, которыя взяли Серпѣйскъ и Опаковъ; Мещовскъ сдался. Жители этихъ городовъ приведены были къ крестному цѣлованію, а сидѣвшіе тамъ знатные литовцы и смольняне взяты въ плѣнъ, приведены въ Москву и разосланы по разнымъ городамъ въ заточеніе. Другіе воеводы посланы были подъ Вязьму, взяли этотъ городъ, а вяземскихъ князей и пановъ привезли въ Москву. Иванъ Васильевичъ князей пожаловалъ «ихъ же вотчиною Вязмою» и приказалъ

имъ служить ему, великому князю. Въ то же время къ великому князю на службу перешелъ кн. Михаилъ Романовичъ мезецкій, да «изымавъ приведе съ собою двy братовъ», кн. Семена и кн. Петра. Двухъ послѣднихъ великій князь послалъ въ заточеніе въ Ярославль, а Михаила пожаловалъ его же отчиною и приказалъ служить ему, великому князю [468]).

Но оставимъ на время Литву и хотя кратко укажемъ на другія стороны дѣятельности Ивана Васильевича, на другіе факты изъ его княженія, имѣвшіе мѣсто до и во время послѣднихъ столкновеній съ Литвой.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что княженіе Ивана Васильевича было въ высокой степени блестяще, и потому только при немъ западная Европа болѣе серьезное вниманіе обращаетъ на дикую Московію. Иванъ Васильевичъ мѣняется посольствами съ разными государствами, не только европейскими, но и восточными, азіятскими. Въ лѣтописяхъ и оффиціальныхъ документахъ за послѣдніе годы жизни Ивана Васильевича мы постоянно встрѣчаемся съ извѣстіями о прибытіи и отбытіи какихъ-нибудь иностранныхъ пословъ и о частыхъ московскихъ посольствахъ въ чужіе края. Для краткости скажемъ вообще, что эти посольства касались или просто одной вѣжливости, оказываемой сильному и славному своими дѣлами сосѣду, любви и дружбы, какъ тогда говорили, или практическихъ цѣлей, какъ договоры противъ какихъ-нибудь враговъ, которые имѣлись у договаривающихся лицъ, или, наконецъ, эти посольства, вмѣстѣ съ тѣмъ и другимъ, касались еще и чисто семейныхъ дѣлъ, какъ брачные союзы. Но московскій князь особенное вниманіе обращалъ еще на совершенное почти отсутствіе въ Московской землѣ такихъ людей, какъ разнаго рода ремесленники, мастера и художники, и съ цѣлію пріобрѣтенія такихъ людей часто отправлялъ пословъ въ западную Европу.

Въ **1486 г.** въ Москву пріѣзжалъ съ письмами отъ императора Фридриха рыцарь Поппель, но безъ всякаго особеннаго порученія, единственно изъ любопытства. Онъ принятъ былъ подозрительно: его считали шпіономъ Казимира. Однако, изъ Москвы онъ выбрался благополучно. Чрезъ два года онъ вновь явился въ Москву уже въ качествѣ посла отъ императора Фридриха и сына его, римскаго короля Максимиліана, съ грамотой (помѣченной 26-го декабря **1488 г.**) и принятъ былъ ласково. При первомъ свиданіи съ московскими боярами онъ говорилъ, между прочимъ, о томъ, что послѣ перваго путешествія своего въ Москву онъ разубѣдилъ своего императора и германскихъ князей въ заблужденіи, будьто великій князь московскій—данникъ Казимира, и убѣдилъ, напротивъ, въ томъ, что великій князь во всѣхъ

---

468) Ibid. II, 360, IV, 161—162, 268; VIII, 225—227; Карамз. VI, гл. 5.

отношеніяхъ сильнѣе Казиміра; передавалъ, что императоръ желаетъ быть союзникомъ великаго князя и предлагаетъ бракъ своего племянника Альбрехта, маркграфа баденскаго, съ одной изъ дочерей великаго князя, Еленой или Θеодосіей. Великій князь передалъ чрезъ дьяка Курицына, что по этому дѣлу посланъ будетъ посолъ къ императору. Далѣе Поппель говорилъ, чтобы великій князь запретилъ псковитянамъ вступаться въ земли ливонскихъ нѣмцевъ, состоящихъ подъ покровительствомъ императора. На это отвѣчали ему, что, владѣя собственными землями, псковичи въ чужія земли не вступаются. Передъ отъѣздомъ Поппель еще разъ былъ у великаго князя, который лично слушалъ его въ набережныхъ сѣняхъ. Посолъ, передавая слухъ, будьто великій князь требовалъ себѣ отъ папы королевскаго достоинства, говорилъ, что только императоръ можетъ это сдѣлать, и предлагалъ по этому дѣлу свои услуги, прося только сохранять все это въ тайнѣ, иначе ему плохо будетъ отъ короля польскаго, если онъ узнаетъ о томъ. Поппелю отвѣчали на это, что великій князь наслѣдовалъ власть свою отъ предковъ и поставленіе имѣетъ отъ Бога, а отъ иной власти ничего такого не хотѣлъ и не хочетъ... Иванъ Васильевичъ, въ свою очередь, отправилъ въ нѣмецкую землю посломъ грека Юрія Траханіота, которому поручилъ увѣрить императора въ искренней дружбѣ къ нему великаго князя и условиться о взаимныхъ дружественныхъ посольствахъ. Что касается сватовства, то Юрій долженъ былъ говорить, что предлагаемый бракъ не приличенъ для русскаго государя, брата древнихъ греческихъ царей, что великій князь можетъ выдать дочь развѣ за наслѣдника императора, сына его Максимиліана. Кромѣ того Юрію поручено было принимать въ русскую службу разныхъ художниковъ и мастеровъ. Съ этою послѣднею цѣлью еще въ **1488 г.** великій князь посылалъ грековъ Ралевыхъ въ Римъ, Венецію и Миланъ. Въ **1490 г.** Ралевы возвратились: они привезли съ собой изъ Венеціи лѣкаря, мистра Леона, родомъ жидовина, а также мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ и серебреныхъ. Леона, впрочемъ, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Москву, постигла горькая участь: поручившись великому князю головой своей въ томъ, что онъ вылѣчитъ занемогшаго ломотою въ ногахъ наслѣдника московскаго престола, Ивана Младаго, Леонъ не оправдалъ своего ручательства и чрезъ шесть недѣль по кончинѣ своего паціента всенародно казненъ. Еще прежде Леона, въ **1485 г.,** подобной же участи подвергся другой лѣкарь, нѣмецъ Антонъ, уморившій своими лѣкарствами великокняжескаго любимца, Даньярова сына. Этотъ Антонъ выданъ былъ родственникамъ умершаго, которые зарѣзали его подъ Москворѣцкимъ мостомъ, что навело страхъ и на другихъ иностранцевъ, какъ, напримѣръ, на Аристотеля, который хотѣлъ

уѣхать изъ Россіи, но Иванъ Васильевичъ разгнѣвался на это и приказалъ заключить его въ домѣ, хотя вскорѣ простилъ его.... Но возвратимся къ посольству Трахоніота. Онъ принятъ былъ императоромъ ласково и любезно и возвратился въ Москву 16-го іюля **1490 г.** вмѣстѣ съ посломъ отъ императора, Юріемъ Делаторомъ. Не задолго передъ тѣмъ скончался венгерскій король Матвѣй Корвинъ, врагъ Казимира, бывшій въ дружбѣ съ Иваномъ Васильевичемъ съ **1482 г.**; на его мѣсто венгерскіе паны хотѣли избрать Владислава чешскаго, Казимирова сына, между тѣмъ какъ Максимиліанъ, сынъ Фридриха, считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ Матвѣя. Переговоры о бракѣ дочери великаго князя съ Максимиліаномъ не привели ни къ чему, между прочимъ, по недостатку полномочій, данныхъ Делатору, за то заключенъ былъ договоръ (**1490 г.** августа 6-го) между императоромъ и великимъ княземъ, по которому договаривающіеся обязываются помогать другъ другу въ случаѣ непріязненныхъ столкновеній кого либо изъ нихъ съ королемъ польскимъ. Съ Делаторомъ отправлены были въ Нѣмецкую землю тотъ же Траханіотъ и дьякъ Кулешинъ для представленія и утвержденія крестнымъ цѣлованіемъ помянутаго выше договора со стороны Максимиліана. Наши послы возвратились въ Москву опять съ Делаторомъ, при которомъ великій князь также долженъ былъ утвердить договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. На этотъ разъ посолъ просилъ отъ имени императора, между прочимъ, не обижать Ливоніи и Швеціи и взять первую подъ свое покровительство, на что выражена была готовность великаго князя, но о Швеціи въ отвѣтѣ великаго князя не сказано было ни слова. Что касается брака, то относительно этого предмета вышло недоразумѣніе. До императора дошелъ слухъ, что въ предшествовавшее посольство посолъ его вмѣстѣ съ посломъ московскимъ на пути изъ Москвы въ Нѣмецкую землю потонули, а потому онъ не могъ знать, согласенъ или не согласенъ великій князь на бракъ. Между тѣмъ германскіе князья побуждали императора женить сына на бретанской княжнѣ, и императоръ уступилъ ихъ настойчивымъ требованіямъ. Но когда онъ узналъ, что послы живы, что бракъ могъ бы состояться, то огорчился и до послѣдняго времени жалѣетъ о столь знаменитой невѣстѣ. Великій князь удовлетворился этимъ объясненіемъ. Делаторъ выѣхалъ изъ Москвы 12-го апрѣля **1492 г.**, а 6-го мая великій князь вновь отправилъ въ Германію Траханіота и дьяка Михаила Яропкина, которымъ наказано было тайно разузнать о положеніи дѣлъ въ Венгріи и объ отношеніяхъ Максимиліана къ сосѣднимъ государствамъ, а также тайно разузнать и о бракѣ Максимиліана, и въ случаѣ возможности возобновить сватовство. Послы возвратились въ Москву въ іюлѣ **1493 г.**, но не видно,

чтобы это посольство имѣло какіе-нибудь практическіе результаты [469]). Въ то же время (**1490 — 1492 г.**) великій князь сносился съ сватомъ своимъ, господаремъ молдавскимъ (волошскимъ) Стефаномъ, на дочери котораго въ **1482 г.** женился наслѣдникъ московскаго престола, Иванъ Ивановичъ Младой. Предметомъ этихъ сношеній были, между прочимъ, дѣла польскія [470]). Въ **1491 г.** приходилъ, для заключенія союза съ великимъ княземъ, изъ Чагатайской орды посолъ, *богатырь* Урусъ, отъ господствовавшаго тамъ султана Гуссейна, правнука втораго Тамерланова сына Омара [471]). Въ слѣдующемъ **1492 г.** въ Москву прибыло другое восточное посольство изъ единовѣрной намъ Иверской земли (Грузіи) отъ тамошняго князя Александра—просить покровительства великаго князя (противъ Персіи). Называя себя холопомъ послѣдняго, князь Александръ въ чисто восточномъ вкусѣ дѣлаетъ такое обращеніе къ великому князю въ своемъ письмѣ: «Темнымъ еси свѣтъ зеленого неба, звѣзда еси, христіянская еси надежа, вѣры нашіе крѣпости всесвѣтлый Государь, всѣмъ еси государемъ прибѣжище, всѣмъ еси государемъ законъ, бѣднымъ еси подпора и бесерменомъ еси надѣя, законной земли грозный Государь, всѣмъ еси княземъ справедливая управа, всѣмъ княземъ вышній князь, земли еси тишина, обѣтникъ еси Николинъ» [472])…. Въ слѣдующемъ **1493 г.** Иванъ Васильевичъ самъ посылалъ пословъ, грека Мануила и Даніила Мамырева, въ Венецію и Миланъ. Эти послы возвратились въ **1494 г.** съ иностранными мастерами: стѣннымъ, палатнымъ, пушечнымъ и др. [473]). Въ маѣ того же **1493 г.** въ Москву прибыло посольство отъ Конрада, князя мазовецкаго, бывшаго тогда во враждебныхъ отношеніяхъ къ сыновьямъ Казимира. Эта вражда сама собой указывала на естественный союзъ Конрада съ княземъ московскимъ, къ которому онъ и прислалъ посла Ивана Подосю, варшавскаго намѣстника, сватать за него одну изъ дочерей великаго князя. Иванъ Васильевичъ хотя и находилъ этотъ бракъ выгоднымъ для своей политики, но не торопился съ нимъ, а хотѣлъ сначала заключить съ Конрадомъ договоръ о вспоможеніи, какое дастъ мазовецкій князь противъ Казимировичей, и о назначеніи для будущей супруги его вѣна: великій князь хотѣлъ, чтобы дочь его, по

---

469) Карамз. VI, гл. 5; П. С. Р. Л. IV, 157, 160; VI, 37, 39, 239—240; VIII, 218—219, 222—223.

470) П. С. Р. Л. IV, 157, 159—160; VI, 39, 240, 279; VIII, 219, 222, 224.

471) Ibid. IV, 158; VI, 38, 240, 279; VIII, 220. Карамзинъ (VI, пр. 367 и текстъ) относитъ это посольство почему-то къ 1489 г.—Орда эта называлась Чагатайской по имени втораго сына Чингисъ-хана, Чагатая или Джагатая; иначе она называлась Синей и занимала закаспійскія земли по р.р. Сыръ — и Аму-Дарьѣ.

472) Ibid. IV, 160; VI, 39, 240; VIII; 224; Карамз. VI, пр. 370.

473) Ibid. IV, 162, 164; VIII, 226, 228.

выходѣ за Конрада, имѣла въ собственномъ владѣніи нѣкоторые города и волости въ Мазовіи. Для заключенія этого договора Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Мазовію пословъ, но неизвѣстно, съ чѣмъ возвратились наши послы. Сношенія эти не имѣли никакихъ послѣдствій, вѣроятно, какъ справедливо предполагаетъ нашъ исторіографъ, отъ перемѣны обстоятельствъ[474]). Наконецъ, къ тому же **1493 г.** относится начало сношеній Москвы съ Даніей. Датскій король Иванъ находился въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ польскимъ королемъ Казимиромъ, а потому когда, въ **1492 г.,** московскіе послы къ германскому императору, Трахоніотъ и Ропкинъ, ѣхали чрезъ Данію въ Любекъ, они подверглись въ Даніи нѣкоторымъ непріятностямъ, что дѣлалось, конечно, въ угоду польскому королю. Но непріязненныя отношенія Даніи къ Швеціи, съ которой и великій князь московскій приходилъ въ частыя непріязненныя столкновенія, указали датскому королю на естественный союзъ его съ Москвой, — и вотъ, въ іюлѣ **1493 г.,** въ Москву прибылъ посолъ изъ Даніи «о братствѣ и любви»: договоръ былъ заключенъ. Въ томъ же году великій князь отправилъ въ Данію своихъ пословъ, Димитрія Ралева и дьяка Зайцева, которые «привели короля къ цѣлованію на докончальныхъ грамотахъ, и грамоты розняша»[475]).

Мы не говоримъ подробно о сношеніяхъ Ивана Васильевича съ Менгли-Гиреемъ, потому что одинъ только перечень посольствъ занялъ бы много мѣста: достаточно замѣтить, что союзъ и дружба ихъ направлены были противъ Литвы и Золотой орды. Другой союзникъ на югѣ былъ господарь молдавскій Стефанъ, съ которымъ великій князь часто сносился и даже, какъ мы видѣли, породнился. Но въ этихъ союзахъ, кромѣ политическихъ интересовъ, Иванъ Васильевичъ видѣлъ еще интересы торговые: москомскимъ купцамъ выгодно было вести торговлю въ Азовѣ и Кафѣ. Такъ какъ послѣдняя управлялась константинопольскими пашами, то великому князю невольно приходилось сдѣлать шагъ къ сближенію съ султаномъ. По торговымъ дѣламъ съ Кафой ему помогалъ Менгли-Гирей; но многаго онъ, какъ зависимый отъ султана, сдѣлать не могъ. Ивану Васильевичу нужно было выжидать такого случая къ сближенію съ главой правовѣрныхъ, отъ котораго не ронялось бы его достоинство. Такой случай представился. Паши султана въ Бѣлгородѣ имѣли однажды разговоръ съ великокняжескимъ дьякомъ Ѳедоромъ Курицинымъ и въ разговорѣ упомянули о желаніи султана жить въ дружбѣ съ великимъ княземъ; Иванъ Васильевичъ поручилъ Менгли-Гирею развѣдать объ этомъ дѣлѣ, и послѣдній получилъ отъ Бая-

474) Ibid. VIII, 226; Карамз. VI, гл. 5.
475) Ibid. IV, 162—163; VIII, 226—227; Карамз. VI, пр. 366.

зета II такой отвѣтъ: «ежели государь московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ»; затѣмъ представился самый удобный случай для Ивана Васильевича завязать сношенія съ султаномъ. Русскіе купцы перестали ѣздить въ Азовъ и Кафу, потому что имъ причиняли тамъ обиды; Кафинскій паша обвинялъ въ этомъ передъ султаномъ Менгли-Гирея, и послѣдній обратился къ Ивану Васильевичу съ просьбой оправдать его въ глазахъ Баязета: великій князь отправилъ къ султану письмо, въ которомъ обвинялъ въ насиліяхъ азовскихъ и кафинскихъ чиновниковъ его, почему русскимъ купцамъ и запрещено было имъ, великимъ княземъ, ѣздить во владѣнія султана; въ концѣ письма великій князь напоминалъ, что отецъ Баязета, Магометъ II, былъ государь великій и славный, что онъ хотѣлъ отправить пословъ съ дружескимъ привѣтствіемъ къ нему, великому князю, но, по волѣ Божіей, его намѣреніе не исполнилось... «Для чего же не быть тому нынѣ?» въ заключеніе спрашиваетъ великій князь и выражаетъ надежду на полученіе отъ султана отвѣта. Письмо это писано 31 августа **1492 г.** Другъ великаго князя, Менгли-Гирей, старался укрѣпить дружбу между Иваномъ Васильевичемъ и султаномъ. Но послѣдній долго медлилъ отвѣтомъ московскому князю. Въ **1497 г.,** когда великій князь узналъ, что къ нему посланъ былъ султаномъ посолъ, который по чему-то не доѣхалъ до Москвы, то самъ рѣшился отправить въ Константинополь посла, дьяка Михаила Андреевича Плещеева, который долженъ хлопотать передъ султаномъ о томъ, чтобы русскимъ купцамъ было безопасно и свободно торговать во владѣніяхъ султана. Менгли-Гирей снабдилъ Плещеева рекомендательными письмами и провожатыми. Наказъ, данный великимъ княземъ послу, исполненъ былъ въ точности, но грубо и шероховато, почему посольство это и имѣло не совсѣмъ благопріятные результаты. Такъ, Плещееву наказано было, чтобы онъ, изъявляя султану и сыну его Магмеду Шиходзѣ, кафинскому султану, дружбу великаго князя, для соблюденія достоинства этого послѣдняго, правилъ поклонъ стоя, а не на колѣняхъ, чтобы говорилъ единственно съ султаномъ, а не съ пашами и пр. Гордость московскаго посла удивила весь дворъ султана. Хотя паши обходились съ нимъ ласково, но онъ относился къ нимъ высокомѣрно: такъ, не хотѣлъ ѣхать къ нимъ на обѣдъ, не взялъ даровъ ихъ и денегъ, назначенныхъ ему на содержаніе, и гордо заявилъ, что онъ будетъ говорить только съ султаномъ. Тѣмъ не менѣе султанъ исполнилъ все, о чемъ просилъ его великій князь относительно торговли русскихъ купцевъ въ его владѣніяхъ, и ласково отпустилъ Плещеева. Въ письмѣ къ Менгли-Гирею Баязетъ какъ бы съ сожалѣніемъ говоритъ, что русскій государь, съ которымъ онъ желалъ быть въ любви, прислалъ къ нему какого-то невѣжду; что онъ не посылаетъ

своихъ людей на Русь, опасаясь, какъ бы ихъ не оскорбили тамъ: въ виду этого, султанъ предоставляетъ сношенія съ великимъ княземъ сыну своему, кафинскому султану. Впрочемъ, въ письмѣ къ самому Ивану Васильевичу Баязетъ не жаловался на его посла и называлъ послѣдняго добрымъ мужемъ, конечно, изъ любезности. Въ **1499 г.** великій князь, отправляя грека Димитрія Ралева въ Венецію, послалъ и къ Баязету и сыну его Алексѣя Голохвастова съ любезными письмами. Съ Голохвастовымъ рѣкой Дономъ отправилось и много купцевъ въ Азовъ. Цѣль этого посольства состояла въ томъ, чтобы исходатайствовать московскимъ купцамъ нѣкоторыя льготы по торговлѣ въ султанскихъ владѣніяхъ. Голохвастовъ возвратился уже въ **1500 г.** съ посломъ отъ кафинскаго султана [476]). Здѣсь же отмѣтимъ, что въ томъ же **1499 г.** въ Москву приходилъ посолъ изъ Шемахи, гдѣ господствовалъ тогда султанъ Махмутъ, уже независимый отъ Персіи (отъ которой зависѣли его предшественники) и потому желавшій находиться въ сношеніяхъ со сосѣдними независимыми государями. На любезныя и ласковыя рѣчи его посла въ Москвѣ отвѣчали тѣмъ же, но дальше этого сношенія съ Махмутомъ не пошли [477]).

Что же, къ чему повели всѣ эти сношенія? Къ прочному, долговременному ни къ чему они не привели и имѣли только временное политическое значеніе и временную славу княженія Ивана III. Только въ одномъ отношеніи они пережили свое время — въ отношеніи развитія на Руси ремеслъ и искусствъ: изъ западной Европы вывозили въ Москву разныхъ ремесленниковъ и художниковъ, у которыхъ — нѣтъ сомнѣнія — русскіе люди могли кое-чему понаучиться. Искусствомъ этихъ выходцевъ-иноземцевъ Иванъ Васильевичъ пользовался въ разныхъ областяхъ прикладныхъ знаній: въ строительномъ искусствѣ, литейномъ, въ горномъ дѣлѣ и пр. Не будемъ указывать на всѣ случаи, гдѣ прикладывались къ дѣлу европейскія знанія; укажемъ только на одинъ, весьма важный въ то время для великаго князя, по горному дѣлу... Драгоцѣнные металлы въ старой Руси добывались посредствомъ внѣшней торговли вообще и въ частности — посредствомъ мѣновой торговли съ сибирскими народцами. Такъ называемое *закамское серебро*, извѣстное еще вольнымъ новгородцамъ, давно уже было забыто по тому ли, что истощились источники его, или по тому, что съ паденіемъ Новгорода пала торговля съ помянутыми народцами,—неизвѣстно. Въ княженіе Ивана III, когда предпринимались значительныя постройки, собирались громадныя ополченія, происходили сношенія съ иностранными

476) Ibid. VI, 42—44; VIII, 233, 236, 238; Карамз. VI, гл. 6.
477) Ibid.

дворами, — когда требовалось не мало денегъ на дары и благовидные подкупы разныхъ лицъ для достиженія извѣстныхъ цѣлей, казна должна была сильно истощаться, долженъ былъ чувствоваться сильный недостатокъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ. А между тѣмъ по слухамъ знали, что земли около Каменнаго Пояса (Уральскаго хребта) изобилуютъ такими металлами, и вотъ — два нѣмца, Иванъ и Викторъ съ Андреемъ Петровымъ и Василіемъ Болтинымъ, отправлены были на Печеру искать серебряной руды. Эти рудознатцы возвратились въ Москву въ **1492 г.** и сообщили, что въ вотчинѣ великаго князя, на р. Цильмѣ, они нашли серебряную и мѣдную руду на пространствѣ десяти верстъ. Важность этого открытія очевидна сама собою [478]). Лѣтъ семь спустя послѣ этого открытія русскіе проникли даже за самый Каменный Поясъ и завоевали Югорскую землю, богатую серебромъ. Еще въ **1465 г.**, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [479]), устюжанинъ Василій Скряба съ толпой удальцевъ ходилъ за Каменный Поясъ воевать Югру и привелъ въ Москву двухъ тамошнихъ князьковъ. Великій князь, взявъ съ этихъ послѣднихъ присягу въ подданствѣ, отпустилъ ихъ, обложивъ Югру данью. Но за отдаленностью это завоеваніе было непрочно. Въ **1483 г.** Иванъ Васильевичъ опять посылалъ воеводъ, которые побѣдоносно прошли Печерскій край и Каменный Поясъ и углубились въ Югорскую землю. Югорскіе князья опять присягнули великому князю на подданство, — но результатъ былъ почти такой же, какъ и послѣ перваго завоеванія. Окончательно же Югра покорена была въ **1499 г.** Князь Семенъ Курбскій, Петръ Ушатовъ и Заболоцкій - Бражникъ съ пятью тысячами устюжанъ, двинянъ и вятчанъ приплыли къ Печерѣ и заложили на берегу рѣки крѣпость; 21-го ноября они пошли на лыжахъ къ Каменному Поясу и, съ неимовѣрными усиліями побѣждая природу, перебрались черезъ хребетъ, спустились въ равнину, куда явились князья югорскіе и обдорскіе съ предложеніемъ мира и вѣчнаго подданства московскому государю. Одну часть князей воеводы заставили дать «роту» (присягу) по ихъ вѣрѣ, а другую, какъ и большой полонъ, отправили въ Москву, куда и сами прибыли передъ Пасхой [480]).

Теперь опять возвратимся къ дѣламъ литовскимъ.

Мы видѣли уже, что попытка устроить бракъ Александра Казимировича съ дочерью Ивана Васильевича пока была оставлена и непріятельскія дѣйствія Москвы противъ Литвы продолжались; видѣли также, что литовскій князь чрезъ своего шпіона хотѣлъ, какъ выражались тогда, извести

478) Ibid. VIII, 221, 223; Карамз. VI, гл. 5.
479) Архангелог. лѣт. 141.
480) П. С. Р. Л. IV, 271; VI, 42—44; VIII, 237.

великаго князя московскаго. Конечно, это не могло настроить Ивана Васильевича на мирный ладъ по отношенію къ Литвѣ, и онъ не переставалъ побуждать своего друга Менгли-Гирея воевать послѣднюю. Въ **1493 г.** у крымскаго хана былъ посолъ Александра Казимировича, кн. Глинскій, съ требованіемъ, чтобы Менгли-Гирей уничтожилъ построенный имъ на Литовской землѣ г. Очаковъ, стоившій хану 150,000 алтынъ. Ханъ, въ угодность Ивану Васильевичу, задержалъ Глинскаго, а самъ вторгся въ Литовскія владѣнія, выжегъ окрестности Чернигова, но за разлитіемъ Днѣпра возвратился въ Перекопъ. Между тѣмъ, Очаковъ разоренъ былъ литовцами. Менгли-Гирей жаловался на это великому князю и говорилъ, что изъ дружбы къ нему онъ не взялъ отъ Александра 13,500 червонцевъ за литовскихъ плѣнныхъ, которые литовскій князь предлагалъ ему чрезъ султана, что онъ и опять готовъ воевать противъ Александра. Дѣйствительно, Менгли-Гирей продолжалъ тревожить Литву набѣгами. Александру, владѣвшему только Литвой, трудно было бороться одновременно съ княземъ московскимъ, ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ, который, при посредствѣ Ивана Васильевича, заключилъ союзъ съ Менгли-Гиреемъ. Въ силу необходимости Александръ желалъ прочнаго мира. Въ Москву приходили литовскіе послы, въ-слѣдъ за которыми великій князь отправилъ въ Литву дворянина Загряскаго, который долженъ былъ объявить Александру, что вотчины князей Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Мезецкихъ и Вяземскихъ входятъ въ составъ Московскаго государства, а потому литовскій князь не долженъ вступаться въ нихъ; при этомъ Иванъ Васильевичъ въ вѣрющей грамотѣ, данной Загряскому, называлъ себя по обычаю *государемъ всей Руси*. Загряскому отвѣчали, что по этому дѣлу въ Москву отправлены будутъ послы, которые, дѣйствительно, 29-го іюня того же **1493 г.** явились и именемъ своего князя требовали, чтобы Литвѣ возвращены были всѣ литовскія земли, захваченныя русскими въ послѣднее время; изъявили также негодованіе на то, что великій князь присвоиваетъ себѣ новый и высокій титулъ, — называетъ себя *государемъ всей Руси;* въ заключеніе послы передали воеводѣ Ивану Юрьевичу желаніе Александра начать переговоры о вѣчномъ мирѣ. Бояре отвѣчали посламъ, что вышепомянутые князья всегда были слугами князя московскаго, что Литва завладѣла ими только благодаря невзгодамъ, постигшимъ нѣкогда Русь, но что теперь уже другія времена, — что великій князь въ грамотахъ ничего не пишетъ высокаго. Іюля 8-го послы уѣхали, а 16-го сентября одинъ изъ нихъ возвратился въ Москву за опасной грамотой для великихъ литовскихъ пословъ. Эти послѣдніе прибыли въ Москву въ январѣ **1494 г.** для заключенія мира; послѣ нѣкоторыхъ споровъ и увертокъ и съ той и съ другой стороны, пришли

къ слѣдующему соглашенію: Вязьма, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, Таруса, Оболенскъ, Козельскъ, Серенскъ, Новосиль, Одоевъ, Воротынскъ, Перемышль, Бѣлевъ, Мещера оставались за Москвой; Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Лужинъ и другія мѣста по р. Угру — за Литвой; кромѣ того, литовскій князь обѣщалъ признавать титулъ великаго князя московскаго, какъ *государя всей Руси*, если онъ не будетъ требовать Кіева. Съ этими же послами рѣшено было и дѣло о бракѣ: 6-го февраля совершено было обрученіе, причемъ мѣсто жениха заступалъ одинъ изъ пословъ, Станиславъ Гастольдъ; на слѣдующій день литовскіе послы присягнули въ вѣрномъ соблюденіи мирнаго договора; на томъ же цѣловалъ крестъ и великій князь. По этому договору оба государя, какъ и дѣти ихъ, обязуются жить въ вѣчной любви и помогать другъ другу во всякомъ случаѣ, — владѣть своими землями по старымъ рубежамъ; литовскій князь не долженъ принимать къ себѣ тѣхъ князей, которые отошли отъ Литвы къ Москвѣ, а также великихъ князей рязанскихъ, остающихся на сторонѣ великаго князя московскаго, который самъ будетъ рѣшать спорныя дѣла ихъ съ Литвой; великій князь московскій долженъ освободить двухъ князей мезецкихъ, сосланныхъ имъ въ Ярославль; въ случаѣ обидъ между московскими и литовскими подданными, высылаются и съ той и съ другой стороны судьи на границу; литовскій князь никуда не долженъ отпускать изъ Литвы Михаила тверскаго, сыновей кн. можайскаго, Шемяки, кн. боровскаго, верейскаго, — а если они уйдутъ, то не принимать ихъ къ себѣ обратно и пр. Кромѣ того, литовскіе послы дали слово, что Александръ обяжется не принуждать будущую супругу свою къ перемѣнѣ вѣры. Послы три раза были приглашаемы къ великокняжескому столу. Февраля 11-го, прилично одаренные, они выѣхали изъ Москвы, а 18-го апрѣля въ Вильну пріѣхали московскіе: Василій и Семенъ Ряполовскіе, Михаилъ Яропкинъ и дьякъ Ѳедоръ Курицынъ. Александръ присягнулъ и размѣнялся мирными договорами, причемъ далъ грамоту относительно вѣроисповѣданія будущей супруги своей, но въ этой грамотѣ упомянулъ, между прочимъ, что если Елена сама захочетъ принять римскую вѣру, что это будетъ ея воля. Иванъ Васильевичъ сильно разгнѣвался на это и дѣло о бракѣ едва не остановилось. 6-го января **1495 г.** въ Москву прибыло великое литовское посольство, во главѣ котораго стоялъ виленскій воевода, кн. Александръ Юрьевичъ. На посольскую рѣчь Иванъ Васильевичъ, въ приличномъ случаю отвѣтѣ, замѣтилъ, между прочимъ, что Александръ долженъ помнить условіе, чтобы Елена ни въ какомъ случаѣ не перемѣняла закона. 13-го января великій князь слушалъ литургію въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и боя-

рами; по окончаніи службы онъ позвалъ литовскихъ пословъ къ церковнымъ дверямъ и вручилъ имъ невѣсту. Въ Дорогомиловѣ Елена прожила два дня вмѣстѣ съ матерью; братъ ея, Василій, угощалъ здѣсь пановъ роскошнымъ обѣдомъ; великій князь также два раза пріѣзжалъ къ своей дочери и въ послѣдній пріѣздъ вручилъ ей памятную записку, въ которой напоминаетъ ей, что она не должна ходить въ латинскую божницу; разъ или два, впрочемъ, позволилъ изъ любопытства посѣтить божницу или латинскій монастырь, но не болѣе. Во главѣ свиты будущей княгини литовской стоялъ кн. Семенъ Ряполовскій, которому тайно наказано было требовать, чтобы Елена вѣнчалась въ православной церкви и притомъ въ русской одеждѣ; наказано было также, чтобы Елена при вѣнчаніи на вопросъ епископа о любви ея къ Александру отвѣчала: «любъ ми, и не оставити ми его до живота никоея ради болѣзни, кромѣ Закона; держать мнѣ греческій, а ему не нудить меня къ римскому». По пути въ Вильну невѣсту встрѣчали въ городахъ съ подобающею честью; самъ Александръ со всѣми радными панами встрѣтилъ ее за три версты отъ Вильны. Предъ вѣнчаніемъ соблюдены были всѣ русскіе обычаи: расплетеніе косы, осыпаніе хмѣлемъ и пр. Вѣнчаніе совершали въ церкви св. Станислава латинскій епископъ и православный священникъ Ѳома; послѣ вѣнчанія Александръ торжественно принялъ московскихъ бояръ. Начались веселые пиры, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылись и взаимныя неудовольствія... Еще во время сватовства Александръ присылалъ въ Москву пословъ съ жалобами на обиды, причиненныя русскими литовцамъ; по этому дѣлу въ Москвѣ обѣщана была управа. Но великій князь особенно недоволенъ былъ тѣмъ, что Александръ называлъ его въ грамотахъ только великимъ княземъ, а не *государемъ всей Руси*. Весной пріѣхалъ въ Москву маршалокъ Станиславъ съ брачными дарами, причемъ жаловался на молдавскаго господаря Стефана, разорившаго г. Браславль; жаловался и на пословъ московскихъ, кн. Ряполовскаго и Михаила Русалку, которые, будьто бы, на обратномъ пути изъ Вильны въ Москву грабили литовцевъ; требовалъ, наконецъ, чтобы отозваны были русскіе, служащіе при Еленѣ, которая для услугъ имѣетъ достаточно и своихъ подданныхъ. Великій князь обѣщалъ примирить Стефана съ зятемъ своимъ, но изъявилъ негодованіе на то, что ни православному, ни митрополичьему намѣстнику въ Вильнѣ, архимандриту Макарію, не позволено было вѣнчать Елену; Иванъ Васильевичъ выражалъ неудовольствіе и на то, что Александръ не соглашался построить для Елены домовую православную церковь и удаляетъ отъ нея всѣхъ русскихъ. Великій князь, по уходѣ Станислава, послалъ въ Вильну гонца съ двумя письмами, изъ которыхъ одно было обыкновенное, а другое — съ тайнымъ наказомъ, чтобы Елена не держала

около себя людей латинской вѣры и не отпускала отъ себя русскихъ бояръ, во главѣ которыхъ стоялъ кн. Василій Ромодановскій, пріѣхавшій въ Вильну вмѣстѣ съ женой своей. Переписку съ отцемъ Елена должна была хранить въ тайнѣ. Впрочемъ, Елена, обязанная извѣстными отношеніями къ отцу, не нарушала и правъ супруга и иногда отстаивала предъ отцемъ интересы своего новаго отечества. Такъ, когда до Вильны дошелъ слухъ, что Менгли-Гирей идетъ на Литву, она вмѣстѣ съ мужемъ писала отцу, прося его защиты; о томъ же писала и матери. По отношенію къ Менгли-Гирею Иванъ Васильевичъ находился теперь въ нѣсколько щекотливомъ положеніи: бракъ Елены состоялся безъ-вѣдома крымскаго хана, и съ кѣмъ? съ литовскимъ княземъ, противъ котораго и ханъ и московскій князь договаривались воевать заодно. Извѣщая Менгли-Гирея объ этомъ бракѣ, Иванъ Васильевичъ увѣрялъ хана въ своей неизмѣнной дружбѣ къ нему и предлагалъ ему помириться съ Литвой. Ханъ справедливо укорялъ великаго князя въ томъ, что онъ сдѣлалъ такое дѣло безъ-вѣдома его, что онъ, ханъ, напротивъ, никогда не измѣнялъ великому князю въ дружбѣ. Впрочемъ, Менгли-Гирей клялся все-таки умереть вѣрнымъ союзникомъ Ивана Васильевича и готовъ былъ заключить миръ съ Литвой, только бы Александръ вознаградилъ его за убытки, понесенные имъ въ войнѣ. Великій князь писалъ Александру, что если Менгли-Гирей не согласится на миръ, то Москва будетъ помогать Литвѣ противъ ея врага, но требовалъ, чтобы Александръ выполнилъ то, о чемъ прежде уже были переговоры: чтобы построена была домовая церковь для Елены, чтобы послѣднюю не принуждали носить польское платье, чтобы титулъ московскаго князя прописываемъ былъ весь и чтобы жена Бѣльскаго была отпущена въ Москву, куда бѣжалъ мужъ ея. Съ своей стороны Иванъ Васильевичъ отозвалъ изъ Вильны своихъ бояръ, которыхъ Александръ по чему-либо считалъ вредными для себя. Но подъ тѣми или другими благовидными предлогами Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного изъ требованій Ивана Васильевича. Къ этимъ огорченіямъ со стороны зятя присоединилось еще новое: султанъ, по просьбѣ великаго князя, строго запретилъ притѣснять московскихъ купцевъ въ своихъ владѣніяхъ и отправилъ въ Москву посла съ дружественными увѣреніями, — но Александръ не пропустилъ ихъ чрезъ свои владѣнія, извѣщая своего тестя, что турецкіе послы никогда не ѣздили въ Москву чрезъ Литву, что онъ не пропустилъ ихъ, такъ какъ они могли быть и лазутчиками. Въ то же время литовскій князь, по совѣту окружавшихъ его пановъ, хотѣлъ дать въ удѣлъ младшему брату своему Сигизмунду Кіевскую область. Иванъ Васильевичъ, безкорыстно желая зятю добра, чрезъ Елену предостерегалъ его отъ опасности, могущей произойдти отъ раздвоенія власти, между тѣмъ какъ Алек-

сандръ винилъ тестя въ томъ, что онъ вмѣшивается въ его дѣла; Иванъ Васильевичъ въ письмахъ къ Еленѣ спрашивалъ, почему мужъ ея не хочетъ жить съ нимъ въ любви и братствѣ, и получилъ отъ зятя отвѣтъ, что онъ поступаетъ такъ потому, что тесть завладѣлъ многими городами и волостями литовскими, что онъ, великій князь, не устроилъ мира между нимъ, Александромъ, съ одной стороны, и ханомъ крымскимъ и господаремъ молдавскимъ — съ другой. Жалобы эти были неосновательны, такъ какъ послѣ договора съ Александромъ Иванъ Васильевичъ не захватывалъ ни волостей, ни городовъ литовскихъ. Это упрямство Александра повело къ тому, что великій князь московскій продолжалъ сношенія съ Менгли-Гиреемъ въ прежнемъ духѣ. 11-го сентября **1496 г.** къ крымскому хану отправленъ былъ бояринъ, князь Звенецъ, чрезъ котораго Иванъ Васильевичъ извинялся передъ ханомъ, что за худымъ путемъ онъ не извѣстилъ его во-время о сватовствѣ Александра, и просилъ забыть все прошлое; миръ съ Литвой оставлялъ на волю хана и говорилъ, что если князь литовскій окажется кому-нибудь изъ нихъ врагомъ, то они вмѣстѣ пойдутъ на него. Тогда же великій князь посылалъ и къ Стефану и писалъ ему, вѣроятно, о томъ же. Въ **1497 г.** великій князь литовскій и братъ его Альбрехтъ, король польскій, хотѣли идти на Стефана войной; Иванъ Васильевичъ чрезъ посла требовалъ, чтобы Александръ «докончанія своего не рушалъ, а на свата на Стефана ратью не ходилъ». Вслѣдствіе этого Александръ возвратился изъ похода, но своихъ князей съ войсками все-таки послалъ на помощь къ брату своему [481]).

Но обратимся къ другимъ сосѣдямъ Москвы, и прежде всего къ ливонцамъ и шведамъ, и посмотримъ, въ какихъ отношеніяхъ Иванъ Васильевичъ, за послѣднее время, находился съ ними.

Въ **1492 г.** великій князь приказалъ заложить противъ Нарвы, на Дѣвичьей горѣ, новую крѣпость, которую назвалъ по своему имени — Ивангородомъ. Конечно, это не могло понравиться ливонскимъ нѣмцамъ, это безпокоило ихъ и было, кажется, причиной того, что они продолжили миръ съ Москвой еще на десять лѣтъ [482]). Вскорѣ послѣ того въ Ревелѣ, по извѣстію одного нѣмецкаго историка, сожгли одного русскаго, который уличенъ былъ въ какомъ-то гнусномъ преступленіи; ревельскіе граждане говорили тогда соотечественникамъ сожженнаго, что за такое преступленіе они сожгли бы даже и самого князя ихъ. Эти безразсудныя слова, по тому же историку, переданы были Ивану Васильевичу, который до того разгнѣвался,

481) Ibid. II, 360; IV, 39, 42, 241, 163—165, 269; VIII, 227—229, 233; Ник. VI, 142—143; Карамз. VI, пр. 462.

482) Ibid. III, 144; IV, 161; V, 52; VI, 39, 240; VIII, 224; Карамз. VI, пр. 416.

что изломалъ трость свою, бросилъ ее на землю и, взглянувъ на небо, грозно произнесъ: «Богъ суди мое дѣло и казни дерзость» [483]). Русскіе источники нѣсколько иначе передаютъ этотъ эпизодъ. Въ **1495 г.** Иванъ Васильевичъ отправилъ въ Новгородъ дьяка Василія Жука и Даніила Мамырева къ намѣстникамъ съ приказаніемъ учинить расправу съ нѣмецкими гостями изъ Колывани (Ревеля), «ихъ въ тюрму посажати, и товаръ ихъ справадити къ Москвѣ, и дворы ихъ гостиные въ Новѣгородѣ старые и божницы отняти» за то, что колыванцы причинили «новгородскимъ гостямъ многія обиды и поруганія, а иныхъ людей живыхъ въ котлѣхъ варили»; кромѣ того они чинили поруганіе и посламъ московскимъ, ходившимъ въ Римъ и Фряжскую землю. Великій князь рѣшился на эту мѣру послѣ того, какъ ливонское правительство не исполнило его требованія — выдать ему ревельскій магистратъ. Нѣмецкихъ гостей находилось тогда въ Новгородѣ 49 человѣкъ изъ Гамбурга, Любека, Люнебурга и другихъ городовъ западной Европы. Это обстоятельство встрѣвожило всю Германію. Ливонскіе нѣмцы, «познавъ свою вину и неправду предъ великимъ княземъ, обратились къ нареченному зятю Ивана, кн. Александру, съ просьбой, чтобы онъ «печаловался тестю своему за ихъ преступленіе и неправду». Послы отъ Александра, отъ великаго магистра и отъ семидесяти нѣмецкихъ городовъ прибыли въ Москву ходатайствовать за Ганзу и требовать освобожденія нѣмецкихъ купцевъ. Болѣе года прошло, какъ нѣмецкіе гости томились по тюрьмамъ; наконецъ, великій князь смиловался, освободилъ ихъ (уже въ **1496 г.**). Это обстоятельство совершенно убило нѣмецкую торговлю, такъ какъ нѣмецкіе купцы боялись послѣ того ѣздить въ Новгородъ [484]).

Нѣкоторые, между прочимъ, думаютъ, что великій князь поступилъ такъ съ нѣмецкими гостями въ угоду датскому королю, который находился въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ганзѣ. Неизвѣстно, насколько это справедливо, но знаемъ, что въ то время король датскій и великій князь московскій заключили какой-то союзъ. Датскому королю важно было имѣть союзника и противъ шведовъ. Кажется, благодаря помянутому союзу, въ томъ же **1496 г.** великимъ княземъ посланы были подъ Выборгъ воеводы: Даніилъ Щеня, бояринъ Яковъ Захарьевичъ и кн. Василій Ѳедоровичъ Шуйскій. Еще раньше этого (въ концѣ **1495 г.**) Иванъ Васильевичъ посылалъ во Псковъ гонца съ требованіемъ, «чтобы отчина Псковъ послужила (ему) на Свею, на нѣмцы». Впрочемъ русскія войска не могли взять города и ограничились только тѣмъ, что на нѣсколько десятковъ верстъ

483) Карамз. VI, пр. 416—417 и текстъ къ нимъ.

484) П. С. Р. Л. IV, 164—165; VIII, 228—229; Ник. VI, 141—142; продолж. Нест. 336; Карамз. ibid.

вокругъ опустошили селенія. Но этимъ великій князь не хотѣлъ удовольствоваться: въ томъ же **1496 г.** онъ самъ поѣхалъ въ Новгородъ съ сыномъ Юріемъ и внукомъ Димитріемъ, оставивъ въ Москвѣ при Софіи старшаго сына Василія. Въ Новгородѣ архіепископъ и граждане торжественно встрѣтили его крестнымъ ходомъ, «яко же бо бѣ лѣпо государьству ихъ... и бысть тогда радость велика о пріѣздѣ его». Послѣ молебна и литургіи у св. Софіи, великій князь со всей своей свитой обѣдалъ у архіепископа. Между тѣмъ московскіе воеводы, по его приказу, опять ходили на шведовъ; походъ былъ удаченъ: воеводы возвратились съ большимъ полономъ. Послѣ этого похода, по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иванъ Васильевичъ уѣхалъ въ Москву, кажется, потому, что его туда требовали казанскія дѣла. Но далѣе тѣ же извѣстія передаютъ, что по его приказанію московскіе воеводы ходили въ Каянскую землю «на десять рѣкъ». Князьямъ Ушатымъ, которыхъ послалъ туда великій князь, били челомъ тѣ обитатели Каяніи, которые жили по р. Лименгѣ — били челомъ «за великаго князя» и вмѣстѣ съ воеводами пріѣзжали въ Москву ихъ представители, которые клялись быть подданными великаго князя московскаго. Шведы не хотѣли остаться въ долгу: въ 70-ти легкихъ судахъ они приплыли въ Нарову изъ Стокгольма и взяли Ивангородъ. Князь Юрій Бабичъ, сидѣвшій въ городѣ, при ихъ приближеніи ушелъ, а воеводы, Иванъ Брюхо и Гундоровъ, стоявшіе не подалеку, не хотѣли почему-то помочь городу. Шведы, не надѣясь по отдаленности удержать крѣпость за собой, предлагали ее ливонцамъ, которые, однако, отказались отъ нея. Шведы ушли, захвативъ съ собой 300 плѣнниковъ. Отъ этой войны выигралъ, кажется, одинъ только датскій король, который, послѣ войны, объявленъ былъ и королемъ Швеціи. Само собою разумѣется, что король Даніи и Швеціи за оказанную ему великимъ княземъ любезность платилъ тѣмъ же; полагаютъ даже, что онъ отдалъ Ивану Васильевичу нѣкоторыя мѣста въ Финляндіи, и въ такомъ случаѣ перемѣна посольствами въ **1500** и **1501 гг.** должна была имѣть цѣлью утвержденіе границъ между обоими государствами [485]).

У другихъ сосѣдей Москвы, восточныхъ, положеніе дѣлъ было смутное. Царь казанскій, Магметъ-Аминь, держался по отношенію къ великому князю, какъ его присяжникъ. Но своею жестокостью и угнетеніями онъ возбудилъ противъ себя народъ и вельможъ: послѣдніе вошли въ тайныя

---

485) Ibid. III, 146; IV, 135, 165, 269—270; VI, 39—40, 240; VIII, 230—231; Ник. VI, 143—146, 149. Въ лѣтописяхъ Каянская земля называется еще землей Камской (IV, 269) и Гамской (ibid. 135) вм. Каянской, по р. Каянѣ, впадающей въ Ботническій заливъ повыше Улеаборга. Названія *Камская* и *Гамская* земля, очевидно, неумѣло передѣланы изъ словъ *Каянская земля*.

сношенія съ царемъ Шибанской орды Мамукомъ, котораго приглашали къ себѣ. Магметъ-Аминь извѣщалъ Ивана Васильевича, что на него идетъ Мамукъ, что князья казанскіе чинятъ ему насиліе, и просилъ помощи. Великій князь послалъ къ нему воеводу кн. Ряполовскаго съ сильною ратью, вслѣдствіе чего Мамукъ удалился отъ Казани, а недовольные царемъ казанскіе князья бѣжали къ нему. Когда опасность миновала, Магметъ-Аминь отпустилъ Ряполовскаго, а Мамукъ, пользуясь этимъ, опять подступилъ къ Казани и выгналъ оттуда Аминя, который бѣжалъ въ Москву. Это было въ **1497 г.** Великій князь принялъ и держалъ его «честью». Между тѣмъ Мамукъ оказался едва-ли не хуже Магметъ-Аминя: отнималъ у купцовъ товары, у вельможъ—богатства ихъ; главныхъ доброжелателей своихъ, предавшихъ ему Казань, посадилъ въ тюрьму. Казанцы ждали только удобнаго случая отдѣлаться отъ него, и этотъ случай скоро представился: Мамукъ пошелъ на Арскъ, но городка этого не взялъ, а возвратиться въ Казань не могъ, такъ какъ жители хотѣли встрѣтить его съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ вынужденъ былъ удалиться во-свояси. Тогда казанскіе вельможи отправили въ Москву пословъ бить челомъ великому князю, чтобъ онъ пожаловалъ ихъ — «нелюбки и вины» ихъ отдалъ, но Аминя не посылалъ бы къ нимъ, а далъ бы имъ втораго Ибрагимова сына, Абдылъ-Летифа (Менгли-Гиреева пасынка). Великій князь отправилъ въ Казань кн. Семена Даниловича Холмскаго и кн. Ѳедора Палецкаго, которые возвели Абдылъ-Летифа на царство Казанское и заставили гражданъ присягнуть великому князю въ вѣрности «по ихъ вѣрѣ». Чтобы удовольствовать и Магметъ-Аминя, великій князь пожаловалъ его Каширою, Серпуховомъ и Хотунью и отпустилъ его изъ Москвы [486]).

Въ то же время среди этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ безпокойствъ, проявилось, и весьма сильно, безпокойство домашнее, семейное. По смерти старшаго сына Ивана Васильевича, Ивана Младаго, который считался и прописывался въ оффиціальныхъ документахъ, какъ и отецъ, великимъ княземъ, неизбѣжно представлялся вопросъ, кто будетъ преемникомъ великаго князя: внукъ ли его Димитрій, сынъ Ивана Младаго, или слѣдующій за Иваномъ сынъ, Василій Ивановичъ? Не замедлили образоваться сторонники одного и другаго: бо́льшая часть бояръ и самъ великій князь стояли скорѣе на сторонѣ Димитрія, — бояре потому, между прочимъ, что Елену окружали чисто русскіе люди, между тѣмъ какъ Софія окружена была выходцами-греками. Дѣло не стало и за подпольными интригами. Въ августѣ **1497 г.** въ Москву пріѣзжала великая княгиня рязанская Анна, сестра

---

486) П. С. Р. Л. VI, 40—41, 270; VIII, 231—232; Ник. VI, 146—148.

Ивана Васильевича, который въ сопровожденіи всего семейства встрѣтилъ ее за городомъ съ великимъ почетомъ. Въ Москвѣ Анна пробыла до Крещенья; здѣсь устроился бракъ ея дочери съ кн. Ѳедоромъ Ивановичемъ Бѣльскимъ, послѣ чего она поторопилась отъѣздомъ. Великій князь отпустилъ ее «съ великою честью и съ многыми дары». Вскорѣ по отъѣздѣ ея (въ **1498 г.**) «по дьяволскому навоженію и лихихъ людей совѣту восполѣся» великій князь на сына своего Василія и на супругу свою. Приближенные Василія и главнымъ образомъ дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ, свѣдавши о намѣреніи Ивана Васильевича объявить своимъ наслѣдникомъ внука Димитрія, совѣтовали Василію уѣхать изъ Москвы, захватить государеву казну въ Вологдѣ и на Бѣлоозерѣ и надъ княземъ Димитріемъ «израду учинить». Это дошло до великаго князя, который, какъ уже сказано, «восполѣся гнѣвомъ» и «въ той спалкѣ» приказалъ казнить совѣтниковъ своего сына: дьякамъ Стромилову и Гусеву, кн. Ивану Палецкому —Хрулю и Скрябину, на Москвѣ рѣкѣ, отсѣкли головы; Аѳанасію Яропкину и Поярку—ноги, руки и головы; многіе дѣти боярскія посажены были въ тюрьму; къ Василію приставлена была стража. Гнѣвъ великаго князя не миновалъ и Софіи за то, что къ ней приходили «бабы съ зеліемъ»; послѣ обыска, этихъ бабъ приказано было ночью утопить въ р. Москвѣ. Съ этого времени Иванъ Васильевичъ съ женою «нача жити въ бреженіи»: вѣроятно, онъ подозрѣвалъ Софію въ умыслѣ на жизнь Димитрія [487]). И такъ, Елена и ея доброхоты, кн. Иванъ Юрьевичъ и Семенъ Ряполовскій, торжествовали. Вскорѣ (февраля 4-го) Иванъ Васильевичъ торжественно короновалъ Димитрія въ Успенскомъ соборѣ по особо составленному для того чину, въ первый разъ упоминаемому лѣтописями во всей подробности. Но торжество Елены и Димитрія было непродолжительно: чрезъ годъ послѣ вѣнчанія (въ **1499 г.**) Иванъ Васильевичъ измѣнился къ лучшему въ своихъ отношеніяхъ къ супругѣ и сыну. Къ сожалѣнію, лѣтописцы не объясняютъ этой перемѣны; они передаютъ только, что великій князь снова приказалъ разсмотрѣть это дѣло, и нашелъ, что тутъ были козни друзей Елены, что онъ обманутъ. Иванъ Юрьевичъ съ двумя сыновьями и зятемъ, кн. Семеномъ Ряполовскимъ, обвинены были въ крамолѣ и осуждены на смертную казнь. Не смотря на то, что отецъ Ряполовскаго спасъ нѣкогда Ивана Васильевича отъ преслѣдованія Шемяки, ему отрубили голову на р. Москвѣ 5-го февраля; происхожденіе (праправнукъ Ольгерда), родство съ великокняжескимъ домомъ (родной племянникъ Василія Темнаго), заслуги и ходатайство митрополита

487) Ibid. IV, 270; VI, 42—43, 241—243, 279; VIII, 234; Ник. VI, 151. Казнь совершена 27-го декабря.

Симона и другихъ архипастырей спасли Ивана Юрьевича Патрикѣева и сыновей его: Иванъ Юрьевичъ и старшій сынъ его, бояринъ Василій Косой, постриглись въ монахи, а меньшой сынъ Иванъ Мынинда остался въ домѣ подъ стражей. Теперь роли Софіи и Елены перемѣнились: хотя Димитрій назывался и считался еще наслѣдникомъ, но отношенія великаго князя къ нему и матери его становились холоднѣе. Старшаго сына Василія великій князь назвалъ государемъ, великимъ княземъ Новгорода и Пскова, съ извѣстіемъ о чемъ въ Псковъ отправленъ былъ посолъ. Псковичамъ это не понравилось. Они отправили въ Москву посадниковъ и бояръ бить челомъ великому князю, чтобы онъ держалъ отчину свою по старинѣ, чтобы государемъ ихъ былъ тотъ князь, который царствуетъ на Москвѣ. «Чи не воленъ язъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтехъ?» съ гнѣвомъ сказалъ великій князь посламъ: «кому хочу, тому дамъ княженство»! Двоихъ изъ посадниковъ онъ приказалъ посадить «въ костеръ», а остальныхъ отпустилъ, не пославъ поклона своей отчинѣ. Между тѣмъ еще до возвращенія пословъ изъ Москвы, во Псковъ пріѣхалъ архіепископъ Геннадій, но псковичи не дозволили ему совершать богослуженія до возвращенія пословъ изъ опасенія, что онъ будетъ молиться за неугоднаго имъ князя Василія Ивановича. Чрезъ другое посольство псковичи просили освободить заключенныхъ посадниковъ, но великій князь не уважилъ этой просьбы и приказалъ сказать Пскову, что «за бояриномъ все будетъ указано». Дѣйствительно, вскорѣ во Псковъ прибылъ бояринъ Чеботовъ съ поклономъ отъ великаго князя, который приказалъ сказать, что онъ держитъ отчину по старинѣ. Посадники были освобождены [488]) уже въ слѣдующемъ **1500 г.**

Но всего болѣе Ивана Васильевича заботили дѣла литовскія. Въ отношеніяхъ къ литовскому князю, только раздражавшему великаго князя московскаго своими придирками, дѣло явно клонилось къ разрыву. Въ Москву стали приходить вѣсти о томъ, что православіе въ Литвѣ начинаютъ тѣснить, православныхъ принуждаютъ къ латинству: въ **1500 г.** пришло извѣстіе, что Александръ вопреки договору принуждаетъ свою супругу принять католичество. Великій князь отправилъ къ Александру посла съ требованіемъ, чтобы относительно закона онъ оставилъ Елену въ покоѣ. Конечно, литовскій князь отрицалъ взводимое на него обвиненіе; сама Елена даже писала отцу, что она живетъ съ супругомъ въ мирѣ и согласіи и ничего не терпитъ въ дѣлѣ вѣроисповѣданія. Но Иванъ Васильевичъ получалъ объ этомъ извѣстія и съ другой стороны: такъ, въ томъ же **1500**

---

488) Ibid. IV, 270—272; VI, 23, 43, 241—243, 279; VIII, 234—236; Ник. VI, 151—152, 156—157; Степ. кн. II, 160; Арханг. 173.

году кн. Семенъ Ивановичъ Бѣльскій прислалъ къ Ивану Васильевичу челобитье о принятіи его въ службу, потому что въ Литвѣ «пришла великая нужа о греческомъ законѣ»; при этомъ Бѣльскій сообщалъ великому князю, что и дочь его Елену принуждаютъ къ католичеству. Бѣльскій принятъ былъ, и по этому дѣлу Александръ прислалъ въ Москву запросъ, на который Иванъ Васильевичъ отвѣчалъ, что «взялъ князя Семена и съ вотчиною тое для нужа, что ихъ нудитъ (Александръ) приступити къ римскому закону»; при этомъ великій князь приказалъ сказать Александру, чтобы онъ не принуждалъ къ латинству не только Елену, но и всѣхъ, исповѣдующихъ греческій законъ,—въ противномъ случаѣ онъ всѣхъ будетъ принимать къ себѣ и стоять за нихъ. По той же причинѣ и въ томъ же **1500** году къ великому князю перешли въ подданство кн. Семенъ Ивановичъ Можайскій и кн. Василій Ивановичъ Шемякинъ, изъ которыхъ первый владѣлъ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ и Любечемъ, а второй—Рыльскомъ и Новгородомъ—Сѣверскимъ. Иванъ Васильевичъ принялъ ихъ и послалъ къ литовскому князю Телешева объявить ему объ этомъ и сказать, чтобы онъ не вступался въ отчины этихъ князей; въ то же время Телешевъ долженъ былъ вручить Александру розметную грамоту. Такимъ образомъ между Москвой и Литвой послѣдовалъ полный разрывъ. Хотя Александръ прислалъ въ Москву посла для переговоровъ, но наши войска подъ предводительствомъ бывшаго царя казанскаго уже вступили въ Литву и брали города: Мценскъ и Серпейскъ сдались добровольно; затѣмъ взятъ былъ Брянскъ, — епископъ и намѣстникъ брянскіе отправлены были въ Москву. Семенъ Можайскій и Василій Шемякинъ Ивановичи встрѣтились съ московскими полками, присягнули великому князю и начали дѣйствовать вмѣстѣ съ москвичами; къ нимъ присоединились еще князья Трубчевскіе. Воевода Яковъ Захарьевичъ вскорѣ взялъ Путивль, плѣнилъ тамъ кн. Богдана Глинскаго съ женою и занялъ всю Литовскую Русь отъ Калужской и Тульской губерній до Кіевской; другой бояринъ, Юрій Захарьевичъ, вошелъ въ Смоленскую землю и взялъ Дорогобужъ. Противъ русскихъ выступилъ съ литовцами извѣстный кн. Константинъ Острожскій. Иванъ Васильевичъ прислалъ въ Дорогобужъ кн. Даніила Щеню съ тверской силой, приказавъ ему предводительствовать большимъ полкомъ, а Юрію Захарьевичу — сторожевымъ; послѣдній оскорбился, не желая быть въ зависимости отъ кн. Даніила, но Иванъ Васильевичъ уладилъ это дѣло. Оба воеводы остановились на берегу Ведроши близъ Дорогобужа; 14-го іюля произошла кровопролитная битва; долго исходъ ея казался сомнительнымъ: и та и другая сторона держались крѣпко; наконецъ, тайная засада, устроенная московскими воеводами, рѣшила битву: литовцы обратились въ бѣгство; тысячъ

восемь легло ихъ на мѣстѣ, многіе утонули въ рѣкѣ; Константинъ Острожскій съ нѣкоторыми знатными панами попался въ плѣнъ. Іюля 17-го великій князь получилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ отъ гонца Михаила Андреевича Плещеева, «и бысть тогда радость велика на Москвѣ». Князя Острожскаго посредствомъ угрозъ заставили присягнуть на подданство великому князю московскому; воеводы наши были обласканы великимъ княземъ. Въ то же время новгородскіе, псковскіе и великолуцкіе полки, подъ предводительствомъ (только номинальнымъ) племянниковъ великаго князя, Ивана и Θедора Борисовичей волоцкихъ, разбили литовцевъ близь Ловати и взяли Торопецъ. Ивану Васильевичу хотѣлось завершить побѣды надъ литовцами взятіемъ Смоленска: два раза онъ посылалъ подъ Смоленскъ сына своего Димитрія (въ **1500** и **1502 гг.**), но походы были неудачны [489]).

Еще при самомъ началѣ войны Иванъ Васильевичъ извѣщалъ Менгли-Гирея о своемъ предпріятіи. Ханъ крымскій не замедлилъ: его сыновья въ августѣ начали пустошить Литву. Московскій князь поднималъ на Литву и Стефана молдавскаго. Александръ, въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ, началъ укрѣплять города: Витебскъ, Полоцкъ, Оршу, Смоленскъ; старался примириться съ молдавскимъ господаремъ и Менгли-Гиреемъ, сносился съ ханомъ Золотой орды, нанималъ войска въ Польшѣ, Богеміи, Венгріи, Германіи и заключилъ союзъ съ Ливоніей. Магистръ ордена Плеттенбергъ требовалъ помощи отъ имперскаго сейма и ганзейскихъ городовъ. Но Александръ, какъ видно, мало надѣялся на свои силы, и въ **1501 г.** въ Москву прибыли послы отъ братьевъ его, королей польскаго и венгерскаго, и отъ него самого съ предложеніемъ мира. Рѣшено было для этого ждать прибытія въ Москву большихъ пословъ. Между тѣмъ Александръ молчалъ, а нѣмецкіе ратные люди, нанятые имъ, грабя его же подданыхъ, сталкивались съ московскими отрядами. Великій князь рѣшился продолжать войну. Сынъ его Василій съ новгородскимъ намѣстникомъ, кн. Семеномъ Романовичемъ, долженъ былъ изъ Новгорода напасть на сѣверную часть Литвы; кн. Семенъ Стародубскій и Василій Шемякинъ и др. одержали побѣду надъ литовцами близь Мстиславля, положивъ на мѣстѣ около семи тысячъ непріятеля, и возвратились въ Москву съ большимъ полономъ. Союзникъ Александра Плеттенбергъ приказалъ схватить въ Дерптѣ русскихъ купцевъ и заключить въ тюрьму и началъ пустошить Псковскую землю. Воеводы великаго князя 27-го августа **1501 г.** были разбиты имъ близь Изборска. Псковичи вооружались, а магистръ ордена, между тѣмъ, пустошилъ селенія

---

489) Ibid. II, 262; III, 146—147; IV, 135, 272; VI, 24, 45—46, 48; VIII, 238—240, 242; Ник. VI, 160—163.

по берегу р. Великой и 7-го сентября сжегъ Островъ. Московскіе воеводы стояли не подалеку, но не смѣли вступить въ битву, а между тѣмъ литовцы подступили къ Опочкѣ, по взятіи которой хотѣли соединиться съ ливонцами и идти на Псковъ. Къ счастію псковичей, въ ливонскомъ войскѣ открылась опасная болѣзнь (кровавый поносъ), и Плеттенбергъ удалился, удалились и литовцы. Великій князь хотѣлъ отмстить за это Ливоніи: во второй половинѣ октября кн. Даніилъ Щеня съ княземъ Пенкомъ все опустошилъ вокругъ Дерпта, Нейгаузена и Маріенбурга. Долго рыцари сидѣли въ крѣпостяхъ; наконецъ, ночью выступили противъ московскихъ полковъ и хотя бились храбро, но не выдержали напора русскихъ и бѣжали. Они потомъ отплатили разореніемъ предместья Ивангорода. Между тѣмъ въ слѣдующемъ **1502 г.** ханъ Золотой орды выступилъ, въ надеждѣ на помощь литовскую, противъ Менгли-Гирея. Великій князь подалъ послѣднему помощь. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ; но вскорѣ Менгли-Гирей совершенно истребилъ остатки Шигъ-Ахметовой орды. Этотъ ханъ еще сносился съ великимъ княземъ московскимъ, надѣясь при его помощи удержаться въ ордѣ, но вскорѣ, не имѣя пристанища въ своемъ улусѣ, попалъ въ Кіевъ, гдѣ коварно взятъ былъ своими союзниками-литовцами подъ стражу и умеръ въ Ковнѣ въ неволѣ [490]).

Въ то же время по дѣламъ казанскимъ едва не порвалась дружба великаго князя съ Менгли-Гиреемъ. Мы видѣли, что казанскіе вельможи выпросили себѣ въ цари у Ивана Васильевича Абдылъ-Летифа (Менгли-Гиреева пасынка), котораго великій князь и поддерживалъ. Въ **1499 г.** Летифу угрожалъ шибанскій царевичъ Агалакъ. Изъ Москвы послано было въ Казань войско съ кн. Өедоромъ Бѣльскимъ: Агалакъ ушелъ въ свои улусы, и Бѣльскій возвратился, а въ Казани, для защиты царя, остались воеводы, кн. Михаилъ Курбскій и Лобанъ Ряполовскій, которымъ вскорѣ (въ **1500 г.**) пришлось отражать отъ Казани ногайскихъ мурзъ, Ямгурчея и Мусу, покушавшихся изгнать Абдылъ-Летифа. Года черезъ два съ небольшимъ (въ **1502 г.**) великій князь отправилъ въ Казань кн. Василья Ноздроватаго и Ивана Телешева схватить Абдылъ-Летифа за его неправду, какъ сказано въ лѣтописи. Въ чемъ состояла эта неправда, неизвѣстно. Царь казанскій взятъ былъ, доставленъ въ Москву, откуда великій князь приказалъ отправить его на Бѣлоозеро въ заточеніе, а въ Казань послалъ опять Магметъ-Аминя. Менгли-Гирей оскорбился и просилъ Ивана Васильевича, извинивъ безразсудную молодость Летифа, или отпустить его, или наградить помѣстьемъ; при этомъ ханъ писалъ, что если великій князь

---

490) П. С. Р. Л. IV, 273—274; VI, 46; VIII, 240; Ник. VI, 163—166 и сл.

не исполнитъ его просьбы, то союзъ ихъ уничтожится. Великій князь, боясь отпустить Летифа, далъ ему приличное содержаніе и тѣмъ удовлетворилъ своего друга, такъ что Менгли-Гирей не переставалъ, въ угоду Ивану Васильевичу, тревожить Александра, тогда уже не только в. кн. литовскаго, но и короля польскаго. Сыновья хана съ 90,000 войскомъ въ августѣ **1502 г.** опустошили окрестности Луцка, Турова, Бряславля, Люблина и др. городовъ включительно до Кракова [491]).

Къ апрѣлю (11-го) того же **1502 г.** относится извѣстіе о томъ, что великій князь положилъ опалу на внука своего Димитрія и мать его Елену, запретилъ поминать ихъ на ектеніяхъ и литіяхъ, называть Димитрія великимъ княземъ, и приказалъ посадить ихъ «за приставы». Лѣтописи не указываютъ на причины этой немилости, которыхъ, можетъ быть, нужно искать въ какихъ-нибудь новыхъ проискахъ Елены. Чрезъ два дня, апрѣля 14-го, Иванъ Васильевичъ пожаловалъ сына своего Василія, по благословенію митрополита Симона посадилъ его на великое княженіе Владимірское и Московское. Вслѣдствіе этого, не смотря на посредничество Менгли-Гирея, дружба между княземъ московскимъ и Стефаномъ молдавскимъ порвалась [492]).

Между тѣмъ военныя дѣйствія противъ Литвы не прекращались. Мы уже говорили, что сынъ великаго князя Димитрій два раза ходилъ подъ Смоленскъ, послѣдній разъ — въ **1502 г.** Въ декабрѣ того же года Семенъ Стародубскій и Василій Шемякинъ опять ходили на Литву; городовъ хотя они и не завоевали, но сильно опустошили землю. Союзникъ Александра, магистръ Ливонскаго ордена, разорилъ Изборскъ и подступилъ къ Пскову, ожидая помощи отъ Литвы. Хотя литовская помощь и не являлась, однако Плеттенбергъ началъ осаду Пскова. На помощь псковичамъ шли воеводы, кн. Даніилъ Щеня и Василій Шуйскій. Стычки были кровопролитныя; недостатка въ мужествѣ не было ни съ той, ни съ другой стороны. Но результаты никому не были полезны. Александръ видѣлъ, что борьба съ Москвой ему не подъ силу и желалъ мира. Посредникомъ между обоими государями явился папа Александръ VI, который прислалъ въ Москву посла; онъ и кардиналъ его писали Ивану Васильевичу, что все христіанство приведено въ ужасъ завоеваніями турокъ, что христіанскимъ государямъ надобно соединиться и изгнать ихъ; приглашали московскаго князя примириться съ в. кн. литовскимъ и королемъ венгерскимъ и вмѣстѣ съ ними и другими государями западной Европы идти на турокъ. Въ то же время былъ посолъ и

491) Ник. VI, 166; Карамз. VI, пр. 467 и 534 и текстъ къ нимъ.
492) Никон. л. VI, 167; Карамз. VI, прим. 537 и текстъ къ нему.

отъ брата Александрова Владислава, который просилъ опасной грамоты для литовскихъ пословъ въ Москву. Иванъ Васильевичъ, съ своей стороны, указывалъ на вѣроломство Александра, который наводилъ на Русь ливонскихъ нѣмцевъ и хана Золотой орды. Впрочемъ, великій князь сказалъ, что онъ радъ стоять за христіанство и дозволяетъ явиться въ Москву королевскому посольству. Польскіе послы, прибывъ въ Москву, требовали, чтобы великій князь возвратилъ Александру всю отчину его, всѣ завоеванные русскими города въ Литвѣ. Иванъ Васильевичъ не только отвергъ это требованіе, заявивъ, что завоеванные города искони были русскими, но сказалъ еще, что будетъ добывать отъ Литвы и Кіевъ съ Смоленскомъ и другіе города. Вмѣсто вѣчнаго мира заключили на шесть лѣтъ перемиріе, причемъ великій князь изъ уваженія къ зятю возвратилъ Литвѣ нѣсколько волостей и приказалъ новгородскому и псковскому намѣстникамъ заключить перемиріе съ Ливоніей также на шесть лѣтъ, а съ Швеціей не хотѣлъ имѣть никакихъ переговоровъ. Къ такому же перемирію Иванъ Васильевичъ приглашалъ и Менгли-Гирея, но только для вида: тайно онъ внушалъ ему, что лучше продолжать войну, что время перемирія нужно употребить на укрѣпленіе за собой завоеванныхъ литовскихъ городовъ и пр. [493]).

Не задолго до кончины великаго князя была сыграна свадьба (въ **1505 г.**) старшаго сына его Василія, женившагося на дочери дворянина Юрія Сабурова, Соломоніи. Во время свадебныхъ торжествъ, въ Москву пришло извѣстіе объ измѣнѣ присяжника великаго князя, казанскаго царя Магметъ-Аминя: побуждаемый своей женой, вдовой Алегама, онъ задумалъ отложиться отъ Москвы. Въ концѣ іюня (24-го) на Казанскую ярмарку наѣхало много московскихъ купцевъ. Московскаго посла и купцевъ схватили; многихъ убили, многихъ ограбили, а иныхъ удалили въ ногайскіе улусы. Мало того, Магметъ-Аминь, вооруживши 40,000 казанцевъ и призвавши еще 20,000 ногайцевъ, вторгся въ Русь, осадилъ Нижній Новгородъ и выжегъ всѣ окрестные посады. Воеводой въ Нижнемъ былъ Хабаръ Симскій съ небольшимъ числомъ воиновъ. Въ этомъ критическомъ положеніи онъ освободилъ изъ тюрьмы 300 литовскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ Ведрошской битвѣ, роздалъ имъ оружіе и именемъ великаго князя обѣщалъ имъ свободу, если они постоятъ противъ татаръ. Литовцы храбро исполнили порученіе: Магметъ-Аминь бѣжалъ во-свояси; а литовцы дѣйствительно были освобождены и отпущены домой съ дарами [494]).

Еще подъ **1503** годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ замѣтки, что ве-

---

493) Карамз. VI, пр. 544.
494) П. С. Р. Л. VI, 50; VIII, 245; Казанск. лѣт. гл. 12.

ликій князь начинаетъ «изнемогати». Но онъ держался еще года три и скончался 27-го октября **1506 г.**, причемъ лѣтописи замѣчаютъ, что онъ былъ на государствѣ 43 года и семь мѣсяцевъ, а отъ роду имѣлъ 66 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ. Тѣло его погребено было въ новой церкви Архангела Михаила [495]).

Иванъ Васильевичъ женатъ былъ дважды: а) на княжнѣ тверской, Маріи Борисовнѣ, отъ которой имѣлъ сына Ивана, и б) на Софіи Ѳоминичнѣ, дочери морейскаго деспота Ѳомы, отъ которой имѣлъ дѣтей: Василія, Юрія, Димитрія, Семена и Андрея, и дочерей: Елену, Ѳеодосію, другую Елену и Евдокію.

Младшіе сыновья Ивана Васильевича хотя и получили удѣлы, но не могли считаться владѣтельными князьями, такъ какъ не имѣли аттрибутовъ князей независимыхъ: не имѣли права чеканить монету, объявлять войну, заключать миръ и т. п.

Согласно нашей задачѣ — дать, по возможности, полные біографическіе очерки великихъ и вообще владѣтельныхъ князей сѣверо-восточной Руси за татарскій періодъ Русской Исторіи, мы исполнили, въ настоящемъ томѣ, свое дѣло, на сколько у насъ хватило силъ и умѣнья, относительно великихъ князей, и, по обычаю, должны бы сдѣлать заключеніе къ этой части нашего труда. Но заключенія могутъ быть разнообразны, потому что выборъ ихъ долженъ быть цѣлесообразнымъ труду; а такъ какъ наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы исполненіемъ предположенной задачи дать справочную книгу, то мы и заключаемъ настоящіе очерки не какимъ-либо общимъ историко-философскимъ обобщеніемъ, а тѣмъ, что ближе къ нашей цѣли: мы предлагаемъ въ заключеніе

Хронологическій списокъ великихъ князей въ преемственномъ порядкѣ наслѣдованія ими великокняжескаго стола.

1. Ярославъ Всеволодовичъ съ 1238 † 1246 г. [496]).
2. Святославъ Всеволодовичъ 1246—1248 г.
3. Михаилъ Ярославичъ Храбрый † 1248 г.

---

495) Ibid. II, 364 (подъ 1505 годомъ); IV, 136, 281; V, 261; VI, 49, 50, 52, 244; VIII, 243, 245, 248; Ник. VI, 173.

496) За каждымъ княземъ выставлены годы его княженія; если послѣдній годъ княженія извѣстнаго князя совпадаетъ со смертію этого князя, то мы ставимъ между годами знакъ †, — въ противномъ же случаѣ ставимъ *тире* (—). — Изъ Ростовско-Суздальской земли образовалось самостоятельное княжество въ XII в. и первымъ самостоя-

4. Андрей Ярославичъ 1248—1252 г.
5. Александръ Ярославичъ Невскій 1252 † 1263 г.
6. Ярославъ Ярославичъ тверскій 1263 † 1272 г.
7. Василій Ярославичъ костромскій 1272 † 1276 г.
8. Димитрій Александровичъ переяславскій 1276—1281 г.
9. Андрей Александровичъ городецкій 1281—1283 г.
10. Димитрій Александровичъ (во второй разъ) 1283 † 1294 г.
11. Андрей Александровичъ (во второй разъ) 1294 † 1304 г.
12. Михаилъ Ярославичъ тверскій 1304 † 1318 г.
13. Юрій Даниловичъ московскій 1319—1322 г.
14. Димитрій Михайловичъ тверскій 1322—1326 г.
15. Александръ Михайловичъ тверскій 1326—1327 г.
16. Иванъ Даниловичъ Калита московскій 1328 † 1341 г.
17. Семенъ Ивановичъ Гордый 1341 † 1353 г.
18. Иванъ Ивановичъ (Кроткій) 1353 † 1359 г.
19. Димитрій Константиновичъ суздальско-нижегородскій 1359—1363 г.
20. Димитрій Ивановичъ Донской 1363 † 1389 г.
21. Василій Димитріевичъ 1389 † 1425 г.
22. Василій Васильевичъ Темный 1425—1433 г.
23. Юрій Димитріевичъ галицкій 1433 † 1434 г. [496a]).
24. Василій Темный (во второй разъ) 1434 † 1462 г.
25. Иванъ III Васильевичъ, при которомъ пало Монгольское иго, 1462 † 1506 г.

тельнымъ, но пока еще только удѣльнымъ княземъ этого княжества былъ сынъ Владиміра Всеволодовича Мономаха, Юрій, по прозванію Долгорукій, умершій великимъ княземъ въ Кіевѣ въ 1157 г.; первымъ же великимъ княземъ (владимірскимъ) Ростовско-Суздальской области былъ сынъ и преемникъ Юрія Долгорукаго, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій († 1174 г.), за которымъ, до Ярослава Всеволодовича, слѣдовали: братья его, Михаилъ (Михалко) Юрьевичъ († 1176 г.) и Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо († 1212 г.), — дѣти этого послѣдняго: Юрій Всеволодовичъ (занимавшій великокняжескій столъ два раза: съ 1212 по 1216 г. и съ 1219 по 1238 г.) и Константинъ Всеволодовичъ (занимавшій владимірскій столъ съ 1216 г. до своей смерти, т. е. 1219 г., послѣ чего братъ его Юрій во второй разъ занялъ великое княженіе).

496а) Юрій за указанное время собственно два раза занималъ Москву: въ 1433 и въ томъ же году опять уступилъ ее Василію; во второй разъ — въ 1434 году, въ которомъ и скончался. Послѣ него Москву занималъ сынъ его Василій Косой; но этого послѣдняго, какъ и брата его, Димитрія Шемяку, мы не помѣщаемъ въ перечнѣ великихъ князей по кратковременности занятія ими Москвы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1.

Великокняжескіе сыновья, не имѣвшіе почему-либо удѣловъ.

Ѳедоръ Ярославичъ.

р. 1219 † 1233.

Ѳедоръ Ярославичъ, старшій сынъ Ярослава Всеволодовича, князя переяславскаго, а потомъ великаго князя владимірскаго, родился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ зимой **1219 г.** [497]).

Въ **1228 г.** Ярославъ Всеволодовичъ сдѣлалъ попытку поставить въ зависимость отъ себя Псковъ, но не удачно: псковичи не пустили его къ себѣ, опасаясь властолюбивыхъ замысловъ его и стѣсненія свободы. Тогда Ярославъ, собравши новгородцевъ на архіепископскій дворъ, сталъ жаловаться имъ на псковичей и требовать мести за нанесенную ему обиду; но новгородцы очень холодно отнеслись къ его жалобамъ. Вызванное княземъ изъ Переяславля войско не помогло дѣлу, такъ какъ новгородцы рѣшительно высказались противъ намѣреній Ярослава и требовали удаленія переяславскихъ войскъ. Въ досадѣ Ярославъ вмѣстѣ съ женой уѣхалъ въ Переяс-

---

497) П. С. Р. Л. I, 188; VII, 126 («тоя жъ зимы»); XV, 329. Странное извѣстіе о какомъ-то Ярославичѣ находимъ въ Троицкой и Воскресенской лѣтописяхъ (ibid. I, 223; VII, 141). Въ указанныхъ мѣстахъ этихъ лѣтописей говорится, что татары, по взятіи Владиміра, разсѣялись и взяли города: «Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тверь, ту же и сына *Ярославля* убиша»... Какого Ярослава и какого сына? Ярославу Ярославичу, впослѣдствіи тверскому князю и вел. кн. владимірскому, въ годъ нашествія Батыя было лѣтъ 8—10; что же касается остальныхъ сыновей Ярослава Всеволодовича, то годы смерти всѣхъ ихъ извѣстны, и ни одинъ изъ нихъ къ данному случаю не подходитъ. Такимъ образомъ приведенное извѣстіе остается для насъ пока загадкой.

славль. Однако онъ оставилъ въ Новгородѣ двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Өедора и Александра (Невскій), подъ присмотромъ Өедора Даниловича и тіуна Якима [498]).

Въ томъ же **1228 г.** Новгородъ постигло бѣдствіе: всю осень и начало зимы до Николина дня шли безпрерывные дожди: «не видѣхомъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, свѣтла дни»; нельзя было ни обработывать полей, ни косить луговъ. Къ этому присоединилось новое бѣдствіе — внутреннее междоусобіе. Народъ, ища виновника постигшаго его несчастія, обвинилъ новаго владыку Арсенія, устранившаго прежняго владыку и достигшаго архіерейскаго сана будьто бы подкупомъ князя; затѣмъ начались грабежи: грабили представителей власти и вообще знатныхъ людей, которыхъ обвиняли въ томъ, что они наводятъ князя на зло. Вѣроятно, считая себя небезопасными при такомъ настроеніи умовъ въ Новгородѣ, Өедоръ Даниловичъ и тіунъ Якимъ тайно ночью уѣхали съ княжичами изъ Новгорода къ Ярославу [499]). Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ новгородцы обратились къ Михаилу черниговскому, который, прибывъ въ Новгородъ, по возможности умиротворилъ гражданъ и вскорѣ уѣхалъ, оставивъ тамъ малолѣтняго сына своего Ростислава. Между тѣмъ въ Новгородѣ, вмѣстѣ съ враждой между посадникомъ Водовикомъ и сыномъ извѣстнаго Твердислава, началъ свирѣпствовать голодъ. Граждане съ нетерпѣніемъ ожидали къ себѣ Михаила, но этотъ послѣдній, зная о приготовленіяхъ противъ него Ярослава, хотѣлъ прежде примириться съ нимъ. При посредствѣ митрополита Кирилла и черниговскаго епископа Порфирія примиреніе состоялось; но новгородцы были недовольны этимъ: они объявили сыну Михаила, бывшему тогда съ Водовикомъ въ Торжкѣ, что отецъ его измѣнилъ имъ, а потому они уже не признаютъ его болѣе своимъ княземъ. Ростиславъ ушелъ къ отцу, а новгородцы, избравши новаго посадника и тысяцкаго, призвали къ себѣ Ярослава, который торжественно клялся блюсти ихъ вольности: «цѣлова святую Богородицю на грамотахъ на всѣхъ Ярославлихъ». Чрезъ двѣ недѣли онъ уѣхалъ въ Переяславль, а въ Новгородѣ опять оставилъ сыновей своихъ, Өедора и Александра [500]). Это было въ самомъ началѣ января **1230** года.

Между тѣмъ Михаилъ черниговскій, въ противность состоявшемуся

---

498) Ibid. I, 219; III, 43; IV, 29; V, 173; VII, 134; въ XV, 349—350 говорится о сношеніяхъ Ярослава съ псковичами и не исполнившемся намѣреніи его идти на Псковъ подъ 1228 годомъ, а подъ 1229 говорится о томъ, что онъ осенью ушелъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ своей княгиней.

499) Ibid. III, 44; XV, 351.

500) Ibid. III, 47; IV, 29; XV, 357.

между нимъ и Ярославомъ примиренію, принималъ къ себѣ новгородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярослава, что и вызвало походъ послѣдняго къ Чернигову. Новгородскіе изгнанники и бѣглецы, утверждавшіе, что Ярослава въ Новгородѣ ненавидятъ, искали убѣжища въ Псковѣ, такъ какъ въ Черниговѣ узнали, что они лгали, говоря объ отношеніяхъ новгородцевъ къ Ярославу, почему имъ никто не хотѣлъ помогать, кромѣ трубчевскаго князя Святослава, да и тотъ воротился съ дороги, узнавъ, что дѣйствительно выходцы лгали. Псковичи приняли ихъ по-братски, а Ярославова представителя заковали въ цѣпи. Ярославъ, прибывши въ Новгородъ, остановилъ подвозъ товаровъ во Псковъ, вслѣдствіе чего въ послѣднемъ жители стали терпѣть отъ дороговизны. Наконецъ, псковичи смирились и просили, въ **1232 г.**, княземъ къ себѣ Ярославова сына Θедора. Въ этомъ Ярославъ отказалъ, а предложилъ имъ въ князья сына Мстислава Удалого, Юрія, котораго псковичи приняли съ радостью [501]).

Въ томъ же **1232 г.** вел. кн. Юрій Всеволодовичъ послалъ сына своего Всеволода на Мордву [502]). Съ нимъ ходили князья муромскіе и рязанскіе, а также и Θедоръ Ярославичъ. Князья, по обычаю тогдашнихъ войнъ, выжгли множество селеній и избили многихъ жителей.

Въ слѣдующемъ **1233 г.**, въ началѣ іюня, среди приготовленій къ брачному торжеству, Θедоръ Ярославичъ скончался; онъ погребенъ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Лѣтописецъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ это событіе, какъ наказаніе за грѣхи: «Еще младъ, говоритъ онъ о Θедорѣ, и кто не пожалуетъ сего? сватба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи позвани, и бысть въ веселія мѣсто плачь и сѣтованіе за грѣхи наша» [503]).

---

501) Ibid. III, 48; XV, 360. См. выше, стр. 12—14.

502) Подробности этого эпизода см. подъ Василькомъ Константиновичемъ ростовскимъ, во II-мъ томѣ.

503) П. С. Р. Л. I, 196, 220; III, 49 (іюня 10); V, 173; VII, 138; XV, 361. Тѣло его найдено нетлѣннымъ и перенесено въ Софійскій соборъ, гдѣ, въ придѣлѣ Рождества Богородицы, положено поверхъ земли, въ 1614 г. Церковь совершаетъ память его 5-го іюня, хотя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ днемъ кончины его выставляется 10-е іюня. См. «Словарь истор. о святыхъ». Спб. 1836. — Въ 1244 г. скончалась мать Θедора, Θеодосія Мстиславовна, и положена была въ томъ же Георгіевскомъ монастырѣ подлѣ Θедора.(П. С. Р. Л. III, 54; V, 182; VII, 152; XV, 385). Ср. прим. 42.

Даніилъ Ярославичъ.

1238 † 1256.

Даніилъ Ярославичъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Ярослава Всеволодовича [504]), въ первый разъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1238** годомъ въ перечнѣ князей, которыхъ Богъ спасъ отъ меча Батыева [505]). Затѣмъ онъ еще только два раза упоминается въ лѣтописяхъ: въ **1246 г.** сентября 30-го вмѣстѣ съ дядей своимъ Святославомъ и братьями онъ оплакалъ смерть своего отца; тутъ же замѣчено въ лѣтописяхъ, что преемникъ Ярослава, Святославъ, племянниковъ своихъ «посажа по городомъ, якоже уряди братъ его, князь великій Ярославъ Всеволодичъ» [506]). Но нѣтъ другихъ,— ни прямыхъ, ни косвенныхъ, —указаній на то, получилъ ли какой нибудь удѣлъ Даніилъ Ярославичъ или нѣтъ.

Даніилъ скончался въ **1256 г.** [507]). Былъ ли онъ женатъ и имѣлъ ли дѣтей, — извѣстій объ этомъ до насъ не дошло.

Василій Александровичъ.

р. послѣ 1238 † 1271.

О времени рожденія Василія Александровича, старшаго изъ четверыхъ сыновей Александра Ярославича Невскаго, лѣтописныхъ извѣстій до насъ не дошло [508]). Въ первый разъ онъ упоминается въ лѣтописяхъ подъ **1245 г.** Въ этомъ году литовцы сдѣлали набѣгъ на Новгородскую землю и воевали около Торжка и Бѣжецкаго Верха. Новоторжцы преслѣдовали ихъ, но не удачно; твеpечи, напротивъ, побили ихъ подъ Торопцемъ. На другой

---

504) Не всѣ родословныя въ одинаковомъ порядкѣ (по старшинству) перечисляютъ сыновей Ярослава Всеволодовича. Но вѣрнѣе, кажется, тѣ родословныя, которыя считаютъ Даніила шестымъ изъ восьми сыновей Ярослава, потому что, если, какъ нѣкоторые дѣлаютъ, считать его третьимъ, старшимъ — Ѳедора, а вторымъ — Андрея, то почему еще при жизни его Александръ (Невскій) уже выступилъ на сцену, а онъ — нѣтъ?

505) П. С. Р. Л. I, 200 (подъ 1239 г.), 225; V, 174; VII, 143; XV, 373; Ник. III, 3.

506) Ibid. I, 201; VII, 156; Ник. III, 26—27.

507) Ibid. IV, 38.

508) Если бы Василій Александровичъ родился раньше 1238 г., то навѣрно былъ бы упомянутъ въ перечнѣ князей, которыхъ, по лѣтописи, Господь спасъ отъ Батыева меча, — но въ этомъ перечнѣ его нѣтъ.

день послѣ этого подоспѣлъ Александръ Ярославичъ съ новгородцами и отнялъ у литовцевъ весь полонъ, забранный ими въ Новгородской землѣ, причемъ убито было восемь литовскихъ князей. Новгородцы воротились домой, а Александръ вмѣстѣ съ дворомъ своимъ продолжалъ преслѣдовать литовцевъ и еще разъ побилъ ихъ. Оставивъ преслѣдованіе непріятеля, Александръ поѣхалъ въ Витебскъ, взялъ здѣсь сына своего Василія, который, вѣроятно, гостилъ у родственниковъ матери своей, Александры Брячиславны, дочери полоцкаго князя [509]), и поѣхалъ далѣе, въ Новгородъ.

Въ **1252 г.** Александръ Невскій, послѣ того какъ братъ его Андрей бѣжалъ отъ татаръ, выѣхалъ изъ Новгорода во Владиміръ. Въ Новгородѣ остался, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, сынъ его Василій.

Въ слѣдующемъ **1253 г.** литовцы опять сдѣлали набѣгъ па Новгородскую землю. Василій Александровичъ съ новгородцами догналъ ихъ близъ Торопца, побилъ и отнялъ у нихъ полонъ [510]). Въ **1255 г.**, по-видимому, безъ всякаго достаточнаго повода, новгородцы выгнали его изъ города, принявши къ себѣ Ярослава Ярославича тверскаго, который, также по неизвѣстнымъ причинамъ, ушелъ вмѣстѣ съ своими боярами изъ Твери въ Псковъ, откуда и приглашенъ былъ въ Новгородъ. Василій засѣлъ въ Торжкѣ и извѣстилъ объ этомъ отца. Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ, княземъ юрьево польскимъ, пришелъ въ Торжокъ, а отсюда — къ Новгороду. Онъ требовалъ головы оклеветаннаго передъ нимъ посадника Ананіи, но ограничился только замѣною этого послѣдняго другимъ посадникомъ, Михалкомъ (Михаилъ Степановичъ), тайнымъ врагомъ Ананіи. Посадивши въ Новгородѣ опять Василія, Александръ возвратился во Владиміръ [511]).

Въ **1256 г.** па Нарову приходили шведы, Емь, Сумь и др. и начали ставить городъ. Въ это время въ Новгородѣ не было князя, и граждане отправили къ Александру Ярославичу пословъ съ просьбой о помощи. Великій князь самъ съ суздальскими и новгородскими полками ходилъ па Емь, воевалъ поморье и много вреда нанесъ непріятельской странѣ. Возвратившись изъ похода, онъ опять посадилъ въ Новгородѣ сына своего Василія, а самъ уѣхалъ во Владиміръ [512]).

---

509) П. С. Р. Л. III, 54; V, 182; XV, 386.

510) Ibid. III, 55; IV, 38; XV, 398; Ник. III, 35.

511) Ibid. I, 203; III, 55; V, 188; VII, 160; XV, 398; Ник. III, 35—36. См. также біографію Ярослава Ярославича тверскаго, во II-мъ томѣ.

512) Ibid. III, 56; IV, 38; V, 189; VII, 161; Ник. III, 37. Въ Никон. лѣтописи изъ одного похода подъ однимъ и тѣмъ же годомъ сдѣлано два. — Въ лѣтописяхъ говорится, что въ Новгородѣ не было князя... Вѣроятно, здѣсь разумѣется не Василій, а самъ Алек-

Все лѣто **1257 г.** новгородцы находились въ смятеніи и тревогѣ, потому что пришла злая вѣсть изъ Руси, что татары хотятъ брать на Новгородѣ тамгу и десятину [513]). По всему видно, что большая часть новгородцевъ не хотѣла платить татарамъ податей и налоговъ, и только немногіе сознавали трудность избавиться отъ этой бѣды. Къ числу первыхъ принадлежалъ и Василій Александровичъ. Зимой татары вмѣстѣ съ великимъ княземъ пришли въ Новгородъ, и Василій бѣжалъ въ Псковъ, зная, конечно, чего будетъ требовать отецъ его. Новгородцы не дали ни тамги, ни десятины, а дали только дары хану и съ миромъ отпустили татаръ. Разгнѣванный Александръ выгналъ сына изъ Пскова и отправилъ его «въ Низъ» (въ Суздальскую землю), а тѣхъ, «кто Василья на зло повелъ», казнилъ: «овому носа урѣзаша, а иному очи вынмаша» [514]). Новгородцы, въ свою очередь, убили посадника Михалка, вѣроятно, за то, что онъ держалъ сторону великаго князя, а на весну убили еще какого-то Мишу (Въ Никон. лѣтописи сказано, что убили посадника Михалка и другаго посадника [именемъ также] Михалка). Съ этихъ поръ Василій Александровичъ не упоминается въ лѣтописяхъ до самой кончины его, послѣдовавшей въ **1271 г.**

Василій Александровичъ потомства не оставилъ [515]).

Александръ Димитріевичъ.

† 1292.

Объ Александрѣ Димитріевичѣ, внукѣ Невскаго, среднемъ изъ троихъ сыновей вел. кн. Димитрія Александровича, до насъ дошло одно только извѣстіе, что онъ въ **1292 г.** скончался въ ордѣ [516]). Хотя лѣтописи ничего

сандръ. Что касается вторичнаго сажанія Василія новгородскимъ княземъ, то это, вѣроятно, только подтвержденіе прежняго такого же акта. Во всякомъ случаѣ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ извѣстій о томъ, чтобы передъ тѣмъ Василій выѣзжалъ изъ Новгорода.

513) Тамга—родъ подати. Объ этомъ и подобныхъ ему терминахъ см. «Очеркъ внутр. устройства Улуса Джучіева» И. Березина, въ «Трудахъ вост. отд. Имп. Археол. Общ.» ч. 8.

514) П. С. Р. Л. III, 56; IV, 38—39; V, 189; VII, 161; Ник. III, 38—39 (подъ 1258 г.).

515) Ibid. VII, 170; Ник. III, 54. Александръ Ярославичъ хотѣлъ устроить бракъ Василія съ Христиной, дочерью норвежскаго короля Гакона. Отправляя въ 1251 г. пословъ къ этому послѣднему съ представленіемъ, что его Финмаркскіе подданные грабятъ нашу Лопь и Корелію, что это должно быть воспрещено имъ, Александръ Ярославичъ вмѣстѣ съ тѣмъ наказалъ посламъ, чтобы они лично узнали Гаконову дочь. Гаконъ изъявилъ согласіе и на то и на другое, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ (возмущенія противъ татаръ) Невскій долженъ былъ отложить это дѣло. Вообще, бракъ этотъ не состоялся. См. Карамз. IV, 44, прим. 87.

516) Ibid. I, 227; III, 65; V, 201; VII, 180.

не говорятъ о причинахъ поѣздки его въ орду, но такъ какъ въ то же самое время въ ордѣ хлопоталъ о великокняжескомъ достоинствѣ дядя его, Андрей Александровичъ, то можно предполагать, что поѣздка Александра Димитріевича въ орду была въ связи съ кознями Андрея, усиливавшагося отнять великокняжескій столъ у отца его.

Занималъ ли какой нибудь удѣлъ Александръ Димитріевичъ, былъ ли женатъ и имѣлъ ли дѣтей, не видно ни изъ лѣтописей, ни изъ родословныхъ.

Иванъ Димитріевичъ.

р. 1290.

Иванъ Димитріевичъ—третій, самый младшій сынъ вел. кн. Димитрія Александровича. Одна только Никоновская лѣтопись отмѣчаетъ подъ **1290** годомъ его рожденіе, а болѣе нигдѣ никакихъ свѣдѣній о немъ мы не находимъ [517]).

Даніилъ Ивановичъ.

р. 1320.

Изъ четырехъ сыновей Ивана Даниловича Калиты старшій Семенъ и третій Иванъ одинъ послѣ другаго занимали великокняжескій столъ; самый младшій, Андрей, сидѣлъ въ Боровскѣ; о второмъ же сынѣ, Даніилѣ, извѣстно только то, что онъ родился въ **1320 г.** [518]). Вѣроятно, онъ умеръ въ младенчествѣ.

---

517) Ник. III, 88. Мальгинъ («Зерцало...» 1794, стр. 293) считаетъ этого Ивана княземъ костромскимъ, говоря, что онъ и умеръ въ Костромѣ. Но костромскимъ княземъ былъ старшій Иванъ, сынъ Димитрія же Александровича, а этотъ, младшій Иванъ, умеръ, надобно полагать, вскорѣ по рожденіи. Этого послѣдняго не должно смѣшивать съ Иваномъ костромскимъ: по Никон. лѣт. младшій Иванъ родился въ 1290 г., а старшій Иванъ, по Тверской лѣт., въ 1292 г. былъ женатъ. О послѣднемъ см. въ отдѣлѣ князей Переяславскихъ, во II-мъ томѣ.

518) Ник. III, 124. Не знаемъ, на какомъ основаніи М. Д. Хмыровъ (№ 653) говоритъ, что Даніилъ родился 11-го декабря 1315 г. Старшій братъ, Семенъ, родился 7-го сентября 1317 г., а Даніилъ считается вторымъ сыномъ Калиты.

Василій Семеновичъ.

р. 1337 † 1338.

О Василіи, старшемъ сынѣ Семена Ивановича Гордаго, извѣстно только то, что онъ родился 12-го апрѣля **1337 г.** и умеръ въ слѣдующемъ **1338 г.** [519]).

Константинъ Семеновичъ.

р. и † 1341.

Второй сынъ Семена Гордаго Константинъ родился въ **1341 г.** и жилъ только одинъ день [520]).

Даніилъ Семеновичъ.

р. 1347.

Третій сынъ Гордаго, Даніилъ, родился 15-го декабря **1347 г.** [521]); умеръ неизвѣстно когда, но, надобно полагать, въ младенчествѣ.

Михаилъ Семеновичъ.

р. 1348.

О Михаилѣ, четвертомъ сынѣ Семена Ивановича Гордаго, извѣстно только, что онъ родился въ **1348 г.** и умеръ, кажется, въ младенчествѣ [522]).

---

519) П. С. Р. Л. VII, 295; Ник. III, 163; по IV, 53 онъ родился въ 1338 г.
520) Ник. III, 175.
521) П. С. Р. Л. IV, 59 (подъ 1348 г.); VII, 214; Ник. III, 186.
522) Ник. III, 192.

Иванъ Семеновичъ.

р. 1351 † 1353.

Пятый сынъ Семена Ивановича Гордаго Иванъ родился зимой **1351 г.**, а скончался на первой недѣлѣ мѣсяца марта **1353 г.** [523]).

Семенъ Семеновичъ.

р. 1352 † 1353.

Шестой и послѣдній сынъ Гордаго Семенъ родился **1352 г.**, а скончался въ **1553 г.** [524]).

Даніилъ Димитріевичъ.

р. до 1371 г.

Старшій сынъ Димитрія Ивановича Донскаго Даніилъ извѣстенъ намъ только по упоминанію его въ родословныхъ и въ «Словѣ о житіи и преставленіи вел. кн. Дмитрія Ивановича, царя рускаго» [525]). Такъ какъ лѣтописи ничего не говорятъ о немъ, то надобно полагать, что онъ скончался въ отроческихъ годахъ, а потому Строевъ въ «Указателѣ къ Ист. Росс. Госуд.» Карамзина неосновательно приписываетъ ему жену Марію [526]).

---

523) П. С. Р. Л. III, 86; VII, 215, 217; Ник. III, 193 (подъ 1350 г.), 202. Въ Воскр. лѣтописи сказано, что митр. Өеогностъ скончался 1-го марта и что на той же недѣлѣ умерли дѣти Семена Ивановича, Иванъ и Семенъ, а въ Никон. сказано, что Өеогностъ умеръ 11-го марта (далѣе — какъ въ Воскр.).

524) Ibid.; Ник. 200, 202.

525) Ibid. IV, 354; V, 90; VI, 109; VIII, 58. Нѣкоторыя изъ новѣйшихъ родословныхъ (напр. Головина) считаютъ Даніила однимъ изъ младшихъ сыновей Донскаго. Въ «Словѣ», а также и въ Никон. лѣтописи (IV, 191) дѣйствительно онъ считается седьмымъ, но не въ смыслѣ старшинства, почему тутъ же и прилагается къ нему эпитетъ «старѣйшій».

526) На это указалъ еще М. Д. Хмыровъ (№ 652). Дѣйствительно, ничѣмъ другимъ нельзя объяснить ошибки Строева, какъ однимъ мѣстомъ (которое невѣрно объяснилъ себѣ Строевъ) духовной Юрія Димитріевича галицкаго, гдѣ говорится: «а благословляю сына своего Дмитрія (Шемяку): икона Спасъ, окована, что мя ею благословила *княгиня*

Иванъ Димитріевичъ.

1380 † 1393.

Иванъ Димитріевичъ, одинъ изъ младшихъ сыновей Димитрія Ивановича Донскаго [527]), начинаетъ упоминаться въ лѣтописяхъ съ **1380 г.** Въ этомъ году Димитрій Ивановичъ, отправляясь въ походъ противъ Мамая, оставилъ жену и дѣтей своихъ, Василія, Юрія и Ивана, на попеченіе воеводъ своихъ и, между прочимъ, Θедора Андреевича Свиблова [528]). Далѣе онъ упоминается въ духовномъ завѣщаніи отца своего, который относится къ нему нѣсколько странно и загадочно. Донской говоритъ, между прочимъ: «А приказываю отчину свою Москву дѣтемъ своимъ: князю Василью, князю Юрью, князю Андрею, князю Петру». Объ Иванѣ въ этомъ мѣстѣ завѣщанія ничего не говорится; четверо братьевъ получили жребіи въ Москвѣ,— онъ не получилъ, хотя былъ старше Петра, родившагося въ **1385 г.** Почему же такое предпочтеніе младшему брату передъ старшимъ? А между тѣмъ, какъ сейчасъ увидимъ, отецъ относился къ Ивану съ замѣтнымъ состраданіемъ. Распредѣляя волости между дѣтьми, Донской назначаетъ Ивану — послѣ младшаго изъ братьевъ, Петра — самое незначительное количество селеній: «А се даю сыну своему князю Ивану: Раменейце съ бортники и что къ нему потягло, да Звѣрковьское село съ Сохонскимъ починкомъ, что отошло отъ князя отъ Володимера; а Сохна сыну же моему князю Ивану; а въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ». С. М. Соловьевъ, объясняя этотъ фактъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Иванъ былъ боленъ и не могъ имѣть надежды

Марья Данилова» (т. е. жена кн. Даніила). Здѣсь разумѣется Марья, жена Даніила Борисовича суздальскаго, по матери двоюроднаго дяди Юріева. Вотъ почему въ Указателѣ Строева и нѣтъ жены Даніила Борисовича суздальскаго. Мальгинъ («Зерцало»), неизвѣстно на какомъ основаніи, хотя и близко къ истинѣ, говоритъ, что Даніилъ родился въ 1369 г. (слѣдующій сынъ, Василій, р. въ 1371 г.), а умеръ 15-го сентября 1379 г.

527) Относительно старшинства сыновей Донскаго существуютъ разногласія. Дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ трудно разобраться. М. Д. Хмыровъ (№ 835) пытался возстановить порядокъ ихъ по старшинству, но, кажется, неудачно. Предлагаемъ и свою комбинацію. Мы видѣли уже, что Даніилъ въ «Словѣ» названъ «старѣйшимъ», почему и ставимъ его на первое мѣсто. И такъ, вотъ въ какомъ порядкѣ старшинства должны слѣдовать, по нашему мнѣнію, сыновья Донскаго: Даніилъ «старѣйшій», Василій (р. 1371 г.), Юрій (р. 1374 г.), Семенъ († 1379 г.), Иванъ (начинаетъ упоминаться съ 1380 г.), Андрей (р. 1382 г.), Петръ (р. 1385 г.) и Константинъ (р. 1389 г.). Такимъ образомъ сомнѣніе возбуждаютъ только Семенъ и Иванъ. Неизвѣстно, кто изъ нихъ старше, но несомнѣнно, что четвертое и пятое мѣста принадлежатъ имъ, такъ что если четвертымъ сыномъ былъ не Семенъ, то — Иванъ, а Семенъ — пятымъ. См. прим. 530.

528) П. С. Р. Л. IV, 78; VI, 92; VIII, 36.

на потомство, очевидно, не сомнѣвается въ томъ, что Иванъ былъ женатъ, какъ не сомнѣвается и составитель «Родословной росписи» потомковъ Рюрикова дома, Головинъ. Едва ли это вѣрно. Если старшій изъ наличныхъ сыновей Донскаго, Василій, былъ женатъ въ **1391 г.**, а слѣдующій, Юрій, въ **1400 г.**, то когда же могъ бы жениться Иванъ? — Онъ не былъ женатъ и, надобно полагать, потому, что дѣйствительно былъ боленъ, но, кажется, не столько физически, сколько умственно. «Который братъ до него будетъ добръ» и т. д. О какомъ человѣкѣ можно такъ выразиться? О такомъ, о какомъ и въ наше время сказали бы: «блаженненькій» или что-нибудь подобное [529]).

Иванъ Димитріевичъ скончался въ **1393 г.**, постригшись въ иноческій чинъ съ именемъ Іоасафа, и погребенъ въ кремлевской церкви (тогда монастырь) Спаса на Бору, близь гроба бабки его, княгини Александры Ивановны [530]).

Семенъ Димитріевичъ.

† 1379.

О Семенѣ Димитріевичѣ, одномъ изъ среднихъ сыновей Димитрія Донскаго, извѣстно только, что онъ скончался 11-го сентября **1379 г.** [531]). Принимая въ соображеніе годъ женитьбы Донскаго (**1367-й**), надобно полагать, что Семенъ Димитріевичъ скончался въ младенческихъ годахъ.

---

529) С. г. г. и д. I, № 34. Головинъ въ своей «Родословной» даетъ Ивану Димитріевичу въ супруги Марію, въ иночествѣ Анастасію, — но откуда онъ почерпнулъ свѣдѣнія объ этомъ, не знаемъ.

530) П. С. Р. Л. VI, 123 (въ варіантахъ); VIII, 63; Ник. IV, 251. Въ Ник., стр. 191, гдѣ говорится о завѣщаніи Донскаго, между прочимъ, читаемъ: «по преставлении же его (Донскаго) *пятый* сынъ его Иванъ преставись». Слѣдовательно и въ Воскр. лѣт. не по ошибкѣ, какъ то утверждаетъ «Указатель къ 8 тт. П. С. Р. Л.», сказано, что Иванъ умеръ *послѣ* отца. Напротивъ, въ «Словѣ» невѣрно сказано, что онъ умеръ раньше отца (см. П. С. Р. Л. IV, 354; VI, 109; VIII, 58, 60). Неизвѣстно, на какомъ основаніи и Головинъ считаетъ его умершимъ въ 1383 г. — Пресловутый Мальгинъ въ своемъ «Зерцалѣ» считаетъ этого Ивана почему-то не сыномъ, а братомъ Димитрія Донскаго.

531) Ник. IV, 82; Карамз. V, пр. стр. 58.

19*

Юрій Васильевичъ.

р. 1395 † 1400.

Юрій Васильевичъ, старшій изъ пяти сыновей в. кн. Василія Димитріевича, родился весной **1395 г.**, а 30-го ноября **1400 г.** скончался; онъ погребенъ былъ въ храмѣ Архангела Михаила [532]). Вотъ все, что дошло до насъ объ этомъ княжичѣ.

Иванъ Васильевичъ.

р. 1396 † 1417.

Иванъ Васильевичъ, вторый сынъ в. кн. Василія Димитріевича, по однимъ извѣстіямъ родился въ **1396**, а по другимъ — въ **1397** году [533]).

Василій Димитріевичъ, желая упрочить новый порядокъ престолонаслѣдованія (въ нисходящей линіи по праву первородства), написалъ духовное завѣщаніе (первое, въ **1405 г.**), по которому Иванъ становится наслѣдникомъ его, т. е. объявляется будущимъ великимъ княземъ, каковымъ и признали его: дядя Василія Димитріевича, Владиміръ Андреевичъ Храбрый, и братья великаго князя, Андрей и Петръ Димитріевичи. Послѣднее заключеніе мы выводимъ изъ слѣдующихъ словъ духовной грамоты великаго князя: «А о своемъ сынѣ (Иванѣ) и о своей княгинѣ покладаю на Бозѣ и на своемъ дядѣ, на князи на Володимерѣ Ондреевичѣ, и на своей братьи, на князи на Ондрѣѣ Дмитреевичѣ и на князи на Петрѣ Дмитреевичѣ *по докончанью*, какъ ся имутъ печаловатися» [534]).

Въ **1416 г.** января 14-го Василій Димитріевичъ съигралъ на Москвѣ и сватьбу будущаго великаго князя, женившагося на дочери кн. Ивана Владиміровича Пронскаго [535]). Но въ іюлѣ мѣсяцѣ (20-го) слѣдующаго года,

532) П. С. Р. Л. VI, 124; VIII, 65, 74; Ник. IV, 257. По Софійской второй онъ родился 30-го мая, по Воскр. — 30-го марта, по Ник. — 1-го марта.

533) Ibid. VI, 129; VIII, 70. По первой изъ указанныхъ лѣтописей онъ родился 15-го сентября 1397 г., по второй — 15-го января 1396.

534) С. г. г. и д. I, № 39. Эта духовная писана въ промежутокъ времени между 13-мъ января 1405 г. и 19-мъ апрѣля (1406?), такъ какъ въ ней упоминается сынъ Василія Димитріевича Семенъ, родившійся 13-го января 1405 г. и жившій только 12 недѣль.

535) Тверск. 487.

на пути изъ Коломны въ Москву, наслѣдникъ Василія Димитріевича, «зѣло превозжелѣнный ему» Иванъ Васильевичъ скончался, не оставивъ потомства [536]); онъ погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

Даніилъ Васильевичъ.

р. 1401.

Даніилъ Васильевичъ, четвертый изъ пяти сыновей в. кн. Василія Димитріевича, родился 6-го декабря **1401 г.**, «да недолго жилъ, какъ говоритъ лѣтопись,— толико пять мѣсяць и умре» [537]).

Семенъ Васильевичъ.

р. 1405 † 1406.

О Семенѣ Васильевичѣ, пятомъ и послѣднемъ сынѣ в. кн. Василія Димитріевича, знаемъ столько же, сколько и о братѣ его, Даніилѣ: онъ родился 13-го января **1405 г.**, «да жилъ 12 недѣль и умре» [538]).

Юрій Васильевичъ большой.

р. 1437 † 1441.

Юрій Васильевичъ большой, старшій изъ семи сыновей Василія Васильевича Темнаго, называемый въ лѣтописяхъ *большимъ* въ отличіе отъ

---

536) П. С. Р. Л. I, 235; III, 106, 136; IV, 202; V, 260; VI, 141; VIII, 88. Въ двухъ послѣднихъ лѣтоп. по ошибкѣ этотъ Иванъ названъ нижегородскимъ княземъ. Карамзинъ считаетъ его отрокомъ.

537) Карамз. V, пр. 254.

538) Ibid. Семенъ упоминается въ первой духовной грамотѣ в. кн. Василія Димитріевича. См. пр. 534.

другаго брата, Юрія *меньшаго* или младшаго, кн. дмитровскаго, родился осенью **1437 г.** [539]), а умеръ зимой **1441 г.** [540]).

Семенъ Васильевичъ.

р. 1447—1449.

Семенъ Васильевичъ, пятый изъ семи сыновей Василія Васильевича Темнаго, родился 1-го сентября **1447 г.** Время смерти его неизвѣстно, но, по нѣкоторымъ соображеніямъ, можно сказать, что онъ скончался не раньше второй половины іюля **1449 г.** и не позже **1453 г.**, и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, въ младенчествѣ [541]).

---

539) П. С. Р. Л. V, 267; VI, 169; VIII, 106; Ник. V, 125. «Тое же осени родися великому князю сынъ Юрьи Васильевичъ болшій» («болшой», «прьвой», «болущей», очевидно, вм. «болшущій»). По Никон. и Соф. второй онъ родился осенью 1438 г.

540) Ibid. V, 267; VI, 170; VIII, 111; Ник. V, 153.

541) Ibid. V, 269; С. г. г. и д. I, № 80—81. Въ указанномъ договорѣ в. кн. Василія Васильевича съ безудѣльнымъ княземъ суздальско-шуйскимъ, Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, упоминается старшій изъ наличныхъ сыновей Темнаго, Иванъ, а также Андрей (углицкій), Семенъ и Юрій младшій (дмитровскій), но не упоминается Борисъ (волоцкій), шестой сынъ Василія Васильевича, и Андрей (вологодскій). По старшинству сыновья Василія Темнаго идутъ въ такомъ порядкѣ: Юрій старшій (р. 1437 г.), Иванъ (р. 1440 г.), Юрій меньшой (р. 1441 г.), Андрей углицкій (р. 1446 г.), Семенъ (р. 1447 г.), Борисъ волоцкій (р. 1449 г.) и Андрей вологодскій (р. 1452 г.). Такимъ образомъ, указанная грамота писана между 1447 г. (годъ рожденія Семена Васильевича) и 21-мъ іюля 1449 г. (годъ рожденія Бориса), такъ какъ въ ней упоминается Семенъ, но не упоминается Борисъ, а тѣмъ болѣе Андрей, родившійся позднѣе Бориса. Софья Витовтовна скончалась 15-го іюня 1453 года, къ которому можно отнести и ея духовную грамоту (С. г. г. и д. I, № 83); въ этой послѣдней упоминаются Иванъ, Юрій, Борисъ и Андрей, между тѣмъ какъ Семенъ не упоминается. Такимъ образомъ смерть Семена, надобно полагать, послѣдовала между 1449 и 1453 годами.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2.

Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Новгородской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ за періодъ времени отъ 1230 г. до паденія самостоятельности Новгорода.

Слѣдуя принятому плану, по которому мы должны давать краткія историческія свѣдѣнія о главныхъ центрахъ удѣльной сѣверо-восточной Руси, намъ нужно сказать нѣсколько словъ и о Новгородѣ Великомъ.

Первоначальная исторія Новгорода, какъ и многихъ другихъ древнихъ городовъ, основана на полубаснословныхъ или даже чисто баснословныхъ сказаніяхъ. Эти послѣднія дошли до насъ не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а въ извлеченіяхъ, передѣлкахъ и дополненіяхъ позднѣйшихъ бытописателей и историковъ. Такъ, сказаніе, не дошедшей до насъ Іоакимовской лѣтописи о началѣ Словенска, вмѣсто котораго потомъ поставленъ былъ Новгородъ, и о первомъ князѣ словенъ Гостомыслѣ сохранилось въ лѣтописномъ сводѣ Татищева [542]), который, какъ и князь Щербатовъ, даетъ полную вѣру этому сказанію. Гостомыслъ, по этому послѣднему, былъ княземъ словенъ еще до Р. Хр.; онъ перешелъ съ своимъ словенскимъ племенемъ съ Дуная на сѣверъ Европы, гдѣ построилъ обширный городъ Словенскъ, въ которомъ и скончался. Спустя нѣсколько сотъ лѣтъ по его смерти, изъ потомковъ его въ сказаніи упоминаются Вандалъ, Изборъ, Владиміръ и многіе другіе, наконецъ, въ девятомъ колѣнѣ Буривой. Этотъ Буривой, не выдержавъ борьбы съ варягами, бѣжалъ въ городъ Бярмы и тамъ скончался, а его враги овладѣли всей Словенской землей и начали жестоко утѣснять покоренныхъ. Утѣсняемые словяне выпросили у Буривоя

---

542) Татищевъ I, 32—34.

въ князья себѣ сына его Гостомысла, который прогналъ varяговъ и, какъ и подобаетъ полубаснословному герою, началъ спокойно и мудро править землей и быть грозой для сосѣдей. Онъ имѣлъ четырехъ сыновей, которые еще при жизни его умерли бездѣтными, и трехъ дочерей, которыя были въ замужествѣ за сосѣдними князьями. Гостомысла, какъ мудраго правителя, безпокоила мысль о томъ, что у него нѣтъ наслѣдника. Два раза онъ вопрошалъ боговъ объ этомъ послѣднемъ и получалъ благопріятные отвѣты, хотя и не вѣрилъ имъ, такъ какъ былъ старъ и жены его не раждали. Наконецъ, онъ увидѣлъ во снѣ, что изъ чрева второй дочери его Умилы выросло плодовитое дерево, которое вѣтвями своими покрывало какой-то обширный городъ и плодами своими насыщало людей. Призванные имъ волхвы или сногадатели объяснили сонъ въ томъ смыслѣ, что одинъ изъ сыновей Умилы будетъ его преемникомъ и что земля удобрится его княженіемъ. Всѣ рады были этому обстоятельству и особенно тому, что преемникомъ будетъ не сынъ старшей дочери, который «негожъ бѣ». Передъ смертью Гостомыслъ созвалъ всѣхъ старѣйшинъ земли своей отъ Славянъ, Руси, Чуди, Мери, Кривичей и Дряговичей, разсказалъ имъ сонъ свой и отправилъ къ варягамъ посольство просить князя въ преемники себѣ. Такимъ образомъ и явились три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ ихъ родами.

Какъ выше замѣчено, Татищевъ безусловно вѣритъ этому сказанію Іоакимовской лѣтописи и даже, неизвѣстно, изъ какихъ источниковъ, пополняетъ ее свѣдѣніями о дочеряхъ Гостомысла. Іоакимовская лѣтопись называетъ по имени одну только Умилу, Татищевъ же говоритъ, что старшая была за княземъ Изборскимъ, что отъ этого брака произошла Ольга (впослѣдствіи жена Игоря); о меньшей же дочери ничего неизвѣстно, но предполагается, не была ли она матерью Вадима. Этотъ Вадимъ поднялъ новгородцевъ противъ Рюрика, отъ руки котораго и палъ. По безъосновательнымъ догадкамъ и предположеніямъ Татищева (въ его примѣчаніяхъ на Іоакимовскую лѣтопись), Вадимъ былъ, можетъ быть, внукомъ Гостомысла, какъ и Рюрикъ, но, происходя отъ старшей сестры, имѣлъ болѣе правъ на власть, нежели послѣдній, почему и былъ убитъ младшимъ (двоюроднымъ) братомъ. Эти сказанія, основанныя, вѣроятно, на желаніи дать естественное объясненіе факту призванія князей, въ позднѣйшее время (въ XVII в.) досужими грамотеями, и особенно извѣстнымъ Каменевичемъ-Рвовскимъ, передѣлывались по личному вкусу. Гостомысла, однако, они называютъ не княземъ, а новгородскимъ старѣйшиной, избраннымъ всенародно. Передъ смертью онъ созвалъ всѣхъ начальныхъ людей Русской земли и совѣтовалъ имъ, по его кончинѣ, отправить посольство въ Варяжскую землю и въ

Пруссію къ тамошнимъ *самодержцамъ* отъ рода Августа Кесаря и просить ихъ къ себѣ на княженіе. По смерти Гостомысла, который похороненъ былъ на Болотовѣ [543]), сограждане его долго не хотѣли привести совѣтъ его въ исполненіе и не имѣли князей, а избирали только посадниковъ. Но безпрестанныя междоусобія заставили ихъ, наконецъ, отправить пословъ въ Варяжскую землю и въ Пруссію, къ тамошнему *курфирсту* Рюрику, потомку Августа Кесаря въ 14-мъ колѣнѣ. Щекатовъ [544]), говоря о началѣ Новгорода, дѣлаетъ общую ссылку на новгородскихъ лѣтописцевъ, подъ которыми, очевидно, разумѣетъ варіанты одного и того же сказанія. У него говорится, что задолго до построенія Новгорода, въ верстѣ или нѣсколько выше этого послѣдняго, былъ построенъ городъ Славенскъ, который населенъ былъ славянами. Но его опустошили войны и моровое повѣтріе; уцѣлѣвшіе жители перешли на берега Дуная и жили тамъ долгое время, но потомъ (въ половинѣ V в. по Р. Хр.) возвратились на прежнее мѣсто жительства и неподалеку отъ стараго города поставили *Новый городъ*; остатки же стараго на мѣстѣ, называемомъ Старое городище, видны и понынѣ.

На сколько въ этихъ баснословныхъ сказаніяхъ сохранились элементы о дѣйствительномъ происхожденіи Новгорода, судить, конечно, трудно. Но основа этихъ сказаній, безъ сомнѣнія, лежитъ отчасти въ дѣйствительныхъ фактахъ, а отчасти въ понятномъ желаніи какъ сравнительно древнихъ лѣтописцевъ, такъ и позднѣйшихъ сводчиковъ лѣтописныхъ извѣстій, хроникеровъ, найдти начало и раціональное (естественное) объясненіе того или другаго явленія, факта и пр. Фактъ призванія князей не подлежитъ сомнѣнію. Чѣмъ же вызванъ этотъ фактъ? Преданіе вообще могло сохранить причину его, а именно: отсутствіе крѣпкой власти, которая могла бы сдерживать частныя, эгоистическія стремленія, идущія въ разрѣзъ съ общимъ благомъ народа и производящія смуты и усобицы, и надобно полагать, что это такъ и было. Но позднѣйшіе хроникеры и составители отдѣльныхъ сказаній о тѣхъ или другихъ явленіяхъ въ древней Руси, въ противоположность своимъ первообразамъ, древнѣйшимъ лѣтописателямъ, которые и разукрашенныя народной фантазіей преданія вносили въ свои бытописанія, «не мудрствуя лукаво» (почему въ нихъ и можно до извѣстной степени разобраться), позднѣйшіе — говоримъ — хроникеры давали полный ходъ своей необузданной фантазіи: извѣстный голый фактъ они старались обста-

---

543) Болотово упоминается подъ 1348 г.: «Рѣша новгородци: братье плесковичи! то перво мы вамъ дали жалобу на Болотовѣ». П. С. Р. Л. IV, 58.

544) См. его «Геогр. словарь», IV, 685. Щекатовъ полагаетъ, что Новгородъ построенъ въ одно время съ Кіевомъ возвратившимися съ Дуная славянами.

вить интересными, по ихъ разумѣнію, подробностями; имъ нужны были дѣйствующія лица, по чему-либо необыкновенныя и часто съ драматическимъ положеніемъ, — словомъ, хроникеры, еще мало способные къ отвлеченному мышленію, старались изображать факты наглядно, конкретно, а для этого имъ приходилось выдумывать и дѣйствующихъ лицъ, и названія топографическія, географическія и т. п., или, наоборотъ, отъ послѣднихъ производить названія личныя.

Былъ ли на самомъ дѣлѣ Гостомыслъ, сказать трудно. Надобно замѣтить, что у Нестора онъ не упоминается, но въ позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ [545]), какъ Софійскій (Софійская первая), говорится, что славяне, пришедши съ Дуная, сѣли около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, поставили городъ, который назвали Новымъ-городомъ, и посадили у себя старѣйшину Гостомысла. Другой лѣтописный сводъ (Воскресенская лѣтопись) дополняетъ это извѣстіе нѣкоторыми подробностями, говоря, что, пришедши съ Дуная, славяне сѣли у Ладожскаго озера, а отсюда перешли къ озеру Ильменю и назвались инымъ именемъ—Русью, по имени рѣки Руссы, впадающей въ Ильмень; размножились здѣсь и посадили у себя старѣйшиной Гостомысла. А составитель Густинской лѣтописи, какъ бы сомнѣваясь въ существованіи Гостомысла, только послѣ передачи факта призванія князей, прибавляетъ: «Нѣціи же глаголютъ, яко Гостомыслъ» и т. д., какъ въ вышеприведенныхъ сказаніяхъ [546]). Преданіе о Гостомыслѣ держалось еще въ XVI в.: такъ, о немъ упоминаетъ Герберштейнъ, два раза посѣщавшій Россію въ первой половинѣ XVI в. Что касается самаго имени Гостомысла, то оно несомнѣнно могло существовать у славянъ; Гостомыслы упоминаются также въ древнѣйшей исторіи Мекленбурга [547]).

И такъ, первоначальная исторія Новгорода все-таки остается для насъ неясной, подернутой, такъ сказать, туманомъ баснословныхъ сказаній, къ составленію которыхъ часто подавали поводъ, вѣроятно, названія географическія, топографическія и т. п. Надобно полагать, что такимъ-то именно образомъ и произошли, напримѣръ, такія баснословныя сказанія,

---

545) И только, какъ сейчасъ увидимъ, въ двухъ, если не считать Густинскую лѣтопись, которая, впрочемъ, и не представляетъ изъ себя свода, а только выдержки изъ сводовъ съ примѣсью личныхъ разсужденій автора о нѣкоторыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ. Странно, что сказаніе о Гостомыслѣ не вошло даже въ такой лѣтописный сводъ, какъ Никоновская лѣтопись.

546) П. С. Р. Л. II, 235; V, 83; VII, 231, 268.

547) Шлёцеръ: «Несторъ» I, 303. Миллеръ, замѣтимъ, между прочимъ, недоумѣвалъ, собственное ли, или—лучше сказать—личное ли имя Гостомыслъ, или это прозвище: *Гостомилъ* (онъ предполагаетъ, что такъ было въ подлинникѣ), т. е. любитель гостей, чужестранцевъ.

какъ приводимыя Н. И. Костомаровымъ въ его «Исторіи Новгорода»[548]), въ которыхъ географическія имена, какъ, напримѣръ, рр. Руса и Волховъ и озеро Ильмерь (Ильмень), связываются съ именами личными; названіе одного изъ новгородскихъ концовъ *Славянскимъ*, а самаго города *Новымъ* городомъ, могло повести къ предположенію о существовавшемъ когда-то *старомъ* городѣ, городѣ *Славянскѣ*[548a]).

Такимъ образомъ о древности Новгорода вообще и времени основанія его въ частности ничего опредѣленнаго нельзя сказать. Но что Новгородъ въ эпоху призванія князей имѣлъ уже весьма важное значеніе среди славянскихъ поселеній сѣвера, это видно изъ того, что онъ стоялъ во главѣ союза племенъ, рѣшившихся призвать князей. Это обстоятельство само собой указываетъ на давнее возникновеніе города и на сравнительно высокое матеріальное развитіе его еще до призванія князей.

Благосостояніе Новгорода происходило не отъ главнаго общеславянскаго занятія хлѣбопашествомъ, для котораго неудобна была болотистая почва занятой новгородскими славянами территоріи, но отъ другихъ причинъ, и прежде всего отъ торговли, которая, въ свою очередь, вызвала среди новгородцевъ сильное колонизаціонное движеніе на востокъ и сѣверо-востокъ, въ бассейнъ Волги и Сѣвернаго ледовитаго океана. Выгодное положеніе Новгорода при выходѣ Волхова изъ озера Ильменя, въ сѣверной части великаго воднаго пути «изъ Варягъ въ Греки» само собою опредѣляло торговую дѣятельность новгородцевъ, и въ первые годы своего историческаго существованія новгородцы, конечно, сносились съ югомъ по торговымъ дѣламъ; съ юга же они получали и хлѣбъ. Только впослѣдствіи, когда южную Русь начали терзать и разорять, съ одной стороны, княжескія усобицы, съ другой — набѣги степняковъ, хищныхъ азіатовъ, а сѣверо-восточная Русь заселялась и обстраивалась городами и селеніями и начала выступать главнымъ историческимъ дѣятелемъ сѣверо-восточной Европы, торговые интересы отвлекли Новгородцевъ отъ юга на востокъ и сѣверо-востокъ, а при дальнѣйшемъ развитіи экономической жизни и на западъ, гдѣ Новгородъ вошелъ въ тѣсныя сношенія съ Ганзой.

---

548) См. его «Монографіи» т. VII, въ которомъ заключается «Исторія Новгорода, Пскова и Вятки», а въ отдѣльномъ изданіи—«Сѣверно-русскія народоправства».

548a) По мнѣнію Миллера (S. Russ. Gesch. V, 383) о Славянскѣ напоминаетъ Старое Городище близь Новгорода. Эверсъ не признаетъ ни Славянска, ни того мнѣнія, что основанный осѣвшими около Ильменя славянами городъ названъ *новымъ* въ отличіе отъ *стараго* (Славянска); городъ названъ *новымъ*, по мнѣнію Эверса, безотносительно, какъ и извѣстные въ древней географіи восемь Неаполей. (См. «Предвар. критич. изслѣдованія Густава Эверса для Росс. исторіи», кн. I, гл. 2, пр. 1).

Но кто же были эти новгородскіе славяне, откуда они пришли и какъ обширны были ихъ владѣнія?

Нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, какъ Д. И. Иловайскій[549]), считаютъ новгородскихъ славянъ тождественными кривичамъ, славянскому племени, обитавшему по Зап. Двинѣ и верховьямъ Днѣпра (въ нынѣшнихъ Витебской и Смоленской губ.); другіе, какъ И. Д. Бѣляевъ[550]), говорятъ, что Полоцкъ, Смоленскъ и даже Черниговъ были новгородскими колоніями; Н. И. Костомаровъ[551]), наконецъ, на основаніи фонетическихъ данныхъ языка, а также и позднѣйшихъ баснословныхъ измышленій грамотеевъ, на которыя указано выше, считаетъ новгородскихъ славянъ южно-руссами и въ извѣстной своей монографіи («Сѣверно-русскія народоправства») усиливается провести эту мысль часто не безъ натяжекъ. Что касается кривичей, то мы видимъ ихъ въ числѣ племенъ, участвовавшихъ въ призваніи князей; внѣшней же связи Чернигова съ Новгородомъ не видимъ; самые кривичи участвовали въ призваніи князей (а слѣдов., предполагается, входили въ составъ союза, во главѣ котораго стоялъ Новгородъ), можетъ быть, только потому, что были очень близкими сосѣдями новгородскихъ славянъ, съ которыми могли находиться въ тѣсныхъ сношеніяхъ[552]).

Что касается обширности какъ самаго Новгорода, какъ центра новгородскихъ славянъ, и его владѣній, то относительно перваго вопроса существуютъ только предположенія и болѣе или менѣе удачныя догадки, — относительно же втораго — есть нѣсколько указаній, изъ которыхъ только одно относится къ болѣе раннему періоду существованія Новгорода, остальныя же относятся къ болѣе позднему періоду, когда Новгородъ вошелъ

---

549) См. его статью въ «Вѣстн. Европы», 1864, № 8: «Великій Новгородъ и Бѣлоруссія». Болѣе подробный сводъ мнѣній объ этомъ предметѣ см. въ 1-мъ т. «Р. Исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, въ главѣ о Новгородѣ.

550) См. его «Разсказы изъ Р. Исторіи».

551) «Сѣверно-русскія народоправства» I, 3—13 (отдѣльное изданіе), вошедшія въ VII томъ его «Историч. монографій». Мнѣнія Костомарова подробно разсмотрѣны А. Ѳ. Гильфердингомъ («Собр. сочиненій» II, 407—412).

552) Указывая на то, что подъ Весью и Мерей должно разумѣть славянскихъ колонистовъ — господствующій классъ, Н. И. Костомаровъ (Моногр. т. VII, гл. 2) считаетъ участниками въ призваніи князей и кіевскихъ славянъ. Какъ на доказательство своей мысли, онъ указываетъ на то обстоятельство, что Аскольдъ и Диръ, вѣроятно, обманули кіевлянъ своимъ самозванствомъ, такъ какъ, по приходѣ Олега въ Кіевъ и заявленіи имъ о настоящемъ князѣ, кіевляне не вступились за княжившихъ у нихъ братьевъ и легко допустили умертвить ихъ. Догадка, можетъ быть, и остроумная, но едва-ли вѣрная: почему-же кіевляне не должны были вѣрить Аскольду и Диру, а Олегу вѣрить? Скорѣе тутъ дѣло въ силѣ, чѣмъ въ правѣ: кіевляне платили дань хозарамъ, но пришли Аскольдъ и Диръ, мечъ которыхъ оказался сильнѣе хозарскаго, и кіевляне признали ихъ своими владыками; въ свою очередь мечъ Олега оказался сильнѣе Аскольдова, и кіевляне признали Олега и Игоря.

уже въ тѣсныя отношенія къ Суздальской землѣ (которую онъ называлъ по ея географическому положенію относительно себя — Низовскою землею, Низомъ) и ея князьямъ. На основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, кажется, совершенно вѣрно полагаютъ, что Новгородъ, подобно Кіеву, возникъ изъ отдѣльныхъ поселеній, группировавшихся около общаго града: названія концовъ, какъ *Плотничій*, *Гончарный*, указываютъ какъ бы на нѣкогда бывшія отдѣльныя слободы, населеніе которыхъ занималось своимъ опредѣленнымъ ремесломъ; эти слободы постепенно расширялись и примкнули, наконецъ, къ центру, съ которымъ и составили одно цѣлое. Особое управленіе концевъ и частыя враждебныя столкновенія между ними какъ бы указываютъ именно на нѣкогда бывшую обособленность ихъ, на отдѣльные ихъ интересы. Когда всѣ части слились въ одно цѣлое, Новгородъ сталъ опредѣленно дѣлиться на двѣ крупныхъ части, которыя назывались сторонами и, въ свою очередь, дѣлились на концы: на *Софійской сторонѣ* были Неревскій, Загородный и Гончарный концы; на *Торговой сторонѣ* — Плотницкій и Словенскій. Впослѣдствіи число концовъ увеличилось. Концы дѣлились на улицы. Названія нѣкоторыхъ концовъ и улицъ указываютъ или на родъ занятій жителей (Гончарный конецъ, гдѣ жили гончары, — Плотницкій конецъ, гдѣ жили плотники), или на племенное происхожденіе жителей (Прусская улица съ пруссами, Неревскій конецъ съ неревлянами, Варяжская улица, гдѣ жили варяги [553]). Вѣроятно, сравнительно большое количество концовъ и улицъ подало нѣкоторымъ поводъ заключать объ обширности древняго Новгорода; но еще митрополитъ Евгеній, на основаніи состава почвенныхъ слоевъ въ окрестностяхъ Новгорода, доказалъ несостоятельность этого мнѣнія [554]).

Что касается обширности владѣній Новгорода, за чертой его самого, или волостей св. Софіи, какъ любили называть свои владѣнія новгородцы, то, само собою разумѣется, они пріобрѣтались постепенно. Но мы не имѣемъ точныхъ указаній на время пріобрѣтенія этихъ волостей. Изъ приводимаго «Повѣстью временныхъ лѣтъ» (стр. 169) разсказа новгородца Юряты Роговича видно, что новгородцы въ XI вѣкѣ собирали дань съ Печеры; въ XII в. совершались частые походы въ Заволочье (земли отъ

---

553) Въ Новгородской лѣт. (П. С. Р. Л. III, 208) подъ 1014 годомъ замѣчено, что Варяжская улица получила свое названіе отъ того, что въ ней жили варяги, призванные Ярославомъ I, когда противъ него собирался отецъ его, Владиміръ (святой).

554) Бѣляевъ, Разсказы изъ Русск. Ист. II, 2; Митроп. Евгеній, «Разговоръ о древн. Новгор.» 2; Н. Н. Муравьевъ, «Ист. изслѣд. о древн. Новг.». Красовъ, «О мѣстоположеніи древн. Новг.». Болѣе подробный сводъ мнѣній по разсматриваемому предмету см. въ «Русск. Ист.» К. Н. Бестужева-Рюмина I, 309—310.

Онеги до Мезени, по обѣимъ сторонамъ Сѣв. Двины), а въ XIII в. собиралась дань съ Терскаго берега (Тре — въ грамотахъ). Собственно Новгородская земля занимала нынѣшнія губерніи: Новгородскую, Псковскую и западную часть Тверской; тутъ были пригороды: Псковъ, Изборскъ, Старая Руса, Великіе Луки, Торжокъ, Бѣжецкъ или Бѣжичи, Ладога. Въ нѣкоторыхъ изъ оффиціальныхъ документовъ [555]) второй половины XIII вѣка новгородцы называютъ своими слѣдующія волости: Волокъ, Торжокъ, Бѣжичи, городецъ Палицъ, Мелеча, Шипино, Егна (отсюда Весьегонскъ), Вологда, Заволочье, (Колопермь), Тре, Пермь, Печера, Югра. Ближайшія къ Новгороду земли дѣлились на пять пятинъ: Водская — по Ладожскому озеру, Обонежская — отъ Онежскаго озера къ Бѣлому морю, Бѣжецкая (до р. Мсты), Деревская (до р. Ловати), Шелонская (отъ Ловати до Луги).

Теперь обратимся къ изложенію событій Новгородской земли при первыхъ князьяхъ.

Когда Синеусъ и Труворъ скончались, Рюрикъ переселился изъ Ладоги въ Новгородъ и началъ раздавать города мужамъ своимъ [556]). Но уже второй князь, Олегъ, перенесъ свою резиденцію на югъ, въ Кіевъ, который занимали Аскольдъ и Диръ. Въ Новгородѣ онъ оставилъ варяговъ, которымъ новгородцы «мира дѣля» должны были давать дань въ 300 гривенъ, «еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомъ» [557]). Очевидно, князь этимъ распоряженіемъ исполнялъ свой долгъ — поддерживать въ землѣ порядокъ и защищать гражданъ отъ внѣшнихъ враговъ. Съ перенесеніемъ столицы на югъ, и вниманіе лѣтописцевъ какъ бы отвлекается отъ сѣвера: они интересуются болѣе югомъ, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ великій князь. Впрочемъ, по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ наши историки [558]) находятъ, что связь Новгорода съ Кіевомъ и кіевскими князьями не прерывалась. Такъ, въ **903 г.** Игорь женился на Ольгѣ, родомъ псковитянкѣ [559]); эта Ольга, будучи великой княгиней, ѣздила по Новгородской землѣ и установляла погосты и дани по рр. Мстѣ и Лугѣ [560]). Это обстоятельство указываетъ на то, что Новгородъ наравнѣ съ Кіевомъ вполнѣ признавалъ ея власть. Но въ **970 г.**, когда Святославъ раздавалъ сыновьямъ своимъ удѣлы, оказалось, что Новгородъ былъ безъ князя и, можетъ быть, безъ его представителя: пришедшіе въ Кіевъ новгородцы требовали себѣ князя и даже гро-

---

555) См. С. г. г. и д. I, № 1 и слѣд.
556) П. С. Р. Л. I, 9.
557) Ibid. 10.
558) «Истор моногр.» Костомарова, VII, 32.
559) П. С. Р. Л. I, 12; II, 239; V, 93; VII, 272.
560) Ibid. I, 25.

зили: «аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя себѣ» (разумѣется, въ другомъ мѣстѣ), говорили они[561]). «Абы пошелъ кто къ вамъ!» отвѣчалъ Святославъ. Дѣйствительно, старшіе сыновья великаго князя отказались идти въ Новгородъ. Тогда Добрыня подговорилъ пословъ просить Владиміра, матерью котораго была ключница Малуша, сестра Добрыни, и Святославъ охотно отпустилъ его вмѣстѣ съ его дядей[562]). Н. И. Костомаровъ[563]) говоритъ, что князья неохотно шли въ Новгородъ потому, что послѣдній пользовался извѣстной автономіей, при которой князь не могъ свободно распоряжаться въ управленіи землей. Какъ бы то ни было, но младшій изъ сыновей Святослава, Владиміръ, пошелъ къ новгородцамъ.

Кто же управлялъ Новгородомъ до тѣхъ поръ? — За отсутствіемъ лѣтописныхъ извѣстій, на этотъ вопросъ можно отвѣчать только гадательно. Игорь и Святославъ, надобно замѣтить, слишкомъ поглощены были дѣлами на югѣ, чтобы строго и неуклонно слѣдить за автономнымъ Новгородомъ; въ Новгородѣ, вѣроятно, со временъ Олега, продолжали исполнять обязанности князя по отношенію къ землѣ тѣ же варяги, которые, при совершенномъ невниманіи кіевскихъ князей къ своей первоначальной резиденціи, могли самовольно вмѣшиваться въ не принадлежащія ихъ вѣдѣнію дѣла по управленію Новгорода. По тому-то, можетъ быть, новгородцы такъ настойчиво и требовали себѣ князя у Святослава. Но есть еще предположеніе[564]), что Новгородъ управлялся кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ княжескаго дома, о которыхъ упоминается въ договорѣ Игоря съ греками. Какъ бы то ни было, къ новгородцамъ пошелъ, какъ уже сказано, Владиміръ. Однако отношенія его къ Новгороду были, должно быть, не совсѣмъ удовлетворительны: такъ, когда, уже по смерти Святослава († 972 г.), Олегъ погибъ въ столкновеніи съ старшимъ братомъ своимъ, Ярополкомъ, Владиміръ, опасаясь честолюбивыхъ замысловъ послѣдняго, обратился за помощью не къ новгородцамъ, а ушелъ за море, къ шведамъ (это было въ 977 г.); новгородцы же, въ отсутствіе его, безъ всякаго сопротивленія приняли къ себѣ посадниковъ Ярополка. Между тѣмъ Владиміръ, пробывъ два года въ Швеціи, возвратился съ варягами и выгналъ изъ Новгорода Ярополковыхъ посадниковъ; съ тѣми же варягами онъ добылъ и Кіевъ. Естественно, что варяги чувствовали себя хозяевами въ этомъ дѣлѣ, почему и требовали окупа по двѣ гривны съ человѣка. Владиміръ, однако, отдѣлывался одними обѣщаніями, такъ что варяги, наконецъ, начали просить

561) Ibid. 29.
562) Ibid. I, 29; V, 108; VII, 289.
563) «Моногр.» VII, 33.
564) К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 314.

его, чтобы онъ показалъ имъ «путь въ Греки»; князь исполнилъ ихъ просьбу, но лучшихъ, болѣе храбрыхъ изъ нихъ, оставилъ при себѣ и роздалъ имъ города [565]).

Въ какихъ же отношеніяхъ къ новгородцамъ былъ Владиміръ, занявши кіевскій великокняжескій столъ? Костомаровъ, какъ бы предполагая, что Новгородъ совершенно, такъ сказать, отбился отъ власти великаго князя, говоритъ, что Владиміръ, при помощи, вѣроятно, тѣхъ же варяговъ, которые помогли ему овладѣть Кіевомъ, покорилъ Новгородъ и въ продолженіе всего княженія своего относился къ нему, какъ побѣдитель къ побѣжденному. Не знаемъ, насколько вѣрно это предположеніе; видимъ только, что со времени занятія Кіева Владиміромъ, лѣтопись мало даетъ матеріаловъ для сужденія объ отношеніяхъ Новгорода къ великому князю. Лѣтописцы говорятъ, что въ 980 году Владиміръ посадилъ въ Новгородѣ дядю своего, Добрыню, съ которымъ въ 985 г. ходилъ на землю Болгарскую; затѣмъ подъ 990 годомъ отмѣчаютъ, что Владиміръ началъ ставить города по Деснѣ, Остеру, Трубежу, Сулѣ, Стугнѣ «и насели ихъ словены, сирѣчь ноугородцы, — кривичи, сирѣчь смолняны, и чудью и вятичи» [566]).

Въ томъ же 990 году въ Новгородѣ совершилось одно изъ важнѣйшихъ событій его жизни — крещеніе новгородцевъ. По извѣстіямъ Никоновской лѣтописи [567]), въ Новгородъ прибылъ Михаилъ, первый русскій митрополитъ, съ епископами, Добрыней и Анастасомъ, тѣмъ самымъ корсунскимъ священникомъ, при помощи котораго Владиміръ взялъ Корсунь. По пути къ Новгороду греческіе епископы истребляли идоловъ, крестили народъ и основывали храмы. Христіанство, однако, туго принималось на сѣверѣ, гдѣ по сосѣдству съ новгородскими славянами жили исключительно

---

565) П. С. Р. Л. I, 32—34 (II, 249 подъ 980 и 981 годами); IV, 174 (подъ 972 годомъ); V, 2, 111—112; VII, 292—294.

566) Ibid. I, 36; V, 114; VII, 296; IX, 58; въ II, 250 подъ 986 годомъ.

567) Что касается времени крещенія новгородцевъ, то лѣтописи, относительно хронологіи, представляютъ страшную путаницу, такъ что одинъ изъ позднѣйшихъ хроникеровъ (Густинская лѣтопись, П. С. Р. Л. II, 256) замѣтилъ объ этомъ: «О семъ конечномъ крещеніи русскомъ... въ лѣтахъ не согласуютъ лѣтописцы». Подъ 988 г. говорится, что Владиміръ взялъ у патріарха Фотія перваго митрополита для Кіева, Леона, — а для Новгорода—епископа Іоакима Корсунянина. Это событіе въ разныхъ лѣтописяхъ отмѣчено подъ разными годами (П. С. Р. Л. II 256, а ниже стр. 258 — подъ 990; III, 207; VI 83; въ III, 179 и IV, 175 подъ 989; въ III, 121, — V, 121 и VII, 313 подъ 991 годомъ). Подъ разными же годами отмѣчена и дѣятельность Іоакима въ Новгородѣ, какъ разореніе капищъ (ibid. III, 207 подъ 988; IV, 175 — подъ 989; II, 258 — подъ 990; V, 121; VII, 313 — подъ 991). По II, 258 въ 990 г. Владиміръ самъ отправляется въ страну Залѣсскую, ставитъ тамъ городъ Владиміръ, въ Ростовѣ истребляетъ идола Волоса, а Новгороду въ архіепископы даетъ Іоакима Корсунянина.

язычники и не могло быть такихъ сношеній съ христіанскимъ міромъ, какія были на югѣ, въ Кіевѣ, по сосѣдству съ христіанской Византіей. Въ **991 г.** въ Новгородъ и Псковъ назначенъ былъ епископомъ Іоакимъ Корсунянинъ, и ему вновь пришлось сокрушать идоловъ и разорять требища[568]). Говоря о крещеніи новгородцевъ въ **990 г.**, Никоновская лѣтопись ничего не передаетъ о томъ, чтобы новгородцы оказали хоть какое-либо сопротивленіе греческимъ епископамъ, — не говоритъ объ этомъ и при второмъ истребленіи идоловъ и капищъ. Но такъ называемая Іоакимовская лѣтопись, извѣстія которой сохранились у Татищева[569]), передаетъ весьма характерный и, кажется, правдоподобный разсказъ о второмъ истребленіи идоловъ и требищъ въ Новгородѣ: по этой лѣтописи, въ Новгородъ отправились съ епископомъ Іоакимомъ Добрыня и тысяцкій Владиміра Путята съ ратной силой; въ Ростовѣ они увеличили эту послѣднюю новокрещенцами-ростовцами и пошли далѣе; по дорогѣ силы ихъ еще увеличивались другими новокрещенцами, такъ что къ Новгороду эта духовно-военная миссія пришла съ весьма внушительнымъ количествомъ рати. Новгородцы собрались на вѣче и рѣшили не пускать въ городъ пришедшихъ съ Добрыней и не выдавать боговъ; мостъ на Волховѣ былъ разобранъ, а на берегу выставлены были камнеметныя орудія. Болѣе рѣшительное сопротивленіе готовилась оказать лѣвая сторона (по теченію Волхова), почему Добрыня съ духовенствомъ и ратными людьми первоначально занялъ правую, Торговую сторону, гдѣ, въ теченіе двухъ дней, крещено было нѣсколько сотъ человѣкъ. Между тѣмъ на лѣвой сторонѣ главный жрецъ Богумилъ, прозванный за его сладкорѣчіе *Соловьемъ*, приглашалъ гражданъ крѣпко стоять за вѣру отцовъ, — а тысяцкій Угоняй, разъѣзжая по городу, кричалъ: «Лучше намъ умереть, чѣмъ отдать на поруганіе нашихъ боговъ». Путята ночью съ 500 ростовцевъ переправился на лѣвую сторону и, благодаря тому, что новгородцы той стороны приняли ихъ за своихъ, проникъ въ городъ; Угоняй и нѣкоторые другіе передніе мужи были схвачены и отправлены на другую сторону къ Добрынѣ, о чемъ не замедлила разнестись по городу молва. Народъ разсвирѣпѣлъ: новгородцы-язычники, мирно жившіе до тѣхъ поръ съ бывшими среди нихъ христіанами, у которыхъ была церковь Преображенія Господня, теперь въ ярости разметали эту церковь, пограбили и раззорили дома христіанъ[570]); до пяти тысячъ

568) Цитаты въ концѣ предъидущаго примѣчанія.

569) Татищевъ I, 38—40.

570) По извѣстіямъ Іоакимовской лѣтописи, еще до переправы Путяты на лѣвый берегъ, новгородцы убили жену Добрыни, разорили его домъ и перебили нѣкоторыхъ изъ его родственниковъ. Н. И. Костомаровъ (Моногр. VII, 39) пріурочиваетъ это извѣстіе ко вре-

новгородцевъ вступили въ жестокую сѣчу съ ростовцами, приведенными Путятой. Тогда Добрыня такъ же, какъ и Путята, пользуясь темнотой ночи, переправился на лѣвую сторону, зажегъ дома по берегу рѣки и тѣмъ произвелъ всеобщее замѣшательство: народъ бросился тушить пожаръ, а лучшіе люди (аристократія) послали къ Добрынѣ просить мира, и этотъ последній приказалъ спасать городъ и прекратить грабежъ. Но теперь дошла очередь до боговъ: деревянныхъ идоловъ сожгли, а каменныхъ побросали въ рѣку; новгородцы напрасно умоляли пощадить ихъ святыню. Отсюда-то и пошла пословица, что Путята крестилъ новгородцевъ мечемъ, а Добрыня — огнемъ. Одна изъ Новгородскихъ лѣтописей [571]) передаетъ, что главный идолъ Перуна, когда его бросили въ рѣку, началъ кричать: «о горе мнѣ, охъ! достался я немилостивымъ судіямъ»,—потомъ бросилъ на мостъ палицу и сказалъ: «поминайте меня этимъ, новгородцы!» Идолъ, котораго запрещено было извлекать изъ воды, доплылъ до р. Пидьбы [572]) и остановился у берега; мѣстный житель-гончаръ, собиравшійся ѣхать рѣкой въ городъ для продажи горшковъ, увидѣвъ идола, оттолкнулъ его отъ берега шестомъ и сказалъ: «Довольно ты, Перунище, поѣлъ-попилъ, плыви теперь прочь». Такимъ образомъ Новгородъ оказался, дѣйствительно, какъ-бы покореннымъ силой оружія, и Владиміръ, слѣдовательно, могъ распологать имъ по личному усмотрѣнію. Къ концу X вѣка печенѣги сильно безпокоили Кіевъ, и Владиміръ, находя мѣстныя силы недостаточными для борьбы со степняками, въ **997 г.** отправился въ Новгородъ «по верховньѣ воѣ на печенѣгы» [573]); новгородцы, кромѣ того, обязаны были платить кіевскому князю 2000 гривенъ въ годъ и 1000 гривенъ давать на княжескихъ гридней; самое управленіе Новгородомъ Владиміръ поручилъ первоначально Вышеславу, а послѣ туда перешелъ изъ Ростова Ярославъ. Однако, располагая судьбами Новгорода, какъ покоритель его, Владиміръ не уничтожилъ внутренняго самоуправленія его: мы видимъ тамъ посадниковъ, которые собирали дань и отдавали ее поставленному надъ нимъ князю. Хотя и нѣтъ прямыхъ указаній на то, въ какихъ отношеніяхъ находился посадникъ къ новгородскому князю, но фактъ существованія его и обязанность его собирать дань указываютъ вообще на то, что онъ былъ какъ-бы посредникомъ между

мени разоренія церкви Преображенія, когда народъ въ ярости истреблялъ все ему ненавистное. Но странной кажется оплошность Добрыни, который, идя на Новгородъ съ мечемъ и огнемъ, не постарался заблаговременно удалить изъ Новгорода своихъ семейныхъ и, вообще, родныхъ.

571) П. С. Р. Л. III, 207.

572) Впадаетъ съ лѣвой стороны въ Волховъ, ниже Новгорода.

573) П. С. Р. Л. I, 54—55; II, 260; V, 123; VII, 316.

народомъ и его непосредственнымъ княземъ точно такъ же, какъ этотъ послѣдній былъ посредникомъ между управляемой имъ землей и великимъ княземъ кіевскимъ; какъ посадникъ доставлялъ собираемую имъ дань князю новгородскому, такъ и этотъ послѣдній ту же дань долженъ былъ доставлять въ Кіевъ. Ярославъ, однако, не доставлялъ отцу дани, по скупости ли, каковое качество замѣчаютъ за нимъ скандинавскія саги, или по чему-либо другому — неизвѣстно, — такъ что Владиміръ вынужденъ былъ поднять оружіе на сына, чтобы заставить его исполнять свой долгъ по отношенію къ великому князю. Ярославъ, узнавши о намѣреніяхъ отца, бѣжалъ къ варягамъ, не надѣясь, вѣроятно, на помощь новгородцевъ, которымъ все равно было давать дань, Ярославу ли или Владиміру. Варяги, приведенные Ярославомъ въ Новгородъ, хозяйничали какъ люди, въ которыхъ нуждались, — своевольничали и насиловали новгородскихъ женъ, такъ что, выведенные изъ терпѣнія, новгородцы составили заговоръ и въ какомъ-то «дворѣ Поромони» перебили варяговъ, но, какъ увидимъ, не всѣхъ, а, вѣроятно, болѣе безпокойныхъ и наглыхъ [574]). Это заставило Ярослава удалиться въ Ракомъ [575]), откуда онъ послалъ сказать новгородцамъ: «уже мнѣ не воскресить убитыхъ», и приглашалъ къ себѣ зачинщиковъ заговора, вѣроятно, для примиренія. Послѣдніе довѣрчиво явились, но были перебиты. Въ ту же ночь изъ Кіева пришло извѣстіе, что великій князь скончался, что Святополкъ, намѣреваясь завладѣть великимъ княжествомъ, убилъ младшихъ братьевъ, Бориса и Глѣба. Теперь Ярославъ, волей-неволей, долженъ былъ поклониться новгородцамъ: онъ самъ вышелъ въ поле на вѣче и просилъ прощенія. «Если, князь, наша братія изрублена, — отвѣчали новгородцы, — то мы можемъ постоять за тебя». Надобно полагать, что со стороны Святополка Новгороду угрожала какая-нибудь опасность, почему они теперь и приняли такое участіе въ дѣлѣ Ярослава [576]). Если вѣрить лѣтописи, то около Ярослава составилось громадное ополченіе: ва-

---

574) Ibid. I, 56; II, 261; III, 208; V, 124; VII, 317; «Истор. моногр.» Костомарова VII, 42 и слѣд. Едва-ли справедливо думаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ («Русск. Ист.» I, 314), что не платить дань въ Кіевъ Ярослава побуждали новгородцы. Зачѣмъ было бы, въ такомъ случаѣ, Ярославу бѣжать и искать помощи у варяговъ? Считая дѣло князя и своимъ дѣломъ, новгородцы, несомнѣнно, взялись бы вмѣстѣ съ княземъ за оружіе для защиты своего дѣла, а между тѣмъ этого мы не видимъ.

575) На правомъ берегу Ильменя.

576) Объясняя такое, по-видимому, странное явленіе, какъ согласіе новгородцевъ помогать Ярославу, послѣ того какъ этотъ послѣдній избилъ ихъ сограждан, нѣкоторые видятъ тутъ борьбу двухъ сторонъ: Торговой, которую избилъ Ярославъ, и боярской (Софійской), поддерживавшей князя. Но болѣе правдоподобнымъ считается то мнѣніе, по которому здѣсь надобно видѣть общность интересовъ князя и Новгорода. См. К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 314.

ряговъ была 1000 человѣкъ, вѣроятно, оставшихся отъ избіенія, а остальныхъ — 40,000. Послѣ первой стычки съ Святополкомъ Ярославъ, какъ побѣдитель, занялъ Кіевъ и роздалъ помогавшимъ ему новгородцамъ по 10 гривенъ. Но Святополкъ не палъ духомъ и не хотѣлъ такъ легко уступить Кіевъ: въ **1018 г.** онъ привелъ польскаго короля Болеслава Храбраго, на дочери котораго, по свидѣтельству Дитмара, былъ женатъ. Враги встрѣтились на берегахъ р. Буга. Разбитый на-голову Ярославъ, у котораго кромѣ Руси (полянъ) были наемные варяги и славяне (новгородцы), только самъ-пятъ успѣлъ бѣжать въ Новгородъ. Но и здѣсь онъ не надѣялся удержаться и хотѣлъ опять бѣжать за море, для чего уже заготовлены были и лодки. Однако новгородцы, по почину Добрынина сына Константина, истребивъ лодки, удержали князя и предложили ему свою помощь. Сдѣлали складчину: положено было взять отъ старостъ по 10 гривенъ, отъ бояръ — по 18, а отъ мужа — по 4 куны. Собранное на эти средства ополченіе оказалось, однако, не достаточнымъ, почему опять привели варяговъ изъ-за моря. Между тѣмъ Святополкъ, отплатившій Болеславу за его помощь черною неблагодарностью [577]), не разсчитывая уже болѣе на короля польскаго, обратился къ печенѣгамъ. Братья-враги [578]) встрѣтились (въ **1019 г.**) на берегахъ р. Альты (впадающей въ Трубежъ), гдѣ Святославъ первый пролилъ кровь брата Бориса. Побѣда теперь осталась за Ярославомъ, который, въ благодарность за помощь, наградилъ новгородцевъ деньгами, далъ имъ «Правду» (судебные уставы) и грамоту или «Уставъ»: «и отпусти ихъ всѣхъ, говоритъ лѣтописецъ, домовъ, и дая имъ правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамоте ходите, яко же писавъ вамъ, тако же держите» [579]). Этотъ уставъ составляетъ эпоху въ жизни новгородцевъ: Новгородъ становится вполнѣ самостоятельнымъ, главой всей Новгородской земли, и только Ладога отдана была въ управленіе шведу Рагнгвальду. Но и этотъ пригородъ, по смерти послѣдняго, опять возсоединился съ Новгородской землей [580]). Впрочемъ, въ вопросѣ о полной самостоятельности Новгорода, дарованной ему грамотой Ярослава, наши историки не вполнѣ со-

---

577) По разбитіи Ярослава, побѣдители пришли въ Кіевъ; войска Болеслава были расквартированы по городамъ. Святополкъ, опасаясь измѣны поляковъ, приказалъ тайно избивать ихъ, почему Болеславъ и долженъ былъ удалиться изъ Русской земли. При этомъ онъ захватилъ съ собой бывшихъ въ Кіевѣ сестеръ Ярослава, изъ которыхъ одну, Предславу, взялъ къ себѣ въ наложницы (Несторъ и Дитмаръ).

578) Они собственно не были братьями: мать Святополка, жена Ярополка Святославича, забеременѣвъ отъ послѣдняго, сдѣлалась наложницей Владиміра послѣ того, какъ онъ убилъ Ярополка, и уже въ качествѣ этой послѣдней, т. е. наложницы Владиміра, родила Святополка.

579) П. С. Р. Л. III, 20; V, 134; VII, 328; IX, 77; XV, 141.

580) Костомаровъ, «Ист. моногр.» VII, 47.

гласны. С. М. Соловьевъ[581]) говоритъ, что грамоты Ярослава касались только финансовыхъ льготъ, а не административныхъ, что Новгородъ вполнѣ зависѣлъ отъ кіевскаго князя, и, какъ на доказательство своего мнѣнія, указываетъ на то, что въ Новгородъ князья посылались, а не избирались самими новгородцами, что даже самые посадники присылались въ Новгородъ изъ Кіева: такъ, послѣ Ярослава Новгородомъ управлялъ присланный изъ Кіева посадникъ Остромиръ. Къ тому же мнѣнію склоняется и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ[582]), который указываетъ въ пользу своего мнѣнія на то обстоятельство, что новгородцы впослѣдствіи ссылались на не дошедшія до насъ грамоты Ярослава только въ финансовыхъ вопросахъ. Другіе историки, какъ Костомаровъ и Бѣляевъ[583]), придаютъ грамотамъ Ярослава значеніе политическое. Суздальская лѣтопись (Лаврентія), говоритъ Н. И. Костомаровъ, не расположенная къ новгородскимъ патріотическимъ стремленіямъ, говоря о событіяхъ XII вѣка, сознается, что новгородцы издавна, отъ временъ древнихъ князей, имѣли свободныя права: «издавно суть свобожени прадѣды князь». Впрочемъ, надобно замѣтить, что приведенныя слова лѣтописи въ контекстѣ не совсѣмъ отвѣчаютъ выводу историка: въ лѣтописи сказано: «не глаголемъ же: прави суть новгородци, яко издавна суть свобожени новгородци прадѣды князь нашихъ»[584]). Какъ бы то ни было, Ярославъ сначала самъ правилъ Новгородомъ и защищалъ его отъ враговъ: такъ, въ **1021 г.** онъ разбилъ на р. Судомѣ[585]) Брячислава Изяславича, князя полоцкаго, который, въ **1020 г.**, напалъ на Новгородъ, ограбилъ его и пошелъ домой съ большою добычей[586]). Но въ **1036 г.** онъ посадилъ тамъ старшаго сына своего Владиміра. Отсюда вошло какъ-бы въ обычай, что старшій сынъ великаго князя, до занятія имъ великокняжескаго стола, садился на столѣ новгородскомъ[587]). Владиміръ, однако, не постоянно жилъ въ Новгородѣ: такъ, въ **1042 г.** онъ съ новгородцами воевалъ Емь (или Ямь) въ южной части Финляндіи[588]), а въ слѣдующемъ году

---

581) «Объ отнош. Новгорода», 33.

582) «Русск. Ист.» I, 315.

583) «Истор. моногр.» VII, 47; «Разск. изъ Русской Ист.», 229.

584) П. С. Р. Л. I, 154.

585) Въ Псковской губерніи. Иначе эта рѣка называлась еще въ древности Судомѣрью.

586) Ibid. I, 63; II, 264; III, 1; V, 134; VII, 320, 328.

587) Съ точностію, впрочемъ, нельзя сказать, въ какомъ именно году Ярославъ посадилъ въ Новгородѣ Владиміра, такъ какъ лѣтописи несогласны въ показаніи этого года: П. С. Р. Л. III, 120—подъ 1030 годомъ; II, 266 и V, 136—подъ 1034 годомъ; наконецъ I, 65 и VII, 330—подъ 1036 годомъ.

588) П. С. Р. Л. I, 66; II, 267; III, 2; V, 137; VII, 331.

былъ въ походѣ на Грецію[589]); въ **1045 г.** мы опять видимъ его въ Новгородѣ, гдѣ онъ заложилъ Софійскій соборъ[590]). Въ **1052 г.** Владиміръ, причтенный впослѣдствіи православною церковью къ лику святыхъ, скончался и былъ погребенъ въ Софійскомъ соборѣ[591]). Спустя два года Изяславъ, бывшій послѣ Владиміра въ Новгородѣ, занялъ кіевскій великокняжескій столъ; въ Новгородъ же онъ послалъ не князя, а посадника Остромира. Если принять во вниманіе, говоритъ Н. И. Костомаровъ, что въ старѣйшихъ городахъ сидѣли князья, а въ пригородахъ обыкновенно посадники, то посылка въ Новгородъ Остромира была, по-видимому, униженіемъ для старѣйшаго города, — и тотъ-часъ опровергаетъ это предположеніе: онъ говоритъ, что Новгородъ, отъ присылки туда посадника, не терялъ ни своего значенія, ни своей самостоятельности, что это обстоятельство означало только то, что Новгородъ признавалъ своимъ княземъ того, кто былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и великимъ княземъ, а великій князь могъ послать туда или сына, или намѣстника-посадника[592]). Въ **1066 г.** Изяславъ Ярославичъ посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Мстислава. Въ томъ же году Всеславъ Брячиславичъ полоцкій, питавшій, какъ и вообще всѣ потомки Изяслава Владиміровича, ненависть къ кіевскимъ князьямъ, послѣ неудачной осады Пскова, нечаянно напалъ на Новгородъ, разбилъ Мстислава на Черехѣ, взялъ городъ, плѣнилъ многихъ жителей и ограбилъ храмъ св. Софіи. Мстиславъ бѣжалъ въ Кіевъ[593]). Мстя за Новгородъ, Изяславъ Ярославичъ, въ **1067 г.,** взялъ полоцкій городъ Минскъ, разбилъ самого Всеслава на р. Немизѣ (Нѣманѣ), коварно завлекъ его въ Кіевъ и посадилъ тамъ въ заключеніе. Въ томъ же году, по предположенію С. М. Соловьева[594]), Изяславъ послалъ въ Новгородъ племянника своего Глѣба Святославича[595]). Но вскорѣ (въ томъ же **1067 г.**) Изяславъ, за-то, что

---

589) Ibid. I, 66—67; II, 267; III, 2, 211; V, 137; VII, 331.

590) Ibid. I, 67; II, 268; III, 2, 210 (подъ 1020 годомъ), 211; V, 121, 138; VII, 332.

591) Ibid. I, 69; II, 268; III, 2, 212; V, 121, 138; VII, 332 (октября 4).

592) Ibid. I, 69—70; II, 268—269; III, 2, 122 (подъ 1055 годомъ); V, 139; VII, 223, 232—233, 241. Къ 1054 г. нѣкоторыя лѣтописи (V, 139; VII, 333) относятъ походъ его на Чудь, когда онъ взялъ какой-то городъ Осекъ Декипивъ, «сирѣчь Солнца рука». Карамзинъ (II, пр. 114), объясняя это названіе, говоритъ, что солнце по-эстонски *пяв* и *пяйв*, рука — *кясси*.

593) Карамзинъ (II, пр. 118) приводитъ въ своей исторіи слѣдующую лѣтописную выписку 1066 г. изъ Синодальной рукописи XV в.: «Въ Новѣгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава, и побѣдиша (Всеславъ съ полочанами) и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать». Странно, что ни Соловьевъ, ни Костомаровъ не отмѣчаютъ этого факта. — Мстиславъ посаженъ былъ потомъ (въ 1069 г.) въ Полоцкѣ, гдѣ,—кажется, въ томъ же году, — и умеръ.

594) П. С. Р. Л. I, 72 (подъ 1066 г.); II, 270; V, 141; VII, 335—336.

595) Ист. Росс. II, пр. 55 (по изд. 1870 года).

онъ не хотѣлъ во второй разъ идти на половцевъ, былъ изгнанъ изъ Кіева, гдѣ граждане вокняжили (15-го сентября) Всеслава Брячиславича, и Глѣбъ долженъ былъ удалиться изъ Новгорода въ Тмутаракань, гдѣ онъ былъ уже и прежде[596]). Въ **1069 г.** Изяславъ, при помощи поляковъ, не только выгналъ Всеслава изъ Кіева, но и овладѣлъ Полоцкомъ, въ которомъ посадилъ сына своего Мстислава, въ томъ же году умершаго[597]). Въ то же время мы видимъ Глѣба Святославича опять въ Новгородѣ: здѣсь на Кземли (урочище въ самомъ Новгородѣ) онъ разбилъ Всеслава 23-го октября **1069 г.** [598]); а въ **1071 г.**, когда въ Новгородѣ явились волхвы и начали мутить народъ, онъ главному изъ этихъ волхвовъ собственноручно ссѣсъ топоромъ голову[599]). Въ **1073 г.** Изяславъ вторично изгнанъ былъ изъ Кіева братьями своими, Святославомъ и Всеволодомъ, изъ которыхъ первый занялъ великокняжескій столъ, на которомъ сидѣлъ до самой кончины своей, послѣдовавшей 27-го декабря **1076 г.** [600]); спустя съ небольшимъ полгода, а именно 15-го іюля (по другимъ 2-го мая) **1077 г.**, Изяславъ въ третій разъ занялъ Кіевъ, уступленный ему Всеволодомъ [601]); въ томъ же году Глѣбъ Святославичъ, кажется, изгнанъ былъ изъ Новгорода и мѣсто его занялъ сынъ Изяслава Святополкъ. Глѣбъ Святославичъ, для возвращенія потери, звалъ къ себѣ на помощь Владиміра Всеволодовича (Мономахъ), но въ слѣдующемъ **1078 г.**, укрываясь въ Заволочьѣ, убитъ былъ чудью[602])... Святополкъ княжилъ въ Новгородѣ до **1087 г.**

---

596) П. С. Р. Л. I, 72—74 (подъ 1067 г.); II, 270—271; III, 2; V, 141—142; VII, 336. Что въ 1068 г. Глѣбъ былъ въ Тмутаракани, видно изъ надписи такъ называемаго Тмутараканскаго камня: «Въ лѣто 6576, индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева (Керчи) 10,000 и 4,000 сажень». См. Карамз. II, пр. 120.

597) Ibid. I, 74—75 (подъ 1068 г.); II, 271—272; III, 2; V, 142—143; VII, 337.

598) Ibid. III, 2; V, 143; VII, 337. Кземлею (по Никон. лѣтописи Гзеня или Гзень), говоритъ Карамзинъ (II, пр. 125), называлось урочище подлѣ городскаго звѣринца.

599) Ibid. I, 77—78; V, 146; VII, 340; по II, 237 въ 1070 г.

600) Ibid. I, 78; III, 2; V, 147; VII, 341—342.

601) Ibid. I, 85; II, 274—275; V, 148; въ VII, 1—2 подъ 1077 г.

602) П. С. Р. Л. I, 85; II, 275; VII, 2; IX, 107—во всѣхъ подъ 1078 годомъ; въ III, 3 и V, 148—подъ 1079 годомъ. Почти всѣ указанныя лѣтописи днемъ убіенія Глѣба считаютъ 30 мая, даже и тѣ, которыя говорятъ объ этомъ подъ 1079 годомъ.— Н. И. Костомаровъ, отстаивая свободу новгородцевъ въ избраніи князей и опровергая утвержденіе другихъ историковъ, что въ Новгородѣ обыкновенно садился старшій сынъ существующаго великаго князя, опирается на примѣрѣ Глѣба Святославича, отдавая преимущество тѣмъ извѣстіямъ, по которымъ Глѣбъ убитъ позднѣе вел. кн. Изяслава Ярославича и слѣдовательно занималъ новгородскій столъ помимо старшаго сына Изяславова Святополка. Но большинство лѣтописей, въ томъ числѣ Лаврентьевская и Ипатьевская, относятъ смерть Глѣба къ 30 мая 1078 г., а смерть Изяслава къ 3 октября того же года (Ibid. I, 86; II, 275; VII, 2; IX, 107) и сначала передаютъ фактъ убіенія Глѣба, а потомъ уже говорятъ о походѣ Изяслава къ Чернигову и убіеніи его на Нѣжатиной нивѣ. Только Новгородская говоритъ объ

включительно, потомъ перешелъ въ Туровъ, а новгородцы выпросили къ себѣ, въ **1088 г.**, Мстислава Владиміровича, который въ **1093 г.** переведенъ былъ въ Ростовъ, а въ **1095 г.** опять возвратился въ Новгородъ[603]). Въ концѣ того же года Святополкъ и Владиміръ Мономахъ, бывшіе въ войнѣ съ Олегомъ Святославичемъ черниговскимъ, силой вывели изъ Смоленска въ Новгородъ Олегова брата Давида, который, недолго посидѣвши въ Новгородѣ, пошелъ въ Смоленскъ, выгналъ оттуда Мономахова сына Изяслава и опять явился въ Новгородъ. Но новгородцы на этотъ разъ сказали ему: «не ходи къ намъ; воротись и сиди въ Смоленскѣ»; въ то же время они требовали себѣ Мстислава Владиміровича, и этотъ послѣдній, какъ уже сей-часъ сказано, пришелъ въ Новгородъ въ томъ же **1095 г.**[604]). Въ **1102 г.** великій князь Святополкъ и Владиміръ Мономахъ урядились между собою перевести Мстислава изъ Новгорода во Владиміръ-Волынскій, а Новгородъ отдать сыну Святополка. Мстиславъ, по приказу отца, прибылъ въ Кіевъ; съ нимъ пришли и новгородскіе послы, которые, отъ лица всего Новгорода, держали такія рѣчи къ Святополку: «Не хотимъ ни Святополка, ни сына его; если у него двѣ головы, то посылай его. Мстислава далъ намъ Всеволодъ; мы вскормили себѣ князя, а ты ушелъ отъ насъ»[605]). Какъ ни настаивалъ Святополкъ на своемъ, ничего, однако, не могъ добиться и долженъ былъ уступить требованіямъ новгородцевъ. Такимъ обра-

---

убіеніи Глѣба подъ 1079 г., а объ убіеніи Изяслава—подъ 1078 г.; Софійская же говоритъ объ убіеніи обоихъ князей подъ однимъ 1079 г. и прежде говоритъ объ убіеніи Изяслава (Ibid. III, 3; V, 148). Изъ этихъ фактовъ, намъ кажется, далеко нельзя вывести такого заключенія, какое выводитъ Н. И. Костомаровъ. Притомъ же Лаврентьевская лѣтопись такъ выражается: «Сѣдящю же Святополку въ него мѣсто (вмѣсто Глѣба) Новѣгородѣ», Олегъ и Борисъ Вячеславичъ привели на Русь половцевъ, въ бою съ которыми на Нѣжатиной нивѣ, палъ вел. кн. Изяславъ. По третьемъ занятіи Изяславомъ Кіева, Глѣбъ, надобно полагать, изгнанъ былъ изъ Новгорода и ушелъ не въ Тмутаракань, гдѣ распоряжался Олегъ, а въ Заволочье, и сюда-то, надобно полагать, онъ звалъ къ себѣ на помощь Владиміра Мономаха, который самъ говоритъ объ этомъ въ своемъ «Поученіи». Такого мнѣнія придерживается и Карамзинъ (II, пр. 134). Этого послѣдняго факта (приглашенія Глѣбомъ Мономаха) нѣтъ возможности пріурочить къ иному времени, какъ только къ тому, когда Глѣбъ былъ въ Заволочьѣ. Если бы Глѣбъ въ 1078 г. проживалъ въ Заволочьѣ какъ князь новгородскій, то онъ, естественно, не обратился бы за помощью къ Владиміру Мономаху: съ нимъ были бы новгородцы. Наконецъ, въ Новгор. лѣтописи попа Іоанна (Карамз. II, пр. 133) прямо сказано, что новгородцы выгнали Глѣба, который бѣжалъ за Волокъ и былъ убитъ тамъ Чудью.

603) П. С. Р. Л. I, 98; II, 280; VII, 8; IX, 124. Въ лѣтописи попа Іоанна (Карамз. II, пр. 172) говорится о княженіи Мстислава въ Новгородѣ: «княживъ *пять лѣтъ* (слѣд. 1088 + 5 = 1093 г.) иде къ Ростову». Здѣсь не вѣрно только говорится, что новгородцы «по *двою лѣту* выгнаша» отъ себя Давида; скорѣе нужно было бы сказать по двою мѣсяцу.

604) Ibid. I, 97—98; II, 250 (Изяславъ по ошибкѣ названъ здѣсь Ярославичемъ); III, 3; V, 150; VII, 8.

605) Ibid. I, 117; II, 286; VII, 18; а въ V, 154 подъ 1098 годомъ.

зомъ Мстиславъ остался въ Новгородѣ... Впрочемъ новгородскій князь принималъ участіе и въ дѣлахъ южной Руси: такъ, въ **1111 г.** онъ принималъ участіе въ походѣ русскихъ князей за р. Донъ на половцевъ[606]). Въ Новгородѣ Мстиславъ сидѣлъ до **1117 г.**, и въ этотъ періодъ времени совершилъ побѣдоносный походъ на Чудь (въ **1113 г.**), заложилъ (въ томъ же г.) каменную церковь св. Николая на княжомъ дворѣ у Торговища[607]), «заложи Новгородъ болій перваго»[608]) въ **1114 г.**, а въ **1116 г.** взялъ чудскій городъ Оденпе (Медвѣжья голова) 9-го марта[609]). Въ **1117 г.** Владиміръ перевелъ Мстислава, готовя его къ занятію великокняжескаго стола, въ кіевскій Бѣлгородъ, а въ Новгородъ послалъ внука Всеволода, Мстиславова сына, который въ томъ же году зимой совершилъ трудный, но счастливый походъ въ Финляндію[610]). Тогда въ Новгородѣ произошло какое-то смятеніе, о которомъ лѣтопись говоритъ неопредѣленно и темно. Въ слѣдующемъ году, вѣроятно вслѣдствіе этого смятенія, Владиміръ Мономахъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ препроводилъ въ Кіевъ новгородскихъ бояръ, привелъ ихъ къ крестному цѣлованію и отпустилъ домой, а нѣкоторыхъ заключилъ въ тюрьму[611]). Затѣмъ, подъ **1120 г.** встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Новгородъ прибылъ на посадничество какой-то Борисъ, а въ **1129 г.** — какой-то Даніилъ изъ Кіева[612]). Въ **1126 г.** Всеволодъ зачѣмъ-то ходилъ въ Кіевъ къ отцу и опять возвратился въ Новгородъ, а въ слѣдующемъ **1127 г.** вмѣстѣ съ новгородцами предпринималъ походъ на кривичей[613]); въ **1130 г.** съ новгородцами и **1131 г.** съ братьями своими, Изяславомъ и Ростиславомъ, зимой, Всеволодъ ходилъ на Чудь (эстовъ), а въ **1132 г.**, по смерти отца, переведенъ былъ дядей своимъ, в. кн. Ярополкомъ, въ русскій (кіевскій) Переяславль, куда и отправился, не смотря на то, что на крестномъ цѣлованіи обѣщалъ новгородцамъ умерсть у нихъ[614]). Юрій Владиміровичъ Долгорукій, кн. суздальскій, добивавшійся Переяславля, какъ послѣдней ступени къ великокняжескому столу, къ которому онъ такъ горячо стремился, выгналъ своего племянника изъ Переяславля и самъ занялъ его.

606) Ibid. II, 1, 288; III, 4; VII, 21—22; а въ I, 127 и V, 155—подъ 1112 годомъ.
607) Ibid. II, 4; III, 4; IX, 143.
608) Ibid. II, 5; III, 4 (подъ 1116 г.).
609) Ibid. IX, 149.
610) Ibid. I, 128; II, 8, 291 (по ошибкѣ названъ здѣсь Владиміровичемъ, т. е. сыномъ Мономаха); III, 4, 123; IV, 2; V, 156; VII, 24.
611) Ibid. III, 4.
612) Ibid. III, 5; IV, 2—3.
613) Ibid. I, 131; II, 11 (подъ 1128 г.); VII, 27. О поѣздкѣ въ Кіевъ III, 5.
614) Ibid. I, 132; II, 12, 393 (первый походъ подъ 1131 г.); III, 6; IV, 3; VII, 29. Между первымъ и вторымъ походами, по Новгородской первой, Всеволодъ ѣздилъ за чѣмъ-то въ Кіевъ къ отцу.

Всеволодъ опять пришелъ въ Новгородъ, но теперь новгородцы напомнили ему, что онъ ушелъ отъ нихъ; затѣмъ, пригласивъ псковичей и ладожанъ, порѣшили на вѣчѣ изгнать князя и изгнали. Вскорѣ, однако, у нихъ явилось сожалѣніе объ изгнанникѣ, и они воротили его съ дороги (догнали въ Устьяхъ) въ Новгородъ[615]). Въ **1133 г.** Всеволодъ ходилъ на Чудь и взялъ Дерптъ (Юрьевъ), а черезъ годъ, въ **1135 г.**, заложилъ церковь св. Богородицы на Торговищѣ[616]). Къ **1134—1135 гг.** относится основаніе имъ другой церкви, о которой онъ самъ говоритъ въ дарственной записи: «Се азъ князь великии Гавріилъ, нареченный Всеволодъ... Мстиславичъ... поставилъ есми церковь святыни великии Иванъ на Петрятинѣ дворищѣ»[617])... Въ южной Руси въ то время происходили смуты: Вячеславъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха, отнялъ у Изяслава Мстиславича Туровъ (въ **1135 г.**); Изяславъ занялъ Переяславль, но и отсюда выгнанъ былъ другимъ дядей, Юріемъ суздальскимъ. Тогда Изяславъ ушелъ въ Минскъ, а отсюда въ Новгородъ къ брату своему Всеволоду. Вѣроятно, вслѣдствіе подстрекательствъ брата, Всеволодъ, который и самъ нѣкогда обиженъ былъ Юріемъ, уговорилъ новгородцевъ помочь своему брату противъ князя суздальскаго. Первый походъ былъ неудаченъ. Изяславъ послѣ того примирился съ великимъ княземъ Ярополкомъ, отъ котораго получилъ Владиміръ Волынскій, куда и ушелъ. Между тѣмъ въ Новгородѣ начались волненія: новгородцы избирали и смѣняли посадниковъ; наконецъ, недовольные худымъ результатомъ похода, снова требовали войны, хотѣли идти къ Суздалю и, дѣйствительно, 31-го декабря выступили въ походъ. Битва произошла на Ждановой горѣ: много потерявъ своихъ, новгородцы еще болѣе положили на мѣстѣ суздальцевъ, но побѣды не одержали и возвратились домой, заключивши миръ[618]). Это вновь пробудило неудовольствіе новгородцевъ на князя. Между тѣмъ на югѣ между Ольговичами и Мономаховичами разгаралась вражда, которая не могла не коснуться такъ или иначе и Новгорода. Новгородцы выступили-было примирителями враждовавшихъ князей, но безуспѣшно: не соглашаясь на миръ, каждая изъ враждующихъ сторонъ старалась привлечь новгородцевъ къ себѣ; въ самомъ Новгородѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ партія, стоявшая за Олеговичей, взяла верхъ: въ **1135 г.** новгородцы, пригласивъ ладожанъ и псковичей, составили вѣче, на которомъ обвиняли Всеволода въ томъ, что онъ не заботится о смердахъ, которые находились на попеченіи князя, — что во время битвы съ суздаль-

615) Ibid. I, 132; III, 6; VII, 29 (подъ 1131 г.).
616) Ibid. III, 6. Тогда же обновленъ и мостъ чрезъ Волховъ.
617) Акты Ист. I, № 3.
618) П. С. Р. Л. I, 132; VII, 29—30; по III, 6 «иде Кыеву» въ 1134 г.

цами первымъ бѣжалъ съ поля сраженія; вспоминали и о томъ, что онъ покидалъ Новгородъ для Переяславля. До прибытія новаго князя, Всеволода съ женой, дѣтьми и тещей его, семь недѣль держали подъ стражей въ домѣ епископа. По прибытіи въ Новгородъ Святослава Олеговича (прибылъ въ іюнѣ) Всеволодъ ушелъ въ Кіевъ просить защиты у великаго князя Ярополка, который далъ ему Вышгородъ[619]). Но здѣсь Всеволодъ пробылъ не долго: въ **1137 г.** онъ съ любовью принятъ былъ псковичами, такъ что Псковъ на время сдѣлался отдѣльнымъ княжествомъ. Въ Новгородѣ у Всеволода были сторонники или, какъ выражается лѣтопись, «милостивцы»; самъ посадникъ Коснятинъ Микуличъ бѣжалъ къ нему изъ Новгорода съ своими приверженцами. Привлекши на свою сторону псковичей, эти выходцы убѣждали Всеволода оружіемъ добывать утраченное княженіе, а единомышленники ихъ въ Новгородѣ покушались даже, хотя и неудачно, застрѣлить новаго новгородскаго князя Святослава Олеговича. Приверженцы Олеговичей разграбили дома своихъ противниковъ, собрали съ нихъ пеню и на этотъ сборъ вмѣстѣ съ княземъ своимъ вооружились противъ Пскова. Псковичи и новгородскіе выходцы приготовились къ отпору. Враги сошлись у Дубровны, но битвы не было: псковичи на лѣсномъ пути подѣлали засѣки, такъ что новгородцамъ трудно было вести наступательную войну; по извѣстіямъ лѣтописей, обѣ стороны порѣшили положиться на волю Божію и не проливать крови; къ тому же устранилась и причина раздора: 11-го февраля **1138** года Всеволодъ скончался[620]). Тогда псковичи пригласили къ себѣ брата его Святополка. Въ то же время на югѣ взяли верхъ Мономаховичи: великій князь Ярополкъ смирилъ Всеволода Олеговича черниговскаго, что отразилось и въ Новгородѣ тѣмъ болѣе, что туда ни изъ Кіева, ни изъ Суздальской земли не пропускали хлѣбныхъ товаровъ. Слѣдствіемъ этого было то, что новгородцы, 17-го апрѣля **1139** года, заточили своего князя Святослава Олеговича съ его семействомъ въ монастырь и на мѣсто его призвали сына Юрія Долгорукаго, Ростислава[621]).

Между тѣмъ въ южной Руси Олеговичи опять взяли верхъ: по смерти Ярополка въ Кіевѣ вокняжился кн. туровскій Вячеславъ Владиміровичъ, но его выгналъ оттуда Всеволодъ Олеговичъ, который и сѣлъ на кіевскомъ столѣ 5-го марта **1139 г.** Юрій суздальскій звалъ новгородцевъ на Оле-

---

619) Ibid. I, 133; II, 14; III, 6; IV, 4—5, 176—177; V, 8, 157; VII, 30. Разныя, изъ указанныхъ, лѣтописи относятъ эти событія къ разнымъ годамъ, начиная съ 1134 по 1136 г.

620) Ibid. I, 133; II, 14; III, 7—8, 176; IV, 5—6, 176; V, 8, 157—158; VII, 30—31. И здѣсь разныя лѣтописи помѣщаютъ тѣ или другія событія подъ разными годами, начиная съ 1136 по 1138 г.

621) Ibid.

говичей, но тѣ не согласились, и Ростиславъ бѣжалъ изъ Новгорода. Новгороды опять звали къ себѣ Святослава Олеговича, который теперь медлилъ прибытіемъ въ Новгородъ и явился туда только въ концѣ 1139 г. и 25-го декабря посаженъ былъ на столѣ новгородскомъ. Но вскорѣ новгородцы не взлюбили его: противъ Святослава интриговалъ братъ его, Всеволодъ кіевскій, который хотѣлъ отдать Новгородъ сыну своему. Новгородцы отправили въ Кіевъ пословъ просить къ себѣ Всеволодова сына, а до прибытія его хотѣли все-таки задержать у себя Святослава. Но послѣднему, естественно, показалось это обиднымъ, и онъ тайно ушелъ изъ Новгорода. Между тѣмъ, въ то время, какъ новгородское посольство просило у великаго князя сына его, въ Новгородѣ вдругъ произошла важная перемѣна: партія Мономаховичей взяла верхъ, такъ что новгородцы не хотѣли уже ни брата, ни сына кіевскаго князя. За Святославомъ послали погоню, но онъ ускользнулъ отъ нея; поймали только бѣжавшаго въ-слѣдъ за нимъ посадника Якуна съ товарищами его, воротили его въ Новгородъ, вывели на вѣче, били, потомъ обнажили и сбросили съ моста въ рѣку. Тотъ, однако, не утонулъ и присталъ къ берегу; но теперь его уже не хотѣли ни бить, ни топить, — взяли только съ него 1000 гривенъ пени, а съ брата его — 100 гривенъ; подобную же пеню взяли и съ его единомышленниковъ; самого Якуна, кромѣ того, заточили въ Чуди. Затѣмъ новгородцы возвратили домой приверженцевъ Мономаховичей, бѣжавшихъ къ Юрію суздальскому, и одному изъ нихъ, Судилѣ, дали посадничество. Между тѣмъ какъ новгородское посольство было отпущено изъ Кіева съ большою честью, новгородцы нарядили къ великому князю второе посольство съ такими рѣчами: «Не хотимъ ни сына твоего, ни брата, ни племени вашего, а хотимъ племени Володимирова». Тогда Всеволодъ Олеговичъ приказалъ воротить съ дороги первое посольство, задержалъ въ Кіевѣ всѣхъ новгородскихъ купцовъ, а своимъ купцамъ запретилъ ѣздить въ Новгородъ [622]). Такъ прошла тяжелая для Новгорода зима. Новгородцы придумывали, какъ бы имъ въ одно и то же время и съ Всеволодомъ помириться, и взять къ себѣ княземъ Мономаховича. Наконецъ, порѣшили отправить къ великому князю третье посольство, которое должно было просить Святополка Мстиславича, брата умершаго во Псковѣ Всеволода, — того самаго Святополка, котораго псковичи хотѣли уже поставить у себя княземъ и который приходился великому князю шуриномъ, а въ то же время былъ и Мономаховичъ. Однако Всеволодъ не согласился на эту комбинацію и не пустилъ ни Святополка, ни Изяслава Мстиславичей, давъ имъ Берестье съ тѣмъ, чтобы они не ходили

622) Ibid.

въ Новгородъ, куда ихъ звали (**1140 г.**); подручнымъ князьямъ своимъ также запретилъ ходить въ Новгородъ [623]). Напрасно Изяславъ Мстиславичъ просилъ сестру свою, жену великаго князя Всеволода, чтобы она выхлопотала Новгородъ для брата Святополка [624]). Девять мѣсяцевъ новгородцы сидѣли безъ князя, но не хотѣли сдаваться Всеволоду. Наконецъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ посадника Судилы, они опять призвали къ себѣ Юріева сына Ростислава, который прибылъ въ Новгородъ 26-го ноября **1141 г.** Теперь Всеволодъ одумался: не желая, чтобы Новгородъ выскользнулъ, такъ сказать, изъ его рукъ, онъ послалъ туда Святополка. Въ то же время Всеволодъ Олеговичъ началъ захватывать Юрьевы города, товары, коней, а новгородцы выгнали отъ себя Ростислава. Въ досадѣ на Новгородъ Юрій Владиміровичъ переводитъ къ себѣ въ Суздаль сосланныхъ новгородцами въ Чудь Якуна и его брата съ женами и держитъ ихъ въ милости; затѣмъ разоряетъ новгородскій пригородъ Торжокъ, почему Святополкъ и предпринималъ противъ него походъ, но неудачно: вслѣдствіе распутицы онъ долженъ былъ воротиться съ дороги [625]). Въ **1143 г.** Изяславъ Мстиславичъ отправился въ Суздаль съ цѣлію примирить Юрія Владиміровича съ великимъ княземъ Всеволодомъ, но, не уладившись съ нимъ, ушелъ въ Смоленскъ къ брату своему Ростиславу, отсюда—въ Новгородъ къ другому брату, Святополку (прибывшему въ Новгородъ 19-го апрѣля **1142 г.**), прозимовавши у котораго удалился въ Переяславль [626]).

Въ **1146 г.** скончался великій князь Всеволодъ, и кіевскій столъ долженъ былъ занять Игорь Олеговичъ; но Изяславъ Мстиславичъ, еще при жизни Всеволода присягавшій ему, какъ будущему великому князю, теперь разбилъ его и самъ занялъ великокняжескій кіевскій столъ. Въ **1148 г.** онъ далъ новгородцамъ въ князья сына своего Ярослава, а Святополка новгородцы удалили «злобы его ради». Вскорѣ самъ Изяславъ собрался въ Новгородъ. Повидавшись въ Смоленскѣ съ братомъ Ростиславомъ и поручивши ему вести свои полки къ Волгѣ, на устье Медвѣдицы, для соединенія съ другими ратями, самъ онъ съ небольшой дружиной пошелъ въ Новгородъ. Какъ только новгородцы заслышали о томъ, что къ нимъ идетъ великій князь, они съ большой радостью вышли къ нему на встрѣчу. Отслушавъ обѣдню въ Софійскомъ соборѣ вмѣстѣ съ сыномъ и встрѣтившими его боярами, Изяславъ послалъ подвойскихъ и бирючей кликать по улицамъ, «зовучи къ себѣ на обѣдъ отъ мала и до велика», а на другой день собралъ

623) П. С. Р. Л. II, 17, 296; VII, 33.
624) Ibid. II, 18, 296 (подъ 1142 г.).
625) Ibid. I, 134, 135; II, 296; III, 9; IV, 7; V, 159; VII, 33.
626) Ibid. I, 135; II, 19; VII, 34.

вѣче и такую рѣчь держалъ къ новгородцамъ: «Се, братье, сынъ мой и вы прислалися есте ко мнѣ, оже вы обидить стрый (дядя) мой Гюрги; на нь есмь пришелъ сѣмо васъ дѣля и вашихъ дѣля обидъ; а гадайте, братье, како нань поити, а любо съ нимъ миръ възмемъ, паки ли съ нимъ ратію кончимы!» — «Ты нашъ князь,— отвѣчали новгородцы — ты нашъ Володимиръ, ты нашъ Мьстиславъ! ради съ тобою идемъ своихъ дѣля обидъ». И еще говорили новгородцы: «Княже! ать же пойдемъ, и всяка душа, аче и дьякъ, а гуменце ему пострижено, а не поставленъ будетъ, и тъи пойдеть, — а кто поставленъ, ать Бога молить!» Такое одушевленіе не имѣло, однако, важныхъ послѣдствій: новгородцы пошли на Волгу, опустошили край около Ярославля, забрали многихъ жителей въ полонъ и возвратились во-свояси [627]). Подъ конецъ жизни Изяслава († 13-го ноября **1154 г.**) новгородцы разошлись съ сыномъ его Ярославомъ, котораго прогнали, а къ себѣ взяли Изяславова брата Ростислава [628]).

Изяславъ II Мстиславичъ, какъ уже сказано, скончался 13-го ноября **1154** года. Теперь Ростиславъ Мстиславичъ, братъ умершаго князя, хочетъ попытаться овладѣть Кіевомъ, куда и отправился, а въ Новгородѣ оставилъ сына своего Давида. Но новгородцы, недовольные тѣмъ, что Ростиславъ «не створи имъ ряду, нъ болѣ раздьра», прогнали Давида. Попытка отца его также не удалась: онъ посидѣлъ на великокняжескомъ столѣ только нѣсколько дней (недѣлю) и потомъ долженъ былъ уступить Кіевъ Изяславу Давидовичу, разбившему его на р. Бѣлоусѣ. Изяславъ, въ свою очередь, посидѣвши на великокняжескомъ столѣ два дня, долженъ былъ уступить Кіевъ Юрію суздальскому. Новгородцы отправили къ последнему владыку Нифонта «съ передьними мужи» просить къ себѣ княземъ сына его, и Мстиславъ Юрьевичъ пришелъ въ Новгородъ 30-го января **1155 г.** [629]).

Но у Ростислава Мстиславича были въ Новгородѣ преданные ему сторонники, которые старались удалить изъ Новгорода Юрьевича. Въ Новгородѣ образовалось двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за Юріева сына, это — представители Торговой стороны, хлопотавшіе о своихъ торговыхъ интересахъ, которыми они связаны были тѣснѣе съ Суздальской землей, чѣмъ съ Кіевской Русью; другую партію составляла Софійская сторона, которая и взяла верхъ.

---

627) Ibid. I, 139 (подъ 1149 г.); II, 39—40; III, 10; IV, 8; V, 159; VII, 45 (подъ 1149 г.).

628) Ibid. I, 146; II, 74; III, 11; IV, 8; V, 160. Въ Никоновской лѣтописи (IX, 198) по ошибкѣ сказано, что новгородцы, выгнавъ Ярослава, посадили у себя Романа Ростиславича.

629) Ibid. III, 11; IV, 8; V, 160.

Въ то самое время, какъ новгородцы собирались прогнать Мстислава Юрьевича, въ Новгородъ пришли Святославъ и Давидъ Ростиславичи, и Юрьевичъ въ ту же ночь тайно бѣжалъ изъ города. Это было еще до смерти отца его, Юрія Долгорукаго († 15-го мая **1157 г.**), а спустя три дня въ Новгородъ прибылъ и самъ Ростиславъ. Тогда, замѣчаетъ лѣтописецъ, «снидошася братья» и не было уже никакого зла, т. е. новгородскія партіи примирились [630]). Ростиславъ, посадивши Святослава въ Новгородѣ, а Давида въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ княгиней своей уѣхалъ въ Смоленскъ. Это было уже въ **1158 г.**

Въ томъ же **1158 г.** племянникъ смоленскаго князя, Мстиславъ Изяславичъ, въ союзѣ съ другими князьями, выгналъ изъ Кіева недавняго своего союзника, Изяслава Давидовича черниговскаго, занявшаго великокняжескій столъ по смерти Юрія Долгорукаго, и приглашалъ дядю въ Кіевъ на княженіе. Между тѣмъ какъ Ростиславъ Мстиславичъ занялъ кіевскій великокняжескій столъ, въ Новгородѣ произошла перемѣна: тамъ начали тянуть на сторону суздальскаго князя Андрея, союза съ которымъ искалъ и Изяславъ Давидовичъ, не надѣявшійся на собственныя силы въ борьбѣ съ Ростиславомъ за Кіевъ. Андрей Боголюбскій, сильно желавшій изгнать Ростиславичей изъ Новгородской земли, вступился за Изяслава и даже породнился съ нимъ: онъ помолвилъ свою дочь за племянника Изяславова, Святослава Владиміровича, княжившаго во Вщижѣ [631]). Андрей встрѣтился съ Изяславомъ въ Волокѣ Ламскомъ, праздновалъ тамъ свадьбу своей дочери и отсюда же послалъ сказать новгородцамъ, что онъ, во что бы то ни стало, намѣренъ поискать Новгородскаго княженія. Въ **1161 г.** новгородцы созвонили вѣче, съ котораго послали сказать своему князю Святославу Ростиславичу: «Не можемъ дву князю держати, а пошли, выведи брата Давыда съ Нового Торгу». Святославъ поступилъ въ данномъ случаѣ очень тактично по отношенію къ новгородцамъ: онъ, «не вередя имъ сердца», какъ выражается лѣтопись, вывелъ Давида изъ Торжка, отправилъ его въ Смоленскъ къ третьему брату Роману, и этимъ, по-видимому, отнялъ у новгородцевъ всякій предлогъ къ какимъ-либо дальнѣйшимъ притязаніямъ съ ихъ стороны. Однако новгородцы не успокоились съ удаленіемъ Давида: они «на горшее зло подвигошася» — собрали вѣче «на Святослава». Послѣдній былъ на Городищѣ, какъ къ нему пригналъ вѣстникъ и заявилъ, что «велико зло дѣется въ городѣ... хотятъ тя яти». Святославъ удивился, говорилъ, что онъ не сдѣлалъ никакого зла новгородцамъ, что

---

630) Ibid. III, 12; V, 160.
631) Теперь село Орловской губерніи на р. Деснѣ.

послѣдніе цѣловали крестъ къ Ростиславу на томъ, чтобы ему, Святославу, быть у нихъ княземъ до живота его. Пока онъ говорилъ такъ, собралась большая толпа новгородцевъ, которые взяли и заперли князя «въ истопкѣ», княгиню его засадили въ монастырь, дружину княжескую поковали, товары его и его дружины разграбили, а потомъ отправили князя въ Ладогу, приставивъ къ нему многочисленную стражу. Вѣсть объ этомъ дошла до Ростислава, который, въ гнѣвѣ на вѣроломство Новгорода, приказалъ всѣхъ находившихся въ Кіевѣ новгородцевъ переловить и пометать въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ отъ тѣсноты въ первую же ночь умерло 14 узниковъ. Это обстоятельство огорчило Ростислава, и онъ приказалъ развести узниковъ по городамъ. Новгородцы, между тѣмъ, отправили къ Андрею Боголюбскому пословъ просить въ князья къ себѣ сына его. Тотъ не хотѣлъ отпустить сына, а предлагалъ брата своего Мстислава, — но новгородцы, въ свою очередь, не хотѣли этого князя потому, говорили они, что онъ уже былъ у нихъ. Тогда Андрей отпустилъ къ нимъ племянника своего, Мстислава Ростиславича. Что касается Святослава, то онъ успѣлъ уйдти изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда тамошній князь Рогволодъ препроводилъ его въ Смоленскъ [632]). Въ то же время новгородцы отняли посадничество у Якуна Мирославича, избраннаго на мѣсто изгнаннаго въ **1156 г.** Судилы, и дали его Нѣжатѣ [633]). Въ слѣдующемъ **1161** году Ростиславъ Мстиславичъ и Андрей Юрьевичъ урядились между собою относительно Новгорода: по этому «ряду» Мстислава Юрьевича вывели изъ Новгорода, гдѣ онъ сидѣлъ «годъ до года безъ недѣли», и ввели туда Святослава 28-го сентября; затѣмъ новгородцы отняли посадничество у Нѣжаты и выбрали на его мѣсто Захарія [634]).

Во время вторичнаго княженія Святослава въ Новгородѣ, Новгородская земля подверглась нападенію шведовъ. Шведскій король Эрикъ въ **1157 г.** завоевалъ Финляндію; въ **1164 г.** шведы покушаются и на Новгородскую землю: намѣреваясь овладѣть Ладогой, они пришли въ судахъ къ устью Волхова; ладожане выжгли свои домы за чертой города, а въ послѣднемъ затворились вмѣстѣ съ посадникомъ Нѣжатою, пославъ за помощью къ князю и новгородцамъ. Шведы подступили къ городу, но не могли сдѣлать ему никакого вреда и отступили къ р. Вороной [635]). На пятый день пришли Святославъ и новгородцы съ посадникомъ Захаріемъ и одер-

---

632) П. С. Р. Л. II, 88 (подъ 1161 г.); III, 13 (подъ 1160 г.); Карамз. II, 176.

633) Ibid. III, 12—13.

634) Ibid. III, 13; IV, 11.

635) По «Книгѣ Б. Чертежа» впадаетъ въ Ладожское озеро между рѣками Пашею и Сасемъ.

жали полную побѣду надъ шведами, изъ которыхъ многіе взяты были въ плѣнъ [636]).

Въ **1166 г.** престарѣлый Ростиславъ, желая, вѣроятно, упрочить положеніе Святослава, отправился въ Новгородъ, но доѣхалъ только до Великихъ Лукъ [637]); сюда позваны были имъ «на порядъ» новгородцы: «огнищане, гридь, купьцѣ вятьшее». Здѣсь Ростиславъ разболѣлся и на обратномъ пути чрезъ Смоленскъ въ Кіевъ скончался 17-го марта **1167 г.** [638]).

По смерти Ростислáва кіевскій столъ занялъ Мстиславъ Изяславичъ. Въ то же время въ настроеніи новгородцевъ по отношенію къ князю произошла, какъ видно, перемѣна къ худшему для послѣдняго, такъ что Святославъ Ростиславичъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Великіе Луки и отсюда послалъ сказать новгородцамъ: «не хоцю у васъ княжити»; новгородцы отвѣтили на это цѣлованіемъ образа Пресв. Богородицы на томъ, что они сами не хотятъ имѣть у себя Святослава, и пошли выгнать его изъ Великихъ Лукъ. Узнавши объ этомъ, Святославъ ушелъ въ Торопецъ, а новгородцы отправили посольство въ Кіевъ къ Мстиславу II Изяславичу просить въ Новгородъ на княженіе сына его. Между тѣмъ Святославъ пошелъ на Волгу, а отсюда, получивши помощь отъ Андрея Боголюбскаго, подошелъ къ Торжку и сжегъ его; въ то же время братья его, Романъ смоленскій и Мстиславъ, сожгли Великіе Луки; наконецъ, самъ суздальскій князь поднялъ противъ Новгорода смольнянъ и полочанъ; изъ Новгорода въ Кіевъ заняты были всѣ пути, такъ что новгородскіе послы къ великому князю Мстиславу были перехвачены. Андрей Юрьевичъ, «Святослава силою мѣстяце въ городъ» (Новгородъ), говорилъ новгородцамъ: «нѣту вамъ князя иного, развѣ Святослава». Заподозрѣнныхъ въ сношеніяхъ съ этимъ послѣднимъ, посадника Захарія, какого-то Неревина и бирюча Нѣзда (или Внѣзда) новгородцы убили. Вскорѣ потомъ они нашли и путь къ Кіеву чрезъ владѣнія полоцкаго князя Вячеслава Святославича и князя городецкаго (изъ племени полоцкихъ князей) Володаря Глѣбовича [639]): въ Кіевъ пробрался Даньславъ Лазутиничъ съ дружиной. Между тѣмъ Святославъ Ростиславичъ съ братьями, суздальцами, смольнянами и полочанами пошли къ Русѣ, но, не дошедши до города, почему-то воротились назадъ (Карам-

---

636) П. С. Р. Л. III, 13; IV, 11; V, 162.

637) Далѣе онъ не могъ ѣхать, какъ показываютъ послѣдующія событія, по нездоровью.

638) П. С. Р. Л. III, 14.

639) «Налѣзоша собѣ путь на Вяцька и на Володяря», сказано въ лѣтописи.

зинъ говоритъ, что Святослава заставили удалиться отъ Русы новгородцы, предводимые умнымъ посадникомъ Якуномъ). Года черезъ два Святославъ умеръ на Волокѣ, «воюя, какъ сказано въ одной лѣтописи, Новгородскую волость». Новгородцы съ однимъ посадникомъ Якуномъ (Андреевичемъ, по Никон. лѣт. и Степенной кн.) безъ князя прожили отъ Симеонова дня, т. е. отъ 1-го сентября, до Пасхи (7-го апрѣля), ожидая изъ Кіева Мстиславова сына [640]).

Въ началѣ **1168 г.** (апрѣля 14-го) въ Новгородъ прибылъ сынъ великаго князя Романъ Мстиславичъ, «и ради быша новгородци своему хотѣнію», какъ говоритъ лѣтопись. Теперь новгородцы захотѣли отплатить своимъ врагамъ за разореніе новгородскихъ пригородовъ и волостей подобною же монетою: соединившись съ псковичами, они пошли къ Полоцку, разорили Полоцкую волость и воротились назадъ, не дошедши только 30 верстъ до самаго города, — а къ наступленію весны, въ концѣ того же года, кн. Романъ ходилъ съ новгородцами къ Торопцу, пожегъ тамъ домы и взялъ большой полонъ [641]).

Андрей Боголюбскій долженъ былъ вступиться за своихъ союзниковъ и наказать Новгородъ, но пока оставилъ въ покоѣ этотъ послѣдній и все свое вниманіе обратилъ на нелюбимаго имъ великаго князя кіевскаго Мстислава, котораго намѣревался низвергнуть. Составилась сильная коалиція изъ Ростиславичей, кн. Владиміра дорогобужскаго (сына Андрея Владиміровича владиміро-волынскаго), Глѣба Юрьевича переяславскаго (Андреева брата), князей полоцкихъ, муромскихъ и рязанскихъ; Андрей поручилъ главное начальство надъ войсками сыну своему Мстиславу и воеводѣ Борису Жидиславичу. Между тѣмъ великій князь кіевскій, ничего не зная о грозившей ему опасности, отправлялъ, въ то же самое время, вѣрнаго ему Михаила Юрьевича, Андреева брата, съ отрядомъ Черныхъ Клобуковъ въ Новгородъ, — но Ростиславичи схватили этого князя на пути вмѣстѣ съ новгородскими купцами. Мстиславъ, узнавъ объ опасности, едва успѣлъ призвать Торковъ и Берендѣевъ, какъ его непріятели подошли къ городу: два дня кіевскій князь оборонялся мужественно, а на третій день союзники взяли городъ приступомъ, чего еще никогда не бывало съ матерью городовъ русскихъ, и грабили его въ продолженіе трехъ дней... Мстиславъ съ братомъ своимъ Ярославомъ ушелъ на Волынь. Покоривъ кіевскую Русь и посадивши въ Кіевѣ брата своего Глѣба, Андрей Юрьевичъ, желая смирить и Новгородъ, началъ тревожить гражданъ его, ѣздившихъ собирать

---

640) П. С. Р. Л. III, 14; V, 163; VII, 82 (подъ 1169 годомъ); Карамз. II, пр. 108.
641) Ibid. III, 14.

дань за Онегою. Въ Двинской землѣ не мало было недовольныхъ новгородскимъ управленіемъ, и Андрею не трудно было достичь того, что двиняне задались за него. Для защиты этихъ послѣднихъ отъ новгородцевъ, Андрей, въ **1169 г.**, послалъ на Двину войско, которое, однако, разбито было, не смотря на свой численный перевѣсъ, новгородскимъ сборщикомъ податей, Даньславомъ Лазутиничемъ, который тогда же собралъ дань и съ Андреевыхъ волостей, сосѣдившихъ съ новгородскими. Тогда Андрей задумалъ нанести Новгороду болѣе рѣшительный ударъ: онъ отправилъ, подъ начальствомъ сына своего Мстислава, сильную рать на самый Новгородъ; тутъ были рати подручныхъ Андрею князей, были смольняне съ своими князьями, Романомъ и Мстиславомъ Ростиславичемъ, братьями изгнаннаго Святослава, — были муромцы съ своими князьями и полочане; по дорогѣ до самаго Новгорода ничему и никому не было пощады: все предавалось огню и мечу. Союзники подступили къ городу 22-го февраля **1169 г.** Новгородскій князь Романъ Мстиславичъ и посадникъ Якунъ Андреевичъ приготовились къ оборонѣ: обнесли городъ тыномъ и вооружили людей. Объ этой осадѣ впослѣдствіи составилось сказаніе съ спеціально новгородскимъ патріотическо-религіознымъ характеромъ. Гордые своею численностію, еще заранѣе подѣлившіе между собою новгородскія улицы, женъ и дѣтей новгородскихъ, осаждавшіе требовали сдачи города. Но переговоры по этому дѣлу не привели къ желательнымъ для осаждавшихъ результатамъ. Три дня новгородцы успѣшно отбивались; въ ночь на четвертый день случилось нѣчто необычайное: архіепископъ Іоаннъ, молясь передъ образомъ Спасителя, услышалъ гласъ, исходившій отъ иконы: «Иди на Ильину улицу въ церковь Спаса и возьми тамъ икону Пр. Богородицы, вознеси ее на забрало, и она спасетъ Новгородъ». Объ этомъ архіепископъ объявилъ собору на слѣдующее утро. Духовенство отправилось, по указанію гласа, за иконой, — но когда протодіаконъ хотѣлъ взять ее, она не двинулась съ мѣста, и только самъ архіепископъ, послѣ усердной молитвы, могъ взять ее своими руками и въ сопровожденіи новгородцевъ отправился на стѣну у Загороднаго конца, между Добрыниной и Прусской улицами, и вознесъ ее на забрало подъ тучей непріятельскихъ стрѣлъ; икона обратилась отъ осаждавшихъ назадъ, изъ глазъ ея потекли слезы и упали на фелонь архіепископа. Тогда на осаждавшихъ напало какое-то одурѣніе: они стали стрѣлять другъ въ друга и пришли въ страшный безпорядокъ; новгородцы же ободрились, дружно ударили на врага и поразили его. Суздальцы обратились въ бѣгство; отставшіе изъ нихъ были взяты въ плѣнъ, и такихъ было весьма много, такъ что ихъ продавали по двѣ ногаты за человѣка. Это происходило 25-го февраля. Отступленіе или, лучше, бѣгство суздаль-

цевъ было весьма печально: они за недостаткомъ хлѣба вынуждены были ѣсть въ великій постъ мясо, мерли отъ голода и болѣзней [642]).

Въ **1170 г.** въ Новгородѣ сильно поднялись цѣны на хлѣбъ и жители много страдали отъ дороговизны: очевидно, неудачный исходъ похода на Новгородъ заставилъ Андрея прибѣгнуть къ обычному и въ то же время дѣйствительному средству для смиренія Новгорода — къ задержкѣ подвоза хлѣбныхъ продуктовъ въ Новгородскую землю. При такихъ обстоятельствахъ новгородцамъ, волей-неволей, пришлось разстаться съ своимъ княземъ Романомъ и отправить къ Андрею пословъ съ просьбой заключить съ ними миръ и дать имъ князя на всей ихъ волѣ. Андрей далъ Рюрика, сына Ростислава Мстиславича [643]). Но при наступленіи зимы («на зиму») **1171 г.** Рюрикъ, вѣроятно, не поладивъ съ новгородцами, ушелъ изъ Новгорода, ознаменовавъ свое княженіе только тѣмъ, что изгналъ изъ Новгорода посадника Жирослава, который удалился къ Андрею, въ Суздальскую землю. Новгородцы чрезъ пословъ опять просили у Андрея князя, — но этотъ послѣдній прислалъ къ нимъ помянутаго Жирослава съ своими мужами. Новгородцы все-таки хотѣли имѣть у себя князя, и въ слѣдующемъ **1172** году Андрей отпустилъ къ нимъ сына своего Юрія, который принятъ былъ въ Новгородѣ съ честью [644]). Въ то же время Ростиславичи захватили Кіевъ, назначенный Андреемъ брату своему Михалку, и суздальскій князь послалъ Юрія новгородскаго съ суздальцами, новгородцами и ростовцами на выручку прежней столицы Руси. Ростиславичи изгнаны были изъ Кіева,—но въ Вышгородѣ засѣлъ Давидъ Ростиславичъ, котораго трудно было выбить оттуда: девять недѣль Юрій Андреевичъ стоялъ напрасно около Вышгорода и, наконецъ, не желая, какъ говоритъ лѣтописецъ, кровопролитія, ушелъ [645]).

Въ годъ убіенія Андрея Боголюбскаго (29-го іюня **1174 г.**) сынъ его Юрій находился еще въ Новгородѣ, но въ слѣдующемъ **1175 г.** его вывели изъ Новгорода [646]). Между тѣмъ ростовцы, суздальцы и перея-

---

642) Ibid. I, 154; III, 15, 180 (гдѣ по ошибкѣ сказано, что Андрей Боголюбскій самъ ходилъ на Новгородъ); IV, 12, 177; V, 9; въ VII, 86—подъ 1170 г.; въ III, 125,—IV, 12, 177 и въ V, 9 по ошибкѣ сказано, что Андрей послалъ на Новгородъ Романа; Степ. кн. I, 302 (объ иконѣ Пр. Богородицы).—Позднѣе, не раньше какъ въ XIV в., была основана церковь Знаменія Пр. Богородицы, и въ эту церковь перенесена была икона, избавившая Новгородъ отъ суздальцевъ. Въ требникахъ и доселѣ есть служба этой иконѣ.

643) Ibid. III, 15; IV, 13; V, 164; въ II, 105, 313 — подъ 1173 годомъ.

644) Ibid. III, 15; въ II, 107 — подъ 1173 г.; въ I, 155, — IV, 13, — V, 164 и VII, 88 — подъ 1174 г.

645) Ibid. III, 15; въ I, 155, — II, 109, 315, — IV, 13, — V, 164 и VII, 88 (гдѣ Юрій по ошибкѣ названъ Андреемъ Юрьевичемъ) — подъ 1174 годомъ.

646) Ibid. III, 16; IV, 13; V, 165.

славцы, по проискамъ рязанскихъ пословъ, выбрали въ преемники Андрею племянниковъ его, Ярополка и Мстислава Ростиславичей, шурьевъ рязанскаго князя Глѣба Ростиславича, которые, изъ уваженія къ старшинству, пригласили съ собой совмѣстно княжить и дядьевъ своихъ, Михалка и Всеволода Юрьевичей, которые, однако, вслѣдствіе споровъ между суздальскими городами и вспыхнувшаго потомъ междоусобія удалились изъ Суздальской земли опять въ Черниговъ. Мстиславъ занялъ Ростовъ и Суздаль, а Ярополкъ—Владиміръ. Однако братьямъ не долго пришлось господствовать въ Суздальской землѣ: лихоимство чиновниковъ Ярополка вскорѣ возбудило противъ него владимірцевъ и заставило ихъ обратиться къ Михалку и звать его къ себѣ на княженіе. Михалко (въ **1175 г.**), къ которому Святославъ черниговскій присоединилъ (21-го мая) сына своего Владиміра съ полкомъ, прибылъ во Владиміръ вмѣстѣ съ Всеволодомъ; въ происшедшей затѣмъ битвѣ между дядьями и племянниками верхъ взяли первые, а послѣдніе бѣжали: Ярополкъ — въ Рязань, а Мстиславъ — въ Новгородъ. Здѣсь Мстиславъ женился (во второй разъ) на дочери новгородскаго боярина Якуна Мирославича. Это было уже въ **1176 г.** Въ томъ же году, іюня 20-го, во Владимірѣ скончался Михалко, и владимірцы позвали къ себѣ изъ Переяславля Залѣсскаго брата его Всеволода, а ростовцы (собственно бояре), по неволѣ покорившіеся Михалку, еще за нѣсколько времени до смерти послѣдняго, приглашали къ себѣ Мстислава, который, оставивъ въ Новгородѣ единственнаго сына своего Святослава, прибылъ въ Ростовъ и вскорѣ (уже по смерти Михалка) пошелъ на Владиміръ. Всеволодъ—болѣе искусный политикъ, чѣмъ воинъ, предлагалъ Мстиславу мирно раздѣлить волость, но ростовцы, помимо князя своего, не согласились на его предложеніе и хотѣли рѣшить споръ оружіемъ; однако они проиграли битву (іюня 27-го), и Мстиславъ опять бѣжалъ въ Новгородъ. Новгородцы теперь не хотѣли уже принять его: «путь ему показаша и съ сыномъ Святославомъ»; они взяли къ себѣ племянника Всеволодова [647]), Ярослава Мстиславича [648]), а Мстиславъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань.

Такъ какъ въ дѣлѣ Ростиславичей замѣшанъ былъ зять ихъ, Глѣбъ рязанскій, то Всеволодъ Юрьевичъ задумалъ наказать этого послѣдняго и выступилъ противъ него въ походъ. Но къ нему явились новгородцы и просили его не ходить на Глѣба «безъ новгородьскихъ сыновъ». Всеволодъ возвратился во Владиміръ, — но вскорѣ Глѣбъ самъ вынудилъ его опять взяться за оружіе: Мстиславъ побуждалъ своего зятя подняться на Всево-

---

647) А не сына, какъ сказано въ Новгородской первой. См. Карамз. III, пр. 48.
648) Цитаты см. въ слѣдующемъ примѣчаніи.

лода; тотъ согласился и въ ту же зиму пошелъ съ обоими Ростиславичами на Суздальскую землю. Въ битвѣ на р. Колокшѣ (**1177 г.**) Всеволодъ одержалъ побѣду: рязанцы были разбиты, кн. Глѣбъ съ сыномъ Романомъ и Мстиславъ Ростиславичъ взяты были въ плѣнъ, приведены во Владиміръ и посажены въ порубъ; Ярополкъ бѣжалъ въ Рязань, но вскорѣ выданъ былъ Всеволоду рязанцами; Ростиславичи, потомъ, по настоянію гражданъ, были ослѣплены и отпущены въ Русь. Въ Смоленскѣ во время молитвы въ Смядынской церкви Бориса и Глѣба братья чудесно прозрѣли и вскорѣ послѣ того пошли въ Новгородъ. Новгородцы приняли ихъ, болѣе, кажется, потому, что на этихъ князьяхъ такъ явно оказалась благодать Божія: Мстислава они посадили въ Новгородѣ, Ярополка — въ Торжкѣ, а Всеволодова племянника Ярослава перевели въ Волокъ Ламскій [649]). Апрѣля 20-го **1178 г.** Мстиславъ скончался, и мѣсто его занялъ Ярополкъ. Такое предпочтеніе Ростиславича племяннику Всеволода, кажется, не понравилось послѣднему: по крайней мѣрѣ, суздальскій князь тогда же приказалъ задержать находившихся въ его владѣніяхъ новгородскихъ купцовъ, и по неволѣ «показаша новгородци путь Ярополку». Всеволодъ, однако, этимъ не удовлетворился: онъ изгономъ напалъ на Торжокъ и хотѣлъ ограничиться только данью съ новоторжцевъ,—но дружина вознегодовала на это: «мы не цѣловатъ ихъ пріѣхали, говорили дружинники: они, княже, Богови лжуть и тобѣ». Декабря 8-го Торжокъ былъ взятъ и сожженъ, а жители отправлены въ качествѣ плѣнниковъ во Владиміръ; затѣмъ Всеволодъ съ отборной дружиной подступилъ къ Волоку Ламскому, изъ котораго жители вышли заблаговременно, и «пусти (его) на воропъ» (разграбленіе); спаливши городъ и захвативъ съ собой племянника своего Ярослава, Всеволодъ возвратился во Владиміръ. Въ гнѣвѣ на великаго князя новгородцы послали въ Смоленскъ за Романомъ. Впрочемъ Романъ, не долго побывши въ Новгородѣ, добровольно выѣхалъ изъ него; теперь выборъ новгородцевъ палъ на его брата, Мстислава Храбраго. Мстиславъ не хотѣлъ оставлять Смоленской земли, но братья и мужи уговорили его, и онъ отправился въ Новгородъ, гдѣ торжественно встрѣченъ былъ духовенствомъ и гражданами и посаженъ на столѣ у св. Софіи. Около того времени Чудь, пользуясь, вѣроятно, смутнымъ положеніемъ дѣлъ въ Новгородѣ, начала безпокоить Новгородскую землю набѣгами: въ **1176 г.** она нападала на Псковъ. Теперь Мстиславъ, собравши (въ **1180 г.**) до 20 тысячъ войска, вступилъ въ Чудскую землю, опустошилъ ее до са-

649) П. С. Р. Л. I, 161—162; II, 317; III, 16—17; IV, 14; V, 166—167; VII, 93—94. Надобно замѣтить, что отъ 1175 до 1180 г. лѣтописи относительно хронологіи сильно расходятся между собой: однѣ отъ другихъ уходятъ на годъ и на два впередъ. Мы придерживались здѣсь хронологіи, принятой Карамзинымъ.

маго моря и возвратился изъ похода съ громаднымъ количествомъ скота и плѣнниковъ. По пути онъ заходилъ въ Псковъ и смирилъ здѣсь представителей власти, не хотѣвшихъ повиноваться племяннику его, Борису Романовичу. Тогда же Мстиславъ задумалъ и уже выступилъ въ походъ на Полоцкъ за прежнія обиды, причиненныя Новгороду полочанами; но братъ его Романъ уговорилъ его не ходить на полоцкаго князя, за которымъ, между прочимъ замѣтимъ, была сестра Ростиславичей, и Мстиславъ изъ Великихъ Лукъ воротился назадъ. Вскорѣ (14-го іюня **1180 г.**) Мстиславъ Ростиславичъ скончался... И теперь новгородцы обратились за княземъ не во Владиміръ, а въ Черниговъ: они пригласили къ себѣ сына Святослава черниговскаго, Владиміра. Это, конечно, непріятно было Всеволоду, который, вѣроятно, гнѣвался на черниговскаго князя, хотя и не могъ явно выражать этого гнѣва, будучи многимъ обязанъ Святославу до прибытія въ Суздальскую землю. Однако обстоятельства скоро привели этихъ князей къ открытому враждебному столкновенію. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба рязанскаго жаловались Всеволоду Юрьевичу на старшаго брата своего Романа, что онъ, по внушеніямъ тестя своего Святослава черниговскаго, отнимаетъ у нихъ удѣлы. Всеволодъ вступился за обиженныхъ, выступилъ въ Коломну, гдѣ встрѣтился съ ними, плѣнилъ здѣсь Святославова сына Глѣба и отправилъ его во Владиміръ; затѣмъ, разбивъ передовую рать Романа на берегу Оки, взялъ городъ Борисовъ (теперь несуществующій), осадилъ Рязань и тѣмъ заставилъ Романа просить мира. Братья удовольствовались удѣлами, распредѣленными между ними Всеволодомъ, и признали послѣдняго главой своимъ. Это раздражило Святослава черниговскаго, и онъ вступилъ въ Суздальскую землю, соединился съ новгородцами на берегахъ р. Тверцы, попустошилъ берега Волги и направился къ Переяславлю. Всеволодъ съ суздальскими, рязанскими и муромскими полками стоялъ въ 40 верстахъ отъ этого города на р. Вленѣ, къ которой приблизился и Святославъ. Мѣстность не позволяла противникамъ вступить въ бой, а между тѣмъ наступала весна, и Святославъ, боясь распутицы, ограничился только сожженіемъ Дмитрова и ушелъ на время весны въ Новгородъ, гдѣ его встрѣтили, какъ побѣдителя. Съ черниговскимъ княземъ находился и Ярополкъ, котораго новгородцы приняли вторично и опять дали ему Торжокъ (**1181 г.**). Отсюда-то онъ «поча воевати Волгу, люди Всеволожѣ». Владимірскій князь «изъѣздомъ» («изгономъ») напалъ на Торжокъ и голодомъ заставилъ его сдаться; Ярополкъ, раненый во время осады стрѣлою, закованъ былъ въ цѣпи, а городъ вторично сожженъ; жители въ качествѣ плѣнныхъ отведены были во Владиміръ. Новгородское войско, находившееся въ то время въ землѣ кривичей, спѣшило на защиту

своей земли, — но граждане Новгорода, выславши отъ себя Святославова сына Владиміра, уже обратились за княземъ къ Всеволоду, который отпустилъ къ нимъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, отпустивъ въ то же время на свободу новоторжскихъ плѣнныхъ. Такая перемѣна, какъ видно, удовлетворила Всеволода, и онъ съ честію отпустилъ плѣннаго Глѣба Святославича и даже породнился съ нимъ (**1182 г.**)[650]). Но и Ярославъ Владиміровичъ не долго просидѣлъ въ Новгородѣ: въ **1183 г.** литовцы опустошили Псковскую волость; новгородцы не успѣли подать помощи псковичамъ, въ чемъ обвиняли Ярослава Владиміровича, котораго, въ **1184 г.**, и прогнали изъ Новгорода, взявъ къ себѣ Мстислава Давидовича смоленскаго. «Такъ бо бѣ ихъ обычай», замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ. Въ **1186 г.** Мстиславъ, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, ходилъ на Полоцкъ, но въ слѣдующемъ **1187 г.** былъ изгнанъ, а на мѣсто его новгородцы просили у Всеволода опять Ярослава Владиміровича, который и былъ отпущенъ къ нимъ съ честью[651]). Въ-слѣдъ за этимъ лѣтописи отмѣчаютъ (подъ **1188 г.**), что Новгородъ сильно страдалъ отъ дороговизны хлѣба, что новгородцы поссорились съ варягами, готландцами и другими скандинавскими народами: задерживали ихъ купцовъ и сажали въ темницы; не пускали за море своихъ купцовъ и пр. Въ **1191 г.** вмѣстѣ съ корелами новгородцы

---

650) Ibid. I, 164; II, 123—125; III, 18; IV, 16; V, 168; VII, 95—96; Карамз. т. III. Н. И. Костомаровъ (VII-ой т. Монографій) занятіе Ярославомъ Владиміровичемъ Новгородскаго стола считаетъ какъ будто необыкновенно хитрымъ дипломатическимъ обходомъ Всеволода: новгородцы вынуждены были силою обстоятельствъ смириться предъ Всеволодомъ и изгнать отъ себя Святославова сына, но они ухитрились поставить дѣло такъ, что взяли князя все-таки не изъ Суздальской земли: они взяли Ярослава Владиміровича, внука Мстислава Великаго, любимаго памятью народною,—и вотъ, въ династическомъ вопросѣ Новгородъ удержалъ прежнее свое сочувствіе къ роду Мстислава. Такъ разсуждаетъ Костомаровъ. Но въ лѣтописяхъ говорится, что новгородцы *просили* князя у Всеволода (само собою предполагается, не зная, кого онъ дастъ), что Всеволодъ *далъ* имъ свояка своего Ярослава Владиміровича. Затѣмъ, по однѣмъ лѣтописямъ (III, 18; V, 168; VII, 97 подъ 1184 годомъ) Всеволодъ самъ выводитъ Ярослава изъ Новгорода, а по другимъ (I, 169 подъ 1186 годомъ)—его выгнали новгородцы. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ мнѣнія Н. И. Костомарова не совсѣмъ согласны съ извѣстіями лѣтописей. Въ послѣдующихъ затѣмъ разсужденіяхъ нашъ историкъ даже противорѣчитъ самъ себѣ: указавши на симпатіи новгородцевъ къ роду Мстислава, онъ говоритъ далѣе о борьбѣ двухъ партій въ Новгородѣ, изъ которыхъ одна тянула къ Всеволоду, а другая—къ южной Руси, и въ 1184 г. послѣдняя одолѣла, въ доказательство чего приводитъ тотъ фактъ, что въ показанномъ году новгородцы выгнали Ярослава, того самаго, котораго, какъ то явствуетъ изъ предъидущихъ разсужденій историка, надобно считать представителемъ южно-русскихъ симпатій Новгорода къ роду Мстислава!...

651) П. С. Р. Л. I, 169—171; III, 18—19, 126—127; IV, 17; V, 168—169; VII, 97, 100—101; X, 9—12, 18. По Лавр. лѣт. новгородцы выгнали Ярослава въ 1186 г., а по всѣмъ другимъ—въ 1184; походъ на Полоцкъ по Новг. лѣт. былъ въ 1185 г., а по другимъ—въ 1186; вторичный призывъ Ярослава въ Новгородъ по Новгородской лѣтописи и Софійской первой былъ въ 1187 г., а по Лавр. и Воскресенской—въ 1188 г.

пустошили землю финновъ. Въ то же время Ярославъ Владиміровичъ вмѣстѣ съ новгородцами ходилъ въ Великіе Луки: его звали на рубежъ полоцкіе князья и полочане; здѣсь обѣ стороны условились на зиму идти противъ Литвы или Чуди; богато одаренный союзниками—полочанами, Ярославъ возвратился въ Новгородъ и вскорѣ двинулся на Ливонію, взялъ Дерптъ и воротился со множествомъ плѣнныхъ и добычи[652]). Въ слѣдующемъ **1192 г.** Ярославъ съ небольшимъ числомъ новгородцевъ пошелъ въ Псковъ и сѣлъ тамъ, а дворъ свой (дружину) съ отрядомъ псковичей послалъ воевать въ Ливонію. На этотъ разъ взятъ былъ городъ Оденпе (Медвѣжья Голова)[653]).

Въ **1195 г.** Всеволодъ приглашалъ новгородцевъ въ походъ на черниговскаго князя и «на все Олегово племя»; новгородцы выступили съ своимъ княземъ Ярославомъ, но изъ Торжка, какъ сказано въ лѣтописи, съ честью возвращены были Всеволодомъ назадъ. Въ то время у Ярослава въ Новгородѣ уже много было враговъ: въ томъ же **1195 г.** новгородцы послали къ Всеволоду посадника Мирошку, Бориса Жирославича и сотскаго Никифора просить у него въ князья къ себѣ сына его, а Ярослава вывести отъ нихъ[654]). Великій князь задержалъ посланныхъ во Владимірѣ, а самъ въ то же время готовился къ походу на Олеговичей. Въ слѣдующемъ **1196 г.** новгородцы прислали другихъ пословъ съ просьбой, чтобы Всеволодъ освободилъ задержанныхъ имъ прежнихъ пословъ; но великій князь захватилъ Мирошку и его товарищей въ походъ на Черниговъ, а новгородцамъ приказалъ идти въ Великіе Луки, откуда они, пробывши тамъ нѣкоторое время съ княземъ Ярославомъ, воротились домой. Между тѣмъ Всеволодъ вступилъ въ Черниговскую землю, гдѣ хотя и были отдѣльныя стычки, но до крайняго кровопролитія дѣло не дошло: князья примирились, «а Новгородъ—замѣчено въ лѣтописи—выложиша вси князи въ свободу, кдѣ имъ любо, ту же собѣ князя поимають». По возвращеніи изъ похода Всеволодъ все-таки не отпускалъ Мирошки, и разгнѣванные этимъ новгородцы показали Ярославу путь изъ Новгорода. Ярославъ съ поклономъ принятъ былъ новоторжцами, между тѣмъ какъ новгородцы послали звать къ себѣ сына черниговскаго князя, который однако не скоро удовлетворилъ эту просьбу, потому что въ самой Черниговской землѣ не было мирно. Всю зиму новгородцы пробыли безъ князя, а Ярославъ княжилъ въ Торжкѣ, какъ въ своей волости, «и дани поима по всему Вьрху и Мьстѣ и за Волокомъ възьма дань». Въ то же время Всеволодъ приказалъ задерживать въ

---

652) Ibid. VII, 101; Карамз. III, 52 и сл.
653) Ibid.
654) Ibid. III, 22—23; V, 170; VII, 102; X, 23; въ II, 150, 326 подъ 1196 годомъ.

своей землѣ всѣхъ новгородцевъ и не пускать ихъ въ Новгородъ [655]). Въ мартѣ **1197 г.** въ Новгородъ прибылъ, наконецъ, Ярополкъ Ярославичъ изъ Чернигова, но княжилъ тамъ, начиная съ Вербной недѣли, только шесть мѣсяцевъ: 1-го сентября новгородцы выгнали его и опять послали просить къ себѣ Ярослава. Но послѣдній ушелъ въ это время во Владиміръ, куда звалъ его Всеволодъ. Тогда изъ Новгорода отправились «передніе мужи» во Владиміръ «и пояша Ярослава съ всею правьдою и чьстью», который и прибылъ въ Новгородъ около половины января. Тогда же отпущенъ былъ и посадникъ Мирошка, чему новгородцы въ высшей степени были рады [656]).

Весной **1198 г.** Ярославъ похоронилъ въ Новгородѣ двухъ сыновей своихъ, изъ которыхъ старшій Изяславъ былъ посаженъ на княженіе въ Великихъ Лукахъ, чтобы, какъ выражается лѣтопись, быть «отъ Литвы оплечьемъ Новугороду», а осенью того же года на Великіе Луки сдѣлали набѣгъ полочане, почему зимой Ярославъ съ новгородцами, псковичами, новоторжцами и ладожанами предпринялъ походъ на Полоцкъ; но при озерѣ Каспле полочане встрѣтили его съ поклономъ, чѣмъ и предотвратили кровопролитіе [657]). Въ слѣдующемъ **1199 г.** Всеволодъ вывелъ Ярослава изъ Новгорода во Владиміръ и въ то же время позвалъ къ себѣ новгородскаго владыку, посадника Мирошку и нѣсколько лучшихъ мужей съ тѣмъ, чтобы они просили къ себѣ въ князья сына его. Такимъ образомъ въ Новгородъ отпущенъ былъ на княженіе Святославъ Всеволодовичъ [658]). Но въ **1205 г.** Святославъ замѣненъ былъ старшимъ сыномъ Всеволода Константиномъ, съ которымъ новгородцы, въ **1207 г.**, принимали участіе въ походѣ великаго князя на Рязань. Послѣ похода Константинъ оставленъ былъ отцомъ въ Суздальской землѣ, а въ Новгородъ въ **1208 г.** опять отправленъ былъ Святославъ. Но уже въ слѣдующемъ **1209 г.** новгородцы приняли къ себѣ Мстислава Мстиславича Удалаго, котораго замѣнилъ въ **1215 г.** Ярославъ Всеволодовичъ переяславскій. Мы уже выше говорили [659]) о непріязненныхъ дѣйствіяхъ Ярослава противъ нѣкоторыхъ неугодныхъ ему новгородцевъ, а потомъ и самаго Новгорода, на помощь къ которому опять явился Мсти-

---

655) Ibid. I, 174; III, 23; VII, 105. По Лавр. лѣтописи новгородцы выгнали Ярослава въ январѣ и привели къ себѣ Ярополка изъ Чернигова, а Ярослава Всеволодъ посадилъ въ Торжкѣ.

656) Ibid. III, 24; IV, 18; V, 170—171; VII, 106.

657) Ibid.

658) Ibid. III, 25; IV, 18; V, 171; VII, 107 (подъ 1200 годомъ). На событія послѣдующихъ годовъ до 1229 г. включительно мы будемъ указывать кратко, такъ какъ болѣе подробно о нихъ говорено уже въ біографіяхъ Ярослава и Святослава Всеволодовичей, куда и отсылаемъ читателя.

659) См. выше стр. 10-ую.

славъ Удалый. Столкновеніе новгородцевъ во главѣ съ этимъ послѣднимъ съ суздальцами кончилось пораженіемъ, на р. Липицѣ, великаго князя Юрія II Всеволодовича и занятіемъ великокняжескаго стола старшимъ братомъ его Константиномъ въ **1219 г.** Послѣ Мстислава новгородскій столъ послѣдовательно занимали: сынъ великаго князя Всеволодъ Юрьевичъ въ **1222 г.**, а послѣ его тайнаго бѣгства изъ Новгорода въ **1223 г.** — дядя его Ярославъ Всеволодовичъ; въ **1224 г.** опять Всеволодъ Юрьевичъ, вскорѣ потомъ, въ томъ же году, опять тайно бѣжавшій изъ Новгорода въ Торжокъ, куда не медля прибылъ и отецъ его. Послѣ нѣкоторыхъ споровъ и переговоровъ новгородцы согласились принять къ себѣ великокняжескаго шурина, Михаила Всеволодовича черниговскаго, который прибылъ въ Новгородъ въ **1225 г.**, но вскорѣ опять уѣхалъ въ свой Черниговъ; далѣе опять въ Новгородѣ появляется Ярославъ Всеволодовичъ: онъ явился на выручку Новгородской земли отъ литовцевъ, которыхъ побилъ близь Усвята въ **1226 г.** и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Емь, въ южную часть Финляндіи, откуда возвратился съ громаднымъ полономъ, а въ слѣдующемъ **1227 г.** крестилъ почти всѣхъ кореляпъ.... Въ **1228 г.** Емь, въ отмщеніе за походъ **1226 г.**, пришла воевать новгородскія волости, и Ярославъ съ новгородцами опять выходилъ противъ нея; но вскорѣ послѣ того у него произошелъ раздоръ съ новгородцами изъ-за Пскова, и онъ уѣхалъ въ свой Переяславль, а нѣсколько времени спустя захватилъ новгородскую волость Волокъ. Въ **1229 г.** въ Новгородъ пришелъ опять Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій и опять пробылъ тамъ не долго и уѣхалъ домой, оставивъ у новгородцевъ сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы требовали отъ Ярослава, чтобы онъ возвратилъ Волокъ, но Ярославъ не только не исполнилъ этого требованія, но и пришедшихъ по этому дѣлу пословъ задержалъ на цѣлое лѣто. А между тѣмъ Новгородъ страдалъ отъ голода и мора. Новгородцы ждали къ себѣ изъ Чернигова Михаила Всеволодовича, но онъ, до примиренія съ Ярославомъ, не хотѣлъ къ нимъ ѣхать.

Теперь приступимъ къ погодной передачѣ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся Новгорода и вообще Новгородской земли.

1230 г. Мая 3-го въ Новгородѣ и по всей Руси было землетрясеніе, а 19-го въ Новгородъ возвратился съ поставленія архіепископъ Кириллъ. — Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій, совершивъ въ Новгородѣ надъ сыномъ своимъ Ростиславомъ постриги, уѣхалъ въ Черниговъ.—Возгорѣлась распря между Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго держалъ (бояринъ) Иванъ Тимошкиничъ (Иванко), и посадникомъ Внездомъ (Нездъ) Водовикомъ; на Водовика собралось вѣче, послѣ чего дворъ его былъ разграбленъ; дворы противниковъ Водовика, въ свою чередь, были тоже разграблены;

многіе должны были бѣжать къ Ярославу Всеволодовичу, а нѣкоторые были убиты; Ивана Тимошкинича Водовикъ убилъ собственноручно и бросилъ въ Волховъ (на Павла исповѣдника, — значитъ 7 марта или 6 ноября?). — На Воздвиженіе морозъ побилъ озими («обиліе»), и на все необыкновенно поднялись цѣны.—Княжичъ Ростиславъ съ Водовикомъ уѣхали 9-го декабря въ Торжокъ, а 9-го опять начались убійства и грабежи дворовъ Водовика, его родственниковъ и приверженцевъ. Услышавъ объ этомъ, Водовикъ съ своими приверженцами и тысяцкій Борисъ бѣжали изъ Торжка въ Черниговъ.—Въ Новгородѣ избрали въ посадники Степана Твердиславича, а въ тысяцкіе—Никиту Петриловича. — Такъ какъ Михаилъ черниговскій обѣщался пріѣхать въ Новгородскую землю и всѣсть на коня на войну въ праздникъ Воздвиженія, но не являлся до самаго Николина дня, то Ростиславу показали путь изъ Торжка въ Черниговъ и послали въ Переяславль звать Ярослава Всеволодовича, который прибылъ въ Новгородъ 30 декабря, созвалъ вѣче и цѣловалъ образъ пресвятой Богородицы на (соблюденіи) всѣхъ грамотахъ Ярослава (Владиміровича Мудраго). Чрезъ двѣ недѣли онъ уѣхалъ въ Переяславль, взявъ съ собой молодшихъ новгородскихъ мужей, а въ Новгородѣ оставилъ сыновей своихъ, Ѳедора и Александра (впослѣдствіи **Невскій**). Зимой Ярославъ, владыка Спиридонъ и всѣ новгородцы перевели изъ Спасскаго Хутынскаго монастыря игумена Арсенія въ Юрьевскій монастырь на мѣсто Саввы, котораго посадили въ келліи, гдѣ онъ и скончался въ субботу 15-го марта[660]).

---

660) П. С. Р. Л. I, 193—194, 220; III, 45—47, 128—129, 219; IV, 29, 178; V, 10, 173; VII, 136—137; X, 98—102; XV, 354—355. Считаемъ необходимымъ замѣтить, что хронологія отдѣльныхъ извѣстій какъ этого года, такъ и послѣдующихъ сильно перепутана; отдѣльные факты въ разныхъ лѣтописяхъ стоятъ не въ одинаковой послѣдовательности: такъ, напр., въ Новгородской первой 1230 г. начинается извѣстіемъ о землетрясеніи, а Новгородская четвертая сначала говоритъ о смутахъ и голодѣ въ Новгородѣ, а потомъ уже о землетрясеніи. Нѣкоторыя лѣтописи или отстаютъ, или идутъ впередъ въ извѣстіяхъ сравнительно съ другими: такъ, объ истребленіи морозомъ посѣвовъ и послѣдовавшемъ голодѣ Тверская лѣтопись говоритъ подъ 1231 годомъ. Принимая Новгородскую первую лѣтопись за мѣстную, занимающуюся исключительно почти только новгородскими событіями, мы полагаемъ ее въ основу при погодной передачѣ новгородскихъ событій и объ уклоненіяхъ отъ нея другихъ лѣтописей или объ единичныхъ извѣстіяхъ, касающихся Новгорода и не находящихся въ ней, а принадлежащихъ немногимъ другимъ лѣтописямъ, мы будемъ сообщать въ примѣчаніяхъ, указывая на хронологическую обстановку этихъ исключительныхъ извѣстій. Къ данному году относится одно изъ подобныхъ извѣстій, передаваемое Никоновскою и Тверскою лѣтописями: первая изъ нихъ послѣ вышепомянутаго извѣстія о Михаилѣ черниговскомъ, передъ извѣстіемъ о землетрясеніи, съ котораго событія въ ней передаются какъ и въ Новгородской первой, говоритъ, что литовцы воевали новгородскія волости: Любну, Мореву и Серегеръ (Селигеръ), но новгородцы догнали и побили ихъ и отняли у нихъ полонъ. Тверская лѣтопись передаетъ то же самое послѣ извѣстій, не касающихся Новгорода, но также передъ извѣстіемъ о землетрясеніи, и относитъ это нападеніе литовцевъ къ зимнему времени.

1231. Погорѣлъ весь Славенскій конецъ.—Услышавъ о голодѣ, изъ-за моря пріѣхали въ Новгородъ нѣмцы.—Походъ Ярослава съ новгородцами на Черниговскую волость [661]).—Въ Черниговѣ умеръ бывшій новгородскій посадникъ Водовикъ [662]).

1232. Изъ Чернигова вышли сторонники Водовика: Борисъ Нѣгоцевичъ, Петръ Водовиковичъ и др. съ кн. Святославомъ трубчевскимъ и пришли въ Псковъ «въ средоговѣніе» [663]).—Послѣ того, какъ Ярославъ удовлетворилъ до нѣкоторой степени новгородскихъ выходцевъ, отпустивъ женъ Бориса Нѣгоцевича и его спутниковъ, псковичи исполнили требованіе князя—показали путь новгородцамъ, которые ушли въ Медвѣжью Голову.—Октября 8-го скончался архіепископъ Антоній [664]), бывшій на покоѣ [665]).

1233. «Борисова (Нѣгоцевича) чадь» (челядь или приверженцы?) съ кн. Ярославомъ Владиміровичемъ и нѣмцами напала на Изборскъ; псковичи, обступивши Изборскъ, поймали князя, многихъ полонили и отдали князю Ярославу (Всеволодовичу), который въ оковахъ препроводилъ ихъ въ Переяславль.—Іюня 10-го скончался «вячьшій» сынъ Ярослава Ѳедоръ [666]).—Нѣмцы схватили въ г. Тесовѣ Кирилла Синкинича и увели его въ Медвѣжью Голову, гдѣ онъ просидѣлъ въ оковахъ отъ 15 августа до великаго поста (отъ Госпожина дня до великаго говѣнья). Ярославъ, бывшій въ то время въ Переяславлѣ, высвободилъ его оттуда. Съ княземъ пришло много полковъ, съ которыми онъ хотѣлъ идти на нѣмцевъ [667]).

1234. Ярославъ съ новгородцами и своими полками пошелъ на нѣмцевъ подъ Юрьевъ и, не доходя нѣсколько до послѣдняго, отпустилъ людей своихъ «въ зажитіе воевать» (на фуражировку); нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжьей Головы напали «на сторожи» (сторожевыхъ людей) и гнали ихъ

---

661) См. стр. 14.

662) П. С. Р. Л. I, 220; III, 47—48; IV, 29; V, 173; VII, 137; X, 102—103; XV, 359. Тверская лѣтопись, говоря о пожарѣ въ Новгородѣ и походѣ Ярослава, говоритъ и о томъ, о чемъ другія лѣтописи говорятъ подъ 1230 г.: объ истребленіи посѣвовъ морозомъ, о голодѣ, о бѣгствѣ Водовика въ Торжокъ и Черниговъ, объ изгнаніи Ростислава изъ Торжка и призваніи въ Новгородъ Ярослава; Лаврентьевская и Воскр. лѣтописи о походѣ Ярослава говорятъ подъ 1232 г. Въ Никон. лѣтописи есть извѣстіе подъ 1231 г., котораго нѣтъ въ другихъ, о кончинѣ сына Водовикова въ инокахъ.

663) См. стр. 14. Святославъ трубчевскій въ Тверской лѣтописи (т. XV, 359) названъ трубецкимъ.

664) По Тверской лѣт. (ibid. 360) онъ скончался въ 1233 г. Въ Новгородской первой о немъ приводятся нѣкоторыя біографическія подробности, которыя мы опускаемъ.

665) П. С. Р. Л. I, 220; III, 48, 129; IV, 29; VII, 138; X, 103; XV, 359—360.

666) Подробности см. на 283 стр.

667) П. С. Р. Л. I, 220; III, 48—49, 129; IV, 29—30, 178; VII, 138; X, 103; XV, 360—361. Не во всѣхъ лѣтописяхъ факты слѣдуютъ одинъ за другимъ въ одинаковомъ порядкѣ: такъ, наприм., о нападеніи Борисовой чади на Изборскъ въ Новгородской четвертой говорится въ самомъ концѣ года послѣ всѣхъ другихъ извѣстій.

до главныхъ силъ Ярослава («и бишася съ ними и до плъку»); отсюда, въ свою очередь, русскіе, побивая нѣмцевъ, гнали ихъ до рѣки Эмбаха (до р. Омовыжа, Амовыжа, Аможива), подъ треснувшимъ льдомъ котораго многіе потонули, но многіе, хотя и были изранены, успѣли вбѣжать въ Юрьевъ,— остальные же ушли въ Медвѣжью Голову. Нѣмцы послѣ того поклонились князю, и Ярославъ взялъ съ ними миръ «на всей правдѣ своей».— Литва напала на Русу и проникла до самаго торга (торговой площади: «изгониша... оли до тръгу»). Граждане и гарнизонъ («Рушане и засада»), огнищане и гридьба, купцы и гости выгнали литовцевъ изъ посада (гдѣ, вѣроятно, и была торговая площадь) и бились съ ними въ полѣ. Литовцы успѣли ограбить монастырь св. Спаса, обобрали всю церковь, убили четырехъ чернецовъ и отступили на Клинъ (?). Объ этомъ пришла вѣсть въ Новгородъ къ кн. Ярославу: новгородцы во главѣ съ своимъ княземъ,—одни на коняхъ, другіе въ насадахъ по р. Ловати,—пустились въ погоню за литовцами; но лодейники возвратились назадъ, такъ какъ у нихъ оказался недостатокъ въ хлѣбѣ,—князь же съ конниками догналъ литовцевъ въ Торопецкой волости въ селищѣ Дубровнѣ и отнялъ у нихъ 300 коней съ товарами. Литовцы, побросавши оружіе и щиты, бѣжали въ лѣсъ, «а иніи ту костью падоша» [668]).

1235. Вражда Владиміра Рюриковича кн. кіевскаго и Даніила Романовича галицкаго съ Михаиломъ Всеволодовичемъ черниговскимъ изъ-за Галича [669]).

1236. Ярославъ Всеволодовичъ поѣхалъ на кіевскій столъ, взявъ съ собой лучшихъ новгородскихъ мужей: Судомира изъ Славна, Якима Влунковича, Константина (Косту) Вячеславича и сто новоторжцевъ. На новгородскомъ столѣ Ярославъ оставилъ сына своего Александра. Чрезъ недѣлю Ярославъ отпустилъ изъ Кіева новгородцевъ и новоторжцевъ, щедро одаривъ ихъ [670]).

---

668) Ibid. I, 220—221; III, 49—50; IV, 30, 178; V, 173; VII, 138; X, 103—104; XV, 361—362.

669) Ibid. III, 50. См. слѣдующее примѣчаніе.

670) Ibid. I, 221; II, 175; III, 50; IV, 30; V, 173; VII, 138; XV, 364. Въ I, IV, V и VII просто замѣчено, что Ярославъ Всеволодовичъ сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ оставилъ сына Александра; въ Ипатьевской же (II, 175) сказано, что Ярославъ суздальскій пришелъ и взялъ Кіевъ подъ Владиміромъ, но, «не мога его держати», ушелъ опять въ Суздаль; Кіевъ взялъ подъ нимъ Михаилъ черниговскій. Никоновская лѣтопись (т. X, 104) передаетъ это подъ 1235 годомъ въ такомъ видѣ: Изяславъ Мстиславичъ (по догадкамъ нѣкоторыхъ—Владиміровичъ, см. прим. 35) съ половцами, Михаилъ Всеволодовичъ черниговскій и Ярославъ Всеволодовичъ съ новгородцами ходили на Кіевъ и взяли его, послѣ чего половцы увели къ себѣ кіевскаго князя Владиміра Рюриковича (вскорѣ отпущеннаго ими за выкупъ); Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, а въ Новгородѣ посадилъ Александра. Воскресенская лѣтопись, также передающая эти подробности, не упоминаетъ Ярослава въ числѣ князей, взявшихъ Кіевъ, а Тверская называетъ только Михаила черниговскаго и говоритъ, что въ Кіевѣ сѣлъ Изяславъ, а самъ Михаилъ—въ Галичѣ. См. стр. 15 и прим. 35.

1237. Въ Ригу въ большомъ количествѣ пришли изъ-за моря нѣмцы, къ которымъ присоединились рижане и вся Чудская земля, а псковичи прислали къ нимъ 200 мужей своихъ. Эти силы двинулись на Литву, но были побиты литовцами[671]. «Есть же нѣкая часть (побитыхъ) и отъ новогородцевъ, яко ни десятый не возвратися во своаси»[672].

1238. Послѣ битвы на р. Сити татары пошли къ Новгороду, обложили Торжокъ и обвели его тыномъ; граждане двѣ недѣли отбивались и, наконецъ, изнемогли,—а изъ Новгорода помощи не было. Татары взяли городъ 23 марта[673], въ среду на средокрестной недѣлѣ. (Перечень убитыхъ). Отъ Торжка татары гнали далѣе къ Новгороду «до Игнача креста», но воротились, не доходя 100 верстъ до Новгорода[674].

1239. Александръ Ярославичъ женился на дочери Брячислава полоцкаго: вѣнчался въ Торжкѣ, «ту̀ кашу чини, а въ Новѣгородѣ другую». Вмѣстѣ съ новгородцами онъ срубилъ городокъ на р. Шелони[675].

1240. Нападеніе шведовъ на Новгородскую землю и одержанная надъ ними побѣда Александромъ Ярославичемъ и пр.[676].

1241. Въ Новгородъ пріѣхалъ Александръ и взялъ у нѣмцевъ Копорье[677].

1242. Походъ Александра Невскаго и брата его Андрея въ Чудскую землю (Ливонію). Ледовое побоище[678]. Совершенно разбитые нѣмцы прислали въ Новгородъ «съ поклономъ безъ князя (когда не было тамъ князя): что есмы зашли Водь, Лугу, Пльсковъ, Лотыголу мечемъ, то(го) ся всего отступаемъ»; при этомъ они предлагали размѣняться плѣнными и затѣмъ примирились[679]. — Въ то же время Александръ успѣшно отбиваетъ нападенія литовцевъ на Новгородскую землю[680].

---

671) Ibid. III, 50; X, 105; XV, 364.

672) Ibid. X, 105.

673) Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Торжокъ взятъ 5 марта, что трудно себѣ представить, если предположить, что тутъ былъ не отдѣльный отрядъ татаръ, не участвовавшихъ 4 марта въ битвѣ на р. Сити. Новгородская первая относитъ взятіе Торжка къ 23 марта, а Никоновская—къ 15-му, что кажется болѣе правдоподобнымъ.

674) П. С. Р. Л. I, 225; III, 52; IV, 34; VII, 143; X, 112; XV, 371.

675) П. С. Р. Л. III, 52; V, 174; VII, 144; X, 114.

676) Ibid. III, 52—53; IV, 35—36; V, 176—179; VII, 146—149; X, 119—125. Послѣдняя изъ указанныхъ лѣтописей въ этомъ и слѣдующихъ двухъ годахъ идетъ годомъ впередъ сравнительно съ другими. См. стр. 30.

677) Ibid. III, 53; IV, 37; V, 179—180; VII, 149; X, 125 (подъ 1242 г.). Подробности см. на стр. 31.

678) См. стр. 31—32.

679) П. С. Р. Л. I, 201, 225; III, 53—54; IV, 37; V, 180—181; VII, 150—151; X, 125—128 (подъ 1243 г.).

680) Ibid. V, 181; VII, 151; X, 129 (подъ 1243 г.).

1243. Мая 4-го скончался Варлаамъ, въ мірѣ Вячеславъ Прокшиничъ (впослѣдствіи новгородскій чудотворецъ), и погребенъ на Хутынѣ владыкой Спиридономъ и игуменомъ Исидоромъ.—Августа 16-го «въ недѣлю» скончался посадникъ Степанъ Твердиславичъ, внукъ Михалка, посадничавшій безъ трехъ мѣсяцевъ 13 лѣтъ [681]).

1244. Скончалась жена Ярослава Всеволодовича, въ иночествѣ Евфросинія, въ монастырѣ св. Георгія и положена рядомъ съ сыномъ Өеодоромъ мая 5-го [682]).

1245. Литва воевала около Торжка и Бѣжецка; ее неудачно преслѣдовалъ кн. Ярославъ Владиміровичъ, а потомъ съ успѣхомъ — Александръ Невскій [683]).

1246. Александръ (Невскій) поѣхалъ въ орду [684]).

1247. Скончался рабъ Божій Константинъ Вячеславичъ, въ иночествѣ Акиндинъ (Анкидинъ), и положенъ у Спаса на Хутынѣ [685]). — Изъ Новгорода уѣхалъ во Владиміръ Александръ Ярославичъ по случаю смерти отца своего [686]).

1249. Скончался архіепископъ новгородскій Спиридонъ [687]).

1250. Въ Новгородѣ радость по случаю пріѣзда Александра Невскаго изъ орды [688]).

1251. Въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кириллъ съ ростовскимъ епископомъ, именемъ также Кирилломъ, и поставилъ въ новгородскіе архіепископы Далмата [689]). — Наступили дожди «и поимаша вси рли (луга?) и обилія и сѣна», а осенью морозъ побилъ обиліе, но «останокъ избыся» [690]).— Александръ разболѣлся въ Новгородѣ, но Богъ помиловалъ его [691]).

1252. Погорѣло Славно отъ Ильинской церкви до Нутной улицы [692]).

1253. На Новгородскую землю напала литва и взяла большой полонъ; новгородцы съ своимъ княземъ Василіемъ (сыномъ Невскаго) догнали ихъ

---

681) Ibid. III, 54, 129, 220; IV, 37; VII, 152; X, 128.

682) Ibid. III, 54; V, 182 (скончалась 5-го мая); VII, 152.

683) Подробнѣе см. на стр. 33.

684) П. С. Р. Л. III, 54; IV, 37. Послѣдняя подъ этимъ годомъ передаетъ факты предъидущаго года.

685) Ibid. III, 54.

686) Ibid. I, 202; VII, 156; X, 133.

687) Ibid. III, 54, 129, 229; IV, 38; V, 186.

688) Ibid. III, 54.

689) Ibid. I, 202 (митрополитъ пріѣхалъ къ Александру и поставилъ Далмата 25 мая); III, 54—55, 220; IV, 38; V, 186; VII, 159; X, 137.

690) Ibid. III, 54—55, 220; X, 137.

691) Ibid. I, 202; X, 138.

692) Ibid. III, 55.

и побили у Торопца, а полонъ отняли. — Подъ Псковъ пришли нѣмцы и выжгли посадъ, но псковичи побили ихъ. Новгородцы пришли (на помощь) къ псковичамъ «полкомъ», и нѣмцы бѣжали. Возвратясь домой, новгородцы «покрутившеся» пошли за Нарову на нѣмцевъ «и сотвориша волость ихъ пусту»; много зла причинила нѣмцамъ и Корела. — Въ томъ же году на нѣмцевъ пошли псковичи и побѣдили ихъ. Послѣ того побѣжденные прислали пословъ въ Новгородъ и Псковъ просить мира на всей новгородской и псковской волѣ, который и состоялся [693]) — Изъ Низовской земли прибѣжалъ кн. Ярославъ Ярославичъ, и его посадили во Псковѣ [694]).

1255. Новгородцы надумали послать владыку Далмата къ вел. кн. Александру «съ грамотами яко о миру». Между тѣмъ какъ владыка медлилъ отправиться, въ Новгородѣ проявилась крамола: новгородцы выгнали кн. Василія Александровича [695]). На мѣсто сына Невскаго они привели къ себѣ изъ Пскова Ярослава Ярославича. Это столкновеніе Новгорода съ великимъ княземъ кончилось, впрочемъ, благополучно для обѣихъ сторонъ [696]).

1256. Походъ Александра Невскаго съ новгородцами и суздальцами въ Финляндію и побѣда его надъ шведами и финнами [697]).

1257. Отъ первой попытки татаръ взять съ Новгорода тамгу и десятину новгородцы отдѣлались болѣе или менѣе счастливо [698]).

1258. Литовцы приходили къ Торжку и тамъ надѣлали много зла: однихъ перебили, другихъ взяли живьемъ, и только нѣкоторые успѣли спастись бѣгствомъ [699]).

1259. Татары взяли число на Новгородѣ [700]).

1260. Весь годъ тишина [701]).

1261. Владыка Далматъ покрылъ церковь св. Софіи свинцовой кровлей. — Ноября 8-го и 9-го въ Новгородѣ пожары [702]).

---

693) Ibid. III, 55; IV, 38; X, 139 (подъ 1254 г.).

694) Ibid. V, 188; VII, 161. Лѣт. Лаврентьевская, Троицкая (т. I, 202, 226) и Тверская (т. XV, 400), передавая объ этомъ подъ 1254, говорятъ, что Ярославъ съ боярами своими поѣхалъ въ Ладогу, оставивъ отчину свою, и ладожане почтили его достойною честію. Въ Новгородской первой подъ этимъ годомъ читаемъ краткую замѣтку: «Добро бяше хрестьяномъ».

695) Ibid. I, 203.

696) Ibid. I, 203; III, 55—56; IV, 38; V, 188; VII, 161; X, 140; XV, 398. См. текстъ, стр. 35—36.

697) Подробности см. на стр. 36.

698) П. С. Р. Л. III, 56; IV, 38—39; V, 189, VII, 161; X, 141; XV, 401. Подробности см. на стр. 36—37.

699) Ibid. III, 56; IV, 39; V, 189; VII, 162.

700) Подробности см. на стр. 37. По Лаврентьевской лѣт. число взято въ 1258 г.

701) П. С. Р. Л. III, 57; X, 142.

702) Ibid. III, 57, 220; IV, 39.

1262. По приказанію Александра Невскаго, собиравшагося тогда ѣхать въ орду, нѣкоторые князья ходили на Ливонію и взяли Дерптъ [703]).

1263. Скончался Александръ Невскій, много потрудившійся за Новгородъ и за всю Русскую землю. — Въ Литвѣ страшный мятежъ: убили Миндовга; въ спорѣ о его пожиткахъ (о товарѣ его), злодѣи убили и полоцкаго князя Товтивила; хотѣли убить и сына его, но онъ успѣлъ бѣжать съ дворомъ своимъ въ Новгородъ [704]).

1264. Новгородцы прогнали Димитрія и пригласили къ себѣ Ярослава тверскаго [705]).

1265. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ и 27-го января посаженъ былъ на столѣ. Тогда же онъ и женился, «поя Юрьеву дщерь Михаиловича». — Войшелгъ, вышедъ изъ монастыря, пустошитъ, въ отмщеніе за смерть отца, Литву и избиваетъ враговъ его, вслѣдствіе чего во Псковъ прибѣжало до 300 литовскихъ семействъ, которыя Святославъ Ярославичъ креститъ; новгородцы намѣревались перерѣзать выходцевъ, но Ярославъ не допустилъ ихъ до того [708]).

1266. Псковичи посадили у себя на княжомъ столѣ литовскаго князя Довмонта. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ низовскими полками, намѣреваясь идти на псковскаго князя, но новгородцы сказали ему: «оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавъшеся, то же ѣхати въ Пльсковъ?» — и князь увелъ полки свои назадъ [709]), оставивъ въ Новгородѣ племянника своего, Димитрія Александровича [710]).

1267. Мая 23-го погорѣлъ Неревскій конецъ; на Волховѣ сгорѣло много товаровъ.—Новгородцы съ Елевѳеріемъ Сбыславичемъ и Довмонтъ со псковичами ходили воевать Литовскую землю [711]).

1268. Новгородцы надумали съ княземъ своимъ Юріемъ (Андреевичемъ) идти на Литву; иные, впрочемъ, хотѣли идти на Полоцкъ, а третьи— за р. Нарову. Когда пришли на Дубровну, начался споръ изъ-за того, куда

---

703) Ibid. III, 57—58; IV, 39; V, 190; VII, 163; X, 143. См. стр. 38.

704) Ibid. III, 58; IV, 39, 180 (подъ 1264 г.); V, 191; VII, 163—164; X, 143; XV, 403.

705) Ibid. III, 58; IV, 39; V, 191; VII, 164 (подъ 1263 годомъ). Новгородскія первая и четвертая о занятіи Ярославомъ стола 27-го января говорятъ въ самомъ началѣ слѣдующаго года.

706) Ibid. III, 58 (см. предъидущее прим.); IV, 39; VII, 167; X, 144. Воскресенская говоритъ объ этомъ подъ 1263 г.

707) Ibid. IV, 39; VII, 164 (подъ 1263 г.).

708) Цитаты слѣдующаго примѣчанія.

709) П. С. Р. Л. III, 58—59; IV, 180; V, 10, 192—193; VII, 167 (подъ 1265 г.); X, 144—145.

710) Ibid. VII, 167; X, 145. Объ этомъ, впрочемъ, см. прим. 123.

711) Ibid. III, 59; IV, 40; V, 193, X, 145.

идти; наконецъ, рати поворотили назадъ и пошли за Нарову къ г. Раковору [712]), землю опустошили, но города не взяли и воротились домой.—По думѣ съ посадникомъ Михаиломъ новгородцы призвали къ себѣ изъ Переяславля кн. Димитрія Александровича съ полками, а за Ярославомъ отправили пословъ, и онъ прислалъ въ Новгородъ съ полками тверскими сына своего Святослава. Нашли порочнаго мастера, который приготовлялъ пороки (стѣнобитныя, метательныя орудія) на владычнемъ дворѣ. Граждане Риги, Вельяда (Феллина), Юрьева и другихъ городовъ прислали въ Новгородъ пословъ, чрезъ которыхъ просили мира и обѣщавались не приставать къ колыванцамъ (ревельцамъ) и раковорцамъ. Изъ Новгорода въ названные города ѣздилъ Лазарь Моисеевичъ и привелъ къ крестному цѣлованію епископовъ и божіихъ дворянъ (рыцарей) на томъ, что они исполнятъ свое обѣщаніе. «И пояша (нѣмцы) на свои руцѣ мужа добра изъ Новагорода Семьюна, цѣловавше крестъ» ... Въ Новгородъ собрались князья: Димитрій Александровичъ, Святославъ и Михаилъ Ярославичи, Константинъ (Ростиславичъ смоленскій), Юрій (Андреевичъ), Ярополкъ (?), Довмонтъ псковскій и нѣкоторые другіе. Января 23-го князья выступили къ Раковору; вошедши въ Нѣмецкую землю, они раздѣлились на три отряда и пошли тремя путями. Одинъ изъ этихъ отрядовъ набрелъ на пещеру со множествомъ засѣвшей тамъ чуди, которую нельзя было выбить оттуда; только вода, пущенная въ пещеру порочнымъ мастеромъ, выгнала оттуда чудь, которую всю истребили, а имущество ея отдали кн. Димитрію... Около р. Кеголи русскіе князья встрѣтили нѣмецкій полкъ: точно лѣсъ стоялъ передъ ними, потому что тутъ была вся Нѣмецкая земля. Новгородцы пошли за рѣку; начали уставлять полки: псковичи заняли правое крыло; повыше ихъ стали князья Димитрій и Святославъ; на лѣвомъ крылѣ сталъ Михаилъ, а новгородцы—въ центрѣ, прямо «въ лице желѣзному полку противу великои свиньи» [713]). Побоище произошло такое, какого не видали ни отцы, ни дѣды; тутъ были убиты (перечень убитыхъ): посадникъ Михаилъ, Твердиславъ Чермный и др., а иные пропали безъ вѣсти, какъ тысяцкій Кодратъ и др.; «а Юрьи князь вда плечи, или перевѣтъ былъ въ немъ, то Богъ вѣсть». Нѣмцевъ гнали избивая до города по тремъ путямъ на протяженіи семи верстъ; труповъ было такъ много, что конницѣ трудно было дѣйствовать. Между тѣмъ нѣкоторые замѣтили, что желѣзный полкъ клиномъ (великая свинья) врѣзался въ новгородскіе обозы («въ возникы новгородьскые»); новгородцы хотѣли ударить на этихъ нѣмцевъ, но другіе отсовѣтовали это въ

712) По-нѣмецки—Вейссенбергъ или Везенбергъ, по-эстонски—Rakwerre.

713) Такъ назывался военный строй, похожій по фигурѣ на клинъ, треугольникъ, обращенный острымъ угломъ впередъ, или на морду свиньи.

виду того, что наступила ночь и въ замятнѣ можно истреблять и своихъ. Нѣмцы, однако, не дождавшись разсвѣта, бѣжали. (Эта битва происходила 18-го февраля въ сыропустную субботу). Новгородцы «стояша на костѣхъ 3 дни», потомъ пошли въ Новгородъ, куда привезли и своихъ, павшихъ въ битвѣ, собратій. На мѣсто убитаго посадника Михаила избрали Павшу Ананьевича, а мѣсто тысяцкаго не дали никому, «ци будеть Кондратъ живъ» [714]).

1269. Въ недѣлю всѣхъ святыхъ нѣмцы подступили къ Пскову, сожгли посадъ и, простоявши десять дней, отступили, ничего не сдѣлавъ городу. Противъ нихъ выступили новгородцы съ кн. Юріемъ, и тѣ бѣжали за рѣку, чрезъ которую взяли миръ на всей волѣ новгородской [715]).—Въ Новгородѣ поднялся мятежъ: одни хотѣли послать къ в. кн. Ярославу Ярославичу во *Владиміръ* (за совѣтомъ), какъ бы окончательно примириться съ нѣмцами, а другіе не хотѣли того.—Ярославъ, пріѣхавъ въ Новгородъ, началъ жаловаться, что его и новгородскіе мужи побиты, а новгородцы разратились съ нѣмцами. Князю хотѣлось устранить и лишить власти («волости») Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія (по другимъ — Олферія) Сбыславича, но новгородцы крѣпко стали за нихъ, почему великій князь хотѣлъ уѣхать изъ города; новгородцы кланялись князю и, въ виду того, что съ нѣмцами еще не было мира, просили сложить гнѣвъ на названныхъ лицъ и не уѣзжать; Ярославъ, однако, уѣхалъ. Тогда новгородцы въ-слѣдъ за нимъ отправили владыку и нѣсколько лучшихъ мужей, которые и воротили князя изъ Бронницы. Тогда же «по княжи воли» тысяцкимъ выбрали Ратибора Клуксовича.—Зимой, по думѣ съ новгородцами, Ярославъ послалъ въ Низовскую землю Святослава [716]) за войсками; Святославъ «совокупи» всѣхъ князей и «полку безъ числа», и прибылъ въ Новгородъ. Тутъ былъ Амраганъ (Армаганъ, Иаргаманъ) великій баскакъ владимірскій (по Никон. лѣт.—и зять его Айдаръ). Намѣревались идти къ Колывани, но нѣмцы, узнавъ объ этомъ, прислали сказать: «кланяемся на всеи воли вашеи, Наровы всеи отступаемся, а крови не проливайте». Обдумавши это предложеніе, новгородцы согласились на него.—Ярославъ хотѣлъ идти на Корелу,

---

714) П. С. Р. Л. III, 60—61; IV, 40—41, 180—182; V, 193—195; VII, 167; X, 146. Въ Псковской второй (т. V, 10) подъ 1267 г. говорится кратко, что Довмонтъ ходилъ съ псковичами къ Раковору и побѣдилъ нѣмцевъ; Троицкая (т. I, 226) починъ въ этомъ дѣлѣ приписываетъ Ярославу, говоря, что онъ послалъ Димитрія Александровича и другихъ князей съ новгородцами на нѣмцевъ, не передавая никакихъ другихъ подробностей.

715) Слѣдующее затѣмъ извѣстіе о мятежѣ принадлежитъ Никоновской лѣтописи.

716) Конечно, сына своего, а не *Александровича*, какъ сказано въ Воскресенской лѣтописи.

но новгородцы, хотя и съ трудомъ, умолили его оставить эту мысль, и низовскіе полки отправлены были домой[717]).

1270. Въ Новгородѣ вспыхнулъ мятежъ: новгородцы начали выгонять изъ города Ярослава Ярославича; на Ярославовомъ дворѣ собралось вѣче, и тутъ убили какого-то Иванка (по Никон. л. «пріятелей его (Ярослава) и совѣтниковъ его избили»); нѣкоторые скрылись въ церкви св. Николая, а на слѣдующій день бѣжали къ князю на Городище: тысяцкій Ратиборъ, Гаврило Кіяниновъ и другіе пріятели великаго князя; дворы ихъ были разграблены и хоромы разнесены; написали и послали на городище къ князю всѣ вины его: «чему еси отъялъ Волховъ гоголными ловцы, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ еси Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ еси серебро на Микифорѣ Манускиничи и на Романѣ Болдышевичѣ и на Варѳоломѣи? а иное: чему выводишь отъ насъ иноземца, которыи у насъ живутъ? а того много вины его; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья; поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ». Ярославъ прислалъ на вѣче сына своего Святослава и Андрея Воротиславича съ поклономъ: «Того всего лишюся, а крестъ цѣлую на всеи воли вашеи». Новгородцы отвѣчали: «Княже, поѣди проче, не хотимъ тебе; али идемъ весь Новгородъ прогонить тебе!» По неволѣ Ярославъ долженъ былъ оставить Новгородъ, а новгородцы послали звать къ себѣ Димитрія Александровича, который, однако, отказался, не желая «взяти стола передъ стрыемъ своимъ». Это обстоятельство опечалило новгородцевъ. А между тѣмъ Ярославъ началъ собирать полки на Новгородъ и послалъ Ратибора къ хану просить помощи. Ратиборъ говорилъ царю (хану), что новгородцы не слушаютъ его, царя, не даютъ ему дани, что они выгнали ихъ, т. е. приверженцевъ Ярослава, иныхъ избили, домы ихъ разграбили, а князя обезчестили. Ханъ отпустилъ-было свою рать, но воротилъ ее по ходатайству предъ нимъ за новгородцевъ кн. костромскаго, Василія Ярославича[718]). Тѣмъ не менѣе новгородцы готовились къ встрѣчѣ враговъ: по открытымъ сторонамъ города поставили остроги, товары всякіе свезли въ самый городъ; вооружились всѣ граждане (по Никон. туда приглашены были псковичи и приведено на помощь много нѣмцевъ) и вышли къ городищу: два дня пѣшіе стояли за Жилотугомъ (ручей), а конники—за Городищемъ. Услышавъ объ этихъ приготовленіяхъ, Ярославъ направился къ Русѣ и засѣлъ въ ней, а въ Новгородъ послалъ Творимира съ такой рѣчью: «всего, что вашего нелюбія до мене, того лишаюся, а князи вси за мене поручатся». Новгородцы отвѣчали чрезъ

717) П. С. Р. Л. III, 61; IV, 41; V, 195; VII, 168—169; X, 147.
718) См. стр. 42.

Лазаря Моисеевича: «Княже, сдумалъ еси на святую Софью! поѣди, ать изъмремъ честно за св. Софію; у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и св. Софья, а тебе не хочемъ!» Послѣ того соединилась вся волость новгородская: псковичи, ладожане, корела, ижора, вожане, пошли въ Голино [719]) и недѣлю стояли на бродѣ, а полкъ Ярослава стоялъ на другой сторонѣ. Ярославъ обратился къ митрополиту и между прочимъ просилъ его: «введи насъ въ миръ». Митрополитъ прислалъ въ Новгородъ грамоту, въ которой говорилъ: «Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русьской земли, вамъ слушати Бога и мене: кръви не проливаите, а Ярославъ всеи злобы лишается, а за то язъ поручаюся, аже будете и крестъ цѣловали, язъ за то пріиму опитемью и отвѣчаю за то предъ Богомъ». Примиреніе состоялось: Ярослава «посадиша (на Новгородскомъ столѣ) и водиша и́ къ кресту». Зимой князь уѣхалъ во Владиміръ, а отсюда отправился въ орду. Въ Новгородѣ онъ оставилъ (своимъ намѣстникомъ) Андрея Воротиславича, а псковичамъ далъ князя Айгуста [720]).

1271. Ѳедоръ Хотовичъ поставилъ церковь св. Саввы; на Холопьей улицѣ поставили другую церковь, свв. Космы и Даміана [721]).

1272. Изъ двухъ претендентовъ на новгородскій столъ, в. кн. Василія Ярославича костромскаго и Димитрія Александровича переяславскаго, новгородцы избираютъ послѣдняго [722]).

1273. Борьба Василія Ярославича съ Димитріемъ Александровичемъ за Новгородъ окончилась въ пользу перваго [723]).

1274. Октября 21-го скончался архіепископъ Далматъ.—Зимой скончался посадникъ Павша (по Никон. Павелъ Семеновичъ). — Въ Новгородъ пріѣхалъ князь Василій Ярославичъ. – Посадничество опять дано Михаилу Мишиничу.—На мѣсто владыки Далмата, по его же указанію, избранъ посредствомъ голосованія духовникъ его, игуменъ Климентъ, который и отправленъ былъ въ Кіевъ къ митрополиту Кириллу на поставленіе [724]).

1275. Въ Новгородѣ пожары [725]). — На Руси и въ Новгородѣ было второе число [726]).

---

719) Селеніе при впаденіи Шелони въ озеро Ильмень: «Олгердъ... пришедъ и сташа на Шолонѣ на усть Пшаги рѣки... и взя Шолоню и до Голинъ». П. С. Р. Л. V, 225; VII, 210.

720) П. С. Р. Л. III, 61—62, 220; IV, 41—42; V, 196; VII, 169—170; X, 148—149.

721) Ibid. III, 62.

722) Ibid. I, 227; III, 62; V, 198; VII, 172. По одному варіанту Новгородской первой и нѣкоторымъ другимъ лѣтописямъ Димитрій прибылъ въ Новгородъ въ 1273 г. См. стр. 43.

723) Подробности см. на 43 стр.

724) П. С. Р. Л. III, 63, 129, 220; IV, 43; V, 199; VII, 172; X, 152. По Ник. лѣт. посадничество дано Михаилу Михайловичу (Мишиничу) въ 1275 г.

725) Ibid. III, 63.

726) Ibid. X, 152. По Новгородской четвертой (т. IV, 42) второе число было въ 1273 г.

1276. Мая 9-го опала до основанія стѣна у св. Софіи отъ Неревскаго конца. — Поставленный въ архіепископы Климентъ прибылъ изъ Кіева въ Новгородъ августа 2.—Зимой скончался в. кн. Василій Ярославичъ, и новгородцы послали просить къ себѣ на столъ Димитрія Александровича [727]).

1277. Димитрій прибылъ въ Новгородъ и сѣлъ на столѣ въ недѣлю всѣхъ святыхъ [728]).

1278. Зимой Димитрій Александровичъ съ новгородцами и низовцами казнилъ Корелу и взялъ землю Корельскую на щитъ [729]).

1279. Кн. Димитрій выпросилъ у Новгорода (позволеніе) поставить для себя городъ Копорью, который и срубилъ самъ [730]).

1280. Димитрій Александровичъ съ посадникомъ Михаиломъ и большими мужами поѣхалъ къ Копорью и обложилъ его камнемъ («ѣхавше обложи городъ каменъ Копорью»). — Князь и новгородцы отняли посадничество у Михаила Мишинича и дали выведенному изъ Ладоги Семену Михайловичу.—Ноября 6-го Михаилъ Мишиничъ скончался [731]).

1281. Димитрій Александровичъ заратился съ Новгородомъ. Новгородцы отправили къ нему владыку Климента съ просьбой о мирѣ, но великій князь не послушалъ его. Зимой Димитрій вошелъ въ Новгородскую землю съ своими ратями и, «много пакости дѣя волости Новгородской», остановился на Шелони. Здѣсь заключенъ былъ миръ, и великій князь ушелъ во Владиміръ.—Декабря 6-го въ Переяславлѣ Залѣсскомъ скончался митрополитъ Кириллъ, тѣло котораго отправлено было потомъ въ Кіевъ [732]).

1282. Споръ Андрея Александровича съ братомъ его в. кн. Димитріемъ за великокняжескій столъ и участіе въ этомъ спорѣ новгородцевъ [733]).

---

727) Ibid. III, 63, 220; IV, 43; V, 199; VII, 173; X, 153; XV, 405.

728) Ibid. III, 63: IV, 43; V, 199; VII, 173; X, 153.

729) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199; X, 155. Воскресенская лѣт. (VII, 173) говоритъ объ этомъ походѣ подъ 1277 годомъ.

730) Ibid. III, 63; VII, 174.

731) Ibid. III, 63; IV, 43; V, 199.

732) Ibid. III, 64; V, 199. Въ Троицкой лѣтописи объ этомъ говорится подъ 1282 г., а въ Воскресенской и Никоновской—подъ 1280 г. съ нѣкоторыми подробностями. По послѣдней новгородскій владыка Климентъ пришелъ къ митрополиту Кириллу (значитъ, въ Переяславль, гдѣ были тогда, по Воскресенской лѣтописи: великій князь, епископъ ростовскій Игнатій и владимірскій Ѳеодоръ) и принялъ отъ него благословеніе, а потомъ пошелъ къ великому князю «о мирѣ и любви отъ новгородцевъ». Затѣмъ говорится о кончинѣ митрополита Кирилла 7-го декабря и, наконецъ, о походѣ Димитрія на Новгородъ, о принятіи на р. Шелони даровъ отъ архіепископа Климента и заключеніи мира.

733) Подробности см. на 47 стр.

1283. Продолженіе непріязненныхъ столкновеній между князьями-братьями[734]). — Нѣмцы чрезъ Неву вошли въ Ладожское озеро и избили новгородцевъ, обонѣжскихъ купцовъ; съ нѣмцами бились, вошедши въ Неву, ладожане[735]).

1284. Андрей, вопреки заключенному имъ миру съ Новгородомъ, отступился отъ послѣдняго въ пользу Димитрія[736]). — Нѣмецкій воевода Трунда съ нѣмцами въ лойвахъ и шнекахъ прошли Невой въ Ладожское озеро съ намѣреніемъ взять дань на Корелѣ. Новгородцы съ посадникомъ Семеномъ и ладожане заняли устье Невы и 9-го сентября дождались здѣсь нѣмцевъ, изъ которыхъ одни были побиты ими, а другіе успѣли бѣжать. — Походъ Димитрія и Андрея на Новгородъ, съ которымъ, впрочемъ, заключенъ былъ миръ[737]).

1285. Въ Новгородъ приходилъ митрополитъ Максимъ. — Зимой литовцы воевали Ловать[738]).

1286. Зимой новгородцы отняли посадничество у Семена и отдали его Андрею Климовичу, а тысяцкое, отнявъ у Ивана, дали Андреяну Олферьевичу[739]).

1287. Въ Новгородѣ поднялся великій мятежъ: на Семена Михайловича (бывшаго посадника) поднялся весь Новгородъ; со всѣхъ концевъ двинулись на него вооруженные новгородцы и шли какъ будьто на рать; съ шумомъ толпа овладѣла домомъ Семена, который успѣлъ бѣжать ко владыкѣ, а этотъ послѣдній укрылъ его въ храмѣ св. Софіи. На слѣдующій день всѣ «пришли въ любовь». Однако Семенъ послѣ того разболѣлся и вскорѣ (іюля 16-го) скончался[740]).

1288. . . . . . .

1289. Димитрій предпринималъ походъ на Тверь, въ которомъ участвовали и новгородцы[741]).

1290. Новгородцы отняли посадничество у Андрея Климовича и отдали его Юрію Мишиничу (въ великое говѣнье); Ладожское посадничество дали Матвѣю Семеновичу. На Похвальной недѣлѣ на владычнемъ дворѣ у входа въ церковь Рождества Христова, во время заутрени, убили Самойла Рать-

---

734) Ibid. стр. 48.
735) П. С. Р. Л. III, 64; IV, 43; V, 200.
736) См. стр. 48.
737) П. С. Р. Л. III, 64; V, 200—201; VII, 178. См. также стр. 48. Въ Никон. лѣтописи (т. X, 165—166) объ этомъ говорится подъ 1285 г.
738) Ibid. III, 64; IV, 43; V, 201; VII, 178.
739) Ibid. III, 65; IV, 44.
740) Ibid. III, 65; IV, 44; V, 201.
741) См. подробности на 50 стр.

шинича. У св. Софіи и св. Николая созвонили вѣча, на которыя люди явились въ вооруженіи («въ доспѣсѣ»), послѣ чего взяли Прусскую улицу, разграбили тамъ дома и въ заключеніе всю улицу пожгли [742]).

1291. Весной въ Волховѣ большая прибыль воды.—Въ Новгородѣ былъ конскій падежъ.—Морозъ побилъ хлѣба (обиліе) по всей Новгородской волости.—Крамольники грабили торгъ, а на утро собралось вѣче, и двухъ крамольниковъ сбросили съ моста (въ Волховъ) [743]).

1292. «Молодци новгородскіи» съ княжескими воеводами ходили воевать Емь и благополучно возвратились домой.—Шведы, въ количествѣ 800, приходили воевать: 400 изъ нихъ пошло на Корелу и 400 на Ижору; но ижоряне избили нѣмцевъ, «а Корѣла изби своихъ, а иныхъ руками изимаша» [744]).

1293. Пришли шведы и поставили городъ на Корельской землѣ.—Андрей идетъ на Димитрія съ татарами (Дудень) и занимаетъ новгородскій столъ въ недѣлю сыропустную [745]). Въ то же говѣнье Андрей послалъ кн. Романа Глѣбовича (брянскаго изъ смоленскихъ), Юрья Мишинича (посадника) и Андреяна тысяцкаго съ небольшимъ числомъ новгородцевъ къ шведскому городу, и крѣпко «пришибошася» во вторникъ Похвальной недѣли, причемъ многіе изъ новгородцевъ были ранены. Оттепель и безкормица, отъ которой страдали кони, заставили новгородцевъ удалиться во-свояси.—Димитрій по миру уступилъ Андрею великокняжеское достоинство [746]).

1294. Въ Волокѣ скончался кн. Димитрій Александровичъ [747]).—Титмановичъ поставилъ «отій» городокъ на «сей» сторонѣ (на новгородской) Наровы, а новгородцы пришли и сожгли этотъ городокъ, село его (Титмановича) великое взяли и сожгли [748]).—Владыка Климентъ поставилъ камен-

---

742) П. С. Р. Л. III, 65, 129—130, 221; IV, 44.

743) Ibid. III, 65, 221; IV, 44.

744) Ibid. III, 65, 221; IV, 44; V, 201. «Корѣла изби своихъ»—здѣсь, конечно, подъ *своими* надобно разумѣть тѣхъ шведовъ, которые пошли *собственно на Корелу.*

745) Подробности объ этомъ и объ отреченіи Димитрія отъ великокняжескаго стола см. на 51—52 стр.

746) П. С. Р. Л. I, 228; III, 65—66, 221; IV, 44; V, 201—202; VII, 180; X, 168—169 (подъ 1294).

747) См. стр. 52.

748) П. С. Р. Л. I, 228; III, 66, 221; IV, 44—45; VII, 180. Карамзинъ (IV, пр. 93) и издатели Новгородской лѣтописи (Москва 1781) слово *Титъмановичъ* раздѣляютъ: *Титъ Мановичъ.* Основательнѣе, по нашему мнѣнію, толкуетъ это слово редакторъ Полнаго собранія русскихъ лѣтописей: подъ 1256 г. въ Новгородской первой мы читаемъ, что пришли шведы, Емь, Сумь и *Дидманъ* съ многочисленной ратью и начали ставить городъ на Наровѣ. Естественно предположить, что Титмановичъ есть не кто иной, какъ сынъ Дидмана, *Дидмановичъ*, который продолжаетъ дѣло отца, ставитъ на Наровѣ городъ «отій», т. е. отній, отчій, отцовскій.

ную церковь Воскресенія Христова на каменныхъ городскихъ воротахъ «по сему завѣту», что Богъ пособилъ новгородцамъ побить нѣмцевъ и городъ Корелу *разграбить*[749]).

1295. Шведы съ воеводою Сигомъ поставили городокъ въ Корелѣ, а новгородцы городокъ этотъ «разгребоша», Сига убили и не пустили (живымъ) ни одного мужа[750])

1296. Владыка Климентъ поставилъ церковь Воскресенія на воротахъ[751]).

1297. Новгородцы поставили городъ Копорью («каменъ», по V, 202).— Архимандритъ Кириллъ Георгіевскаго монастыря поставилъ церковь Преображенія[752]).

1298. Великій князь Андрей Александровичъ хотѣлъ напасть на Переяславль, но, не допущенный до того московскимъ и тверскимъ князьями, уѣхалъ въ Новгородъ[753]).

1299. Въ Новгородѣ, апрѣля 18-го, въ великую субботу былъ сильный пожаръ, во время котораго нѣкоторые грабили не только частное имущество, но и храмы. — Новгородцы съ кн. Борисомъ Андреевичемъ на мѣсто умершаго Климента избрали на архіепископскую каѳедру Благовѣщенскаго игумена Ѳеоктиста[754]).

1300. Въ Новгородъ пріѣхали: митрополитъ Максимъ, ростовскій владыка Симеонъ и тверскій Андрей, которые, въ день Петра и Павла, рукоположили Ѳеоктиста въ архіепископы. — Весной погорѣлъ Новый Торгъ.— Въ Неву пришли шведы съ нарочито взятыми у папы мастерами, поставили при устьѣ Охты городъ, весьма искусно (несказано) укрѣпили его и назвали Вѣнцомъ земли (Ландскропа); съ ними былъ и намѣстникъ королевскій Маскалка (по Карамзину, маршалъ Торкель Кнутсонъ); посадивъ въ городѣ нарочитыхъ мужей съ воеводой Стенемъ, они ушли. Въ это время въ Новгородѣ не было князя[755]).

---

749) Ibid. III, 221. *Разграбить*, вѣроятно, по ошибкѣ поставлено вмѣсто *разгрести* (разметать, сравнять съ землей), какъ и въ слѣдующемъ году говорится *разгребоша* о городкѣ, поставленномъ также шведами.

750) Ibid. III, 66; V, 202.

751) Ibid. III, 66. Здѣсь говорится, безъ сомнѣнія, о томъ же, о чемъ Новгородская третья говоритъ подъ 1294 г. См. этотъ годъ.

752) Ibid. III, 66, 221; IV, 45; V, 202; VII, 181.

753) Ibid. V, 202; см. также стр. 57.

754) Ibid. III, 66—67, 130, 221; IV, 45; V, 203; VII, 182 (подъ 1300 г.); X, 172.

755) Ibid. III, 67, 222; IV, 46; V, 203; VII, 182—183; X, 172—173; въ Тверской—и только въ ней одной—подъ этимъ годомъ говорится, что Михаилъ тверскій сѣлъ въ Новгородѣ на столѣ.

1301. Андрей Александровичъ съ новгородцами и низовскими полками разрушилъ построенный шведами городъ Ландскрону[756]).

1302. «Заложиша городъ каменъ Новугороду («заложиша градъ Дѣтинецъ каменъ», по Никон.).—Посылали пословъ въ Датскую (Доньскую) землю (по Карамзину, къ королю Ерику о прекращеніи частыхъ войнъ съ его областью Эстоніей), съ которой заключили миръ[757]).

1303. У Семена Климовича отнято посадничество и дано брату его Андрею.—Срублено четыре деревянныхъ церкви.—Зима теплая, вслѣдствіе чего не было хлѣба[758]).

1304. Іюля 27-го скончался в. кн. Андрей Александровичъ, и претендентами на великокняжескій столъ явились: Юрій московскій и дядя его, Михаилъ Ярославичъ тверскій; тверичи (въ надеждѣ, что Михаилъ будетъ великимъ княземъ) послали въ Новгородъ намѣстниковъ, но новгородцы не приняли ихъ и пошли въ Торжокъ блюсти этотъ городъ; вся Новгородская земля встала противъ Твери. Однако обѣ стороны, ссылаясь чрезъ пословъ, примирились до пріѣзда изъ орды князя[759]).

1305. Семенъ Климовичъ поставилъ каменную церковь Покрова.—Дѣлали новый мостъ чрезъ Волховъ.—Декабря 9-го Ѳеоктистъ освятилъ церковь Бориса и Глѣба[760]).

1306—1307[761]).—**1308.** Михаилъ Ярославичъ сѣлъ въ Новгородѣ на столѣ (въ недѣлю на Сборъ отецъ 630 въ Халкидонѣ).—Зимой владыка Ѳеоктистъ выѣхалъ по нездоровью съ владычняго двора, благословивъ Новгородъ, на покой въ Благовѣщенскій монастырь. На его мѣсто избранъ духовникъ его Давидъ.—Жена Якима Столбовича[762]) поставила на княжомъ дворѣ каменную церковь святыхъ отецъ 318, иже въ Никеѣ[763]).

1309. Іюня 5 во Владимірѣ поставленъ былъ митрополитомъ Петромъ въ новгородскіе архіепископы Давидъ, возвратившійся въ Новгородъ іюля 20-го.—Зимой посадничество дано Михаилу Павшиничу[764]).

---

756) См. стр. 58.
757) П. С. Р. Л. III, 68, 130, 222; IV, 46; V, 204; VII, 183; X, 174.
758) Ibid. III, 68, 222; IV, 46.
759) Ibid. III, 68, 222—223; V, 204; VII, 184; X, 175.
760) Ibid. III, 68, 223; IV, 46.
761) Въ III, 223; въ VII, 185 и X, 176 подъ этимъ годомъ говорится о томъ, о чемъ въ Новгородской первой, второй и третьей говорится подъ 1308 годомъ, а въ Софійской первой — подъ 1306 (о Ѳеоктистѣ).
762) Въ Новгородской третьей это же самое приписывается, подъ 1310 годомъ, самому Якиму Столбовичу, «новгородскому посаднику».
763) П. С. Р. Л. III, 68—69, 130, 181.
764) Ibid. III, 69, 130, 223; IV, 47; V, 204 (въ 1306 г.); VII, 185; X, 177.

1310. Новгородцы въ лодкахъ и лойвахъ ходили въ озеро (Ладожское), прошли въ р. Узьерву (Воксу или Вуоксу) и, разрушивъ здѣсь старый городъ, поставили на порогѣ (Воксы) новый.—Зимой около Новгорода по селамъ происходили грабежи.—Декабря 23-го скончался (бывшій владыка) Ѳеоктистъ [765]).

1311. Новгородцы ходили ратью за море (Финскій заливъ) въ Нѣмецкую землю на Емь съ кн. Димитріемъ Романовичемъ (брянскимъ, сыномъ Романа Глѣбовича смоленскаго) и прежде всего взяли Купецкую рѣку, пожгли здѣсь села, людей переловили, а скотъ изрубили; потомъ взяли Черную рѣку всю и по ней подплыли къ городу Ванаю [766]), которой взяли и сожгли; нѣмцы послѣ того вбѣжали на дѣтинецъ (замокъ или крѣпость), такъ какъ это мѣсто, на высокомъ камнѣ, было крѣпко и неприступно; они просили мира, но новгородцы не согласились на миръ, стояли тамъ трое сутокъ и, истребляя волость, взяли рр. Кавгалу и Перну,—затѣмъ вышли въ море и благополучно прибыли въ Новгородъ.—Мая 19-го, іюня 28-го и іюля 16-го въ Новгородѣ были пожары.—У Михаила отнято посадничество и дано Семену Климовичу [767]).

1312. [*Іюня* 1-го скончался посадникъ Борисъ [768]]. Михаилъ Ярославичъ заратился съ Новгородомъ, откуда вывелъ своихъ намѣстниковъ и занялъ Торжокъ и Бѣжецкій Верхъ. *Весной*, во время распутицы, владыка Давидъ отправился въ Тверь и тамъ «доконча миръ» [769]).

1313. Ладожскій посадникъ съ ладожанами выѣхалъ на войну (?), а нѣмцы «изъѣхаша» Ладогу, пожгли ее, а людей повели въ полонъ [770]).

---

765) Ibid. III, 69, 130, 223; IV, 47; V, 205; VII, 185; X, 177.

766) Упоминаемыя здѣсь рѣки и городъ Ванай съ точностью и теперь еще не опредѣлены. Татищевъ, упоминая о рѣкахъ, не упоминаетъ о Ванаѣ; Стриттеръ подъ послѣднимъ разумѣлъ лифляндскій городъ Венденъ, а князь Щербатовъ всѣ эти мѣста искалъ вообще въ Лифляндіи. Но лѣтописное извѣстіе опредѣленно говоритъ о походѣ на Емь, а слѣдовательно въ Финляндію. Ближе всѣхъ подошелъ къ рѣшенію вопроса Лербергъ. Рѣка *Нокія*, впадающая въ озеро Куловеси, на финскомъ языкѣ означаетъ *трубочиста*, и ее-то, надобно полагать, новгородцы называли *Черной* рѣкой, по которой они могли проникнуть въ обширныя воды, называющіяся внизу Таммерфорса и въ сторонѣ Биркалы Пюгаярви, а далѣе на юго-востокъ—*Ваная*-веси... Тутъ, близь Тавастгуса, лежитъ мѣстечко Vanö или Vaanö, которое по-фински и теперь называется *Ваная* и, навѣрное, существовало уже въ началѣ XIV вѣка, такъ какъ изъ бумагъ Абовскаго церковнаго архива извѣстно, что у финляндскаго епископа былъ тамъ, въ 1324 г., дворъ (*Лербергъ:* Изслѣдов. древн. Русск. исторіи 149—150). Карамзинъ (IV, пр. 214) говоритъ, что Ванай есть нынѣшній Бьёрнборгъ, но что онъ прежде стоялъ выше на р. Кумо, гдѣ нынѣ Улфсби, и это мѣсто называлось *Ванакиль*, Wanhakyla.

767) П. С. Р. Л. III, 69—70, 223; IV, 47; V, 205; VII, 185; X, 178.

768) Ibid. IV, 184; V. 11.

769) Ibid. III, 70; IV, 48, 184; V, 205; VII, 186. См. также выше стр. 62.

770) Ibid. III, 70; X, 178.

1314. Морозъ побилъ всякое жито, почему въ Новгородѣ вздорожалъ хлѣбъ [771]).—Корельцы избили русскихъ въ Корельскомъ городкѣ и ввели къ себѣ нѣмцевъ. Новгородцы съ намѣстникомъ Ѳедоромъ пошли къ городку, и корельцы перешли на ихъ сторону: нѣмцы и перевѣтники-корельцы были избиты.—Занятіе Новгорода Юріемъ Даниловичемъ [772]).

1315. Поѣздка Юрія въ орду.—Битва Михаила Ярославича съ новгородцами, во главѣ которыхъ былъ Аѳанасій Даниловичъ.—Михаилъ отправилъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ. Тогда посадничество дано было Семену Климовичу [773]).

1316. Тверскіе намѣстники вышли изъ Новгорода, на который Михаилъ Ярославичъ пошелъ со всей Низовской землей. Новгородцы обнесли острогами свой городъ, въ который собрались: псковичи, ладожане, рушане (жители Русы), кореляне, ижоряне и вожане (Водь). Худые проводники повели Михаила трудно проходимыми путями, почему тверскій князь долженъ былъ съ дороги возвратиться назадъ. Обратный путь былъ ужасенъ: приходилось блуждать по болотистымъ и озернымъ мѣстамъ, терпѣть отъ голода (ѣли конину), бросать предметы вооруженія и проч. Въ томъ же году, еще до возвращенія Михаила въ Тверь, новгородцы схватили (какого-то) Игната Бѣска, били его на вѣчѣ и сбросили съ моста въ Волховъ за то, что онъ держалъ перевѣтъ къ Михаилу, хотя «Богъ то вѣсть». Тогда же убитъ былъ и Данилко Писцевъ (по Никон. лѣт. писецъ), котораго оклевѣталъ предъ новгородцами слуга его, говоря, что онъ былъ съ Михаиломъ въ любви и совѣтѣ и посылалъ его къ тверскому князю съ граматами [774]).

1317. Новгородцы отправили въ Тверь владыку Давида къ кн. Ми-

---

771) Ibid. III, 71 (въ самомъ концѣ года послѣ другихъ извѣстій, между тѣмъ какъ въ нижеслѣдующихъ лѣтописяхъ этотъ фактъ передается въ самомъ началѣ года); IV, 48, 184; X, 178.

772) Ibid. III, 70—71; V, 205; VII, 186; X, 178—179; XV, 408. По Никоновской лѣтописи новгородцы сами просили къ себѣ Юрія. Подробности см. на стр. 62—63.

773) Ibid. III, 70—71; IV, 48; V, 206; VII, 186; IX, 179; XV, 408. См. выше 63 стр.— Здѣсь въ лѣтописяхъ или хронологія сбита, или событія разныхъ годовъ помѣщаются подъ однимъ годомъ: Новгородская первая и нѣкоторыя другія лѣтописи начинаютъ 1315 г. извѣстіемъ о поѣздкѣ Юрія *изъ Новгорода 15-го марта* въ орду, а въ слѣдъ затѣмъ, безъ обозначенія времени, говорятъ о приходѣ Михаила Ярославича изъ орды и о битвѣ новгородцевъ съ тверичами; Никоновская же и другія лѣтописи говорятъ о поѣздкѣ Юрія въ орду *изъ Ростова*, (онъ дѣйствительно поѣхалъ чрезъ Ростовъ) и тоже *15 марта;* но время прихода Михаила изъ орды (съ прибавленіемъ извѣстія о томъ, что татары его много зла учинили Ростову), похода его противъ новгородцевъ и битвы съ этими послѣдними обозначаютъ *осенью;* при этомъ послѣднія лѣтописи относятъ битву не къ 10, а къ *4-му февраля.*

774) Ibid. III, 71; IV, 48; V, 206; VII, 187; X, 179—180; XV, 408. Никоновская лѣт. смѣшиваетъ походъ Михаила съ прошлогоднимъ его приходомъ къ Торжку, при которомъ разбиты были новгородцы.

хаплу съ просьбой освободить на окупъ тѣхъ новгородцевъ, которые находятся у него въ заложникахъ («въ тали», «въ талѣхъ»); но тотъ не согласился.—Въ Ладожское озеро приходили нѣмцы и избили много обонежскихъ купцовъ [775]).

1318. Новгородцы ходили войною за море въ р. Полную, много воевали «и взяша городъ Людеревъ Сумьского местера и бискупль».—Участіе новгородцевъ въ войнѣ Юрія Даниловича съ Михаиломъ тверскимъ [776]).

1319. По убіеніи Михаила, Юрій возвратился изъ орды и послалъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія [777]).

1320. Походъ Юрія Даниловича на Рязань [778]).

1321. Походъ Юрія Даниловича на кн. Димитрія Михаиловича тверскаго и примиреніе ихъ [779]).

1322. Юрій пришелъ въ Новгородъ и приказалъ «пороки чинити».—Нѣмцы приходили къ Корельскому городку, но не взяли его.—Походъ Юрія съ новгородцами къ Выборгу.—Въ Новгородѣ скончался кн. Аѳанасій Даниловичъ [780]).

1323. Юрій съ новгородцами ставитъ городокъ на Орѣховомъ островѣ и здѣсь заключаетъ миръ со шведами.—Литовцы воевали по Ловати, но новгородцы побили ихъ и прогнали.—Устюжане заратились съ новгородцами: они перехватали новгородцевъ, ходившихъ на Югру, и ограбили ихъ [781]).

1324. Походъ Юрія съ новгородцами на Заволочье и взятіе Устюга [782]).—Февраля 5-го скончался архіепископъ Давидъ, на мѣсто котораго избранъ

---

775) Ibid. III, 72; V, 206. См. слѣд. примѣчаніе.

776) Ibid. III, 72; IV, 49; V, 207; X, 180; а IV, 48,—VII, 187,—XV, 409 говорятъ о войнѣ Юрія съ Михаиломъ подъ 1317 г. Подробности см. выше на стр. 63—65.—Шведскіе лѣтописцы говорятъ, что тогда русскіе сожгли Або, гдѣ обыкновенно жилъ епископъ финляндскій. Лербергъ замѣчаетъ, что тогда финляндскимъ префектомъ былъ Лидеръ и что отъ него-то и произошло названіе города Людерева. См. Карамз. IV, пр. 228.

777) Ibid. III, 72; а I, 229,—IV, 49,—V, 215—216 и X, 187 говорятъ объ этомъ подъ 1320 г., причемъ, кромѣ Никоновской (=Новгородской первой), передаютъ, что изъ орды Юрій пріѣхалъ въ Ростовъ, а отсюда поѣхалъ въ Новгородъ. При этомъ Новгородская третья оканчиваетъ 1320 годъ извѣстіемъ о томъ, что Лука (новгор. воевода) ходилъ «на Мурманы», а нѣмцы избили ушкуи Игната Молыгина.

778) Ibid. III, 72. См. предъидущее примѣчаніе.

779) Ibid. III, 72; X, 188; XV, 414. См. стр. 67. Никоновская и Тверская лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ передаютъ то, что другія лѣтописи передаютъ подъ слѣдующимъ годомъ.

780) Подробности см. на стр. 68. Никон. лѣтопись (см. предъидущее примѣч.) говоритъ, что новгородцы, по приходѣ къ нимъ Юрія, «вмалѣ съ нимъ размолвиша», но вскорѣ потомъ примирились (въ 1322 г.).

781) П. С. Р. Л. III, 73; IV, 50, 184, V, 11, 216; VII, 199. См. стр. 68 и тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи, а также прим. 683.

782) См. стр. 69.

архимандритъ Георгіевскаго монастыря Моисей [783]). — Новгородцы били литовцевъ на Лукахъ и отняли у нихъ полонъ [784]).

1325. Моисей поѣхалъ на посвященіе въ Москву [785]), куда при немъ привезли изъ орды тѣло Юрія Даниловича [786]).

1326. Архіепископъ Моисей возвратился (изъ Москвы въ Новгородъ) во вторникъ на Вербной недѣлѣ.—Пріѣхали (въ Новгородъ) литовскіе послы: Воинъ, братъ Гедимина, кн. полоцкій, Василій минскій и (какой-то) кн. Ѳедоръ Святославичъ, которые заключили миръ съ новгородцами и нѣмцами [787]).

1327. Въ Новгородѣ былъ мятежъ: пограбили и сожгли домъ Евстафія Дворянинцева [788]). — По избіеніи татаръ (Шевкалъ) въ Твери, Александръ тверской хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ [789]), но его не хотѣли тамъ принять.—Иванъ Даниловичъ прислалъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ.—Пришедшіе изъ орды вмѣстѣ съ Калитой татары разорили, между прочимъ, Новоторжскую волость.—В. кн. тверскій (еще до прихода татаръ) бѣжалъ во Псковъ, а братья его, Константинъ и Василій, въ Ладогу.— Новгородцы дали татарскимъ посламъ 2000 серебра [790]) и отправили съ ними своихъ пословъ къ (татарскимъ) воеводамъ со множествомъ даровъ [791]).

1328. Московскій и тверскій (Константинъ) князья, а отъ Новгорода Ѳедоръ Колесница, отправились къ хану, который приказалъ имъ доставить въ орду тверскаго князя Александра [792]).

1329. Марта 26-го въ Новгородъ прибылъ в. кн. Иванъ Даниловичъ со многими другими князьями [793]).—Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) убили новгородскаго посла Ивана Сыпа.—Новгородцы участвуютъ въ походѣ князей къ Пскову на кн. Александра тверскаго.—Устюжскіе князья избили новгородцевъ, которые пошли на Югру [794]).

---

783) П. С. Р. Л. III, 73, 131; V, 216; VII, 199; X, 189; XV, 415. Новгородская вторая о смерти Давида говоритъ во второй разъ подъ 1326 г. Никоновская лѣт. подъ 1324 г. говоритъ сначала о походѣ къ Выборгу (см. 1322 г.) и постройкѣ города на Орѣховомъ о-вѣ (см. 1323 г.), а потомъ уже о походѣ на Заволочье и смерти Давида.

784) Ibid. VII, 199; XV, 415.

785) Ibid. III, 73; V, 217; VII, 199; X, 189.

786) Ibid. V, 217; VII, 199.

787) Ibid. III, 73—74; IV, 50; V, 217; VII, 199; X, 190.

788) Дворянинцевъ былъ сначала тысяцкимъ, а потомъ—посадникомъ.

789) См. стр. 73.

790) Такъ по Новгородской первой и Воскресенской, а по Никоновской—5000 рублей.

791) П. С. Р. Л. III, 74; IV, 50, 185; V, 217—218; VII, 200; X, 194.

792) Ibid. III, 74; IV, 51; V, 218; VII, 201; X, 195. Подробности см. на 74 стр.

793) См. стр. 74.

794) П. С. Р. Л. III, 74—75, 224; IV, 51; V, 218 (объ Иванѣ Сыпѣ, а походѣ ко Пскову подъ 1330 г., какъ и въ Новгородской 4-ой); X, 201.

1330. Владыка Моисей, не смотря на просьбы новгородцевъ остаться на святительской каѳедрѣ, постригся въ схиму, и на его мѣсто избранъ Григорій Калѣка, бывшій священникомъ церкви Космы и Даміана. По принятіи имъ иночества въ январѣ[795]), онъ названъ Василіемъ. Зимой въ Новгородъ прибыли митрополичьи послы изъ Волынской земли звать нарѣченнаго владыку на поставленіе; въ томъ же году[796]) Василій и поставленъ былъ въ Волынской землѣ въ архіепископы новгородскіе[797]).

1331. Изъ Волынской земли отъ митрополита пришли послы[798]), Ѳедоръ и Семенъ, звать нарѣченнаго Владыку Василія на поставленіе въ архіепископы, и Василій поѣхалъ на Волынь 24-го іюня, а съ нимъ бояре: Кузма Твердиславичъ и Вароломей Евстафьевичъ, сынъ тысяцкаго[799]). При проѣздѣ чрезъ Литву Гедиминъ задержалъ ихъ, «и въ таковой тяготѣ» они «слово право» дали Наримонту Гедиминовичу и его дѣтямъ дать въ отчину и дѣдину: Ладогу, Орѣховъ городокъ, Корельскій городокъ, Корельскую землю и половину Копорья[800]).—Василій поставленъ въ архіепископы Новгороду во Владимірѣ Волынскомъ на память апостола Тита (августа 25-го). Въ то же время изъ Пскова отъ князя (тверскаго) Александра, отъ Гедимина и всѣхъ литовскихъ князей пришли послы (подразумѣвается во Владиміръ Волынскій) съ Арсеніемъ, котораго хотѣли поставить на епископство во Псковѣ, «а Новгорода не творя ничимъ, взнесъ бо ся (Псковъ) высокоуміемъ своимъ», такъ какъ псковичи нарушили крестное цѣлованіе къ Новгороду,—посадили къ себѣ кн. Александра «изъ литовскіа руки»). Но Арсеній и псковичи, 1-го сентября, «посрамлени» ушли отъ митрополита въ Кіевъ. Пошелъ изъ Владиміра и новопоставленный архіепископъ новгородскій[801]) на Черниговъ, гдѣ едва избавился отъ насилія набѣжавшаго на городъ кіевскаго князя Ѳедора съ баскакомъ, съ которымъ было 50 человѣкъ (татаръ). Чрезъ Брянскъ и Торжокъ 8-го декабря Василій прибылъ въ Новгородъ, гдѣ ходилъ слухъ, что владыку «литва изымала, а дѣти его избиша»[802]).

---

795) По Новгородской второй—1-го января, о чемъ свидѣтельствуетъ, замѣтимъ, и самое иноческое имя. . . Новгородцы, по Новгородской первой, были безъ владыки 8 мѣсяцевъ.

796) Какъ увидимъ, тѣ же Новгородскія, первая и вторая, повторятъ это и въ слѣдующемъ году.

797) П. С. Р. Л. III, 75, 224. См. прим. 694.

798) По Воскресенской лѣтописи—на Страстной недѣлѣ.

799) П. С. Р. Л. III, 75, 224; IV, 52; V, 219; VII, 202.

800) Ibid. V, 219; VII, 202—203.

801) По V, 219 Василій выѣхалъ изъ Владиміра также 1-го сентября, на которое указываетъ Новгородская первая по отношенію къ Арсенію.

802) П. С. Р. Л. III, 75—76, 224; V, 219; VII, 202—203; X, 204. (Приходъ владыки

1332. Въ Новгородѣ поднялись крамольники: отняли посадничество у Ѳедора Ахмыла и дали Захарію Михайловичу; пограбили дворъ Семена Судакова и села брата его Селифонта.—Приходъ Калиты изъ орды и гнѣвъ его на Новгородъ [803]).—Новгородцы отняли посадничество у Захарія и дали его Матвѣю (по Новгор. 4-ой М. Коскѣ).—Былъ голодъ [804]).

1333. Размирье Ивана Даниловича съ Новгородомъ [805]).—Богъ вложилъ въ сердце [806]) Наримонту Гедиминовичу (въ крещеніи Глѣбу)—прислать въ Новгородъ съ извѣстіемъ, что онъ хочетъ поклониться св. Софіи, и новгородцы позвали его къ себѣ; тотъ пріѣхалъ въ октябрѣ, принятъ былъ съ честію новгородцами, къ которымъ цѣловалъ крестъ—стоять съ ними «за единъ человѣкъ». — Наримонтъ получилъ отъ Новгорода Ладогу, Орѣховый и Корельскій городки, Корельскую землю и половину Копорья въ отчину и дѣдину себѣ и дѣтямъ своимъ [807]).

1334. Новгородскій владыка Василій ходилъ во Владиміръ къ митрополиту Ѳеогносту со многими дарами.—Новгородцы послали къ в. кн. Ивану Даниловичу, по возвращеніи его изъ орды, пословъ во главѣ съ Варѳоломеемъ Юрьевичемъ, которыхъ тотъ принялъ съ любовью. Калита пожаловалъ новгородцевъ: отдалъ имъ нелюбіе и 16-го февраля, въ четвертокъ на Мясопустной недѣлѣ, прибылъ въ Новгородъ [808]).

1335. Владыка Василій съ посадникомъ Ѳедоромъ Даниловичемъ, тысяцкимъ Евстафіемъ и всѣми новгородцами заложилъ каменный острогъ отъ церкви св. Иліи къ церкви св. Павла.—Иванъ Даниловичъ ходилъ съ новгородцами на Псковъ [809]).—Онъ же посылалъ свою рать изъ Торжка на Литву и честилъ въ Москвѣ новгородскаго владыку, посадника и др. [810]).—Вышло-было междоусобіе между обѣими сторонами Волхова, но «снидошася въ любовь» [811]).

1336. Владыка Василій заложилъ каменную Входоіерусалимскую церковь 25-го іюня.—Чрезъ р. Волховъ сдѣланъ новый мостъ.—Владыка

8-го ноября 1332 г.). Въ Новгородской первой замѣчено, что владыка пришелъ въ Новгородъ при князѣ Иванѣ (т. е. въ княженіе), посадникѣ Варѳоломеѣ и тысяцкомъ Евстафіи.

803) См. стр. 75.

804) П. С. Р. Л. III, 76; IV, 53; V, 220; VII, 203; X, 205—206.

805) См. стр. 75.

806) Ср. съ извѣстіями 1331 года, въ вѣрности которыхъ Карамзинъ сомнѣвается.

807) П. С. Р. Л. III, 76—77; IV, 53; V, 220; VII, 203—204; X, 206.

808) Ibid. III, 77; IV, 53; VII, 204; X, 207.

809) См. стр. 76.

810) Ibid.

811) П. С. Р. Л. III, 77; IV, 53; V, 220; X, 207.

обнесъ новымъ тыномъ Софійскій соборъ и сдѣлалъ у него мѣдныя позолоченныя двѣри [812]).

1337. Простой народъ (чадь) поднялся на архимандрита Іосифа, по наущенію стараго архимандрита Лаврентія; крамольники заперли его въ церкви и стерегли день и ночь.—Походъ московскихъ ратей за Волокъ [813]).—Поѣздка владыки Василія во Псковъ [814]).—Окончена и освящена 21-го сентября Входоіерусалимская церковь [815]).— Нѣмцы пришли къ Корельскому городку, въ которомъ былъ тогда воеводой кореляниnъ Валитъ; этотъ Валитъ, послѣ тайныхъ сношеній, предалъ городокъ нѣмцамъ, которые и начали владѣть имъ. Узнавши объ этомъ, къ городку пришли новгородцы 3-го іюля, а 8-го іюля вслѣдствіе тайныхъ сношеній съ ними того же Валита, овладѣли городомъ, нѣмцевъ избили, а иныхъ перевѣшали [816]).—Зимой корельцы подвели нѣмцевъ, которые перебили Русь, много новгородцевъ и ладожанъ —гостей, а сами бѣжали въ нѣмецкіе городки [817]) и потомъ изъ этихъ городковъ перебили много христіанъ [818]).

1338. Новгородцы ходили съ посадникомъ Ѳедоромъ въ Неву и, стоя подъ Орѣховцемъ, пересылались послами съ шведскимъ воеводой Стенемъ, но мира не послѣдовало, и новгородцы воротились домой [819]).—Нѣмцы (шведы) много воевали съ Корелой и Обонежьемъ, пожгли въ Ладогѣ посадъ, но города [820]) не взяли.—«Молодци новгородстіи» ходили съ воеводами и воевали «Городецкую [821]) корелу нѣмецкую» (шведскую), много земли опустошили, «обиліе» пожгли и благополучно возвратились домой.—Нѣмцы изъ Городка приходили воевать на Толдогу, а отсюда пошли на Водскую землю, но ничего не сдѣлали жителямъ, «остерегли бо ся бяху». Тогда копорьяне вышли съ Ѳедоромъ Васильевичемъ и побили ихъ.—Новгородцы нѣсколько разъ посылали въ Литву за княземъ Наримонтомъ, но онъ не только самъ не прибылъ, но и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣховца, оставивъ въ немъ только намѣстника своего.... Изъ Выборга отъ тамошняго шведскаго воеводы пришли въ Новгородъ послы для заклю-

---

812) Ibid. III, 77, 225.
813) См. стр. 76.
814) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.
815) П. С. Р. Л. III, 78.
816) Ibid. V, 220.
817) По Новгородск. первой и четвертой—въ нѣмецкій городокъ.
818) П. С. Р. Л. III, 78; IV, 53 (подъ 1338 г.); V, 220.
819) Ibid. III, 78; V, 221.
820) Въ Софійской первой невѣрно сказано «Новгорода».
821) Вѣроятно, надобно читать *городскую*, т. е. жившую въ городахъ. Впрочемъ лѣтопись говоритъ ниже и о Городкѣ; но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ (прим. 817—818) слово Городокъ замѣняется множеств. числомъ.

ченія мира: они говорили, что шведскій король не знаетъ о разрывѣ мира съ Новгородомъ, что это сдѣлалъ воевода Стень «о своемъ умѣ». Новгородцы съ своей стороны отправили (въ Выборгъ) своихъ пословъ, Козму Твердиславича и Александра Борисовича, которые заключили такой же миръ, какъ заключенъ былъ шведами въ Невѣ съ вел. кн. Юріемъ. Что касается Кобылитской Корелы, то по этому предмету рѣшено было снестись съ самимъ королемъ[822]).—Иванъ Даниловичъ съ старшими сыновьями, Семеномъ и Иваномъ, пошелъ въ орду, а въ Новгородъ послалъ Андрея[823]).

1339. Александръ тверскій и Василій ярославскій «думой» Калиты позваны въ орду.—Новгородцы отправили къ шведскому князю пословъ, Козму Твердиславича и Александра Борисовича съ другими боярами, а со стороны владыки—племянника его (сестричича) Матвея; шведскій князь находился тогда въ Мурманской землѣ; миръ заключенъ былъ по старымъ грамотамъ, «а про Корелу тако ркоша: оже къ вамъ наши бѣжать, сѣките ихъ или вѣшайте,—или ваши къ намъ, такоже имъ сътворимъ, да жь не польстять промежю нами; а сихъ не выдадимъ, крещени суть въ нашу вѣру, а и безъ того мало ихъ бѣ осталося, а то вси помроша гнѣвомъ божіимъ».—Къ вел. кн. Ивану Даниловичу новгородцы отправили пословъ, Сильвестра Волошевича и Ѳедора Абрамовича, съ выходомъ; великій князь не удовольствовался этимъ и чрезъ своихъ пословъ требовалъ другаго выхода[824]). — Зимой Калита вывелъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ[825]).

1340. Умеръ Иванъ Даниловичъ[826]), и князья отправились въ орду. Изъ Новгорода тогда «молодци» повоевали и сожгли Устюжну, затѣмъ воевали Бѣлозерскую волость.—Іюня 7-го въ Новгородѣ былъ сильный пожаръ: сгорѣли, между прочимъ, Софійскій соборъ и мостъ на Волховѣ; въ сумятицѣ происходили грабежи и даже убійства.—По приходѣ изъ орды вел. кн. Семенъ Ивановичъ послалъ бояръ своихъ собирать дань въ Торжкѣ, вслѣдствіе чего у него произошло столкновеніе съ Новгородомъ[827]).

1341. Митрополитъ Ѳеогностъ пріѣхалъ въ Новгородъ съ большой свитой; кормы и дары были разорительны для владыки (новгородскаго) и монастырей.—Зимой Михаилъ Ярославичъ пріѣхалъ изъ Твери въ Новгородъ и привезъ сына учиться грамотѣ[828]).

---

822) П. С. Р. Л. III, 78; IV, 53; V, 221.
823) Ibid. XV, 421; а въ VII, 205 подъ 1339 г.
824) См. стр. 78.
825) П. С. Р. Л. III, 79; IV, 54; V, 221; VII, 205; X, 208.
826) Другія лѣтописи относятъ смерть его къ 1341 г. См. стр. 79.
827) См. стр. 83—84.
828) П. С. Р. Л. III, 80—81.

1342. Новгородцы ходили на помощь псковичамъ противъ нѣмцевъ, но съ дороги воротились [829]).—Владыка Василій заложилъ церковь Благовѣщенія на Городищѣ мая 27-го. — Псковичи, отступившись отъ Новгорода, пристали къ Литвѣ [830]).—Въ октябрѣ умеръ посадникъ Варѳоломей и сынъ Юрія Мишинича (октября 25).—Лука Варѳоломеевъ, не послушавъ Новгорода, митрополита и владыки, собравши «холоповъ сбоевъ», пошелъ за Волокъ на Двину и поставилъ городокъ Орлецъ; потомъ собралъ емьчанъ и взялъ всѣ погосты въ Заволоцкой землѣ на щитъ; въ то же время сынъ его Онцифоръ ходилъ на Вагу. Лука былъ убитъ заволочанами, когда онъ выѣхалъ воевать съ двумя стами человѣкъ. Вѣсть объ этомъ подняла въ Новгородѣ черныхъ людей на Адрюшку и на посадника Ѳедора Даниловича, домы и села которыхъ разграбили, такъ какъ ихъ считали виновниками убіенія Луки. Ѳедоръ и Андрюшка бѣжали въ Копорье и сидѣли тамъ всю зиму до великаго поста. Между тѣмъ пріѣхалъ Онцифоръ и билъ на нихъ челомъ Новгороду, обвиняя ихъ въ убіеніи отца своего. Владыка и Новгородъ послали за ними архим. Іосифа; тѣ явились и сказали: «не думали есмы на брата своего на Луку, что его убити, ни засылали на него». Онцифоръ съ Матвеемъ Коской созвонили вѣче у св. Софіи, а Ѳедоръ и Андрюшка—на Ярославовомъ дворѣ. Онцифоръ отправилъ на Ярославовъ дворъ владыку съ Матвеемъ и, не дождавшись ихъ, ударилъ съ Софійскаго вѣча на Ярославовъ дворъ, но вынужденъ былъ бѣжать съ своими пособниками, а Матвея Коску съ сыномъ его Игнатомъ взяли и посадили въ церковь. Волненіе продолжалось и на слѣдующій день: поднялся весь городъ,—но владыка примирилъ обѣ стороны [831]).

1343. На Городищѣ окончена церковь Благовѣщенія 8-го и освящена 24-го августа [832]).

1344. За Наровой мятежъ: чудь избила своихъ земскихъ бояръ въ Колыванской землѣ и Ругодивской волости и пр. [833]).

1345. Поставлено нѣсколько церквей въ Новгородѣ (перечень ихъ).—Сильный южный вѣтеръ пагналъ въ Волховъ много льду, которымъ 8-го ноября выдрало семь клѣтокъ (городень) изъ моста, по которому только что прошелъ посадникъ со всѣмъ вѣчемъ на Торговую сторону. Тогда же отняли

---

829) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

830) Id.

831) П. С. Р. Л. III, 81—82; IV, 55; V, 14, 223; VII, 207. Въ Новгородской четвертой сначала передается извѣстіе о Лукѣ Варѳоломеевѣ, а потомъ уже говорится о просьбѣ псковичей помочь имъ противъ нѣмцевъ.

832) Ibid. III, 82.

833) Ibid.

посадничество у Евстафія Дворянинцева и дали Матвею Варѳоломеевичу, по «Божіею благодатію не бысть лиха межю има»[834]).

1346. Владыка Василій поѣхалъ въ Москву звать великаго князя на новгородскій столъ; митрополитъ Ѳеогностъ благословилъ его и далъ ему крестчатыя ризы.—Января 26-го Семенъ Ивановичъ пріѣхалъ въ Новгородъ и пробылъ тамъ три недѣли.—Вел. кн. Ольгердъ съ другими литовскими князьями пришелъ на Шелонь и остановился на устьѣ р. Пшаги, угрожая новгородцамъ войной за нанесенную ему обиду: «лаялъ ми—говорилъ онъ—посадникъ вашь Остафей Дворянинець, назвалъ мя псомъ»; за это Ольгердъ взялъ Шелонь и Лугу на щитъ, а съ Порхова и Опоки взялъ окупъ. Новгородцы вышли противъ него на р. Лугу, но должны были ретироваться (воспятившеся) въ городъ, гдѣ на вѣчѣ убили Дворянинцева, говоря ему: «въ тебѣ волости наша взяша»[835]).

1347. Погорѣло Славно[836]).—Новгородцы взяли миръ съ Литвой[837]).

1348. Шведскій король Магнусъ вызывалъ новгородцевъ на прѣнія о томъ, чья вѣра права, и если будетъ доказано, что права вѣра, исповѣдуемая имъ, предлагалъ новгородцамъ принять ее; въ противномъ же случаѣ грозилъ обратить ихъ въ свою вѣру силой оружія. Владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, тысяцкій Абрамъ и всѣ новгородцы указали на цареградскаго патріарха, къ которому можетъ обратиться Магнусъ за рѣшеніемъ предложеннаго имъ вопроса, «а которая обида будетъ межи насъ—говорили новгородцы—и мы къ тебѣ отшлемъ на съѣздъ». Къ Магнусу отправили: Абрама тысяцкаго, Козму Твердиславича и другихъ бояръ. Абрамъ прибылъ въ Орѣховецъ, а Магнусъ стоялъ тогда со всѣми силами своими на Березовомъ островѣ. Орѣховцы упросили тысяцкаго не уходить отъ нихъ, и къ Магнусу отправился Козма Твердиславичъ. «Обиды ми съ вами нѣтъ никоторые, но поидите въ мою вѣру; аще ли не поидете, иду на васъ со всею силою моею», сказалъ король Козмѣ и съ этимъ отпустилъ его. По возвращеніи Козмы орѣховцы затворились въ своемъ городкѣ, къ которому подступилъ Магнусъ, но вскорѣ отступилъ и началъ приводить въ

---

834) Ibid.

835) Ibid. III, 83, 225; IV, 57; V, 225; VII, 210. Въ Новгородской третьей столкновеніе съ Ольгердомъ и пріѣздъ Семена Ивановича въ Новгородъ отнесены къ 1347 году; съ Порховскаго городка (Опока не упоминается), по этой лѣтописи, Ольгердъ взялъ 300 рублей окупа,—вѣче на Евстафія Дворянинцева собрано было на Ярославовомъ дворѣ. См. слѣдующее примѣчаніе.

836) П. С. Р. Л. III, 83, 132, 226. См. предъидущее примѣчаніе. Въ Новгородской третьей, четвертой и Воскресенской лѣтописяхъ подъ этимъ годомъ говорится о сношеніяхъ Новгорода съ Магнусомъ.

837) Ibid. IV, 58.

свою вѣру ижорянъ, а которые противились, на тѣхъ послалъ рать, какъ и на Водскую землю. Въ Водь новгородцы послали противъ шведовъ Никифора Лукича (Онцифора Лукинича), Якова Хотова и Михаила Ѳеофилактовича съ немногочисленной ратью: новгородцы избили 500 нѣмцевъ (шведовъ), нѣкоторыхъ взяли живыми, а «перевѣтниковъ» казнили и воротились въ Новгородъ, потерявъ развѣ человѣка три. На Спасовъ день Магнусъ взялъ Орѣховецъ обманомъ («лестію», обѣщавъ, вѣроятно, дать всѣмъ свободу идти, куда кто хочетъ), обязалъ заплатить ему окупъ, а тысяцкаго Абрама съ его товарищами взялъ въ закладъ съ собой; Наримонтова намѣстника и всѣхъ горожанъ онъ выпустилъ изъ городка, въ которомъ оставилъ рать свою. Между тѣмъ посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, намѣстники великаго князя, новгородцы, немного псковичей и новоторжцы пошли въ Ладогу, а къ вел. кн. Семену Ивановичу отправили пословъ звать его на помощь: «поиди, княже, къ намъ боронити своеа отчины, яко идеть на насъ король свѣйскій, на (т. е. надъ, противъ) крестное цѣлованіе», и великій князь отвѣчалъ: «радъ, иду къ вамъ». Не вдругъ, однако, собрался великій князь въ походъ, но и выступивши воротился съ дороги назадъ, говоря новгородцамъ: «зашли ми дѣла царевы». Вмѣсто себя отправилъ онъ брата своего Ивана, который, прибывъ въ Новгородъ, въ Ладогу не пошелъ и даже ушелъ назадъ, домой, узнавъ, что Орѣховецъ взятъ шведами [838]).— Когда новгородцы пошли къ Орѣховцу, псковичи (конечно, за участіе въ этомъ походѣ) получили отъ Новгорода почти полную автономію: «посадникомъ новгородскимъ въ Псковѣ ни сидѣти, ни судити, а отъ владыки судити ихъ брату псковитину, а изъ Новгорода ихъ не позывати ни дворяны, ни подвойскими, ни софіяны, ни извѣтники, ни бирючи; но назваша братомъ молодшимъ Псковъ» [839]).—Осенью (въ Оспожино говѣнье, слѣд. въ августѣ) новгородцы подступили къ Орѣховцу, подъ которымъ стояли до великаго заговѣнья, въ понедѣльникъ на Ѳедоровой недѣлѣ (Ѳеодора Тирона 17-го февраля) сдѣлали приступъ, а во вторникъ утромъ, на память обрѣтенія главы Іоанна Предтечи (24-го февраля), взяли городъ: шведовъ частію вырѣзали, а частію взяли живьемъ и посадили въ городѣ бояръ, Якова Хотова и Александра Борисовича [840]).

---

838) Ibid. III, 83—84, 132 (подъ 1347 г.), 226—227 (то же); IV, 58, 189; V, 225; VII, 210—211; X, 218—220 (подъ 1347 и 1348 гг.). См. прим. 836. Разница въ годахъ, а также и разбивка этого эпизода въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ по разнымъ годамъ объясняется, конечно, тѣмъ, что это событіе совершилось не въ одинъ годъ.

839) Ibid. III, 227; VII, 211.

840) Ibid. III, 83—84, 226—227; IV, 189; VII, 210—211 (подъ 1347 г.); X, 220. Какъ оказывается, новгородцамъ полгода пришлось стоять подъ Орѣховцемъ. Можетъ быть,

1349. Новгородцы и двиняне ходили на Мурманскую землю [841]).

1350. Новгородцы съ тысяцкимъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ, воеводами Михаиломъ Даниловичемъ, Юріемъ Ивановичемъ и Яковомъ Хотовымъ 21-го марта пришли къ Выборгу и пожгли весь посадъ. На другой день нѣмцы (шведы) вышли изъ города, но новгородцы ударили на нихъ и заставили ихъ бѣжать опять въ городъ; затѣмъ повоевали и пожгли окрестныя волости, многихъ перебили и многихъ взяли въ плѣнъ.— Новгородцы ходили въ Юрьевъ и размѣнялись взятыми въ Орѣховомъ плѣнными шведами на Абрама (тысяцкаго), Козму Твердиславича и др., которыхъ забралъ съ собой король Магнусъ; въ Новгородъ возвратились іюня 9-го.— Іюня 16 новгородцы отняли посадничество у Ѳедора Даниловича и дали Никифору (Онцифору) Лукину.—Владыка Василій поставилъ у себя на дворѣ «полатку камену».—Новгородцы выгнали изъ Новгорода посадника Ѳедора съ братомъ его Михаиломъ и другихъ, а домы ихъ разграбили, разграбили и всю Прусскую улицу. Тѣ бѣжали въ Псковъ, откуда вскорѣ ушли въ Копорье [842]).

1351. Новгородцы били челомъ владыкѣ Василію, чтобы онъ поѣхалъ и нарядилъ костры въ Орѣховѣ. Владыка исполнилъ эту просьбу.— Пріѣзжали изъ Пскова послы и просили къ себѣ владыку. На обратномъ пути изъ Пскова владыка остановился на р. Черехѣ и тутъ разболѣлся, а когда его привезли въ Михайловскій монастырь на устье р. Узы, впадающей въ Шелонь, онъ скончался. Это было 3-го іюля, а 5-го тѣло его привезено было въ Новгородъ.—На владычній дворъ опять ввели владыку Моисея. — Въ Новгородской землѣ появился моръ на людей [843]).

1352. Новгородцы заложили каменный городъ Орѣшекъ на устьѣ Невы [844]).

1353. Владыка Моисей отправилъ пословъ своихъ въ Царьградъ къ царю и патріарху, «прося отъ нихъ благословенія и исправленія о непо-

---

этимъ обстоятельствомъ и объясняется нежеланіе псковичей стоять подъ городомъ. Объ этомъ единственно Никоновская лѣтопись (X, 219 подъ 1347 г.) передаетъ слѣдующее оригинальное извѣстіе: псковичи не хотѣли стоять подъ Орѣховымъ; новгородцы, напомнивъ имъ о данныхъ имъ льготахъ, просили ихъ, чтобы они, если ужъ хотятъ уходить, то уходили бы ночью незамѣтно для непріятеля; но псковичи не послушались: они съ трубами, бубнами, сопѣлями и посвистѣлями двинулись въ полдень, а нѣмцы, смотря на это, смѣялись.

841) Ibid. IV, 59.

842) Ibid. III, 84—85, 132; IV, 59—60; V, 226. О размѣнѣ плѣнныхъ и выборѣ новаго посадника въ Никон. лѣтописи (X, 222) говорится подъ 1351 годомъ.

843) Ibid. III, 85, 227; IV, 62, 192, VII, 217 (подъ 1352 г.); X, 224 (то же). Въ Новгородской первой это событія—подъ 1351 годомъ, въ Новгородской четвертой—подъ 1353,— въ остальныхъ—подъ 1352 г.

844) Ibid. III, 227. См. предъидущій годъ.

требныхъ вещехъ приходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита» [845]). Патріархъ и царь пожаловали владыку: дали ему грамоту за золотою печатью и крестчатыя ризы [846]).—Новгородцы (по смерти в. кн. Семена Ивановича) отправили въ орду Семена Судакова поддерживать Константина суздальскаго въ его домогательствѣ великокняжескаго стола.—Новгородъ былъ безъ мира съ в. кн. Иваномъ Ивановичемъ полтора года, но зла отъ того никакого не было [847]).

1354. Никифоръ Лукинъ добровольно сложилъ съ себя посадничество, которое дали Александру, брату (Евстафія) Дворянинца.—Послы Моисея возвратились изъ Царьграда и привезли ему крестчатыя ризы и грамоты отъ царя и патріарха съ золотою печатью. Греческимъ царемъ тогда былъ Иванъ Кантакузинъ, а патріархомъ Филоѳей, прежде бывшій ираклійскимъ митрополитомъ [848]).

1355. Новгородцы примирились съ в. кн. Иваномъ [849]).

1356. Въ Новгородѣ поставлено нѣсколько церквей [850]).

1357. То же [851]).

1358. Поставлена церковь 12 апостоловъ [852]).

1359. Моисей по немощи, не смотря на мольбы новгородцевъ, оставилъ святительскую каѳедру. Сентября 15-го по жребію на его мѣсто избранъ чернецъ Алексій, ключникъ Софійскаго собора, шестникъ.—Весной «по совѣту лихыхъ людей» въ Новгородѣ былъ великій мятежъ: Славенскій конецъ отнялъ посадничество у Андреяна Захарьевича, на мѣсто котораго выбралъ Сильвестра Леонтьевича (Лентѣевича), «и сътворися поторжь (тревога, смятеніе) не мала на Ярославли дворѣ, и сѣча бысть»: жители Славенскаго конца пришли вооруженными и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, били и «полупили» многихъ бояръ, а Борисова сына Ивана убили и стояли, разметавъ мостъ, въ оружіи три дня. Тогда выступили владыки Моисей и Алексій, и враждующіе разошлись; но Зарѣчане взяли на щитъ села Сильвестра и многія другія села, принадлежавшія Славенскому концу. Послѣ того посадничество дали Никитѣ Матвеевичу и примирились [853]).—Ольгердъ

---

845) Ibid. III, 85, 227 (подъ 1352 г.); V, 228; X, 227.
846) Ibid. III, 228 (подъ 1352 г.).
847) Ibid. III, 85.
848) Ibid. III, 86; X, 228 (подъ 1355 г.).
849) Ibid. IV, 62.
850) Ibid. III, 86.
851) Ibid. III, 86, 228.
852) Ibid. III, 86.
853) Ibid. III, 86; IV, 63; V, 228; X, 231.

послалъ сына своего Андрея къ Ржевѣ, которая и была взята; въ ней оставлены намѣстники Ольгерда [854]).

1360. Димитрій Константиновичъ 12-го іюня пріѣхалъ изъ орды во Владиміръ на великокняжескій столъ; при немъ, іюля 12-го, Алексій поставленъ былъ въ архіепископы новгородскіе.—Великій князь прислалъ въ Новгородъ пословъ и намѣстниковъ своихъ, которымъ новгородцы «судъ даша, домолвяся съ княземъ».—Осенью сгорѣлъ Корельскій городокъ [855]).—Новгородскіе разбойники пришли въ Жукотинъ и избили тамъ много татаръ, а въ г. Болгарахъ татары пограбили христіанъ. Жукотинскіе князья пошли въ орду съ жалобой на новгородцевъ [856]).

1361. На Ѳедоровской улицѣ поставлена церковь св. Ѳеодора [857]). — Новгородцы поновили каменный городъ, взявши въ храмѣ св. Софіи серебро, скопленное владыкой Моисеемъ [858]).

1362. Въ Новгородѣ поставлено двѣ церкви.—Зимой скончался владыка Моисей [859]).

1363. Въ Новгородъ пріѣзжали нѣмецкіе послы «на смолву» съ псковичами, но ушли обратно, «миру не докончавъ». — Въ Юрьевѣ (Дерптѣ) принимали («пріимаша» — задержали) новгородскихъ гостей. — Новгородскіе послы, по боярину отъ конца, ходили въ Юрьевъ «и смолвиша нѣмецъ съ плесковичи въ любовь»: псковичи отпустили отъ себя нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы — новгородскихъ [860]).

1364. Въ Новгородѣ поновили Дѣтинецъ [861]). — Въ Корельскомъ городкѣ посадникъ Яковъ «сверши костеръ каменъ»... Въ Югру ходили новгородцы, боярскіе дѣти и молодые люди, съ воеводами: Степаномъ Аввакумовичемъ и Степаномъ Ляпой; одна половина ихъ воевала по р. Оби, въ ея низовьяхъ до моря, а другая—въ верховьяхъ рѣки. Противъ нихъ выступили двиняне, но были побиты [862]).

1365. Въ Новгородѣ поставлено двѣ церкви [863]). — Въ Торжкѣ былъ моръ [864]).

---

854) Ibid. X, 231.
855) Ibid. III, 87, 132, 228; IV, 63; V, 228—229; X, 232.
856) Ibid. IV, 63; X, 232.
857) Ibid. III, 87, 133.
858) Ibid. IV, 64.
859) Ibid. III, 88, 228; IV, 64.
860) Ibid. III, 88; V, 229.
861) Ibid. III, 228.
862) Ibid. IV, 64.
863) Ibid. III, 88.
864) Ibid. III, 133; IV, 65; Никон. лѣт. IV, 11.

1366. Новгородцы съ воеводами: Осипомъ Варѳоломеевичемъ, Василіемъ Ѳедоровичемъ и Александромъ Аввакумовичемъ, грабили по Волгѣ купцовъ, почему великій князь разорвалъ съ ними миръ [865]).

1367. Новгородцы примирились съ великимъ княземъ [866]).—Сношенія псковичей съ новгородцами по случаю нападенія нѣмцевъ на Псковъ [867]).

1368. Мая 12-го сгорѣлъ Дѣтинецъ и владычній дворъ и обгорѣлъ Софійскій соборъ. — Нѣмцы приходили ратью подъ Изборскъ; но услышавъ, что въ Псковъ пришли на помощь новгородцы, бѣжали, изрубивши стѣнобитныя орудія.—Зимой въ Новгородъ прибылъ Владиміръ Андреевичъ (Храбрый) на помощь Пскову [868]).

1369. Погорѣлъ Славенскій конецъ 12-го мая [869]). — Осенью шло по Волгѣ десять ушкуевъ, а нѣкоторые шли Камой; ихъ побили подъ Болгарами [870]). Новгородцы два раза помогали псковичамъ противъ нѣмцевъ [871]).

1370. Новгородцы съ псковичами ходили къ Новому городку нѣмецкому, но не взявъ его ушли назадъ [872]).—Новгородцы два раза шли Волгой и сдѣлали много зла [873]).

1371. Новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ, Сильвестръ Леонтьевичъ, тысяцкій Елисей и Александръ Колывановъ ѣздили на съѣздъ и заключили миръ съ нѣмцами подъ Новымъ городкомъ нѣмецкимъ. — Погорѣлъ весь Торжокъ [874]). — Ушкуйники, новгородскіе разбойники, взяли Кострому. — Михаилъ Александровичъ тверской взялъ въ числѣ другихъ городовъ Бѣжецкій Верхъ [875]).

1372. Новгородцы выгнали изъ Торжка тверскихъ намѣстниковъ, за что Михаилъ Александровичъ ужасно наказалъ городъ и гражданъ [876]).

1373. Въ Новгородъ прибылъ кн. Владиміръ Андреевичъ (по сборѣ за недѣлю... Соборъ арх. Гавріила 26-го марта), сидѣлъ тамъ до Петрова

---

865) Ibid. III, 88; IV, 65; V, 230; VIII, 14; Никон. лѣт. IV, 12—13. См. стр. 96—97.
866) См. стр. 97.
867) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.
868) П. С. Р. Л. I, 231; III, 89; V, 231; VIII, 16 (подъ 1369 г.); Никон. лѣт. IV, 23.
869) Ibid. III, 89; VIII, 16. Ср. 1368 годъ.
870) Ibid. IV, 66.
871) Ibid. IV, 192. См. тотъ же годъ въ третьемъ прибавленіи.
872) Ibid. III, 89; IV, 66. Въ Псковской второй (V, 16) сказано, что новгородцы пошли на помощь Пскову противъ нѣмцевъ, но съ дороги воротились домой.
873) Ibid. IV, 66; Никон. лѣт. IV, 23—24 (подъ 1369, ходили къ нѣмецкому гор. Орѣшку и новому городку нѣмецкому).
874) Ibid. III, 89; IV, 66.
875) Ibid. VIII, 18. Никон. лѣт. IV, 30.
876) Ibid. I, 232 (подъ 1373); III, 89; IV, 68; V, 232; VIII, 19—20 (то же); XV, 431. Никон. IV, 34. Подробности см. во II-ой части въ біографіи Михаила Александровича тверскаго.

дня и ушелъ обратно [877]). — Апрѣля 20-го, на святой недѣлѣ, новгородцы Усъ и Яковъ Глазачъ выкопались изъ погреба и убѣжали изъ Твери [878]).

1374. Поставлена церковь Спаса на Ильиной улицѣ [879]). — Погорѣлъ весь Юрьевъ монастырь [880]).

1375. Новгородцы принимали участіе въ походѣ в. кн. Димитрія Ивановича на Тверь [881]). — Во время похода на Тверь, 70 новгородскихъ ушкуевъ подъ предводительствомъ новгородца Прокопія и одного смольнянина пошли къ Костромѣ съ намѣреніемъ взять городъ; новгородцевъ было около полуторы тысячи; противъ нихъ вышло до пяти тысячъ костромичей съ воеводой Плещеевымъ; хитрость дала перевѣсъ новгородцамъ: они раздѣлились на двѣ части, изъ которыхъ одна ударила на костромичей съ фронта («въ лице»), а другая, бывшая въ засадѣ, незамѣтно пробравшись мелкимъ можжевеловымъ кустарникомъ, ударила въ тылъ: воевода бѣжалъ, а за нимъ и костромичи, которыхъ били и брали живьемъ; беззащитный городъ, въ которомъ новгородцы пробыли недѣлю, былъ разграбленъ въ конецъ; все, что можно, было взято, а прочее брошено или въ огонь, или въ Волгу. Затѣмъ ушкуйники взяли, пограбили и зажгли Нижній-Новгородъ, отъ котораго, забравши тамъ полонъ, повернули въ Каму, гдѣ также грабили. Изъ Камы они опять вернулись въ Волгу, дошли до г. Болгаръ, продали тамъ весь христіанскій полонъ, безъ различія пола и возраста, бесерменамъ и пошли къ Сараю, грабя по дорогѣ христіанъ-гостей и избивая бесерменъ. Наконецъ, ушкуи дошли до Астрахани (Хазьторокана) и здѣсь поплатились за всѣ свои дѣянія: астраханскій князь Салчей, притворяясь другомъ ихъ, пригласилъ ихъ на пиръ, напоилъ до-пьяна и приказалъ перерѣзать всѣхъ [882]).—Семидесятская Корела поставила Новый городокъ.— Били стригольниковъ: дьякона Никиту, дьякона Карпа и еще кого-то

---

877) Ibid. III, 90; Никон. лѣт. IV, 36.

878) Ibid. X, 433; Никон. лѣт. IV, 37.

879) Ibid. III, 90.

880) Ibid. IV, 69.

881) Ibid. III, 90; IV, 70—71; V, 235; VIII, 23; XV, 434; Никон. лѣт. IV, 43. Подробности см. на 106—107 стр.

882) Ibid. IV, 71; VIII, 23; XV, 435—436. Никоновская лѣт., передавая этотъ эпизодъ, подъ предыдущимъ годомъ (1374) передаетъ подобный же эпизодъ и также объ ушкуйникахъ, не опредѣляя, впрочемъ, какіе это ушкуйники. Соединилось, говорится въ лѣтописи, девяносто ушкуевъ съ ушкуйниками-разбойниками, которые пошли за Вятку; Вятку пограбили, пришли въ Болгары и хотѣли зажечь городъ, но взяли только окупъ въ 300 рублей; отсюда пятьдесятъ ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ къ Сараю, а сорокъ—вверхъ; эти послѣдніе пограбили все Засурье (въ подлинникѣ — Зарусіе) и Марквашъ; перешли Волгу, суда всѣ пожгли, а сами пошли на коняхъ къ Вяткѣ и пограбили много селъ и волостей по Ветлугѣ (Ник. лѣт. IV, 38).

третьяго и сбросили съ моста въ Волховъ [883]). — Зимой владыка Алексій добровольно оставилъ святительскую каѳедру и удалился въ Деревяницкій монастырь. Новгородцы чрезъ пословъ, архим. Савву, Максима Никифоровича и другихъ бояръ, просили митрополита, — «чтобы благословилъ сына своего владыку Алексѣа въ домъ святыа Софіа на свои святительскій степень». Митрополитъ удовлетворилъ эту просьбу. Новгородцы съ вѣча, собравшагося на Ярославовомъ дворѣ, послали къ владыкѣ съ челобитьемъ намѣстника великаго князя, Ивана Прокшинича, посадника Юрія и тысяцкаго Елисея и другихъ бояръ и добрыхъ мужей: владыка принялъ челобитье и пошелъ въ домъ св. Софіи 9-го марта [884]).

1376. Августа 13-го владыка Алексій, а съ нимъ архим. Савва, Юрій Никифоровичъ, Василій Козмичъ, Василій Ивановичъ и другіе бояре пошли къ митрополиту, у котораго владыка пробылъ двѣ недѣли. Митрополитъ, великій князь и Владиміръ Андреевичъ отпустили владыку, какъ и приняли, съ честію, и онъ возвратился въ Новгородъ 17-го октября. — Зимой митрополитъ Кипріанъ прислалъ изъ Литвы своихъ пословъ съ патріаршими грамотами и съ извѣстіемъ, что патріархъ Филоѳей поставилъ его, Кипріана, митрополитомъ на всю Русскую землю. Новгородцы сказали, что если его признаетъ митрополитомъ всей Руси великій князь, то онъ будетъ митрополитомъ и для Новгорода. Но митрополитъ послѣ такого отвѣта не обращался въ Москву [885]).

1377. «Люди молодыи» ходили изъ Новгорода къ Новгородку нѣмецкому, подъ которымъ стояли много дней, взяли весь посадъ, «волость всю потравиша» и, забравъ большой полонъ, возвратились въ Новгородъ; съ ними ходили: воевода Иванъ Ѳедоровичъ Валитъ, Василій Борисовичъ, Максимъ Ананьевичъ [886])

1378. Поставлена церковь Нерукотвореннаго образа на Добрыниной улицѣ [887]).

1379. Зимой пріѣхалъ въ Новгородъ литовскій князь Юрій Наримонтовичъ [888]).

1380. Владыка Алексій, по челобитью всего Новгорода, со многими боярами (перечень ихъ) и житьими людьми пошелъ (за недѣлю до Цвѣтной недѣли, т. е. недѣли Вайй) «на Низъ», и великій князь «принялъ ихъ въ лю-

---

883) Ibid. IV, 71.
884) Ibid. III, 90; VIII, 24 (подъ 1376 г.).
885) Ibid. III, 90—91; IV, 72; VIII, 25.
886) Ibid. III, 91; V, 235.
887) Ibid. III, 91.
888) Ibid. III, 91.

бовь», а къ Новгороду крестъ цѣловалъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ» [889]).

1381. Полочане просили у новгородцевъ помощи противъ подошедшаго осенью къ Полоцку литовскаго князя Скиргайла и нѣмцевъ; но помощи новгородцы не подали, а только отправили къ в. кн. литовскому Ягайлу посла Юрія Никифоровича, и литовцы съ нѣмцами ушли, не взявши города, «заступи бо Софіа свои домъ» [890]).

1382. При нашествіи Тохтамыша на Москву, мать и жена Владиміра Андреевича Храбраго пріѣхали въ Торжокъ, а коломенскій владыка Герасимъ—въ Новгородъ [891])... Въ Новгородъ пришелъ изъ Царьграда суздальскій владыка Діонисій съ благословеніемъ и граматами отъ патріарха Нила. По повелѣнію владыки Алексія онъ ходилъ во Псковъ и поучалъ тамъ народъ Закону Божію [892]). Въ грамотахъ патріархъ говорилъ «о проторехъ, иже на поставленіяхъ», поучалъ Закону Божію, отвращалъ людей отъ соблазна и ереси стригольниковъ, а иныя поученія вмѣсто себя приказалъ говорить Діонисію, который исполнилъ это и въ Новгородѣ и въ Псковѣ, «и устави (остановилъ) мятежи и соблазны о проторехъ: ино бо есть мзда и ино проторы и исторы на поставленіяхъ» [893]).

1383. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Патрикій Наримонтовичъ, внукъ Гедимина, и новгородцы дали ему въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городокъ, половину Копорья и село Лужское [894]).

1384. Жители городковъ, данныхъ кн. Наримонту, пріѣхали въ Новгородъ съ жалобой на своего князя, «налеганіе люто сказующе отъ него», а кн. Наримонтъ поднялъ Славно и привелъ Новгородъ въ смятеніе: жители Славна, стоя за князя, составили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, другое вѣче собралось у св. Софіи, и на обоихъ вѣчахъ всѣ были въ оружіи, какъ бы приготовясь на рать (подробно о раздорахъ и сношеніяхъ между концами). Но Богъ ублюлъ отъ усобной рати, и примирившись новгородцы отняли у Наримонта пригороды и дали ему Русу и Ладогу. — Новгородцы поставили на Ямѣ, на р. Лугѣ, каменный городъ (Ямбургъ) въ 33 дня [895]).

1385. Погорѣла вся Торговая сторона [896]). — Митрополитъ Пименъ

---

889) Ibid. III, 91.
890) Ibid. III, 92; IV, 83.
891) Ibid. III, 92; IV, 83.
892) Ibid. III, 92.
893) Никон. лѣт. IV, 130.
894) П. С. Р. Л. III, 93; IV, 90; Никон. лѣт. IV, 143.
895) Ibid. III, 93; IV, 90; V, 239; Никон. лѣт. IV, 144.
896) Ibid. III, 93.

пошелъ въ Царьградъ чрезъ Новгородъ, и новгородцы «не дали (ему) мѣсяца судити въ Новѣгородѣ» [897]). — Великій князь послалъ въ Новгородъ брать черный боръ (подать съ черныхъ людей) бояръ своихъ: Өедора Свибла, Ивана Уду и Александра Белеута, и черный боръ они собрали.—Зимой посадникъ Өедоръ Тимоөеевичъ и Богданъ Аввакумовичъ собрали вѣче, на которомъ постановили: не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а судиться у своего владыки и пр. [898]).

1386. Послѣ Пасхи погорѣлъ г. Орѣховъ. Походъ в. кн. Димитрія Ивановича на Новгородъ [899]).—Епископъ пермскій Стефанъ Храпъ ходилъ въ Новгородъ Великій [900]).

1387. Владыка Алексій благословилъ новгородцевъ ставить каменный городъ Порховъ [901]).

1388. Владыка Алексій, не смотря на мольбы новгородцевъ, оставилъ святительскую каѳедру. Мая 7-го, въ четвертокъ на Вознесенье, по жребію избранъ былъ на его мѣсто игуменъ Хутынскаго Спасскаго монастыря Іоаннъ.—«Наваженіемъ діаволимъ» три конца Софійской стороны возстали на посадника Осипа Захарьевича, созвонили вѣче у св. Софіи и пошли на его дворъ въ оружіи: взяли домъ его, и хоромы его разметали; Осипъ бѣжалъ за рѣку, въ Плотницкій конецъ; за него встала вся Торговая сторона, и смятеніе и безмирье продолжалось двѣ недѣли; наконецъ, примирившись дали посадничество Василію Ивановичу. — Декабря 8-го игуменъ Іоаннъ съ избранными боярами пошелъ въ Москву на поставленіе; пришелъ туда 10-го января, 17-го — поставленъ, а 7-го февраля возвратился въ Новгородъ, и съ радостью встрѣченъ былъ посадникомъ Василіемъ Ивановичемъ, тысяцкимъ Григоріемъ Ивановичемъ и всѣмъ Новгородомъ [902]).—Лугвеній — Семенъ Ольгердовичъ прислалъ въ Новгородъ пословъ съ заявленіемъ, что онъ желаетъ сидѣть на тѣхъ городкахъ, на которыхъ сидѣлъ Наримонтъ [903]).

1389. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Семенъ Ольгердовичъ на Успеніе

---

897) Ibid. V, 239. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что митрополитъ хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ не во-время: для митрополичьяго суда были назначены опредѣленные сроки.

898) Никон. лѣт. IV, 144—145; П. С. Р. Л. VIII, 49.

899) Ibid. III, 93, 133; IV, 93; V, 240—241; VIII, 50—51; XV, 444; Никон. лѣт. IV, 149—150. Подробности см. на 120 стр.

900) Никон. лѣт. IV, 149. Въ этой лѣтописи событія 1386 г. перечисляются въ обратномъ порядкѣ.

901) П. С. Р. Л. III, 94; IV, 95. Ник. лѣт. IV, 154.

902) Ibid. III, 94, 133; IV, 95; VIII, 52; Никон. лѣт. IV, 156.

903) Ibid. IV, 95.

Божіей матери и принятъ былъ съ честію. — Зимой, февраля 3-го, скончался владыка Алексій [904]).

1390. На Великомъ княжествѣ сѣлъ Василій Димитріевичъ. Новгородцы послали къ нему пословъ Юрія Семеновича, Абрама Внука и Кирилла Адріановича, которые докончали миръ по старинѣ, и великій князь послалъ въ Новгородъ намѣстника своего, Евстафія Сыту. — Новгородцы ходили на съѣздъ съ нѣмцами, но мира не заключили. — Ходили съ Семеномъ Ольгердовичемъ ратью на Псковъ, но псковичи добили челомъ, и новгородцы заключили съ ними миръ. — Въ Новгородѣ былъ моръ [905]). — Бояре великаго князя, Александръ Поле, Александръ Белеутъ и Селиванъ, пріѣхали въ Новгородъ изъ Нѣмецкой земли съ княж. Софьей Виговтовной [906]).

1391. Пожары 5-го и 21-го іюня произвели большое опустошеніе въ Новгородѣ, и новгородцы взяли съ полатей св. Софіи изъ денегъ, скопленныхъ владыкой Алексіемъ, пять тысячъ серебра и роздали пяти концамъ по тысячѣ. — Осенью новгородцы отправили въ Изборскъ на съѣздъ съ нѣмцами посадниковъ: Богдана Аввакумовича и Ѳедора Тимоѳеевича, тысяцкаго Осипа Ѳалалеевича, Василія Борисовича и купцовъ; нѣмцы же пришли изъ-за моря изъ Любека, съ Готскаго берега (Готланда), изъ Риги, Юрьева, Колывани и многихъ другихъ городовъ. Миръ былъ заключенъ. Въ ту же зиму въ Новгородъ пришли нѣмецкіе послы и, по цѣлованіи креста къ Новгороду, начали ставить дворъ свой съизнова, такъ какъ семь лѣтъ не было крѣпкаго мира. — Февраля 11-го въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кипріанъ; онъ пробылъ тамъ двѣ недѣли и постоянно говорилъ новгородцамъ, чтобы они уничтожили ту грамоту, по которой они не хотѣли ѣздить къ митрополиту на судъ въ Москву, — но новгородцы грамоты не уничтожили, и митрополитъ уѣхалъ изъ Новгорода, «на новгородцевъ великое нелюбіе държа» [907]). — Между новгородцами и псковичами произошелъ раздоръ (рагоза), и новгородцы пошли къ Пскову ратью, но примирились [908]).

1392. Съ моря пришли разбойники — нѣмцы въ Неву и взяли села по обѣимъ сторонамъ вдоль рѣки, не доходя пяти верстъ до Орѣшка. Князь Семенъ (Лугвеній Ольгердовичъ) съ гражданами (Орѣшка) настигъ разбой-

904) Ibid. III, 95, 134, 232; IV, 96; VIII, 60; Никон. лѣт. IV, 158 (подъ 1388 г.).

905) Ibid. III, 95, 232; IV, 97; V, 244, VIII, 61. Никон. IV, 158 (подъ 1389 г.), 194.

906) Ibid. V, 244; VIII, 61; Никон. IV, 194—195 (подъ 1391 г.).

907) Ibid. III, 95—96; IV, 98; V, 244; XV, 446; Никон. IV, 200—202. Подъ этимъ годомъ въ Никон. лѣт. есть извѣстіе, котораго нѣтъ въ другихъ лѣтописяхъ, о походѣ новгородцевъ и устюжанъ р. Вяткой къ Жукотину и Казани, о чемъ въ VIII, 61 говорится подъ 1392; другія лѣтописи объ этомъ не говорятъ. См. прим. 912.

908) Ibid. IV, 194; V, 17. См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

никовъ, однихъ изъ нихъ перебилъ, другихъ разогналъ и привелъ въ Новгородъ языка; затѣмъ, оставивъ городокъ, князь уѣхалъ въ Литву [909]). — Новгородцы послали въ Царьградъ пословъ къ патріарху Антонію за благословеніемъ; патріархъ сказалъ имъ: «повинуйтеся митрополиту русскому» [910]). — Въ іюнѣ умеръ посадникъ Василій Өедоровичъ, а осенью — посадникъ Михаилъ Даниловичъ [911]). — Зимой великій князь прислалъ въ Новгородъ пословъ своихъ, Ивана Всеволожскаго (Всеволожича) и Даніила Тимоѳеевича съ требованіемъ чернаго бора, княжчинъ и подсудности митрополиту, но Новгородъ не исполнилъ этого требованія и потому у него учинилось розмирье съ низовцами [912]). — Въ Новгородъ пришли нѣмецкіе послы и заключили миръ, а новгородцы «псковичь вымирили вонъ», почему Псковъ заключилъ съ нѣмцами миръ особо [913]).

1393. Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Константинъ бѣлозерскій. — Новгородцы и великій князь въ розмирьѣ опустошаютъ другъ у друга волости [914]).—На Литовскомъ великомъ княжествѣ сѣлъ Витовтъ Кейстутьевичъ, съ которымъ новгородцы взяли миръ по старинѣ [915]).

1394. Новгородцы ратью ходили къ Пскову, въ которомъ былъ тогда кн. Андрей Ольгердовичъ съ сыномъ Иваномъ, и стояли подъ городомъ недѣлю; тогда убили подъ Ольгиной горой въ «заѣздѣ» князя Ивана копорскаго и Василія Өедоровича. Послѣ того новгородцы отступили безъ мира. Въ то время новгородцы отняли посадничество у Осипа Захарьевича, на мѣсто котораго выбрали Богдана Аввакумовича. — Псковскій князь Андрей Ольгердовичъ приходилъ въ Новгородъ съ псковскими послами, но ушелъ обратно, не заключивши мира [916]). — Отъ митрополита Кипріана пріѣхалъ бояринъ Дмитрокъ просить серебра 350 рублей по случаю поѣздки новгородскихъ пословъ, Кира Созонова и Василія Щечкина (въ

---

909) Ibid. III, 96; IV, 99; Никон. IV, 241.

910) Ibid. IV, 99;

911) Ibid. III, 96.

912) Ibid. IV, 99; V, 245 (подъ 1393 годомъ); VIII, 61; Ник. IV, 251 (подъ 1393 г.). Въ послѣдней тутъ же говорится о томъ, что новгородцы, устюжане и пр. пошли Вяткой и взяли Жукотинъ и Казань, вышли въ Волгу и пограбили всѣхъ гостей; далѣе говорится, что митрополитъ Кипріанъ съ рязанскимъ владыкой Іоанномъ принималъ въ Новгородѣ дары и угощенія и просилъ суда своего. О розмирьѣ см. стр. 128.

913) Ibid. IV, 194.

914) Ibid. V, 245. См. подробности о розмирьѣ на 128—129 стр.

915) П. С. Р. Л. III, 96; IV, 99—100; VIII, 63. Во второй изъ указанныхъ лѣтописей говорится сначала о вокняженіи Витовта, а потомъ уже о розмирьѣ Новгорода съ великимъ княземъ.

916) Ibid. III, 96; IV. 100, 194 (новгородцы пришли къ Пскову августа 1); V, 246; VIII, 64; Никон. IV, 255.

1392 г.), въ Царьградъ къ Патріарху «о благословеніи». Новгородцы дали ему серебро[917]).

1395. Въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кипріанъ съ патріаршимъ посломъ[918]); псковичи присылали къ нему пословъ съ поминками[819]). — Шведы приходили къ новому городку Ямѣ, но ушли обратно. Князь Константинъ (бѣлозерскій?) съ горожанами нѣкоторыхъ изъ нихъ побилъ, а другіе успѣли бѣжать[920]).

1396. Нѣмцы (шведы) пришли въ Корельскую землю и повоевали два погоста; кн. Константинъ погнался за ними, но поймалъ только одного языка и отослалъ его въ Новгородъ[920a]).

1397. Новгородъ въ розмирьѣ съ Витовтомъ и вел. кн. Василіемъ Димитріевичемъ, который посылаетъ воеводъ своихъ въ Заволочье[921]).

1398. Новгородцы просятъ у владыки Іоанна благословенія «поискати святѣи Софіи пригородовъ и волостей», которыя отнялъ у нихъ великій князь, и отправляются въ походъ[922]). — Въ Новгородъ пришли псковскіе послы: кн. Григорій Евстафьевичъ, посадники Сисой и Романъ и Филиппъ Козачковичъ и били челомъ владыкѣ, чтобы онъ приказалъ дѣтямъ своимъ (новгородцамъ) отложить нелюбіе къ псковичамъ, и по слову владыки новгородцы примирились съ псковичами.—Въ Новгородъ пришли князья Василій Ивановичъ смоленскій и Патрикій Наримонтовичъ, которыхъ новгородцы приняли съ честію[922a]).

1399. Витовтъ прислалъ въ Новгородъ разметную грамоту[923]).—Въ Новгородъ прибылъ братъ великаго князя Андрей Димитріевичъ[924]). — Яковъ Прокофьевъ преслѣдовалъ Анфала (Никитина, двинскаго боярина) съ 700 человѣкъ и пригналъ къ Устюгу, гдѣ былъ въ то время ростовскій владыка Григорій и кн. ростовскій Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку и князя, стоятъ ли они за Анфала, и, получивъ отрицательный

917) Ibid. IV, 100.
918) См. стр. 133.
919) П. С. Р. Л. IV, 194; Никон. IV, 255.
920) Ibid. III, 97; Никон. IV, 257.
920a) Ibid. III, 97; Никон. IV, 266.
921) Подробности см. на стр. 132—135.
922) См. тамъ же.
922a) Никон. лѣт. IV, 271—272.
923) См. стр. 135.
924) П. С. Р. Л. III, 100; Никон. IV, 278 говоритъ, что владыка Іоаннъ побудилъ новгородцевъ взять миръ съ великимъ княземъ, который, примирившись, и прислалъ въ Новгородъ брата Андрея. Таже лѣтопись, въ-слѣдъ за тѣмъ, прибавляетъ, не выставляя никакихъ обстоятельствъ, что кн. Романъ Юрьевичъ (литовскій) убитъ на Шелонѣ.

отвѣтъ, пустился въ дальнѣйшій путь [925]). — Витовтъ разорвалъ миръ съ Василіемъ Димитріевичемъ, Новгородомъ и Псковомъ [926]).

1400. Осенью новгородскіе послы ѣздили въ Литву и взяли миръ съ Витовтомъ по старинѣ [927]).

1401. Владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву. — Великій князь опять начинаетъ войну съ Новгородомъ въ Заволочьѣ [928]).

1402. Новгородцы взяли миръ съ Юріемъ смоленскимъ [929]).—Владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву къ митрополиту, и митрополитъ принялъ его у себя, но въ Новгородъ не отпустилъ. — Великій князь разорвалъ миръ съ новгородцами [930]).

1403. Въ Новгородѣ погорѣло нѣсколько концовъ [931]). — Юрій Святославовичъ смоленскій принялъ псковскихъ гостей (въ Смоленскѣ) и отнялъ у нихъ товаръ, а самихъ держалъ до полулѣта; но послы псковскіе и новгородскіе пришли и высвободили ихъ; они воротились пѣшкомъ, такъ какъ кони и товаръ у нихъ отняты были [932]).

1404. Іюля 15-го въ Новгородъ прибылъ владыка Іоаннъ, пробывшій у митрополита Кипріана около трехъ съ половиною лѣтъ. — Изъ Москвы [933]) пріѣхалъ въ Новгородъ кн. Юрій Святославичъ смоленскій, и новгородцы дали ему тринадцать городовъ (перечень ихъ въ IV, 106—107); по этому случаю Юрій цѣловалъ крестъ къ Новгороду «и въ животъ и въ смерть», а къ нему цѣловали крестъ за весь Новгородъ посадникъ Александръ Ѳомичъ и тысяцкій Кириллъ Димитріевичъ [934]).

1405. Скончался посадникъ Василій Ивановичъ. — Витовтъ взялъ псковскій пригородъ Коложе на миру [935]). Псковичи жаловались на это Новгороду, и новгородцы послали на Литву войска съ воеводами: Алексан-

---

925) См. біографію Юрія Андреевича во II-мъ томѣ, въ главѣ о князьяхъ ростовскихъ.

926) П. С. Р. Л. IV, 195; V, 18 (подъ 1400 г.).

927) Ibid. III, 101; Никон. IV, 298.

928) См. подробности на стр. 136 и слѣд. Въ Никоновской лѣтописи (IV, 301) подъ тѣмъ же годомъ находимъ извѣстіе о бывшемъ въ Москвѣ соборѣ изъ 9 епископовъ. На этомъ соборѣ новгородскій владыка Іоаннъ, какъ и луцкій Савва, «отписася.... своея епископьи». Митрополитъ Кипріанъ запретилъ имъ уѣзжать изъ Москвы, «бѣ бо на нихъ брань возложилъ Киприянъ митрополитъ за нѣкия вещи святительския, да не точию сами полезное и спасеное обрящутъ, но и инѣмъ полезное и спасеное будетъ».

929) П. С. Р. Л. III, 101; IV, 144; Никон. IV, 207 (подъ 1403 г.)

930) Ibid. IV, 196.

931) Ibid. III, 101.

932) Ibid. IV, 196.

933) См. стр. 139.

934) П. С. Р. Л. III, 102, 134; IV, 106—107, 196; V, 252—253; XV, 471; Никон. IV, 310.

935) Ibid. III, 102; IV, 18; V, 254; VI, 132; Никон. 310 (подъ 1404 г.).

дромъ Константиновичемъ, Аѳанасіемъ Осиповичемъ, сыномъ посадника, и Ѳомой Трощейкинымъ, которые прибыли во Псковъ, но псковичи воротили ихъ назадъ, а сами на крестномъ цѣлованіи повоевали новгородскія волости, Луки и Ржеву [936]).

1406. Въ Новгородъ прибылъ братъ великаго князя Петръ Димитріевичъ въ помощь противъ Литвы и пробылъ тамъ полторы недѣли. — Осенью Юрій Святославичъ уѣхалъ изъ Новгорода въ Москву къ великому князю, который далъ ему Торжокъ, гдѣ Юрій убилъ князя Семена Мстиславича Вяземскаго [937]) и жену его Ульяну [938]).

1407. Новгородцы приняли кн. Даніила и брата его Юрія Александровичей (ростовскихъ) и дали имъ г. Порховъ [939]). — Новгородцы отказались помогать псковичамъ противъ нѣмцевъ [940]). — Въ Новгородъ пріѣхалъ Семенъ (Лугвеній) Ольгердовичъ [941]), которому Новгородцы дали тѣ же города, на которыхъ онъ и прежде сидѣлъ [942]).

---

936) Ibid. IV, 18, 197 (подъ 1406 г.); V, 19, 254. Тверская лѣтопись (XV, 471) подъ 1404 г. взятію псковскаго пригорода Коложе предпосылаетъ причину этого взятія. Витовтъ, по этой лѣтописи, жаловался Василію Димитріевичу, что онъ держитъ Юрія въ подручномъ ему Новгородѣ; Василій отвѣтилъ, что князь смоленскій живетъ тамъ безъ его вѣдома. Тогда Витовтъ обратился къ Новгороду съ такой рѣчью: «Живете со мною мирно, яко же преже, ибо Юрій много ми зла сътвори и врагъ ми, (ны)нѣ же у васъ есть; да ли (и)мѣете его у себе, или поставите на судѣ». И въ томъ, и въ другомъ новгородцы отказали Витовту. Послѣдній послалъ спросить псковичей, за-одно ли они стоятъ съ новгородцами относительно Юрія, и получилъ отвѣтъ: «едино есмы». Тогда-то разгнѣванный Витовтъ пошелъ на Новгородъ и Псковъ, взялъ псковскіе города, взялъ Коложе и многія мѣста поплѣнилъ. Это было въ февралѣ. По этому случаю съ Витовтомъ заратился вел. кн. Василій.—Псковская первая (IV, 197), говоря подъ 1406 г. о разрывѣ Витовта съ Новгородомъ и Псковомъ и взятіи г. Коложе, добавляетъ, что новгородцы не оказали псковичамъ никакой помощи, что псковичи просили ихъ идти на Литву, а они отговаривались тѣмъ, что ихъ не благословилъ владыка, а Новгородъ не указалъ, и предлагали идти съ псковичами на нѣмцевъ. Псковская вторая (V, 19), также подъ 1406 г., нѣсколько иначе передаетъ этотъ эпизодъ. Сказавши о взятіи Витовтомъ г. Коложе 5 февраля, она говоритъ, что 28-го февраля посадникъ Юрій Козачковичъ, взявши съ собой дружины охочихъ людей изъ Пскова, Изборска, Острова, Воронача и Вели, пошелъ съ ними и повоевалъ Ржеву и Луки; въ Великихъ Лукахъ взялъ и стягъ коложскій; затѣмъ псковичи обращаются къ новгородцамъ за помощью и пр.

937) См. стр. 139. Никон. лѣт. (V, 8) говоритъ объ отъѣздѣ Юрія подъ 1407 г. Та же лѣтопись передаетъ, что псковичи и новгородцы ѣздили къ великому князю жаловаться на его тестя Витовта и потому Василій послалъ къ псковичамъ брата своего Петра.

938) П. С. Р. Л. III, 102—103; IV, 109; V, 156; VI, 133; VIII, 81.

939) Ibid. IV, 109; Никон. V, 9. Юрій и Даніилъ Александровичи изъ князей ростовскихъ.

940) Ibid. IV, 198.

941) Псковская первая (IV, 198) даетъ такую обстановку появленію въ Новгородѣ Семена Ольгердовича: новгородцы отказались помогать псковичамъ противъ нѣмцевъ; псковичи пошли за Нарову, а новгородцы выпросили тогда у Витовта кн. Лугвенія, «а все то псковичемъ въ перечину». То же самое эта лѣтопись повторяетъ и подъ слѣдующимъ годомъ.

942) П. С. Р. Л. III, 103; IV, 109, 198; V, 20 (подъ этимъ и 1409 годами); Никон. V, 15

1408. Литовцы и нѣмцы воевали псковскія волости, коснулись и новгородскихъ, а новгородцы «о всемъ небрегоша» [943]). — Въ Новгородъ пріѣхалъ отъ брата своего намѣстникомъ кн. Константинъ Димитріевичъ [944]).

1409. Въ Новгородѣ умерли посадники Тимоѳей Юрьевичъ и Осипъ Захарьевичъ [945]).—По новгородскому повелѣнію псковичи взяли миръ съ Витовтомъ и нѣмцами [946]).—Новгородскій посадникъ Анфалъ ходилъ ратью на Болгары Камой и Волгой: Камой пошло сто насадовъ, а Волгой — полтораста; на камскіе насады, пришедшіе раньше волжскихъ, напали татары и побили людей, а Анфала схватили и отвели въ орду [947]).

1410. Псковичи заключили миръ съ нѣмцами «по псковской волѣ, по новгородскому докончанью: что были новгородцы имали миръ въ первое розратье со псковичи съ одиного, а нынѣ безъ Новгорода», такъ какъ новгородцы не помогали псковичамъ [948]). — Скончался посадникъ Юрій Димитріевичъ [949]). — Заложили каменный городъ у Орѣшка около посада [950]). — Новгородцы начали торговать «лобци и гроши литовскими и артуги (шведскій Oertug) нѣмецкими, а куны отложиша» при посадникѣ Григоріи Богдановичѣ и тысяцкомъ Василіи Осиповичѣ [951]).

1411. Шведы пришли и взяли новгородскій пригородъ городокъ Корельскій; новгородцы съ кн. Семеномъ Ольгердовичемъ погнались за ними, пришли въ ихъ землю, повоевали и пожгли села, многихъ перебили и многихъ забрали въ полонъ, а у Выборга 26-го марта охабень (предмѣстье) взяли и пожгли (перечень участвовавшихъ въ походѣ воеводъ). — Заволочане, по повелѣнію Новгорода, ходили ратью на мурмановъ съ двинскимъ посадникомъ Яковомъ Степановичемъ [952]). — Зимой новгородскій владыка Іоаннъ поѣхалъ въ Москву къ митрополиту Фотію [953]).

1412. Князь Семенъ Ольгердовичъ уѣхалъ въ Литву, выведши изъ

(подъ 1409 г.); въ VI, 133 говорится о чудѣ преп. Варлаама, исцѣлившаго отъ болѣзни кн. Константина Димитріевича. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что другія лѣтописи еще только подъ 1408 годомъ говорятъ о пріѣздѣ въ Новгородъ Константина.

943) Ibid. IV, 199; Никон. V, 13 (подъ 1409 г. октября 3).

944) Ibid. III, 103; IV, 110, 199; V, 257; Никон. V, 13 (въ декабрѣ).

945) Ibid. III, 103; IV, 111; Никон. V, 35 (подъ 1410 г.).

946) Ibid. V, 257. Ср. слѣдующій годъ.

947) Никон. лѣт. V, 29.

948) П. С. Р. Л. IV, 201.

949) Ibid. III, 104; IV, 112.

950) Ibid. IV, 112; VIII, 85; Никон. V, 42 (подъ 1411 г.).

951) Ibid. III, 104.

952) Ibid. III, 104, 235 (подъ 1412 г.); IV, 113; V, 258; VI, 139; VIII, 86; Никон. V, 41—42. По одному варіанту Софійской первой и по Воскресенской лѣтописямъ шведы взяли пригородъ Корельскій,—по всѣмъ другимъ—Тиверскій, какого мы не знаемъ.

953) Ibid. III, 104; IV, 113 (подъ 1412); Никон. V, 47 (подъ 1413 г.).

новгородскихъ пригородовъ намѣстниковъ своихъ. Польскій король Ягайло, Витовтъ и Семенъ Ольгердовичъ 2-го января «вскинуша грамоты взметныи къ Новугороду»; они винили новгородцевъ въ томъ, что тѣ не сложили крестнаго цѣлованія къ нѣмцамъ; что они вывели изъ Новгорода Лугвенія, а съ нѣмцами взяли вѣчный миръ, какъ и со всѣми другими сосѣдями, «а вы — прибавили они — слова своего забывъ и не издръжали, какъ были есте намъ нялися; а еще ваши люди намъ лаяли, насъ безчествовали и сромотилѣ и насъ погаными звалѣ»; кромѣ того, ставили новгородцамъ въ вину, что они приняли къ себѣ врага ихъ, Юріева сына Θедора (смоленскаго). Лугвеній съ своей стороны складывалъ крестное цѣлованіе къ Новгороду, объясняя, что онъ не можетъ въ этомъ дѣлѣ отстать отъ своихъ братій. Θедоръ Юрьевичъ говорилъ новгородцамъ: «Братия и друзи новогородцы! что мя есте въ безверемяниі моемъ держали у себя добротою своею и кормлениемъ, и сие вамъ Богъ воздастъ.... вы о мнѣ нелюбия съ Витоөтомъ не держите», — и потомъ отъѣхалъ къ нѣмцамъ «съ плачемъ и со многими слезами» [954]).—Псковичи взяли миръ съ новгородцами [955]).

1413. Князь Константинъ (Димитріевичъ) выѣхалъ (изъ Пскова) въ Новгородъ и, пробывши тамъ годъ, опять возвратился въ Псковъ [956]).—Въ Порховѣ поставили каменную церковь св. Николая при кн. Юріи [957]).

1414. Весной въ Литву отправились новгородскіе послы, посадникъ Юрій Никифоровичъ, сынъ посадника Аөанасій Θедоровичъ и Θедоръ Трябло, и взяли миръ съ Витовтомъ, а съ нѣмцами разорвать мира не хотѣли; Витовтъ же съ нѣмцами мира не взялъ. — Ноября 15-го владыка Іоаннъ принялъ схиму, а 20-го января оставилъ владычній дворъ [958]).— Ярославъ Владиміровичъ отъѣхалъ въ Литву [959]). — Умеръ посадникъ Кириллъ Димитріевичъ [960]).

1415. Скончался посадникъ Θеодосій Аввакумовичъ въ чернецахъ [961]).— Новгородцы выбрали по жребію въ архіепископы Сампсона, чернеца Спасскаго Хутынскаго монастыря, и ввели его на владычній дворъ августа 11-го. Февраля 23-го Сампсонъ поѣхалъ (въ другихъ лѣтописяхъ—пріѣхалъ)

---

954) Ibid. III, 104; V, 258—259; VIII, 86; Никон. V, 47 (подъ 1413 г.).

955) Ibid. V, 22.

956) Ibid. IV, 22.

957) Никон. лѣт. V, 47. Здѣсь разумѣется, конечно, Юрій Александровичъ (изъ ростовскихъ князей). См. выше 1407 годъ.

958) П. С. Р. Л. III, 105; IV, 114; V, 259; VI, 140; VIII, 87; Никон. 55 (объ архіепископѣ подъ 1415 г.).

959) Ibid. VIII, 87.

960) Ibid. IV, 114; Никон. 56 (подъ 1415 г.).

961) Ibid. III, 106; Никон. V, 56.

въ Москву къ митрополиту съ боярами: Василіемъ Аввакумовичемъ, тысяцкимъ Василіемъ Осиповичемъ и тысяцкимъ Василіемъ Игнатьевичемъ [962]).

1416. Марта 22-го Сампсонъ, нарѣченный Симеономъ, поставленъ митрополитомъ Фотіемъ въ архіепископы Новгороду, куда возвратился 16-го апрѣля [963]).

1417. Скончался посадникъ Юрій Никифоровичъ. — Іюня 24-го скончался владыка Іоаннъ. — Вышедши изъ Вятки, отчины великаго князя, бояринъ кн. Юрія (конечно, галицкаго) Глѣбъ Семеновичъ пустошитъ Заволочье [964]).—Лѣтомъ и зимой былъ страшный моръ на людей въ Новгородѣ, Ладогѣ, Русѣ, Порховѣ, Псковѣ и другихъ городахъ [965]). — Новгородцы взяли миръ съ нѣмцами при посадникѣ Семенѣ Васильевичѣ и тысяцкомъ Козмѣ Терентьевичѣ [966]).

1418. Въ Новгородѣ было сильное смятеніе. Нѣкто Степанко, схвативъ боярина Даніила Ивановича, началъ кричать согражданамъ: «Господо! пособите ми тако на злодѣа сего»! Какъ злодѣя, потащили боярина къ народу «и казниша его ранами близь смерти»; притащивши съ вѣча на мостъ, его сбросили въ Волховъ; желая боярину добра, одинъ рыбакъ взялъ его въ свой челнъ, почему разъяренный народъ разграбилъ домъ этого рыбака. Бояринъ, «хотя безчестіе свое мстити», поймалъ своего врага и началъ мучить его. Народъ, узнавъ объ этомъ, созвонилъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ; затѣмъ разграбилъ домъ боярина Даніила на Козмодемьянской улицѣ; перепуганные козмодемьянцы выдали Степанка, но разграбленія боярскихъ дворовъ не прекратились; разграбили даже загородный («въ полѣ») монастырь св. Николая, говоря: «здѣсь житницы боярскія», или: «намъ супостати суть». Послѣ того, какъ грабители получили отпоръ на Прусской улицѣ, они прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ вооружиться на нихъ и разграбить ихъ домы; во всемъ городѣ начался звонъ; люди начали «сърыскыватися» на большой мостъ съ обѣихъ сторонъ въ вооруженіи, какъ бы на рать; были случаи убійства, «и отъ грозы тоя страшныя... встрясся весь градъ». Со слезами молился Владыка Симеонъ въ храмѣ Софіи, потомъ пошелъ во главѣ духовенства съ крестнымъ ходомъ на мостъ; съ воплемъ сопровождалъ его на-

962) Ibid. III, 106, 236 (подъ 1416 г.); IV, 114; V, 259; VIII, 88; Никон. V, 65 (подъ 1416 г.).

963) Ibid. I, 235; III, 106, 236; IV, 202; V, 260; VI, 140; VIII, 88; Никон. V, 66.

964) См. стр. 144.

965) П. С. Р. Л. III, 107, 135, 236 (о смерти архіепископа подъ 1416 г., а о моровомъ повѣтріи — подъ 1418 г., какъ и въ IV, 202); IV, 115; VIII, 89; Никон. V, 67—68.

966) Никон. лѣт. V, 68.

родъ. Услышали на Торговой сторонѣ о приходѣ владыки, и къ нему пришелъ поклониться посадникъ Ѳедоръ Тимоѳеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими; выслушавъ ихъ просьбы, владыка послалъ архимандрита Варлаама съ своимъ духовнымъ отцемъ и протодіакономъ на Ярославовъ дворъ преподать благословеніе степенному посаднику Василію Осиповичу и тысяцкому Козмѣ Терентьевичу, чтобы они шли по своимъ домамъ; тѣ пошли, и въ городѣ водворилась тишина [967]. — Князь Ѳедоръ Александровичъ и весь Псковъ послали въ Новгородъ посадника Николая Павловича, Андрея Ларивоновича и Даніила Филтяева, которые взяли съ Новгородомъ миръ по старинѣ [968].

1419. *Мая 1-го* погорѣли Славянскій и Плотницкій концы. — Умеръ посадникъ Иванъ Богдановичъ. — *Апрѣля 9-го* необыкновенная буря и гроза: многіе падали какъ мертвые, многіе онѣмѣли и пр. — Мурмане, въ количествѣ 500 человѣкъ, пришли въ бусахъ и шнекахъ и повоевали въ Варзугѣ Корельскій погостъ и много погостовъ (перечень) въ землѣ Заволоцкой. Заволочане однихъ побили, а другіе ушли въ море. — Изъ москвы пришелъ въ Новгородъ *26-го февраля* кн. Константинъ Димитріевичъ, которому новгородцы дали бывшіе за Лугвеніемъ Ольгердовичемъ пригороды «и боръ всеи волости Новгородской, коробеищину» [969].—Владыка Симеонъ ѣздилъ по Корельской землѣ «въ поѣздѣ своемъ». — Въ августѣ опять сталъ появляться моръ на людей въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ [970].

1420. Новгородцы начали (по Никон. л. въ октябрѣ) торговать серебряными деньгами, а артуги, которыми торговали девять лѣтъ, продали нѣмцамъ; прежде они торговали куньими лобками, а до куньихъ лобковъ — бѣльими и куньими мордками. — Въ Псковѣ и Новгородѣ въ ноябрѣ опять появился моръ на людей. — Осенью пришли въ Новгородъ нѣмецкіе послы отъ магистра Сильвестра: вельядскій кумендерь Гостило (феллинскій командоръ Госвинъ), племянникъ гермейстера Тимоѳей и ругодивскій (нарвскій) воевода Еремѣйко (нарвскій фогтъ Германъ) и заключили миръ съ кн. Константиномъ и Новгородомъ на томъ, что магистру быть на съѣздѣ, а князю Константину и новгородцамъ послать на съѣздъ бояръ. Изъ Нов-

---

967) П. С. Р. Л. III, 107—108, 136; V. 261.

968) Ibid. V, 22.

969) Ibid. III, 108—109, 138; Никон. V, 71—74. См. біографію Константина во II-мъ томѣ въ главѣ объ Углицкихъ князьяхъ. — Что касается Варзуги, то мы знаемъ, что впослѣдствіи въ XVI в. извѣстна была «Патриарша и розныхъ монастырей за моремъ волость Варзуга» на р. Варзугѣ, на Терскомъ берегу. См. «Извлеченія изъ переписныхъ книгъ,» сост. Е. Е. Замысловскимъ. Спб. 1888, стр. 84.

970) Никон. лѣт. V, 75.

города отправились на съѣздъ: намѣстникъ великаго князя Ѳедоръ Патрикѣевичъ, бояринъ кн. Константина Андрей Константиновичъ и др., которые заключили вѣчный миръ по старинѣ, какъ было при вел. кн. Александрѣ Ярославичѣ и Юріи Даниловичѣ [971]).

1421. Князь Константинъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Москву: архіепископъ, посадники, тысяцкіе и бояре одаривъ проводили его съ честію [972]), — а въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Ярославъ (Владиміровичъ?) изъ Литвы [973]).—Мая 19-го въ Новгородѣ было страшное наводненіе: думали, что будетъ потопъ; притомъ же при громѣ и молніи ливень разразился обыкновеннымъ и каменнымъ градомъ.—Умерли два посадника, принявши иноческій образъ, Ѳедоръ Тимоѳеевичъ и Александръ Ѳомичъ.—Іюня 15-го скончался архіепископъ Симеонъ. Новгородцы, обсудивъ дѣло на Ярославовомъ дворѣ, пошли на вѣче къ св. Софіи, избрали по жребію Ѳеодосія, игумена Клопскаго Троицкаго монастыря, и ввели его на владычній дворъ сентября 30-го [974]). — Тверскій князь схватилъ новоторжскаго боярина Ивана Кумганца и сына его Ѳому, билъ ихъ и потомъ заточилъ въ новый городокъ [975]). — Встали два конца, Неревскій и Славенскій, за Климента Артемьевича про землю на посадника Андрея Ивановича и въ вооруженіи грабили дворъ его и дворы другихъ бояръ, убивъ при этомъ двадцать человѣкъ изъ пособниковъ Андрея, потомъ примирились [976]).

1422. Новгородцы цѣловали крестъ «за единъ братъ» [977]). — Въ послѣдніе два года былъ голодъ (въ Новгородѣ), между тѣмъ какъ въ Псковѣ много было стараго хлѣба. И пошли въ Псковъ (за хлѣбомъ) новгородцы, чудь, кореляне, важане, тверичи, москвичи и др. [978]).

1423. Въ Новгородѣ поставлено двѣ каменныхъ церкви [979]).

1424. Новгородцы 30-го ноября свели съ владычняго двора наречен-

---

971) П. С. Р. Л. III, 109; IV, 119; VI, 141; VIII, 90; Никон. V, 76 (подъ 1421 г.).

972) Ibid. III, 109; IV, 119; VI, 141; Никон. V, 76.

973) Ibid. VI, 141.

974) Ibid. III, 109—110, 140, 237; IV, 203; V; 23; VI, 141—142; VIII, 91; Никон. V, 78 (избраніе владыки подъ 1422 г.). Факты этого года въ разныхъ лѣтописяхъ передаются не въ одинаковомъ порядкѣ. Избраніе владыки въ однѣхъ лѣтописяхъ отнесено къ 30-му, въ другихъ — къ 1-му сентября; очевидно, переписчики перемѣшали церковно-славянскіе числительные знаки л҃ и а҃, какъ схожіе по начертанію.

975) Ibid. IV, 120.

976) Ibid. III, 140; IV, 120; Никон. V, 78 (Иванъ Кумчанъ) подъ 1422 г.

977) Ibid. III, 140, т. е. въ Новгородской второй и въ Никон. V, 80, а въ Новгородской первой говорится о томъ же и такъ же неопредѣленно подъ 1421 въ-слѣдъ за извѣстіемъ о выборѣ владыки.

978) Ibid. III, 140; V, 23—24; Никон. V, 79 (отъ голода ѣли кошекъ, псовъ, кротовъ, мертвыхъ коней и даже люди людей).

979) Ibid. III, 110.

наго владыку Θеодосія, говоря: «не хотимъ шестника владыкою», и ввели во дворъ избраннаго по жребію Емиліана, инока Деревяницкаго Воскресенскаго монастыря, духовника владыки. — Появился моръ на людей (железа и кровохарканіе) въ Новгородѣ, Корельской землѣ и въ Литвѣ [980]).

1425. Устюжане воевали Заволоцкую землю, почему новгородцы ходили на нихъ ратью къ Устюгу, взяли на нихъ окупъ въ 50,000 бѣлокъ и шесть сороковъ соболей [981]).—Инокъ Емиліанъ Брадатый, нареченный Евθиміемъ, поставленъ митрополитомъ Фотіемъ въ архіепископы новгородскіе ноября 1-го [982]).—Новгородцы содѣйствуютъ примиренію псковичей съ Витовтомъ [983]).

1426. Витовтъ ратью пошелъ на Псковскую землю; псковичи просили помощи противъ него у новгородцевъ, но послѣдніе помощи не дали и отправили къ Витовту посла Александра Игнатьевича, который шелъ вмѣстѣ съ литовской ратью, былъ съ ней подъ Опочкой и Вороначемъ и отъѣхалъ, не сдѣлавъ никакого добра псковичамъ. Витовтъ три недѣли стоялъ подъ Вороначемъ и ушелъ, не взявъ города. Псковичи заключили съ нимъ миръ безъ участія Новгорода [984]). — Въ Псковѣ, Новгородѣ, Торжкѣ и другихъ городахъ появился моръ на людей [985]).

1427. Владыка Евθимій поставилъ церковь Спаса [986]).

1428. Витовтъ пришелъ ратью на Новгородскую землю и остановился около Порхова; порховичи на докончаньи дали ему пять тысячъ рублей серебра; потомъ изъ Новгорода пришли съ владыкой Евθиміемъ посадники и тысяцкіе и дали еще пять тысячъ да владыка отъ себя далъ тысячу за полонъ. Эти деньги собраны были со всѣхъ новгородскихъ волостей и съ Заволочья, съ 10 человѣкъ по рублю. «Се вамъ стало за то, — сказалъ Витовтъ новгородцамъ,—что мя назвали естя измѣнникомъ и бражникомъ», и ушелъ домой [987]).

---

980) Ibid. III, 110, 140 (избраніе владыки подъ 1424 г.), 238; IV, 120, 203 (избраніе владыки и моръ въ Корелѣ подъ 1424 г.); Никон. V, 81 (то же).

981) Ibid. III, 110; IV, 120 (окупъ—8000 бѣлокъ).

982) Ibid. III, 120 (24 сентября 1424 г.), 238; IV, 203.

983) См. тотъ же годъ въ третьемъ прибавленіи.

984) П. С. Р. Л. III, 110; IV, 121, 204; V, 25; Никон. V, 92—93. См. также тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

985) Ibid. V, 24 и 263 (подъ 1425 г.); VI, 143; VIII, 93; Никон. V, 92.

986) Ibid. III, 110.

987) Ibid. III, 110, 141, 238 (по ошибкѣ сказано, что владыка далъ за полонъ не шестую тысячу, какъ въ другихъ лѣтописяхъ, а шесть тысячъ); IV, 121, 205 (Витовтъ разорвалъ миръ въ Петрово говѣнье, 16-го іюля пришелъ на Новгородскую волость, а 20-го къ нему пришли съ челобитьемъ); VI, 143; VIII, 94; Никон. V, 95. Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей передаются нѣкоторыя подробности этого эпизода. Витовтъ пошелъ на Новго-

1429. Ноября 1-го скончался владыка Евѳимій, а ноября 13-го по жребію введенъ былъ на владычній дворъ священникъ Евѳимій изъ Лисицкаго монастыря [988]).

1430. Новгородцы придѣлали къ гор. Порхову другую каменную стѣну [989]).

1431. У псковичей съ новгородцами не было ни мира, ни войны [990]).

1432. Осенью въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Литвы кн. Юрій Семеновичъ съ своей княгиней [991]). — Псковичи послали въ Новгородъ для заключенія мира посадниковъ (перечень), но новгородцы не приняли псковскаго челобитья [992]).

1433. Нареченный владыка Евѳимій поставилъ въ своемъ дворѣ палату, а дверей у нея — 30; эту палату дѣлали нѣмецкіе мастера вмѣстѣ съ новгородскими [993]).

1434. Великій князь Василій Васильевичъ 1-го апрѣля на Святой недѣлѣ пріѣхалъ въ Новгородъ, по занятіи Москвы Юріемъ Димитріевичемъ галицкимъ [994]). — Апрѣля 5-го весь Новгородъ вышелъ въ поле къ Жилотугу (ручей) ратью на Зарѣцкую сторону; на Городищѣ тогда былъ великій князь Василій, «и не бысть новгородцемъ ничто же» [995]). — Апрѣля 11-го нарѣченный владыка Евѳимій поѣхалъ въ Смоленскъ къ Митрополиту Герасиму, а 26-го апрѣля великій князь Василій пошелъ къ Москвѣ. — Мая 26-го Евѳимій поставленъ въ новгородскіе архіепископы [996]). — Псковичи отправили въ Новгородъ для заключенія мира посадниковъ, Сильвестра Леонтьевича и Степана Родіоновича и другихъ бояръ; миръ состоялся: отъ Пскова цѣловали крестъ Сильвестръ и Степанъ, а отъ Новгорода — посад-

---

родскую землю съ пушками, тюфяками и пищалями; въ числѣ пушекъ была одна громадная подъ названіемъ *Галка*, которую везли на сорока лошадяхъ, перемѣнявшихся три раза въ день. Пришли подъ Порховъ. Пушечный мастеръ Николай похвалялся предъ Витовтомъ, что Галка разобьетъ не только городскую стрѣльницу, но и церковь св. Николая. Дѣйствительно, первый выстрѣлъ вырвалъ стрѣльницу изъ основанія и пробилъ переднюю и заднюю стѣны алтаря «и тако (выстрѣлъ) изыде паки изъ града» на Витовтовы полки, въ которыхъ оказались убитыми: полоцкій воевода, множество воиновъ и коней, а отъ мастера Николая ничего не осталось, ни тѣла, ни костей,—только полкабата осталось.

988) Ibid. III, 110, 141; IV, 206 (подъ 1430 г.); V, 263; Никон. V, 96 (подъ 1430 г.). По Никон. лѣт. вновь избранъ въ архіепископы священно-инокъ Евѳимій «Слиесъ Горкін».

989) Ibid. III, 110; Никон. лѣт. V, 98.

990) Ibid. V, 27.

991) Ibid. III, 111; Никон. V, 116 подъ 1433 г.

992) Ibid. IV, 206—208.

993) Ibid. III, 111; IV, 121.

994) Ibid. III, 111, 141; IV, 208; V, 28 (марта 31-го) 266; VIII, 99; Никон. V, 117.

995) Ibid. III, 111.

996) Ibid. III, 111, 238; IV, 208 (Евѳимій возвратился изъ Смоленска 26-го мая).

никъ Сампсонъ Ивановичъ и тысяцкій Өедоръ Елисѣевичъ, іюля 22-го [997]). Въ Новгородъ пріѣхалъ кн. Василій Юрьевичъ (Косой); осенью онъ выѣхалъ изъ Новгорода и на всемъ пути своемъ грабилъ по Мстѣ, Бѣжецкому Верху и Заволочью [998]).

1435. Зимой Иванъ Васильевичъ и Григорій Кирилловичъ, новгородскіе посадники, тысяцкій Өедоръ Елисѣевичъ и другіе новгородскіе бояре съ новгородцами, рушанами и порховичами (жителями Русы и Порхова) пошли и пожгли всѣ села ржевскія по псковскій рубежъ и возвратились домой съ полономъ [999]).—Великій князь Василій Васильевичъ и новгородцы цѣловали другъ къ другу крестъ [1000]). — Новгородскіе послы пріѣхали въ Псковъ, предъ которыми псковскіе посадники цѣловали крестъ къ Новгороду [1001]). — Владыка Евөимій заложилъ въ своемъ дворѣ на воротахъ каменную церковь св. Іоанна Златоустаго [1002]), которая въ томъ же году и окончена. По совершенномъ окончаніи работъ, едва мастера отошли отъ церкви, какъ эта послѣдняя разрушилась до основанія. «И се знаменье показася, яко хощетъ власть новъгородцкихъ посадниковъ и тысячскихъ и всехъ бояръ и всея земли Новогороцкия разрушитися» [1003]).

1436. Новгородцы послали посадника Григорія Кириллова, боярина Ивана Максимовича и нѣсколько житьихъ мужей на «разводъ земли»; но великій князь своихъ бояръ не выслалъ [1004]). — Морозъ побилъ хлѣба (обиліе) во всей Новгородской области «въ жатву уже»; вслѣдствіе голода многіе ушли къ нѣмцамъ.—Зимой новгородцы отправили пословъ къ великому князю литовскому Сигизмунду, который въ подтвержденіе заключеннаго мира цѣловалъ крестъ при послахъ [1005]). — Новгородцы ходили ратью на Великіе Луки и повоевали ихъ; тогда же воевали и Ржеву, «своихъ данщиковъ, а они не почаша дани давати новгородцемъ» [1006]).

1437. Въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Москвы кн. Юрій Патрикѣевичъ за «чернымъ боромъ», который и получилъ [1007]).—Владыка Евөимій, благо-

---

997) Ibid. IV, 207— (посадники Иванъ Сидоровичъ и Якимъ) 208 (Степанъ названъ сыномъ посадника); V, 28.

998) Ibid. III, 111; IV, 208; Никон. V, 118.

999) Ibid. III, 111; Никон. V, 119.

1000) Ibid. III, 112; Никон. V, 119; въ VIII, 92 объ этомъ говорится подъ 1424 г. См. стр. 161.

1001) См. тотъ же годъ въ третьемъ приложеніи.

1002) П. С. Р. Л. III, 141; Никон. V, 120.

1003) Никон. лѣт. V, 120.

1004) П. С. Р. Л. III, 112; Никон. V, 122. См. стр. 161.

1005) Ibid. III, 112; IV, 121; Никон. V, 122 (о посольствѣ къ Сигизмунду подъ 1437 г.).

1006) Ibid. IV, 210; V, 29.

1007) Ibid. III, 112; Никон. V, 123.

словивъ посадниковъ и весь Новгородъ, поѣхалъ 7-го іюля въ Москву къ пріѣхавшему весной изъ Царяграда митрополиту Исидору благословиться и челомъ ударить [1008]).—Октября 9-го въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Исидоръ, отправлявшійся въ Римъ (на соборъ); зимой онъ пріѣхалъ въ Псковъ, который «дасть ему судъ владычень и вси пошлины владычни» [1009]).

1438. Татары плѣнили Литву и, забравши большой полонъ, ушли домой [1010]). — Въ Новгородъ пріѣхалъ 3-го марта кн. Юрій Семеновичъ (внукъ Ольгерда) литовскій [1011]).

1439. Обрѣтено тѣло архіепископа Іоанна, при которомъ суздальцы приходили подъ Новгородъ [1012]). — Архіепископъ Евѳимій позолотилъ гробницу кн. Владиміра (Ярославича), внука Владиміра святаго, и росписалъ,—росписалъ и гробницу матери его, положилъ на нихъ покровъ и установилъ совершать имъ память 4-го октября [1013]).

1440. Князь Юрій Семеновичъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Литву [1014]).

1441. Походъ великаго князя на землю Новгородскую [1015]).

1442. Шемяка предлагаетъ новгородцамъ принять его къ себѣ и пустошитъ новгородскія волости [1016]).—Въ Новгородѣ много было пожаровъ; подозрѣваемыхъ въ поджогахъ новгородцы бросали въ огонь и въ воду [1017]).

1443. Въ маѣ мѣсяцѣ въ Новгородѣ было три пожара [1018]).

1444. Новгородцы ходили ратью къ Ругодиву [1019]).

1445. Владыка Евѳимій поставилъ у себя «на сѣняхъ» каменную церковь Евѳимія Великаго и освятилъ ее 30-го января [1020]). — Сентября 14-го

1008) Ibid. III, 112; Никон. V, 124 (іюня 7-го).

1009) Ibid. III, 112; IV, 122; Никон. V, 127 (подъ 1438 г.).

1010) Никон. лѣт. V, 128.

1011) П. С. Р. Л. III, 112; IV, 122; Никон. V, 128.

1012) Ibid. III, 112.

1013) Ibid. III, 113, 239.

1014) Ibid. III, 113; Никон. V, 147. Въ Воскресенской лѣтописи (т. VIII, 108) подъ этимъ годомъ передается слѣдующій анекдотъ. Января 22-го у великаго князя родился сынъ Иванъ, о чемъ предсказалъ въ В. Новгородѣ, въ монастырѣ «на Веряжѣ», св. старецъ, именемъ Михаилъ. Когда къ этому старцу пришелъ архіепископъ Евѳимій, онъ сказалъ послѣднему: «нынѣ, отче, у великаго князя на Москвѣ радость». — «Какая радость, отче?» спросилъ архіепископъ.—«У великаго князя, отвѣчалъ старецъ, родился сынъ Тимоѳей, а имя ему дали Іоаннъ, и будетъ онъ наслѣдникомъ отцу своему, и разоритъ обычаи земли нашей Новгородской, погибель будетъ нашему граду, и многимъ землямъ страшенъ будетъ».

1015) Ibid. III, 113, 141; IV, 122, 211; V, 267; VI, 170; VIII, 111; Никон. V, 153. Подробности см. на стр. 165.

1016) См. стр. 166.

1017) П. С. Р. Л. III, 114, 240; Никон. V, 158.

1018) Ibid. IV, 122.

1019) Ibid. III, 141.

1020) Ibid. III, 240. Подъ этимъ же годомъ здѣсь говорится о страшной дороговизнѣ

въ Новгородъ пришелъ изъ Литвы *великій* князь Иванъ Владиміровичъ, внукъ Ольгерда, по просьбѣ новгородцевъ, на тѣ пригороды, на которыхъ сидѣли кн. Семенъ Ольгердовичъ и сынъ его Юрій, — а кн. Юрій Семеновичъ пошелъ къ нѣмцамъ, но эти не дали ему пути, и онъ удалился въ Москву.—Осенью пришли нѣмцы, пожгли у города Ямы посадъ, повоевали берегъ (р. Луги?), и въ Новгородъ прислали сказать: «мы васъ не воюемъ, а воюетъ васъ князь Григорій изъ-заморія Клевьскій про своего проводника ругодивца». Нѣмцы лгали[1021]). — Осенью изъ отчины великаго князя тверскаго много повоевали земли и селъ новгородскихъ, Бѣжецкій Верхъ и Заборовье (волость) и всѣ новоторжскія волости, а[1022]) изъ Литвы вел. кн. литовскій Казимиръ прислалъ въ Новгородъ сказать: «возмите моихъ намѣстниковъ на Городище, и язъ васъ хочу боронити; а съ княземъ есмь съ московьскимъ миру не взялъ васъ дѣля». Но новгородцы не приняли этого предложенія. — Зимой новгородцы пошли за Нарову въ Нѣмецкую землю съ кн. Иваномъ Владиміровичемъ, поплѣнили и пожгли землю до Ругодива и до Чудскаго озера. Въ томъ же году нѣмцы пошли на Новгородскую землю: громили изъ пушекъ г. Яму, подъ которымъ стояли пять дней, собирали полонъ и все предавали огню въ Водской землѣ, по р. Ижорѣ и Невѣ, но города не взяли; много и нѣмцевъ пало подъ городомъ. Въ Ямѣ былъ тогда одинъ изъ суздальскихъ князей, Василій Юрьевичъ. Новгородцы съ кн. Иваномъ Владиміровичемъ, внукомъ Ольгерда, хотѣли идти за р. Нарову (на нѣмцевъ) и уже послали туда лужскихъ и водскихъ сельчанъ (сельниковъ лускихъ и воцкихъ) и ижерскихъ бояръ, какъ въ городѣ и по волости начался падежъ коней, и они вынуждены были оставить свое намѣреніе. Въ то же время псковичи прислали въ Новгородъ пословъ «мира и любви покрѣпити»; но видя, что въ Новгородѣ сильный падежъ на коней, а на людей — болѣзнь, и новгородцы не идутъ за Нарову, послы выѣхали, не укрѣпивши мира.—Кореляне ходили на мурманъ, многихъ изъ нихъ избили и поплѣнили[1023]).

1446. Въ Новгородъ изъ Москвы пріѣхалъ кн. Юрій Лугвеніевичъ, и новгородцы дали ему кормленіе, по волости — хлѣбъ, а пригородовъ не дали; князь же Иванъ (Владиміровичъ) отъѣхалъ въ Литву.—Зимой новгородцы послали на съѣздъ съ нѣмцами кн. Юрія, бояръ и купцевъ; но они разъ-

---

хлѣба въ Новгородѣ, о чемъ въ другихъ лѣтописяхъ, какъ увидимъ, говорится подъ 1446 г.

1021) Ibid. IV, 123; Никон. V, 191 (подъ 1444 г.).

1022) Ibid. IV, 123. Не то же ли самое повторяетъ та же лѣтопись ниже (подъ 1446 г.?

1023) Ibid. IV, 123; въ Никон. V, 191—194 подъ 1444 г.

ѣхались, не заключивши мира, такъ какъ магистръ захотѣлъ Острова [1024]). — Въ Новгородѣ наступила страшная дороговизна хлѣба, такъ что всюду слышались плачъ и рыданія; поэтому многіе ушли въ Литву, другіе — «въ латинство», «иніи же бесерменьству и жидомъ изъ хлѣба даяхуся гостемъ» [1025]). Въ это время въ Новгородѣ не было ни правды, ни суда: появились ябедники, «изрядиша четы и обѣты и цѣлованія на неправду» и начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу. — Въ томъ же году новгородскіе воеводы, Василій Шенкурскій и Михаилъ Яковлевъ, съ тремя тысячами войска пошли на Югру и, «забравши множество людей, мужчинъ и женщинъ, «расплошишася»; между тѣмъ югорцы «доспѣша надъ ними облесть» (обольстить); они говорили новгородцамъ: «мы хотимъ вамъ даяти, а хотимъ счестися и указати вамъ станы и островы (?) и урѣчища». А въ это время югорцы собрались и ударили на острогъ Василія (Шенкурскаго): много убили дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей, человѣкъ съ 80, — а Василій съ сыномъ своимъ Семеномъ бѣжалъ «въ малѣ дружинѣ», другіе же разбѣжались по лѣсу. Другой воевода, Михаилъ Яковлевъ, былъ на другой рѣкѣ; пришедши къ Васильеву острогу и видя, что онъ разоренъ, люди или побиты или въ лѣсу, началъ искать своихъ по рѣкѣ; къ нему собрались всѣ уцѣлѣвшіе и всѣ возвратились домой. — Въ томъ же году внезапно приходили шведы и мурмане за Волокъ на Двину ратью на Неноксу [1026]): воевали, жгли и людей однихъ перебили, а другихъ въ полонъ взяли. Услышавъ объ этомъ, двиняне пришли немедленно: однихъ (изъ шведовъ и мурманъ) изрубили, иныхъ прислали въ Новгородъ, а воеводъ ихъ: Ивора, Петра и третьяго Эспера (Ешпера) убили; нѣкоторые, бросившись на корабли, убѣжали. — Августа 22-го Борисъ Александровичъ тверскій наслалъ на Торжокъ воеводъ съ своими людьми, которые разогнали и пограбили людей (жителей Торжка), губили, продавали ихъ, при чемъ московскаго, новгородскаго и новоторжскаго товара отправлено въ Тверь 40 павозковъ, изъ которыхъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ; а въ Бѣжецкомъ Верху и по Заборовью (Борисъ Александровичъ) повоевалъ 80 волостей въ два года [1027]).

1447. Князь Александръ Васильевичъ собрался уѣхать изъ Пскова въ Новгородъ; посадники и псковичи много били ему челомъ, чтобы остался, но тотъ не принялъ челобитья, «за-неже къ Нӧвугороду уреклъся», и въ

1024) Ibid. IV, 123—124. Островъ—псковскій городъ на р. Великой.

1025) Ibid. III, 240; IV, 124. См. прим. 1020.

1026) Въ издающейся подъ редакціею проф. Е. Е. Замысловскаго «Лѣтописи Археографической Коммиссіи», а именно въ писцовыхъ книгахъ Двинской земли (стр. 18) говорится, что «У моря посадъ Ненокса» и т. д. Надобно полагать, такимъ образомъ, что Ненокса была у Бѣлаго моря, не подалеку отъ нынѣшняго Архангельска.

1027) Ibid. IV, 124—125. См. прим. 1022.

Петровъ постъ выѣхалъ[1028]). — Въ томъ же году *люди* начали хулить серебряныя деньги, даже и *новгородцы*, глядя другъ на друга, хулили, такъ что начались между ними волненія, мятежъ и нелюбовь; посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ назначили пять «денежниковъ» (монетныхъ мастеровъ) и начали переливать старыя деньги, а новыя «ковати въ ту же мѣру на 4 почки таковы же, а отъ дѣла—отъ гривны по полуденгѣ; и бысть христіаномъ скорбь велика по волостемъ»[1029]).—Января 23-го въ Новгородъ пріѣхалъ изъ Заволочья архіепископъ Евѳимій.—По занятіи Москвы, Шемяка ссылается съ Новгородомъ[1030]). — Въ томъ же году новгородцы охулили серебро, старые и новые рубли; «у денежниковъ поимаша посулы». Въ томъ же году посадникъ Сокира вывелъ (къ народу) «ливца и вѣсца серебрянаго», Ѳедора Жеребца, напоивъ его, и началъ его пытать («сочити»): «на кого ты лилъ рубли»? Тотъ оговорилъ 18 человѣкъ, и по его рѣчамъ однихъ сбросили съ моста (въ р. Волховъ), у другихъ разграбили дома, у третьихъ вывезли имущества ихъ изъ церквей, «а преже того по церквамъ не искивали». И еще того же Ѳедора «безправдивые» бояре научали говорить на многихъ людей, грозя ему смертью. Протрезвившись Ѳедоръ сказалъ: «на всѣхъ я лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ своею братьею, литейщиками». Тогда весь городъ былъ въ печали, а «голодники», ябедники и посульники радовались; только что на кого-нибудь Ѳедоръ покажетъ, какъ того предавали смерти, а имущество его въ церкви грабили и дѣлили. Вслѣдствіе этого въ городѣ былъ большой мятежъ, и самъ Сѣкира[1031]) разболѣлся и умеръ[1032]). — Псковичи отправили въ Новгородъ посадника Зиновія Михайловича, Степана Юрьевича, Андрея Тимоѳеевича и др. бояръ, которые и взяли миръ съ новгородцами[1033]).

1448. Въ борьбѣ великаго князя Василія Васильевича съ Шемякой новгородцы не приставали ни къ тому, ни къ другому[1034]). — За Волокомъ шестники повоевали и пограбили Онего (т. е. Онежское озеро), Каргополе и Пудогу[1035]). — Кн. Александръ Васильевичъ пошелъ съ новгородцами

1028) Ibid. IV, 213; V, 30.

1029) Далѣе въ той же лѣтописи передается странное извѣстіе о томъ, что 3-го января градъ съ дождемъ побилъ пшеницу, рожь и жито на полѣ и на лѣсѣ за 5 верстъ отъ города вдали отъ Волховца и до Мсты на 15 верстъ.

1030) См. біографію галицкаго кн. Димитрія Юрьевича Шемяки, во II-мъ томѣ.

1031) Названный выше Сокорой.

1032) П. С. Р. Л. IV, 125—126.

1033) Ibid. IV, 126; V, 30. Въ послѣдней сначала говорится о заключеніи псковичами мира съ Новгородомъ, а потомъ объ отъѣздѣ изъ Пскова въ Новгородъ кн. Александра Васильевича.

1034) Подробности см. выше на стр. 174—175.

1035) П. С. Р. Л. IV, 126.

противъ рижскаго магистра и противъ короля прусскаго и короля шведскаго Карла; новгородцы бились чрезъ Нарову, много побили нѣмцевъ; много ихъ побили и на морѣ, многіе утонули, а 84 нѣмца и съ ними два нѣмецкихъ князя взяты живьемъ; нѣкоторыхъ побилъ кн. Василій Васильевичъ съ новгородцами подъ Ямою. — Въ томъ же году 14-го января изъ Новгорода во Псковъ пріѣхалъ кн. Василій Васильевичъ, изъ суздальскихъ князей [1036]).

1449. Псковичи отправили отъ себя пословъ на съѣздъ на Наровѣ «подлѣ новгородскихъ пословъ и докончали миръ» съ нѣмцами; съ новгородской стороны были: кн. Александръ Васильевичъ Черторижскій, посадники: Сампсонъ Ивановичъ, Димитрій Васильевичъ Глуховъ и мн. др. бояре (перечень ихъ); отъ Пскова были также посадники и бояре; миръ заключенъ 15-го августа «на полтретьядцать» лѣтъ [1037]).

1450. Разбитый войсками великаго князя Василія Темнаго, Шемяка бѣжалъ 27-го января въ Новгородъ [1038]).

1451. 1452. Великій князь ходилъ воевать Великій Новгородъ [1039]).

1453. Въ Новгородѣ іюля 17-го умеръ Шемяка [1040]).

1454. Апрѣля 9-го изъ Новгорода въ Псковъ пріѣхалъ Иванъ Димитріевичъ Шемякинъ [1041]).

1455. Князь Василій Васильевичъ (Шуйскій - Гребенка) уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, не смотря на просьбы посадниковъ и всего Пскова остаться, а былъ въ Псковѣ семь съ половиной лѣтъ [1042]).

1456. Походъ великаго князя на Новгородъ [1043]).

1457. 1458. Марта 10-го скончался новгородскій архіепископъ Евѳимій [1044]).

1459. Митрополитъ Іона поставилъ въ Москвѣ въ архіепископы новгородскіе священноинока Іону [1045]).

1036) Ibid. IV, 213; V, 31.

1037) Ibid. IV, 213.

1038) Ibid. IV, 131; V, 270; по VI, 179 въ 1449 г.

1039) Ibid. V, 271. Это краткое извѣстіе не подтверждается другими лѣтописями. Впрочемъ, здѣсь, можетъ быть, разумѣется то обстоятельство, что изъ двухъ отрядовъ в. кн. Василія, преслѣдовавшихъ Шемяку, одинъ, бывшій подъ начальствомъ великокняжескаго сына Ивана (впослѣдствіи в. кн. Иванъ III), доходилъ до р. Ваги, принадлежавшей Новгороду. См. стр. 180.

1040) Ibid. IV, 126, 132, 215 (іюля 18-го), 271; V, 31; въ VI, 180 и VIII, 144 подъ 1454.

1041) Ibid. IV, 215; V, 31.

1042) Ibid. IV, 216; V, 31.

1043) См. 182—183 стр.

1044) П. С. Р. Л. III, 141, 241 (марта 11-го); IV, 127, 217; V, 272; Никон. V, 284.

1045) Ibid. III, 241; IV, 148; V, 272; VIII, 147; Никон. V, 285.

1460. Великій князь посѣтилъ Новгородъ [1046]).

1461. Нѣмецкіе послы отъ рижскаго архіепископа и епископа юрьевскаго пришли въ Новгородъ къ арх. Іонѣ и посадникамъ бить челомъ послу великаго князя и новгородцамъ, а также псковскому послу о перемирьи, чтобъ великій князь далъ перемирье на пять лѣтъ. Великій князь удовлетворилъ просьбу нѣмцевъ [1047]).

1462. — 1463. Владыка Іона ѣздилъ въ Москву [1048]).

1464. — 1465. Между Псковомъ и Новгородомъ раздоръ [1049]).

1466. Въ Новгородѣ большой моръ на людей [1050]).

1467. Въ Новгородѣ на людей моръ железою, почему въ Звѣриицахъ 1-го октября поставлена была церковь св. Симеона [1051]).

1468. — 1469. — 1470. Князь Василій Васильевичъ (Шуйскій-Гребенка) поѣхалъ съ новгородскимъ воеводою Василіемъ Никифоровичемъ за Волокъ [1052]). — Осенью скончался архіепископъ Іона и на мѣсто его по жребію избранъ Θеофилъ [1053]). Осенью же въ Новгородъ пріѣхалъ литовскій князь Михаилъ Олельковичъ [1054]).

1471. Походъ великаго князя Ивана III Васильевича на Новгородъ [1055]).

1472. Нареченный владыка Θеофилъ поставленъ въ Москвѣ въ архіепископы новгородскіе [1056]).

1473. Изъ Рима прибыла въ Новгородъ Софья Θоминична, невѣста великаго князя [1057]).

1474. Осенью великій князь прислалъ въ Псковъ многочисленное войско на помощь противъ нѣмцевъ; новгородцы съ посадникомъ Θомой Андреевичемъ также пришли на помощь [1058]).

1475. — 1476. Великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ «миромъ», «на судъ и на управу». Владыка Θеофилъ пріѣзжалъ въ Москву хлопотать за «поиманныхъ бояръ» [1059]).

1046) См. стр. 185—186.
1047) П. С. Р. Л. IV, 220; въ V, 33 подъ 1462 годомъ.
1048) Ibid. III, 141.
1049) См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.
1050) П. С. Р. Л. V, 274.
1051) Ibid. III, 141; IV, 127, 132.
1052) Ibid. IV, 127. См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.
1053) Ibid. IV, 127; V, 35; въ III, 141,—IV, 235,—V, 275 и Никон. VI, 16 подъ 1471 г.
1054) Ibid. IV, 127; по другимъ онъ прибылъ въ 1471 г., какъ III, 141, — IV, 235 и V, 275.
1055) См. стр. 197 и слѣд.
1056) См. 204 стр.
1057) П. С. Р. Л. III, 242; IV, 133, 245—246; V, 36; Никон. VI, 36.
1058) Ibid. IV, 130, 249; VI, 200. См. тотъ же годъ въ 3-мъ приложеніи.
1059) См. 214 и 219 стр.

1477. Мая 18-го отъ великихъ князей пріѣхалъ въ Новгородъ посолъ Ѳедоръ Давыдовъ, а съ нимъ Тучковы со многими людьми и конями, и остановились на Городищѣ. Пришедши на вѣче, посолъ началъ такъ говорить новгородцамъ: «что еще княземъ великимъ своихъ пословъ присылали и съ своею грамотою, а что его есте государемъ собѣ назвали и за него есте задали, и суду его въ васъ, въ Великомъ Новгородѣ, быти, и по всѣмъ улицамъ сидѣти князя великаго тіуномъ, и Ярославле вамъ дворище великимъ княземъ очистити, и въ великихъ князей судъ не вступати». Новгородцы пограбили дворы посадниковъ и бояръ, поотнимали доспѣхи и всю ратную приправу, а Василья Ананьина на вѣчѣ топорами изрубили на части; иныхъ «заповѣдали», также намѣреваясь предать смерти. Они отвѣчали великому князю чрезъ его же посла, что не называли его государемъ и пр.[1060]).

1478. Походъ великаго князя на Новгородъ и окончательное присоединеніе послѣдняго къ Москвѣ[1061]).

1060) П. С. Р. Л. IV, 253—256.
1061) См. стр. 219—226.

ПРИЛОЖЕНІЕ 3.

Сводъ лѣтописныхъ извѣстій о Псковской землѣ въ хронологическомъ порядкѣ отъ 1348 до 1505 г.

Псковъ, носившій въ древности названіе *Плесковъ* или *Плъсковъ*[1062]), теперь губернскій городъ, расположенъ по берегамъ р. Великой и впадающей въ нее рѣчки Псковы, которыми дѣлится на три части: самая главная, населенная часть города тянется по правому берегу р. Великой; вторая — по лѣвому берегу той же рѣки; эта часть города съ древнѣйшихъ временъ извѣстна подъ именемъ *Завеличья*; наконецъ, третья часть расположена по правому берегу рѣчки Псковы; эта часть носитъ названіе *Запсковья*.

Время основанія Пскова, какъ и старшаго брата его, Великаго Новгорода, теряется въ сѣдой древности. Извѣстно только, что онъ существовалъ еще до призванія князей: «А о Плесковѣ градѣ отъ лѣтописанія, говорится въ первой Псковской лѣтописи подъ 862 годомъ, не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людми, токмо увѣдѣхомъ, яко былъ уже въ то время, какъ наѣхали князи Рюрикъ съ братьею изъ Варягъ въ Словяне княжити, понеже повѣдаетъ, яко Игорь Рюриковичъ поятъ собѣ жену Олгу съ Плескова» [1063]); въ Лаврентьевской лѣтописи[1064]) также говорится объ Игорѣ, что «приведоша ему жену отъ Плескова именемъ Олгу», сани которой хранились во Псковѣ еще въ XII ст. [1065]). Извѣстіе помянутыхъ лѣтописей совершенно уничтожаетъ правдивость преданія о томъ, что Псковъ основанъ Ольгою въ X в., во время ея путешествія по сѣвернымъ ея владѣніямъ.

1062) См. во 2-мъ приложеніи 1242 и 1266 гг.
1063) П. С. Р. Л. IV, 173—174.
1064) Ibid. I, 12.
1065) Ibid. I, 25.

Положеніе Пскова, какъ и другаго новгородскаго пригорода Изборска, на западной границѣ владѣній, принадлежавшихъ новгородскимъ славянамъ, заставляетъ смотрѣть на эти пригороды, какъ на славянскіе, такъ сказать, форпосты, необходимо являвшіеся при колонизаціонномъ ли, или при стратегическомъ движеніи новгородскихъ славянъ въ земли чуди и литовскихъ племенъ. На важное значеніе этихъ форпостовъ указываетъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что изъ троихъ братьевъ-князей, призванныхъ княжить на Руси, одинъ поселяется въ Изборскѣ, не подалеку отъ Пскова.

Былъ ли Псковъ въ какой-либо административной связи съ Новгородомъ, когда въ Изборскѣ сидѣлъ Труворъ, мы не знаемъ; но по кончинѣ послѣдняго онъ, естественно, долженъ былъ находиться въ тѣсной связи съ нимъ. По смерти младшихъ братьевъ-князей, права и обязанности ихъ, естественно, переходили къ оставшемуся въ живыхъ князю, который, какъ извѣстно, и сажалъ по городамъ мужей своихъ. По всей вѣроятности и въ Псковѣ сидѣлъ княжъ мужъ при Рюрикѣ, по смерти братьевъ этого послѣдняго, и вообще при первыхъ князьяхъ, а съ пріобрѣтеніемъ Новгородомъ самостоятельности, Псковъ становился пригородомъ его, каковымъ онъ явно выступаетъ уже въ XII в. Добившись автономіи, Новгородъ становится какъ бы обладателемъ тѣхъ прерогативъ, которыя принадлежали прежде одному лицу; а такъ какъ въ числѣ этихъ прерогативъ была и власть надъ Псковомъ, то, естественно, эта послѣдняя должна была перейдти къ тому, кто воспользуется прерогативами князя.

Но въ числѣ другихъ пригородовъ Псковъ по отношенію къ Новгороду занималъ исключительное положеніе, болѣе исключительное, чѣмъ въ какомъ были Ладога, а потомъ Торжокъ. Такъ, псковичи и ладожане были приглашаемы Новгородомъ на вѣче: «новгородьци призваша пльсковичѣ и ладожаны, и сдумаша, яко изгонити князя своего Всеволода»[1066]); псковичи помогаютъ Новгороду въ его войнахъ, и наоборотъ; не спрашиваясь Новгорода, принимаютъ и изгоняютъ князей, состоя въ тоже время съ Новгородомъ, по обстоятельствамъ, въ мирныхъ или враждебныхъ отношеніяхъ; принимаютъ участіе въ борьбѣ новгородскихъ партій, и даютъ перевѣсъ которой-нибудь изъ борющихся сторонъ, являясь, такимъ образомъ, какъ бы гражданами самаго Новгорода; принимаютъ къ себѣ князя отъ руки князя новгородскаго и считаютъ правымъ дѣломъ своимъ изгнать его; не допускаютъ новгородскаго князя къ себѣ, когда замѣчаютъ со стороны его покушеніе на свободу гражданъ; заключаютъ, по-мимо Новгорода

1066) Ibid. III, 7. Въ 1136 г.

и новгородскаго князя, оборонительные и наступательные союзы и т. п.; доходятъ, наконецъ, до такого положенія, которое считаютъ удовлетворительнымъ для своего политическаго самолюбія, такъ какъ это положеніе можно было назвать автономнымъ, и стремятся уже къ автономіи церковной (при кн. Александрѣ тверскомъ). Все сказанное подтвердится фактами, на которые будетъ указано при краткомъ изложеніи исторіи Пскова до половины XIV в.

Причины такого исключительнаго положенія Пскова по отношенію къ Новгороду видятъ[1067]) въ матеріальномъ усиленіи его, во-первыхъ отъ торговли и, во-вторыхъ, отъ того, что въ Псковъ уходили изъ Новгорода недовольные чѣмъ-либо въ партійной борьбѣ, усиливались здѣсь и вмѣстѣ съ псковичами шли на Новгородъ. Примѣры такихъ явленій, дѣйствительно, есть, и граждане Пскова, въ самомъ дѣлѣ, были какъ бы согражданами новгородцевъ, были, по отношенію къ Новгороду, какъ бы тѣмъ же, чѣмъ часто бывали въ самомъ Новгородѣ одна сторона его къ другой, Софійская къ Торговой. По тому-то мы и видимъ въ пригородѣ Псковѣ весьма раннія попытки къ самостоятельности[1068]). Причины эти, конечно, причины весьма существенныя, но, кажется, не единственныя: при первыхъ же попыткахъ Пскова къ пріобрѣтенію самостоятельности, Новгородъ могъ бы, такъ сказать, раздавить его,—но почему же онъ не сдѣлалъ этого?

Новгородъ, нѣтъ сомнѣнія, былъ несравненно сильнѣе Пскова. Однако при неопредѣленности административнаго устройства, которая давала возможность всякому проходимцу изъ пустяковъ, изъ личныхъ корыстныхъ цѣлей поднять на ноги всѣхъ новгородцевъ, замутить воду и ловить въ ней рыбу, — при такомъ устройствѣ Новгородъ могъ быть по временамъ безсильнѣе даже Пскова, гдѣ, какъ въ пригородѣ, дѣла должны были идти согласнѣе, плавнѣе. Но главная причина легкаго, повидимому, отношенія Новгорода къ попыткамъ Пскова сдѣлаться самостоятельнымъ, заключается въ томъ, что Новгородъ, безъ поддержки главныхъ пригородовъ, и особенно болѣе другихъ сильнаго Пскова, противъ окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ враговъ, совершенно потерялъ бы свое значеніе центра сѣвернаго славянства, а затѣмъ и значенія торговаго. Припомнимъ слѣдующій фактъ. Въ концѣ XII в. въ Новгородѣ сидѣлъ Ярославъ Владиміровичъ, который одного изъ своихъ сыновей, Изяслава—Михаила († 1198), посадилъ въ Великихъ Лукахъ, и для чего? — Чтобъ онъ былъ «отъ Литвы *оплечьемъ* Новугороду»[1069]). *Оплечье*, стража на границѣ съ вражеской землей — это са-

---

1067) К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: «Русск. Ист.» I, 364.
1068) Были и нравственныя причины возвышенія Пскова, о чемъ см. прим. 1081.
1069) См. стр. 330, годъ 1198.

мый существенный интересъ такого города, какъ Новгородъ, который желалъ быть первенствующимъ въ землѣ и стремился упрочить свое благосостояніе посредствомъ торговли. Какъ же иначе онъ долженъ былъ бы относиться къ своимъ *оплечьямъ*, по крайней мѣрѣ — главнымъ, какъ не поблажать имъ до нѣкоторой степени? Вотъ тутъ-то и есть, какъ намъ кажется, причина того сумбура въ отношеніяхъ Новгорода и Пскова, тѣхъ какъ бы независимыхъ и въ то же время зависимыхъ отношеній Пскова къ Новгороду, слѣды которыхъ явно проходятъ чрезъ всю начальную исторію Пскова до половины XIV вѣка. Припомнимъ, при этомъ, что Псковъ и получилъ-то автономію именно по поводу нужды въ немъ, какая представилась, въ **1348 г.**, Новгороду въ борьбѣ его со шведами.

Что касается состоянія и дѣленія самаго города въ древнее время, то относительно этого предмета до насъ дошли нѣкоторыя, хотя и отрывочныя, извѣстія. Центръ города, какъ и въ другихъ древнихъ городахъ, назывался Дѣтинцемъ; первоначальныя укрѣпленія его были деревянныя, и только кн. Довмонтъ обвелъ его каменною стѣною, которая и называлась, да и теперь остатки ея называются *Довмонтовою стѣною*; онъ находится на мысу, образуемомъ правымъ берегомъ рѣки Великой и лѣвымъ—рѣчки Псковы; внутри его была церковь св. Троицы, основанная св. кн. Всеволодомъ — Гавріиломъ. При расширеніи города за Дѣтинцемъ образовалась новая часть его, которая носила названіе *Крома* или *Кремля*; въ этой части, между прочимъ, находилось торговище; она также обнесена была стѣной и носила названіе, по отношенію къ Дѣтинцу, *Застѣнья* или *Средняго города*—по отношенію къ Дѣтинцу и дальнѣйшему приращенію города. Къ Среднему городу примкнулъ впослѣдствіи посадъ Полонище, который также вошелъ въ составъ города и въ **1465 году** также обнесенъ былъ стѣною. Запсковье, о которомъ мы уже говорили выше, въ XV в. было окружено деревянною стѣною, которая замѣнена была впослѣдствіи каменною. Поселеніе на лѣвой сторонѣ р. Великой уже въ XIII в. извѣстно было подъ именемъ *Завеличья* и было впослѣдствіи средоточіемъ иноземной торговли. — Подобно Новгороду Псковъ дѣлился также на концы, изъ которыхъ намъ извѣстны только шесть (можетъ быть, ихъ только и было шесть): Торговый, Городской, Больвинскій, Опоцкій, Острый и на Запсковьи Богоявленскій. Въ лѣтописи [1070]) относительно концовъ, между прочимъ, находится слѣдующее извѣстіе подъ **1468 г.**: «Весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили». Такимъ образомъ, говоритъ К. Н. Бестужевъ-

1070) П. С. Р. Л. IV, 231.

Рюмин[1071]), концы въ Псковѣ составляли свои особыя общины и имѣли отношенія къ землѣ, неизвѣстныя въ Новгородѣ; они не были простыми административными единицами, а, какъ сказано, составляли общины, изъ соединенія которыхъ слагался городъ. Концы эти имѣли свое управленіе, своихъ выборныхъ старостъ; кончанскіе бояре, купцы и черные люди, какъ и въ Новгородѣ, принимали дѣятельное участіе въ дѣлахъ Псковской земли. Концы, въ свою очередь, дѣлились на улицы, которыя также составляли свои общины; уличане носятъ названіе сосѣдей[1072]). У Пскова, какъ и у Новгорода, были свои пригороды, но ни откуда не видно, чтобы они имѣли такое же политическое значеніе, какъ пригороды новгородскіе. Слѣдующее лѣтописное извѣстіе лучше всего характеризуетъ отношенія пригородовъ къ Пскову: «Псковъ успалився испродалъ (подвергъ наказанію, пени) Опочанъ, а взялъ 100 рублевъ, да дали князю Ярославу, что они повѣсили татя коневого, а безъ псковского повелѣнія». Слѣдовательно, пригороды, въ важныхъ дѣлахъ, должны были обращаться къ Пскову[1073]). Сословія въ Псковской землѣ встрѣчаемъ тѣ же, что и въ землѣ Новгородской; это — бояре, купцы, земцы, получившіе землю въ кормленіе съ обязанностью службы; сельское населеніе носило названіе смердовъ, обязанныхъ князю и Пскову данью и работами[1074]).

Но обратимся къ краткому изложенію исторіи Пскова до **1348 г.**, когда онъ сдѣлался автономнымъ и сталъ называться младшимъ братомъ Господина Великаго Новгорода.

Владѣя Новгородомъ, Владиміръ Святославичъ, естественно, владѣлъ и Псковомъ, какъ пригородомъ Новгорода. Но послѣ Владиміра, когда великимъ княземъ кіевскимъ былъ сынъ его Ярославъ[1075]), въ Псковѣ сидѣлъ младшій изъ братьевъ послѣдняго, Судиславъ. Лѣтопись[1076]) сохранила извѣстіе, что Ярославъ, въ **1036 г.**, по какой-то клеветѣ на Судислава, посадилъ послѣдняго *въ Псковѣ* въ темницу, въ которой онъ сидѣлъ до **1059 г.** Въ этомъ послѣднемъ году племянники Судислава,—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ Ярославичи, — освободивъ его изъ поруба, «заводиша его къ ротѣ» (присяга), и тотъ цѣловалъ крестъ, но на чемъ, неизвѣстно, хотя можно предполагать, что съ него брали клятву въ томъ, что онъ не будетъ

1071) «Русск. Ист.» I, 367.

1072) П. С. Р. Л. IV, 207; V, 42.

1073) См. К. Н. Бестужева-Рюмина: «Русск. Ист.» I, 368—369.

1074) Ibid. V, 45.

1075) Кромѣ приведенныхъ въ началѣ этого приложенія извѣстій о Псковѣ, послѣднiй до Ярослава, можно сказать, вовсе не упоминается въ лѣтописяхъ.

1076) П. С. Р. Л. IV.

домогаться великокняжескаго стола[1077]) . . . Въ слѣдующемъ году мы видимъ псковичей въ походѣ вмѣстѣ съ новгородцами: Изяславъ Ярославичъ, занимавшій Новгородъ послѣ брата своего Владиміра, а съ **1054 г.** занявшій Кіевскій великокняжескій столъ, въ **1060 г.** ходилъ на ссоловъ или сосоловъ[1078]) и возложилъ на нихъ дань въ 2000 гривенъ; тѣ обязались платить, но, изгнавъ сборщиковъ податей, повоевавъ Юрьевъ, пошли, пустоша страну, по направленію къ Пскову; противъ сосоловъ выступили псковичи и новгородцы; въ битвѣ русскихъ пало 1000, а сосолъ — безъ числа[1079]). — Въ **1136** или **1137 г.** новгородцы, пригласивъ къ себѣ на вѣче псковичей и ладожанъ, постановили изгнать отъ себя кн. Всеволода Мстиславича, изъ-за котораго потомъ возгорѣлась вражда между Псковомъ и Новгородомъ, едва не дошедшая до кровопролитія. Здѣсь, очевидно, какъ въ Новгородѣ, такъ и въ Псковѣ шла борьба между двумя партіями, такъ какъ мы видимъ, что въ **1137 г.** въ Вышгородъ (кіевскій, который получилъ Всеволодъ отъ великаго князя) приходятъ изъ Новгорода посадникъ Константинъ Микульчичъ (Микулиничъ) и другія лица, а также новгородскіе и псковскіе *пріятели* Всеволода, и приглашаютъ послѣдняго на княженіе. Всеволодъ въ томъ же году пріѣхалъ въ Псковъ и съ честью посаженъ былъ на псковскомъ столѣ. Вѣсть о пріѣздѣ Всеволода произвела въ Новгородѣ мятежъ, и изъ послѣдняго многіе бѣжали къ князю въ Псковъ[1080]). Очевидно, тутъ была борьба партійная, и если Псковъ принялъ къ себѣ князя, то это значитъ только, что верхъ взяла та новгородская партія, которая желала этого князя и которая успѣла притянуть на свою сторону Псковъ.

По смерти Всеволода (11-го февраля 1138 г.), причисленнаго къ лику святыхъ[1081]), псковитяне «яшася» по брата его Святополка, котораго

1077) Ibid. I, 70; II, 269; IV, 176; V, 139; VII, 333.

1078) Карамзинъ (II, прим. 114) говоритъ, что въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ къ этому слову прибавлено: *колыванцы*, т. е. жители Колывани или Ревеля.

1079) П. С. Р. Л. IV, 176; V, 140; VII, 333.

1080) Ibid. III, 7; IV, 5—6; V, 157—158; VII, 31—во всѣхъ подъ 1137; I, 133; II, 14; IV, 176; V, 8—во всѣхъ подъ 1138 годомъ. По двумъ послѣднимъ изъ указанныхъ лѣтописей въ Вышгородъ пріѣзжаютъ и приглашаютъ къ себѣ на княженіе только псковичи.

1081) Въ исторіи этой борьбы Пскова съ Новгородомъ или, лучше, по поводу этой борьбы изъ-за кн. Всеволода весьма рельефно высказался мѣстный псковскій патріотизмъ. Мощи Всеволода, почившіяся первоначально на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи поставлена была церковь во имя Димитрія Селунскаго, прославились чудесами и спустя 55-ть лѣтъ по кончинѣ князя, т. е. въ 1193 г. перенесены были въ основанную имъ соборную церковь св. Троицы. Въ житіи князя говорится, что новгородцы, узнавъ о кончинѣ его, велѣли своему протопопу, именемъ Полюду, взять мощи Всеволода; но рака святаго была неподвижна, и только одинъ ноготь отъ руки его привезенъ былъ въ Новгородъ (см. Прологъ подъ 11-мъ Февраля и 7-мъ ноября и Степ. кн. I, 254—264). Само собой разумѣется, что псковичи гор-

не хотѣли имѣть у себя новгородцы, но котораго, въ **1139 г.**, сами же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, просили у великаго князя Всеволода Олеговича; послѣдній, однако, не отпустилъ въ Новгородъ ни Святополка, ни брата его Изяслава, давъ имъ Берестье. Но при перемѣнѣ обстоятельствъ, года черезъ два, онъ все-таки отпустилъ Святополка въ Новгородъ [1082]).

И такъ, желаніе быть самостоятельнымъ въ Псковѣ высказывалось сильно въ XII в.; но оно, повидимому, не предполагало разрыва съ Новгородомъ. Мы видимъ, что въ XII в. Псковъ дѣйствуетъ часто рука объ руку съ Новгородомъ: такъ, псковичи помогаютъ Роману Мстиславичу [1083]), когда Андрей Боголюбскій озлобился на Новгородъ и въ **1168 г.** ходилъ на него съ полочанами. Въ **1177 г.** въ Новгородѣ во второй разъ сѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ [1084]), а въ Псковѣ въ то же время мы видимъ какого-то племянника его Бориса, котораго не всѣ тамъ желали. Въ **1178 г.** Мстиславъ Ростиславичъ съ успѣхомъ ходилъ на Чудскую землю; на обратномъ пути онъ зашелъ въ Псковъ «и изойма сотьскѣи про Бориса сыновця своего, зане не хотяхуть сыновца его Бориса; и тако утвердивъ съ людьми, и иде оттуду Новугороду» [1085]). Въ самомъ концѣ XII в. псковичи, также совмѣстно съ новгородцами, дѣйствуютъ противъ западныхъ сосѣдей: въ **1190 г.** они отразили напоръ поморской чуди, въ **1191 г.** съ новгородцами и княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ ходили также на чудь, при чемъ взятъ былъ Юрьевъ; въ **1192 г.** самъ Ярославъ приходилъ въ Псковъ, откуда отпускалъ дворъ свой съ псковичами опять на чудь, при чемъ взята была Медвѣжья Голова (Оденпе) [1086]); въ **1198 г.** псковичи принимаютъ участіе въ походѣ Ярослава Владиміровича на Полоцкъ [1087]).

Въ XIII в. мы также видимъ во Псковѣ особыхъ князей, но и эти князья опять были подъ рукой Новгорода. Въ исходѣ XII в. въ Новгородѣ

дились такой святыней, которой оказался недостойнымъ самый Новгородъ. Это обстоятельство возвышало духъ псковичей, возвышало ихъ въ ихъ же собственномъ сознаніи. Впослѣдствіи, въ черныя годины, какъ сами псковичи, такъ и князья ихъ прибѣгаютъ къ заступничеству св. князя, приписываютъ его молитвамъ предъ престоломъ Всевышняго избавленіе отъ враговъ и побѣды надъ ними и т. п. То же самое нужно сказать и о св. Довмонтѣ (Тимоѳеѣ). Точно также должно было ободрять и возвышать духъ псковичей и сознаніе того, что св. Ольга родомъ была изъ Пскова. Въ стремленіяхъ Пскова къ самостоятельности эти нравственныя причины возвышенія духа псковичей должны были играть не послѣднюю роль.

1082) П. С. Р. Л. III, 8; IV, 6; V, 158; VII, 31. См. стр. 316—317.

1083) См. стр. 322.

1084) См. стр. 326.

1085) П. С. Р. Л. II, 120.

1086) Ibid. III, 20. См. стр. 328—329.

1087) См. стр. 330.

взяла перевѣсъ партія суздальская, и мы видимъ тамъ дѣтей Всеволода III-го Юрьевича, Константина и Святослава. Но въ **1209 г.** новгородцы приняли къ себѣ Мстислава Мстиславича Удалаго, и въ Псковѣ мы видимъ брата его, Владиміра, котораго въ **1211 г.** Мстиславъ Мстиславовичъ перевелъ въ Великіе Луки, а въ **1213 г.** мы опять видимъ его во Псковѣ, откуда его въ названномъ году выгнали за дружбу его съ нѣмцами [1088]). Въ слѣдующемъ **1214 г.** въ Псковѣ мы видимъ Всеволода Мстиславича (въ этомъ году онъ ходилъ съ Мстиславомъ новгородскимъ на чудь), сына Мстислава—Бориса Романовича, а потомъ Владимірова сына Ярослава, который также ушелъ вскорѣ къ рыцарямъ въ Ливонію, но и тамъ не оставлялъ своихъ притязаній на Псковъ, раздавая на словахъ псковскія земли [1089]). Изгнанный Владиміръ ушелъ къ полоцкому князю, но, не находя здѣсь защиты, уѣхалъ въ Ливонію и тамъ получилъ фогтство, управлялъ какою-то Идумейскою областью, лежащею между Ригой и Венденомъ. Онъ даже женился (значитъ, во второй разъ) на нѣмкѣ, на племянницѣ рижскаго епископа Альбрехта. Но вскорѣ и изъ Ливоніи Владиміра прогнали будьто бы за то, что его корыстолюбіе было противно нѣмцамъ, а на самомъ дѣлѣ за то, что онъ смущалъ новообращенныхъ въ латинство [1090]). Послѣ **1215 г.** мы видимъ Владиміра опять въ Псковѣ: въ **1216 г.** онъ принималъ участіе въ войнѣ брата своего Мстислава съ Ярославомъ II-мъ Всеволодовичемъ. Во время этой войны онъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ ходилъ на помощь къ городцу Ржевкѣ, который осажденъ былъ Святославомъ Всеволодовичемъ, взялъ и сжегъ городъ Кснятинъ, повоевалъ все Поволжье, участвовалъ въ Липицкомъ бою, вмѣстѣ съ другими преслѣдовалъ в. кн. владимірскаго Юрія Всеволодовича до самаго Владиміра и, «побѣдивше силніи полкы и веземше свою честь и славу», возвратился въ Псковъ [1091]). Въ слѣдующемъ **1217 г.** онъ ходилъ съ новгородцами къ Медвѣжьей Головѣ, а въ **1226 г.** участвовалъ въ битвѣ Ярослава Всеволодовича съ литовцами подъ Усвятомъ [1092]). Вскорѣ послѣ этого онъ, какъ полагаетъ Карамзинъ, скончался.

Съ утвержденіемъ въ Новгородѣ Ярослава Всеволодовича, человѣка крутаго и энергичнаго, Псковъ, по-видимому, долженъ былъ потерять вся-

---

1088) П. С. Р. Л. III, 32; IV, 20, 117.

1089) Ibid. III, 32; К. Н. Бестужева-Рюмина «Русск. Ист.» I, 365. По уходѣ Владиміра въ 1213 г. на Псковъ напала литва и пожгла его, потому что, говоритъ лѣтопись, тогда псковичи прогнали кн. Владиміра, а сами были на озерѣ.

1090) Эти извѣстія находятся въ Хроникѣ Генриха Латыша. См. К. Н. Бестужева-Рюмина «Р. Ист.» I, 36 и «Моногр.» Н. И. Костомарова VII, 258—259 (старое изданіе).

1091) П. С. Р. Л. I, 211—215; III, 34—35; IV, 21, 23—24, 26; VII, 120—122, 124.

1092) Ibid. I, 219; III, 35, 42; IV, 28, 177.

кое проявленіе своихъ стремленій къ самостоятельности. На дѣлѣ, однако, вышло не такъ: энергія съ одной стороны вызывала энергію съ другой. Въ 1228 г. новгородцы ходили на Емь. Но еще до этого похода Ярославъ съ посадникомъ Иванкомъ и тысяцкимъ Вячеславомъ пошелъ въ Псковъ; услышавъ объ этомъ, псковичи затворились въ городѣ и не пустили къ себѣ князя. Постоявъ на Дубровнѣ, Ярославъ возвратился въ Новгородъ. «Промъкла бо ся вѣсть бяше си въ Пльскове, замѣчаетъ лѣтописецъ, яко везеть (Ярославъ) оковы, хотя ковати вяцьшее мужи». Прибывъ въ Новгородъ, Ярославъ собралъ вѣче на владычнемъ дворѣ и такую рѣчь держалъ къ новгородцамъ: «не мыслилъ есмь до псковичь груба ничего жъ; нъ везлъ есмь былъ въ коробьяхъ дары: паволокы и овощь, а они мя обьсчьствовали,—и положи на нихъ жалобу велику». Псковичи, однако, не вѣрили по чему-то въ дары Ярослава и приняли предосторожности.... Ярославъ, положивъ на псковичей «жалобу велику», привелъ въ Новгородъ изъ Переяславля полки свои, говоря, что хочетъ идти на Ригу. Какъ только вѣсть объ этомъ дошла до Пскова, граждане послѣдняго заключили наступательный и оборонительный союзъ съ нѣмцами: Псковъ обязывался помогать нѣмцамъ противъ усилившейся тогда Литвы, которая дѣлала набѣги какъ на владѣнія ливонцевъ, такъ и на Псковскую землю; съ своей стороны нѣмцы обязывались помогать Пскову противъ Новгорода. И такъ, Ярославъ Всеволодовичъ привелъ въ Новгородъ переяславскіе полки. «Князь зоветъ насъ на Ригу, а идти хочетъ на Псковъ», говорили новгородцы. Въ то же время Ярославъ послалъ во Псковъ какого-то Мишу съ такимъ предложеніемъ: «поидите со мною на путь, а зла до васъ есмь не мыслилъ никотораго же, а тѣхъ ми выдаите, кто мя обадилъ къ вамъ».—«Тобѣ ся, княже,—отвѣчали псковичи,—кланяемъ и братьи новгородьцемъ; на путь не идемъ, а братьи своеи не выдаемъ, а съ рижаны есме миръ взяли. Къ Колываню есте ходивъше, серебро поимали, а сами поидосте въ Новъгородъ, а правды не сотвористе, города не взясте, а у Кеси такоже, а у Медвѣжѣ Головѣ такоже, а за то нашю братью избиша на озерѣ, а инии поведени; а вы роздравше та, прочь; или есте на насъ удумали? тъ мы противу васъ съ святою Богородицею и съ поклономъ, то вы луче насъ изсѣчите, а жены и дѣти поемлѣте собѣ, а не луче поганіи, тъ вамъ ся кланяемъ». Новгородцы, съ своей стороны, заявили князю, что безъ своей братьи, псковичей, и они не пойдутъ. Князь всѣми мѣрами старался поднять новгородцевъ, но послѣдніе стояли на своемъ. Между тѣмъ псковичи привели нѣмцевъ, чудь, лотыголу и ливь, но теперь должны были отпустить ихъ, а тѣхъ, «кто ималъ придатъкъ (дары) у Ярослава», выгнали изъ Пскова: «поидите по князи своемъ, намъ есте не братья», сказали этимъ мздоимцамъ псковичи.

Ярославъ, не успѣвши въ своихъ намѣреніяхъ, удалился въ Переяславль[1093]).

Въ **1232 г.** псковичи помирились съ Ярославомъ и взяли отъ него въ князья къ себѣ сына Мстислава Мстиславича Удалаго, Юрія Мстиславича[1094]). Однако партіи не умолкали въ Псковѣ, и въ **1240** нѣкто Твердило измѣной отдалъ Псковъ нѣмцамъ, которые завели въ немъ свое управленіе; однимъ изъ правителей былъ и этотъ Твердило. Но въ **1242 г.** Александръ Ярославичъ освободилъ Псковъ[1095]), и съ этого времени до **1266 г.**, т. е. до кн. Довмонта, въ Псковѣ были, такъ сказать, только случайные князья: въ **1255 г.** въ Псковѣ засѣлъ бѣжавшій изъ Твери кн. Ярославъ Ярославичъ[1096]), по его вскорѣ перетянули въ Новгородъ; затѣмъ, опять случайно, въ **1257 г.** въ Псковъ бѣжалъ изъ Новгорода сынъ Александра Невскаго, Василій[1097]), а въ **1266 г.**, когда Новгородъ опять принялъ къ себѣ князя тверскаго Ярослава Ярославича уже въ качествѣ великаго князя владимірскаго, въ Псковѣ посаженъ былъ сынъ послѣдняго, Святославъ. Въ томъ же **1266 г.** въ Псковъ прибѣжалъ изъ Литвы, вслѣдствіе происходившихъ въ послѣдней междукняжескихъ усобицъ, князь Довмонтъ со всѣмъ своимъ родомъ; онъ принятъ былъ съ честью, крещенъ (съ именемъ Тимоѳея) въ соборной церкви св. Троицы и посаженъ на псковскомъ столѣ[1098]). Количество воинскихъ подвиговъ Довмонта хотя и не соотвѣтствуетъ продолжительности его княженія (онъ княжилъ до **1299 г.**), тѣмъ не менѣе эти немногіе подвиги были истинно-геройскими. Уже въ годъ прибытія во Псковъ Довмонтъ ходилъ съ псковичами на Литву и возвратился съ побѣдой[1099]). Вѣроятно, любовь, съ какой псковичи приняли Довмонта, была причиной того, что Ярославъ Ярославичъ хотѣлъ идти ратью на новаго псковскаго князя, совмѣстника его сына, и только несогласіе на то новгородцевъ удержало великаго князя отъ исполненія имъ своего желанія[1100]). Въ **1267 г.** Довмонтъ съ псковичами и новгородцами опять ходилъ на Литву; ходилъ, изъ Новгорода, вмѣстѣ съ другими русскими князьями на ливонскихъ нѣмцевъ, участвовалъ въ битвѣ при р. Кеголѣ[1101]), а въ слѣдующемъ **1268 г.**

1093) Ibid. III, 42—43.

1094) См. во 2-мъ приложеніи 1232—1233 годы.

1095) П. С. Р. Л. V, 180; VII, 149—150.

1096) См. соотвѣтственное мѣсто въ его біографіи, во II-мъ томѣ.

1097) См. стр. 285—286.

1098) П. С. Р. Л. III, 58; IV, 40, 180; V, 10, 192; VII, 165—166, 254. По однѣмъ изъ указанныхъ лѣтописей все происходило въ 1265, по другимъ—въ 1266 г.

1099) Ibid. III, 58—59; IV, 40, 180—181; V, 192—193; VII, 166.

1100) Ibid. III, 59; V, 193; VII, 167.

1101) Ibid. III, 59; IV, 41, 181; V, 10, 194—195; VII, 167—168. Хронологія разнится въ разныхъ лѣтописяхъ на одинъ годъ.

«прошедъ горы непроходимыя и Вируянъ плѣни и до моря и повоева поморіе», возвратился въ Псковъ съ многочисленнымъ полономъ [1102]). Въ **1271 г.** нѣмцы тайно пришли въ Псковскую область и взяли нѣсколько селъ, — Довмонтъ выступилъ и разбилъ ихъ на р. Мироповнѣ [1103]), а въ слѣдующемъ **1272 г.** нѣмцамъ опять пришлось испробовать тяжелый мечъ Довмонта. Рижскій магистръ («местеръ»), говоритъ лѣтописецъ, узнавъ о мужествѣ и храбрости Довмонта, задумалъ плѣнить домъ св. Троицы (т. е. Псковъ), а псковичей избить; Довмонтъ, когда до него дошелъ объ этомъ слухъ, приходитъ въ Троицкій соборъ, кладетъ мечъ свой [1104]) предъ алтаремъ и со слезами молится; игуменъ Исидоръ, со всѣмъ іерейскимъ чиномъ, беретъ мечъ, препоясываетъ имъ князя и благословляетъ на борьбу. Тогда Довмонтъ, исполнясь «ярости мужества», не дождавшись даже большаго новгородскаго полка, вышелъ противъ враговъ только съ наличными воинами, разбилъ нѣмецкіе полки, самого «местера» ранилъ «по лицу», сжегъ чудскія селенія и возвратился въ Псковъ съ большимъ полономъ [1105]). Если въ данномъ случаѣ и можно чувствовать въ лѣтописцѣ нѣкоторый духъ мѣстнаго патріотизма, то можно и то вывести изъ его извѣстій, что онъ не былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, и если писалъ о данномъ фактѣ съ нѣкоторой восторженностью, то были же какія-нибудь причины этого... Но докончимъ передачу извѣстій о Довмонтѣ: въ **1281 г.** онъ ратовалъ за тестя своего, в. кн. Димитрія Александровича [1106]), а въ **1299 г.** совершилъ послѣдній подвигъ въ своей жизни — разбилъ напавшихъ на Псковъ нѣмцевъ, изъ которыхъ многіе взяты были имъ въ плѣнъ и отправлены во Владиміръ къ великому князю [1107]). Въ томъ же году Довмонтъ скончался [1108]).

Послѣ Довмонта мы видимъ въ Псковѣ какого-то литовскаго князя Давыдка, котораго нѣкоторые изъ нашихъ историковъ, едва ли справедливо, считаютъ сыномъ Довмонта. Благоговѣніе, съ которымъ псковичи относились къ Довмонту до, а тѣмъ болѣе — по смерти его, не позволило бы лѣтописцу говорить неопредѣленно о Давыдкѣ, какъ о сынѣ, можно сказать,

---

1102) Ibid. IV, 41, 181—182; V, 195; VII, 168.

1103) Ibid. IV, 42, 182; V, 10 (подъ 1167 г.), 197; VII, 171.

1104) З. Доленга-Ходаковскій приписываетъ мечъ, висящій надъ гробницей св. кн. Всеволода-Гавріила, не этому послѣднему, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, а Довмонту. Сказать объ этомъ можно только одно: конечно, напись на мечѣ *Honorem meum nemini dabo* прилична скорѣе подвигамъ Довмонта, чѣмъ Всеволода, но кто можетъ рѣшить, что эта напись сдѣлана не *до*, а *послѣ* подвиговъ владѣльца меча?

1105) П. С. Р. Л. IV, 42, 182; V, 198; VII, 171.

1106) См. стр. 48.

1107) П. С. Р. Л. III, 66 (подъ 1298 г.); IV, 45—46, 180, 182—183; V, 11, 203; VII, 182.

1108) Ibid. III, 67, 130; IV, 46, 181, 183; V, 11, 203; VII, 182.

обожавшагося въ Псковѣ князя. Во всякомъ случаѣ объ этомъ Давыдкѣ или Давидѣ мы знаемъ изъ лѣтописей только то, что въ **1322 г.** онъ былъ во Псковѣ[1109]), что въ **1323 г.** (значитъ, успѣлъ уйдти въ Литву) псковичи посылали къ нему съ приглашеніемъ прибыть во Псковъ. Кн. Давидъ въ томъ же году пріѣхалъ и ходилъ съ псковичами въ Нѣмецкую землю до Колываня[1110]). Болѣе объ этомъ князѣ лѣтописи ничего не говорятъ. Затѣмъ въ Псковѣ два раза сидѣлъ тверской князь Александръ Михаиловичъ, при которомъ псковичи сдѣлали въ **1331 г.** неудачную попытку обособиться отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи. Александръ, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ сыномъ его Ѳедоромъ былъ убитъ въ ордѣ въ **1339 г.**[1111]). Вскорѣ потомъ мы видимъ въ Псковѣ кн. Александра Всеволодовича. Въ **1341 г.** сентября 9-го нѣмцы убили въ Лотыголѣ, въ селѣ Опочнѣ, во время мира, пятерыхъ псковскихъ пословъ, вслѣдствіе чего псковичи пошли и 21-го декабря повоевали Лотыголу, въ то время, какъ въ Псковѣ на княженіи сидѣлъ кн. Александръ Всеволодовичъ[1112]). Этотъ князь, «учинивъ розратье съ нѣмци», разгнѣвался на псковичей и бѣжалъ изъ Пскова. Псковичи поѣхали за нимъ съ поклономъ, посылали къ нему пословъ въ Новгородъ также съ поклономъ, что бъ возвратился, но князь «отречеся псковичемъ». Тогда псковичи не одинъ разъ кланялись и новгородцамъ, чтобы дали имъ намѣстника и оказали помощь въ борьбѣ ихъ съ нѣмцами, — но ни того, ни другаго новгородцы не сдѣлали для псковичей. А между тѣмъ зимой нѣмцы пришли въ большомъ количествѣ и поставили Новый городокъ на р. Пижвѣ, на псковской землѣ. Но и псковичи, въ то время какъ нѣмцы ставили городокъ, ходили въ небольшомъ количествѣ за Нарову и взяли посадъ у Ругодива. Однако безъ князя псковичи не хотѣли оставаться, и вотъ, «нагадавшеся» они отправили въ Витебскъ къ Ольгерду пословъ съ просьбой о помощи: «Братья наши новгородцы насъ повергли, говорили послы отъ имени всего Пскова, не помогають намъ; помози намъ, господине, въ се время»... Не дождавшись еще ничего положительнаго на свою просьбу отъ Ольгерда, Псковичи весной пошли съ посадникомъ Ильей въ р. Эмбахъ («Омовжу») и 2-го мая повоевали нѣмецкія села по обоимъ берегамъ этой рѣки. Въ томъ же году Филиппъ Ледовичъ и Елевѳерій Селковичъ послали къ жителямъ г. Острова спросить, не желаютъ ли они воевать Лотыголу; тѣ согласились

1109) Ibid. III, 73; V, 216; VII, 199.

1110) Ibid. V, 11, 216. До прибытія Давида и при прибытіи его во Псковѣ нѣкоторое время жилъ Юрій Даниловичъ московскій. См. стр. 68—69.

1111) См. біографію Александра тверскаго во II-мъ томѣ, а также здѣсь стр. 352, годъ 1331.

1112) П. С. Р. Л. III, 81 (подъ 1342 г.); IV, 55, 186; V, 12, 222.

и условились относительно времени и мѣста, когда и гдѣ собраться; назначили собираться «на княжи селѣ на Изгояхъ». Филиппъ и Елевѳерій въ урочное время явились на Изгои съ 60 охочими мужами, между тѣмъ какъ остальные псковичи и островичи замедлили; въ то же время и нѣмцы въ количествѣ болѣе 200 человѣкъ вышли воевать псковскія волости и встрѣтились съ псковичами на Изгояхъ іюня 5-го. Въ первой схваткѣ нѣмцы убили Филиппа Ледовича, а Елевѳерій бился съ ними отъ восхода солнца до полудня и — также палъ въ битвѣ. Утомившись псковичи отступили, и нѣмцы начали переправляться чрезъ р. Великую съ трупами павшихъ въ битвѣ, какъ подоспѣли островичи съ посадникомъ Василіемъ Анисимовичемъ и ударили на нихъ: одни были побиты, другіе утонули въ рѣкѣ. Въ томъ же мѣсяцѣ, «догадавшеся псковичи пѣшци, молодые люди», въ количествѣ пятидесяти человѣкъ, воевать Занаровье, между тѣмъ какъ, въ то же время, нѣмцы, перебравшись за Нарову, по берегу послѣдней воевали псковскія села. Встрѣтившись съ нѣмцами, псковичи побили ихъ и, забравши брошенныя ими добычу, оружіе и одежды (порты), возвратились въ Псковъ. Зимой не менѣе успѣшно дѣйствовалъ противъ нѣмцевъ псковскій посадникъ Володша Строиловичъ. Между тѣмъ Ольгердъ надумалъ отправить въ Псковъ воеводу своего, кн. Юрія Витовтовича, а 20-го іюля и самъ прибылъ въ Псковъ съ братомъ Кейстутомъ и сыномъ Андреемъ (еще не крещенымъ, но уже носившимъ христіанское, молитвенное, по лѣтописи, имя). Ольгердъ отправилъ кн. Юрія съ псковичами на границу добывать языка; Юрій, захвативъ по дорогѣ жителей Изборска, въ началѣ августа встрѣтился съ большой нѣмецкой ратью на Мекужицкомъ полѣ (у рѣчки Мекужицы); въ неравномъ бою псковичи потерпѣли значительный уронъ, и Юрій бѣжалъ въ Изборскъ, къ которому подошли и нѣмцы. Переправившись чрезъ р. Великую, Ольгердъ узналъ отъ пойманнаго языка, что подъ Изборскомъ стоитъ многочисленная нѣмецкая рать, и потому приказалъ войскамъ переплавляться чрезъ рѣку обратно въ Псковъ. Къ счастію засѣвшихъ въ Изборскѣ нѣмцы по чему-то скоро отступили. Послѣ того псковичи усиленно просили Ольгерда креститься и остаться у нихъ на княженіи, но все было напрасно. Тогда они крестили и посадили у себя на княженіи Андрея Ольгердовича въ надеждѣ, что Ольгердъ будетъ помогать имъ [1113]). Однако Андрей вскорѣ уѣхалъ въ Литву, откуда присылалъ въ Псковъ своихъ намѣстниковъ, чѣмъ, какъ увидимъ, псковичи были весьма недовольны. Въ **1343 г.** мы видимъ въ Псковѣ какого-то кн. Ивана. Въ наз-

---

1113) Ibid. III, 81 (подъ 1342 г.); IV, 56 (то же), 186—189; V, 13, 223—224 (подъ 1342 г.); VII, 208 (то же).

ванномъ году псковичи и граждане Изборска съ этимъ княземъ Иваномъ, кн. изборскимъ Евстафіемъ (можетъ быть, намѣстниками Андрея) и посадникомъ Володшей повоевали нѣмецкія села около Медвѣжьей Головы, не сходя съ коней въ продолженіи пяти дней и пяти ночей, и возвращались уже домой, какъ были настигнуты нѣмцами недалеко отъ Новаго нѣмецкаго городка (іюня 1-го); нѣмцевъ было много, и псковичи шли на бой, какъ на вѣрную смерть, прощаясь другъ съ другомъ. Однако верхъ остался за псковичами, которыхъ пало только 17 человѣкъ; болѣе погибло ихъ въ лѣсу, гдѣ они блуждали, одурѣвши отъ продолжительной безсонницы [1114]).

Андрей Ольгердовичъ, какъ выше упомянуто, посылалъ въ Псковъ намѣстниковъ, но это не нравилось псковичамъ, которые потому и не хотѣли повиноваться имъ. Это раздражило Андрея, и онъ, въ **1348** году, оставилъ Псковъ. Злобу свою онъ вымѣщалъ тѣмъ, что въ Литвѣ и Полоцкой области грабилъ псковскихъ гостей и однажды разорилъ нѣсколько селъ пригорода Воронача [1115]).

Въ томъ же **1348 г.** Псковъ сдѣлался автономнымъ, о чемъ мы уже говорили выше [1116]).

Теперь перейдемъ къ погодной передачѣ лѣтописныхъ извѣстій, касающихся Пскова и его области вообще.

1349. Апрѣля 13-го Юрій Витовтовичъ пріѣхалъ въ Изборскъ на освященіе престола св. Спаса «у св. Николы на полатѣхъ», который и былъ освященъ троицкими попами 15-го апрѣля. Въ полдень къ городу подошли нѣмцы, и Юрій вышелъ противъ нихъ съ пѣшими псковичами и гражданами Изборска. Въ первой же стычкѣ Юрій былъ убитъ, и тѣло его перевезли въ Псковъ и похоронили у св. Троицы «честно и великолѣпно». — Въ томъ же году нѣмцы поставили городокъ надъ Наровою противъ псковскаго «исада» (пристани); псковичи отрядили посадника Ивана со многими людьми, которые зажгли городокъ, при чемъ часть нѣмцевъ и чуди сгорѣла, а часть была избита псковичами. — Жена Юрія съ дѣтьми уѣхала изъ Пскова въ Литву [1117]).

1350. Новгородцы выгнали изъ Новгорода въ Псковъ посадника Ѳедора, брата его Михаила и др. и домы ихъ разграбили, — а тѣ изъ Пскова уѣхали въ Копорье [1118]).

1351—1352. Въ Псковѣ и по селамъ появился моръ на людей [1119]).

1114) Ibid. III, 82; IV, 57, 189; V, 13, 224.
1115) Ibid. IV, 190; V, 14 (подъ 1349 г.).
1116) См. этотъ годъ во 2-мъ приложеніи.
1117) П. С. Р. Л. IV, 62; V, 14; см. прим. 1115.
1118) Ibid. IV, 62.
1119) Ibid. III, 58, 132; IV, 62; V, 14.

1353.—1354. Псковичи съ кн. Евстафіемъ воевали полоцкія волости [1120]).

1355. Псковичи воевали полоцкія волости [1121]).

1356.—1357. Въ Псковъ пріѣхалъ кн. Василій Будволна (Будиволна) [1122]). — Псковскіе купцы поставили деревянную церковь во имя св. Софіи «и, вторый съборъ священники учинивше, начаша держати вседенную службу» [1123]).

1358. Псковичи съ кн. Евстафіемъ ходили къ Полоцку и повоевали полоцкія волости [1124]).

1359.—1360. Въ Псковѣ былъ моръ на людей (железою). Псковичи просили владыку Алексія пріѣхать и благословить ихъ; владыка исполнилъ просьбу, и «абіе преста моръ» [1125]). Во время мора скончался кн. Евстафій и два сына его, Карпъ и Алексѣй [1126]).

1361.—1362. Пригнали нѣмцы и на миру убили нѣсколько человѣкъ (псковичей); тогда псковичи забрали нѣмецкихъ гостей, которыхъ выпустили только въ слѣдующемъ году на Воздвиженіе, взявши съ нихъ много серебра за головы убитыхъ [1127]). [Псковичи забирали нѣмецкихъ гостей, говоря: «отъимали юрьевци съ вилневици (феллинцы?) у насъ землю и воду [1128])].

1363. Въ Новгородъ пріѣзжали нѣмецкіе, юрьевскіе и велневидскіе (вельядскіе, т. е. феллинскіе?) послы «на смолву» съ псковичами; прибыли и псковичи «и повѣствовавше много поидоша прочь, а миру не докончавъ». Въ Юрьевѣ (вслѣдствіе того) задержали новгородскихъ гостей. Въ томъ же году новгородскіе послы, по боярину отъ конца, ходили въ нѣмецкій Юрьевъ «и смолвиша нѣмець съ плесковичи въ любовь», послѣ чего псковичи отпустили нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы — новгородскихъ [1129]).

1364. (Псковичи) поставили двѣ варницы «на Рухѣ» и начали варить соль; «и то не сбысться, и повергоша» [1130]).

1365. По благословенію владыки Алексія въ Псковѣ начали дѣлать

1120) и

1121) Ibid. IV, 191.

1122) Ibid. IV, 191.

1123) Ibid. IV, 191. Объ этомъ князѣ болѣе ничего неизвѣстно.

1124) Ibid. V, 14.

1125) Ibid. V, 14.

1126) Ibid. III, 87; IV, 63—64, 191; V, 15.

1127) Ibid. IV, 191; V, 15.

1128) Ibid. IV, 191; V, 15.

1129) Ibid. III, 88; V, 229.

1130) Ibid. III, 88; V, 229.

каменную церковь св. Троицы «по старой основѣ»[1131]). — Въ Псковѣ появился моръ на людей[1132]).

1366.—1367. «Не бѣша пословици псковичемъ съ новогородци». — Пришли нѣмцы къ Изборску и воевали Псковскую волость до р. Великой; переправившись чрезъ рѣку, они подошли къ Пскову, пожгли посадъ «и, много пакости подѣявши», ушли обратно; а имъ «пакости... не бѣ никоея», потому что въ городѣ не было ни князя Александра, ни посадника Леонтія (Лентія): всѣ были въ разъѣздѣ. — Псковичи прислали въ Новгородъ пословъ съ поклономъ: «Господо братіе! како печалуетеся нами, своею братьею молодшею» и пр. Въ то время въ Юрьевѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ задержали новгородскихъ гостей, а новгородцы, въ свою очередь, задержали нѣмецкихъ. Но такъ какъ у новгородцевъ съ нѣмцами еще не было «развержено крестное цѣлованіе», то новгородцы и не пошли изъ-за псковичей на Нѣмецкую землю[1133]). — Новгородцы взяли «миръ и одиначество» съ псковичами[1134]).

1368. Отъ великаго князя Димитрія въ Юрьевъ пріѣзжалъ посолъ Никита, пробылъ тамъ много дней, но «не учини ничто же на добро ни мало» и пріѣхалъ въ Псковъ. Въ-слѣдъ за нимъ 24-го сентября къ Пскову подошли нѣмцы, пожгли Запсковье и Полонище[1135]) и, простоявъ ночь, до свѣта бѣжали отъ города, въ которомъ не было ни князя Александра, ни посадниковъ, бывшихъ тогда въ разъѣздѣ по селамъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать ходила «торономъ» (= изгономъ) около Велья и по Залѣсью[1136]); за ними была погоня, но ее нѣмцы побили. Потомъ псковичи съ княземъ Александромъ пошли къ Новому городку нѣмецкому и остановились около него; а Селило Скертовскій (онъ же Щертовскій) съ своей небольшой дружиной изъ охочихъ людей отъѣхалъ «торономъ» къ Кирьепигѣ[1137]); здѣсь неожиданно появились нѣмцы и въ сшибкѣ убили Селила

1131) Ibid. V, 15.

1132) Ibid. III, 88, 229; VIII, 13. Въ Псковской второй подъ 1363 г. говорится, что «упаде верхъ церкви св. Троица, и приставиша засаду Изборскую, и выносиша камень и звукъ» (V, 15); тамъ же подъ 1364 г. говорится, что псковичи дали наймитамъ пять рублей, «они же истребиша разбивше стѣны св. Троицы, и звукъ выносиша на Великую рѣку», а въ Псковской первой говорится, что наймитамъ дали 200 рублей, но подъ 1365 г. не говорится о закладкѣ каменной церкви, за что, по Псковской второй, мастерамъ дано 400 рублей; можетъ быть, Псковская первая подъ 1364 г. говоритъ о томъ же, о чемъ вторая говоритъ подъ 1365 г.

1133) Никон. IV, 11.

1134) П. С. Р. Л. III, 89; IV, 65; V, 231; VIII, 15.

1135) Ibid. V, 231; VIII, 15.

1136) По Псковской первой нѣмцы пожгли у Пскова посадъ изъ Запсковья.

1137) По той же лѣтописи другая нѣмецкая рать была «у Велья изъ Налѣсьи». — Кирьепига — гор. Киремпе.

въ числѣ нѣсколькихъ другихъ псковичей; нѣкоторые изъ псковичей разбѣжались по лѣсу. Видя свое безсиліе, псковичи, похоронивши убитыхъ, ушли домой[1138]).

1369. Къ Изборску пришли нѣмцы «съ многыми замышленіи, съ порокы, со възграды, съ бораны», намѣреваясь разорить городъ и домъ св. Николая; они стояли у города 18 дней, «порокы шибаючи во градъ». Когда къ Изборску на помощь подошли новгородцы, нѣмцы бѣжали и «запасъ свой весь повергоша»[1139]).

1370. Къ Пскову пришли нѣмцы, стояли три дня и убили нѣсколько человѣкъ на Запсковьѣ, а Луку увели и замучили. Не сдѣлавъ ничего Пскову, они ушли[1140]). — Въ томъ же году псковичи, поднявъ новгородцевъ и собравши всю свою область, пошли къ Новому нѣмецкому городку; новгородцы, простоявъ подъ городкомъ три дня, ушли назадъ, не желая идти далѣе въ Нѣмецкую землю. Тогда псковичи одни пошли къ Кирьепигѣ (гор. Киремпе) и сожгли посадъ; одни изъ нѣмцевъ были перебиты, а нѣкоторые отъ жара задохлись въ погребахъ. Это розратье у псковичей съ нѣмцами было въ продолженіе пяти лѣтъ «про обидное мѣсто, про Жалачко» (по другой лѣт. Жолчь). Тогда же псковичи и миръ взяли съ нѣмцами[1141]).

1371. Совершена каменная церковь св. Николая у Опоки[1142]).

1372.—1373. Въ Псковѣ поставлены церкви свв. апп. Петра и Павла и св. Власія[1143]).

1374. Церковный мастеръ Кириллъ поставилъ церковь во имя своего святого, архіеп. іерусалимскаго Кирилла[1144]).

1375. При вел. кн. Димитріи, при псковскомъ князѣ Матвѣ и при посадникѣ Григоріи Евстафьевичѣ псковичи заложили четвертую стѣну, каменную, отъ р. Псковы до р. Великой, а старая стѣна была съ дубомъ и немного выше человѣческаго роста (мало узвышь мужа[1145]).

1376. — 1377. — 1378. Князь Андрей Ольгердовичъ прибѣжалъ во Псковъ, цѣловалъ крестъ, и псковичи посадили его у себя на княженіе;

1138) и

1139) П. С. Р. Л. IV, 192; V, 15. По первой изъ указанныхъ лѣтописей, кн. Александръ явился на мѣсто побоища Селилы съ нѣмцами, похоронилъ убитыхъ, собралъ разбѣжавшихся по лѣсу и возвратился домой.

1140) Ibid. III, 89 (подъ 1368 г.); IV, 192; V, 15; VIII, 16. Въ Никон. IV, 23 это извѣстіе весьма кратко отмѣчено подъ 1368 годомъ; но передъ этимъ извѣстіемъ въ ней есть еще извѣстіе о томъ, что на помощь Пскову приходилъ Владиміръ Андреевичъ (серпуховскій) и пробылъ тамъ отъ «Събора» (26-го марта?) до Петрова дня.

1141) Ibid. V, 15.

1142) Ibid. III, 89; IV, 192—193; V, 15—16, 231.

1143) Ibid. IV, 193; въ V, 16 церковь эта поставлена «на Всосѣ» (?).

1144) Ibid. IV, 193; V, 16.

1145) Ibid. V, 16.

потомъ изъ (чрезъ?) Новгорода поѣхалъ въ Москву къ великому князю, который принялъ его[1146]).

1379.—1380. Въ Чудскомъ озерѣ утонуло 24 псковскихъ ладьи[1147]).

1381.—1382. Въ Новгородъ приходилъ суздальскій владыка Діонисій отъ цареградскаго патріарха Нила съ благословеніемъ и граматами; по повелѣнію владыки Алексія онъ приходилъ и въ Псковъ, «поучаа закону божію и утвержаа правовѣрную вѣру»[1148]).

1383. Въ Псковѣ заложили три каменныхъ церкви: св. Космы и Даміана на Гремячей горѣ, св. Николая и св. Духа за стѣною[1149]).

1384. Въ Псковѣ былъ владыка Алексій[1150]).—Поставили двѣ церкви: св. Спаса у стараго костра (башня) и Воздвиженія креста Господня на княжомъ дворѣ[1151]).

1385. Поставили каменную церковь св. Ѳеодора[1152]).—Погорѣлъ весь Псковъ; Богъ соблюлъ только св. Троицу[1153]).

1386.—1387. Поставили три каменныхъ костра у новой стѣны «на приступѣ»[1154]).

1388. Заложена каменная церковь Рождества Христова въ Довмонтовой стѣнѣ[1155]).—Въ Псковѣ на мясопустной недѣлѣ, въ великое говѣнье, всю весну и въ Петрово говѣнье былъ моръ на людей (кровохарканіе и железа[1156]).

1389. Весной въ Псковѣ былъ сильный моръ на людей; но пріѣхалъ владыка Іоаннъ, и по его молитвѣ моръ прекратился[1157]).

1390. Новгородцы съ Семеномъ Ольгердовичемъ пошли на съѣздъ съ нѣмцами, но мира не взяли; затѣмъ пошли къ Пскову ратью; псковичи послали къ нимъ пословъ, Лавра, Михаила и др., которые встрѣтили новгородскую рать у Сольцы и тутъ заключили миръ: «за должникъ, и за холопъ, и за робу, и кто въ путь ходилъ на Волгу, не стояти псковичемъ, но выдати ихъ»[1158]).

1146) Ibid. IV, 193; V, 16.
1147) Ibid. III, 91; IV, 193 (подъ 1377 г.); въ Никон. IV, 82 подъ 1379 г.
1148) Ibid. V, 16.
1149) Ibid. III, 93; IV, 83.
1150) Ibid. IV, 193; V, 16.
1151) Ibid. IV, 193.
1152) Ibid. V, 16.
1153) Ibid. IV, 193; V, 16.
1154) Ibid. III, 93; IV, 91; по IV, 193 и V, 16. Псковъ погорѣлъ въ 1386 г. мая 8-го.
1155) Ibid. IV, 193; V, 16.
1156) Ibid. IV, 194; V, 17.
1157) Ibid. IV, 96; Никон. IV, 158.
1158) Ibid. III, 95; IV, 96; въ IV, 194 и V, 17 подъ 1390 г.

1391. Въ Изборскѣ новгородцы заключаютъ миръ съ нѣмцами[1159]).

1392. Въ Псковѣ поставили шесть пороковъ. — Въ Новгородъ пріѣхали нѣмецкіе послы, съ которыми новгородцы заключили миръ, «а псковичь вымирили вонъ», почему они взяли миръ особо[1160]).

1393. Псковичи заложили «перши» (?) у Крома, каменную стѣну[1161]).

1394. Окончили «перши» у Крома іюля 9-го и колокольницу поставили[1162]).—Въ томъ же мѣсяцѣ (18-го) Андрей Ольгердовичъ пріѣхалъ изъ Литвы «изъ пятвы»[1163]). — Новгородцы съ кн. Романомъ литовскимъ и кн. Константиномъ бѣлозерскимъ пришли къ Пскову ратью; въ Псковѣ были тогда кн. Андрей Ольгердовичъ и сынъ его Иванъ; «въ заѣздѣ» у новгородцевъ произошелъ бой съ псковичами, и въ этомъ бою убиты были кн. Иванъ Копорскій и Василій Өедоровичъ подъ Ольгиною горою; убили и многихъ другихъ бояръ, а иныхъ взяли живыми. Новгородцы ушли отъ Пскова въ розмирьи съ псковичами[1164]).

1395. Въ Новгородъ пріѣхалъ митрополитъ Кипріанъ; псковичи отправили къ нему пословъ съ поминкомъ, который владыка принялъ и Псковъ благословилъ. Въ Петровское заговѣнье въ Псковъ пріѣхалъ владыка полоцкій Өеодосій, бывшій въ Новгородѣ у митрополита, отъ котораго привезъ патріаршую грамату[1165]).

1396. Въ церкви Бориса и Глѣба было знаменіе: икона св. Троицы съ верхняго тябла (ярусъ иконостаса) сошла на землю; было и еще два подобныхъ же чуда[1166]).

1397. Посадникъ Ефремъ и псковичи поставили костеръ (башня) на Васильевой горкѣ. — Кн. Иванъ Андреевичъ, кн. Григорій Евстафьевичъ, посадникъ Захарій и псковичи поставили три костра «на приступной стѣнѣ»: одинъ — съ р. Великой, другой — на Лужищѣ, а третій — на углу р. Псковы. — Въ томъ же году псковичи послали въ Новгородъ кн. Григорія Евстафьевича и посадниковъ Сысоя и Романа, которые взяли съ новгородцами вѣчный миръ и цѣловали обоюдно крестъ іюня 18-го[1167]).

1398. Поставлено двѣ церкви, св. Покрова и св. Михаила[1168]).

1159) Ibid. III, 95; IV, 97, 194 (подъ 1391 г.); V, 17 (то же), 244; VIII, 61.

1160) См. тотъ же годъ во 2-мъ приложеніи.

1161) П. С. Р. Л. IV, 194; V, 17.

1162) Ibid. IV, 194; V, 17.

1163) Ibid. IV, 194; V, 17.

1164) Въ 1387 г. Андрея Ольгердовича «поима прелестію» въ Полоцкѣ братъ его Скиргайло. См. П. С. Р. Л. V, 17.

1165) П. С. Р. Л. III, 96; IV, 100, 194; V, 17 (подъ 1393 г.), 246; VIII, 64.

1166) Ibid. IV, 194.

1167) Ibid. IV, 194; V, 17. Ср. 1399 годъ.

1168) Ibid. III, 97; IV, 195; V, 194; въ V, 17—18 и Никон. IV, 270—271 подъ 1398 г.

1399. Князь Григорій Евстафьевичъ, посадникъ Захарій и весь Псковъ заложили новую стѣну къ старой стѣнѣ «на приступѣ»; поставили отъ р. Великой до Псковы три костра: первый — на Незнановѣ горѣ, второй—у Лужскихъ воротъ и третій — у Куминыхъ воротъ. Въ томъ же году, еще до зимы, сдѣлали стѣну и костеръ. — Весной кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, за двѣ недѣли до Троицына дня выѣхалъ изъ Пскова, сложивъ къ нему крестное цѣлованіе. Въ ту зиму Витовтъ разорвалъ миръ съ вел. кн. Василіемъ, Новгородомъ и Псковомъ. Тогда псковичи отправили къ великому князю Луку Совкина и «дружину» его просить князя, и въ Псковъ отпущенъ былъ кн. Иванъ Всеволодовичъ (холмскій изъ тверскихъ), который пріѣхалъ 10-го августа, а выѣхалъ изъ Пскова осенью [1169]).—Владыка Іоаннъ ѣздилъ въ Псковъ «на свой подъѣздъ» и судилъ мѣсяцъ [1170])».

1400. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іоаннъ и приказалъ посаднику Захарію нанять наймитовъ ставить костеръ надъ р. Псковой, на что владыка далъ свое серебро. Въ томъ же году псковичи поставили другой костеръ на Стрѣлицѣ, отъ рѣчнаго костра, «до персій толще и выше». — Ноября 25-го сильная буря [1171]).

1401. Въ Псковъ пріѣхалъ кн. Даніилъ Александровичъ намѣстникомъ отъ великаго князя. — Посадникъ Захарій Костроминичъ, кн. Григорій Евстафьевичъ и псковичи заложили къ старой стѣнѣ новую возлѣ р. Великой отъ Бурковыхъ воротъ, отъ костра до Крому (Кремля) [1172]).—Псковичи послали къ кн. Витовту Григорія Өедосьевича и намѣстника Гавріила, которые взяли съ княземъ литовскимъ вѣчный миръ [1173]).—Зимой скончался посадникъ Захарій [1174]).

1402. Посадникъ Романъ, троицкій староста, и другой староста, Аристъ Павловичъ, поставили новый крестъ на церкви св. Троицы въ самый Троицынъ день при посадникѣ Ефремѣ, кн. Даніилѣ Александровичѣ и кн. Григоріи Евстафьевичѣ. — Возлѣ р. Великой сдѣлали стѣну и покрыли ее въ средокрестную недѣлю [1175]).

1403. Нѣмцы изгономъ напали на Полоцкую волость, а псковскихъ гостей побили на озерѣ Нещердѣ, отняли у нихъ товаръ и девятерыхъ бросили въ озеро. — Весной скончался кн. Иванъ Всеволодовичъ. — Псковичи

1169) Ibid. IV, 195.

1170) Ibid. IV, 195; V, 18 (подъ 1400 г.); въ VI, 130 объ Иванѣ Всеволодовичѣ подъ 1398 г.

1171) Ibid. III, 101; IV, 104. Ср. 1400 г.

1172) Ibid. IV, 195; V, 20 (подъ 1401 г.). См. конецъ 1399 года.

1173) Ibid. IV, 195; V, 20.

1174) Ibid. V, 20.

1175) Ibid. IV, 195; V, 20.

пошли къ Новому городку (нѣмецкому) и истребили («потроша») жито на своей землѣ. — Зимой кн. Юрій (Святославичъ) смоленскій задержалъ псковскихъ гостей, отнялъ у нихъ товаръ, а самихъ держалъ «до полулѣта». Псковскіе и новгородскіе послы высвободили ихъ, и они пришли пѣшкомъ, такъ какъ товаръ и кони отняты были у нихъ [1176]).

1404. Псковичи заложили каменную стѣну возлѣ р. Псковы, подлѣ старой стѣны, но толще и выше, при кн. Даніилѣ Александровичѣ, кн. Григоріи Евстафьевичѣ и посадникахъ Ефремѣ, Романѣ, Леонтіи и Панкратѣ [1177]). — Въ Псковѣ со Спасова дня былъ сильный моръ на людей, а пришелъ этотъ моръ изъ Юрьева отъ нѣмцевъ. — Февраля 2-го кн. Григорій принялъ иноческій образъ [1178]). — Іюля 28-го сдѣлали стѣну возлѣ р. Псковы [1179]).

1405. «Поганый отступникъ правыя вѣры», кн. Витовтъ повоевалъ Псковскую волость, «а миру не отказавъ, ни крестного цѣлованія не отславъ, ни мирныхъ грамотъ къ Пскову, а грамоту розметную посла къ Новгороду». Февраля 5-го онъ пришелъ на Коложскую волость: однихъ побилъ, другихъ, 11 тысячъ разнаго пола и возраста, взялъ съ собой, а подъ гор. Вороначемъ мертвыми дѣтьми наполнили двѣ ладьи. «Не бывала пакость такова, (какъ) и Псковъ сталъ»! а въ Литвѣ въ это время былъ псковскій посолъ Кипріанъ Лодыжкиничъ.—Февраля 28-го псковскій посадникъ Юрій Филипповичъ съ охочими псковичами, граждане Изборска, Острова, Воронача и Велья повоевали Ржеву, а въ Великихъ Лукахъ взяли коложскій стягъ; они привели и плѣнныхъ много. Новгородцы не оказали никакой помощи псковичамъ. Князь Даніилъ Александровичъ, посадникъ Юрій Филипповичъ и весь Псковъ били челомъ новгородскимъ воеводамъ: «поѣдите, господа, съ нами на Литву мстити крове крестьянскыя». — «Насъ владыка не благословилъ ити на Литву, отвѣчали тѣ, а Новгородъ намъ не указалъ; но идемъ съ вами на нѣмци». — Мая 31-го, въ Духовъ день, при послѣ великаго князя Никитѣ Нѣловѣ погорѣлъ весь Псковъ. — Кн. Даніилъ Александровичъ, посадникъ Иларіонъ Дойниковичъ и весь Псковъ 30-го іюля пошли къ Полоцку, около котораго стояли трое сутокъ; двухъ псковичей тамъ застрѣлили. — Августа 22-го пришли (къ Пскову) нѣмцы съ рижскимъ магистромъ и ходили по волости двѣ недѣли; были подъ Островомъ и подъ Котельномъ. Вельяне, человѣкъ 150 «желѣзноя рати», подъѣхали у Камня къ р. Великой, узнали, что нѣмцы на ихъ сторонѣ (на сторонѣ, гдѣ г. Велье),

---

1176) Ibid. IV, 195—196.
1177) Ibid. IV, 196.
1178) Ibid. IV, 196.
1179) Ibid. IV, 106 (подъ 1403 г.), 196; V, 18.

ударили на послѣднихъ и однихъ забрали въ полонъ, другихъ изрубили, а нѣкоторые утонули въ рѣкѣ; при этомъ вельяне захватили нѣмецкій стягъ.— Въ Псковѣ, по пригородамъ и по волости большой моръ на людей [1180]).— Псковичи и новгородцы ѣздили къ великому князю жаловаться (на Витовта), и послѣдній далъ имъ въ помощь брата своего Петра [1181]).

1406.—1407 [1182]). Изъ-за псковичей великій князь разорвалъ миръ съ Витовтомъ [1183]).—Псковичи ратью ходили къ Полоцку, едва не взяли города и ушли, повоевавъ полоцкія волости [1184]). — Къ Пскову пришелъ съ нѣмцами рижскій магистръ Кортъ (Корто) съ нѣмцами [1185]), повоевалъ волости и ушелъ обратно [1186]).—Осенью кн. Юрій отъѣхалъ въ Москву [1187]).— Псковичи съ намѣстникомъ великаго князя, кн. Даніиломъ Александровичемъ, ходили ратью на нѣмцевъ, съ которыми встрѣтились за Новымъ городкомъ 2 октября; псковичи гнали и избивали нѣмцевъ на протяженіи 15 верстъ. Дошедши до Кирьепиги (Киремпе) съ намѣреніемъ идти къ Юрьеву, они встрѣтились съ магистромъ Кортомъ, послѣ боя съ которымъ возвратились въ Псковъ съ большимъ полономъ [1188]).—Тогда псковичи били челомъ Новгороду о помощи, но напрасно; [обратились къ великому князю, и этотъ послѣдній разорвалъ миръ съ Витовтомъ «псковскія ради обиды»]. Въ то время въ Псковѣ былъ большой моръ на людей, и псковичи «отрекошася» кн. Даніилу Александровичу: «тебе ради моръ сей у насъ», и князь выѣхалъ изъ Пскова. Послѣ того псковичи чрезъ пословъ выпросили себѣ у великаго князя брата его, кн. Константина, который пріѣхалъ во Псковъ

1180) Ibid. IV, 196. Далѣе въ этой же лѣтописи подъ тѣмъ же годомъ идутъ іюньскія даты.

1181) Ibid. III, 102; IV, 108, 197 (подъ 1406 г.); V, 19 (1406 г.), 253—254; VI, 132; VIII, 78. Въ IV, 108 между прочимъ говорится, что псковичи жаловались Новгороду на дѣйствія Витовта, и новгородцы послали на помощь къ нимъ (воеводу) Александра Константиновича и другихъ бояръ; когда послѣдніе пришли въ Псковъ, псковичи отослали ихъ обратно въ Новгородъ, а сами поѣхали и «на крестномъ цѣлованіи» повоевали новгородскія села, Луки и Ржеву. Въ III, 102 и V, 19 объ истребленіи Пскова пожаромъ говорится подъ 1406 г.

1182) Ibid. IV, 132; VIII, 78.

1183) Подъ этими годами въ разныхъ лѣтописяхъ одно и то же событіе берется, такъ сказать, въ разныхъ составныхъ своихъ частяхъ, въ однѣхъ кратко, въ другихъ полно, что подаетъ поводъ разсматривать его, какъ два разныхъ эпизода. Потому-то мы и соединяемъ оба года вмѣстѣ.

1184) См. стр. 139. Здѣсь, вѣроятно, разумѣется тотъ же походъ, о которомъ въ другихъ лѣтописяхъ говорится подъ 1405 годомъ.

1185) Конрадъ Фитингофъ въ старинныхъ ливонскихъ актахъ называется Кордтомъ.

1186) П. С. Р. Л. III, 102; IV, 109; V, 19, 254; VI, 132; VIII, 78.

1187) Ibid. III, 102.

1188) Ibid. III, 102—3; IV, 109, 196—199 (подъ 1407; псковичи выступили въ походъ 7-го октября); V, 256; VI, 132, 134; VIII, 81.

15-го марта. Спустя немного времени Константинъ Димитріевичъ «на добро Пскову» послалъ въ Новгородъ слугу своего, кн. Константина[1189]), къ которому псковичи приставили своего посадника, Ивана Сидоровича, просить помощи противъ нѣмцевъ; но новгородцы не помогли ни словомъ, ни дѣломъ. Въ томъ же году кн. Константинъ, поднявши всю область и пригороды, пошелъ 26-го іюня за Нарову къ городу Порху (?), который онъ взялъ; повоевалъ много погостовъ и захватилъ много добычи. Въ другія розратья въ этомъ краю у псковичей не бывало войны, и только князья Довмонтъ и потомъ Давидъ воевали тамъ.—Во Псковѣ прекратился моръ.— Сдѣлали стѣну возлѣ р. Псковы «противъ персей отъ гребли до сторожевой избѣ толще и выше».—Іюля 20 кн. Константинъ выѣхалъ изъ Пскова, а новгородцы въ это время привели къ себѣ князя изъ Литвы, Лугвенія Ольгердовича, «а все то псковичемъ въ перечину»; дьяволъ вложилъ имъ мысль жить въ любви съ литвой и нѣмцами,—а псковичамъ не помогали.— Августа 18-го нѣмцы съ магистромъ подошли къ Пскову; псковичи встрѣтили ихъ у брода въ Туховитичахъ, а броды всѣ были заграждены, такъ что бились чрезъ рѣку. Ничего не сдѣлавъ, нѣмцы пошли обратно, а псковичи пустились въ слѣдъ за ними и догнали ихъ на Лозоговицкомъ полѣ; здѣсь въ стычкѣ убиты были посадники Панкратъ, Ефремъ Кортачъ и Леонтій Лубка, всего же псковичей убито 700 человѣкъ; и псковичи избили много князей и бояръ нѣмецкихъ; много нѣмецкихъ коней привели въ Псковъ. Это было страшное побоище, «яково же бысть Ледовое и у Раковора». Въ то же время другая псковская рать ходила за Нарову въ судахъ, но, встрѣтясь съ нѣмцами и видя свое безсиліе, псковичи ушли пѣшкомъ, бросивъ семь насадовъ[1190]).

1408. Ливонскій магистръ пришелъ на Псковскую волость, а другая рать, литовская и нѣмецкая, въ тоже время стояла подъ Вельемъ 3 дня; на четвертый день всѣ силы соединились и обступили городъ. Вскорѣ воронačане (жители Воронача) вышли изъ (своего ?) города и убили сто литовцевъ, а нѣкоторыхъ взяли живыми. Магистръ въ то время ходилъ по Демянщѣ и по Залѣсью («Залѣшью»), воевалъ и Новгородскую волость,

---

1189) Это, безъ сомнѣнія, Константинъ Ивановичъ, единственный бездѣтный сынъ кн. бѣлозерскаго Ивана Ѳедоровича, павшаго въ Куликовской битвѣ. Въ 1408 г., какъ сейчасъ увидимъ, онъ выѣхалъ изъ Пскова. См. его біографію во II-мъ томѣ, въ главѣ о Бѣлозерскомъ княжествѣ.

1190) П. С. Р. Л. IV, 110, 196—199 (подъ 1407 годомъ); VI, 134; VIII, 81. Въ послѣднихъ двухъ изъ указанныхъ лѣтописей сообщается только голый фактъ о назначеніи въ Псковъ кн. Константина. — Въ VI, 135 и VIII, 81 подъ 1407 годомъ кратко говорится о томъ, что кн. Константинъ Димитріевичъ ходилъ съ псковичами на нѣмцевъ и взялъ какой-то городъ Язвинъ или Явизну.

доходилъ до Кошкина городка, людей избивалъ, иныхъ забиралъ съ собой, «а новгородцы о всемъ томъ небрегоша». — Зимой кн. Константинъ бѣлозерскій выѣхалъ изъ Пскова, куда пріѣхалъ изъ Порхова кн. Даніилъ Александровичъ, котораго псковичи приняли съ честію. — Зимой кн. Константинъ Димитріевичъ выѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ на намѣстничество.— Мая 6 нѣмцы пригнали къ Велью, забрали въ полонъ 43 человѣка обоего пола и бѣжали обратно. Вельяне погнались за ними, но въ стычкѣ съ нѣмецкой засадой потеряли 45 человѣкъ; затѣмъ подоспѣли воронячане, нагнали нѣмцевъ на рубежѣ и убили изъ нихъ 33 человѣка. — Въ томъ же мѣсяцѣ жители Изборска ходили въ Нѣмецкую землю, но потерпѣли уронъ въ 11 человѣкъ. — Осенью нѣмцы взяли (съ псковичами) перемирье «на третью зиму» до Срѣтенія [1191]).

1409. Февраля 5, по (истеченіи) перемирья съ нѣмцами и Литвой, нѣмцы съ магистромъ пришли воевать Псковскую волость; воевали и новгородскія волости, — а новгородцы «всего того не брегоша» «псковичемъ въ перечину», хотя псковичи много били челомъ Новгороду. — «Того же лѣта отложиша въ Псковѣ купами торговати и начаша торговати пѣнязи».— Апрѣля 4-го въ Псковѣ скончался кн. Даніилъ Александровичъ. — Послѣ Пасхи псковичи взяли миръ съ Витовтомъ «по старинѣ, по псковской воли, по князя великаго докончанію Василія Дмитреевича» [1092]).

1410. Іюля 20-го (по Псковской второй 28) псковичи и нѣмцы съѣхались у Кирьепиги (Киремпе) и отправились въ Изборскъ, гдѣ заключили миръ «по старинѣ, по псковской воли, по (образцу) новгородскому докончанью», «а опроче Новагорода», такъ какъ послѣдній не помогалъ псковичамъ. — Псковичи чрезъ пословъ выпросили къ себѣ княземъ (у в. кн. Василія) Александра Ѳедоровича ростовскаго, котораго и посадили на княженіе 26-го сентября [1193]). — Зимой изъ Пскова выѣхала жена князя Даніила [1194]).

1411. Владыка Іоаннъ прислалъ въ Псковъ на масляной недѣлѣ протопопа Тимоѳея «на попѣхъ подъѣзда просить»; но Псковъ не велѣлъ да-

---

1191) Ibid. IV, 199—200; V, 19—20, 257 (подъ 1409 г.); VI, 139 (то же); въ III, 103 и V, 257 только о приходѣ кн. Константина Димитріевича въ Новгородъ, а въ обѣихъ Софійскихъ—о мирѣ съ Витовтомъ и нѣмцами (ср. конецъ 1409 г.). Въ Софійской первой сказано, что псковичи взяли миръ съ Витовтомъ и нѣмцами «новгородьскимъ повелѣніемъ».

1192) Ibid. IV, 111, 200; V, 20—21; въ III, 103 и V, 21 (подъ 1410 г.), 257 о смерти кн. Даніила.

1193) Ibid. IV, 201; V, 21. Въ Псковской первой сначала говорится о заключеніи мира съ нѣмцами, а потомъ — объ испрошеніи князя Александра; въ Псковской же второй — наоборотъ.

1194) Ibid. IV, 201.

вать подъѣзда, говоря: «коли Богъ дасть будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло исперва по старинѣ [1195]). — Псковичи сожгли двѣнадцать «жонке вѣщихъ» [1196]).

1412. Мая 15-го кн. Александръ Ѳедоровичъ выѣхалъ (по Псковской второй — выпроводили псковичи) изъ Пскова въ Москву, «а на Псковъ крестное цѣлованіе възложивъ, а псковичи въ крестномъ цѣлованіи прави». Послѣ того псковичи отправили къ великому князю пословъ, чрезъ которыхъ выпросили къ себѣ княземъ Константина Димитріевича, великокняжскаго брата. При псковскихъ послахъ великій князь отправился въ орду [1197]).

1413. Въ Псковѣ двѣ недѣли былъ владыка Іоаннъ; 6 августа, благословивъ гражданъ, онъ выѣхалъ въ Новгородъ [1198]). — Князь Константинъ отъѣхалъ въ Новгородъ, но, пробывъ тамъ годъ, опять пріѣхалъ въ Псковъ [1199]).

1414. Псковичи поставили городъ Коложе на новомъ мѣстѣ, на Опочкѣ; работы окончены въ двѣ недѣли послѣ Покрова пр. Богородицы [1200]). — Въ Петровъ постъ кн. Константинъ поѣхалъ изъ Пскова въ Москву. — Псковичи истребили жито подъ Новымъ городкомъ (нѣмецкимъ) и отогнали скотъ; послѣ того юрьевцы прислали въ Псковъ пословъ, а псковичи отправили своихъ двухъ въ Новый городокъ; изъ нихъ одного нѣмцы изрубили, а другаго бросили въ погребъ. Псковичи по этому случаю задержали нѣмецкихъ пословъ [1201]).

1415. На Воздвиженіе честнаго креста нѣмцы задержали псковскихъ гостей, а псковичи — нѣмецкихъ. И тѣ и другіе были въ неволѣ все лѣто. Потомъ юрьевцы прислали пословъ, которые цѣловали крестъ къ псковичамъ, и послѣдніе отпустили нѣмецкихъ гостей, но одного изъ нихъ «посѣкоша противу своего человѣка»; и нѣмцы 27-го *іюля* также освободили псковскихъ гостей. — *Марта* 19-го въ Псковъ пріѣхалъ кн. Андрей Александровичъ ростовскій (сынъ А. Константиновича), который принятъ былъ съ честью [1202]).

1416. Окончена постройкой (разрушившаяся въ **1415 г.**) церковь св. Софіи за Довмонтовой стѣной іюня 18-го [1203]).

1195) Ibid. IV, 201.
1196) Ibid. V, 21—22.
1197) Ibid. IV, 201; V, 21 (подъ 1411 годомъ, а подъ 1412 говорится о пріѣздѣ Константина въ Псковъ).
1198) Ibid. III, 105; IV, 201; V, 22.
1199) Ibid. V, 22.
1200) Ibid. IV, 202; V, 22.
1201) Ibid. V, 22.
1202) Ibid. V, 22.
1203) Ibid. IV, 202.

1417. Въ Псковѣ поставили стѣну отъ костра на Незнановой горкѣ до Сысоевыхъ воротъ и, въ Петровъ постъ, костеръ на Кромѣ. — Іюля 17-го псковичи выгнали кн. Андрея Александровича. — Скончался кн. Григорій на Снѣтной горѣ въ иноческомъ чинѣ. — Псковичи, бывшіе въ ссорѣ съ новгородцами, послали посадниковъ и бояръ въ Новгородъ просить мира, но новгородцы челобитья ихъ не приняли. — Къ великому князю отправлены были послы, которые выпросили въ Псковъ кн. Θедора Александровича, и послѣдній пріѣхалъ туда за двѣ недѣли до Рождества Христова [1204]). — Въ Псковѣ былъ моръ [1205]).

1418. Кн. Θедоръ Александровичъ и весь Псковъ августа 21-го послали въ Новгородъ посадника Николая Павловича и другихъ бояръ, которые взяли миръ съ новгородцами 28-го августа [1206]). — Осенью владыка Симеонъ ѣздилъ въ Псковъ [1207]).

1419. Скончались посадники Романъ и Иларіонъ [1208]).

1420. Псковичи наняли мастеровъ, и, между прочимъ, Θедора, покрыть церковь св. Троицы свинцомъ, но ни въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ не нашлось человѣка, умѣющаго лить доски изъ свинца. Псковичи обратились за такимъ мастеромъ въ Юрьевъ, но поганые нѣмцы мастера не дали. Наконецъ, Θедора научилъ этому искусству мастеръ, пріѣхавшій изъ Москвы отъ митрополита Фотія [1209]). — Въ Псковѣ былъ моръ на людей. Тогда принялъ иноческій образъ князь Θедоръ Александровичъ и отъѣхалъ въ Москву [1210]). — Поставленъ костеръ на Кромѣ и оконченъ 1 сентября (по одному варіанту — 7 іюля). — Псковичи начали торговать деньгами, чистымъ серебромъ [1211]).

1421. Витовтъ чрезъ своихъ посланцевъ требуетъ, чтобы псковичи разорвали миръ съ нѣмцами; но тѣ отказались, почему литовскій князь началъ держать на нихъ гнѣвъ. — Псковичи послали къ великому князю посадника Николая и другихъ бояръ, которые выпросили въ князья псковскіе кн. Александра Θедоровича [1212]).

1422. Между тѣмъ какъ во всей Руси свирѣпствовалъ голодъ, въ Псковѣ было обиліе хлѣба отъ старыхъ годовъ. Въ Псковъ, по этому, по-

---

1204) Ibid. IV, 202 (только о прибытіи въ Псковъ кн. Θедора); V, 22.
1205) Ibid. III, 107; IV, 115, 135; V, 260; VIII, 89.
1206) Ibid. IV, 202; V, 22.
1207) Ibid. III, 108; IV, 118, 202 (подъ 1419 г.); V, 23 (то же).
1208) Ibid. V, 23.
1209) Ibid. V, 23.
1210) Ibid. IV, 119, 202 (подъ 1419 г.); V, 23.
1211) Ibid. III, 110; IV, 202—203.
1212—1215) Ibid. V, 23—24.

тянулись новгородцы, корельцы, чудь, вожане, тверичи и пр., начали покупать и вывозить хлѣбъ (въ такомъ большомъ количествѣ), что пришлось запретить продажу и вывозъ хлѣба за рубежъ; въ то же время нахожихъ людей стали выпроваживать изъ Пскова и волостей. — Апрѣля 1 кн. Александръ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Псковъ и принятъ былъ съ честію [1213]).

1423. Псковичи послали къ вел. кн. Василію Димитріевичу двухъ посадниковъ, Юрія Впикова и Ѳедора Шибалкинича, съ челобитьемъ, чтобы великій князь сказалъ тестю своему Витовту доброе слово за псковичей, чтобъ тотъ гнѣва на нихъ не держалъ и вины ихъ отдалъ имъ. Но князь великій «не учини на добро ничего же». — Кн. Александръ ростовскій выѣхалъ изъ Пскова и съ челядью [1214]).

1424. Псковичи послали къ великому князю посадника и бояръ просить князя для Пскова и бить челомъ, чтобы в. кн. избавилъ псковичей отъ гнѣва кн. Витовта; относительно послѣдней просьбы великій князь ничего не сдѣлалъ, а княземъ во Псковъ послалъ кн. Ѳедора Патрикіевича, который пріѣхалъ на мѣсто назначенія 11 іюня [1215]). — «Псковичи отложиша пѣнязми артугы торговати и приставиша мастеровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ» [1216]). — Съ княземъ магистромъ псковичи утвердили миръ на три года. — Псковичи послали посадника и бояръ въ Литву къ кн. Витовту, но тѣ не нашли его въ Литовской землѣ и пошли за Кіевъ; наконецъ, нашли князя верстъ на 500 за г. Луцкомъ въ г. Кременцѣ и били ему челомъ, чтобы онъ не держалъ гнѣва на Псковъ; Витовтъ же «съ яростію, гнѣва наполнився, отвѣтъ даде по старому цѣлованію» [1217]).

1425. Въ Псковѣ и по всей волости былъ моръ на людей [1218]). — Зимой псковичи послали посадника Николая Павловича къ в. кн. Василію Димитріевичу бить челомъ, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ гнѣва Витовта; но великій князь «не учини ничтоже». Тогда псковичи ударили челомъ новгородцамъ, и тѣ отправили къ Витовту пословъ, съ которыми пошелъ и псковскій посадникъ Ѳедоръ; но отъ Витовта ничего хорошаго не добились [1219]). — Кн. Ѳедоръ Патрикіевичъ, убоявшись мора, выѣхалъ со всей челядью изъ Пскова въ Москву, а сидѣлъ во Псковѣ годъ и два мѣсяца [1220]).

1426. Псковичи повѣсили колокола «на першехъ ко св. Троицы, на новой колоколници» 23-го сентября.—Зимой въ Москвѣ скончался, вскорѣ

1216) Ibid. III, 110; IV, 120; V, 24. Ср. конецъ 1420 г.
1217) Ibid. V, 24.
1218) Ibid. IV, 203; V, 24, 263; VI, 143 (подъ 1426 г.); VIII, 93 (то же).
1219) Здѣсь въ Псковской второй говорится о появившемся морѣ на людей.
1220) П. С. Р. Л. V, 24—25.

по пріѣздѣ изъ Пскова, кн. Ѳеодоръ Патрикіевичъ. — На зиму въ Псковѣ прекратился моръ. — Въ маѣ сгорѣло 40 дворовъ на Запсковьѣ, а 5 іюня былъ пожаръ на посадѣ. — На Петровъ день Витовтъ разорвалъ миръ съ Псковомъ и ходилъ воевать Псковскую землю[1221]).

1427. Великій князь прислалъ въ Псковъ своего посла, съ которымъ отправились къ Витовту и псковскіе послы, захвативъ съ собой обѣщанное Витовту серебро и псковичей, плѣненныхъ литовцами и оставленныхъ Витовтомъ на поруки псковскимъ посадникамъ. Витовтъ серебро взялъ, а плѣнныхъ оставилъ у себя; великокняжескій же посолъ не оказалъ псковичамъ никакой помощи. — Апрѣля 9-го скоропостижно скончался посадникъ Николай. — Весной, за три недѣли до Пасхи, псковичи отправили пословъ въ Литву къ Витовту, съ которымъ взяли миръ: за плѣнныхъ псковичи обязались выдать на Покровъ пр. Богородицы 450 рублей. — Нѣмцы убили шесть человѣкъ опочанъ-бортниковъ на псковской землѣ; потомъ на псковской же землѣ сдѣлали покосы, а псковичи, пріѣхавъ въ двухъ насадахъ, сожгли ихъ сѣно и повѣсили семь человѣкъ чуди[1222]).

1428. Псковичи подтвердили миръ съ магистромъ и юрьевцами и со всей Нѣмецкой землей, «а безъ Новгорода», который ничѣмъ не помогъ имъ[1223]). — Послали къ в. кн. Василію Васильевичу посадника Ѳеодора Шибалкинича, чрезъ котораго выпросили себѣ княземъ Александра Ѳеодоровича ростовскаго, приславшаго напередъ сына своего Димитрія, который, пробывъ въ Псковѣ до половины зимы, не дождавшись отца, уѣхалъ въ Москву. — Января 10-го умеръ Ѳеодоръ Шибалкиничъ. — Февраля 29-го выгорѣлъ весь городокъ Котельно. — Витовтъ разорвалъ миръ съ Новгородомъ, и новгородцы просили помощи у Пскова; но псковичи отказали въ просьбѣ, говоря: «како вы намъ не помогосте, тако и мы вамъ не поможемъ; а еще межю нами крестное цѣлованіе съ Витовтомъ, что намъ по васъ не пособляти». Тогда и в. кн. Василій цѣловалъ Витовту крестъ на томъ, что онъ не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову. — Іюля 18-го Витовтъ пришелъ къ Вышегороду, потомъ къ Порхову; новгородцы съ владыкой Евоиміемъ привезли Витовту большіе дары, 15,000 рублей, и литовскій князь 28-го іюля ушелъ[1224]).

1429. Псковичи чрезъ пословъ выпросили для себя (у в. кн. Василія) кн. Александра Ѳеодоровича ростовскаго, который вмѣстѣ съ сыномъ Димитріемъ прибылъ во Псковъ февраля 20-го[1225]).

1221) См. подробнѣе на стр. 151.
1222) П. С. Р. Л. IV, 205; V, 26.
1223) Ibid. IV, 205.
1224) Ibid. V, 26.
1225) Ibid. IV, 205; V, 26.

1430. Съ 15-го сентября въ продолженіе трехъ дней была сильная буря, и «много пакости учинило граду и по всей волости»[1226]).

1431. Кн. Александръ и посадникъ Сильвестръ заложили новый городокъ Выборъ на новомъ мѣстѣ, на рѣкѣ надъ Ругодивомъ, въ Залѣсьѣ; начавъ ставить его на Воздвиженіе креста, къ зимѣ окончили. — У псковичей съ новгородцами не было ни миру, ни рати. — Кн. Александръ, посадникъ Якимъ Павловичъ и др., на пятой недѣлѣ по Пасхѣ, наняли 300 человѣкъ (рабочихъ) и заложили городъ на рѣкѣ на Гдовѣ, «а на гдовскихъ земцахъ, въ кого тамо отчина, взяша 300 рублей въ камену стѣну»[1227]).

1432. Псковичи послали въ Новгородъ посадниковъ и бояръ бить челомъ владыкѣ Евѳимію и Новгороду о мирѣ; но тѣ «не учиниша ни миру, ни розратья»[1228]). — Псковичи ѣздили на съѣздъ на полоцкій рубежъ, но ничего не сдѣлали[1229]).

1433. Іюля 3-го отъ молніи загорѣлось два костра, одинъ — на Крому, а другой — «на першехъ отъ Великой рѣкѣ»; но пожару не дали усилиться[1230]).

1434. Псковичи послали въ Новгородъ посадниковъ, Ивана Сидоровича и Якима Павловича и «дружину ихъ», дѣтей боярскихъ; но они мира не добились. — Февраля 28-го кн. Александръ Ѳедоровичъ выѣхалъ изъ Пскова со всей челядью въ Москву, а былъ онъ во Псковѣ три раза, всего же житья его въ Псковѣ — 12 лѣтъ. Въ тотъ же день въ Псковъ пріѣхалъ изъ Литвы зять его, кн. Владиміръ Даниловичъ, бывшій въ Литвѣ десять лѣтъ, и принятъ былъ съ честью[1231]). — Псковичи послали въ Новгородъ посадника Сильвестра Леонтьевича и дружину его съ челобитьемъ о мирѣ къ владыкѣ Евѳимію, посадникамъ, тысяцкимъ и всему Новгороду; новгородцы приняли челобитье и взяли съ псковичами миръ по старинѣ іюля 22-го[1232]).

1435. Псковскіе посадники, соцкіе и пр. цѣловали крестъ къ пріѣхавшимъ во Псковъ новгородскимъ посламъ[1233]). — Января 13 въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѳимій «не въ свой подъѣздъ, ни въ свою череду, но

1226) Ibid. IV, 205—206.
1227) Ibid. IV, 206; V, 26.
1228) Ibid. IV, 206; V, 27. Въ послѣдней подъ 1431 годомъ, но то же повторяется и подъ 1432 годомъ.
1229) Ibid. IV, 206.
1230) Ibid. IV, 207; V, 27.
1231) Ibid. IV, 207—208; V, 27.
1232) Ibid. IV, 208—209.
1233) Ibid. IV, 209.

наровою»; псковичи просили его «о сборованіи» (церковныя службы), но владыка «не ворчеся, а суду своего у Пскова проситъ и на попѣхъ своего подъѣзда». Псковичи не дали ему «тоя воли», не хотѣли, чтобъ онъ держалъ намѣстника и печатника «изъ своею руку», изъ новгородцевъ, а не изъ псковичей; владыка разгнѣвался и, пробывъ въ Псковѣ одну недѣлю, уѣхалъ. Кн. Владиміръ Даниловичъ, посадники и бояре догнали его и били ему челомъ; владыка воротился, «и даша ему судъ и на попѣхъ подъѣздъ», «а о сборованіи положилъ до митрополита»[1235]). И началъ владычній намѣстникъ судъ судить не по псковской пошлинѣ: «учалъ посужати рукописанья и рядници, а иное учали діяконовъ сажати у гридницю, а все то учалъ дѣяти новину, а старину покинувъ». Слѣдствіемъ этого было то, что у псковичей произошелъ бой съ софіянами (т. е. со свитой владыки). Владыка разгнѣвался и 30-го января уѣхалъ изъ Пскова [1236]).

1436. Изъ Риги отъ магистра пріѣхалъ въ Псковъ литовскій князь Иванъ Баба «въ своемъ безверемяньи». Проживъ въ Псковѣ до половины зимы, онъ уѣхалъ въ Москву. — Зимой въ Псковъ пріѣхалъ кн. Борисъ (Васильевичъ Шуйскій) и псковичи приняли его, «чаяхуть его пріѣхавша отъ великаго князя намѣстникомъ». Псковичи отправили къ великому князю пословъ своихъ съ кн. Владиміромъ Даниловичемъ, которому великій князь и далъ Псковское княженіе, на которое онъ воротился изъ Москвы 12-го апрѣля, а кн. Борисъ, по слову великаго князя, выѣхалъ изъ Пскова, «занеже онъ пролгался»[1237]). — Весной псковичи задержали нѣмецкихъ гостей 24 человѣка и съ товаромъ ихъ и посадили ихъ въ погребъ, потому что нѣмцы на крестномъ цѣлованіи схватили псковскихъ ловцовъ (рыбаковъ), а нѣкоторыхъ избили[1238]).

1437. Въ Псковъ пріѣхалъ, двѣ недѣли спустя по Пасхѣ, кн. Иванъ Андреевичъ, внукъ Ольгерда, «а въ своемъ безверемені». Псковичи дали ему 100 зобницъ (хлѣбная мѣра) ржи, 100 — овса да 10 рублей «на кормлю». Онъ выѣхалъ изъ Пскова на Христорождественской недѣлѣ[1239]).

1438. Декабря 6-го въ Псковъ пріѣхалъ митрополитъ Исидоръ и пробылъ тамъ семь недѣль; онъ поставилъ въ Псковѣ намѣстникомъ своимъ

1234) По Псковской второй, когда ему посадники «приказаша сборовати» у св. Троицы, онъ разгнѣвался и 30-го января выѣхалъ изъ Пскова.

1235) П. С. Р. Л. IV, 209—210; V, 28.

1236) Ibid. IV, 210; V, 28;

1237) Ibid. IV, 210.

1238) Ibid. IV, 210; V, 29 подъ 1436 г.

1239) Ibid. III, 112 (подъ 1437 г.); IV, 122 (то же), 210—211; V, 29.

архимандрита Геласія, отнялъ судъ, печать, воды, земли, оброкъ и всѣ пошлины владычнія и далъ этому Геласію[1240]).

1439. Въ Псковъ пріѣхалъ изъ Твери кн. Александръ Ивановичъ, правнукъ Ольгерда, и псковичи честно посадили его на княженіи, а кн. Владиміра Даниловича выгнали изъ Пскова[1241]).

1440. Въ Вороначѣ было знаменіе августа 7: изъ лѣваго ока иконы св. Николая истекала кровь[1242]).

1441. Псковскій пригородъ Опочка 5-го сентября сгорѣлъ весь; осенью же поставили новый. — Изъ Литвы митрополитъ Исидоръ прислалъ за архимандр. Геласіемъ, а въ Псковъ назначилъ другаго архимандрита, Григорія. — Псковичи участвуютъ въ походѣ великаго князя на Новгородъ[1243]).

1442. Зимой въ Псковѣ свирѣпствовалъ моръ. (По этому случаю) кн. Александръ и псковичи поставили церковь Похвалы пр. Богородицы.— Кн. Александръ скончался въ иноческомъ чинѣ[1244]).

1443. Въ Дмитріевъ день въ Псковѣ прекратился моръ.—Отъ великаго князя въ Псковъ пріѣхалъ намѣстникомъ кн. Александръ Васильевичъ Черторижскій, а 25 августа прибылъ великокняжескій посолъ и по слову великаго князя поручилъ ему княженіе: князь Александръ цѣловалъ крестъ къ великому князю и Пскову[1245]).

1444. Посадникъ Ѳедоръ Патрикѣевичъ и судья Прокопій ѣздили въ Ригу къ князю-магистру и взяли съ нимъ миръ, сентября 8, на десять лѣтъ. — Князь Александръ ѣздилъ съ псковичами подъ Новый городокъ нѣмецкій, истребилъ тамъ все жито и повѣсилъ пойманныхъ на своей землѣ семерыхъ чухонцевъ. — Осенью на миру князь шведскій, пріѣхавъ изъ Выборга въ р. Нарву, захватилъ 27 псковичей съ сыномъ посадника, Максимомъ Иларіоновичемъ, а иныхъ избилъ; взятые были въ плѣну болѣе года[1246]).

1445. Князь Александръ Васильевичъ и псковскіе посадники отправили въ Выборгъ посла, судью Прокопія, къ шведскому князю Карлу (VIII-му Канутсону), и Максимъ съ его дружиной взятъ былъ на окупъ въ 120 рублей; а нѣкоторые изъ плѣненныхъ у шведовъ и умерли[1247]). — Псковскіе послы ушли изъ Новгорода, не заключивши мира[1248]).

1240) Ibid. IV, 211; V, 29.
1241) Ibid. IV, 211; V, 29.
1242) Ibid. IV, 211; V, 29. Подробности похода на Новгородъ см. на 165 стр.
1243) Ibid. IV, 212; V, 30.
1244) Ibid. IV, 212; V, 30.
1245) Ibid. IV, 212; V, 30.
1246) Ibid. IV, 212; V, 30.
1247) См. тотъ же годъ во 2-мъ приложеніи.
1248) П. С. Р. Л. IV, 213.

1446. Въ Псковѣ, на Снѣтогорскомъ дворѣ, поставили церковь св. Іоанна Богослова[1249]).

1447. Псковичи отправили въ Новгородъ посадника Зиновія Михайловича и бояръ, которые взяли миръ съ новгородцами по старинѣ[1250]). — Князь Александръ Васильевичъ, не смотря на многія просьбы псковичей остаться у нихъ, уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, въ Петровъ постъ, «занеже къ Новугороду уреклъся»[1251]).

1448. Января 14-го въ Псковъ пріѣхалъ изъ Новгорода кн. суздальскій Василій Васильевичъ, — принятъ былъ съ честью, «и даша ему всю пошлину княжюю»[1252]).

1449. Псковичи отправили на съѣздъ на р. Нарову пословъ своихъ «подлѣ новгородскихъ пословъ», и тамъ заключенъ былъ съ нѣмцами миръ «на полтретьядцать лѣтъ». «А что отняли бяше юрьевци старинъ псковскихъ много, и... они, поганіи, возвратиша съ студомъ и срамомъ вся старины псковскія ко Пскову». Миръ заключенъ былъ 15-го августа[1253]).

1450. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѳимій декабря 27-го[1254]).

1451. Октября 22-го погорѣлъ весь Псковъ[1255]).

1452. Поставили новую стѣну на Крому и въ ней сдѣлали пять погребовъ[1256]).

1453. Января 5-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѳимій при кн. Василіи Васильевичѣ и посадникѣ Юріи Тимоѳеевичѣ и, «веземъ подъѣздъ», уѣхалъ. — «Биша челомъ попове невкупніи князю псковскому Василію Васильевичу и посаднику степенному Георгію Тимоѳеевичу, что быти четвертому собору во Псковѣ»; князь и посадники били объ этомъ челомъ владыкѣ, и послѣдній благословилъ поповъ невкупныхъ и четвертый соборъ держати, вседневную службу, у Спаса на Торгу да у мученика Димитрія въ Домонтовѣ стѣнѣ»[1257]).

1454. Въ Псковѣ былъ большой пожаръ.—Декабря 14-го въ Псковъ пріѣхалъ изъ Новгорода кн. Иванъ Димитріевичъ Шемякинъ и встрѣченъ былъ священниками съ крестами, посадникомъ и всѣмъ Псковомъ. Онъ выѣхалъ изъ Пскова 1-го мая, получивъ отъ псковичей въ даръ 20 руб.[1258]).

1455. Іюня 15-го кн. Василій Васильевичъ выѣхалъ изъ Пскова въ

1249) Ibid. V, 30.
1250) Ibid. IV, 213; V, 31.
1251) Ibid. IV, 213; V, 31.
1252) Ibid. IV, 213; V, 31 (подъ 1448 г.).
1253) Ibid. IV, 214; V, 31 (подъ 1149 г.).
1254) Ibid. IV, 214; V, 31 (подъ 1150 г.).
1255—1259) Ibid. IV, 215; V, 31.

Новгородъ, не смотря на просьбы посадниковъ и всего Пскова остаться у нихъ[1259]).—Псковичи послали посадника Степана Аристовича и бояръ бить челомъ князю Александру Черторижскому о княженіи[1260]).

1456. Походъ великаго князя Василія Темнаго на Новгородъ[1261]). Новгородцы прислали въ Псковъ гонца, подвойскаго Осипа, съ такой просьбой: «Братья наша молодшая, мужи псковичи! братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется, чтобы есте намъ помогли противу великаго князя, а крестное бы есте цѣлованіе правили». Псковичи, не вспоминая объ отказахъ новгородцевъ въ помощи имъ противъ нѣмцевъ, февраля 15-го послали воеводъ своихъ въ помощь Новгороду. Владыка Евѳимій съ новгородскимъ посадникомъ и псковскими послами отправился къ великому князю бить челомъ о мирѣ.—Въ Псковъ пріѣхалъ, 18-го іюня, изъ Новгорода князь Александръ Васильевичъ Черторижскій, которому псковичи дали «всю княжую пошлину»[1262]).

1457. Въ Псковъ пріѣхалъ владыка Евѳимій 4-го января, а выѣхалъ оттуда января 27-го[1263]).

1458. Октября 1 погорѣло все Запсковье. — «Того же лѣта прибавиша псковичи зобници (мѣра для зерноваго хлѣба) и палицу привишили къ позобенью» при степенномъ посадникѣ Алексѣѣ Васильевичѣ, «а старыхъ посадниковъ избивъ на вѣчи»[1264]).

1459. Князь Александръ Васильевичъ, псковскій посадникъ и псковичи поѣхали на землю св. Троицы (т. е. принадлежащую Троицкому собору), на Озолицу, и на Желачкѣ (Жолачкѣ) сдѣлали покосы и ловцамъ своимъ приказали ловить рыбу по старинѣ; тамъ они поставили и церковь св. архистратига Михаила, а на Рожкинѣ перевѣшали чудь[1265]). — Января 22-го выгорѣло въ Псковѣ три конца: Опоцкій, Городецкій и конецъ Острой лавицы.—«Поганая латыня» изгономъ пришла «на обидное мѣсто», на Озолицу, и сожгла церковь св. Михаила и девять человѣкъ. Кн. Александръ Васильевичъ, посадники и псковичи поѣхали въ насадахъ и лодкахъ въ Нѣмецкую землю и пожгли тамъ мужчинъ и женщинъ. Вскорѣ послѣ того нѣмцы въ шнекахъ и лодкахъ пошли въ Псковскую землю, въ р. Нарову, отняли у ловцовъ «псковскую насаду» со всѣмъ ратнымъ запасомъ и въ Березской волости выжгли 42 двора[1266]).

1460. Осенью во Псковъ пришелъ изъ Новгорода посолъ, посадникъ

1260) Ibid. IV, 216.
1261) См. стр. 182.
1262) П. С. Р. Л. IV, 216—217; V, 32.
1263—1265) Ibid. IV, 217; V, 32.
1266) Ibid. IV, 218; V, 32 подъ 1460 г.

Карпъ Савиничъ съ дружиною своей, «по челобитью нѣмецкому и по ихъ сроку»; кн. Александръ Васильевичъ, псковскіе посадники и бояре изъ всѣхъ концовъ поѣхали съ новгородскимъ посломъ на Озолицу и Желачко, «на обидное мѣсто», произвели разслѣдованіе и нашли, что это — земля св. Троицы; а «поганіи нѣмцы, познавше свою вину», на условленное мѣсто въ назначенный срокъ не пришли, и кн. Александръ, посадникъ новгородскій и прочіе, уѣхали обратно. — Кн. Александръ Васильевичъ и псковичи, въ Рождественскій постъ, повоевали Нѣмецкую землю на 70 верстъ, пограбили много животовъ, пожгли погосты, сожгли большую божницу, съ которой сняли крестъ и четыре колокола, поймали нѣмецкаго попа и многихъ нѣмцевъ и все препроводили въ Псковъ. Такъ псковичи расплатились съ нѣмцами за Березскую волость (см. предъидущій годъ). — Великій князь съ сыновьями, Юріемъ и Андреемъ большимъ, пріѣхалъ въ Новгородъ; псковичи, услышавъ объ этомъ, отправили къ нему пословъ [1267]).

1461. Въ Новгородъ прибыли нѣмецкіе послы и били челомъ послу великаго князя, новгородцамъ и псковскому послу о перемирьи. — Изъ Пскова уѣхалъ великокняжескій намѣстникъ кн. Иванъ Стрига-Оболенскій, на мѣсто котораго великій князь прислалъ кн. ростовскаго, Владиміра Андреевича [1268]).

1462. Псковичи заложили Новый городецъ «на обидномъ мѣстѣ надъ Великимъ озеромъ при кн. Владимірѣ Андреевичѣ и степенномъ посадникѣ Максимѣ Иларіоновичѣ. — Попы «невкупніи» выпросили у псковичей пятый соборъ. — Псковичи заложили другой новый городокъ на Володчинѣ горѣ и назвали его Володимерцемъ. — Осенью псковичи выгнали отъ себя князя Владиміра, который сидѣлъ во Псковѣ около полутора года [1269]).

1463. Псковичи отправили къ великому князю пословъ съ челобитьемъ о назначеніи въ Псковъ князя, «который князь Пскову любъ». Князь великій сначала не пускалъ къ себѣ пословъ, но потомъ принялъ челобитье и приказалъ, чтобы псковичи прислали къ нему грамоту съ бояриномъ своимъ о томъ, кого они хотятъ себѣ въ князья. Псковичи просили кн. Ивана Александровича Звенигородскаго. — Юрьевцы, на миру и крестномъ цѣлованіи, посадили въ погребъ псковскаго посла Кодрата и псковскихъ гостей. — Марта 21-го нѣмцы пришли ратью къ Новому городку, обсту-

---

1267) Ibid. IV, 220; V, 32—33 (подъ 1461 г.); VI, 182; VIII, 148. Въ послѣднихъ двухъ кратко говорится только о пріѣздѣ великаго князя въ Новгородъ. Подробности см. на стр. 185—186.

1268) Ibid. См. также стр. 186.

1269) Ibid. IV, 221—222; V, 34. Въ послѣдней объ изгнаніи Владиміра говорится подъ 1463 г.

пили его и громили изъ пушекъ; другая рать воевала и жгла псковскія исады (пристани?). Когда князь Иванъ Ивановичъ, одинъ изъ брянскихъ князей, прислалъ изъ городка гонца съ извѣстіемъ объ этомъ, степенный посадникъ Ѳедоръ Никифоровичъ, бояре и псковичи немедленно отправились къ городку, и нѣмцы бѣжали, бросивъ свои запасы. Посадники пробыли въ городкѣ недѣлю, а нѣмцы, не обращая на это вниманія, 27-го марта пришли и выжгли два большихъ исада, Островцы и Полѣшье, много изрубили тамошнихъ жителей, а иныхъ повели въ полонъ. Псковичи, боясь многочисленности нѣмцевъ, не смѣли ударить на нихъ; при томъ нѣмцы весьма быстро удалились. Посадникъ Ѳедоръ Никифоровичъ извѣстилъ псковичей, что нѣмцы воюютъ псковскіе исады. Тогда посадникъ Зиновій Михайловичъ и псковичи на вѣчѣ дали воеводство посаднику Максиму Иларіоновичу, Алексѣю Васильевичу и Игнатію Логиновичу, соединились съ пригорожанами и пошли къ Новому городку. Нѣмцевъ, однако, тамъ уже не было: они ушли въ свою землю. Посадники и псковичи начали гадать, куда за ними идти, и надумали идти къ Воронью камню. Когда псковичи выѣхали въ озеро, явился къ нимъ изъ-за рубежа одинъ «доброхотъ чудинъ» и сказалъ посадникамъ, что нѣмцы приготовились въ слѣдующую ночь ударить на Колпиное; псковичи отправились туда и увидѣли, что нѣмцы жгутъ псковскую волость: зажгли колпинскую, жгутъ исады и забираютъ полонъ. Посадники *31-го марта* (см. ниже слѣд. пунктъ) ударили на нѣмцевъ на Колпиной рѣкѣ: нѣмцы бѣжали, а псковичи гнались за ними двумя путями на протяженіи 15 верстъ, били ихъ и забирали въ полонъ. Другая псковская рать,—«нерубленіи люди, охвочей человѣкъ»,—въ то же время ходила за Изборскъ, воевала нѣмецкую волость и взяла безчисленный полонъ. Воеводой у этой рати былъ дьякъ Ивашко. — *Марта 26-го* (см. выше, предъидущій пунктъ) пришелъ отъ великаго князя гонецъ съ извѣстіемъ, что въ Псковъ назначенъ княземъ кн. Иванъ Звенигородскій. — Граждане Изборска 8-го апрѣля пришли подъ Новый городокъ нѣмецкій, пожгли посадъ и волости нѣмецкія и воротились съ большимъ полономъ.—Апрѣля 10-го въ Псковъ пріѣхалъ кн. Иванъ Александровичъ Звенигородскій. — По псковскому челобитью великій князь прислалъ 8-го іюля въ Псковъ, въ помощь противъ нѣмцевъ, воеводу князя Ѳедора Юрьевича. Псковичи и пригорожане вмѣстѣ съ воеводой подошли къ Новому городку 18-го іюля и начали стрѣлять по нему изъ пушекъ. Изъ городка выѣхало три нѣмца съ вѣстями въ Юрьевъ; ихъ преслѣдовали: одного нѣмца какой-то москвичъ ударилъ по головѣ саблей, и тутъ взяли его живымъ, а двое убѣжали. Городокъ былъ крѣпокъ такъ, что осаждавшіе ушли отъ него прочь. Въ то же время псковичи на вѣчѣ дали воеводство посаднику Дороѳею Елевѳерье-

вичу, съ тѣмъ чтобы онъ ѣхалъ въ насадахъ съ охочими людьми воевать Нѣмецкую землю; при этомъ «прихожимъ» людямъ, иноземцамъ, приказано было пѣшими идти на нѣмцевъ, а «изможнымъ» изъ нихъ—идти къ псковской рати на коняхъ. Но иноземцы били челомъ о томъ, чтобы псковичи взяли ихъ къ себѣ въ насады, и челобитье ихъ принято было. Эта рать, попустошивши и пожегши нѣмецкія волости, воротилась въ Псковъ съ большимъ полономъ, какъ до нея дошла вѣсть, что псковичи отступили отъ городка. Прошло послѣ того съ недѣлю, и нѣмцы напали на наровлянъ. Жители Гдова прислали въ Псковъ гонца съ извѣстіемъ о нападеніи нѣмцевъ; псковичи приготовились уже къ походу, какъ въ Псковъ пріѣхалъ одинъ нѣмчинъ съ предложеніемъ переговоровъ. Присланные потомъ магистромъ послы били челомъ кн. Ѳедору Юрьевичу, кн. Ивану Александровичу и всему Пскову о мирѣ, «чтобы тая 9 лѣтъ Норовскому миру издержати крѣпко, а головы бы не гибли съ обою сторонъ». И такъ, миръ былъ заключенъ. «Тогда же (говорили) и о пошлинѣ великихъ князей, что въ Юрьевѣ, а то пискупу великому князю давати по старинѣ; а что Русскій конецъ и святыя церкви, а то имъ держать по старинѣ и по старымъ грамотамъ, а не обидѣть». По этому миру нѣмцы освобождали псковскихъ гостей и вообще псковичей, захваченныхъ ими въ Колпиномъ и на Наровѣ. Когда все такъ устроилось, кн. Ѳедоръ Юрьевичъ на вѣчѣ сказалъ псковичамъ: «Мужи псковичи, отчина великаго князя, доброволніи люди! Богъ жаловалъ и св. Живоначалная Троица, князя великаго здоровіемъ съ нѣмци управу взялъ по своей воли, а нынѣ на вашей чести вамъ челомъ бію». Сентября 1-го онъ выѣхалъ въ Москву, при чемъ провожавшіе его посадники, бояре и псковичи дали ему въ даръ 30 рублей, а боярамъ его всѣмъ вмѣстѣ — 50 рублей. Въ это розратье новгородцы не помогли Пскову ни словомъ, ни дѣломъ, хотя псковичи и много били имъ челомъ [1270]).

1464. Въ Псковъ пріѣхалъ отъ юрьевскаго епископа «князець нѣмецкій» и съ нимъ 30 человѣкъ добрыхъ людей; псковскіе посадники на вѣчѣ цѣловали предъ ними крестъ на соблюденіи мира и отпустили нѣмецкихъ полоняниковъ.—Псковичи посылаютъ къ великому князю гонца съ изъявленіемъ благодарности за оказанную имъ помощь и хлопочутъ объ отдѣльномъ для Пскова владыкѣ изъ псковичей [1271]).—Зимой псковскій кн. Иванъ Александровичъ и степенный посадникъ Алексѣй Васильевичъ заложили новый деревянный городъ на р. Сини и назвали его Краснымъ городцомъ [1272]).

1270) Ibid. IV, 222—226; V, 34—35.
1271) См. выше стр. 190.
1272—1273) Ibid. IV, 228—229.

1465. Умерли псковскіе посадники Максимъ и Юрій Тимооеевичъ и сынъ перваго Семенъ. — У псковичей съ новгородцами произошелъ раздоръ «про владычнію землю и воду, что псковичи отняли у Новагорода». А псковичи били новгородцамъ челомъ о помощи противъ нѣмцевъ, и они ни словомъ, ни дѣломъ не пособили; они у себя въ Великомъ Новгородѣ взяли перемирье съ псковскими послами отъ имени нѣмцевъ и должны были по условію «на конь всѣсти» противъ нѣмцевъ въ помощь псковичамъ, но всѣмъ этимъ не только пренебрегли, но еще вошли съ нѣмцами въ одиначество противъ псковичей. Однако псковичи, положась на Бога, послали въ Новгородъ пословъ съ такой рѣчью: «Се вамъ воды и земля владычня и вси оброки по старинѣ; а что есми по два лѣта съ той земли хлѣбъ имали и въ водѣ рыбы ловили, а тѣмъ кормили князя великаго силу, занеже есте на нѣмець намъ не помогали на своемь перемирьи». Затѣмъ между Псковомъ и Новгородомъ состоялся миръ [1273]). — Августа 9-го псковскій князь Иванъ Александровичъ, посадники и псковичи, когда псковскіе послы были въ Новгородѣ, «своихъ хоромовъ блюдучи», заложили стѣну отъ р. Великой до Псковы, а на Запсковьѣ—отъ р. Псковы, отъ Гремячей горы до св. Варлаама, до Великой рѣки [1274]). — Въ Псковѣ, пригородахъ и во всей Псковской волости появился моръ на людей [1275]).

1466. Спустя недѣлю послѣ Симеонова дня (Симеона Лѣтопроводца 1-го сентября), въ Псковъ пріѣхали новгородскіе послы и бояре «на управу»; псковскіе посадники цѣловали предъ ними крестъ на томъ, что они будутъ держать миръ по старинѣ, и владыка будетъ ѣздить въ Псковъ по старинѣ «по свою пошлину».—Октября 6 въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іона.—Весь Псковъ горѣлъ съ 19 октября въ продолженіе пяти дней, когда еще тамъ былъ владыка, который, взявъ «подъѣздъ» свой на священникахъ, уѣхалъ 24-октября. — Осенью князь псковскій Иванъ Александровичъ, «ударивъ челомъ псковичемъ за все добро псковское», уѣхалъ въ Москву, не смотря на просьбы псковичей остаться у нихъ [1276]). — Во всей Псковской волости появился моръ на людей; особенно много умирало въ Рождественскій постъ [1277]).

1467. Зимой псковичи послали къ великому князю посадника Алексѣя (Васильевича Кочанова) и бояръ съ челобитьемъ, чтобы великій князь при-

---

1274) Ibid. IV, 229; V, 35. Въ послѣдней сказано, что псковичи «обложили стѣну древяну» около Полонища и Запсковья, «а блюдясь ратной силы Новгорода».

1275) Ibid. IV, 229.

1276) Ibid. 230—231.

1277) Ibid. IV, 231; V, 35, 274; VIII, 151; въ IV, 127 подъ 1467 годомъ. Моръ продолжался и въ слѣдующемъ году.

слалъ къ нимъ на княженіе или кн. Ивана Стригу или Θедора Юрьевича; великій князь отпустилъ послѣдняго; псковичи позволили ему на всѣхъ двѣнадцати пригородахъ держать намѣстниковъ своихъ, «а судови судити его намѣстникомъ, на которыхъ ни буди, а изъ вѣковъ княжіи намѣстники не бывали, колко ни есть князей бывало во Псковѣ на столу, а намѣстники княжіи были только на семи пригородахъ псковскихъ». — Прекратился моръ[1278]).

1468. Апрѣля 15-го на Красномъ дворѣ заложили каменную церковь св. Пантелеймона. — «Той же веснѣ, при посадницѣхъ степенныхъ, при Тимоѳеи Власьевичѣ и при Стефанѣ Гахоновичѣ (Агаѳоновичѣ), весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на вси концы, коему же концу къ старымъ пригородомъ новыя жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василей, князя Θедора Юрьевича сынъ, съ престола»[1279]). — Не обращаясь ни къ митрополиту, ни къ архіепископу, псковичи воспретили совершать церковныя службы вдовымъ попамъ и дьяконамъ. Владыка Іона хотѣлъ за то положить на псковичей «неблагословеніе», но митрополитъ не дозволилъ[1280]).

1469. *Той же* осенью священноиноки и священники, благословивъ на вѣчѣ кн. Θедора Юрьевича, посадниковъ и весь Псковъ, держали такую рѣчь: «таково видите и сами, сынове, что, по нашимъ грѣхомъ, такову на насъ Господь съ небеси свою милость посылаетъ къ намъ, а ожидая, сынове, какъ отъ васъ, тако и отъ насъ къ себѣ обращенія; а нынѣ, сынове, попромежи себе хотимъ, по правиломъ Св. Отецъ и Св. Апостолъ, во всемъ священствѣ крѣпость поддержати, а о своемъ управленіи, какъ намъ, священникомъ, по Намаканону жити; а вы намъ, сынове, поборники будѣте, занеже здѣсь правителя въ сей земли надъ нами нѣтъ, а намъ о себѣ тоя крѣности удержати не мочно попромежи себе о каковыхъ ни буди церковныхъ вещехъ, а вы ся въ то иное и міромъ вступаете, а черезъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ правила; а въ томъ, сынове, и на васъ хотимъ такову же крѣпость духовную поддержати». Псковъ отвѣчалъ: «То вѣдаете вы, все Божіе священство; а мы вамъ поборники на всякъ благъ совѣтъ». Тогда священники, написавши грамоту по Номоканону, положили ее въ ларь. Для наблюденія за исполненіемъ прописаннаго въ грамотѣ поставили двухъ «правителей»: попа отъ церкви Михаила архангела, Андрея Козу, и другаго попа Харитона съ Завеличья отъ Успенской церкви. Но осенью на попа Андрея возстали клеветники, и онъ бѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. — Января 22-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Іона и спрашивалъ посадниковъ

1278) Ibid. IV, 231.
1279) Ibid. IV, 231—232.
1280) Ibid. V, 35.

и священниковъ «о священской грамотѣ крѣпостной: кто се тако учинилъ, а безъ моего вѣдома? а язъ тое самъ хочю судити здѣсь, а вы бы есте тую вынемъ грамоту подрали». Тѣ поставили на видъ, что владыкѣ самому всего не управить, что самъ же владыка, какъ и его предшественники, давали благословеніе «всякія священническія вещи по Намаканону правити». Тогда владыка, въ виду важности этого дѣла, обѣщалъ доложить о томъ митрополиту Филиппу; затѣмъ, благословивъ псковичей и взявъ «свой подъѣздъ» на священникахъ, 5-го февраля выѣхалъ изъ Пскова. — Марта 8-го нѣмцы пришли ратью на Псковскую землю на Синее озеро, убили 26 псковичей и пожгли хоромы, «а перевѣтники нѣмець и чюдь на псковичь подвели, а перевѣтъ учинилъ надъ ними Иванко Подкурской, да другой Иванко Торгоша». На нихъ не было никакихъ подозрѣній, а Иванко Торгоша пригонялъ ко Пскову (съ вѣстями о порубежныхъ дѣлахъ), и Псковъ жаловалъ его рублями; когда же Псковъ узналъ (о ихъ измѣнѣ), то Иванка Подкурскаго «на беревнѣ замучили, а другого Иванка Торгошу за лытки тогды же въ осень на леду повѣсили. Оба они жили не далеко отъ Синяго озера на псковской землѣ и тамъ перевѣтъ держали за рубежъ къ нѣмцамъ о порубежныхъ дѣлахъ [1281]).—Въ «свадбища» (въ періодъ свадебъ) пріѣхалъ владыка Іона «на подъѣздъ» и разрѣшилъ служеніе вдовымъ попамъ [1282]).

1470. Въ октябрѣ отъ великаго князя пріѣхалъ во Псковъ посолъ, бояринъ Селиванъ, а также человѣкъ отъ митрополита Филиппа съ грамотой, въ которой святитель совѣтуетъ псковичамъ, чтобъ они «тое управленіе священническое (см. предъидущій годъ), какъ священники, тако и весь Псковъ на своего богомолца на архіепископа положили..... занеже тое дѣло искони предано святителю управляти». Псковичи, вслѣдствіе того, 5-го января грамоту разорвали, а 7-го отправили въ Новгородъ посадника Якова Кротова съ боярами «тѣхъ на владыцѣ святительскихъ покладати вещей, тако и о порубленомъ гости и о тѣхъ людехъ, которыхъ въ Новѣгородѣ отъ посла отняли отъ Ивана владычника владычня, тако же и на Москву къ великому князю, къ своему государю, о своихъ дѣлѣхъ». — Услыша, что скоро въ Полоцкѣ будетъ король, псковичи отрядили туда 18-го января посадника Степана Аѳанасьевича съ боярами, которые 24-го того же мѣсяца дѣйствительно нашли короля въ Полоцкѣ и правили передъ нимъ посольство о землѣ и водѣ, о порубежныхъ мѣстахъ «и о обидныхъ дѣлѣхъ»; о послѣднихъ король не учинилъ никакой управы и только назначилъ срокъ на Рождество Богородицы для разбора дѣлъ о землѣ и водѣ; затѣмъ, одаривъ

1281) Ibid. IV, 232—233.
1282) Ibid. V, 35.

пословъ, отпустилъ ихъ. Января 31-го послы давали отчетъ о своемъ посольствѣ на вѣчѣ. — Въ великій постъ изъ Москвы отъ великаго князя пріѣхалъ посадникъ Яковъ съ псковскими боярами, «изъ Новагорода людей порубленыхъ (сидѣвшихъ въ порубѣ, тюрьмѣ) толко головами вынялъ, а сидѣли въ Новѣгородѣ болши полугода въ порубѣ». Когда Яковъ былъ въ Москвѣ, владыка Іона прислалъ въ Псковъ съ требованіемъ, чтобы къ нему въ Новгородъ вдовые священники и діаконы «на управленія ѣхали». Начали къ нему попы и дьяконы пріѣзжать, а онъ у нихъ «нача имати мзду»: съ кого — рубль, съ кого — полтора, и всѣхъ «безъ востягновенія» (воздержанія, испытанія) благословлялъ пѣть, выдавая имъ за ту мзду новыя грамоты не по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ[1283]).

1471. Осенью Псковъ отрядилъ четверыхъ посадниковъ и по боярину отъ каждаго конца на съѣздъ, какъ назначилъ король (польскій), 14-го сентября; съ ними отправился и князь Θедоръ Юрьевичъ съ сыномъ Васильемъ; но будучи на съѣздѣ, управы никакой не учинили[1284]).— Въ Рождественскій постъ въ Псковъ пріѣхалъ изъ Москвы посолъ, бояринъ Селиванъ, поднимать псковичей на Новгородъ. Псковичи извѣстили объ этомъ новгородцевъ и предложили послать отъ себя пословъ къ великому князю, чтобъ уладить дѣло, но новгородцы не приняли этого предложенія; а когда по тѣмъ же дѣламъ новгородскій посолъ былъ во Псковѣ, отъ него людей его поотнимали псковскіе «обидніи люди» на вѣчѣ и на нихъ взяли серебро у новгородцевъ и новгородскаго посла «полчетвертадцать» (35-ть?) рублей, а брали серебро «порубленіи люди», бывшіе въ Новгородѣ въ порубахъ и освобожденные псковскимъ посадникомъ Яковомъ Ивановичемъ (Кротовымъ). — Марта 5-го отъ князя—магистра рижскаго пріѣзжалъ посолъ во Псковъ съ извѣстіемъ, что рижскій магистръ хочетъ урядить столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ) и тутъ жить; посолъ говорилъ также о Жалацкой водѣ и землѣ, что за Краснымъ городкомъ, «чтобы намъ тое до Норовского миру крѣпко издержати на обѣ половинѣ; тако нынѣ — говорилъ посолъ — князю местеру какъ за Краснымъ городкомъ земли не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Велневицкой невъволите ловити». Псковичи отвѣчали, что местеръ воленъ жить, гдѣ ему вздумается, а что касается воды и земли, то это — «вотчина св. Троицы, великихъ князей всеа Русіи страданіе»; что же касается Наровскаго мира, то сроку и они, псковичи, хотятъ держаться. — Когда рижскій посолъ былъ еще въ Псковѣ, псковичи отправили 8-го марта пословъ въ Литовскую землю, которые 27-го марта

1283) Ibid. IV, 233—235.
1284) Ibid. IV, 235.

нашли короля въ Вильнѣ и правили посольство о землѣ, водѣ и съѣздѣ. Король принялъ пословъ съ честію, угощалъ, давалъ имъ подарки, а о дѣлѣ сказалъ, что если его папы опять управы не учинятъ, то онъ самъ лично будетъ на рубежѣ и все досмотритъ своими очами. Когда послы передали такой отвѣтъ на вѣчѣ, псковичамъ это не понравилось, потому что никогда (по подобнымъ дѣламъ) ни великіе князья, ни короли лично не присутствовали на рубежахъ. — Изъ Москвы въ Псковъ пріѣхалъ посолъ, дьякъ Яковъ Шибальцевъ, и требовалъ, чтобы Псковъ послалъ Новгороду розметныя грамоты, что и было исполнено 16-го іюня [1285]).

1472. Ноября 28-го погорѣлъ псковскій пригородъ Островъ. — Осенью пріѣхали въ Псковъ новгородскіе послы и, по докончанію великаго князя съ Новгородомъ, цѣловали крестъ къ Пскову. — Псковскіе посадники, бояре, соцкіе и судьи, вынувъ изъ ларя «лияную грамоту подраша», чему всѣ сильно обрадовались, такъ какъ въ продолженіе восьми лѣтъ отъ этой грамоты христіанамъ много было истомы и убытковъ. — Псковичи чрезъ пословъ просили у великаго князя на Псковское княженіе князя Ивана Стригу — Оболенскаго, но назначенъ былъ братъ его Ярославъ, а на съѣздъ съ нѣмцами, о чемъ послы также докладывали великому князю, назначенъ бояринъ Андрей Тимоѳеевичъ, который прибылъ въ Псковъ вслѣдъ за послами 3-го сентября [1286]).

1473. Сентября 8-го рижскій магистръ прислалъ во Псковъ посла съ извѣстіемъ, что ему некогда прибыть на съѣздъ, «а Пскову въ томъ учинилося много поднему, на той съѣздъ, посломъ великого князя». — Въ Псковъ пріѣзжаетъ Софья Ѳоминична, будущая супруга великаго князя [1287]). — Осенью пріѣхали въ Псковъ отъ рижскаго магистра послы, «и Псковъ ихъ съ обидными людми пріялъ въ серебрѣ, что князь местеръ съѣзды складаетъ, а на съѣздъ ни самъ ни ѣдетъ, ни людей своихъ посылаетъ, а исправѣ не даетъ». — Декабря 9-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Ѳеофилъ на свой подъѣздъ. — Февраля 19-го въ Псковъ пріѣхалъ на княженіе кн. Ярославъ Васильевичъ (Оболенскій), и 21-го февраля цѣловалъ крестъ на всѣхъ старинахъ псковскихъ. — Послѣ Пасхи отъ магистра пріѣхали послы и освободили (прежнихъ) пословъ своихъ, заплативъ за нихъ 75 рублей «обиднымъ людемъ», а о землѣ, водѣ и о прочемъ назначили время съѣзда чрезъ двѣ недѣли послѣ Петровокъ. — Псковскіе послы отправились на съѣздъ въ Новое село на Наровѣ, а магистръ прислалъ своихъ пословъ въ Ругодивъ: въ продолженіе недѣли и тѣ и другіе

1285) Ibid. IV, 127, 235—242; V, 35—36; VIII, 161.
1286) Ibid. IV, 242—244. Подробности см. на стр. 212.
1287) См. стр. 210.

послы съѣзжались, но управы никакой не учинили. Тогда псковичи отправили пословъ къ великому князю съ челобитьемъ, чтобъ онъ боронилъ свою отчину отъ нѣмцевъ. — Магистръ прислалъ пословъ въ Новгородъ для заключенія мира; и псковичи отправили туда своихъ пословъ, которые, впрочемъ, мира не добились, почему опять отправлены были послы къ великому князю съ челобитьемъ, чтобы онъ или самъ «всѣлъ на конь» за домъ св. Троицы, или прислалъ бы въ Псковъ сына своего. Августа 29-го въ Псковъ пригналъ гонецъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что какъ только нѣмцы поднимутся, великій князь будетъ стоять за св. Троицу [1288]).

1474. Псковичи опять чрезъ посла просили великаго князя боронить ихъ отъ нѣцевъ; великій князь, въ свою очередь, спрашивалъ псковичей, въ какое время войскамъ его приходить къ нимъ. Въ Ноябрѣ въ Псковъ прибылъ воевода великаго князя, кн. Даніилъ Холмскій. [1289]). Вскорѣ псковичи заключили миръ: съ рижанами — на 30 лѣтъ, а съ юрьевцами — на 20, «а пива нѣмцомъ въ Псковъ не возити, и оттолѣ преста кръчма нѣмецкая» [1290]).

1475. Ноября 13-го изъ Москвы возвратился въ Псковъ кн. Ярославъ Васильевичъ [1291]).

1476. Въ сентябрѣ новгородскіе боярскіе ключники собрались и разбоемъ напали ночью на псковскую волость Гостятино; псковичи нѣкоторыхъ изъ нихъ побили, а около 65 человѣкъ повѣсили. — Великій князь 21-го ноября пріѣхалъ въ Новгородъ, и псковичи отправили къ нему пословъ [1292]).

1477. Псковичи, въ ссорѣ съ своимъ княземъ, просятъ у великаго князя другаго намѣстника [1293]).

1478. Псковичи принимаютъ участіе въ походѣ великаго князя на Новгородъ [1294]).

1479. Сентября 27-го псковичи ходили въ Нѣмецкую землю и забрали много полону; въ тоже время въ Юрьевѣ псковскихъ гостей посадили въ погребъ. Псковичи, услышавъ объ этомъ, отправили въ Юрьевъ посла, а находившихся у нихъ нѣмцевъ также посадили въ погребъ [1295]).

1288) П. С. Р. Л. IV, 244—247; въ VIII, 175 только о пріѣздѣ въ Псковъ Софьи Ѳоминичны.
1289) Подробности см. на 213 стр.
1290) П. С. Р. Л. IV, 247—250; V, 36, VI, 198.
1291) См. подробности на 213—214 стр.
1292) См. стр. 217.
1293) Ibid. стр. 217—218.
1294) Ibid. 221.
1295) П. С. Р. Л. IV, 262.

1480. Услышавъ, что всякій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, туда отправились изъ Пскова князь-намѣстникъ Василій Шуйскій, посадники и бояре. — Великій князь прислалъ въ Псковъ на помощь противъ нѣмцевъ кн. Оболенскаго-Ногтя, который, впрочемъ, вскорѣ уѣхалъ изъ Пскова, на земли котораго нѣмцы стали нападать смѣлѣе [1296]). Въ Псковѣ тогда былъ князь «невойскъ и грубый, токмо прилежаше многому питію и грабленію». Князь и псковичи 1-го марта соединились съ пригородами, пошли на нѣмцевъ и сошлись съ ними на озерѣ въ Пецкой губѣ; но послѣ одной сшибки враги разошлись. Нѣмцы схитрили: они показали только видъ, что ушли, а сами вдругъ явились опять и начали жечь псады, сожгли Островцы и подошли къ городку Кобылѣ (по нѣкоторымъ варіантамъ — Кобылій городокъ) и стрѣляли по нему изъ пушекъ, многихъ побили каменьями и сулицами и порубили мечами, сожгли городъ и церковь арханг. Михаила и Гавріила, а бѣжавшихъ отъ огня забирали съ собой. Это было 5-го августа, а 18-го подошелъ къ Изборску магистръ. Ничего, однако, не сдѣлавши городу, 20-го августа онъ подошелъ къ Пскову и станомъ расположился на Завелицкомъ полѣ, между тѣмъ какъ псковичи сами зажгли Завеличье; на слѣдующій день въ 13-ти шнекахъ прибыли юрьевцы и начали громить изъ пушекъ Запсковье и Полонище; но псковичи отняли у нихъ шнеки, сами же нѣмцы частію были побиты, частію бѣжали, а нѣкоторые утонули въ р. Великой.—Въ то время братья великаго князя, Андрей углицкій и Борисъ волоцкій, въ ссорѣ съ старшимъ братомъ, ушли въ Великіе Луки, откуда псковичи приглашали ихъ къ себѣ на помощь противъ нѣмцевъ [1297]).

1481 [1298]). Зимой псковичи просили у великаго князя воеводу для войны съ нѣмцами, и великій князь приказалъ новгородскимъ намѣстникамъ, кн. Василью Ѳедоровичу и Ивану Зиновьеву, посадникамъ, тысяцкимъ и всѣмъ новгородцамъ идти на помощь Пскову [1299]).

1482. Нѣмцы заключили миръ съ псковичами [1300]).

1483. Мая 6-го псковичи «посѣкоша дворы» у посадниковъ: Якова (Кротова), Степана Максимовича, Зиновья, Никиты, Ивана, Кира и у многихъ другихъ [1301]). — Послы великаго князя ѣздили къ магистру въ Кесь (Венденъ) [1302]).

1296) См. стр. 233 и 237.
1297) См. біографіи этихъ князей во II-мъ томѣ.
1298) Въ началѣ года въ Псковской лѣтописи говорится о пребываніи въ Псковѣ братьевъ великаго князя, о чемъ см. также во II-мъ томѣ. См. также выше, стр. 237—238.
1299) См. стр. 238.
1300) Ibid.
1301) П. С. Р. Л. IV, 266.
1302) См. стр. 238—239.

1484. Въ Псковѣ происходятъ раздоры между гражданами [1303]). — Зимой псковичи отправили посадника Василья Епимаховича, Андрея Рублева и другихъ въ Литву къ королю Андрею (Казимиру) «многыхъ исправъ просити»; послы нашли короля за Вильной въ Городнѣ. Наскоро учинивъ исправу «съ кротостію», король, послѣ чествованія пословъ и раздачи имъ даровъ, отпустилъ ихъ [1304]).

1485. Псковичи отправили къ великому князю пословъ [1305]).

1486. Отправилось изъ Пскова въ Москву другое посольство [1306]). — Осенью владыка Геннадій прислалъ во Псковъ бояршна своего Безсона и съ нимъ игумена Евѳимія, который прежде былъ во Псковѣ Есипомъ (Осипомъ) ларникомъ (смотрѣлъ за ларемъ, въ который клали грамоты), и въ этой должности учинилъ народу много зла: изъ-за него у посадниковъ, у ябедниковъ и у правыхъ людей много дворовъ изрубили; потомъ его самого вывели «на посѣченіе», но онъ бѣжалъ и постригся въ монахи. Этого-то Евѳимія архіепископъ Геннадій хотѣлъ посвятить въ архимандриты и сдѣлать его своимъ правителемъ въ Псковѣ, почему онъ и прислалъ его съ бояриномъ и приказалъ ему сдѣлать опись всѣмъ церквамъ и монастырямъ Псковской земли. Но псковичи «не вдашася въ волю его». — Въ Псковѣ продолжались безпокойства изъ-за смердовъ въ продолженіе двухъ лѣтъ [1307]).

1487. Въ Псковѣ сильный моръ [1308]).

1488. Кн. псковскій Ярославъ, жена его и сынъ скончались, — первый и послѣдній — 4-го октября [1309]).

1489. Изъ Пскова выѣхалъ въ Москву со всѣмъ дворомъ своимъ сынъ Ярослава Константинъ. — Великій князь 13-го февраля назначилъ княземъ Пскову, а своимъ намѣстникомъ Семена Романовича [1310]).

1490.—1491. Января 2-го былъ сильный громъ. — Февраля 17-го отъ великаго князя пріѣхалъ въ Псковъ кн. Василій Ѳедоровичъ Шуйскій, а кн. Семенъ Романовичъ выѣхалъ на той же недѣлѣ [1311]).

1492.—1493. Іюня 7-го сгорѣлъ Снѣтогорскій монастырь [1312]).

1494. Февраля 26-го въ Псковъ пріѣхалъ владыка Геннадій при

1303) См. стр. 239.
1304) П. С. Р. Л. V, 42.
1305) См. стр. 240.
1306) Ibid.
1307) Ibid.
1308) П. С. Р. Л. IV, 267.
1309) Ibid. По другимъ варіантамъ—въ 1487 г.
1310) П. С. Р. Л. IV, 268.
1311) Ibid. 268.
1312) Ibid. 268.

псковскомъ князѣ Василіи Ѳедоровичѣ. — Вдовыхъ поповъ устранили отъ служенія [1313]).

1495. Великій князь требуетъ отъ Пскова помощи противъ шведовъ [1314]). Псковичи «срубили съ десяти сохъ человѣкъ конный»; хотѣли «рубити» со священниковъ и дьяконовъ, и степенный посадникъ Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый и Василій Опимаховичъ «учали силно дѣяти надъ священники, и лазили многажды на сѣни и въ вѣчьи, и опять въ вѣчье влѣзли и хотѣли поповъ кнутомъ обезчествовати, Ивана священника Рожественскаго и Андрѣя, и въ одныхъ рубахахъ стояли на вѣчѣ, и иныхъ всѣхъ поповъ и діаконовъ изсоромотиша»; (по одному изъ варіантовъ, «нашли въ правилѣхъ святыхъ Отецъ о попѣхъ написано, и не взяша съ нихъ ничего въ помочь») [1315]).

1496. Псковскій князь Василій Ѳедоровичъ, посадники и псковичи 6-го сентября поѣхали подъ Выборгъ на шведовъ и были тамъ 15-ть недѣль.— Пріѣхавъ съ войны, со службы великаго князя, въ Новгородъ, кн. Василій Ѳедоровичъ скончался. — Марта 24-го великій князь прислалъ въ Псковъ намѣстника своего, князя Александра Владиміровича ростовскаго. — На Крому у Кутняго костра былъ пожаръ: поджогъ сдѣлалъ подосланный нѣмцами чухонецъ, которому послѣдніе обѣщали большое вознагражденіе; этого чухонца поймали и 12-го апрѣля сожгли. Въ томъ же году нѣмцы взяли «Ивангородъ супротивъ Ругодива» 26-го августа. Князь псковскій и, вообще, всѣ псковичи выѣзжали противъ враговъ, а въ началѣ декабря всѣ возвратились домой [1316]).

1498. Великій князь прислалъ въ Псковъ гонца съ грамотой, въ которой приглашаетъ свою отчину—Псковъ выступить со всею ратною приправой къ Иваньгороду (февраля 2-го). Князь псковскій не ослушался, и желаніе великаго князя было исполнено [1317]).

1499. Великій князь чрезъ посла извѣщаетъ псковичей, что онъ пожаловалъ сына своего Василія, назвалъ его государемъ Новгорода и Пскова [1318]).

1500. Псковскіе посадники поѣхали бить челомъ великому князю, чтобы онъ освободилъ псковскихъ посадниковъ, Григорія Хрусталева и Ѳедора Сокиркина (которые въ **1499 г.** ѣздили въ Москву по поводу объ-

1313) См. стр. 267.
1314) П. С. Р. Л. IV, 269.
1315) Ibid. IV, 270.
1316) Ibid. IV, 270.
1317) См. стр. 271.
1318) П. С. Р. Л. IV, 272.

явленія великимъ княземъ сына своего Василія государемъ Новгорода и Пскова, чего псковичи не желали и о чемъ чрезъ помянутыхъ пословъ заявляли великому князю). Великій князь вины псковичамъ отдалъ.—Октября 6-го погорѣло Запсковье.—Поставлено два костра: одинъ надъ р. Великой, другой—на устьѣ Псковы.—Зимой владыка Геннадій прислалъ въ Псковъ дьяконовъ да попа осматривать церкви, что псковичами, по обсужденіи этого дѣла, было позволено. — Зимой великій князь прислалъ во Псковъ посла Никиту Ангелова съ требованіемъ, чтобы отчина его, великаго князя, послужила ему противъ зятя его, князя литовскаго Александра. Псковичи, «порубившеся съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублевъ—конь и человѣкъ въ доспѣхѣ, а бобыли—пѣшіе люди», поѣхали на Литву [1319]).

1501. Нѣмцы взяли городокъ Островъ и выдержали бой съ псковичами и москвичами на Серицѣ въ десяти верстахъ за Изборскомъ, при чемъ нѣмцами убито девять псковскихъ посадниковъ. Псковичи въ этомъ бою первыми вышли на схватку, но «напустиша бурапыльники нѣмецкіе вѣтръ на псковскую силу и пыль изъ пушокъ и изъ пищалей и дымъ», и псковичи бѣжали; тогда нѣмцы бросились и на москвичей,—но и эти бѣжали, побросавъ свои пожитки, которыми коварно воспользовались граждане Изборска. На слѣдующій день нѣмцы подступили къ Изборску, откуда направились къ Пскову, и псковичи, «исполна» снарядивъ конную рать, крѣпко бились съ нѣмцами. Для этого боя «молодые люди два третьяго покрутили щитомъ и сулицами» [1320]).

1502. Нѣмцы взяли городокъ Островъ, къ которому подошли 7-го сентября. Стоявшіе въ трехъ верстахъ отъ городка псковскіе воеводы (почему-то) не дали помощи городку. За тѣмъ нѣмцы пошли къ Изборску и, благодаря своей хитрости, побили изборскихъ гражданъ. — Нѣмцы, соединясь съ литовцами, сговорились идти къ Пскову. — Октября 18-го великій князь прислалъ въ Псковъ воеводу своего, князя Александра Оболенскаго съ москвичами и татарскаго царевича съ татарами съ тѣмъ, чтобы эти рати шли съ псковичами воевать Нѣмецкую землю. Войска выступили въ походъ 24-го октября. Въ первой стычкѣ убили кн. Александра Оболенскаго,—тѣмъ не менѣе русскіе гнали и били нѣмцевъ на протяженіи десяти верстъ, и «не оставиша ихъ ни вѣстоноши, а не саблями свѣтлыми сѣкоша ихъ, но биша ихъ москвичи и татарове, аки свиней, шестоперы». — Марта 17-го нѣмцы пришли къ Красному городку и къ Коромбору (по одному варіанту—Коровій боръ), взяли эту волость, многихъ побили, а иныхъ по-

---

1319) Ibid. IV, 273—274; VIII, 240.
1320) Ibid. 275—276; VIII, 241.

вели съ собой. Псковскія рати пришли сюда тогда, когда нѣмцевъ уже не было.

1503. Сентября 2-го магистръ подошелъ къ Изборску, а потомъ, 6-го сентября, къ Пскову, отъ котораго вскорѣ отступилъ. Посланные великимъ княземъ воеводы, Даніилъ Васильевичъ Щеня и кн. Василій Васильевичъ Шуйскій, пришли тогда, когда нѣмцы уже ушли. Однако нѣмцевъ преслѣдовали и бились съ ними, при чемъ псковскій князь Иванъ Шуйскій—Горбатый старался сосредоточить въ извѣстномъ пунктѣ псковичей, пробиравшихся «по закустовью», а тѣ «начаша ему.... прозвище давати опремомъ и кормихномъ».—Мая 6-го въ Псковъ пріѣхалъ князь Димитрій Владиміровичъ ростовскій [1321]).

1504—1506. Въ Псковѣ появился моръ на людей [1322]).

1507. Великій князь позвалъ къ себѣ кн. Димитрія Владиміровича, а въ Псковъ пріѣхалъ князь Петръ Васильевичъ Виликой, котораго псковичи встрѣтили съ крестнымъ ходомъ и посадили на княженіе [1323]).

1508. Псковичи заложили каменную стѣну около Гремячей горы [1324]).

1509. Великій князь позвалъ къ себѣ кн. Петра Виликого, а во Псковъ прислалъ кн. Петра Михайловича Найдена, — «а потому его назвали *Найденомъ,* а онъ не пошлиною пріѣхалъ, *нашли* его (курсивъ—нашъ) псковичи на загородскомъ дворѣ». Священники на встрѣчу ему съ крестами не ходили, а только пѣли молебенъ на Торгу; потомъ пошли въ Троицкій соборъ и посадили его на княженіе—«и бысть той князь лютъ до людей [1325]).

1510. Января 24-го въ Псковъ пріѣхалъ великій князь Василій Ивановичъ «и обычай псковской перемѣнилъ и старину порушилъ» [1326]).

1321) Ibid. IV, 276.
1322) Ibid. IV, 281.
1323) Ibid. IV, 281.
1324) Ibid. IV, 282.
1325) Ibid. IV, 282.
1326) Ibid. IV, 282 и слѣд. 137; VI, 245 и слѣд.; VIII, 251. Подробности этого событія извѣстны болѣе или менѣе всякому.

Дополненія и поправки замѣченныхъ ошибокъ.

Къ стрн. 21, стрк. 7. Вмѣсто *Храбрый* читай *Удалой.*

Къ стрн. 92. У великаго князя Ивана II Ивановича была еще дочь Марья, бывшая въ замужествѣ за кн. Димитріемъ Михайловичемъ Боброкомъ—Волынскимъ, однимъ изъ героевъ Куликовской битвы.

Къ стрн. 133, стрк. 1—2. Вмѣсто *Ольгердовича* читай *Гедиминовича.*

Къ стрн. 151, стрк. 21. Вмѣсто *плѣнныхъ литовцевъ* надобно читать: «плѣненныхъ литовцами псковичей, которыхъ Витовтъ, уходя отъ Опочки, отдалъ на поруки псковскимъ посадникамъ».

Къ стрн. 291, стрк. 13—14. Слово *Ивановна* слѣдуетъ выбросить.

Къ стрн. 309, стрк. 6. Вмѣсто *послѣ Ярослава* надобно читать *послѣ Изяслава.*

Къ стрн. 327, стрк. 3—4. Романовичу читай *(Романовичу?).*

Къ стрн. 331, стрк. 33. Вмѣсто *Кириллъ* читай *Спиридонъ.*

Къ стрн. 333, стрк. 2—3. Слова *съ новгородцами* слѣдуетъ выбросить.

Къ стрн. 329. Въ примѣч. 653 вставить цитату: III, 20.

Къ стрн. 330, стрк. 2. Вмѣсто *Ярославичъ* читай *Ростиславичъ.*

Къ стрн. 336, стрк. 2. Выбросить слова: «впослѣдствіи новгородскій чудотворецъ».

Къ стрн. 384, стрк. 4. Вмѣсто *Василій Васильевичъ* читай *Александръ Васильевичъ.*

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ И ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

Колѣна отъ Рюрика: II. Игорь. III. Свято

X. . . . .

XI. . . . . Ульяна. — Марія, род. 1240 † въ млад. — Өедоръ, р. 1219 † 1233.

XII. . . . . Евдокія, ж. Константина Ростисл. смоленскаго. — Василій 1245 † 1271. — **Димитрій** *(переяс* 1250 † 1294. Ж. N

XIII. . . . . Марія † 1300 г. Ж. Довмонта, кн. псковскаго. — N. N. Димитріевны. — **Иванъ** *переяславскій,* 1286 † 1302. Ж. N., д. Димитрія Борис. ростовскаго. — Александръ, 1303 † 1308.

XIV. . . . . Өеотинія. — Марія † 1365. Ж. Константина Васильевича ростовскаго. — Евдокія † 1342. Ж. Василія Давидовича ярославскаго. — Өедосья.

XV. Василій — Константинъ — Василиса,

...имiро-московскихъ.

VII. Владимiръ Мономахъ.

VIII. Юрiй Долгорукiй.

IX. Всеволодъ III Б. Гнѣздо.

Данiилъ
1238 † 1256.

Ярославъ
р. до 1238 † 1272. (Отъ него пошли кн. тверскiе. См. во II-мъ томѣ).

Василiй *костромскiй,*
р. 1241 † 1276. Ж. N.

Константинъ *галицкiй* и *дмитровскiй,*
1238 † 1255. — Жена N.

Давидъ *галицкiй* и *дмитровскiй,*
1255 † 1280. Ж. N, д. Ѳедора Ростиславича *Чернаго.*

Василiй
1255 — 1310.

Иванъ.

Ѳедоръ
1280 † 1335.

Борисъ *дмитровскiй,*
1280 † 1334.

Ѳедоръ
р. 1310.

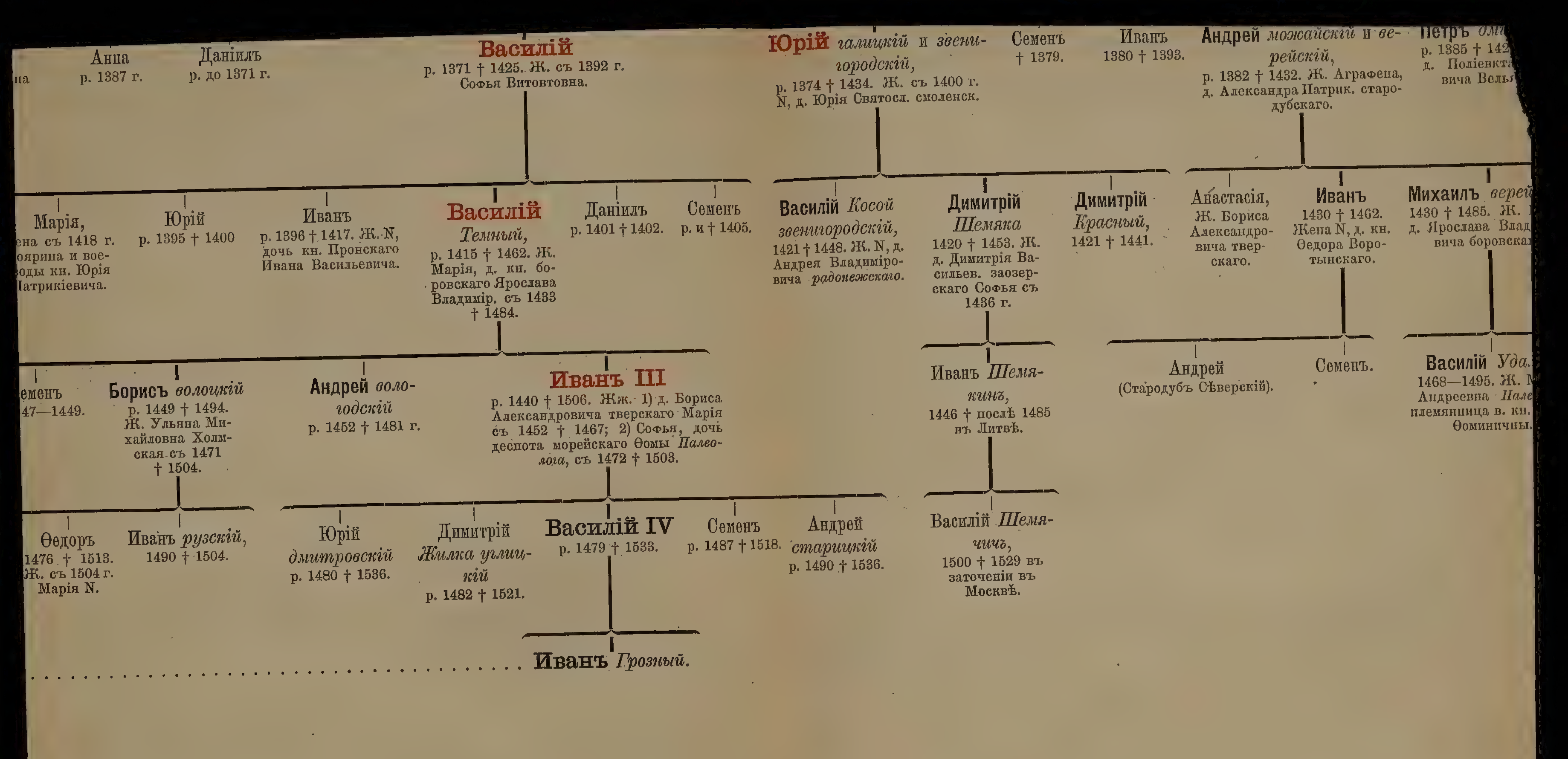
Андрей *боровско-серпуховскiй,*
р. 1327 † 1353. Ж. съ 1345 г. Марья N.

Иванъ
1335.

Иванъ
1352 † 1358.

Владимiръ *Храбрый,*
р. 1353 † 1410. Ж. съ 1371 г. Елена Ольгердовна † 1438.

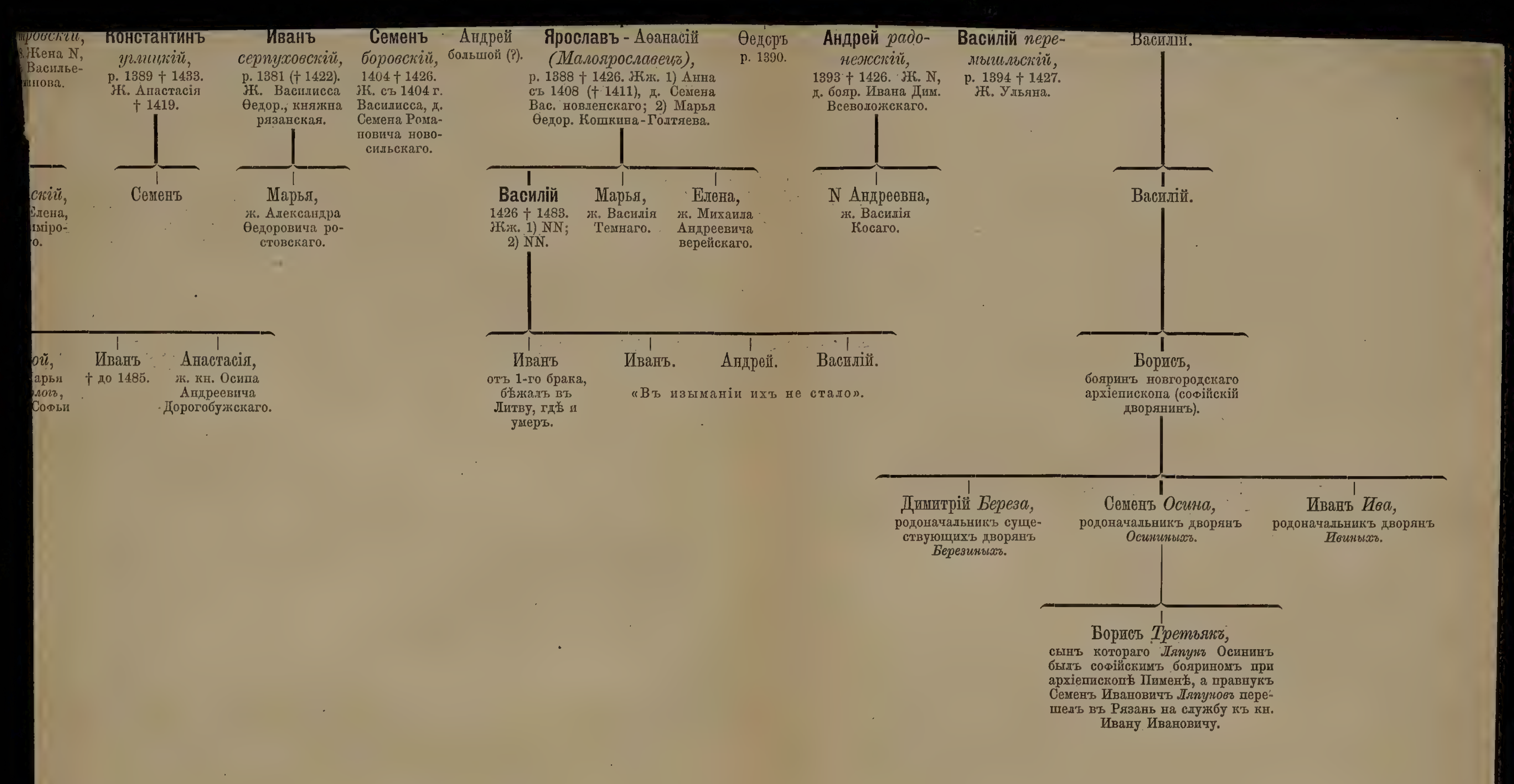
Димитрiй,
изгнанный изъ Галича Димитрiемъ Донскимъ...

Алфавитный перечень удѣловъ, на которыхъ сидѣли дѣти великихъ князей, съ указаніемъ на колѣно, къ которому относит

1. Боровскій . . . . XIV кол.
2. Верейскій . . . . XVI (XVII).
3. Вологодскій . . . . XVIII.
4. Волоцкій . . . . XVIII.
5. Галицкій . . . . XI.
6. Дмитровскій . . . . XI (XV, XVI, XVIII).
7. Звенигородскій . . . . XV кол.
8. Костромскій . . . . XI.
9. Можайскій . . . . XVI.
10. Московскій . . . . (XI) XII.
11. Переяславскій . . . . (X—XII) XIII.
12. Рузскій (волоцко-рузскій) . . XIX.

13.
14.
15.
16.

...н первый князь того или другаго удѣла.

...Серпуховскій. . . . . XIV кол.
...Суздальско-нижегородскій. . XI.
...Тверскій. . . . . XI.
...Углицкій. . . . . XVI (XVIII).

NB. Красной краской напечатаны имена великихъ князей; черной краской жирнымъ шрифтомъ — имена князей удѣльныхъ; обыкновеннымъ шрифтомъ — имена князей, почему-либо не имѣвшихъ удѣловъ.

XVI. ....

Софья, ж. съ 1387 г. кн. рязанскаго Өедора Олеговича.

Марія, ж. съ 1394 г. литов. кн. Семена (Лугвенія) Ольгердовича.

Анастасія, ж. съ 1397 г. кн. Ива
Всевол. Холмскаго

XVII. ....

Анна, жена греч. царевича Ивана Палеолога съ 1411 † 1417.

Анастасія, жена съ 1417 г. кн. кіевскаго Олелька Владиміровича.

Василисса, ж. князей сужд.-нижегородскихъ: 1) съ 1417 г. Александра Иван. *Брюхатаго;* 2) съ 1418 Александра Даниловича *Взметня.*

ж

XVIII. ....

Анна, ж. в. кн. рязанскаго Василія Ивановича съ 1464 † 1501.

Юрій старшій р. 1437 † 1441.

Юрій *дмитровскій,* р. 1441 † 1472.

Андрей *углицкій* р. 1446 † 1494. Ж. Елена, д. Романа Андр. мезецкаго съ 1470 † 1483.

р. 1

XIX. ....

N Андреевна за кн. Андреемъ Димитріевичемъ *Курбскимъ.*

N Андреевна за кн. Иваномъ Семеновичемъ *Кубенскимъ.*

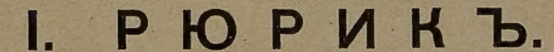
Иванъ въ оковахъ † 1522.

Димитрій † въ оковахъ.

XX. ....

NB. Князья размѣщены такъ, что идутъ отъ лѣвой руки къ правой по старшинству; исключеніе составляетъ только в. кн. Иванъ III, который долженъ былъ бы слѣдовать за старшимъ братомъ своимъ, Юріемъ *старшимъ.*

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ ВЛАД

авъ. IV. Владиміръ св. V. Ярославъ I. VI. Всеволодъ I.

ЯРОСЛАВЪ II ВСЕВОЛОДОВИЧЪ *(переяславскій)*
р. 1191 † 1246. Жж. 1) N., д. Юрія Кончаковича, кн. половецкаго; 2) Ѳедосья, д. Мстислава Удалого, съ 1214 † 1244.

Александръ *Невскій (переяславскій)*,
р. 1220 † 1263. Ж. Александра, д. Брячислава полоцкаго (см. прим. 108).

Андрей
1238 † 1264. (Отъ него пошли кнн. суздальско-нижегородскіе. См. во II-мъ томѣ).

Михаилъ *Храбрый (московскій)*,
1238 † 1248.

авскій),

Андрей
1263 † 1304. Ж. съ 1294 г. Василиса, д. Димитрія Борис. ростовскаго (см. прим. 149).

Даніилъ *московскій*,
р. 1261 † 1303. [Жена — Марія].

Иванъ
р. 1290.

Юрій.

Борисъ.

Михаилъ.

Юрій
1281 † 1325. Жж. 1) N съ 1297 г. 2) Агаѳія (Кончака), д. хана Тохты съ 1317.

Александръ,
1303 † 1308.

Борисъ,
1303 † 1320.

Аѳанасій,
1303 † 1320. [Ж. Анна? см. біографію Аѳанасія].

Иванъ I *Калита*,
1304 † 1341. Жж. 1) Елена † 1331; 2) Ульяна.

N (дочь)
отъ 2-го брака.

Семенъ *Гордый*
р. 1316 † 1353. Жж. 1) Анастасія (Айгуста) Гедиминовна съ 1333 † 1345; 2) Евпраксія, д. Ѳедора Святосл. смоленск. съ 1345; 3) Марія, д. Александра Михаиловича тверскаго съ 1347 † 1399.

Даніилъ
р. 1320.

Иванъ II
р. 1326 † 1359. Жж. 1) Ѳедосья, д. Димитрія Романовича брянскаго, съ 1341 † 1342 г.; 2) Александра съ 1345 † 1364.

Даніилъ
р. 1347

Михаилъ
р. 1348

Иванъ
р. 1351 † 1353.

Семенъ
р. 1352 † 1353.

Димитрій *Донской*,
р. 1350 † 1389. Ж. съ 1367 г.

Иванъ *звенигородскій*,
р. 1354 † 1364 (см. во II т.

Анна,
ж. кн. Димитрія

N (Любовь),
ж. Димитрія